

63.3(2)
С 22 - 115

ИСТОРИЯ РОССИИ

Под редакцией
члена-корреспондента РАН
А. Н. Сахарова

УЧЕБНИК

ТОМ 1

ИСТОРИЯ РОССИИ

ИШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

ИСТОРИЯ РОССИИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАШИХ ДНЕЙ

УЧЕБНИК

ТОМ 1

———— Под редакцией ————
доктора исторических наук, профессора,
члена-корреспондента РАН
А. Н. Сахарова

• ПРОСПЕКТ •
Москва
2010

УДК 94(47)(075.8)
ББК 63.3(2)я73
И90

Авторы:

А. Н. Сахаров — д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН;
А. Н. Боханов — д-р ист. наук, проф.;
В. А. Шестаков — д-р ист. наук, проф.

История России с древнейших времен до наших дней:
И90 учеб.: в 2 т. Т. 1 / А. Н. Сахаров, А. Н. Боханов, В. А. Шестаков;
под ред. А. Н. Сахарова. — М.: Проспект, 2010. — 544 с.

ISBN 978-5-392-01024-0

Том первый учебника написан с учетом современного научного подхода к изучению истории России и последних исследований исторической науки. Раскрыты вопросы социально-экономического и государственно-политического развития страны, освещены основные проблемы отечественной истории, разработана авторская концепция их изучения и разрешения. Материал изложен ярким, выразительным литературным языком, с учетом хронологии и научной интерпретации, что во многом объясняет его доступность для широкого круга читателей. Учебник соответствует государственным образовательным стандартам высшего профессионального образования Российской Федерации.

Для абитуриентов, студентов, преподавателей, а также всех интересующихся отечественной историей.

УДК 94(47)(075.8)
ББК 63.3(2)я73

Учебное издание

**Сахаров Андрей Николаевич,
Боханов Александр Николаевич,
Шестаков Владимир Алексеевич**

**ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАШИХ ДНЕЙ**

В 2 томах

Том 1

Учебник

Оригинал-макет подготовлен компанией ООО «Оригинал-макет»

www.o-maket.ru; тел.: (495) 726-18-84

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.60.953.Д.002845.03.08 от 31.03.2008 г.

Подписано в печать 10.09.09. Формат 60×90 1/16.

Печать офсетная. Печ. л. 34,0. Тираж 2500 экз. Заказ № 4553.

ООО «Проспект»

111020, г. Москва, ул. Боровая, д. 7, стр. 4.

Отпечатано в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР».

170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

9 785392 010240

© А. Н. Сахаров, А. Н. Боханов,
В. А. Шестаков, 2010
© ООО «Проспект», 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ — ОРГАНИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Новое двухтомное издание истории России написано авторским коллективом в начале XXI в., что само по себе весьма знаменательно. Это означает, что в основу этого труда непременно должны быть положены не только достижения российской исторической науки в последнее десятилетие XX в., которые в ходе коренных общественных перемен в стране, освобождения науки от диктата идеологии привели не только к небывалой открытости, свободе научного познания, но и к овладению всем опытом мировой исторической науки применительно к изучению истории человечества в целом и истории России в частности, в неразрывной органической связи со всем мировым историческим процессом, к освоению последних достижений этого опыта.

Поэтому совершенно естественными для этого двухтомника являются те исторические методологические подходы, которые сегодня стали достоянием всего содружества историков мира, и прежде всего — цивилизационный подход, в основе которого лежит общее развитие всего человеческого рода, всех стран и народов, которые проходили схожие этапы своего развития. Однако в силу различия природных условий, воздействия на тот или иной регион, на тот или иной народ исторических факторов происходило это не синхронно, а в различные хронологические периоды, порой отстоящие друг от друга на сотни и даже тысячи лет. В рамках этой общей, глобальной, но асинхронной истории человечества находилась и находится Россия, которая вместе с остальным человечеством проходила и проходит его основные эволюционные ступени, естественно, с учетом местных региональных особенностей.

Важнейшим методологическим вопросом этой глобальной истории, в том числе и истории нашей родины, является вопрос о том, каковы характеристики тех сущностных эволюционных перемен, которые лежат в основе движения всей человеческой истории, а проще говоря, что лежит в основе прогресса человеческого общества и что означает само понятие этого прогресса, в том числе применительно и к истории России. Ответ на этот вопрос в свете последних достижений мировой, в том числе и российской, историографии весьма прост: прогресс истории заключается в совершенствовании качества жизни людей, совершенствовании их образа жизни, в прогрессе самой человеческой личности в рамках как индивидуальных, так и коллективных усилий, поскольку человек с самого раннего времени развития человеческого рода и по сей день существо коллективное и в то же время абсолютно индивидуальное и неповторимое. Это прогресс, базирующийся на тех общественных явлениях, которые испокон веков являлись мощными рычагами движения людей к благоденствию, удобству, комфорту, к твердому и надежному жизнеобеспечению, материальному

достатку, культурному и духовному развитию, совершенствованию личности и в целом к повышению качества жизни во всех ее материальных и духовных проявлениях. Это труд, творчество, частная собственность, права и свободы человека, сформировавшие через века и тысячелетия то состояние общества, которое мы называем сегодня гражданским. Но эта незамысловатая истина, эта ясная, как слеза младенца, тенденция окутаны сложными и противоречивыми явлениями, которые порой плотно закрывают и саму истину, и саму эту тенденцию. Во-первых, в мире не существует сколько-нибудь приемлемых измерений этого качества жизни, этого благоденствия, комфорта и, если угодно, счастья человека в те или иные периоды человеческой истории. Во-вторых, человеческий мир устроен так, что путь к этому совершенствованию качества жизни даже в соизмеримые периоды истории, в отдельно взятых регионах, у отдельных народов сложен и противоречив и, опираясь на частную собственность и частную инициативу людей, ведет порой в силу закономерной и данной человеку изначально борьбы между отдельными людьми и целыми коллективами — семьями, племенами, народами, государствами — к овладению земными рукотворными и нерукотворными богатствами, геополитическими преимуществами, к ожесточенной борьбе, катастрофическим войнам, порабощениям. Путь человечества в связи с этим полон рывков вперед и откатов, великих открытий и приобретений в материальной и духовной сфере и одновременно ужасающих отступлений, тупиков, остановок.

И все же упорно, день за днем, год за годом, век за веком человечество в целом продвигалось и продвигается по пути к материальному и духовному совершенствованию своей жизни, улучшению ее качества, совершенствованию личности.

На этом пути по всей планете в разное время, с разной степенью интенсивности, но неизменно победно шествовали основные технологические, культурные, социальные параметры развития человечества.

Определяющими в этом цивилизационном развитии выступают такие действия людей, которые по мере освоения их значительными группами людей и на значительной части планеты круто меняют их жизнь, дав начало новым виткам человеческой истории, перемене в образе жизни. К таким явлениям относятся, скажем, овладение огнем, переход к производящему хозяйству, великие изобретения мезолита и неолитической революции (гончарный круг, колесо, лодка и парус, лук и стрелы, рыболовный крючок и сети, зарождение прядения шерсти и ткачества и многое другое). А позднее — это освоение плавки металла, период «городской революции», появление письменности, складывание универсальных мировых религий, зарождение научных знаний, становление частной собственности, великих и драматических последствий внедрения в жизнь людей этого общественного института.

История человечества неумолимо включает все новые и новые цивилизационные параметры, определяющие жизнь населения планеты: это освоение конной тяги, что кардинально меняет систему передвижения и военную организацию, создание системы дорог, начало использования пороха и появление огнестрельного оружия, что резко повлияло как на

взаимоотношения человека с животным миром, так и между самими людьми. Сюда же можно включить Великие географические открытия на Западе и на Востоке, в том числе в Сибири и на Дальнем Востоке (ставших российскими), кардинально изменившие всю мировую историю (создание новой карты мира, масштабное появление новых технологий, новых идей во всех сферах общественной жизни, культурных новаций, начало коммерческого капитализма, усиление миграций и освоение Нового Света и т. д.), эпоху Возрождения, а затем эпоху Реформации, великие достижения человеческого разума в XIX—XX вв. буквально во всех областях знаний, вновь изменившие мир и давшие новое направление мировой цивилизации (скажем, использование энергии каменного угля, нефти и газа, электричества, изобретение парового двигателя, двигателя внутреннего сгорания, строительство сети железных дорог, а позднее развитие и освоение атомной энергии как в мирных, так и в военных целях, создание компьютеров, Интернета и т. д.). Социальными новациями стали выкристаллизовавшиеся за столетия и определившиеся к середине XX в. основные права и свободы человека, главные параметры гражданского общества.

Каждый народ вносит свой неповторимый вклад в историю человечества, что особенно становится очевидным по мере нарастания с каждым тысячелетием и столетием интеграционных мировых процессов. Каждый народ, удобряя почву цивилизации своим разумом, знаниями, опытом, своим трудом, наконец, своими жизнями, создает общий мировой цивилизационный фон, на котором развивается и совершенствуется весь человеческий род.

Свое место занимают в этом процессе и Россия, и все входящие в ее состав народы. В связи с этим в основу периодизации истории человечества, а значит, и российской истории, положены территориально-хронологический тематическо-цивилизационный принцип и асинхронный подход. Это означает, что вся история человечества и история нашей родины делится на периоды, которые определяются основными цивилизационными критериями (о них шла речь выше), прокладывавшими, так сказать, «столбовую дорожку» человеческого рода. Но вместе с тем совершенно очевидно, что понятия «неолитическая революция», «античность», «Средневековье», «Новое время», «современность», характеризуемые набором основных для своего времени критериев, вовсе не совпадают ни по времени, ни по их сущности основных цивилизационных качеств с развитием других регионов и народов, чье вовлечение в общий исторический поток по ряду причин либо замедлялось, либо было неполным. Не случайно сегодня в науке оспаривается вопрос об адекватном хронологическом соотношении понятий «Средневековье» и «Новое время» одновременно к истории стран Западной Европы и России.

Формационный подход, который в течение десятилетий был основополагающим для историков нашей страны, с этих позиций является лишь сопутствующим методом познания, но не универсальной «отмычкой», как прежде, так как не позволяет обнять движение человеческой истории, в том числе и истории России, в универсальном и комплексном виде.

В этом смысле модель российской истории является в своих основных чертах повторением основных принципиальных этапов мировой истории, естественно, с присущими России особенностями, действием тех исторических факторов на судьбу народов России, которые являлись не только универсальными и для других народов мира, но были уникальными только для этого восточноевропейского, а точнее, евразийского региона земли. И задача историков — внимательно, учитывая всю противоречивость общественного процесса, выявить и обозначить эту «столбовую дорогу» истории России, проанализировать, как в течение по меньшей мере полутора тысячелетий менялось качество жизни людей в России, совершенствовалась материально и духовно личность населяющих ее народов, что происходило в соответствии с действием различных исторических факторов, так же как и во всем мире, асинхронно и с разной степенью интенсивности. Таков наш подход к истории России начиная с первых веков этой истории и по нынешний день. Он сложился вовсе не потому, как это кажется некоторым, что на смену одной идеологической конъюнктуры приходит другая, хотя и это нельзя не учитывать, а просто потому, что меняется сам мир, вместе с миром меняемся мы — поколение за поколением, и смена историко-познавательных стереотипов является в конечном итоге лишь отражением исторического развития как всей мировой цивилизации, так и нашего Отечества.

Характерной особенностью настоящей истории России является также освобождение ее от какой-то одной навязчивой идеи, которая якобы доминировала в истории страны. В прошлые века это была идея просвещенной авторитарической власти, якобы оплодотворявшей страну и народ, или рассуждения о великой роли православия в истории России. В XX в. таковой стала мысль о примате материального, экономического производства и классовой борьбы в мировой истории, в том числе и истории нашего Отечества. Не отрицая значения ни того, ни другого, ни третьего, создатели двухтомника полагают, что на историю страны воздействует гораздо более богатая и разнообразная палитра факторов, нежели скудный набор из двух-трех схематических доминант. Причем эти факторы имеют различное значение в разные периоды истории страны. Наряду с уже отмеченными рассмотрено влияние географического фактора на жизнь страны, ее этническую, региональные особенности, внешнеполитические обстоятельства, колонизационные процессы, личностный фактор, влияние духовных начал на эволюцию общества и ряд других специфических обстоятельств, воздействовавших в тот или иной период особенно активно на исторический путь страны. Возможно, решающее значение имела отдаленность восточно-славянских земель от таких «ключевых культурных регионов», как Древний Рим, греческие полисы, позднее Римская и Византийская империи, ставшие мощным цивилизационным импульсом для народов Европы, Передней Азии, Балканского полуострова и лишь в отдаленной перспективе — для народов Восточной Европы, в том числе восточного славянства, Древнерусского государства, Московской Руси. Еще дальше восточно-славянские земли находились от ключевых культурных центров Востока — Китая и Индии.

Все эти обстоятельства позволяют не только воссоздать историю отдельных классов, но и подойти к эволюции всего общества в целом, со всеми его институтами, в его основных противоречиях и единстве народа как такового, состоящего как из высших привилегированных слоев населения, из среднего сословия, из обывателей, так и из низов общества, которые совместно, сцепленные друг с другом и находившиеся в отдельные периоды в остром антагонизме, создавали историю страны, выдвигаясь порой на ее авансцену, а порой отходя в тень и затухая в своей общественной значимости.

В истории народа, страны, государства всё зависимо друг от друга, всё связано вековыми отношениями, все находилось и находится под воздействием одних и тех же исторических факторов. Ни один период в истории страны, ни одна значительная личность не высказывает неожиданно и неподготовленно, как чертик из табакерки. И даже XX в., принесший России столько радости и горя, небывалых взлетов и ужасающих исторических провалов, торжества и трагедий целых классов, сословий, групп, обусловлен природой всего общественного развития страны. Гири истории обычно точно взвешивают судьбу и цивилизационную значимость народа. И народ обычно платит за это сполна.

Вся история человечества и история нашей родины делится на периоды, определяющиеся основными цивилизационными критериями, которые прокладывали, так сказать, «столбовую дорогу» человеческого рода. К ним относятся крупные территориально-временные блоки, которые характеризуются прежде всего общими цивилизационными свойствами — такими, как уровень технологического, экономического, социального развития, степень политической организации общества, его культуры, быта, этнических и религиозных процессов, его участия в синтезе универсальных цивилизационных ценностей, достигнутых в тот или иной период наиболее исторически передовыми странами и народами. Именно изменение данных общественных параметров вело к изменению качества жизни людей, их материальному и духовному развитию, совершенствованию личности, зарождению и развитию элементов гражданского общества — и все это через свойственные человеческому обществу противоречия, амбиции, комплексы, идеологические иллюзии, откаты и тупики на пути прогресса. В этой связи всю историю России авторы делят на пять основных периодов: 1) Древняя Русь — от глубин предыстории до начала XIII в., когда Русь как единое целое вступила в период политической раздробленности, повлекший за собой, особенно после монголо-татарского нашествия, необратимые цивилизационные перемены в русских землях; 2) Средневековая Русь (XIII — первая половина XVII в.) — время, которое ряд ученых разделяют на Средневековье и раннее Новое время и которое характеризуется перемещением центра российской государственности с Поднепровья и Приильменья на северо-восток, в междуречье Волги — Оки — Клязьмы, позитивными демографическими сдвигами, прогрессом в освоении новых технологий — особенно в области сельского хозяйства, ремесленного производства, интеграционными региональными и этническими процессами, тенденциями централизации политической власти, новыми явлениями

в области культуры и быта, изменениями в качестве жизни значительной части населения по сравнению с прежним периодом; 3) Россия в XVII — первой четверти XIX в., что соответствует, правда с определенным запозданием по сравнению со странами Запада, вступлению России в Новое время и применительно к истории России означает прежде всего медленное и робкое продвижение в экономике свободных предпринимательских начал, появление первых признаков среднего класса, упирающегося в стену сословной структуры России и давящего влияния дворянства со всеми признаками феодального прошлого; противоборство старых феодально-самодержавных и крепостнических тенденций в истории страны, ассоциирующихся с правлением первых Романовых и достигших пика в эпоху Петра I, с попытками цивилизационного прорыва в сторону ограничения самодержавия в его феодальной форме, открытого Смутой и через сто с лишним лет поддержанного «затейкой верховников» (1730 г.), замедление и ограничение закрепощения населения, которое после обнадеживающих первых полутора десятков лет XVII в. вновь начинает проглядывать в политике страны, в реформистских усилиях уже во второй половине XVIII и в начале XIX в.; оформление конституционного политического правосознания, зарождение российской интеллигенции; 4) Россия в XIX — начале XX в. и 5) Россия в XX в. — периоды, очерченные столетием, жизнью четырех поколений и воплотившие вполне законченные цивилизационные циклы в области технологии, экономики, культуры, социальных отношений (в частности, социальных коллизий, вылившихся в масштабные революции XX в.), быта, этнических, религиозных, политических и идеологических тенденций в их развитии по сравнению с предшествующим периодом, в их взаимодействии с общечеловеческими цивилизационными ценностями и в соответствии с этим в их драматическом либо противостоянии этим ценностям, либо в их утверждении.

РАЗДЕЛ I. ДРЕВНЯЯ РУСЬ

ГЛАВА 1. ПРЕДЫСТОРИЯ НАРОДОВ РОССИИ

§ 1. Появление человека на территории Восточной Европы

К какому времени относится появление человека и что означает само понятие «человек»? Ученые считают, что выделение людей из животного мира произошло около 2,5 млн лет назад. Связано это прежде всего с тем, что древнейшие люди стали осознавать себя в этом мире и научились создавать орудия труда, что и было ярким проявлением этого высшего по сравнению с животными сознания. Это были различные предметы из камня: режущие орудия — рубила, разного рода скребки, подобие каменных ножей; их изготовление достигалось путем удара камня о камень. При помощи этих заостренных каменных орудий первые люди раскапывали землю в поисках съедобных корней, оборонялись от хищников и охотились. Климат большей части Земли в то время был теплым, поверхность суши была покрыта густыми вечнозелеными деревьями. В то время на Земле обитали огромные животные — мамонты, саблезубые тигры, пещерные медведи, гигантские олени. Люди не нуждались в жилищах и одежде. Среди этих лесов, подстерегаемые повсюду опасностью, небольшими группами — первобытными стадами — бродили люди, устраивали стоянки на открытых местах, чтобы можно было заранее обезопасить себя от приближающейся, но вовремя замеченной опасности. Здесь же, на месте этих стоянок, ученые и обнаружили первые каменные орудия и останки самого человека. Люди, еще слабые, почти беззащитные, лишь недавно вставшие на ноги, нуждались друг в друге в борьбе с могучими животными. Поэтому они собирались в первобытные коллективы. Люди учились общаться друг с другом при помощи отдельных звуков, восклицаний. Они все крепче стояли на ногах, руки их освободились для работы. Следы стоянок этих людей (ок. 500 тыс. лет назад) обнаружены на огромных и отдаленных друг от друга пространствах — в Африке, Азии, Европе, на стыке Европы и Азии, в районе Закавказья.

Этих древнейших людей ученые называли питекантропами, т. е. обезьяночеловеками (от греч. *pithēkos* — обезьяна и *anthrōpos* — человек). Он стоял на кривых ногах, его длинные руки доходили почти до колен. Торс был покрыт густыми волосами, а голова наклонена вниз, словно это существо еще боялось оторваться от земли. Лоб такого обезьяночеловека был низким, подбородок срезанным. И все лицо было угрожающе грубым. Но это был уже человек: он мыслил, он придумывал себе орудия труда и первое оружие.

От этих получеловеков до людей современного облика был еще долгий путь. Но начало человеческой истории уже было положено. Кстати, ученые отмечают, что проникновение предков человека на территорию Восточной Европы, в том числе в Россию, началось с юга — из регионов Африки, Сре-

диземноморья, Южной Азии. Не случайно здесь впоследствии появились первые мировые цивилизации — в Египте, Вавилоне, Индии, Китае. Оттуда люди постепенно распространились на север.

Решительный сдвиг в истории человечества произошел в период 100—30 тыс. лет до н. э., когда под влиянием геологических, климатических, а возможно, и космических изменений на Земле началось оледенение значительных территорий и в первую очередь в северных широтах Земли. Резко изменился климат, исчезли гигантские животные — часть их вымерла, другие ушли в теплые края. Иной стала растительность: районы тундры, арктической растительности продвинулись далеко на юг. Граница ледника доходила до Среднего Днепра и Дона, пересекала Волгу у устья реки Ветлуги и Камы, там, где в нее впадает река Чусовая.

В этих условиях перед человеком встал трудный, поистине исторический выбор — как выжить, уцелеть, сохранить потомство?

В течение всех этих многих и суровых тысячелетий человек отчаянно боролся за жизнь. Часть людей подалась на юг, другие же в изменившихся условиях стали осваивать земные пространства на границах ледниковой зоны. Человека спас разум и умение создавать. К этому времени люди научились пользоваться огнем и получили искусственное тепло. Видимо, вначале человек получал огонь от лесных возгораний, а потом тщательно берег его и хранил. В ту пору лишиться огня значило погибнуть от холода. Позднее люди научились получать огонь при помощи трения сухого дерева о дерево. Такой способ требовал большой сноровки и терпения, а главное, подбора соответствующих пород дерева. Огонь дал человеку возможность жарить на углях мясо. Новый вид пищи существенно менял саму физиологию человека, делал ее более совершенной; люди со временем научились использовать в качестве жилищ пещеры и укрываться в них, согреваясь теплом костра от стужи и непогоды. Но большинство пещер уже было обжито хищниками: пещерными львами, медведями. Человек бросил им вызов: за свои первые жилища он вступил в борьбу с животными и выиграл ее. Сколько страшных схваток произошло в тех темных пещерах, где сегодня найдены останки древних людей у старых кострищ! В это же время появляются и первые построенные человеком жилища из дерева, камня, камыша, зарождается и такой вид жилья, как землянка, которой довелось дожить до конца XX в. В эти суровые тысячелетия человек научился из шкур животных делать себе одежду, что дало ему дополнительный шанс на защиту от холода и выживание. Одновременно люди совершенствовали орудия труда и оружие. Они по-прежнему были сделаны в основном из камня, поэтому весь этот древнейший период в истории человечества назван палеолитом (от греч. *palaios* — древний и *lithos* — камень). Появились копы с кремневыми наконечниками, тонкие каменные ножи, более совершенные скребки, скобели. Их использовали для обработки шкур убитых животных, для строгания.

Наконец, и это очень важно, человек того времени стал хоронить своих умерших соплеменников. Именно начиная с этого периода стали находить первые человеческие захоронения. Появился культ умерших. А это значит, что люди осознали себя смертными и одновременно утвердили в своем соз-

нании надежду на потустороннюю жизнь. Попытки познать сокровенные тайны мироздания, тайны рождения и смерти, которые с тех пор люди стали связывать с проявлением высших сил, божества или божеств. Зарождение религиозных представлений окончательно выделило человека из животного мира. В это же время зарождается искусство, развивается речь. Именно с этого времени человек окончательно стал на путь превращения в существо, которое ученые определили латинскими словами *homo sapiens* (в переводе с лат. — человек разумный).

Появились признаки дальнейшего совершенствования человеческого коллектива. Новые условия заставили людей сплотиться, осуществлять постоянную взаимопомощь в борьбе с природой и животным миром. Это уже не было первобытное стадо, но хорошо организованные общины, где у каждого их члена — и у женщин и у мужчин — существовали определенные задачи в домашнем хозяйстве, на охоте, в период борьбы с врагами. Вооруженные более современным оружием, такие коллективы вели охоту облавой, загоняли крупных зверей в ямы, к обрывам и добивали их; потом в пещерах, у теплых костров праздновали свои первые победы.

§ 2. Неандертальцы. Современные люди

Впервые останки человека такого типа ученые нашли в Германии, в долине Неандерталь. С тех пор людей этого времени стали называть по месту находки — неандертальцами.

Мозг неандертальцев по своему объему уже близок к мозгу современного человека, но неандерталец еще имел покатый лоб, мощные надбровные дуги, выступающие вперед лицевые кости.

Это говорило о том, что он не слишком далеко ушел от питекантропа.

В отличие от питекантропа он уже стоял более прямо, хотя ноги его еще были слегка согнуты. Именно неандерталец стал хозяином больших территорий в Европе, Азии, Северной Африке, Средиземноморье, на Кавказе. Следы неандертальцев — их стоянки, пещерные жилища, погребения — обнаружены и на территории России: на Кубани, Днепре, Десне, Донце, на Волге в районе Волгограда, Южной Сибири, на реке Лене. Смелые и предприимчивые неандертальцы, несмотря на холод, упорно двигались в пределы Восточно-Европейской равнины, осваивали новые земли и на этом пути сами развивались и совершенствовались.

Это движение на территорию современной России шло как со стороны Центральной Европы, так из районов Кавказа и Малой Азии, а это значит, что уже в ту отдаленную эпоху проглядывалась связь формирующегося здесь населения как с Европой, так и с Азией, хотя до появления этнических, т. е. национальных или расовых, признаков у тогдашних людей было еще далеко. Однако уже в те давние времена территория современной России оказалась причастной к формированию населения на просторах Евразии. Около 40 тыс. лет назад на рубеже верхнего палеолита человек разумный становится единственным представителем семейства гоминид.

Однако до сих пор неясно, были ли это неандертальцы. Согласно некоторым данным их сменила новая человеческая особь — кроманьонцы (от находки останков этого человека в пещере Кроманьон во Франции) — лю-

ди современного типа, которые распространились по тогдашнему миру, мигрировав из Африки. Они либо истребили неандертальцев, либо жили с ними несколько тысяч лет верхнего палеолита бок о бок, но затем все-таки взяли верх.

Проходили новые тысячелетия, и подходило к концу время древнего каменного века. В период между 40 тыс. и 13 тыс. лет до н. э. в истории человечества на территории России произошли новые крупные перемены. Ледник еще по-прежнему цепко держал земли Восточной Европы и Северной Азии в своих руках, но люди здесь учились все успешнее преодолевать его суровые условия.

Во-первых, они начали с себя. В древних коллективах были запрещены браки между сородичами, а это сразу улучшило человеческую природу. Именно в это время и появился человек современного типа — гомо сапиенс. Походка его стала вертикальной, плечи распрямились, лицо потеряло животные черты. Его мозг стал более развитым, чем прежде, человек значительно поумнел. И следствием этого явился ряд полезных новшеств в его жизни. Каменные орудия труда и оружие стали еще совершеннее. Из кремня люди научились делать тонкие ножи, наконечники копий. И теперь кремневые копья, топоры стали их главным оружием. Научились они обрабатывать и кости животных — мамонтов, шерстистых носорогов. Из кости выделывались также наконечники копий, гарпуны, кинжалы, копьеметалки. Изобрели люди и иглу, при помощи которой стали шить меховую одежду. Они продолжали совершенствовать свои жилища: строили полужемлянки с крышей из жердей, покрытых дерном. Часто основанием такой крыши служили крупные кости мамонтов или их черепа. В центре такого дома складывали очаг из камней для обогрева и приготовления пищи. Охота на крупных животных, собирательство ягод, грибов, съедобных корней, рыбная ловля при помощи остроги и гарпуна стали основными направлениями хозяйства. Постепенно люди переходили на полуседлый образ жизни.

В центре такого хозяйства находилась женщина — мать, хранительница очага, хозяйка, которая регулярно поставляла пищу своему роду, тогда как охота — главное занятие мужчин — зависела от удачи, от случая, как и рыбная ловля. Поэтому тогдашние человеческие коллективы, или родовые общины, которые называют так потому, что члены этих общин были родственниками, руководились женщинами. Это было время матриархата.

Следы людей верхнего палеолита обнаружены во многих местах нынешней России — на Дону, под Воронежем, на Оке, близ Муром, на Десне, в Приуралье, на Каме, на Урале, Енисее, на Ангаре, в Забайкалье. Самое северное место подобных находок — на берегу Лены — под 62° северной широты.

При всем сходстве людей позднего палеолита и их занятий уже в это время наблюдается и некоторое их различие. Люди, населявшие Азию, отличались от тех, кто обитал в Европе, Африке. Это видно в приемах хозяйствования, орудиях труда и даже во внешнем облике. Так закладывалась основа для будущего разделения людей на расы.

К этому времени относится появление первых образцов человеческого искусства. Фантазия человека вызвала к жизни скульптуру, рисунок, украшения. За 15—13 тыс. лет до н. э. люди стали выделывать из камня статуэтки хранительницы очага, руководительницы общины — женщины, а также различных зверей — мамонтов, оленей, носорогов — их постоянную, опасную и вожаемую добычу на охоте. Появляются из камня и кости украшения — браслеты, бусы, подвески. Их носили не только тогдашние модницы женщины, но и мужчины.

Захоронения людей приобретают в это время явно религиозный характер. Вместе с умершим в могилу кладут предметы быта, украшения. Появляются представления о вечно живой душе человека, о загробной жизни. Это примиряет человека со смертью, облегчает ему земное существование, помогает в борьбе за жизнь.

§ 3. Послеледниковый период

На рубеже 13—12 тыс. лет до н. э. ледник начал отступать. Под влиянием общих климатических сдвигов меняется облик огромных евразийских территорий от Атлантики до Тихого океана.

Там, где царил ледяное безмолвие, появляются густые леса, простирается тайга на 10 тыс. км от берегов Балтики до нынешней Якутии. Исчезают гигантские животные, появившиеся в пору оледенения, — мамонты, шерстистые носороги и др. Животный мир мельчает, приобретает, как и растительный мир, современный вид. В этих новых условиях, которые названы мезолитом, или средним каменным веком (от греч. *mesos* — средний, *lithos* — камень), продолжавшимся на земле до V тысячелетия до н. э., человек смело двинулся на север вслед за отступившим ледником. Что подвигло его к этим передвижениям? Только ли тяга к неведомым землям, к неизвестному, чем всегда отличался «человек разумный»? Было и это. Но главное, люди осваивали новые охотничьи и рыболовные угодья, искали места, где жить было сытнее, а значит, лучше и проще. Они покидали свои оседлые стоянки, прежние обжитые пещеры и переходили к подвижному, охотничьему образу жизни, их жилищами стали временные стоянки, шалаши, которые они легко оставляли. Зимой они укрывались по-прежнему уже в новых пещерах и землянках. Главным достижением людей в эту пору стало изобретение лука и стрел с кремниевыми и костяными наконечниками; тетивой в луках служили высушенные жилы животных. Лук и стрелы произвели буквально переворот в жизни людей, хотя человек продолжал владеть всем арсеналом каменных орудий труда и оружием, которое совершенствовалось, стало более легким, удобным, острым.

Теперь люди могли поражать животных и птиц на расстоянии. Отпала необходимость в загонном методе охоты как единственном способе добычи пищи, хотя он и сохранил свое значение при облавах на крупных животных. Теперь можно было охотиться небольшими группами и даже в одиночку.

В период мезолита на воду были спущены первые маленькие несовершенные лодки — плоты, что позволило людям двигаться по рекам и озе-

рам. Они еще не отваживались выходить на утлых суденышках в открытое море, но успешно осваивали внутренние водоемы.

Пешком, на лодках, имея в руках лук, стрелы, копьеметалки, гарпуны, овладев искусством ставить силки и охотничьи ловушки, люди начали осваивать новые места, где еще не ступала их нога: Северную Европу, северную часть Сибири вплоть до Ледовитого океана. Есть данные и о том, что наиболее отважные из них переправлялись через Берингов пролив на Северо-Американский континент. До этого фактов присутствия человека в Северной Америке не отмечалось.

Люди среднего каменного века продолжали продвижение в северные районы Восточно-Европейской равнины с юго-запада к юго-востоку. Так оказались заселенными берега Верхнего Поволжья, Прибалтики, огромные пространства Сибири. Охота, рыболовство, собирательство, приручение диких животных, в первую очередь собак и свиней, стали основным видом хозяйства тогдашних людей. С тех пор и на долгие времена в суровых условиях северных лесов эти хозяйственные занятия стали здесь для человека основными.

Новый образ жизни привел к дроблению больших родовых коллективов на небольшие, но многочисленные группы постоянно передвигавшихся охотников и рыболовов; они осваивали и обживали территории, которые уже считали своими угодьями. Начиналось формирование племен, в которые объединялись люди, близкие по образу жизни, хозяйственным навыкам, территории, рождающемуся языку. Эти племена отличались от других племен, живших на других территориях и имевших свои особые обычаи, традиции, хозяйственные навыки.

§ 4. Неолитическая революция

То, что произошло на рубеже IV—III тысячелетий до н. э., можно сравнить лишь с самыми великими достижениями человечества во все времена и на всех континентах.

Именно в это время начинается знаменитая неолитическая революция. Неолит — новый каменный век (от греч. *neos* — новый, *lithos* — камень).

Постепенно изменившаяся природная среда, новые благоприятные климатические условия послеледниковой эпохи, совершенствование самого человека и привели к революционным, т. е. коренным и быстротечным, изменениям в жизни человеческого общества на огромных пространствах Европы, Северной Африки, Азии, включая и территорию современной России.

Прежде всего новый шаг вперед сделала обработка каменных орудий. Техника этой обработки, кажется, достигла совершенства. Люди при помощи каменных долот научились сверлить камень, стали полировать его поверхность. Изготовлением массивных полированных острых топоров с отверстиями для насаживания их на деревянную рукоятку, скребков, ножей, наконечников, копий, стрел занимались целые мастерские. Замечательные каменотесы того времени обменивали продукты своего труда на пищу, одежду. Начался первый обмен товарами. Это было преддверие будущей торговли. В качестве оружия появились булавы — огромные деревянные дуби-

ны, которые при ударе могли сокрушить даже сильного и большого зверя. Новые орудия труда помогали рубить деревья, вязать из них плоты, долбить из стволов лодки, челноки, строить бревенчатые хижины.

Широкое распространение лодок способствовало появлению рыболовства не только при помощи удочек и костяных крючков, но и сетей, которые делали из лыка и стеблей крапивы. Появился в это время и парус. Но, пожалуй, наиболее впечатляющими изобретениями человека в век неолита стали появление гончарного круга и начало выделки глиняной посуды.

В то же время зародилось прядение шерсти и ткачество как из шерстяных, так из растительных волокон. Это позволило человеку использовать более удобную одежду по сравнению с прежней, изготовленной из шкур животных, шить различного рода мягкие и теплые настилы и покровы. Наконец, в период неолита люди изобрели колесо, что произвело подлинную революцию в средствах передвижения, строительной технике, быту, зародились металлургия и ирригация. Неолит стал временем появления сохи.

§ 5. Производящее хозяйство

На исходе неолита, который продолжался вплоть до II тысячелетия до н. э., в человеческом обществе окончательно сформировались такие новые отрасли хозяйства, как скотоводство и земледелие. Это были отрасли производящего хозяйства, означающего, что человек не просто брал то, что ему давала природа — ягоды, орехи, дикий мед, корни, злаки, не только то, что он брал у нее с боем, убивая диких животных, но создавал, производил, выращивал сам.

Во многом это произошло потому, что люди стали использовать наряду с каменными орудиями труда и оружием металл: сначала они научились выплавлять медь, которая, однако, была мягким металлом и не могла еще конкурировать с камнем. Позднее в мир камня, кости, дерева прочно вошла бронза, сплав меди и олова, что позволило в более короткие сроки делать твердые и острые орудия труда и оружие. Появились бронзовые мотыги, топоры, кинжалы, серпы, ножи, пилы, а еще позднее мечи. Из бронзы стали делать и украшения. Постепенно каменный век стал уступать место веку бронзовому, который уже охватил огромные пространства земли со II тысячелетия до н. э.

Раньше всего скотоводство, земледелие, выплавка металла появились там, где природные условия жизни людей были наиболее благоприятными. Этими районами стали Египет, Двуречье, Индия, Китай.

Основоположником производящего хозяйства явилась женщина. Именно она, собирая злаки, обратила внимание на то, что, оброненные в землю, они дают всходы. Именно она первая в своем домашнем хозяйстве приручила детенышей убитых животных, а потом стала использовать этот опыт для создания постоянного стада, которое давало пищу, молоко, кумыс, кожу. Женщина полностью оправдала отведенную ей историей роль в период матриархата, создав основу для будущего взлета человеческой цивилизации. Тем самым она подготовила почву для ведущей роли в обществе мужчины-земледельца, запахивающему обширные поля и вырубающему и выжигающему лес для новых посевов; скотоводу, пасущему тысячи голов скота и находящемуся долгое время в седле; охотнику, воину. В новых хозяйствен-

ных условиях требовалась мужская сила, ловкость и мужская доблесть. Наступало время патриархата, когда ведущее место в семье, роде, племени заняли мужчины. Женщина с этого времени подчинилась мужчине.

Новые условия жизни породили на обширных пространствах Европы и Азии новые типы человеческих коллективов. Родовой строй достигает своего расцвета. Роды, т. е. большие родовые семьи и их объединение в племена, по-прежнему являются основой общественной организации людей. В это время дальнейшее развитие в обществе получают коллективный труд и коллективная, или общественная, собственность, в том числе и на окружающие земли. Это происходит потому, что при помощи новых орудий труда и оружия люди могут получить значительно больше продуктов питания, разного рода полезных вещей, могут строить более надежные и удобные жилища. Коллективный труд действительно создает то, что можно назвать общественной собственностью. Общий труд и общее присвоение, в соответствии с еще скромными возможностями общества и такими же скромными нуждами рода (элементарное питание, простая одежда, жилье, но все это уже прочно, гарантировано за счет усилий всего коллектива), дали возможность ученым называть это общество «первобытным коммунизмом». И способ жизни вполне соответствовал этому коллективистскому строю. В зависимости от условий природы люди в то время селились небольшими компактными поселками. Это позволяло им вполне использовать охотничьи угодья, рыболовные водоемы, позднее — земли и пастбища. Если у племени не хватало таких угодий, то начиналась борьба за земли с соседними племенами. Так борьба за жизнь не только с животным миром, но и людей между собой прочно вошла в человеческую историю вместе с неолитом.

Тогдашние поселения представляли собой несколько десятков землянок, полуземлянок или наземных жилищ, срубленных из дерева (на севере). В центре такого жилья находился очаг, на котором люди готовили пищу и который обогревал их. Первые деревянные дома были еще невысоки, жались к земле, словно люди, веками привыкшие к вырытому в ней жилью, все никак не могли от нее оторваться. В других местах (например, на юге) это были большие общие дома с очагами для каждой обитающей в таком доме семьи. На месте таких поселков, больших общих домов обнаружены культовые религиозные сооружения, около которых люди молились своим первым богам, в первую очередь огню. Его культ был распространен на широких просторах Евразии.

На территории России стоянки людей неолита обнаружены на больших пространствах от берегов Белого и Балтийского морей до Приазовья и Северного Кавказа. Это — Карелия, берега Печоры, Каргополь, берега Ладожского, Онежского озер и озера Ильмень, вся лесная полоса Восточно-Европейской равнины, берега Волги и Оки (около Рязани, Муром, Балахны), а далее — на обширных пространствах Сибири, на Ангаре, Лене. Одна из таких стоянок обнаружена в 40 км к северо-востоку от Москвы близ села Льялово.

Характерно, что все эти стоянки жмутся к воде. Рыбная ловля и охота в прибрежных лесах давали значительную часть пищи. На заливных лугах,

прибрежных полянах получали первый опыт местные земледельцы и скотоводы. Реки и озера при наличии лодок стали в лесных чащах первыми удобными дорогами, по которым можно было плыть десятки километров и никогда не сбиться с пути.

§ 6. Конец бывшего равенства людей

В период неолита резко нарушается равномерное развитие человеческого общества на огромных пространствах Европы, Азии, Африки. Новые возможности позволяют людям лучше, эффективнее использовать благоприятные преимущества природы. И напротив, там, где природа и климат суровы, плохо приспособлены к человеческому общежитию, людям было труднее использовать замечательные достижения неолита. Поэтому эти несколько тысячелетий стали решающими с точки зрения темпов развития отдельных районов мира. На юге — в районах Средиземноморья, Передней Азии (долины рек Тигр и Евфрат), Северной Африки (долина Нила), Индии, Китая — в условиях мягкого климата, плодородных почв, удобных водных путей цивилизационное развитие шло более быстрыми темпами. Особенно успешно здесь развивалось земледелие.

В районах Южной Сибири, Дальнего Востока, в обширных монгольских степях шло формирование кочевых скотоводческих обществ.

Уже на исходе неолита новые условия жизни привели в этих районах к быстрому увеличению населения, накоплению общественного богатства, появлению возможностей для выделения из состава родовых общин отдельных семей, которые вполне могли обеспечить свое существование. Это вело к ликвидации бывшего равенства родоплеменного строя. Племенные вожди, старейшины, воины имели возможность захватить лучшие земли, лучшие пастбища, собрать в своих руках большие богатства, нанять людей, чтобы защитить и умножить эти богатства, организовать их захваты на чужих территориях. Дело шло к переходу от родоплеменного строя к государству. И действительно, задолго до нашей эры такие государства появились в Египте, Месопотамии, Индии, Китае.

Медленнее развивались эти процессы в центре Европейского континента и совсем медленно — в Северной Европе, на Восточно-Европейской равнине. На полторы тысячи лет позднее, чем на юге, здесь осуществлялся переход от присваивающего хозяйства (охота, рыбная ловля, собирательство) к хозяйству производящему. И когда в истории уже заблестали первые государства — в Египте, Вавилоне, Индии, Китае, когда в Египте и Месопотамии уже были построены первые ирригационные системы для снабжения водой плодородных полей, когда вознеслись к синему небу первые пирамиды и были написаны первые иероглифы на глиняных табличках, а боевые колесницы устрашающе несли в бой воинов, вооруженных боевыми топорами и бронзовыми мечами, здесь, в северных лесах, все еще неторопливо и замкнуто жили своими небольшими поселками охотники и рыболовы. Они отставали во всем: в типе орудий и оружия, утвари, жилищах, религиозных обрядах и даже украшениях.

Это различие путей развития человечества в период неолита повлияло и на складывание различных больших групп людей. Так, на северо-востоке

Европы, в Зауралье, Западной Сибири стал складываться тип людей, которые стали предками угро-финских народов.

В Восточной Сибири, на безраздельных степных пространствах Азии, в зоне появления пастушеских племен стали формироваться предки будущих монгольских и тюркских народов.

На юго-востоке Европы, в Средней Азии, в Северной Индии стали складываться земледельческо-скотоводческие племена, которые стали предками будущих так называемых индоевропейцев.

В районе Северного Кавказа, Малой Азии, Западного Ирана начали формироваться кавказские народы и складываться кавказские языки.

Во всех этих крупных группах Евразии идет бурный рост населения. Им тесно на прежних территориях, а земля велика, обильна и прекрасна. Люди поняли это очень давно. Они продолжают мигрировать, т. е. перемещаться с места на место в поисках лучшей доли. А это значит, что уже в те времена начинается не только обособление больших групп населения земли, но и их смешение. Как известно, процесс этот продолжается и по сей день.

Этому способствовали начавшиеся обмены продуктами питания, орудиями труда, оружием, ознакомление с производственным опытом друг друга. Война и мир продолжали идти рядом по нашей планете.

§ 7. Индоевропейцы и первый «раздел Европы»

Индоевропейцы — это древнее население огромных территорий Европы и Азии, которые дали начало многим современным народам двух континентов Земли, а позднее, переплыв уже в Новое время Атлантику, Индийский и Тихий океаны, распространились в Северной и Южной Америке, Австралии, Новой Зеландии, на различных островах и архипелагах.

Где была древняя прародина индоевропейцев? И почему древних предков большинства народов Европы, в том числе славян, называют индоевропейцами? Большинство ученых считают, что такой прародиной стал большой район Юго-Восточной и Центральной Европы, в частности Балканский полуостров и предгорья Карпат, и, вероятно, юг России и Украины. Здесь, в омываемых теплыми морями частях Европы, на плодородных почвах, в прогретых солнцем лиственных лесах, на покрытых мягкой изумрудной травой горных склонах и долинах, где текли неглубокие прозрачные речки, и складывалась древнейшая индоевропейская общность людей. Они пришли на смену человеку палеолита.

Когда-то люди, принадлежавшие к этой общности, говорили на одном языке. Следы этого общего происхождения до сих пор сохранились во многих языках народов Европы и Азии. Так, во многих этих языках есть слово «береза», обозначающее дерево или название самой березы, и так — от Балкан до Индии. Немало в этих языках и иных общих названий и терминов. Индоевропейцы занимались скотоводством и земледелием, позднее овладели металлургией и стали выплавлять бронзу.

От этого времени до нас дошли следы поселений, открытых археологами. На больших пространствах плодородных земель, вдоль берегов плодородных рек от Карпатских гор до Поднепровья начали расселяться в основ-

ном земледельцы-скотоводы. А далее на восток, на необозримых степных пространствах вплоть до южных отрогов Уральских гор складывались в основном скотоводческие хозяйства.

Примером поселений земледельцев-скотоводов стали остатки древнего поселка в Поднепровье у села Триполье, относящиеся к IV—III тысячелетиям до н. э. Поэтому жителей той поры называли условно «трипольцами».

«Трипольцы» жили уже не в землянках, а в больших деревянных домах, стены которых для тепла обмазывались глиной. Из сухой глины настилался и пол. Площадь таких домов достигала 100—150 м². В них жили большие коллективы — возможно, родовые общины, разделенные на семьи. Причем каждая семья обитала в отдельном, отгороженном отсеке с печью, сделанной из обожженной глины, для обогрева и приготовления пищи.

В центре дома располагалось небольшое возвышение — жертвенник, где «трипольцы» совершали свои религиозные обряды и жертвоприношения богам. Одним из их главных культов было поклонение богине-матери — покровительнице плодородия. Женские фигурки из глины и камня широко распространены в этих поселениях. Дома часто располагались по кругу и составляли вместе большое поселение из десятков жилищ. В центре поселения располагался загон для скота, а само оно нередко возникало на труднодоступных речных мысах, огораживалось от нападения людей и хищных зверей валом и частоколом. Но удивительно, что в этих поселениях ученые не обнаружили остатков оружия — боевых топоров, кинжалов и других средств самообороны и нападения. А это значит, что здесь обитали в основном мирные племена, для которых война еще не стала частью их жизни.

Найденные в поселениях рыболовные снасти (костяные и медные крючки, сети) указывают на то, что жители хорошо знали рыболовство, а остатки костей диких животных (лосей, оленей, кабанов, пушных зверей) говорят о том, что «трипольцы», как и их предки, занимались охотой. И все же главным было не это. Основным занятием «трипольцев» стали земледелие и скотоводство. Они засевали большие пространства земли пшеницей, ячменем, просом, горохом, обрабатывали поле мотыгами, собирали урожай при помощи деревянных серпов со вставленными в них кремниевыми вкладышами, мололи зерно каменными зернотерками, хранили его в глиняных сосудах, сделанных при помощи гончарного круга и укрытых в ямах-хранилищах, обмазанных изнутри глиной. «Трипольцы» разводили домашних животных — рогатый скот, свиней, коз, овец. Кости этих животных в изобилии попадают на древних стоянках.

Со временем в «трипольских» поселениях возрастает роль мужчин. В их погребениях часто находят сельскохозяйственные орудия, а в могилах женщин — пряслица, а это значит, что ткачество, домашний труд становится уделом женщины, а основное хозяйство, дающее жизнь общине (земледелие и скотоводство), ложится на плечи мужчины. Общество на территории Восточной Европы постепенно переходит в стадию патриархата.

Переход к земледелию и скотоводству значительно продвинул вперед хозяйственную мощь индоевропейских племен, способствовал росту их населения. А приручение лошади, освоение бронзовых орудий труда и ору-

жия сделали индоевропейцев в III тысячелетии до н. э. более легкими на подъем в поисках новых земель, более смелыми в освоении новых территорий.

§ 8. Расселение индоевропейцев

С юго-востока Европы и началось триумфальное распространение индоевропейцев по Евразии. Одни двинулись на запад и завладели просторами Европы до Атлантики. Другая их часть распространилась на север, восток и юго-восток. Они заняли север Европы и Скандинавский полуостров. Клин индоевропейских переселений врезался в среду обитания угро-финских народов и уткнулся в Уральские горы, дальше которых индоевропейцы не пошли. На юге, в лесостепной и степной полосе, они продвинулись в Малую Азию, на Северный Кавказ, вышли на Иранское нагорье и расселились в Индии.

Уже в ходе переселений в IV—III тысячелетиях до н. э. бывшая общность стала распадаться. Образовывались крупные языковые блоки. Так, один из них включал германцев, славян, балтов. Когда-то все они были одним народом и говорили на одном языке. Лишь позднее выделились германцы. А балты и славяне составляли единое целое. Но жизнь шла, индоевропейцы продолжали расселяться по территории Евразии, и количество их увеличивалось. В условиях постоянного движения, освоения новых территорий, их обживания индоевропейцы продолжали обособляться. В конце концов из индоевропейцев в дальнейшем выделилась восточная группа языков и народов (индийцы, иранцы, армяне, таджики, жители нынешнего Афганистана — пушту и дари и др.), западноевропейская группа (англичане, германцы, французы, итальянцы, греки и др.), славянская группа (восточные, западные и южные славяне: русские, украинцы, белорусы, поляки, болгары, чехи, сербы, словаки, хорваты, словенцы и др.), балтская группа (прибалтийские народы — литовцы, латыши и др.).

Однако, несмотря на это обособление, следы былой общности, глубины исторической памяти этих народов проглядывают повсюду. Во-первых, в языке. Так, у славянских и иранских народов немало общих слов и понятий: «бог» (господин, владыка), «хата» (дом), «боярин» (ближний господин), «топор», «собака», «богатырь» и многие другие — все они пришли к нам от древних иранцев. Ранее уже упоминалось о слове «береза» как названии дерева, которое использовалось от Индии до Карпат и Балкан.

Эта общность видна и в прикладном искусстве, например в узорах вышивок, в украшениях на глиняных сосудах — повсюду использовалось сочетание ромбов и точек. В районах расселения индоевропейцев на столетия сохранился домашний культ лосей и оленей, хотя, как известно, в Иране, Индии, Греции эти животные не водятся. То же относится и к ряду народных праздников, например к «медвежьим праздникам», проводимым многими народами в весенние дни пробуждения от зимней спячки медведя. Все это следы северной прародины индоевропейцев.

Много общего у этих народов и в религиозных культах. Так, известный славянский языческий бог Перун — громовержец сродни литовскому Перкунасу, древнеиндийскому Парджанье, кельтскому Перкуниа, и сам он очень напоминает главного греческого бога Зевса. Славянская языческая

богиня Лада — покровительница брака и семьи — сопоставима с греческой богиней Латой. У многих других божеств разных индоевропейских народов единые древние корни.

Воинственные, энергичные индоевропейцы приходили туда, где уже жило местное неолитическое население. Эти вторжения носили далеко не мирный характер. Задолго до того как на территории Евразии появились первые государства, армии, начались войны, наши древние предки бились за удобные земли, щедрые рыбные угодья, богатые зверем леса. На месте многих древних стоянок различимы следы пожара, жарких схваток, там обнаружены черепа, кости, пробитые стрелами и проломанные боевыми топорами.

Уже в это время началось смешение индоевропейцев с жившими здесь ранее племенами, а также с иной человеческой ветвью — угро-финнами, занимавшими ранее большие районы севера нашей страны, Предуралья и Зауралья. Появились здесь и выходцы из земель, где обитали давние предки тюрков и монголов. В частности, потомками древних монголов стали калмыки и буряты. А сами угро-финны, как и индоевропейцы, стали распадаться на новые ветви — на угров и финнов. В дальнейшем потомками угро-финского населения стали многие российские народы Поволжья и Севера страны — мордва, удмурты, мари, коми и др. Все они в дальнейшем также являлись полноправными древними обитателями Восточно-Европейской равнины, как и славяне.

В районе Северного Урала, между устьем Печоры и Оби, расположились неолитические предки уральских народов, говоривших на так называемых уральских языках. В Южной Сибири, на Алтае, в Саянах сложилось население древних алтайцев, которые объяснялись на особых, алтайских, языках, отличных от всех остальных. Алтайцы стали в древности основными хозяевами этих земель.

Бурные процессы протекали на Кавказе, где формировалось население, говорившее на кавказских языках (древние жители Дагестана, Адыгеи, Абхазии). К югу от Кавказского хребта выделились предки грузин.

Каждый из этих древних народов, как и индоевропейцы, вносил свой вклад в развитие древнего хозяйства нашей страны. Северокавказцы раньше, чем кто-либо, освоили плавку металла (благо он в изобилии имелся на Кавказе) и выделку металлических орудий и оружия, приручили лошадь, крупный рогатый скот, свиней и перешли к скотоводству. Они первыми освоили и колесные повозки.

Уральские народы первыми спустили на воду лодки, изобрели лыжи, сани. Поселившиеся в лесной зоне индоевропейцы вместе с другими здешними обитателями переходили к скотоводству и земледелию лесного типа, по-прежнему развивали охоту и рыболовство, однако население в суровых условиях леса и лесостепи отставало от набиравших быстрые темпы развития народов Средиземноморья, юга Европы, Передней Азии, Двуречья, Египта. Природа в это время являлась главным регулятором человеческого развития, а она была не в пользу севера.

ГЛАВА 2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛАВЯН. ИХ СОСЕДИ И ВРАГИ

§ 1. Место славян среди индоевропейцев

Можно ли называть «трипольцев» и другие племена, обитавшие в Восточной Европе, предками славян? Конечно, нет. В это время индоевропейцы еще не разделились на отдельные языки и народы.

Но на рубеже III—II тысячелетий до н. э. на территориях между Вислой и Днестром начинает просматриваться обособление племен предков восточноевропейских народов. Индоевропейцы, продолжая перемещаться и группироваться на необъятных просторах Евразии, уже во II тысячелетии до н. э. составили в Центральной и Восточной Европе особый массив из германцев, балтов, славян. Все они говорили еще на одном языке и представляли в течение ряда веков одно целое, и, конечно, они уже резко отличались от тех, кто осел в Индии, Средней Азии или на Кавказе.

Позднее, уже в середине II тысячелетия до н. э., обособились германские племена, а балты (литовцы, латыши) и славяне составляли общую балтославянскую группу народов. Тогда-то эта общая группа и стала занимать большие пространства Восточной Европы. Причем балты расположились в северных районах Восточной Европы, германские племена передвинулись к западу, а на юге расселились другие ветви индоевропейцев — греки, италики.

Центром расселения славянских народов стал бассейн реки Висла. Отсюда они двинулись на запад до реки Одер, но далее их не пустили уже занявшие большую часть Центральной и Северной Европы германские племена.

Переселялись предки славян и на восток и дошли вплоть до Днестра, а далее их движение в сторону междуречья Оки и Волги наткнулось на живших здесь угро-финнов. Двигались они и к югу, в сторону Карпатских гор, Дуная и Балканского полуострова. На севере их переселения доходили до реки Припять.

Со второй половины II тысячелетия до н. э. единообразие славянского мира начинает нарушаться. У европейских племен появляется бронзовое оружие, организуются конные дружины. Все это приводит к увеличению их военной активности. Наступает эпоха войн, завоеваний, переселений. Теперь эпоха мирных хлебопашцев и скотоводов уходит в прошлое. На рубеже II и I тысячелетий до н. э. в Европе появляются новые общности людей. Свое место среди них занимают предки славян. Они компактно расселяются в двух районах Европы. Первый — в северной части Центральной Европы: в будущем здесь появятся западные славяне, а второй — в Среднем Поднепровье; века спустя здесь сформируются племена наших предков — восточных славян и возникнет государство Русь.

В X—VII вв. до н. э. эта ветвь славянства овладевает выплавкой железа из болотной и озерной руды. Это помогает местным поселенцам создавать новые орудия труда, оружие, что значительно меняет их быт, помогает успешнее осваивать природу, способствует прогрессу местного земледелия

и скотоводства. Это же помогает вести оборонительные и наступательные войны.

В это время по-прежнему были еще близки между собой восточные славяне и балты, и только с веками они обособились окончательно и перестали понимать друг друга. Тесными были контакты с североиранскими кочевыми племенами, из числа которых впоследствии выделились будущие соперники праславян — киммерийцы, скифы и сарматы.

§ 2. Первые нашествия

Но уже в это время, едва отделившись от германского мира, еще будучи тесно связанными с балтами, предки славян вступили в жесткое противоборство с сильными и жестокими пришельцами из глубины Азии. Это были кочевые племена индоиранцев — киммерийцев. В ряде древних языков их имя происходило от слова «силач», «богатырь». Киммерийцы заняли степные пространства Северного Причерноморья и атаковали расселившихся севернее предков восточных славян. Славяне на их пути насыпали высокие валы, затруднявшие бег киммерийской конницы, перегораживали лесные дороги завалами и рвами, строили укрепленные городища, и все-таки силы мирных пахарей, скотоводов и конных воинов-кочевников были неравны. Под натиском опасных соседей славяне покидали плодородные солнечные земли и уходили в северные леса.

Периодически, век за веком из глубин Азии, прорываясь через широкий и свободный проход между южными отрогами Уральских гор и Каспийским морем, выходили в Восточную Европу кочевые орды, и первыми на их пути вставали восточные славяне. Борьба с кочевниками с тех пор стала частью их постоянной жизни. Это нескончаемое противоборство уносило тысячи жизней, отвлекало людей от мирного труда, заставляло в трудные дни бежать на север, приводило к разорению поселений. Все это, конечно, замедляло общее развитие Восточной Европы.

С VI по IV в. до н. э. земли предков восточных славян подверглись новому нашествию. То были иранские кочевники — скифы. Они передвигались большими конными массами, жили в кибитках. Их кочевья в течение десятилетий продвигались с востока в степи Северного Причерноморья. Скифы оттеснили киммерийцев и заняли принадлежавшие им территории. Они теперь стали южными опасными соседями славян и балтов. Часть их земель была захвачена скифами, и местное население, как и прежде, вынуждено было спасаться в лесных чащах от набегов кочевников.

Скифы, как и киммерийцы, захватив огромные пространства от Нижнего Поволжья до устья Дуная, по существу, встали неодолимой стеной между жившим в лесостепной и лесной полосе балтославянским населением и быстро развивающимися народами, обитавшими на благодатных и теплых берегах Средиземного, Эгейского и Черного морей.

§ 3. Греческие колонии и скифы

К тому времени, когда скифы заняли своими кочевьями северные берега Черного моря, на южном побережье Крыма, близ Керченского пролива, в устье Южного Буга уже появились греческие колонии, основанные

смелыми мореходами, купцами из знаменитых греческих городов, расположенных на Балканах и в Малой Азии. Это были крепости — торговые фактории, которые торговали со всем окрестным миром. Из греческих городов сюда привозили различные ремесленные изделия, в том числе ткани, посуду, дорогое оружие. А с берегов Черного моря греческие корабли уходили нагруженными хлебом, рыбой, воском, медом, кожами, мехами, шерстью. Заметим, что хлеб, воск, мед, меха испокон веку были как раз товаром, который поставлял на рынок славянский мир. Известно, что половина из потреблявшегося в Афинах зерна шла именно отсюда. Позднее греки вывозили из своих колоний купленных здесь на рынках невольников. Это были пленники, захваченные скифами во время набегов на своих северных соседей. Однако эти рабы не пользовались популярностью в Греции, так как были вольнолюбивы и строптивы. К тому же в отличие от греков они пили вино неразбавленным, быстро пьянели и поэтому не могли хорошо работать.

Но весь этот разноязыкий, динамичный, торгующий, быстро развивающийся мир был далек от земледельцев Поднепровья, так как скифы прочно контролировали все пути на юг и были удачливыми посредниками в тогдашней международной торговле.

Скифы со временем создали в Северном Причерноморье мощное государство, объединяющее все скифские племена во главе с царями. Центр его был в Нижнем Поднепровье. Там до сих пор стоят курганы, насыпанные над могилами царей. Часть древнеславянского населения, оставшаяся на своих землях, вошла в состав скифской державы. А позднее, уже после исчезновения скифов со страниц истории, греки стали называть скифами и живших здесь славян.

§ 4. Появление восточного славянства и новые враги

Как раз в скифское время зарождаются племенные образования восточного славянства, формируется население, говорившее уже по-славянски, а не на балтославянском языке. Там, где жили поднепровские земледельцы-пахари, позднее появится славянское племя полян и их главный город — Киев. Несмотря на суровые по сравнению с Западной Европой природные условия, постоянный натиск кочевников, восточные славяне медленно, но упорно совершенствовали свою жизнь.

Начиная со II в. до н. э. эти земли испытали новый натиск врагов. С востока, из-за Дона, сюда продвинулись кочевые орды сарматов.

Сарматы нанесли серию ударов по Скифской державе, захватили здешние земли и проникли вглубь северной лесостепной зоны.

Археологи обнаружили здесь следы военного разгрома ряда поселений и городищ-крепостей. Одновременно сарматы внедрились и в среду греческих колоний в Северном Причерноморье. Происходит их «варваризация», упадок, упрощение жизни. Варвары-кочевники не подтягивались до высокого тогдашнего уровня северных земледельцев или греческих мореходов, ремесленников и торговцев, а старались их низвести до своего уровня. И зачастую пришельцам и в эту эпоху, и в последующие это удавалось. Прахом шли вековые достижения. Так и восточным славянам после сар-

матского разгрома во многом приходилось начинать все сначала — осваивать земли, строить свои поселки.

У сарматов во главе племен нередко стояли женщины-вожди. Это были следы былого матриархата. И не случайно в древних славянских сказаниях говорится о борьбе народных богатырей с Бабой-ягой, стоявшей во главе степного воинства.

§ 5. Другие народы на территории России в глубокой древности

В те далекие времена формируются не только племена, которые впоследствии превратились в восточных славян, а в дальнейшем дали начало трем славянским народам, в течение долгих веков населявшим Россию, — русскому, украинскому и белорусскому. Во второй половине II тысячелетия до н. э. на просторах будущей России одновременно продолжают складываться и другие этнические сообщества, отличные от славян. Так, мы уже говорили, что параллельно со славянским миром формируется мир балтов — будущих литовцев, латышей и др., — занявших большие пространства к северу от славянских обществ. Они уже тогда расселялись от берегов Балтики до междуречья Оки и Волги.

Поблизости от балтов и славян издревле жили и угро-финские народы, которые в то время были властителями обширных территорий северо-восточной части Европы вплоть до Уральских гор и в Зауралье. В непроходимых лесах, вдоль берегов Оки, Волги, Камы, Белой, Чусовой и других местных рек и озер обитали предки нынешних народов — мордвы, марийцев, черемисов (мери), коми, зырян, перми и других угро-финских народов. Они на этой земле были столь же древними, как и балты и славяне, зачастую жили вперемешку с ними. У всех этих народов на северо-востоке Европы было много общего в укладе хозяйства, быту, привычках, традициях, одежде и даже украшениях. Северные жители в основном были охотниками и рыбаками. Их жизнь, в отличие от южан, менялась медленно.

В южных районах Восточной Европы по соседству с предками славян складывались племена, потомки которых и сегодня живут на тех же территориях и входят в состав России; в районах Северного Кавказа с древних времен обитали известные по сведениям греческих авторов предки адыгов, осетин (аланов) и других горских народов.

Меоты стали частью населения так называемого Боспорского царства, возникшего в скифскую эпоху на Таманском полуострове, близ Керченского пролива, в предгорьях Кавказских гор. Его центром стал греческий город Пантикапей, а в составе царства были многонациональные жители этих мест: греки, скифы и большей частью местные жители — адыги, также относившиеся к индоевропейской группе народов.

Боспорское царство существовало несколько сотен лет. Раскопки вокруг Керченского пролива открыли ученым города, сельские усадьбы, мастерские ремесленников. Древние авторы рассказали, что в Боспорском царстве население уже делилось на привилегированных членов общества, к которым относились греки, и на низшие слои, простой люд — местных жителей, или «варваров», как их называли греки.

Так, уже на заре истории резко различались судьбы народов России — северных охотников и рыболовов, живших небольшими общинами в лесной глуши, и жителей юга, где кипели человеческие страсти и люди гибли в борьбе за место под солнцем, за власть и богатство.

За Уралом, в Южной Сибири, складывались различные тюркоязычные племена. Одно из них стало известным благодаря древним китайским хроникам. Это народ хунну, который в III—II вв. до н. э. завоевал другие окрестные народы, в частности жителей Горного Алтая, которых китайцы называли юэчжи.

Через несколько веков усилившиеся хунну, или гунны, как их впоследствии называли в Европе, начали победоносное наступление из Сибири на запад.

§ 6. Великое переселение народов и Восточная Европа

С конца IV в. н. э. многочисленные германские племена перешли от набегов на Римскую империю к завоеваниям. К этому времени многие народы Евразии научились изготавливать железное оружие, сели на коней, создали боевые дружины. Война, дальние походы стали в повестку дня истории и евразийской части мира. Вожди звали народы в походы. Так, германские племена гнало вперед желание обрести добычу и новые, богатые, уже заселенные и освоенные римлянами земли. На пути их лежали богатые города и роскошные усадьбы. Так началось Великое переселение народов на Запад. Но это явление оказалось свойственным и всему Евразийскому континенту, от Атлантики до Зауралья и Южной Сибири. Участниками Великого переселения стали, правда с большим историческим запозданием, и народы Восточной Европы, в том числе славяне, угро-финны, балты, аланы и др.

Первыми на территории Восточной Европы сдвинулись с мест германские племена готов. Ранее они жили в Скандинавии, позднее расселились в Южной Прибалтике, но оттуда их потеснили западные славяне, и готы пустились в путь. От берегов Балтики во II—III вв. н. э. через земли балтов и восточных славян они пришли в степные пространства современной Украины, прожили там два столетия. Отсюда они вторгались на Балканы, в Малую Азию, атаковали римские владения, греческие колонии, наносили удары по жившему здесь сарматскому населению. Они заключили союз с аланами и вместе с их конницей нападали на Крым. Но количество готов было невелико по сравнению с многочисленным балтославянским и прочим населением лесостепной зоны и района Северного Причерноморья. Они составляли лишь верхушку местного общества и держались у власти, используя распри местных племен. Во главе готов стоял вождь Германарих, который, по некоторым сведениям, дожил до 100 лет. Его имя было первым, упоминаемым на древней территории России. От готов в славянском языке остались слова «хлеб», «плуг», «меч», «шлем».

В 70-х г. IV в. с востока надвинулось новое нашествие в лице гуннов. Они безуспешно пытались сокрушить Китай, но китайцы упорно оборонялись: именно против гуннов была выстроена в III в. н. э. знаменитая Великая Китайская стена. Потерпев неудачу на востоке, воинственные гунны

двинулись на запад и в IV в. были уже на подходах к Северному Причерноморью — этой дороге всех кочевых орд с востока.

Нашествие гуннов были еще одним, может быть, самым крупным явлением в истории переселения народов.

Гунны были тюркским народом, и вместе с их появлением начинается господство тюрко-монгольских племен на степных просторах Евразии. Они знали железодельное производство, ковали мечи, стрелы, кинжалы, во время стоянок гунны жили в глинобитных домах и полуземлянках, но основой их хозяйства было кочевое скотоводство. И почти все время они проводили или в седле, или в кибитках. Все гунны были превосходными наездниками: и мужчины, и женщины, и дети. Главной их силой была легкая кавалерия, вооруженная луками и стрелами.

В своем движении гунны увлекали всех, кто попадался им на пути. Вместе с ними снимались со своих мест угро-финские племена, алтайские народы. Вся эта огромная орда вначале обрушилась на аланов, отбросила часть их на Кавказ, а остальных также втянула в свое нашествие. Тяжелая, закованная в броню, вооруженная мечами и копьями, аланская конница стала существенной частью армии гуннов.

Затем гунны двинулись в причерноморские степи и разгромили государство готы. Они прошли огнем и мечом и по южнославянским поселениям. В очередной раз спасаясь от гибели, славянское население бежало под укрытие лесов, бросало свои плодородные южные черноземы. Готы откатились на запад, и в конце концов часть их осела в Испании. А часть славян в составе армии гуннов также устремилась на запад.

Центром своей державы гунны сделали земли по Дунаю, с прекрасными пастбищами. Отсюда они атаковали римские владения и наводили ужас на всю Европу.

Своей наивысшей славы держава гуннов достигла при их вожде Аттиле. То был талантливый полководец, опытный дипломат, но грубый и беспощадный властитель.

В середине V в. попытка Аттилы завоевать всю Западную Европу закончилась в 451 г. грандиозным сражением в Северной Франции, на Катаунских полях провинции Шампань. Римская армия, куда входили отряды многих народов Европы, разгромила наголову столь же многонациональную армию Аттилы. Вождь гуннов увел остатки своего войска на Дунай, где вскоре и умер во время пира на собственной очередной свадьбе. Утомившись от пищи и вина, он заснул и захлебнулся кровью, хлынувшей из носа в горло.

Вскоре между гуннскими вождями начались распри, и держава гуннов распалась. Но движение народов, вспененное гуннской волной, еще продолжалось несколько столетий.

§ 7. Анты и первое восточнославянское государство

Участниками Великого переселения народов стали и славяне. Но случилось это не сразу.

После падения державы гуннов вновь наполняются населением дунайские и днепровские берега, лесные поляны в чащах вдоль рек Припять,

Десна, верховьев Оки. Это был, как говорят ученые, подлинный демографический взрыв, т. е. быстрое и громадное увеличение славянского населения и его распространение на больших пространствах Восточной Европы. Произошло это в V—VI вв. н. э. Прежде всего выросло славянское население там, куда не доходила конница гуннов, — за Карпатами, в Центральной и Северной Европе. В славянской среде идут мощные переселенческие процессы. Население, укrywшееся в северо-восточных лесах, начинает возвращаться на юг, на свои древние исконные земли, в районы Среднего Поднепровья, бассейны рек Днестр и Буг. Из Повисленья и из-за Карпат славяне двигаются на плодородные земли по Дунаю, и с V в. население этих земель надолго становится чисто славянским по своему составу.

Славяне занимают территории, покинутые германцами, продвигаются до реки Эльба на западе и из Среднего Поднепровья распространяются на восток.

Оказалось, что гунны принесли славянам не только огромный вред, но они вместе с тем расчистили для них территории от других поселенцев и как бы указали им пути движения.

Одновременно в славянской среде происходят крупные перемены в социальном составе общества — усиливается роль племенных вождей, старейшин, вокруг них стали складываться боевые дружины, общество начало делиться на богатых и бедных.

Возобновляется торговля поднепровских и подунайских жителей с Балканами и греческими городами.

Мир и покой в славянских землях дали свои плоды. Начиная с V в. н. э. на землях, где раньше хозяйничали скифы, сарматы, гунны, в бассейнах Днепра и Днестра складывается мощный союз восточнославянских племен, которых называли антами, что на иранском наречии означало «жители окраин». Именно таковыми были анты — древние восточные славяне — по отношению к иранским племенам, жившим в юго-восточной части России. А в том, что это были именно славяне, убеждают древние греческие авторы. Они рассказывают, что в V—VI вв. в юго-восточной части Европы сложилось два крупных славянских племенных образования. Одно — это племенной союз склавинов, или славян, а второе — родственный им союз антов.

Племенной союз склавинов образовался в северной части Балканского полуострова, а племенной союз антов располагался на пространствах от нижнего Дуная до Азовского моря.

Опираясь на свои освоенные территории, анты начали с V в. мощное движение в районы Подунавья, на Балканский полуостров, в пределы Византийской империи.

В своем движении анты враждовали с балканскими славянами. Византия даже пыталась противопоставить их друг другу.

В эти десятилетия славяне предпринимают дальние рискованные походы, создают сильные военные союзы, объединяют племенные дружины, формируют речные и морские флотилии, на которых быстро передвигаются по рекам и морям на дальние расстояния. Они постоянно переходят Дунай, захватывают византийские города, берут в плен жителей и требуют за

них выкуп. Отряды славян доходят даже до средиземноморских берегов. По существу, как и германские племена на западе, восточные славяне начинают колонизацию территорий Византийской империи на Балканах.

Против напора антов византийские императоры построили ряд крепостей по Дунаю. Не имея сил сдерживать натиск славян, византийские власти пытаются откупиться от их нашествий богатыми дарами — золотом, дорогими тканями, драгоценными сосудами, предоставляют им некоторые пограничные территории, берут славянских вождей к себе на службу.

§ 8. Славянский вождь Кий. Основание Киева

Греческие сочинения той поры полны паническими известиями о натиске славян на византийские владения. Позднее об этом вспоминает и русская летопись. Именно от тех времен до нас доходит история о некоем славянском вожде Кие и об основании им города Киева, будущей столице Руси.

В летописи рассказывается, что один из вождей племени полян, живших по Среднему Днепру, вместе со своими братьями Щеком и Хоривом и сестрой Лыбедью основали город и назвали его в честь старшего брата Киевом. Затем Кий побывал в Царьграде (так называли на Руси столицу Византии Константинополь), был там принят императором с большой честью, а возвращаясь обратно, осел со своей дружиной на Дунае, основал там городок, но позднее вступил в борьбу с местными жителями и вновь вернулся на днепровские берега.

В этом сказании есть все, о чем говорят и греческие историки: попытка установить со славянским вождем мирные отношения, стремление освоить новые земли по Дунаю, борьба с местными славянами. Археологи же подтверждают, что действительно в конце V—VI вв. на Киевских горах уже существовало укрепленное поселение, а некоторые Киевские горы носили название Шековицы, Хоревицы, речка же, которая протекала поблизости, называлась Лыбедью.

Но не только на юг, на Балканы, рвутся славянские дружины. В колонизационный поток вовлекаются большие массы славянского населения, живущего на просторах Центральной и Восточной Европы от Балтики до Карпат.

Из бассейна Балтики часть славянских племен движется на запад, на земли ушедших в глубь Европы германцев. Другая их часть заселяет земли, расположенные к востоку — вплоть до берегов озера Ильмень. Здесь, на пересечении древних торговых путей, от берегов Балтики на восток и юг, встречаются два славянских переселенческих потока. Один — это славянские колонисты с запада, а другой — славянские переселенцы с юга, которые периодически уходили на север под натиском кочевых орд.

Так проходило формирование мощного славянского центра в Приильменье, здесь позднее возник союз племен, получивших название новгородских словен.

По существу, через всю Восточную Европу протягивались в V—VI вв. крепкие нити, связывающие все славянство этих территорий. Переселен-

ческие процессы стали тем рычагом, который формировал славянские племенные союзы.

§ 9. Борьба с аvarами и хазарами. Болгары

Но недолго был век расцвета антского племенного союза славян. В середине VI в. новая волна кочевников вышла из глубин Азии — то были аvarы, многочисленная тюркская орда, которая продвинулась в Восточную Европу, вела постоянные войны с Византией и в конце концов осела в дунайских долинах, на склонах Карпатских гор; здешний мягкий климат, богатые пастбища и плодородные земли давно влекли сюда многих завоевателей.

Как и 200 лет назад во время гуннского нашествия, удару подверглись южные области восточных славян. С горечью писал позднее летописец о том, что аvarы «примучивали» славян, издевались над славянскими женщинами, запрягая их в телеги вместо волов и лошадей.

Но прошло то время, когда славяне безропотно терпели насилие кочевников. К этому времени сами они уже не раз ходили походами на своих соседей, имели сильные дружины. В течение VI—VII вв. славяне вели с аvarами постоянные войны, заключали мирные договоры. Во время таких мирных переговоров вероломно был убит один из славянских вождей по имени Мецамир. Об этом рассказали византийские авторы.

Лишь после того как войска франков в конце VII в. разгромили аvarов, начинается быстрый упадок их кочевой державы. Окончательное поражение аvarам нанесла тюркская орда с востока — хазары. Они прошли через Нижнее Поволжье в Северное Причерноморье, заняли территории в предгорьях Кавказа. На долгие столетия эти кочевники стали опасными соседями восточных славян. Но и на этот раз славяне сумели выстоять. Лишь часть их племен, особенно на левобережье Днепра, а потом в Окско-Волжском междуречье, на несколько десятилетий оказалась в зависимости от Хазарского каганата. Вассалами хазар стали также угро-финские, окско-волжские народы — буртасы, мордва, марийцы и некоторые другие. Владыка хазар именовал себя каганом, или ханом ханов.

В устье Волги была основана столица Хазарии город Итиль. В дальнейшем значительная часть хазар перешла на оседлый образ жизни. Они первыми и единственными на территории Восточной Европы приняли иудейскую религию, но значительная часть хазар приняла исламство. С землями восточных славян у Хазарии сложились соседские, но непростые отношения. Через Хазарию шла славянская торговля с Востоком. Немало славянских купцов торговали и в Итиле. Мирные отношения перемежались военными конфликтами, потому что славяне стремились освободить свои юго-восточные территории, левобережье Днепра от хазарского владычества.

В то время как хазары обживали территорию Нижней Волги, Подонья, Северного Кавказа, они пришли в соприкосновение с тюркской ордой — болгарями, которые также вышли из Азии на просторы Европы.

Болгары во главе со своим ханом Кубратом в Причерноморье, в районе греческих городов-колоний, создали в конце VI — начале VII в. государст-

во Великая Болгария. Но оно не выдержало давления хазар и распалось на части. Часть болгар после смерти Кубрата продвинулась на север, на Среднюю Волгу, и создало новое государство — Волжскую Булгарию (Болгарию) с центром в городе Булгар, которая встала в дальнейшем на восточных границах Руси, заняв земли по среднему течению Волги и в низовьях Оки и Камы. Значительная часть болгар осталась на месте, приняла власть хазар и перешла к оседлому образу жизни. Здесьние болгары вместе с частью аланов, адыгами, греками, евреями составили основную часть населения Хазарии. Остальная болгарская орда во главе с ханом Аспарухом в конце VII в. ушла знакомым для кочевников путем на запад и осела на Балканском полуострове, в землях племенного союза склавинов. В дальнейшем болгары перешли к оседлости, растворились в многолюдной земледельческой славянской среде, восприняли славянский язык и дали начало уже славянской Болгарии на Балканах.

ГЛАВА 3. ДРЕВНЯЯ РУСЬ

§ 1. Восточнославянские племена VIII—IX вв.

Союзы племен. К тому времени, когда имя Русь стало применяться к восточным славянам, т. е. к VIII в., их жизнь претерпела существенные изменения.

В «Повести временных лет» отмечается, что накануне объединения большинства восточнославянских племен под властью Киева здесь существовало по меньшей мере 15 крупных племенных союзов. В Среднем Поднепровье обитал мощный союз племен, объединенный именем «поляне».

Центром Полянских земель издавна был город Киев. На севере от полян жили новгородские словене, группирующиеся вокруг городов Новгород, Ладога. К северо-западу располагались древляне, т. е. жители лесов, главным городом которых был город Искоростень. Далее, в лесной зоне, на территории современной Беларуси, сформировался племенной союз дряговичей, т. е. болотных жителей (от слова «дрягва» — болото, трясины). На северо-востоке, в лесных чащах междуречья Оки, Клязьмы и Волги, жили вятичи, в землях которых главными городами были Ростов и Суздаль. Между вятичами и полянами, в верховьях Волги, Днепра и Западной Двины, обитали кривичи, проникшие позднее в земли словен и вятичей. Их главным городом стал Смоленск. В бассейне Западной Двины обитали полочане, получившие имя от речки Полота, впадающей в Западную Двину, главным городом полочан позднее стал Полоцк. Племена, расселившиеся по рекам Десна, Сейм, Сула и жившие к востоку от полян, прозвали северянами или обитателями северских земель; их главным городом со временем стал Чернигов. По рекам Сож и Сейм жили радимичи. К западу от полян, в бассейне реки Буг, расселились волыняне и бужане; между Днестром и Дунаем обитали уличи и тиверцы, граничившие с землями Болгарии.

В летописи упоминаются также племена хорватов и дулебов, обитавших в Подунавье и Прикарпатье.

Во всех древних описаниях расселения восточнославянских племен говорится о том, что жили они не изолированно от своих иноязычных соседей. Восточно-Европейская равнина настойчиво перемешивала народы, соединяла их речными и озерными путями, лесными дорогами. Так, в районе обитания новгородских словен рядом с вятичами и кривичами жили угро-финские племена: меря, весь, корела, чудь, мурома, мордва. Ростов был поначалу главным поселением мери, а Белоозеро — веси. Муром являлся главным поселением угро-финского племени мурома, располагавшегося в то время в междуречье Волги и Оки, где также обитали мордва и марийцы. Ученые считают, что название «Москва» также восходит к угро-финскому языку.

Сильные и многолюдные восточнославянские союзы племен подчиняли своему влиянию окрестные малочисленные народы, облагали их данью. Между ними происходили столкновения, но отношения в основном были мирными и добрососедскими. Против внешнего врага славяне и их соседи зачастую выступали единым фронтом.

Собирая дань с окрестных племен, некоторые славяне сами находились в даннической зависимости от более сильных иноплеменных соседей. Так, поляне, северяне, радимичи, вятичи платили долгое время дань хазарам — по белке и горностаю от «дыма», новгородские словене и кривичи вместе с чудью и мерей платили дань варягам. Да и сами славяне, победив и подчинив какое-либо другое славянское племя, облагали его данью. Поляне, начав «собирать» под свою руку восточно-славянские земли, обложили данью радимичей, северян, вятичей, которые раньше платили ее хазарам.

К концу VIII — началу IX в. полянское ядро восточных славян освобождается от власти хазар.

Хозяйство, социальные отношения восточных славян. Что собой представляла в VIII—IX вв. жизнь восточнославянских племенных союзов? Говорить о них однозначно невозможно. Знал об этом еще летописец Нестор в XII в. Он писал, что наиболее развиты и цивилизованны среди всех были поляне, чьи обычаи, семейные традиции стояли на весьма высоком уровне. «А древляне, — заметил он, — живут звериным образом». Это лесные жители; недалеко от них ушли и жившие в лесах радимичи, вятичи и северяне.

Конечно, киевский летописец особенно выделял полян. Но в его наблюдениях есть и доля истины. Среднее Поднепровье было наиболее развитым районом среди других восточно-славянских земель. Именно здесь, на привольных черноземных землях, в условиях сравнительно благоприятного климата, на торговой «днепровской» дороге, прежде всего сосредоточивалось наибольшее количество населения. Именно здесь сохранялись и развивались древние традиции пашенного земледелия, сочетаемого со скотоводством, коневодством и огородничеством, совершенствовались железоделательное, гончарное производства, зарождались другие ремесленные специальности.

В землях новгородских словен, где было обилие рек, озер, хорошо разветвленная водная транспортная система, ориентированная, с одной стороны, на Балтику, а с другой — на днепровскую и волжскую «дороги», бурно развивались мореходство, торговля, различные ремесла, производящие продукцию для обмена. Новгородско-ильменский край был богат лесами, там расцветал пушной промысел; важной отраслью хозяйства здесь издревле была рыбная ловля. В лесных чащах, вдоль берегов рек, на лесных опушках, где жили древляне, вятичи, дряговичи, ритм хозяйственной жизни был замедленным, здесь люди особенно тяжело осваивали природу, отвоевывая у нее каждую пядь земли для пашни, лугов.

Земли восточных славян были весьма различны по своему уровню развития, хотя люди медленно, но верно осваивали весь комплекс основных хозяйственных занятий и производственных навыков. Но вот быстрота их внедрения зависела от природных условий, от количества населения, наличия ресурсов, скажем железной руды.

Поэтому когда мы говорим об основных чертах хозяйства восточнославянских племенных союзов, то имеем в виду прежде всего уровень развития Среднего Поднепровья, которое становилось в те дни хозяйственным лидером среди восточно-славянских земель.

Особенно интенсивно продолжало совершенствоваться земледелие — этот основной вид хозяйства раннесредневекового мира. Улучшались орудия труда. Широко распространенным видом сельскохозяйственной техники стало «рало с полозом», с железным лемехом или плуг. Жернова заменили древние зернотерки, при уборке урожая использовались железные серпы. Каменные и бронзовые орудия труда отошли в прошлое. Высокого уровня достигли агрономические наблюдения. Восточные славяне прекрасно знали наиболее удобное время тех или иных полевых работ и сделали эти знания достижением всех здешних земледельцев.

А главное, в землях восточных славян в эти сравнительно «спокойные века», когда опустошительные нашествия кочевников не очень тревожили жителей Поднепровья, с каждым годом расширялись пахотные земли. Широко осваивались удобные для земледелия, лежащие неподалеку от жилищ степные и лесостепные земли. Железными топорами рубили славяне вековые деревья, выжигали мелкую поросль, выкорчевывали пни в тех местах, где господствовал лес.

Двухпольные и трехпольные севообороты стали распространенным явлением в славянских землях VII—VIII вв., заменяя собой подсечное земледелие, которое характеризовалось очищением земли из-под леса, использованием ее до истощения, а потом забрасыванием. Широко стало практиковаться унавоживание почвы. А это делало урожаи более высокими, обеспечение жизни людей более прочным. Поднепровские славяне занимались не только земледелием. Рядом с их селениями лежали прекрасные заливные луга, на которых пасся крупный рогатый скот, овцы. Здешние жители разводили свиней, кур. Тягловой силой в хозяйстве стали волы и лошади. Коневодство превратилось в одно из важных хозяйственных занятий. А рядом находились реки, озера, богатые рыбой. Рыболовство являлось для славян важным подсобным промыслом.

Пахотные участки перемежались лесами, которые становились все гуще и суровее к северу, реже и веселее на границе со степью. Каждый славянин был не только прилежным и упорным земледельцем, но и опытным охотником. Шла охота на лосей, оленей, серн, лесную и озерную птицу — лебедей, гусей, уток. Уже в это время сложился и такой вид охоты, как добыча пушного зверя. Леса, особенно северные, изобиловали медведями, волками, лисами, куницами, бобрами, соболями, белками. Ценные меха (скора) шли на обмен, на продажу в близлежащие страны, в том числе в Византию; они являлись мерой обложения данью славянских, балтских и угро-финских племен, поначалу, до введения металлических денег, являлись их эквивалентом. Не случайно и позднее один из видов металлической монеты на Руси называли кунами, т. е. куницами.

Начиная с весны и до глубокой осени восточные славяне, как и их соседи балты и угро-финны, занимались бортничеством (от слова «бортъ» — лесной улей). Оно давало предприимчивым промысловикам много меда, воска, который также высоко ценился при обмене.

Постоянно улучшающееся хозяйство восточных славян в конце концов привело к тому, что отдельная семья, отдельный дом перестали нуждаться в помощи рода, сородичей. Единое родовое хозяйство начало постепенно распадаться, огромные дома, вмещающие до ста человек, все чаще

стали уступать свое место небольшим семейным жилищам. Общая родовая собственность, общая пахотная земля, угодья стали распадаться на отдельные участки, принадлежащие семьям. Родовая община спаяна и родством, и общим трудом, охотой. Совместная работа по расчистке леса, охота на крупного зверя при примитивных каменных орудиях труда и оружии требовали больших коллективных усилий. Плуг с железным лемехом, железный топор, лопата, мотыга, лук и стрелы, дротики с железными наконечниками, обоюдоострые стальные мечи значительно расширили и усилили власть отдельного человека, отдельной семьи над природой и способствовали отмиранию родовой общины. Теперь она стала соседской, где каждая семья имела право на свою долю общинной собственности. Так зарождалось право частного владения, частной собственности, появлялась возможность для отдельных сильных семей освоить большие участки земли, получить больше продуктов в ходе промысловой деятельности, создать определенные их излишки, накопления.

В этих условиях резко возрастали власть и хозяйственные возможности племенных вождей, старейшин, племенной знати, воинов, окружавших вождей. Так зарождалось в славянской среде, а особенно явно в районах Среднего Поднепровья, имущественное неравенство.

Ремесла. Торговля. Путь «из варяг в греки». Во многом этим процессам помогало развитие не только земледелия и скотоводства, но и ремесел, рост городов, торговых связей, потому что здесь также создавались условия для дополнительного накопления общественного богатства, которое чаще всего попадало в руки имущих, углубляло имущественное различие между богатыми и бедными.

Среднее Поднепровье стало местом, где ремесла в VIII — начале IX в. достигли большого совершенства. Так, близ одного из сел во время археологических раскопок нашли 25 кузнечных горнов, в которых плавил железо и изготавливали из него до 20 видов орудий труда.

С каждым годом множились продукты ремесленников. Постепенно их труд все более отделялся от труда сельского. Ремесленники теперь уже могли содержать этим трудом себя и свою семью. Они начинали селиться там, где им было удобнее и легче продавать или обменивать свои изделия на продукты питания. Такими местами, конечно, были поселения, расположенные на торговых путях, места, где жили племенные вожди, старейшины, где находились религиозные святыни, куда прибывало на поклонение множество людей. Так зарождались восточнославянские города, которые становились средоточием и племенных властей, и центром ремесла и торговли, и местом отправления религиозного культа, и местом обороны от врага.

Города зарождались как поселения, которые выполняли одновременно все эти задачи — политические, хозяйственные, религиозные и военные. Только в этом случае они имели перспективы дальнейшего развития и могли превратиться в действительно крупные населенные центры.

Именно в VIII—IX вв. зародился знаменитый путь «из варяг в греки», который способствовал не только торговым контактам славян с окружающим миром, но и связывал воедино сами восточно-славянские земли. На этом пути возникали крупные славянские городские центры — Киев, Смо-

ленск, Любеч, Новгород, которые играли позднее столь важную роль в истории Руси.

Сам путь древний автор описывает так. Он шел из Византии по Черному морю и Днепру, затем суда волоком перетаскивали из Днепра в реку Ловать, впадающую в озеро Ильмень, из него путь продолжался по реке Волхов, соединяющей Ильмень и Ладожское озеро, или, как его называли в древности, озеро Нево. Оттуда путники попадали в реку Неву, соединяющую Ладожское озеро с Финским заливом, а уж затем по Балтике, или, как ее называли, Варяжскому морю, отправлялись в сторону Рима. Тут-то, в землях варягов, собственно, и начинался путь «из варяг в греки», т. е. из южной Балтики к Константинополю. Рим был здесь лишь промежуточным пунктом.

Но кроме этого, основного для восточных славян, торгового пути существовали и другие. Прежде всего это восточный торговый путь, осью которого были реки Волга и Дон. Торговые караваны шли из полянских земель либо сушей до Дона, либо сюда же по Днепру, затем мимо Крыма по Черному и Азовскому морям. Далее суда волоком перетаскивались из Дона в Волгу в том месте, где сейчас находится Волго-Донской канал. Дальнейший путь шел вниз по Волге через хазарские владения мимо столицы Хазарии, Итилия, находившегося в устье Волги, на Каспий и в страны Востока, в первую очередь в Хорезм, Бухару, на восточное побережье Каспия, к «Железным воротам» — Дербенту, в Хорасан.

К северу от этого волжско-донского пути пролегли дороги из государства болгар, располагавшегося на Средней Волге, через воронежские леса, на Киев, и вверх по Волге, через Северную Русь, в районы Прибалтики. Из Окско-Волжского междуречья на юг, к Дону и Азовскому морю, вела Муравская дорога, названная так позднее. По ней шли как торговцы с севера из вятичских лесов, так и те, кто двигался на север, направляясь из стран Востока. Наконец, существовали и западные, и юго-западные торговые пути, которые давали восточным славянам прямой выход в сердце Европы. Один из них шел от Киевских гор на юг по Днепру, затем по Черному морю, а далес в устье Дуная и вверх по этой реке, уходящей в центр Европы и подходящей почти к верховьям Рейна. Другой же путь пролегал строго на запад, в польские земли и шел на Краков и далее в германские земли.

Все эти пути покрывали своеобразной сетью земли восточных славян, перекрещивались друг с другом и, по существу, накрепко привязывали восточно-славянские земли к государствам Западной Европы, Балкан, Северного Причерноморья, Поволжья, Кавказа, Прикаспия, Передней и Средней Азии.

Восточные славяне оказались по темпам хозяйственного, общественного, политического, культурного развития на среднем уровне. Они отставали от западных стран — Франции, Англии. Византийская империя и Арабский халифат с их развитой государственностью, высочайшей культурой, письменностью стояли для них на недостижимой высоте, но восточные славяне шли вровень с землями чехов, поляков, скандинавов, значительно опережали еще находившихся на кочевом уровне венгров, не говоря уже о кочевниках-тюрках, угро-финских лесных жителях или живущих изолированной и замкнутой жизнью литовцах.

Религия восточных славян. Сложной, разнообразной, с детально разработанными обычаями была и религия восточных славян. Как и другие древние народы, в частности древние греки, славяне населили мир разнообразными богами и богинями. Были среди них главные и второстепенные, могучие, всеисильные и слабые, шаловливые, злые и добрые.

Во главе славянских божеств стоял великий Сварог — бог Вселенной, напоминающий древнегреческого Зевса.

Его сыновья — Сварожичи — солнце и огонь — были носителями света и тепла. Бог солнца Дажьбог весьма почитался славянами. Недаром автор «Слова о полку Игореве» называл славян «дажьбожьи внуки». Молились славяне Роду и рожаницам — богу и богиням плодородия. Этот культ был связан с земледельческими занятиями населения и был поэтому особенно популярен. Бог Велес почитался у славян в качестве покровителя домашних животных, это был своеобразный «скотий бог». Стрибог, по их понятиям, повелевал ветрами, как древнегреческий Эол.

По мере слияния славян с некоторыми иранскими и угро-финскими племенами их боги перекочевывали и в славянский пантеон.

Так, в VIII—IX вв. у славян почитался бог солнца Хорс, который явно пришел из мира иранских племен. Оттуда же появился и бог Симаргл, который изображался в виде пса и считался богом почвы, корней растений. В иранском мире это был хозяин подземного царства, божество плодородия.

Единственным крупным женским божеством у славян была Мокошь, которая олицетворяла рождение всего живого, была покровительницей женской части хозяйства.

Со временем, уже по мере выдвижения в общественной жизни славян князей, воевод, дружин, начала великих военных походов, в которых играла молодая удаля зарождающегося государства, на первый план у славян все больше выдвигается бог молнии и грома Перун, который затем становится главным небесным божеством, сливается со Сварогом, Родом как более древними богами. Происходит это не случайно: Перун был богом, чей культ родился в княжеской, дружинной среде.

Перун — молния, высшее божество — был непобедим. К IX в. он стал главным богом восточных славян.

Но языческие представления не исчерпывались лишь главными богами. Мир был населен и другими сверхъестественными существами. Многие из них были связаны с представлением о существовании загробного царства. Именно оттуда к людям приходили злые духи — упыри. А добрыми духами, оберегающими человека, являлись берегини. Славяне стремились защищаться от злых духов заговорами, амулетами, так называемыми оберегами. В лесу обитал леший, у воды жили русалки. Славяне верили, что это души умерших, выходящие весной насладиться природой.

Славяне считали, что каждый дом находится под покровительством домового, которого отождествляли с духом своего родоначальника, пращура, или щура, чура. Когда человек считал, что ему грозят злые духи, он призвал своего покровителя — домового, чура — защитить его и говорил: «Чур меня, чур меня!»

Уже накануне нового года (год у древних славян начинался, как и теперь, 1 января), а потом поворота солнца на весну начинался праздник Коляды. Сначала в домах гасли огни, а потом люди добывали трением новый огонь, зажигали свечи, очаги, славили начало новой жизни солнца, гадали о своей судьбе, совершали жертвоприношения.

Другой праздник, совпадающий с природными явлениями, отмечался в марте. То был день весеннего равноденствия. Славяне славили солнце, праздновали возрождение природы, наступление весны. Они сжигали чучело зимы, холода, смерти; начиналась Масленица с ее блинами, напоминающими солнечный круг, проходили гулянья, катания на санях, разные потехи.

1—2 мая славяне убирали лентами молодую березу, украшали ветками с только что распутившимися листьями свои дома, снова славили бога солнца, отмечали появление первых весенних всходов.

Новый всенародный праздник приходился на 23 июня и назывался праздником Купалы. На этот день приходился летний солнцеворот. Поспевал урожай, и люди молились о том, чтобы боги послали им дождь. Накануне этого дня, по представлениям славян, русалки выходили на берег из воды — начиналась «русальная неделя». Девушки в эти дни водили хороводы, бросали в реки венки. Самых красивых девушек обвивали зелеными ветками и поливали водой, как бы призывая на землю долгожданный дождь.

Ночью вспыхивали купальские костры, через которые прыгали юноши и девушки, что означало ритуал очищения, которому как бы помогал священный огонь.

В купальские ночи совершались так называемые умыкания девиц, когда молодые люди сговаривались и жених уводил невесту от домашнего очага.

Сложными религиозными обрядами обставлялись рождения, свадьбы, похороны. Так, известен обычай восточных славян хоронить вместе с прахом человека (славяне сжигали на кострах своих покойников, помещая их сначала в деревянные ладьи; это означало, что человек уплывает в подземное царство) одну из его жен, над которой совершалось ритуальное убийство; в могилу воина клали останки боевого коня, оружие, украшения. Жизнь продолжалась, по представлениям славян, и за гробом. Затем над могилой насыпали высокий курган, и совершалась языческая тризна: родственники и соратники поминали умершего.

§ 2. Появление государства у восточных славян

Первые упоминания о Руси. Первое государство в землях восточных славян получило название Русь. По имени его столицы — города Киева — ученые стали впоследствии называть его Киевской Русью, хотя само оно никогда себя так не называло. Просто Русь или Русская земля. Откуда же возникло это имя?

Первые упоминания имени Русь относятся к тому же времени, что и сведения об антах, славянах, венетах, т. е. к V—VII вв. Описывая племена, жившие между Днепром и Днестром, греки называют их антами, скифами, сарматами, готские историки — росоманами (русыми, светлыми

людьми), а арабы — русью. Но совершенно очевидно, что речь шла об одном и том же народе.

Проходят годы, имя Русь все чаще становится собирательным для всех племен, живших на огромных пространствах между Балтикой и Черным морем, окско-волжским междуречьем и польским пограничьем. В IX в. имя Русь упоминается в трудах византийских, западных и восточных авторов несколько раз.

860 г. датировано сообщение византийских источников о нападении Руси на Константинополь. Все данные говорят за то, что эта Русь была расположена в Среднем Поднепровье.

От этого же времени доходят сведения об имени Русь и на севере, на побережье Балтийского моря. Содержатся они в «Повести временных лет» и связаны с появлением легендарных и неразгаданных до сего времени варягов.

Летопись под 862 г. сообщает о призвании племенами новгородских словен, кривичей и чуди, живших в северо-западном углу восточно-славянских земель варягов. Летописец сообщает о решении жителей тех мест: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву. И пошли за море к варягам, к Руси». Далее автор пишет, что «те варяги назывались русью», точно так же, как свои этнические названия имели шведы, норманны, англ, готландцы и др. Таким образом, летописец обозначил этническую принадлежность варягов, которых он называет русью. «Земля наша велика и обильна, а наряда [управления] в ней нет. Приходите княжить и владеть нами».

Летопись не раз возвращается к определению того, кто такие варяги. Варяги — это пришельцы, «находники», а коренное население — словени, кривичи, угро-финские племена. Варяги же, по словам летописца, «сидят» на востоке от западных народов по южному берегу Варяжского (Балтийского) моря.

Таким образом, пришедшие к славянам варяги, словени и иные жившие здесь народы и стали называться русью. «А словенский язык и русский одно есть», — пишет древний автор. В дальнейшем и поляне, жившие южнее, также стали называться русью.

Таким образом, имя Русь появилось в восточно-славянских землях на юге, постепенно вытеснив местные племенные наименования. Появилось оно и на севере, принесенное сюда варягами.

Надо вспомнить, что славянские племена овладели в I тысячелетии н. э. огромными пространствами Восточной Европы между Карпатами и южным побережьем Балтийского моря. Среди них названия русы, русины были весьма распространены. До настоящего времени на Балканах, в Германии живут их потомки под своим собственным названием русины, т. е. русые люди, в отличие от блондинов — германцев и скандинавов и темноволосых обитателей юга Европы. Часть этих русинов передвинулась из Прикарпатья и с берегов Дуная в Поднепровье, о чем сообщает и летопись. Здесь они сошлись с обитателями этих краев, также славянского происхождения. Другие русы, русины осуществляли контакты с восточными славянами в северо-восточном районе Европы. Летопись точно указывает «адрес» этих русов-варягов — южные берега Балтики.

Варяги воевали с восточными славянами в районе озера Ильмень, брали с них дань, затем заключили с ними какой-то «ряд», или договор, и в пору их межплеменных усобиц пришли сюда в качестве миротворцев со стороны в качестве нейтральных правителей. Такая практика приглашения князя или короля на правление из близких, зачастую родственных земель была весьма распространена в Европе. Эта традиция сохранилась в Новгороде и позднее. Туда приглашали на княжение владетельных особ из других русских княжеств.

На основании сообщения летописи о варягах некоторые ученые, и зарубежные, и русские, в XVIII—XX вв. создали и отстаивали так называемую норманнскую теорию происхождения Русского государства. Ее суть заключается в том, что государство на Руси было привнесено извне приглашенными князьями, что оно было создано норманнами, скандинавами, носителями западной культуры, — именно так понимали варягов эти историки. Сами же восточные славяне якобы не могли создать государственного устройства, что говорило об их отсталости, исторической обреченности и т. д. Эта теория нередко использовалась на Западе в периоды противостояния нашей Родины и ее западных противников.

Ныне историки убедительно доказали развитие государственности на Руси задолго до «призвания варягов». Однако до настоящего времени отзвуком этих споров является дискуссия о том, кто такие варяги. Норманнисты продолжают настаивать на том, что варяги были скандинавами, основываясь на свидетельствах разветвленных связей Руси со Скандинавией, на упоминании имен, трактуемых ими как скандинавские, в составе русской правящей верхушки.

Однако подобная версия полностью противоречит данным летописи, помещающей варягов на южных берегах Балтийского моря и четко отделяющих их в IX в. от скандинавов. Против этого говорит и возникновение контактов восточных славян с варягами как с государственным объединением в то время, когда Скандинавия, отставшая от Руси в своем социально-экономическом и политическом развитии, не знала в IX в. ни княжеской или королевской власти, ни государственных образований. Славяне же южной Прибалтики знали и то и другое. Конечно, споры о том, кем были варяги, будут продолжаться.

«Военная демократия». В VIII — первой половине IX в. у восточных славян стало складываться общественное устройство, которое историки называют «военной демократией». Это уже не первобытность с ее равенством членов племени, племенными собраниями, вождями, выбранными народом, народными племенными ополчениями, но еще и не государство с его сильной центральной властью, объединяющей всю территорию страны и подчиняющей себе подданных, которые сами резко различаются по политической роли в обществе, по своему материальному, правовому положению.

В руках тех, кто руководил племенем, а позднее союзами племен, кто организовывал набеги на ближних и дальних соседей, собиралось все больше богатств. Вожди, которые прежде выбирались благодаря своей мудрости, справедливости, теперь превращаются в племенных князей, в чьих руках концентрируется все управление племенем или союзом племен. Они

возвышаются над обществом и благодаря своим богатствам, поддержке военных отрядов, состоящих из сподвижников. Рядом с князем выделяется у восточных славян и воевода, являющийся предводителем племенного войска. Все более значительную роль играет дружина, которая отделяется от племенного ополчения, становится группой воинов, лично преданных князю. Это так называемые отроки. Эти люди уже не связаны ни с земледелием, ни со скотоводством, ни с торговлей. Их профессия — война. А поскольку мощь племенных союзов постоянно растет — война становится для этих людей постоянным занятием. Их добыча, за которую приходится платить увечьем или даже жизнью, намного превышает результаты труда земледельца, скотовода, охотника. Эти люди становятся в обществе особой привилегированной частью. Обособляется со временем и племенная знать — главы родов, сильных патриархальных семей. Выделяется и знать, чьим основным качеством является воинская доблесть, мужество. Поэтому вся эта демократия периода становления государства приобретает военный характер.

Военный дух пронизывает весь строй жизни этого переходного общества. Грубая сила, меч лежат в основе выделения одних и начавшегося унижения других. Но традиции старого строя еще существуют. Действует племенное собрание — вече. Князья и воеводы еще выбираются народом, но уже просматривается стремление сделать власть наследственной. Сами выборы со временем превращаются в хорошо организованный спектакль, который ставят сами князья, воеводы, представители знати. В их руках вся организация управления, военная сила, опыт.

Сам народ перестает быть единым. Основную часть племени составляли «люди» — «людины». Это определение означает в единственном числе «свободный человек». У восточных славян в таком же смысле использовалось название «смерд». Но среди «людей», «смердов» стали выделяться «вои», которые имели право и обязанность участвовать в войске и в народном собрании — вече. Вече в течение долгих лет оставалось верховным органом племенного самоуправления и суда. Степень богатства еще не являлась основным признаком неравенства, оно определялось другими обстоятельствами — тем, кто играл основную роль в хозяйстве, кто был наиболее сильным, сноровистым, опытным. В обществе, где преобладал тяжелый ручной труд, такими людьми были мужчины, главы больших патриархальных семей, так называемые мужи, они среди «людей» стояли на высшей общественной ступеньке. Женщины, дети, другие члены семьи («челядь») подчинялись «мужам». Уже в это время в семье появился слой людей, находившихся в услужении, — «слуги». На нижних ступенях общества обрелись «сироты», «холопы», которые не имели семейных связей, а также совсем бедная часть соседской общины, которых называли «убогими», «скудными», «нищими» людьми. На самом низу социальной лестницы находились «рабы», занимавшиеся принудительным трудом. В их число, как правило, попадали пленные — иноплеменники. Но, как отмечали византийские авторы, славяне по истечении определенного срока отпускали их на волю, и они оставались жить в составе племени.

Таким образом, весь строй племенной жизни периода «военной демократии» был сложным, разветвленным. В нем четко наметились социальные различия.

Два русских государственных центра: Киев и Новгород. К концу VIII — началу IX в. экономические и социальные процессы в восточно-славянских землях привели к объединению различных племенных союзов в сильные межплеменные группировки.

Центрами такого притяжения и объединения стали Среднее Поднепровье во главе с Киевом и северо-западный район, где группировались поселения вокруг озера Ильмень, вдоль верховьев Днепра, по берегам Волхова, т. е. близ ключевых пунктов пути «из варяг в греки». Поначалу речь шла о том, что эти два центра стали все более и более выделяться среди других крупных племенных союзов восточных славян.

У полян ранее, чем у других племенных союзов, обнаружились признаки государственности. В основе этого лежало наиболее быстрое экономическое, политическое, социальное развитие края. Полянские племенные вожди, а позднее киевские князья держали в своих руках ключи от всей днепровской магистрали, а Киев был не только центром ремесла, торговли, к которому тянулась вся земледельческая округа, но и хорошо укрепленным пунктом.

Боевые походы на юг и восток. К этому времени относятся нападения русской рати на крымские владения Византии. Русы передвигались на быстросходных ладьях, которые могли идти и на веслах, и под парусами. Таким образом они покрывали огромные расстояния по рекам, Черному, Азовскому, Каспийскому морям. Из одного водоема в другой суда перетаскивались волоком, для чего использовались специальные катки.

С моря русы «воевали» южное побережье Крыма от Херсонеса до Керчи, взяли штурмом город Сурож (нынешний Судак) и разграбили его. Здесь с русским вождем приключилась беда. Победителя поразила недуг: лицо его «обратилось вспять». И только прекращение насилия и грабежей, освобождение пленных по просьбе местных христиан привели к чуду: князь выздоровел и тут же принял крещение. До нас, пусть в легендарной форме, доходит известие о первом крещении Руси, которое, несомненно, отразило общее стремление народов Европы к переходу к христианству.

К началу IX в. Полянские земли уже освободились из-под власти хазар и перестали уплачивать им дань, но другие русские земли еще платили дань Хазарии.

Через несколько лет воинственные русы вновь предприняли поход к черноморским берегам. На этот раз объектом нападения стал богатый византийский порт Амастрида — тогдашний «Багдад» Малой Азии. Русская рать овладела городом, но затем заключила мир со здешними жителями и ушла восвояси. В Малую Азию русское войско пришло на судах, пройдя мимо пролива Босфор, т. е. мимо стен Константинополя, штурмовать который русские вожди еще не решались.

Оба эти похода указали на то, что в Среднем Поднепровье рождалась новая мощная держава, которая сразу же определила свои основные военно-стратегические интересы, тесно связанные и с торговыми интересами, защитой и отвоеванием новых торговых путей: Северное Причерноморье, Приазовье, Крым, Подунавье.

В 860 г. Константинополь неожиданно подвергся яростной атаке русского войска.

Русы застали греков врасплох. Их разведка донесла, что в это время византийская армия во главе с императором и флот ушли на борьбу с арабами. Но взять город у русов не хватило сил — их попытки взобраться на стены были отбиты. Началась осада, которая продолжалась ровно неделю. Затем начались мирные переговоры. Греки пошли на уступки: уплатили нападавшим огромную контрибуцию, обещали платить ежегодные денежные платежи, дали русам возможность беспрепятственно торговать на византийских рынках. Был заключен мир между Русью и Византией, начался отсчет их дипломатических отношений. Русский князь и византийский император в личной встрече скрепили условия этого мира. А через несколько лет согласно этому же договору византийские священники крестили вождя русов и его дружину. Это было уже вполне историческое крещение. В это же время, в 864 г., принял христианство и князь Болгарии Борис, которого также крестили византийские священники.

Вскоре после этого русская рать появилась на берегах Южного Каспия. Это был первый известный нам поход на восток по ставшей потом прото-ренной дороге: Днепр — Черное и Азовское моря — Волга — Каспийское море.

События в новгородских землях. Рюрик. В это время в северо-западных землях восточных славян, в районе озера Ильмень, по течению Волхова и в верховьях Днепра, назревали события, которым также суждено было стать одними из примечательных в русской истории. Здесь формировался мощный союз славянских и угро-финских племен, объединителем которых стали приильменские словени. Этому объединению способствовала начавшаяся здесь борьба словен, кривичей, мери, чуди с варягами, которым удалось на некоторое время установить контроль над здешним населением. И точно так же, как поляне на юге скинули власть хазар, на севере союз местных племен сбросил варяжских правителей.

Варяги были изгнаны, но «встал род на род», как рассказывает летопись. Вопрос был решен так, как его нередко решали и в других странах Европы: для установления мира, покоя, стабилизации управления, введения справедливого суда ссорящиеся племена пригласили князя со стороны.

Выбор пал на варяжских князей. Почему именно на них? Во-первых, рядом не было другой организованной военной силы. Во-вторых, варяги, являвшиеся, видимо, либо балтами, либо славянами с южного побережья Балтики, были близки ильменским словенам по языку, обычаям, религии. В-третьих, их приход мог положить конец натиску других варяжских дружин на славянские и угро-финские земли.

Летописные источники под 862 г. сообщают, что после обращения к варягам оттуда в славянские и угро-финские земли прибыло три брата: Рюрик, Синеус и Трувор. Первый сел княжить у ильменских словен, сначала на Ладоге, а затем в Новгороде, где он «срубил» крепость; второй — в землях веси, на Белоозере, а третий — во владениях кривичей, в городе Изборске.

Историки не раз обращали внимание на легендарный характер этих сведений, которые напоминают сказание о пришествии на правление трех братьев и у других европейских народов. Фольклор здесь допустим. Но яс-

но и то, что появление варяжского правителя в северо-западных землях является историческим фактом.

По некоторым летописным данным, новгородские словене начали против Рюрика борьбу, которая, вероятно, разгорелась после того, как он превысил свои полномочия «арбитра», «наемного меча» и взял всю полноту власти в свои руки. Но Рюрик подавил восстание и утвердился в Новгороде. После смерти братьев он объединил под своим началом весь север и северо-запад восточно-славянских и угро-финских земель.

Таким образом, в восточно-славянских землях к 60-м гг. IX в. образовалось, по существу, два сильных государственных центра, каждый из которых охватывал огромные территории: среднеднепровский, Полянский во главе с Киевом и северо-западный во главе с Новгородом. Оба они стояли на знаменитом торговом пути, оба контролировали стратегически важные пункты, оба складывались с самого начала как многоэтнические государственные образования.

Соперничество за руководство над всеми славянскими землями между Новгородом и Киевом началось едва ли не сразу после создания этих двух государственных центров. Сохранились сведения о том, что часть славянской верхушки, недовольной Рюриком, бежала в Киев. В то же время Киев повел наступление на север и попытался отвоевать у Новгорода земли кривичей с Полоцком. Рюрик также вел войну за Полоцк. Назревало историческое противоборство между двумя складывающимися русскими государственными центрами.

§ 3. Первые русские князья

Борьба Новгорода и Киева. Князь Олег. Рюрик умер в 879 г., оставив малолетнего сына Игоря. Все дела в Новгороде взял в свои руки то ли воевода, то ли родственник Рюрика Олег. Именно он и предпринял поход на Киев, тщательно подготовив его. Он собрал большую рать, куда вошли представители всех подвластных Новгороду народов. Здесь были ильменские словене, кривичи, чудь, меря, весь. Ударную силу Олегова войска составила варяжская дружина.

Олег взял главный город кривичей Смоленск, затем Любеч. Приплыл к Киевским горам и не рассчитывая взять сильную крепость штурмом, Олег пошел на военную хитрость. Спрятав воинов в ладьях, он послал княжившим в Киеве Аскольду и Диру весть о том, что с севера приплыл купеческий караван и он просит князей выйти на берег. Ничего не подозревавшие киевские правители пришли на встречу. Воины Олега выскочили из засады и окружили киевлян. Олег поднял на руки маленького Игоря и заявил киевским правителям, что они не принадлежат к княжескому роду, но он сам «есть роду княжа», а Игорь является сыном князя Рюрика. Аскольд и Дир были убиты, а Олег утвердился в Киеве. Войдя в город, он заявил: «Да будет Киев матерью городам русским».

Так Новгородский север победил Киевский юг. Но это была лишь чисто военная победа. И экономически, и политически, и в культурном смысле Среднее Поднепровье намного обогнало другие восточно-славянские земли. В конце IX в. это был исторический центр русских земель, и Олег, сделав Киев своей резиденцией, лишь подтвердил это положение. Возник-

до единое Древнерусское государство с центром в Киеве. Произошло это в 882 г.

Во время этой войны князь Олег проявил себя решительным и коварным военачальником, незаурядным организатором. Овладев киевским престолом и проведя здесь около 30 лет (умер Олег в 912 г.), он отодвинул в тень Игоря.

Свои военные успехи Олег на этом не завершил. Обосновавшись в Киеве, он обложил данью подвластные ему территории — «установил дань» новгородским словенам, кривичам, другим племенам и народам. Олег заключил с варягами соглашение и обязался уплачивать им ежегодно по 300 серебряных гривен за то, чтобы на северо-западных границах Руси был мир. Он предпринял походы на древлян, северян, радимичей и обложил их данью. Но здесь он столкнулся с Хазарией, которая считала северян и радимичей своими данниками. Военный успех вновь сопутствовал Олегу. Отныне эти восточнославянские племена прекратили свою зависимость от Хазарского каганата и вошли в состав Руси. Данниками хазар оставались вятичи.

На рубеже IX—X вв. Олег потерпел чувствительное поражение от венгров. В это время их орда передвигалась по Причерноморью на запад. По пути венгры обрушились на русские земли. Олег был разбит и заперся в Киеве. Венгры предприняли осаду города, но безуспешно, и тогда между противниками был заключен мирный договор. С тех пор стал действовать венгро-русский союз, который просуществовал около двух веков.

Объединив восточно-славянские земли, отстояв их от натиска чужеземцев, Олег придал княжеской власти невиданный доселе авторитет и международный престиж. Теперь он принимает на себя титул князя всех князей, или великого князя. Остальные же властители отдельных русских княжений становятся его данниками, вассалами, хотя и сохраняют еще права по управлению в своих княжествах.

Русь появилась на свет как объединенное восточнославянское государство. По своим масштабам оно не уступало империи Карла Великого или территории Византийской империи. Однако многие его районы были мало заселены и плохо пригодны для жизни. Слишком велика была и разница в уровне развития различных частей государства. Появившись сразу как многоэтническое образование, это государство не отличалось поэтому той прочностью, которая характеризовала государства, где население было в основном мононациональным.

Внешняя политика Руси в первой половине X в. Уже первые схватки с хазарами и поход против уличей и тиверцев показали внешнеполитические интересы молодого государства. Русь стремилась, во-первых, объединить все восточнославянские племена; во-вторых, обеспечить для русского купечества безопасность торговых путей как на Восток, так и на Балканский полуостров; в-третьих, овладеть важными в военно-стратегическом смысле территориями — устьем Днепра, устьем Дуная, Керченским проливом.

В 907 г. огромная русская рать сушей и морем во главе с Олегом двинулась на Константинополь. Греки замкнули гавань цепью, перекинув ее с одного берега на другой, и заперлись за могучими константинопольскими стенами. Тогда русы «повоевали» всю округу, захватили огромную до-

бычу, пленных, ограбили и пожгли церкви. А потом Олег приказал своим воинам поставить ладьи на колеса и двинуть их в обход установленного над водой препятствия. При попутном ветре русы развернули паруса, и ладьи пошли к стенам города. Греки ужаснулись при виде этого необычного зрелища и запросили мира.

По мирному договору византийцы обязались выплатить Руси денежную контрибуцию, а затем ежегодно уплачивать еще и дань, предоставлять для приходящих в Византию русских послов и купцов, как и для представителей других государств, определенное продовольственное содержание. Олег добился для русских купцов права беспощинной торговли на византийских рынках. Русы даже получили право мыться в константинопольских банях столько, сколько они захотят.

Договор был закреплен во время личной встречи Олега с императором Львом VI. В знак окончания военных действий и заключения мира русский великий князь повесил свой щит на воротах города. Таков был обычай многих народов Восточной Европы.

В 911 г. Олег подтвердил свой мирный договор с Византией. В ходе длительных посольских переговоров был заключен первый в истории Восточной Европы развернутый письменный договор между Византией и Русью. Этот договор открывается многозначительной фразой: «Мы от рода русского... посланные от Олега, великого князя русского, и от всех, кто под рукою его — светлых и великих князей, и его великих бояр...»

В договоре подтверждены «мир и любовь» между двумя государствами. В 13 статьях соглашения стороны договорились по всем интересующим их экономическим, политическим, юридическим вопросам, определили ответственность своих подданных в случае совершения ими каких-либо преступлений в чужой земле. В одной из статей речь шла о заключении между Русью и Византией военного союза. Отныне русские отряды регулярно появляются в составе византийского войска во время его похода на врагов.

Русско-византийская война 941—944 гг. Дело князя Олега продолжал князь Игорь, уже в зрелом возрасте вступивший на престол.

После смерти могучего воителя Олега созданное им государство стало распадаться: восстали древляне, к границам Руси подошли печенеги. Но Игорю и русской верхушке удалось предотвратить распад. Древляне были вновь завоеваны и обложены тяжелой данью. С печенегами Игорь заключил мир. Одновременно русские поселенцы, поддержанные военной силой, начали продвижение к устью Днепра, появились на Таманском полуострове, близ Керченского пролива, где была основана русская колония. Русские владения подступали вплотную к хазарским границам, к византийским колониям в Крыму и Причерноморье.

Это вызвало негодование в Византии. К тому же местное купечество требовало от императора отменить льготы для русских торговцев. Обострение отношений между двумя странами привело к новой кровопролитной войне, которая продолжалась с 941 по 944 г.

Летом 941 г. огромное русское войско морем и сушей двинулось на Константинополь. Русы учинили разгром пригородов и двинулись к столице, но на подступах к ней были встречены флотом противника, вооруженным «греческим огнем». Под стенами Константинополя весь день и вечер

шел бой. Греки направляли через специальные медные трубы на русские корабли горящую смесь. Это «страшное чудо», как сообщает летопись, поразило русских воинов. Пламя металось по воде, в непроглядной тьме горели русские ладьи. Поражение было полным. Но значительная часть войска уцелела. Русы продолжали поход, двинувшись вдоль побережья Малой Азии. Было захвачено много городов, монастырей, взято в плен изрядное количество греков.

Но Византия успела и здесь мобилизовать силы. Произошли ожесточенные сражения на суше и на море. В сухопутной битве греки сумели окружить русов и, несмотря на яростное сопротивление, одолели их. Потерпел поражение уже потрепанный русский флот. Несколько месяцев продолжалась эта война, и лишь осенью русское войско возвратилось на родину.

В 944 г. Игорь собрал новую рать и вновь выступил в поход. В это же время союзники Руси венгры совершили рейд по византийской территории и подошли к стенам Константинополя. Греки не стали искушать судьбу и выслали навстречу Игорю посольство с просьбой о мире. Новый мирный договор был заключен в 944 г. Между странами восстанавливались мирные отношения. Византия обязалась по-прежнему выплачивать Руси ежегодную денежную дань и предоставить военную контрибуцию. Были подтверждены многие статьи старого договора 911 г. Но появились и новые, соответствовавшие отношениям Руси и Византии уже в середине X в., одинаково выгодные обеим странам. Право беспощинной русской торговли в Византии было отменено.

Византийцы признали владение Русью рядом новых территорий в устье Днепра, на Таманском полуострове. Был усовершенствован и русско-византийский военный союз: на этот раз он оказался направленным против Хазарии, что было выгодно Руси, стремящейся освободить от хазарской блокады свои пути на Восток. Русские военные отряды, как и прежде, должны были приходить на помощь Византии.

Полюдье. Смерть Игоря. Во времена Игоря государство Русь еще больше расширилось. В его состав вошло племя уличей, с которым вел безуспешную войну еще князь Олег. Теперь уличи, как и другие княжения, обязались платить Киеву дань.

Как же собиралась дань с подвластных великому киевскому князю княжений?

Глубокой осенью князь вместе с дружиной объезжал свои владения с целью сбора с них положенной дани. Этот объезд князем своих вассальных владений назывался полюдьем. Таким же образом поначалу собирали дань князья и короли в некоторых соседних странах, где был еще невысокий уровень государственного развития, например в Швеции. Название «полюдье» происходит от слов «ходить по людям».

Объезд продолжался всю зиму и заканчивался ранней весной. Путь шел через земли древлян, их главный город Искоростень; затем княжеский караван направлялся на север к городу Любечу на Днепре, а оттуда попадал в землю дреговичей, здесь же неподалеку жили и радимичи. В верхнем течении Днепра княжеский объезд вступал в Землю кривичей и достигал их главного города — Смоленска. Далее путь шел по зимней Десне на север-

ские земли, а затем через Чернигов киевский князь возвращался назад в Киев. Весь путь, таким образом, был круговой, его длина составляла около 1200—1500 км. День конного пути обычно приравнялся к 30 км. Движение всего каравана с учетом остановок, ночлегов было, конечно, более медленным.

Из чего состояла дань? Конечно, на первом месте стояли меха, мед, воск, лен. Еще со времен Олега основной мерой дани подвластных племен являлись меха куницы, горностая, белки. Причем брались они «с дыма», т. е. от каждого жилого дома. Кроме этого, в состав дани входили продукты питания, даже одежда. Короче говоря, брали все, что можно было взять, примеряясь к той или иной местности, к виду хозяйства.

Была ли дань фиксированной? Судя по тому, что частью полюбья было и кормление князя и его сопровождения, запросы нередко определялись потребностями, а они, как правило, не поддавались учету. Вот почему во время полюбья нередкими были насилия над жителями, их выступления против княжеских людей. Примером этого может служить трагическая смерть князя Игоря.

Во время сбора дани в 945 г. воины Игоря творили над древлянами насилия. Собрав дань, Игорь отправил основную часть дружины и обоза восвояси, а сам, оставшись с «малой» дружиной, решил еще побродить по древлянским землям в поисках добычи. Древляне во главе со своим князем Малом восстали и перебили дружину Игоря. Сам князь был схвачен и казнен лютой смертью: его привязали к двум склоненным деревьям, а затем отпустили их.

Княгиня Ольга. В Киеве осталась жена Игоря с малолетним сыном Святославом. Едва сложившееся государство находилось в критическом состоянии. Однако киевляне не только признали права Ольги на престол в связи с малолетством наследника, но и безоговорочно поддержали ее.

К этому времени княгиня Ольга находилась в расцвете своих физических и духовных сил. Согласно одному преданию она происходила из простого варяжского рода и жила поблизости от Пскова. Игорь увидел ее во время своего пребывания в Псковской земле и пленился ее красотой. В ту пору еще не существовало строгой иерархии при подборе супруги наследнику. Ольга стала женой Игоря.

С первых шагов своего княжения Ольга проявила себя как решительная, властная, дальновидная и суровая правительница. Она отомстила древлянам. Во время переговоров древлянские послы в Киеве были зверским образом убиты, а затем Ольга, поддержанная воеводами Игоря Свенельдом и Асмудом, организовала военный поход в древлянские земли.

В первом же бою киевская рать разгромила древлян. Летопись рассказывает, что бой ритуально начал малолетний Святослав, метнув свое копьё в сторону врага. Древляне бежали и заперлись в стольном городе Искоростень. Несколько месяцев осаждали киевляне древлянскую столицу и в конце концов взяли ее штурмом, предварительно сумев поджечь деревянные постройки города. Древляне были обложены тяжелой данью, часть их была уведена в плен и передана в рабство киевским дружинникам.

В то же время Ольга упорядочила взимание дани, понимая, что всякие произвольные поборы могут вызвать новое восстание свободолюбивого

и мятежного населения. Она прошла с дружиной по древлянской земле и установила для местного населения нормы уплаты дани и места, куда она должна была свозиться.

Такая же реформа взимания дани, ее упорядочение, была проведена и в других землях. Отныне взимать дань должны были представители княжеской администрации на местах. Это был конец полюдья и начало организованной системы обложения налогами Русской земли.

Установив порядок внутри государства, Ольга обратила свои взоры на внешнюю политику. Перед Русью стоял и вопрос установления прочных политических и экономических отношений с сильными соседями. Это могло бы возвысить авторитет и государства, и династии, которая уже прочно утверждалась на киевском престоле.

В 957 г. Ольга отправилась в Константинополь, возглавив пышное и многочисленное посольство, состоявшее более чем из ста человек, не считая obsługi, корабельщиков. Ольга была принята по самому высокому рангу. Ее пригласили в императорские покои на обед, была она принята и императрицей. В ходе бесед император Константин Багрянородный и Ольга подтвердили действие прежнего договора, как и военный союз двух государств, направленный в первую очередь против арабов и Хазарии.

Важным вопросом переговоров стало крещение русской княгини.

К середине IX в. почти все крупные государства Западной Европы, а также часть народов Балканского полуострова и Кавказа приняли христианство — одни по римскому, другие по византийскому образцу. Христианство приобщало государства и народы к новой цивилизации, обогащало их духовную культуру, поднимало на более высокий уровень престиж крестившихся государственных деятелей.

Но для языческого мира процесс этот был непростым и болезненным. Вот почему в большинстве стран принятие христианства проходило в несколько этапов, имело различные формы.

Ольга выбрала для себя в качестве образца личное крещение английских королей. Она, будучи весьма прозорливой правительницей, понимала, что дальнейшее укрепление государственного престижа страны и династии было немыслимо без принятия христианства. Но она понимала и сложности этого процесса на Руси с ее мощной языческой традицией, с большой приверженностью народа и части правящих кругов к старой религии. В крупных городах среди купечества, горожан, части боярства было уже немало христиан, и они имели равные права с язычниками. Но чем дальше от центра государства, тем влияние языческих порядков, а главное, языческих волхвов было сильнее. Поэтому Ольга решила принять личное крещение, положив этому процессу начало в княжеской среде.

Крещение Ольга обставила с подобающей для крупного государства пышностью. Крещение происходило в храме Святой Софии. Ее крестным отцом был сам император, а крестил ее патриарх. Ольга приняла в крещении имя Елена, в честь матери Константина Великого, византийского императора, сделавшего в IV в. христианство официальной религией империи. После крещения Ольга была принята патриархом и имела с ним беседу о вере.

По возвращении в Киев Ольга пыталась склонить к христианству Святослава, говоря, что за князем крещение примет и дружина. Но Святослав, будучи ярым язычником, поклонявшимся дружинному богу Перуну, отказал ей.

Через несколько лет после поездки в Константинополь Ольга направила посольство к германскому императору Оттону I. Цель посольства была двоякой — установить постоянные политические отношения с Германией и укрепить религиозные связи. Ревностный христианин, Оттон I направил в Киев христианских миссионеров. Однако киевские язычники выгнали миссионеров из города и едва не перебили их. По существу, власть в Киеве перешла к Святославу.

Умирая, княгиня завещала похоронить ее по христианскому обряду, а на могиле не справлять языческую тризну.

§ 4. Правление Святослава

Святослав — «Александр Македонский» Восточной Европы. Начиная с того времени, когда в 962 г., возмужав и встав во главе дружины, Святослав реально стал править государством, он принялся за дальнейшее расширение Руси. Ему удалось то, что не сумели сделать предшественники: он подчинил себе княжество вятичей, находившееся в междуречье Оки и Волги.

Продолжил он усилия Олега и Ольги по централизации власти. Олег посадил своих наместников лишь в городах по верховью Днепра — в Смоленске и Любече, а в остальных землях сидели местные князья, хотя и подчинявшиеся ему. Ольга направила управителей в пункты сбора дани. Теперь Святослав, уходя на войну, послал в наиболее важные земли Руси своих сыновей. Старшего сына, Ярополка, он оставлял в Киеве, второго сына, Олега, отправил управлять древлянской землей, а младшего, Владимира, послал с его дядей, известным воеводой Добрыней, управлять Новгородом. Сыновья великого князя в прежних полусамостоятельных княжествах, по существу, становились его наместниками.

Продолжил Святослав и внешнюю политику своих предшественников. Но он придавал ей такие масштабы, вдохнув в нее такую силу и страсть, что поразил воображение и современников, и потомков.

В 964 г. он направился в поход на восток. Главной целью этого похода явилось сокрушение старинного врага — Хазарии.

К этому времени Святослав был уже сложившимся предводителем дружины, смелым в бою, неприхотливым к тяготам воинской жизни. Вот как его описывает летописец: «И легко ходил в походах, как пардус (гепард), и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел. Не имел он и шатра, но спал, подостлав потник, с седлом в головах... и посылал в иные земли со словами: «Хочу на вас итти». Его внешность хорошо передал византийский историк: бритая по русскому обычаю голова с длинной прядью волос, свисающей вниз, золотая серьга с крупным рубином в левом ухе, мрачный взгляд, незатейливая скромная одежда, отличающаяся, однако, своей чистотой, высокое чувство собственного достоинства, веявшее от всей его фигуры.

Пройдя через окско-волжские леса, землю вятичей, свой первый удар Святослав обрушил на Волжскую Булгарию — союзника Хазарии. Армия булгар была разгромлена, а их столица Булгар и другие города были взяты, а население разогнано. Попутно Святослав разгромил враждебных Руси буртасов, захватил и пожег их города, а население рассеял.

Затем русская рать спустилась вниз по Волге и подошла к границам Хазарского каганата. Удар с севера был стремительным и неожиданным. Обычно русские рати приходили к границам Хазарии по Азовскому морю и Дону. Теперь же они вначале разгромили союзников Хазарии. В этом виден хорошо продуманный план всей военной кампании.

Сам каган вышел с войском навстречу русам, но был разбит, а столица Хазарии, город Итиль в низовьях Волги, была также захвачена Святославом.

Огнем и мечом прошла русская рать по всей хазарской земле, оставив позади себя разрушения и пепелища. Сначала путь Святослава лежал в хазарские владения на Северном Кавказе. Оттуда он двинулся к Дону, разбив по пути враждовавшие с Русью и союзные Хазарии племена ясов и касогов (нынешних осетин и черкесов). На берегу Дона войско Святослава взяло штурмом хазарскую крепость Саркел, которая была построена здесь еще в IX в. с помощью византийских инженеров для охраны хазарских границ от русских. Следы пожаров, разрушенных зданий, разбитых крепостных стен — таким предстает Саркел по данным археологов. Крепость буквально была стерта с лица земли.

Таким образом, цель похода была достигнута. Хазария, по существу, прекратила свое существование как сильное государство.

Оставив на захваченной территории гарнизоны, Святослав вернулся в Киев, а его отряды начали нападения на крымские владения Византии. Руссы продолжали линию прошлых лет: богатые греческие колонии по-прежнему привлекали их внимание. Отношения с Византией стали напряженными.

Походы на Дунай. В ходе трехлетнего Восточного похода Святослав захватил огромные территории от окских лесов до Северного Кавказа. Византийская империя при этом хранила молчание: действовал русско-византийский военный союз.

Но теперь, когда северный исполин стал оказывать давление на византийские владения в Крыму, в Константинополе забеспокоились. В Киев был срочно послан гонец с целью уладить отношения между Русью и Византией.

Уже в это время в Киеве зреет план вторжения в Подунавье и присоединения устья Дуная к Руси. Но эти земли принадлежали Болгарии, враждебной в ту пору Византии, и Святослав заручился нейтралитетом Византии во время его предстоящего похода на Дунай, а за это обещал отступить от крымских владений империи. Это была уже большая дипломатия, которая имела в виду интересы Руси как на Востоке, так и на Западе.

Летом 967 г. русское войско во главе со Святославом двинулось на юг. Русскую рать поддерживали венгерские отряды. Болгария опиралась на помощь враждебных Руси ясов и касогов и на хазарские отряды.

Война с Болгарией была закончена очень быстро. Верный своей молниеносной манере ведения военных действий, Святослав прорвался через болгарские форпосты и в чистом поле разбил войско болгарского царя Петра. Болгары были вынуждены заключить мир, по которому нижнее течение Дуная с сильной крепостью Переяславец отошло к Руси.

Вот здесь-то и выявились истинные планы Святослава. Он переносит сюда свою резиденцию и, согласно летописи, заявляет: «Не люблю мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки (драгоценные ткани), вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии — серебро и кони, из Руси же — мех и воск, мед и рабы».

Появление Святослава на Дунае и поражение Болгарии встревожили Византию. Теперь рядом появился жестокий, удачливый и беспощадный соперник. Попытка византийской дипломатии сравнить Болгарию и Русь и тем самым ослабить обеих не удалась.

Подкупив печенегов, византийцы организовали их поход на Киев. Святослав был вынужден идти на выручку своему стольному городу. Отгнав печенегов и заключив с ними мир, Святослав в 969 г. вновь вернулся на Дунай. Именно в это время он посадил своих сыновей-наместников в русских княжествах.

За время его отсутствия болгары овладели Переяславцем, но Святослав быстро восстановил прежнее положение: болгарское войско было вновь разбито, и Переяславец оказался в руках руссов.

Русско-византийская война и гибель Святослава. В Константинополе в это время пришел к власти талантливый полководец и государственный деятель, армянин по национальности, Иоанн Цимисхий. Византийцы потребовали ухода русской рати из Подунавья. Но Святослав за оставление здешних городов запросил немислимый выкуп. И когда греки ответили отказом, то гордо заявил, что он скоро поставит свои шатры перед стенами Константинополя. Стороны шли к войне.

Святослав сумел привлечь к военному противоборству с Византией своих давних союзников — венгров; нанял он и печенежскую конницу. В состав объединенного войска вошел также отряд дружественных Руси болгар.

Широкие военные действия разгорелись на просторах Фракии и Македонии летом 970 г. По данным византийских авторов, киевский князь вел за собой 60 тысяч человек, не считая союзников.

Первый этап войны руссы выиграли. В решающей битве с полководцами Иоанна Цимисхия Святослав одержал победу. В критический момент битвы, когда руссы устремились превосходящих сил противника, Святослав обратился к воинам с речью:

«Да не посрамят земли Русской, но ляжем костями, мертвые сраму не имут». Руссы дружно ударили на врага и победили.

Однако византийцы подтянули новые войска, сумели разгромить одну из частей русского войска, которая поддерживалась союзниками. С обеих сторон было уже много жертв, война принимала затяжной характер. Сам Святослав с основным войском находился уже на подступах к Константинополю, и греки запросили мира.

По миру, заключенному в 970 г., руссы добились сохранения своих позиций на Дунае, византийцы обязались выплачивать, как и прежде, дань Руси, сохранялись условия прежних договоров.

После этого Святослав ушел на Дунай, а Иоанн Цимисхий начал готовить новую армию. Для этого были мобилизованы все силы, стянуты отовсюду лучшие войска.

Весной 971 г., в дни, когда весь христианский мир праздновал Пасху, неожиданно для руссов Иоанн Цимисхий осуществил прорыв своих войск через Балканский хребет и вышел в Болгарию. Там, на ее полях, поспешивший навстречу врагу Святослав дал грекам несколько сражений. Но перевес сил был уже на стороне Византии. Союзники Святослава покинули его. В конце концов византийская армия блокировала русское войско в дунайской крепости Доростол. В июле 971 г. Святослав попытался прорвать кольцо блокады и вышел из крепости на последнее сражение. Натиск руссов, предводительствуемых самим князем, был столь стремителен, что греки дрогнули, и тогда Иоанн Цимисхий, сияя золочеными латами, сам повел в бой войска. Святослав был ранен в бою. Руссам пришлось отступить. Русский великий князь запросил мира, который был с радостью принят византийцами.

По условиям мирного договора 971 г., скрепленного личной встречей Святослава и Иоанна Цимисхия, руссы должны были покинуть Дунай; они обязались не нападать более на здешние земли. Но за Русью сохранились завоевания в Причерноморье и Поволжье. Восстанавливались условия старого русско-византийского договора.

Святослав обратился также к византийскому императору с просьбой помочь в проходе русской рати через земли, контролируемые печенегами. Иоанн Цимисхий обещал сделать это. Но, вместо того чтобы выполнить условия договора, греки решили убрать своего опасного соперника: к печенегам греческое посольство везло золото, дорогие подарки и просьбу императора нанести удар Святославу во время его возвращения в Киев.

Осенью русская рать появилась в устье Днепра. Но все пути на север были перерезаны печенегами. Тогда Святослав зазимовал в русских поселениях, расположенных на берегах днепровского устья.

Весной 972 г. он снова попытался прорваться в Киев, но на порогах, там, где руссы перетаскивали свои ладьи берегом, минуя бурлящие водовороты, печенеги подстерегли его. Небольшое русское войско было окружено и уничтожено. Сам Святослав погиб в бою. А из его черепа печенежский хан Куря по старому степному обычаю сделал чашу, оковал ее золотом и пил из нее на пирах.

Первая усобица на Руси. После гибели Святослава в Киеве власть взял юный Ярополк, окруженный отцовскими воеводами. Олег, который был на год младше, правил в древлянской земле, самый младший, Владимир, сын Святослава от наложницы Малуши, сидел в Новгороде.

После смерти отца и Олег, и Владимир оказались самостоятельными правителями своих земель. Они стали центром притяжения сил, которые хотели вновь добиться самостоятельности от Киева.

Ярополк зарекомендовал себя поначалу как правитель, который стремился закрепить завоеванное предшественниками. С малолетства оторванный от отца, он находился под большим влиянием своей бабки — христианки Ольги. Его женой стала красавица-гречанка — монахиня, которую Святослав захватил во время войны с Византией.

Однако через три года положение резко изменилось. И вновь угроза единству Руси пришла из древлянских земель. По приказу княжившего там Олега, которому было всего 13 лет, в древлянских лесах был убит великокняжеский воевода.

Результатом этой распри явился через два года поход киевской рати во главе с Ярополком против древлян. Киевляне одолели древлян, те бежали за крепостные стены города Овруч. На мосту через крепостной ров произошла давка, в которой и погиб молодой князь Олег. Древляне снова были подчинены Киеву.

Стремление отделиться выказал и Новгород. Получив весть о гибели брата, Владимир бежал к варягам. На его место Ярополк послал своего наместника. Русская земля вновь была объединена. Но Владимир не смирился с положением князя-изгоя. Проведя два с лишним года на чужбине, он нанял отряд варягов и выбил наместника Ярополка из Новгорода. Потом он собрал большую рать, состоящую из словен, кривичей и чуди, и вместе с варягами двинулся на юг, повторяя путь Олега.

Снова Север предъявил свои претензии на лидерство в русских землях. Снова Новгород взял на себя инициативу объединения Руси. По пути Владимир овладел Полоцком, где убил княжившего там варяга Рогволода и его сыновей, а его дочь Рогнеду насильно взял себе в жены. В Киеве положение Ярополка было непрочным. Дружина с недоверием относилась к князю, который покровительствовал христианам. К тому же Владимир вступил в тайные переговоры с некоторыми киевскими боярами, в том числе и близкими к Ярополку.

В результате Ярополк не сумел собрать войска для борьбы с братом и заперся за киевскими стенами. Чувствуя, что в Киеве назревает против него заговор, Ярополк бежал из города, а потом по совету своих бояр, уже тайно перешедших на сторону Владимира, явился к нему на переговоры. Едва Ярополк вошел в шатер Владимира, как тут же был поднят на мечи двумя варягами.

§ 5. Русь во времена Владимира Святославича

Правление Владимира. С 980 г. Владимир стал единоличным правителем Руси. Празднуя свою победу над Ярополком и отдавая должное поддержавшим его язычникам Севера и Киева, он поставил на холме неподалеку от своего дворца статуи всем наиболее популярным языческим богам во главе с Перуном.

В первые годы своего правления Владимир вел себя как необузданный и жестокий язычник.

Но уже в эти годы Владимир решал крупные государственные вопросы. Хотя Новгород и Киев были вновь объединены, древляне вели себя смиренно, а весь днепровский путь оказался в руках Владимира, Киеву перестали

подчиняться радимичи и вятичи. Владимиру потребовалось три года, чтобы покорить восставшие племена.

Как и его отец, Владимир в дальнейшем крепкой рукой держал единство Руси. Он посылал в различные земли, бывшие племенные княжения, своих сыновей, которые являлись его наместниками. Старшего, Вышеслава, он направил в Новгород, а после его смерти послал туда третьего сына — Ярослава, Бориса отправил в Ростов, в землю вятичей, Глеба — в Муром, Святослава — в древлянскую землю, Всеволода — во Владимир на Волыни, Мстислава — в далекую Тмутаракань на Таманском полуострове. Святополк, родившийся от Ярополка и усыновленный Владимиром, был отослан в Туров.

Продолжил Владимир и внешнюю политику своего отца Святослава, вновь нацелившись на земли по Дунаю. Поход против Болгарии хотя был успешен, но русские не рискнули закрепиться там и заключили с Болгарией мир.

В начале правления Владимира обозначилось новое направление внешней политики Руси — западное. К этому времени на западных границах Руси сложилось сильное Польское государство во главе с его основателем князем Мешко I из династии Пястов. Он вместе с дружиной принял христианство по римскому образцу. С этого времени польская церковь стала ориентироваться на папу римского. Главным противником Польши на западе были германские княжества, на востоке же мощным противником стала Русь. Спорными на долгие годы оказались земли так называемой Червенской Руси с городами Перемышль, Червен и др. Едва заняв престол, Владимир организовал поход на юго-запад и подчинил эти земли Руси. Таким образом, территория Руси еще более расширилась.

Из приазовских степей в течение всего X в. в Причерноморье выходили все новые и новые орды печенегов. Печенежские орды, или колена, как их называли на Руси, объединялись в большие союзы. С этими-то союзами Русь и имела дело со времен Игоря и Святослава. С одними из них русские князья вели упорное противоборство, с другими заключали мирные договоры и привлекали их золотом и подарками на свою сторону в качестве союзников.

Печенеги периодически грабили русские города и села, уводили жителей в плен, а после продавали их на невольничьих рынках. Крупное поражение Владимир нанес печенегам в 992 г. В честь этой победы князь основал город Переяславль [от слов «перейать» («перенять») «славу»]. Но через четыре года новая печенежская орда подошла к городу Василеву близ самого Киева. Владимир вышел против врагов с небольшой дружиной, был разбит, и лишь чудо спасло его. Во время бегства князь спрятался под мостом, а печенежские всадники проносились над ним. В этот критический час своей жизни Владимир (уже принявший к этому времени христианство) обещал в случае спасения поставить в Василеве церковь Преображения, так как на этот день пришелся этот церковный праздник. Вскоре князь выполнил обет, и в Василеве появилась новая церковь, как бы напоминающая о превратностях человеческой жизни.

Создание оборонительной системы на юге. Стремясь оградить южные границы Руси от постоянных набегов печенегов, Владимир предпринял

строительство крепостей, которые располагались на днепровском левобережье, вдоль рек, впадающих в Днепр. Здесь было меньше лесов, и степь подходила вплотную к Чернигову, от которого был один день конного пути до Киева. Четыре линии крепостей на расстоянии 15—20 км встали в этом районе на границе со Степью. Большинство этих форпостов располагалось близ бродов, куда в первую очередь устремлялась печенежская конница. Киев, как известно, расположен на правом берегу Днепра. Печенегам, чтобы попасть на этот берег, надо было перейти реку вброд под городом Витичев, а затем пройти через долину реки Стугна. Но как раз здесь и стояли крепости Владимира, соединенные высокими валами.

В глубине этой линии киевский князь построил город-крепость Белгород, который со временем стал местом сбора всех русских сил во время нашествия печенегов.

Для предупреждения об опасности Владимир ввел систему светового оповещения. На высоких холмах или специально насыпанных курганах стояли сигнальные башни. Оттуда был хороший обзор на многие километры. Как только вдали степь начинала «дымиться», это означало, что конные массы печенегов идут походом на Русь. Огненные сигналы передавались от одной башни к другой, и через несколько минут в Киеве уже знали о приближающейся опасности.

Но, пожалуй, самым важным в этой системе противоборства со степными кочевниками стала практика привлечения в города-крепости наиболее смелых, сильных, мужественных воинов. По указу Владимира сюда стали привлекаться прежде всего удалыцы с Русского Севера — новгородские словене, кривичи, выходцы из чудских земель, а также вятичи. В этих пограничных со степью городках-крепостях в постоянных сечах с печенегами формировались русские богатыри, о которых сложено столько легенд и былин.

Истоки русского христианства. Правление Владимира Святославича связано с таким историческим событием, как принятие Русью христианства.

Самые ранние известия о проникновении христианства в восточно-славянские земли восходят еще к первым векам новой эры, когда в Малой Азии, на Балканском полуострове, в Северном Причерноморье и Крыму вели свои проповеди первые христианские апостолы и их ученики.

Первые подступы к крещению Русь сделала в IX в. Тогда дважды руссы принимали крещение. Но языческая реакция бесследно поглощала эти первые попытки русских князей приобщить свой народ к христианству. И все же христианство медленно, но верно вербовало себе сторонников. Под влиянием Византии христианские храмы были построены на Таманском полуострове, в Керчи. Христианские проповедники обращали в христианство русов, живших в Крыму. Херсонес стал центром христианства во всем Северном Причерноморье. Здесь с незапамятных времен существовала самостоятельная митрополия, т. е. церковная организация во главе с митрополитом. Мощное влияние оказали проповеди и широкая просветительская деятельность «славянских апостолов» Кирилла и Мефодия, которых высоко чтили на Руси даже в языческие времена.

Во времена Игоря в Киеве уже было немало христиан и стояла церковь Святого Ильи. После крещения Ольги христианизация пошла более быстрыми темпами. Связи киевского двора с западными христианами показывают, что в ту пору Русь не хотела ориентироваться на какую-то одну из церковных сторон: добрые отношения поддерживались и с византийской, и с римской церковью.

Несмотря на подавляющее значение язычества, Русь отличалась большой веротерпимостью. Здесь свободно отправляли свои религиозные культы мусульмане и иудеи, христиане из Византии, из немецких, польских, чешских земель.

Приход к власти Владимира, казалось, надолго определил торжество язычества. Но жизнь брала свое. Русская правящая верхушка прекрасно понимала необходимость принятия христианства. И не случайно Владимир поставил на холме главных языческих богов во главе с Перуном, пытаясь в языческой религии найти опору государственного единства страны. Во-первых, этого требовали интересы развивающегося государства. Оставаться в христианском мире языческой окраиной означало изоляцию от всего европейского сообщества стран. Во-вторых, новая религия с ее монотеизмом (единобожием) вполне соответствовала сущности нового единого государства во главе с монархом. В-третьих, христианство цементировало семью, ячейку общества, вводило новую мораль, требовало гуманного отношения к женщине, матери, детям, к человеку вообще. Это не могло не содействовать прогрессу общества. В-четвертых, приобщение к христианству могло помочь в развитии культуры, духовной жизни страны: христианство уже обладало хорошо разработанной философской системой, породило богатую богословскую литературу. Постепенные контакты с христианскими странами содействовали приобщению Руси к духовности и культуре этого мира. В-пятых, вызревание на Руси новых общественных отношений, все более быстрое и глубокое социальное расслоение требовали новой идеологии. Язычество с его равенством людей перед силами природы не могло объяснить и оправдать происхождение и нарастание неравенства.

Несмотря на экономические, политические, культурные и религиозные связи Руси с Византией, христианство по византийскому образцу не сразу получило преимущественное право на официальное внедрение в русских землях.

В летописи рассказывается о том, как к Владимиру приходили религиозные миссии из мусульманской Волжской Булгарии, из иудаистской Хазарии, из немецких земель, где утвердилось христианство римского толка. Прибыл проповедник и из Византии, который изложил Владимиру смысл православного христианства.

Владимир внимательно выслушивал миссионеров, советовался с боярами и киевлянами. Приводится и такой эпизод: когда мусульманские миссионеры, хваля свою религию, обмолвились, что ислам запрещает употребление вина, Владимир будто бы воскликнул: «Руси есть веселье питье, не можем без того быть». В свою очередь Владимир послал миссии в разные страны с целью собрать информацию о бытовавших там религиях. Предпочтение было отдано византийскому христианству.

Крещение Владимира. На первых порах все новые черты христианской религии, конечно, не могли себя проявить полностью. Поначалу перед русским правительством стояли чисто практические вопросы: как использовать принятие христианства для возвышения престижа Руси и авторитета династии? Византия же стремилась христианизировать Русь для того, чтобы оказывать на нее политическое влияние и обезопасить себя от русских набегов.

С этими прямо противоположными целями начали Русь и Византия в 987 г. переговоры, в ходе которых Империя просила у Руси помощи против мятежников. Была затронута и проблема крещения. На этих переговорах Владимир потребовал себе в жены сестру императора Василия II принцессу Анну. Это могло бы сильно возвысить государственный престиж Руси в Европе и Азии, укрепить авторитет династии внутри страны. Не случайно многие монархи Европы и Азии стремились породниться с византийским императорским домом.

Византийцы, нуждавшиеся в русской помощи, согласились с требованием Владимира, но предложили ему принять крещение. Владимир согласился. Русский отряд был направлен в Византию, и антиправительственный мятеж был подавлен. Но, когда опасность миновала, греки не торопились выполнять договор о браке Анны и Владимира. Ситуация резко изменилась. Владимир собрал рать и в 988 г. двинулся на центр византийских владений в Крыму — Херсонес (Корсунь).

Осада продолжалась несколько месяцев. В конце концов с крепостных стен в стан Владимира была пущена стрела, к которой была прикреплена записка. В ней говорилось, что для взятия города необходимо перекрыть водопровод, который находится к востоку от городских стен. Стрела была послана от имени священнослужителя Анастаса. Воины Владимира нашли трубопровод и перекрыли его. Вскоре изнемогающие от жажды жители города сдались на милость победителя.

После этого Владимир послал в Константинополь гонцов и передал с ними, что если Анна не прибудет к нему в Херсонес, то русская армия атакует Константинополь. Владимир подтвердил свое обещание принять крещение. Анна отказывалась ехать на Русь, плакала и говорила: «Лучше мне умереть». Но византийский император Василий II уговорил ее помочь Византии, и вскоре корабль, где находились принцесса, ее свита, священники, прибыл к берегам Крыма.

В Херсонесе Владимир принял крещение, подчеркнув тем самым добровольность этого акта со стороны Руси и независимость от воли Византии. В христианстве он взял имя Василий в честь императора Василия II, с которым Владимир становился как бы вровень. Херсонес был возвращен империи. Вместе с великим князем крестилась и часть дружины. Подобным же образом Хлодвиг, король франков, принял крещение вместе со своими войнами.

Владимир вернулся в Киев, взяв с собой из Херсонеса иконы, церковную утварь, выведя оттуда часть священников. Прихватил он с собой и мощи святых Климента и Фива. Ушел с Владимиром и священник Анастас, помогший ему овладеть городом.

Христианизация Руси. Между крещением князя Владимира и крещением всей Русской земли прошло немало времени. Лишь в 990 г. Владимир предпринял первые шаги по введению христианства на всей территории Руси. Это было большое испытание для народа, особенно на севере, где язычество было в большой силе и языческие волхвы являлись выразителями умонастроения людей.

Вначале крещение приняло население Киева. В один из летних дней по приказу Владимира были опрокинуты языческие идола во главе с Перуном. На следующее утро все жители города явились к реке. Там все они — мужчины, женщины, дети — вошли в воду, и над ними священники провели обряд крещения. Тут же великий князь приказал начать строительство церквей. Первую из них — церковь Святого Василия — он указал поставить на холме, где прежде возвышалось изображение Перуна. Следом за этим началось обращение в христианство других русских городов и земель. Этот процесс занял несколько лет.

Христианизация Новгорода была поручена дяде князя Добрыне. Языческий Новгород выступил против прихода Добрыни со священниками и крестьянами. Лишь после ожесточенных стычек, в ходе которых язычники разгромили двор Добрыни и убили его близких, новгородскому наместнику удалось сломить сопротивление восставших. Много людей было жестоко наказано. С таким же трудом вводилось христианство в Ростове и других землях. В сельских, лесных районах язычество еще долго сохраняло свои позиции.

Христианизация Руси проводилась не только путем княжеских указов, но и другими путями. В Киев из Византии привозили иконы, священные книги; был организован их перевод на славянский язык, повсюду воздвигались христианские храмы.

Одной из особенностей византийского христианства являлось то, что оно разрешало вести церковную службу в землях новообращенных народов на их родном языке, в отличие от римской церкви, которая допускала богослужение лишь на латинском языке. Это приближало новую религию к народу, делало ее частью его духовной жизни, быта и культуры.

Владимир не мог не учитывать и еще одной особенности византийской церковной организации. Во главе ее стоял не церковнослужитель, как римский папа, а глава светской власти — император, ему подчинялся патриарх. Эта традиция переносилась на Русь.

В 996 г. в Киеве было окончено строительство огромного главного храма Руси — каменного собора Богородицы. Строилась и украшалась эта церковь греческими мастерами и иконописцами. В этот собор Владимир передал церковную утварь и иконы, вывезенные из Херсонеса. Службу там вели херсонесские священники во главе с Анастасом. На содержание этого храма Владимир дал десятую часть княжеских доходов. Поэтому с тех пор церковь стала называться Десятинной.

Вместе с христианством на Русь пришла грамотность, стали создаваться первые школы. Туда Владимир приказал забирать детей из «нарочитых», т. е. богатых, семей. Со страхом и плачами отдавали матери в учение своих детей, не ведая, для чего все это делается.

Историческое значение крещения Руси. Поначалу христианские церкви были маленькими очагами в море язычества. Лишь позднее при поддержке

государственной власти церковь стала укореняться в народной среде, в городах и селах. Но пройдет еще несколько веков, прежде чем она повсеместно возьмет верх над язычеством.

Но язычество так до конца и не слалось. Русь стала страной, где осуществилось необычайное и довольно прочное сочетание христианских догматов, правил, традиций и старых языческих представлений. Возникло так называемое двоеверие. Христиане молились в церквях, клали поклоны перед домашними иконами, но одновременно справляли старые языческие праздники. Так, праздник Коляды слился с Рождеством Христовым и Крещением. Сохранился и праздник Масленицы, который и доныне отмечается перед Великим постом. Веря в Христа и святых угодников, представители всех слоев общества, но особенно простой люд, продолжали считаться с домовыми и лешими, русалками и упырями.

Когда мы говорим об историческом значении введения христианства, то прежде всего имеем в виду последующее развитие церкви, ее постепенное укоренение на русской почве и то всестороннее влияние на русскую жизнь — экономическое, политическое, духовное, культурное, — которое церковь стала со временем оказывать.

В дальнейшем церковь получила обширные земли, на которых стала организовывать собственное хозяйство. В первую очередь это относится к монастырям — религиозным братствам, где члены этого братства — монахи — давали обет безбрачия, уходили от всего земного и целиком обязались посвятить себя Богу. Монастыри стали управляться игуменами. Они, получив от великих князей земли в собственное владение, развернули на них земледельческое хозяйство, в котором использовали труд зависимых, обедневших людей; практиковали они и разведение скота, огородничество. Монастыри обеспечивали себя всем необходимым. Со временем они стали центрами торговли и даже ростовщичества.

В монастырях было немало монахов, которые вели высоконравственную жизнь, становились подвижниками христианской идеи и христианской морали. Тем самым они оказывали сильное духовное и религиозное влияние на окружающий мир.

С течением веков, укрепившись в экономическом смысле, воспитав из русской среды высокообразованные кадры, церковь стала оказывать все большее влияние на политическую жизнь страны. Некоторые крупные церковные иерархи — митрополиты, епископы — участвовали в государственных интригах, поддерживали того или иного князя в политической борьбе. Однако церковь старалась быть выше мелких политических интересов, и ее лучшие представители выступали за единство Руси, против междоусобиц. Известно немало случаев, когда видные церковные деятели выполняли миссии миротворцев, возглавляли общерусские патриотические движения, обличали князей за их корыстолюбие, эгоизм, политическую ограниченность, трусость.

При церквях и монастырях создавались школы, и первые древнерусские грамотеи прошли выучку в монастырских кельях. Здесь же трудились и первые русские художники, создавшие с течением времени прекрасную школу иконописи. Монахи, деятели церкви в основном являлись создате-

лями замечательных летописных сводов, разного рода светских и церковных сочинений, поучительных бесед, философских трактатов.

С годами великие князья поручали церкви судопроизводство по всем религиозным делам, а также по делам семейным. В церковных «уставах», которые были основанием для такого судопроизводства, церковь выступала за поддержание христианских начал в обществе и семье, за человеколюбие, терпимость, за уважение детей к родителям, за уважение к личности женщины, старалась защитить обиженных и угнетенных. Церковь выступила против языческих обычаев: похищения девиц, многоженства, браков в близких степенях родства, насильственной выдачи дочерей замуж; преследовала преступления, унижающие человеческую личность. В этом смысле церковь, духовенство активно работали на укрепление семьи, общества, государства, способствовали снижению уровня эксплуатации.

Однако, содействуя развитию культуры, грамотности, церковь одновременно всеми силами подавляла культуру, основанную на языческих традициях и обрядах. Преследовались веселые праздники, Коляды и Масленицы, как бесовские, карались скоморошество, игра на народных инструментах.

Помогая экономическому, культурному, религиозному сближению с Византией и другими православными странами (Болгарией, Сербией), церковь в своей борьбе против «латинства», против папского Рима (особенно после окончательного раскола византийской и римской церквей в 1054 г.) способствовала изоляции Руси от некоторых духовных процессов, протекавших на Западе.

Личность Владимира. Владимир предстает перед нами как личность исключительно сложная и противоречивая.

Он был младшим сыном Святослава, рожденным от его наложницы Малуши, ключницы княгини Ольги. В детстве Владимир был отослан отцом в Новгород и тем самым оторван от княжеской семьи, от влияния со стороны бабки — княгини Ольги, христианки.

На Русском Севере среди языческого окружения находящийся под влиянием своего дяди Добрыни Владимир сформировался не только как убежденный язычник, но и как противник киевских порядков, как враг той среды, которая отринула и вытолкнула его на обочину жизни.

Возможно, все это и явилось причиной той ярости и страстной воли, с которыми Владимир включился в борьбу за престол. Он водворился в Киеве через насилия, убийства, прошел по пути ожесточенных войн, грандиозных побед и тяжких поражений.

С каждым годом Владимир все более проявлял себя как крупный государственный деятель, подлинный реформатор, глубоко верующий человек. Словно забыв жестокие и порой вздорные дела своей молодости, он приступил к решению важных государственных проблем, среди которых были организация обороны русских земель от набегов печенегов, христианизация Руси, реорганизация управления русскими землями, развитие культуры и образования.

С течением времени православная церковь объявила Владимира святым, равноапостольным (т. е. равным апостолам раннего христианства).

ГЛАВА 4. ЭПОХА ЯРОСЛАВА МУДРОГО

§ 1. Основные черты русской истории к началу XI в.

15 июля 1015 г. умер великий киевский князь Владимир I Святославич, четвертый в династии Рюриковичей, прожив немногим более 50 лет. Князь занемог уже давно. Болезнь с каждым днем усиливалась, и становилось ясно, что ближайшее время может породить на Руси очередной династический кризис. Рядом с собой в своем загородном дворце в селе Берестово великий князь держал постоянно одного из младших сыновей, любимого им Бориса, ростовского князя, родившегося, как и другой его сын, Глеб, от византийской принцессы Анны, т. е. в христианском браке. Именно поэтому он рассматривался некоторыми современниками как действительно легитимный наследник престола. Но у Владимира было к этому времени в живых 11 сыновей. Его старший сын — от полоцкой княжны Рогнеды — Ярослав не собирался отказываться от своих прав на киевский стол. Но был еще Святополк, по рождению старше Ярослава, пасынок Владимира, сын убитого им брата Ярополка.

У каждого из братьев и при дворе, и в тех местах, где они «сидели» на княжениях, была своя партия, были свои дружины, готовые поддержать претендентов на киевский стол. Но пока был жив Владимир, династические противоречия между его наследниками не проявлялись столь остро, хотя уже имелись некоторые признаки надвигающейся драмы. Так, Святополк, женатый на дочери польского короля Болеслава I, организовал заговор против ненавидевшего его отчима. Вдохновителем заговора стал епископ колобжегский Рейнберн, который прибыл в Киев вместе с польской принцессой. Вероятно, заговор возник в пору обострения польско-русских отношений и упорной борьбы между Польшей и Русью за так называемые червенские города — Перемышль, Червен и др. Но заговорщики, в том числе и Святополк, были схвачены и посажены в темницу, где епископ и закончил свои дни. Святополк же был выпущен на свободу и отправлен на княжение в недалекий от Киева Туров, где находился под постоянным присмотром отца. Болезнь и смерть Владимира вновь всколыхнули все приглушенные было противоречия.

Ко времени смерти Владимира Русь, пережив немалые потрясения, превратилась в одну из сильнейших держав Восточной Европы. Владимир наследовал вместе с киевским столом по меньшей мере уже вековую и славную историю объединенного государства восточных славян. Четко определились внешние границы этого государства. К началу XI в. в состав Руси вошли практически все крупные восточнославянские союзы племен, а также населявшие Восточно-Европейскую равнину на севере, северо-западе и северо-востоке угро-финские и балтские племена, на юге и юго-востоке — тюркские. Русь к этому времени была уже полиэтническим государством, в котором иные, неславянские, народы были и данниками, и союзниками, и полноправными жителями огромной страны. Сцепленные воедино государственной волей киевских князей, общими жизненными,

хозяйственными, торговыми интересами, а также необходимостью обороняться от внешних врагов, многочисленные бывшие восточнославянские и иноязычные племена и племенные конфедерации уже несколько десятилетий существовали в составе единого государства, деля с ним его историю, достижения, успехи и неудачи.

Но это единство было еще непрочным, относительным, как и единство других европейских раннесредневековых государственных образований, скажем сначала Франкского государства, с X в. — Священной Римской империи, позднее — Франции, Германии, Англии, а также Польши, Чехии. Давали себя знать прежние племенные распри, стремление вновь присоединенных племенных конфедераций во главе со своими крупными городскими центрами к былой самостоятельности. Иноязычные народы еще не стали органической частью страны, нередки были их волнения, колебания, особенно в критические для Руси периоды. Давало себя знать и старинное соперничество Киева и Новгорода за политические влияния на Руси. В X в. одно за другим следовали восстания и подчиненных Киеву земель, бывших ранее племенными конфедерациями. Неоднократно брались за оружие древляне, приходилось подчинять силой «отлагавшихся» вятичей, радимичей. И конечно, камнем преткновения для Киева оставался Новгород, Новгородская земля.

В течение X в. Новгород неоднократно одерживал верх в борьбе с Киевом и диктовал ему свою политическую волю. Поэтому не случайно было привилегированное положение Новгорода, куда со второй половины X в. посылался наместником старший из княжеских сыновей.

К началу XI в. четко обозначились границы Руси: на севере земли Новгорода вплотную подходили к владениям карелов по берегам Финского залива и озера Нево (Ладожского озера); на северо-западе новгородские и полоцкие земли граничили с владениями балтских племен по среднему течению Немана и Западной Двины. На западе русско-польская граница стабилизировалась по среднему течению Западного Буга, а далее по линии Дорогичин — Берестье — Червен — Перемышль. «Червенские города» отошли к Руси, а по ту сторону простирались Мазовия и Малая Польша с городами Люблин и Сандомир, далее граница шла по среднему течению Южного Буга, Днестра и Прута. Эта часть границы была скреплена «любами» (договорами) с польским королем. На юге владения Руси упирались в оборонительную систему городов и крепостей, основанных Владимиром в борьбе против печенегов. Эта часть границы была непостоянна, изменчива; здесь шла извечная борьба с кочевниками. На юго-востоке и востоке русские владения доходили до верховьев Дона, Сейма и Сулы, а далее, от верховьев Дона, упирались в рязанские леса. Южнее и здесь шла степь, откуда постоянно осуществлялись набеги кочевников на черниговские земли. На северо-востоке владения Руси выходили в междуречье Оки, Клязьмы и Волги, где жили вятичи, и подходили к границам Волжской Булгарии. Здесь, в северо-восточном углу Руси, в суровых лесах, попеременно жили угро-финские племена, которые были своеобразной «исторической прокладкой» между Русью и Булгарией. К концу X в., несмотря на постоянную опасность с юга со стороны кочевников, Русь сумела отвоевать себе форпо-

сты на Таманском полуострове, где появилось русское Тмутараканское княжество, и в устье Днепра, в районе Олешья, где зимовал перед роковым возвращением в Киев Святослав Игоревич.

К началу XI в. Русь, стабилизировав свои границы с соседями и обозначившись как единое, с централизованным управлением, восточнославянское государство, определила и свои долговременные интересы, которые просматривались сквозь первые нападения русских дружин на берега Пропонтиды (земли, расположенные у входа в Босфор) и южное побережье Малой Азии; их прорывы через хазарские посты на Волгу, на Северный Кавказ и в Закавказье, сквозь грандиозные походы Святослава на Восток и Балканы, с попыткой закрепиться на Дунае, а также сквозь тяжелые и длительные войны Руси с Польшей за «червенские города» и постоянное противоборство с карелами, чудью, балтскими племенами.

Из глубокой древности обозначилось стремление Руси к овладению восточной частью пути «из варяг в греки», стратегически важными землями в устье Днепра и всем юго-западным побережьем Черного моря, которое было ключом, открывающим торговые пути в сердце Европы по Дунаю и через земли Болгарии в Византию и на Балканы. Активную политику в этом направлении проводили Олег, Игорь, Ольга, Святослав, Владимир. Но если днепровское устье было завоевано и русские владения порой простирались до подступов к Дунаю, то само Подунавье оставалось за семью печатями. В XI в. Русь вступила, так и не решив этой своей внешнеполитической и военно-стратегической задачи.

Не удалось Руси поставить под свой контроль и торговый путь, идущий из Прибалтики через новгородские земли и далее в северо-восточные русские земли на Волгу и Каспий. Ключи от этого пути держали волжские булгары. Кочевники контролировали торговый путь, осью которого были Дон, Азовское море, Волга и берега Каспия, — так называемый Восточный путь, по которому открывались дороги на Восток — в Хорезм, Бухару, к «Железным воротам» — Дербенту, в Закаспий, в Хорасан. Хотя Хазария и государство булгар и были значительно ослаблены Святославом, но постоянная опасность со стороны кочевников не дала возможности Руси закрепиться на восточных путях.

Со времени Владимира во внешней политике Руси четко обозначилось и новое направление — западное: борьба за русско-польское пограничье, позволявшее контролировать западные торговые пути, ведущие в Польшу, Чехию, Германию, и сохранять владычество над славянскими землями в междуречье Западного Буга, Прута, Днестра и Южного Буга. К началу XI в. Русь овладела этими землями, но Польша готова была продолжать противоборство.

Поэтому на всех этих внешнеполитических направлениях, за исключением северо-западного, где Руси противостояли отдельные балтские и угро-финские племенные союзы, для великих киевских князей вся борьба была еще впереди.

X в. явился для Руси поворотным и в смысле развития социально-экономических отношений.

В рамках единого государства, мужание которого происходило в конце IX — начале X в. прежде всего под воздействием борьбы с сильными и опасными соседями, такими как хазары, пришедшие в Европу венгры, позднее — печенеги, социальные процессы развивались быстрее. Этому способствовало и то, что, несмотря на постоянное противоборство с Хазарией и со степью в IX—X вв., Русь не знала столь масштабных и опустошительных нападений со стороны степняков, как в прежние века. Древнерусская государственность стойко выростала на основе развивающихся новых социальных явлений, под воздействием мощного, но не губительного для Руси внешнеполитического фактора. И в рамках этой крепнущей государственности проходили свою историческую эволюцию разложение родоплеменных отношений и появление первых знаков раннего феодализма. К началу XI в. этот процесс на Руси стал уже необратимым. Именно в это время общинные земли, по существу, становятся принадлежностью коллективного собственника — государства, которое начинает их отчуждать по своему усмотрению вместе с крестьянами. Процесс разложения общины и появления частной собственности, аллода, ведет к дальнейшему социальному расслоению общины; создаются предпосылки складывания феодальных вотчин.

От X в. доходят первые сведения о формировании земельных владений великих князей — княжеского домена. Аналогичные процессы происходят в отдельных землях Руси, где на верху социальной лестницы оказывается бывшая племенная знать, начинающая прибирать населенные земли к своим рукам. Появляются данные и о том, что княжеские дружинники также становятся владельцами земель. Зарождается и вассалитет, который, однако, в это время был связан не с земельными пожалованиями, а с предоставлением права получения дани с пожалованных великим князем земель. В X в. к сонму верхов Руси, стремящихся к овладению населенными землями, присоединяется и церковь, которая пока располагает лишь правом на государственную десятину — десятую часть сбора от даней, в том числе сельских миров, а также судебных и торговых пошлин.

Однако на рубеже X—XI вв. отдельные земельные приобретения великих князей, местных княжат, бояр и дружинников тонули в море свободного общинного землевладения; свободный, платящий дань лишь государству смерд был главной фигурой сельского мира Руси. Но факт есть факт: территории, на которых жили свободные смерды, были уже «окняженными», т. е. принадлежащими великому князю как верховному руководителю государства. Сколь скоро свободные общинники могли оказаться в поземельной зависимости от верхушки общества, как в быстро развивающихся западных странах, на этот вопрос могло ответить лишь время, в частности наступающий XI в.

Разложение общины, появление в ее рамках отчуждаемой частной собственности на землю открывали путь дальнейшему социальному расслоению общины, появлению на одном полюсе лиц, имеющих условия для привлечения в своем хозяйстве на добровольной или принудительной основе чужого труда, а на другом — людей, уже лишенных средств производства и попадающих в зависимость к земельным собственникам.

В X в. молодая русская государственность решала в основном вопросы объединения страны, централизации власти, изживаний племенного сепаратизма и архаичных форм отношений с подданными вроде «полюдья». Что касается регулирования вновь складывающихся социальных отношений, то это оставалось уже на долю XI в., хотя определенные шаги в этом отношении уже сделали Ольга и Владимир.

Следует заметить, что в этом смысле Русь заметно отставала от передовых стран Западной Европы, но шла вровень (или даже опережая) со странами Восточной Европы, Скандинавии и Балканского полуострова.

Русь напоминала раннюю Францию по длительному существованию мощной крестьянской общины. Однако на Руси свободное крестьянство, хотя и являлось частью общерусского войска в масштабных походах, не стало постоянной основой армии, как у франков, поскольку эти походы были лишь эпизодическими.

Бурный мир Запада, полный социальных и политических катаклизмов, не мог не торопить события. Русь в этом смысле не имела экспансионистских стимулов таких масштабов. Потому и рост служилой знати шел здесь более медленными темпами, потому и поместье не было поставлено в повестку дня и крестьянство надолго оставалось в состоянии относительной свободы и не было охвачено так быстро феодальным поместьем, а потом вотчиной, как на Западе.

Переломным стал рубеж X—XI вв. и в отношении религиозном, и в смысле духовного обновления восточнославянского мира.

Принятое Русью на исходе X в. христианство к началу XI в. затронуло лишь верхний слой древнерусского общества. Вековая борьба язычества против христианства закончилась формальной победой последнего. Но это вовсе не означало, что с язычеством было покончено. Языческие пласты были тем глубже, чем дальше отстояла та или иная земля от центров миссионерской деятельности — Киева, Новгорода, Переяславля, Чернигова.

Главная же трудность для поборников новой религии заключалась в том, что Русь пока еще усваивала лишь внешние формы христианства; овладение его философской сущностью, гуманистическим началом лишь начиналось. Поэтому древнеславянское язычество с его давно и тщательно разработанной системой взглядов, с его изощренной сказочной фантазией, отвечающей как природному окружению, так и натуре восточного славянства, еще гордо несло свою голову и не собиралось так быстро сдаваться. По мере утверждения новой религии и упорного сопротивления религии старой на Руси стал формироваться своеобразный духовный феномен — двоеверие, которое обещало не только вылиться в синтез двух религий, способствовать не только их взаимному духовному обогащению на чисто бытовом уровне, но и острому соперничеству и ожесточенной борьбе на уровне государственном, политическом. В XI в. Русь вступала полная драматических религиозных и духовных коллизий, которые шли рука об руку с обостряющимися социальными процессами.

Десятый век оставил веку одиннадцатому неравномерность регионального развития страны в области социально-экономической, политической, культурной.

Подобное состояние страны, особенно на начальных этапах истории, было свойственно и другим государствам Европы и Передней Азии, скажем Франции или германским землям, но на Руси эта неравномерность углублялась в значительной мере благодаря огромным пространствам страны. Здесь соседствовали как бы государства в государстве. По сравнению со Средним Поднепровьем значительно отставали в своем цивилизационном развитии северо-восточные земли Руси в междуречье Оки — Волги — Клязьмы, а также северные районы с центром в Белоозере, восточные окраины. И это были не узкие полоски пограничных с соседями земель, а огромные регионы, чье население постоянно увеличивалось и за счет естественного прироста, и благодаря постоянным миграционным потокам, особенно бурным во время вражеских степных нашествий. Тогда население массами снималось с юга и уходило под прикрытием могучих северных лесов. Конечно, оно приносило с собой привычки, традиции, сноровку тех мест, где христианство, весь уклад жизни были на более высоком уровне, но сразу изменить общую цивилизационную ситуацию в обширных и глухих углах земли оно не могло. Такие различия в уровне развития отдельных регионов Руси оказывали в X в. большое влияние на судьбы страны, но еще большее значение они должны были иметь в период постоянно развивающихся социально-экономических, политических, религиозных процессов уже в рамках XI столетия. Усложняющаяся с каждым десятилетием внутренняя политика Руси, ориентированность этой политики на передовые в экономическом отношении регионы Среднего Поднепровья и новгородской округи должны были неминуемо упереться в стену косности, традиционализма во всех сферах жизни в иных регионах страны.

Наконец, X в. вывел Русь на путь международного признания. В орбиту отношений с Русью давно и прочно были втянуты Польша, Венгрия, Болгария, скандинавские королевства, Хазария, Волжская Булгария, т. е. страны, имевшие с Русью общую границу. Однако «большая» Европа, и прежде всего быстро развивающиеся Франция, Германская империя, государства Апеннинского полуострова, была еще вне сферы прочных международных связей Руси, и киевские правители по мере усиления Руси, возрастания ее роли в восточноевропейском и ближневосточном мире должны были расширять и далее свои внешнеполитические контакты, стремиться к возвышению европейского престижа и к участию в делах всего Европейского региона.

§ 2. Вторая междоусобица на Руси. Борис и Глеб — князья-мученики

Как уже говорилось ранее, в пору болезни Владимира выявились определенные династические противоречия, за которыми стояла большая политика, религиозные, княжеские, боярские и дружинные кланы.

Первым восстал Ярослав Владимирович.

Трудно сказать точно, когда это случилось, до болезни или уже в то время, как великий князь занемог; «Повесть временных лет» лаконично сообщает, что «хотящу Володимиру ити на Ярослава, Ярославъ же, посплавъ за море, приведе варягы, бояся отца своего...». Но Владимир разболелся, «в се же время бяше у него Борисъ» — сообщает далее летопись.

И еще одно событие происходит в эти дни: начинается очередной набег печенегов, и Владимир направляет против кочевников именно Бориса, предоставив ему свою дружину и «воев», т. е. народное ополчение. Затем летописец сообщает, что в момент смерти Владимира его старший, приемный, сын Святополк оказался в Киеве.

Таким образом, становится очевидным, что в последние недели жизни Владимира, возможно уже во время его тяжелой болезни, на Руси стал нарастать очередной политический кризис. Связан он был прежде всего с тем, что Владимир попытался передать престол, вопреки установившейся традиции, одному из своих младших и любимых сыновей, рожденному в христианском браке, — Борису, с чем не смогли смириться ни Святополк, ни Ярослав.

За Ярославом виделась новгородская верхушка, стоявшая на традиционно сепаратистских по отношению к Киеву позициях. Не случайно в источниках сохранилось свидетельство о том, что Ярослав отказался платить Киеву положенную ежегодную дань в 2000 гривен, а еще тысячу собирать с новгородцев для раздачи княжеским людям. По существу, Новгород отказывался нести свои прежние финансовые обязательства перед Киевом. Практически Ярослав повторял судьбу отца, поддержанного новгородцами и варягами против Киева. Его личные династические амбиции совпали со стремлением Новгорода вновь подтвердить свое особое положение в составе русских земель и, опираясь на варяжскую помощь, еще раз сокрушить Киев.

Итак, в момент смерти великого киевского князя его официальный наследник был в походе против печенегов, старший из его сыновей, Святополк, опирающийся на своих бояр и часть киевлян, ждал в Киеве развития событий, а действительно старший из его собственных сыновей, Ярослав, уже собрал в Новгороде рать, чтобы выступить против занемогшего отца.

К этому дню Святополку было 35 лет, Ярославу, родившемуся где-то в середине 80-х гг. X в., было около 27 лет. Возраст Бориса установить трудно, но, по всем данным, он был намного моложе своих братьев, так как христианский брак Владимира состоялся лишь в 988 г.

Святополк был не только приемным сыном Владимира, т. е. человеком, не обладавшим даже формальными правами на престол. Его мать, красавица-«грекиня», была наложницей Святослава, а потом досталась как военный трофей его старшему сыну Ярополку.

Затем «грекиня» досталась женолюбивому Владимиру. Можно лишь предположить, какие страсти кипели в детской и юношеской душе Святополка, как он относился к своим сводным братьям, к отцу. Не случайно он оказался в темнице вместе со своей женой-полькой. Теперь наступал его час, и нетрудно было предугадать, что в начавшуюся борьбу он должен был вложить всю свою энергию, весь пыл души, все свои явные и мнимые обиды.

Под стать ему был и Ярослав, обладавший железным характером отца и бешеной неукротимостью Рогнеды, потерявшей из-за Владимира и свою полоцкую родню, и честь.

Святополк, бывший в час смерти Владимира либо в Киеве, либо в Вышгороде, оставался ближе всех к Берестову. Однако близкие к Владимиру люди, видимо сторонники Бориса, поначалу решили скрыть смерть великого князя, выиграть время и послать гонцов к Борису. Гонцы еще были в пути, а Святополк уже овладел инициативой. Он приказал везти тело Владимира в Киев и, по существу, взял бразды правления в свои руки. Ярослав, как известно, обретался на севере, а Борис скакал по степи во главе княжеской дружины в поисках печенегов. Все данные говорят за то, что Святополк умело распорядился выгодами своего положения. Тело великого князя было доставлено, по древнему обычаю, на санях в столицу. Его смерть привела народ в горесть и замешательство. Тут же Святополк начал раздавать горожанам «имение», т. е., по существу, подкупать их, привлекая на свою сторону. Но уже гонцы дочери Владимира и сестры Ярослава Предславы гнали коней в Новгород. Предслава, бывшая скрытой союзницей Ярослава, именно ему спешила сообщить весть о смерти отца и захвате Святополком власти в Киеве.

Гонцы из Киева нашли в степи, на реке Альте, дружину Бориса, который, не обнаружив печенегов, готовился вернуться обратно в Киев. Близкие к Борису люди уговаривали молодого князя повести дружину на Киев и взять власть, завещанную ему отцом. Однако Борис отказался сделать это, то ли руководствуясь нравственными мотивами и не желая нарушать порядок престолонаследия, установленный ранее, то ли опасаясь штурмовать Киев, где Святополк уже успел собрать достаточно сил и сплотить своих сторонников.

Получив от Бориса отрицательный ответ, дружина разошлась по домам: для опытных воинов и политиков было ясно, что отныне все люди, близкие к Борису, да и он сам, будут обречены.

Святополк не сразу пошел на организацию заговора против Бориса, а лишь после того, как до него дошли сведения, что дружина и «вои» покинули Бориса и он остался на Альте лишь с небольшим отрядом телохранителей, «съ отроки своими». Святополк собрал в вышгородском дворце своих сторонников; там же и был сформирован отряд убийц во главе с боярином Путшей, которые обещали князю сложить за него голову.

Когда отряд Путши поздним вечером появился на Альте, Борис уже был извещен о намерении Святополка убить его. Однако он либо не мог, либо не стал сопротивляться. Убийцы застали его в шатре, молящимся перед образом Христа.

Борис был убит, когда лег спать: нападавшие бросились к шатру и пробили его копьями в том месте, где находилась постель князя. Затем они разметали малочисленную охрану, завернули тело Бориса в шатер и повезли к Святополку. В Вышгороде убийцы обнаружили, что Борис еще дышит. По приказу Святополка верные ему варяги добились Бориса. Так Святополк убрал со своего пути самого опасного соперника, действуя решительно, быстро и жестоко.

Но оставался еще муромский князь Глеб, рожденный, как и Борис, в христианском браке Владимира от византийской принцессы и бывший теперь единственным законным наследником престола. Святополк напра-

вид к Глебу гонцов с просьбой прибыть в Киев, так как отец тяжело болен. Ничего не подозревавший Глеб с небольшой дружиной отправился в путь — сначала на Волгу, а оттуда к Смоленску и затем в ладье в Киев. Уже в пути он получил известие о смерти отца и убийстве Бориса. Глеб остановился и пристал к берегу. Здесь, на полпути к Киеву, на Днепре, и застали его люди Святополка. Они ворвались на корабль, перебили дружину, а потом по их приказу повар Глеба зарезал его ножом.

Смерть юных братьев поразила древнерусское общество. Борис и Глеб со временем стали символами непротивления злу, праведности, добра и мученичества во славу светлых идей христианства. Оба князя были в XI в. объявлены православной церковью первыми русскими святыми, намного ранее княгини Ольги и князя Владимира.

Святополк уничтожил и еще одного из братьев — Святослава, который правил в древлянской земле и, спасаясь от беспощадного Святополка, бежал в Венгрию. Убийцы настигли его в пути.

Теперь друг против друга вновь встали Киев, где окончательно утвердился Святополк, получивший в народе прозвище «Окаянный», и Новгород, где оставался Ярослав Владимирович. Теперь он вел на Киев сорокатысячную рать. Перед тем как выступить в поход на юг, Ярослав, по свидетельству летописи, рассорился с новгородцами. Варяги, появившиеся по его призыву еще до смерти Владимира, начали чинить насилия и притеснения новгородцам, и те «иссекли» часть варягов. В ответ Ярослав расправился с «нарочитыми мужами», т. е. видными новгородцами. Каково же было чувство соперничества Новгорода по отношению к Киеву, если даже после этого, получив известие о смерти Владимира и узнав о вокняжении в Киеве после убийства других братьев Святополка, новгородцы откликнулись на призыв Ярослава и собрали значительную рать?! Поистине север вновь поднялся против юга, как это было уже не раз в истории Руси. Святополк выступил навстречу Ярославу с киевской дружиной и нанятой печенежской конницей.

Противники встретились на Днепре ранней зимой 1016 г. близ города Любеча и встали на противоположных берегах реки.

Ярослав атаковал первым. Ранним утром на многочисленных ладьях его рать переправилась на противоположный берег. Зажатые между двумя уже замерзшими озерами, воины Святополка пришли в замешательство и вступили на тонкий лед, который стал ломаться под их тяжестью. Печенеги, ограниченные в своих маневрах рекой и озерами, никак не могли развернуть свою конницу. Разгром Святополковой рати был полным. Сам великий князь бежал в Польшу.

Ярослав в 1017 г. занял Киев. В том же году он заключил союз с германским императором Генрихом II против Польши. Однако борьба на этом не кончилась. Святополк Окаянный вернулся на Русь вместе с Болеславом I и польским войском. Решающая схватка произошла на берегу Буга. Ярослав потерпел поражение и бежал в Новгород с четырьмя дружинниками. А Святополк с поляками занял Киев.

Польские гарнизоны были поставлены в русских городах. Поляки начали «чинить насилия» над людьми. В ответ население стало браться за

оружие. В этих условиях Святополк сам призвал киевлян выступить против своих союзников. Тем самым князь пытался спасти собственный авторитет и сохранить власть.

Вскоре против поляков вспыхнуло восстание горожан. Поднялся каждый дом, каждый двор, поляков избивали повсюду, где они попадались вооруженным киевлянам. Осажденный в своем дворце, Болеслав I принял решение оставить столицу Руси. Но, уходя из Киева, поляки ограбили город, увели с собой в плен массу людей, и впоследствии вопрос об этих пленных не на один год станет камнем преткновения в отношениях между двумя государствами. Среди тех, кого Болеслав увел с собой, была и Предслава, сестра Ярослава Владимировича. Она стала наложницей польского короля.

Покинув Русь, оставив Святополка в Киеве без поддержки, поляки одновременно захватили и «червенские города». Таким образом, новый узел острых противоречий завязывался в отношениях между двумя странами. В это время Ярослав в Новгороде набирал новую рать. Богатые горожане оказали ему поддержку, пожертвовав большие средства на наем войска. Собрав достаточно сил, Ярослав вторично двинулся на юг. Святополк не стал искушать судьбу. Слишком велико было против него негодование киевлян, не простивших ему привод в Киев поляков. Он бежал в степь к дружественным печенегам.

Соперники вновь встретились в открытом бою в 1018 г. Сражение произошло на реке Альта, неподалеку от того места, где был злодейски убит Борис. Это придало войску Ярослава дополнительные силы. Битва закончилась победой Ярослава. Святополк бежал в Польшу, а потом двинулся далее, в землю чехов, но умер в пути.

§ 3. Борьба Ярослава с Мстиславом Тмутараканским и новое объединение Руси

В 1019 г. Ярослав Владимирович, новгородский князь, четвертый сын Владимира I, вторично и теперь уже навсегда вступил в Киев и сел на русском престоле. Ему было в ту пору немногим более 30 лет.

Но не сразу удалось Ярославу восстановить единство Руси. Смута начала XI в. надолго потрясла страну. И если за четыре года удалось вновь объединить север и юг страны, то некоторые окраины оказались неподвластны Киеву, и в первую очередь Полоцкая земля, где правил внук Рогволода Брячислав, и далекое Тмутараканское княжество, где «сидел» один из сыновей Владимира, рожденный в браке от «чехини», — Мстислав Владимирович.

Если с мятежом полоцкого князя, который на короткое время захватил Новгород, Ярослав справился быстро, то отношения с Мстиславом складывались не столь благополучно. Во время междоусобицы Мстислав Владимирович держался в стороне и укреплял свои позиции на Таманском полуострове. Он проявил себя смелым рыцарем и талантливым полководцем. Пока Ярослав дрался со Святополком, усмирял мятеж Полоцка и пытался, пока безуспешно, вернуть Руси «червенские города», Мстислав прославился своими победами над северокавказскими народами.

Летописец рисует Мстислава красивым, высоким, храбрым, щедрым человеком, который больше всего на свете любил свою дружину.

В 1023 г. между братьями вспыхнула открытая война, которая, по существу, являлась продолжением большой междоусобицы 1015—1019 гг. Мстислав двинулся на север, собрав большую рать и включив в нее отряды из подвластных ему народов, в частности хазар и касогов. Он выбрал удобное время для похода: Ярослав находился в своем любимом Новгороде. Тмутараканская рать подошла под самые стены Киева, но горожане «затворились» и не приняли Мстислава. Не решившись штурмовать столицу, Мстислав отошел к Чернигову и занял этот стольный город огромной земли, куда входила чуть ли не половина страны, включая всю Северо-Восточную Русь.

Ярослав вновь обратился за помощью к варягам. Он послал к ним гонцов, и вскоре в Новгород вошел варяжский отряд.

Встреча противоборствующих сторон произошла в 1024 г. под городом Листвном, неподалеку от Чернигова, в кромешной тьме, в дождь и грозу. Характерно, что против ударной силы Ярослава — варягов — Мстислав выставил в «челе» войска, т. е. в центре, черниговскую дружину северян. Именно северяне и приняли на себя удар варягов, а потом при поддержке дружины самого Мстислава стали одолевать их. Ярославова рать не выдержала натиска Мстиславовых полков, и Ярослав вместе с предводителем варягов бежал с поля боя, минуя Киев, в Новгород. Русь снова раскололась надвое. Ярослав сохранил за собой Новгород, Мстислав остался властителем Черниговской и Тмутараканской земель. В Киеве сидели Ярославовы «мужи». Мстислав не решился на захват русской столицы.

Через два года Ярослав, собрав дружину на севере, появился в Киеве. На этот раз братья воздержались от дальнейшего «кроворазлития» и заключили мир. Русь по этому миру была разделена на две части. Все левобережье Днепра с Северской землей, Черниговом, Переяславлем и другими городами отошло к Мстиславу. За ним оставалась и Тмутараканская Русь. Своей резиденцией Мстислав, ставший, по существу, правителем соседнего государства, сделал Чернигов. Под управлением Ярослава остались Киев с правобережными землями, весь север Руси во главе с Новгородом.

Русь вновь оказалась расколотовой. Поэтому фактически о едином государстве применительно к этому времени можно говорить лишь условно, хотя в последующие годы братья жили мирно друг с другом.

В начале 30-х гг. XI в. Польшу, как и Русь, потрясла междоусобица. К тому же новый польский король Мешко II ввязался в войну с Германией, не имея надежного тыла внутри страны. Ярослав использовал сложившуюся ситуацию. Как когда-то Болеслав I отнял у Киева во время междоусобных войн на Руси «червенские города», так теперь Ярослав в союзе с Мстиславом нанес удар по польским землям. Практически Русь выступила союзником Германии. Братья собрали большое войско, «повоевали» польские земли, заняли вновь «червенские города», захватили огромный полон.

В 1036 г. Мстислав умер, не имея наследников, а его часть Руси отошла к Ярославу. Так, через двадцать с лишним лет после смерти Владимира I Русь снова стала единой.

§ 4. Расцвет Руси при Ярославе Мудром

Междоусобица показала, сколь непрочным еще было объединение Руси, сколь сильны были стремления некоторых земель к отделению от Киева.

Став, по словам летописца, «самовластцем», Ярослав пошел по пути отца. Он послал в крупные города и земли своих сыновей и требовал их беспрекословного повиновения. В Новгород отправился старший сын, Владимир, а после его смерти — следующий по старшинству сын Изяслав. Святославу он отдал под управление Черниговскую землю, Всеволоду — выросший к этому времени в сильную крепость Переяславль. И другие его сыновья были посланы в Ростов, Смоленск, Владимир-Волынский.

Воссозданное единство Руси, сосредоточение власти в руках великого князя, подчинение Киеву отдельных русских земель посредством направления туда великокняжеских сыновей-наместников стали той политической основой, на которой развились новые хозяйственные процессы, расцвели города, усложнилась общественная жизнь, развивалась культура страны. Этому способствовало и то, что с середины 30-х и до начала 60-х гг. Русь не видела на своей территории вражеских нашествий, а если и вела войны, то вдали от родных очагов.

Последнее крупное нападение кочевников-печенегов произошло в 1036 г. В это время Ярослав находился в Новгороде, был занят обустройством своей земли. Именно в это время он «поставил» в Новгороде сына Владимира, назначил и нового епископа. Великий князь срочно собрал войско, и снова это были варяги, новгородская дружина и новгородские «вои» — ремесленники, смерды. Ярослав сначала пробился в Киев, а затем уже вышел в чистое поле для решающего сражения. Весь день длился бой, и лишь к вечеру руссы стали одолевать печенегов, и те побежали «розно», т. е. кто куда. Многие из них были убиты, многие утонули в окрестных реках, спасаясь от преследователей вплавь. От этого поражения печенеги так и не смогли оправиться. После 1036 г. их набеги на Русь практически прекратились. В 1037 г. Ярослав в ознаменование блистательной победы над печенегами на месте битвы заложил храм — собор Святой Софии. Он был наименован так же, как и главный собор Константинополя, и в этом была своя политическая символика: Русь как бы подчеркивала свое государственное равенство с великой империей и одновременно свою религиозную и духовную преемственность по отношению к ней.

Этот год стал знаменательным и в другом смысле: по мнению ряда исследователей, в это время зарождается русское летописание, создается древнейший летописный русский свод. Его связывают со строительством Софийского собора, который сразу становится не только религиозным, но и духовным центром страны. Правда, существует и иная точка зрения, согласно которой первый летописный свод появился на исходе X в. и вообрал в себя древние сказания о походах Олега, крещении княгини Ольги и т. п.

К тому же, вероятно, в это время появился и первый свод законов — Русская Правда Ярослава Владимировича. Время возникновения этого памятника исследователи датируют довольно широко: от 1015—1016 гг.

Полагаем, что исторически более обоснованна вторая точка зрения. Дело в том, что до 1036 г. в связи с расколом Руси фактически на два государства не мог быть принят общерусский свод законов, так как распространение его норм упиралось бы в политические перегородки. Но это был свод не Ярослава и Мстислава, а одного Ярослава, и нормы распространялись на все государство, а таким оно стало лишь после смерти Мстислава в 1036 г.

К тому же сомнительно, что в период, наиболее сложный для Ярослава, т. е. в 1015—1016 гг., у него и его соратников были время и желание для кодификационной работы.

Таким образом, и в этом смысле вторая половина 30-х гг. стала переломной. Наконец, следует обратить внимание и на то, что в летописи под 1039 г. упоминается впервые имя митрополита Руси грека Феопемпта.

В это время положение великого князя было несколько иным, нежели Владимира, поставившего, по существу, в 987—989 гг. Византию на колени. Ярослав Владимирович лишь утверждался как великий князь Руси, он нуждался не только в широкой идеологической поддержке внутри страны, но и в благожелательном политическом климате за рубежом. Поэтому и последовало приглашение из Константинополя митрополита, что сразу же нормализовало русско-византийские отношения в «послесмутное время» и стабилизировало международные связи Руси.

Все указывает на то, что объединение Руси Ярославом стало поворотным пунктом во многих отношениях. Принятие первого на Руси свода законов, упорядочение церковной организации, начало составления нового летописного свода были теми чертами государственной, религиозной, культурной жизни Руси, которые как бы подчеркнули этот знаменательный поворот.

Русская Правда, если говорить точно, не являлась абсолютно первым российским сводом законов. До нее существовал Закон Русский, который упоминается в договорах Руси с Византией X в. Отечественные историки неоднократно обращались к сопоставлению норм Закона Русского и Русской Правды и выявили, что так называемый Закон Русский предшествовал Русской Правде и питал ее своими идеями. Делались попытки сопоставить нормы Закона Русского не только с Русской Правдой Ярослава, но и с византийскими правовыми нормами, а также с некоторыми ранними судебниками «варварских» европейских государств, в частности с Салической правдой франков времен короля Хлодвиг (481—511), с германскими правдами — Саксонской, Фризской, Тюрингской, Баварской, Алеманнской (начало IX в.), а также с англосаксонскими правдами (VII—VIII вв.).

Так, в договорах нашли отражение нормы наказаний за те же преступления, что позднее появились в Русской Правде. Любопытно сравнение наказаний за убийство. В договоре 911 г. говорится, что если кто-либо убьет «христианина» (т. е. грека) или русина (т. е. жителя Руси), «да умрет» там, где сотворил убийство. Если же убийца убежит, то его имущество

(в случае, если это будет «имовитый», т. е. зажиточный, человек) получают ближние родственники убитого, кроме той части, что останется его жене. Если же убийца будет «неимовит» (бедный человек), то его надлежит искать и по нахождении придать смерти. Эта же норма повторяется и в договоре 944 г. В этом случае совершенно очевидно, что договоры воспроизводят нормы кровной мести за убитого, свойственные родоплеменным отношениям, но уже появляется возможность для богатого человека после бегства откупиться своим имуществом. Это черта уже нового нарождающегося общества, где имущественное расслоение дает богатому человеку определенные выгоды. В Русской Правде аналогичная статья идет первой; она, естественно, не упоминает греческую сторону, дает обобщающую характеристику русского общества: «Убьеть мужь мужа...», также допускает кровную месть, но ограничивает ее лишь близкими родственниками (брат, отец, сын, дядя). Если мстителей не окажется, то убийца должен заплатить 40 гривен «за голову».

Таким образом, традиция, пришедшая из родоплеменного быта и зафиксированная в Законе Русском первой половины X в. (который также уже допускал возможность откупа за убийство), трансформировалась и подверглась законодательному ограничению в XI в.

Закон Русский и германские правды во многом близки по своему значению, как близки им и статьи Русской Правды Ярослава, восходящие к 30-м гг. XI в. За увечье, побои также следовало наказание вирами — штрафами. Первый русский писанный закон, как и правды других народов, касался прежде всего вопросов общественного порядка, защищал людей от насилий, бесчинств, драк, которых было так много на Руси, особенно в смутные годы.

Характерно, что во всех сравниваемых документах заметна общность подхода к вопросам о зависимом населении: челяди и холопах — в Законе Русском, сервах и зависимых людях — в германских правдах. Укрывательство бежавшего челядина, серва строго наказывалось во всех законодательных актах и германцев, и Руси. В этих статьях просматриваются черты развивающегося социального неравенства, которое быстро обгоняло само законодательство.

Но заметим здесь, что на Руси с самого начала челяди, холопам законы предоставляли признание определенных прав, в частности право давать показания в суде. Это указывало на то, что общественные отношения в русских землях развивались, как и на Западе, не по сценарию старых рабовладельческих обществ, а по иным законам, законам раннего Средневековья, которые эволюционировали в сторону феодальных отношений. В центре этих отношений стояли зависимый смерд, крестьянин и феодал, фактический пользователь земли, а не раб и рабовладелец.

С большим упорством и настойчивостью Ярослав Владимирович продолжал внешнюю политику своего отца и деда. Но он расширил ее масштабы, совершенствовал методы проведения в соответствии с растущей хозяйственной, военной, политической мощью государства. Он утвердил власть Руси на западном берегу Чудского озера и вывел русские границы к Прибалтике. Здесь был основан город Юрьев (нынешний эстонский город Тарту).

ту). Город получил свое название в честь Георгия — Юрия, таково было христианское имя Ярослава. Ярослав предпринимал неоднократные походы на воинственное балтское племя ятвягов; в летописях упоминается и его поход на Литву. Тем самым Ярослав стремился обеспечить выход Руси к Балтийскому морю, укрепить безопасность ее северо-западных границ.

Еще в 30-е гг. XI в. Русь продолжала успешное противоборство с Польшей. Но после того, как были отвоеваны «червенские города», Польша, испытывая давление со стороны Германской империи и Чехии, а также прибалтийских славянских языческих племен, теперь нуждалась в поддержке со стороны Руси. Союз двух государств был укреплен династическими браками: польский король женился на сестре Ярослава Добронеге (христианское имя Мария), а старший сын Ярослава Изяслав женился на сестре Казимира I. Русь оказала Польше помощь в войнах с Чехией и прибалтийскими славянами. На севере Русь связывали тесные дружественные отношения со Швецией. Ярослав был женат на дочери шведского короля Ингигерде, чья мать была южно-балтийской славянской княжной. Добрыми были отношения и с Норвегией, куда была выдана замуж за норвежского короля младшая дочь Ярослава Елизавета.

После долгого периода мирных отношений с Византией Русь при Ярославе начала в 1043 г. новую войну с великой империей. Поводом послужила расправа с русскими купцами в Константинополе.

Большая русская рать под началом старшего сына Ярослава Владимира двинулась на ладьях к Константинополю. Но около западных берегов Черного моря флот попал в бурю, которая разметала и потопила часть русских судов. Около шести тысяч воинов во главе с воеводой Вышатой высадились на сушу, другие морем двинулись обратно.

Узнав об этом, император Константин Мономах приказал преследовать русский флот и уничтожить сухопутное войско. Но в морском сражении руссы нанесли поражение грекам и лишь после этого двинулись на Родину.

Судьба сухопутной рати была трагичной. Греки окружили и взяли в плен отряд Вышаты, многих из них ослепили и отпустили восвояси для устрашения Руси.

Лишь в 1046 г. Русь заключила новый мирный договор с Византией. В знак возобновления дружеских связей между двумя странами был устроен брак византийской принцессы, дочери Константина Мономаха, и четвертого сына Ярослава — Всеволода. В 1053 г. у молодой четы родился сын, которого назвали в честь деда Владимиром, а в христианстве дали ему, как и делу, имя Василий. Это и был будущий великий киевский князь Владимир Мономах.

Этот брак лишь подчеркнул, как вырос за последние десятилетия международный авторитет Руси. Русь поистине стала европейской державой. С ее политикой считались Германская империя, Византия, Швеция, Польша, Норвегия, Чехия, Венгрия, другие европейские страны. На востоке вплоть до низовьев Волги у нее теперь практически не было соперников. Ее границы простирались от Карпат до Камы, от Балтийского моря до Черно-

го. Периметр территории Древней Руси равнялся 7000 км. К середине XI в. там жили около 4 млн человек.

Рост международного престижа Руси подтверждали и династические браки киевского княжеского дома. Все сыновья Ярослава были женаты на владетельных принцессах — Византии, Польши, Германии. Его дочери были выданы замуж за правителей разных стран. Старшая — Анна — за французского короля Генриха I, Анастасия — за венгерского короля Андрея, младшая, красавица Елизавета, — за норвежского короля Гарольда.

Интересна судьба этих женщин. После смерти мужа Анна Ярославна во время малолетства сына была регентшей Франции, Елизавета после гибели на войне короля Гарольда вторично вышла замуж за короля Дании и играла большую роль в европейской политике.

§ 5. Церковь и религия при Ярославе. Митрополит Иларион. Печерские святители

Во времена Ярослава христианская церковь получила на Руси более широкое распространение и приобрела определенный вес в обществе. Этому способствовал и сам великий князь, который, по отзывам современников, отличался большой набожностью, знанием церковных сочинений. При жизни он получил прозвище «Мудрый».

Ярослав заложил великокняжеский монастырь святых Георгия и Ирины — в честь христианских святых, своего и своей жены. Монастыри стали появляться повсеместно и в больших городах, и в сельской местности, знаменуя собой дальнейшее распространение христианства и упрочение роли церкви в обществе.

В середине 50-х гг. XI в. под Киевом возник знаменитый Печерский монастырь. У истоков его создания стоял Иларион, священник великокняжеской церкви в селе Берестове, загородной резиденции великих князей. Иларион был глубоко верующим человеком. Свои молитвы к Богу он возносил в уединении. С этой целью он уходил на берег Днепра, где выкопал себе пещеру в горе, и проводил там долгие часы в молитвах, размышлениях и посте. «Мужь благъ, и книжникъ, и постникъ», — говорит о нем древний источник.

Именно Илариону принадлежит ряд произведений, написанных в 40—50-е гг. Первое место среди них занимает блестящий памятник идеологии и культуры XI в. «Слово о законе и благодати». По существу, в этом произведении Иларион излагает государственно-идеологическую концепцию Древней Руси, концепцию, которая повлияла на мировоззрение других русских авторов XI в. Совокупно они создали идеологическое обоснование места Руси в мировой истории, определили роль киевской великокняжеской власти в системе мировой государственности, ее значение для русских земель, подчеркнули значение русской церкви.

По наблюдению ряда авторов, «Слово» было написано между 1037 и 1050 г. Чтобы понять смысл этого памятника и последующих произведений русской письменности второй половины XI в., следует хотя бы коротко охарактеризовать тот исторический фон, в рамках которого возникло «Слово» Илариона.

Начинается золотой век Ярославова правления. И закладка нового Ярославова города в Киеве, строительство монументальной Софии, обращение к реформам в области культуры, составление древнейшего летописного свода, появление Русской Правды стали замечательным проявлением этого золотого века. Начиная с этого времени резко активизируется внешняя политика Древней Руси, быстро развиваются ее политические, экономические, культурные, династические связи со странами Запада.

Но одновременно именно с конца 30-х гг. XI в. нарастали острейшие противоречия между Киевом и Константинополем, вылившиеся в 1043 г. в кровопролитную войну между двумя странами.

Мы лишь отметим, что назревание этой «беспричинной» вражды, как писали византийские хронисты, затем обострившейся в результате конфликта между руссами и греками в Византии, падает на истечение срока так называемого глубокого 50-летнего мира, который нередко заключали греки со своими противниками (существовали и 30-летние «глубокие» миры). Так, после похода 860 г. новый конфликт Руси и Византии произошел по истечении 47 лет, следующий — 34 лет. Русско-византийская война 970 г. возникла по прошествии 26 лет после Игорева договора, а война 1043 г. — по истечении 44 лет после соглашения, заключенного в Херсонесе Владимиром. И каждый раз на исходе действия срока такого мира отношения между странами обострялись: Русь, медленно, но верно, наступая и отступая, побеждая и терпя поражения, от договора к договору продвигалась вперед в своих политических, территориальных, экономических, церковно-политических, династических притязаниях.

Взлет Руси в конце 30-х гг. XI в. совпал с окончанием действия последнего мирного договора с Византией, заключенного в конце 80-х гг. X в., и это, естественно, накаляло обстановку. Этот накал стал отражением общего хода развития отношений между двумя государствами в течение веков — глубоко противоречивого, порой драматичного. Наступила новая полоса обострения отношений между продолжающей набирать силу Русью и Византией; и это обострение не было снято ни последующим мирным договором 1046 г. между бывшими противниками, ни браком Всеволода Ярославича с византийской принцессой. Поступательный шаг Руси лишь высвечивал политическое высокомерие империи, ее раздражающую близость. Поставление в 1051 г. Ярославом без ведома константинопольской патриархии, а лишь «собрать епископы», митрополитом русина Илариона только подчеркнуло общую ситуацию. К этому следует добавить и стремление русских властей канонизировать Владимира и тем самым еще раз подтвердить суверенитет и русской церкви, и Русского государства, чему противился Константинополь.

Именно тогда, в 40-е гг. XI в., на Руси впервые возникла концепция о закономерной связи Руси с мировой историей, с мировыми державами. Вся обстановка XI в. требовала создания таких государственно-идеологических концепций.

Представляется что в «Слове» Илариона концепция о связи Руси с «мировыми державами» и трактовка Руси как наследницы римского величия, римского царства прозвучали совершенно слитно. Сквозь церков-

ную фразеологию Иларион проводит мысль о равенстве и тождестве действующий Владимира I с римскими апостолами.

А далее следует патетический пассаж о Руси: «Не в хуе бо и неведоме земли владычествоваша, нъ въ Русыце, яже ведома и слышима есть въсеми четырьми коньщи земле».

О Византии в этом ряду нет ни слова, но Русь, Владимир сопоставлены с великими римскими вероучителями, а хвала Владимиру идет на фоне прославления подвигов его предков — языческих князей, не раз ставивших Византию на грань катастрофы, и это тоже нельзя признать случайным упоминанием.

Иларион сравнивает Владимира I с римским императором Константином Великим («подобьниче великааго Коньстантына»), потому что киевский князь, как и он, утвердил веру во всей земле, а «не въ единьмъ съборе» (т. е. на церковном соборе). Как Константин со своей матерью Еленой принес свой крест из Иерусалима и утвердил веру в Римской империи, так и Владимир со своей «бабою» Ольгой принес крест «от нового Иерусалима» — града Константина и утвердил веру в Русской земле. Его дело продолжал сын — «благочестивый каган» Ярослав, укрепивший силу и могущество Руси.

Следует обратить внимание и на такую антивизантийскую тенденцию «Слова» Илариона, как стремление подчеркнуть самостоятельность и независимость решения Владимира крестить Русь. Не Византия, не ее церковные иерархи побудили Русь к принятию христианства, хотя в действительности оно стало одним из условий межгосударственного соглашения Руси с Византией в 987 г., а побуждение свыше, божественное озарение Владимира.

Не случайно Иларион называет и Владимира, и Ярослава Мудрого каганами, обращаясь к высокому титулу восточного происхождения, равному по своему значению титулу царя, и тем самым подчеркивая высокие политические претензии Руси XI в.

Таким образом, историю Руси, деятельность ее властителей Иларион рассматривает на широком, поистине всемирном фоне. В основе политических и религиозных импульсов Руси находятся римские образцы. Эти же идеи отражались в древнейшем русском летописном своде, вошедшем составной частью в начальную русскую летопись. Думается, что эта близость русского летописания 30—50-х гг. XI в. к кругу Илариона и определила ту идеологическую направленность, которую летопись сохранила применительно к пониманию места Руси в тогдашнем мире и ее соотношению с историей Рима и Византии. Иларион давал ответ на ключевые запросы времени, запросы развивающейся русской государственности.

Эту линию продолжили позднейшие современники Илариона, видные авторы XI в., в том числе Иаков Мних в своей «Памяти и похвале Владимиру» и знаменитый Нестор в своих сочинениях, в том числе «Повести временных лет».

С именем Илариона связан и первый церковный Устав Ярослава, т. е. система церковной юрисдикции, отнесение к ведомству церкви ряда дел, связанных с семейным и брачным правом. Это были нормы, которые по-

могли формированию семьи, укреплению моногамии в противовес языческому многоженству, освящению частной собственности, повышению авторитета центральной власти. Устав вводил запрет на умыкание невест, защищал честь девушки, строго наказывал родителей за принуждение детей к вступлению в брак. Новый церковный судебник защищал честь женщины, давал ей более широкое представительство в суде. Церковь выступала в Уставе защитником христианской нравственности, призывала к гуманизму, умеряла жестокости ранних веков русской истории.

В 1051 г. на общем собрании русских епископов Иларион был избран митрополитом. Он покинул свою пещеру, и она некоторое время пустовала. Но затем в ней появился новый отшельник. Это был монах Антоний.

Еще молодым человеком некто Антипа родом из Любеча побывал в Византии в знаменитом своей святостью и премудростью монастыре на горе Афон. Там он принял монашеский постриг и под именем Антония вернулся на родину с твердым намерением продолжить служение христианской вере и содействовать распространению монашества. Антоний поселился в покинутой Иларионом пещере на крутом берегу Днепра, проводя дни и ночи в молитве. Питался он черствым хлебом, который запивал ключевой водой. Слава о святости и подвижничестве Антония быстро распространилась по округе, и к пещере началось паломничество. Люди приносили отшельнику пищу, просили благословения. Приходил к святому угоднику и великий князь Ярослав, а позднее и сменивший его на престоле старший сын Изяслав Ярославич.

Вскоре около Антония собрался круг отшельников, которые, выкопав большую пещеру, поселились в ней. Это было начало Печерского (от слова «пещера» — пещера) монастыря. Монахи добывали собственным трудом пропитание, проводили время в молитвах. Все новые и новые верующие приходили в монастырь. Антоний же ушел из начавшей жизнь обители, выкопал себе новую пещеру, где продолжал жить в уединении до самой смерти, прожив в пещере около 40 лет.

Печерский монастырь продолжал расти, отстраиваться. Монахи перебрались из пещер в кельи, появились церкви. Монастырь завел большое собственное хозяйство, где применялся труд зависимых людей. Ему уже принадлежали окружающие земли, подаренные монастырю великим князем. Слава монастыря особенно возросла, когда его игуменом стал отец Феодосий.

Феодосий отличался ревностным благочестием, глубокой верой в Бога, в христианское учение. В то же время он выделялся твердостью характера, нетерпимостью к инакомыслию. Юношей он ушел из богатого дома в Курске и стал вести отшельнический и подвижнический образ жизни. Никакие уговоры матери, угрозы, попытки посадить его под домашний арест не имели успеха. Как только Феодосий выходил на волю, он сразу же превращался в религиозного пилигрима: одетый в лохмотья и питаясь подаванием, он бродил по Руси. Его появление в пещере Антония было закономерным итогом его странствий и поиска идеалов.

При игумене Феодосии Печерский монастырь стал сильной церковной, а также мощной хозяйственной организацией, он приобрел большой общественный вес. Феодосий выступал за единство Руси, против влияния «латинства», т. е. Западной церкви. Великие князья считались с авторитетом игумена. Уходя на войну, князь и воеводы просили благословения святого отца.

Личность Ярослава Мудрого. Ярослав Мудрый вошел в русскую историю не только как крупный государственный деятель. Он показал себя и как человек, сумевший преодолеть самого себя. Не обладая физической силой, будучи хромым, Ярослав был смелым воином и бесстрашно вел войско в бой. Родившись еще в языческой среде, он стал истым христианином. Отодвинутый историей на задворки, являясь всего лишь четвертым сыном Владимира, он сумел пробиться к великокняжескому престолу и сохранить его в течение почти тридцати пяти лет. Имея полуграмотного язычника-отца и мать, которую Владимир вскоре вместе с детьми отослал из Киева и заставил жить в глуши, он стал одним из образованнейших людей своего времени.

Великий князь в то же время показал себя человеком исключительно разносторонним. Ярослав остался в истории как крупный градостроитель. При нем в Киеве был построен новый «Ярославов город», и Киев намного расширил свои пределы. Были воздвигнуты многочисленные церкви. В то время в Киеве уже числилось около 400 церквей. В честь побед над врагами Ярослав выстроил так называемые Золотые ворота, поражавшие иностранцев своим великолепием. Его строительный размах выходил далеко за пределы русской столицы. Он основывал города на Волге и берегах Балтики, на южных границах Руси. Мы уже упоминали и Ярославль, и Юрьев.

Великий князь был ревностным поборником образования, открытия школ, развития грамотности. При нем были созданы первые библиотеки, получила признание и поддержку переводческая деятельность. Многие книги древних авторов, сочинения византийских отцов Церкви и историков были переведены на славянский язык.

Сам Ярослав любил беседовать со знающими и грамотными людьми, охотно встречался со священнослужителями, вел с ними долгие разговоры на богословские темы. Его не случайно называли Книжечем и Мудрым.

Ярослав Мудрый умер в 1054 г. на 76-м году жизни, в ореоле русской и международной славы, почитаемый тогдашним обществом, любимый своими многочисленными сыновьями и дочерьми. Перед смертью он сам разделил Русскую землю между сыновьями, оставил свой престол старшему сыну Изяславу и наказал остальным не вступать во владения других братьев.

Вторым по значению становился князь, получивший в управление Чернигов, третьим — Переяславль; были поделены и другие стольные города. За каждым из них стояла округа с другими городами и селами.

Кажется, теперь была выработана новая и прочная система единства Руси — передача великокняжеской власти по старшинству. Старший в роду

становился великим князем. Наследие по прямой линии отступило перед патриархальным, чисто семейным принципом. Такой подход к престолонаследию имел свои серьезные изъяны. Великие князья старались передать свой престол не старшим после них братьям, а своему старшему сыну. К тому же передвижение князей из владения во владение по старшинству не всегда совпадало с желанием населения, что порождало острые общественные конфликты. Наконец, пока были живы сыновья Ярослава, все было ясно. Но после их смерти старший в роду порой вовсе не являлся сыном великого князя. Династия дробилась, что создавало невероятно запутанные ситуации с наследием великокняжеского престола.

§ 6. Государственная власть. Становление раннефеодальных отношений. Города. Торговля. Армия

В XI в. во главе Руси, как и прежде, стояли великие киевские князья, которые были уже не первыми среди других князей, а полноправными правителями страны. Прежних мужей племенных княжений именовали боярами. Они составляли верхушку дружинного слоя, старейшую дружину. Низшим слоем была младшая («молодая») дружина, где состояли люди менее знатные, более молодые. Но и те и другие являлись слугами великого князя. Они исполняли его различные поручения — в военном деле, управлении страной, суде и расправе, сборе дани и податей, в области дипломатических отношений с другими государствами.

В услужении князя были и личные слуги, личная дружина, так называемые отроки и детские. Все они были членами младшей дружины и в то же время оказывали различные услуги как в великокняжеском дворце, так и в княжеских делах. Дружины, старшая и младшая, прежде выполнявшие чисто военные функции, с конца X в. и в течение всего XI в. все более сливаются с аппаратом управления, превращаясь в рычаг государственной власти.

В городах князь опирался на бояр-посадников, в армии — на воевод, тысяцких, которые также являлись, как правило, представителями видных боярских родов.

Сам же великий князь пользовался большой властью. Он руководил войском, организовывал оборону страны и направлял все завоевательные походы, нередко как верховный военачальник он шел впереди своего войска. Великий князь руководил всей системой управления страной и судопроизводством. Его власть была разнообразной и комплексной. И чем больше распадалась, исчезали остатки старого родоплеменного строя, тем более возрастала роль великого князя и его аппарата управления в центре и на местах.

В чьих интересах действовал князь? Конечно, прежде всего он выражал интересы верхушки общества — бояр, младших дружинников, богатого купечества, духовенства. Эти люди, эти слои были наиболее близки к княжеской власти, были прежде всего заинтересованы в ней для защиты своих привилегий и доходов. Но эти люди были одновременно наиболее жизнеспособной, динамичной частью общества. Его прогресс осуществлялся в

основном их организаторскими усилиями, их личными способностями. Поэтому их союз с властью был естественным и закономерным.

В то же время княжеская власть выражала интересы всего общества в целом, так как осуществляла оборону страны от иноземных вторжений, поддерживала порядок внутри страны, карала за уголовные преступления, насилие против личности, защищала права собственности, на которых держалось и прогрессировало общество. К тому же, несмотря на развитие в обществе социальной розни, в нем еще четко не обозначились отдельные классы, социальные слои. Основная часть общества состояла из лично свободных людей, и княжеская власть выражала их интересы в целом.

На Руси XI—XII вв. одновременно сохранялось еще немало остатков старого строя. Так, в городах при решении важнейших вопросов традиционно собиралось вече, куда приходили все свободные жители. Их волеизъявление имело большое значение при формировании политики великого князя или его вассалов, стоящих во главе отдельных княжеств. Вече были продолжением старых народных собраний. И хотя на них заправляли в основном наиболее влиятельные, богатые горожане, они сохранили свои народные черты. Судебные разбирательства в сельской местности производились непременно в присутствии представителей местных крестьянских общин. А это тоже говорило о сильных корнях родоплеменного быта.

Да и в самой великокняжеской власти, в порядке ее передачи от одного властелина к другому не было еще стройности и четкого порядка: несмотря на завешание Ярослава, власть в период XI—XII вв. передавалась и по старшинству, и по завещанию, и по наследованию от отца к сыну, и благодаря призыванию князя жителями того или иного города — центра княжества. Порой княжеская власть захватывалась и надолго удерживалась силой. Все это свидетельствовало об отсутствии прочного и строгого ее регламентирования, говорило о переходном, неустойчивом характере всего общества.

И все же государственная власть в XI—XII вв. значительно отличалась от первых лет правления Олега и Игоря.

Зарождение феодальной системы. Именно в этих условиях прежние качественные изменения, происходившие внутри родоплеменных отношений, привели к дальнейшему развитию всего строя русской жизни.

Прежде всего все большую ценность приобретала в глазах общества земля с работающим на ней населением. Обладание такими землями усилило получение больших для того времени доходов, усиление личного богатства, моши, процветания, политической власти, к чему постоянно стремились люди, не только имевшие объективные возможности для этого (княжеская, боярско-дружинная среда, зарождающееся духовенство, богатые верхи городов), но и наделенные от природы определенными свойствами характера — энергией, напористостью, умением быстро ориентироваться в обстановке, способностями к получению знаний, честолюбием, хитростью, жестокостью.

Первым этапом подчинения князем, боярами, дружинниками населения, работающего на земле, было, как уже говорилось выше, «полюдье», а позднее — регулярный и упорядоченный сбор дани с подвластного насе-

ления. Лично люди были еще свободны, но они уже попадали в определенную зависимость от государственной власти.

Дань являлась первой известной на Руси формой зависимости населения от государства. Облагались ею и вновь завоеванные и присоединенные к Киеву княжества, и собственное население — свободные жители сельских общин. Все эти земли превращались в даннические, а жившие на них люди — в данников. Происходило так называемое окняжение подвластных земель великому князю, государству, так как получаемая дань шла на нужды не только князя, но и всего складывающегося государства. Государством самым утверждало свою верховную собственность на все подвластные земли. Таким образом, политические права на территорию выражались в притязаниях чисто хозяйственных.

Основу принципа обложения данью составляло наличие в крестьянском хозяйстве пахотной земли. Земля — вот что было главным объектом обложения, земля и хозяйствующий на ней крестьянин.

Одновременно с установлением власти великого киевского князя над всеми восточно-славянскими землями шел и другой процесс, о котором уже говорилось выше и который начался еще в период «военной демократии»: обогащение одних и обеднение других, появление в общине богатых землевладельцев и людей, потерявших землю, нищенствующих, вынужденных идти на работу к своим разбогатевшим соседям.

К середине XI в. этот процесс продвинулся далеко вперед. На огромных пространствах Руси, но особенно ощутимо в Среднем Поднепровье, в новгородских землях все чаще земли попадают в частные руки. Первыми здесь, конечно, были великие князья, представители княжеской семьи. Пользуясь силой, влиянием, они в одних случаях откровенно присваивали себе общинные земли, в других — «сажали» на свободные земли пленных и превращали их в своих работников, строили в личных владениях хозяйственные дворы, собственные хоромы, охотничьи дома, поселяли в этих местах своих управителей, начинали организовывать здесь собственное хозяйство. С ужасом и страхом смотрели рядовые свободные общинники, связанные ранее с князем, с государством лишь тонкой ниточкой ежегодной дани, как все плотнее окружают их владения княжеские земли, как в княжеское хозяйство переходят лучшие пахотные участки, луга, леса, озера, рыбные ловли; как многие из них, обедневшие и не могущие вести собственное хозяйство, оказываются под покровительством князя и превращаются в зависимых от него работников.

Создается, как и в других странах Европы, княжеский домен, т. е. комплекс населенных земель, принадлежащих непосредственно главе государства, главе династии. Такие же владения появляются у братьев великого князя, у его жены, у других княжеских родственников. В XI в. таких владений было еще не много, но их возникновение знаменовало наступление новых порядков, основанных на зарождении земельной собственности и появлении зависимых людей, живущих и работающих на земле, принадлежащей уже не им, а господину.

К этому же времени относится образование собственных земельных владений, личных больших хозяйств бояр и дружинников. Как складыва-

лись первые такие земельные приобретения богатой родоплеменной верхушки, мы показали выше. Теперь же, с созданием единого государства, в руках близких к князю бояр, старшей дружины, а также рядовых или младших дружинников, бывших оплотом военной силы князей, появилось больше возможностей для присвоения как населенных крестьянами земель, так и пустующих участков, которые, заселив, можно было быстро превратить в процветающие хозяйства.

Одним из путей обогащения древнерусской верхушки стало предоставление великими князьями в первую очередь местным князьям, а также боярам права на сбор дани с тех или иных земель.

Эти земли с правом сбора с них дани давались князьям и боярам как бы в кормление. Это было средством их содержания и обогащения. Позднее в разряд таких «кормлений» перешли и города. А далее вассалы великого князя передавали часть этих «кормлений» уже своим вассалам из числа собственных дружинников. Так зарождалась система феодальной иерархии. Слово «феод» (от лат. *feodum*) означает наследственное земельное владение, которое сеньор жаловал своему вассалу за разного рода службу (военное дело, участие в управлении, судопроизводстве и т. д.). Поэтому одной из главных черт феодализма как системы является наличие отношений между сеньором и вассалом на многих уровнях. Такая система как раз и зарождалась на Руси в XI–XII вв. В это время появляются первые вотчины бояр, воевод, посадников, старших дружинников.

Вотчиной (или «отчиной») называлось земельное владение, хозяйственный комплекс, принадлежащие владельцу на правах полной наследственной собственности. Однако верховная собственность на это владение принадлежала великому князю, который мог вотчину пожаловать, но мог и отнять ее у владельца за преступления против власти и передать ее другому лицу. К концу XI–XII в. многие младшие дружинники также обзаводятся своими земельными владениями.

С XI в. отмечено и появление церковных земельных владений. Великие князья предоставляли эти владения высшим иерархам церкви — митрополиту, епископам, а также монастырям, церквям.

С течением времени правители стали жаловать своим вассалам не только право владения землей, но и право суда на подвластной территории. По существу, населенные земли попадали под полное влияние своих господ — вассалов великого князя, которые затем жаловали часть этих земель и часть прав на них уже своим вассалам. Выстраивалась некая пирамида власти, в основе которой лежал труд работающих на земле крестьян, а также живущего в городах ремесленного люда.

Но по-прежнему на Руси многие земли оставались еще вне притязаний феодальных владельцев. В XI в. эта система лишь появлялась. Огромные пространства были заселены свободными людьми, жившими в так называемых волостях, над которыми был лишь один хозяин — сам великий князь как глава государства. И таких свободных крестьян-смердов, ремесленников, торговцев было в то время в стране большинство.

От конца XI в. до нас доходят сведения о княжеских и боярских замках, которые представляют собой центры вотчинных владений и являются на-

стоящими крепостями, напоминающими английские и французские баронские земли. Одним из таких замков, который принадлежал внуку Ярослава Мудрого князю Владимиру Мономаху, тогдашнему черниговскому князю, был знаменитый любечский замок.

В таком замке его хозяин и 200—250 человек защитников могли продержаться только на своих припасах более года.

А за стенами замка шумел многолюдный город, где жили торговцы и ремесленники, холопы, разная челядь; стояли церкви, кипел торг. Здесь было все, что нужно для существования княжеской семьи, если бы ей потребовалось укрыться в Любече, в своем родовом гнезде.

Феодальное владение, кроме своей вассальной подчиненности, имело еще одну характерную черту. Оно было неотделимо от труда зависимого населения. На господской земле, будь это земли князя, бояр, дружинников, церковных собственников, трудились жители сел и деревень, на которые распространялась владельческая власть феодала. За право пользоваться собственными участками пахотной земли, лугами, лесами, реками, которые были отданы великим князем своему вассалу со всеми правами на эти территории, они должны были платить владельцу земли определенные платежи натурой. Дело в том, что торговое и денежное обращение в сельской местности было еще не развито и хозяйство являлось натуральным, т. е. оно потребляло в основном то, что производило. Вот эту «натуру» — зерно, пушнину, мед, воск и другие продукты — жители и должны были предоставлять в виде платежей своему господину. Они также обязаны были исполнять подводную повинность — предоставлять по требованию господина телеги летом и сани зимой, запряженные лошадьми, исполнять различные работы, связанные с починкой дорог, мостов и т. д. Все обязанности, которые ранее население выполняло на великого князя, на государство, теперь выполнялись на нового господина — боярина, дружинника, церковь, монастырь.

Но оставались и общегосударственные поборы и повинности.

Постепенно в сельской местности появлялся слой людей, которые по различным причинам (неурожай, засуха, военные разорения) теряли собственное хозяйство и либо за взятые у господина в долг деньги, либо за помощь в поддержании своего пошатнувшегося хозяйства (ссуда семенами, предоставление тяглого или молочного скота) обязывались выполнять сельские работы на своего господина — обрабатывать землю, косить сено, собирать урожай, ухаживать за скотом, выполнять другие работы. Такие люди назывались «рядовичами», так как заключали с хозяином «ряд» — договор, или «закупами», так как брали у хозяина «купу» — долг. Они не могли уйти от господина ранее, чем выполнят условия договора.

На господской земле трудились и пленники, отработавшие свой выкуп, «наймиты», нанимавшиеся за плату; на церковных землях трудились «прошенники» — те, кому были прощены их долги или преступления, или те, кого церковные организации выкупали у государства, скажем воров, заплатив за них необходимые штрафы.

Наиболее неполноправными людьми как в городе, так и в сельской местности были холопы, о которых уже шла речь выше; в XI—XII вв. их стали

привлекать к сельским работам, «сажать» на землю и заставлять работать на своего господина. Холопами становилось все больше и больше людей: свободный человек мог продать себя в холопы от великой нужды; он превращался в холопа, если женился на холопке, заранее не оговорив свою свободу; если поступал на службу к господину без специального договора. Холопами становились также дети холопов; проворовавшиеся и нарушившие договор «рядовичи» и «закупы»; в состав холопов попадали и пленники. Сельские усадьбы и городские дворы светской и духовной знати были полны такими людьми, которые исполняли многие работы по дому и в поле. И все же русские холопы отличались от рабов в античном мире. Они имели кое-какие права. Их убийство каралось законом. Иногда, в случае отсутствия иных свидетелей, холопы могли давать показания в суде. Церковь стремилась смягчить бесправное положение холопов, что ей и удалось сделать к концу XI — началу XII в.

Новые явления в хозяйственной жизни страны, в становлении новых отношений между людьми нашли отражение в развитии городской жизни на Руси.

Города. Города у восточных славян зародились задолго до возникновения единого государства. Но поначалу это были либо центры племенных княжений, либо места, где стояли языческие боги и находились языческие капища, где славяне-язычники внимали своим жрецам — волхвам и приносили жертвы Перуну. Уже в это время зарождались города как центры наиболее оживленного торгового обмена и ремесленного производства, как укрепленные «детинцы» (замки), стоящие в неприступных для врагов местах — на высоких горах, речных кручах, куда население близлежащей округи сбегалось в случае нашествия врагов.

По мере развития хозяйственной жизни на Руси, совершенствования ремесла, торговли, сельского хозяйства, по мере создания единого государства и затухания прежних родоплеменных порядков городская жизнь стала заметно меняться. Зачахли прежние городки, где жила племенная знать. Так случилось с центром древлянских земель городом Искоростенем, который еще во времена Игоря и Ольги политически соперничал с Киевом. С принятием христианства многие священные языческие места оказались в запустении, а люди, селившиеся вокруг них и обслуживавшие потребности жрецов и верующих, разбрелись по другим краям. Зато набирали силу города, которые стояли на оживленных торговых путях, где оседали купцы, куда тянулись ремесленники, стремящиеся выгодно продать свои изделия.

Однако наибольшую экономическую мощь, богатство, известность приобрели города, которые сочетали в себе целый комплекс наиболее важных городских черт. Они были политическими и административными центрами. Там жили князь, его бояре, размещалась княжеская дружина. Там князь со своими помощниками правил суд, отсюда управлял подвластными землями. Одновременно города росли и расширялись как торговые и ремесленные центры. Здесь же сосредоточивалась религиозная жизнь, стояли наиболее важные храмы княжества, жили и исправляли свои христианские службы митрополит и епископы, стояли крупные монастыри.

В то же время эти города, как правило, занимали весьма выгодные военно-стратегические позиции. Они заключали в себе качества неприступных замков-крепостей, но масштабы их были неизмеримо больше. Такие города были и центрами культуры. В них расцветало искусство, создавались летописи, организовывались библиотеки. Все это с самого начала формирования крупных городов Руси и определяло городскую жизнь.

Точно так же возникали известные города Западной Европы. Однако развитие их городской жизни определялось еще одной весьма важной чертой, которой не знала Русь. Многие западные города возникали на месте старых римских городских поселений или римских крепостей.

Русь не имела этого великолепного наследства и питалась в основном лишь собственными соками, что во многом замедляло русскую городскую жизнь по сравнению с ведущими странами Запада. Но все же города на Руси возникли ранее, чем в ряде стран Восточной Европы, скажем в Венгрии, Польше, Скандинавии (Швеции и Норвегии).

IX в., время складывания государства на Руси, изживания родоплеменных отношений, стал и рубежом появления всех наиболее крупных древнерусских городов. В X — начале XI в. на Руси насчитывалось уже около 30 крупных городских центров с укрепленными «детинцами», кремлями, площадь которых была свыше 2,5 га. В середине XI — первой половине XII в. таких городов было уже 42, а к середине XIII в. — 62. Среди них выделялись те, которые обладали всеми характерными чертами городской жизни, — Киев, Чернигов, Смоленск, Полоцк, Новгород, Суздаль, Ростов, Ладога, Любеч, Переяславль, Перемышль и др.

Значительную часть жителей городов составлял различный торговый люд — от богатых купцов, «гостей», ведущих торговлю с другими странами, до мелких торговцев-разносчиков. В городах зарождались купеческие объединения, имевшие свои уставы, общие денежные фонды, из которых оказывалась помощь купцам, попавшим в беду.

В Киеве, Новгороде, Чернигове, других крупных городах Руси находились дворы иноземных купцов. Существовали целые районы, где жили торговцы из Хазарии, Польши, скандинавских стран. Большую общину составляли купцы и ростовщики — армяне и евреи, в руках которых был значительный торговый и ростовщический капитал. Еврейское купечество, пользуясь своими постоянными контактами с сородичами и партнерами-единоверцами в других странах, связывало русские торговые центры не только с ближними, но и с отдаленными частями Европы, включая Англию и Испанию. Армянские купцы осуществляли торговые связи Руси со странами Кавказа и Передней Азии. Немало в русских городах было и торговцев из Волжской Булгарии, стран Востока — Персии, Хорезма и др. И русские купцы были желанными гостями на рынках Константинополя и Кракова, Регенсбурга и Будапешта, в Скандинавии, в прибалтийских и немецких землях. В Константинополе существовало русское подворье, где постоянно останавливались торговцы из Руси. Зная задиристость русских купцов и сопровождавшей охраны, их буйный нрав, византийские власти одновременно допускали в город не более пятидесяти человек, тщательно следя за тем, чтобы с ними не было оружия.

По многим большим и малым городам Руси шумели торги. По широким степным шляхам, по тенистым лесным дорогам, в зимнюю стужу — по ледяной глади замерзших рек к крепостным воротам русских городов тянулись нескончаемые купеческие караваны. В Новгород, вокруг которого было мало плодородных земель, шли возы с зерном; с юга, из Волыни, по всем русским городам везли соль. С севера на юг шла рыба всех видов. Из Киева, Новгорода и других больших городов корабельники развозили по весам и градам изделия искусных ремесленников. В окрестные страны русские «гости» везли воск, скору (пушнину), льняное полотно, разные поделки из серебра, знаменитые русские кольчуги, кожи, пряслища, замки, бронзовые зеркала, изделия из кости. Нередко вместе с караванами купцы гнали на продажу и челядь — захваченных русскими дружинами во время военных походов пленников, которые высоко ценились на невольничьих рынках Херсонеса, Булгара, Константинополя.

На Русь же отовсюду иноземные купцы везли свои товары: из Византии — дорогие ткани, оружие, церковную утварь, драгоценные камни, золотые и серебряные утварь и украшения; из стран Кавказа, Персии, Прикаспия — благовония и пряности, бисер, который так ценили русские женщины, и вино; из Фландрии — тонкие сукна. Торговали русские купцы с прирейнскими городами, венгерскими, чешскими, польскими землями, откуда шли изделия из металла, а также оружие, вина, кони. Большие пошлины собирали с этой разнообразной торговли как великие киевские князья, так и местные. В торговых делах участвовали и представители княжеских домов: они либо доверяли свои товары купцам, либо имели своих торговых представителей в многочисленных торговых караванах, которые под усиленной охраной шли из русских земель во все концы света.

Каждый город был к тому же центром торговли всей близлежащей округи. К нему тянулись ремесленники из окрестных городков и смерды из сельской местности, чтобы продать плоды своих трудов, купить что-либо необходимое в хозяйстве.

На рынках Руси звенели различные монеты. Здесь были и собственной чеканки серебряные гривны и куны, и арабские дирхемы, и византийские золотые номисмы, и немецкие талеры. Но в северной глуши и на степном юге, как и в старину, еще использовали в качестве денежных единиц шкурки ценных зверей, скот. Недаром ведь деньги на Руси с древности назывались кунами, т. е. мехом куниц, что говорило о том времени, когда не металл, а пушнина была в этих краях денежным эквивалентом.

Армия. Армия, военные люди являлись неотъемлемой частью древнерусского общества, неотделимой чертой жизни русских городов, органической частью уклада великокняжеского двора, дворцов других князей и бояр.

Прошли те времена, когда против врага поднималось все племя или когда великие киевские князья вели с собой в далекие походы десятки тысяч своих соплеменников, ставя под свои боевые стяги значительную часть мужского населения различных княжений во главе со своими князьями.

С созданием сильного и относительно единого государства военное дело оказалось в руках профессиональных воинов, для которых война стала

смыслом жизни. Профессиональные воины служили князю и находились на его содержании. Для старшей дружины это, как уже говорилось ранее, была раздача «кормлений», позднее земель, для младшей — содержание на довольствии, выплата денег, части захваченной добычи и т. д.

Дружина отныне становилась ядром армии, наиболее сильной и хорошо вооруженной частью княжеского войска. У киевского великого князя дружина насчитывала от 500 до 800 человек. Эти воины передвигались либо на конях, либо в быстрых и легких ладьях по рекам и морям. Вооружены они были мечами, копьями, саблями. На голове у них были «шишаки» — изящные остроконечные шлемы; щиты, броня или кольчуги защищали их тела. Каждая дружина дралась рядом со своим князем, а князь или боярин сам руководил во время боя своей дружиной. Во время рукопашных схваток специальные телохранители оберегали князя, защищали его своими щитами и телами от вражеских сабель и стрел.

Но дружина была лишь частью древнерусского войска. Другой его частью был «полк», простые «вои» — смерды и ремесленники. Великий князь и другие князья привлекали их к военной деятельности либо тогда, когда государству, всему населению грозила смертельная опасность, как это бывало во время страшных набегов печенегов, а позднее половцев, либо тогда, когда вся Русь поднималась на большой поход, как это было во время войн с Византией, Польшей, Хазарией. В этом случае горожане приходили в «полк», где они делились на десятки и сотни во главе со своими десятскими и сотскими. Сельские жители являлись в «полк» во главе со своими старостами и тоже затем делились на десятки и сотни. Всем «полком» командовал, как уже говорилось выше, тысяцкий. Вооружение «воев» было попроще: лук, колчан со стрелами, копье либо тяжелый боевой топор, который пробивал насквозь крепкую броню; у каждого на поясе был нож на случай рукопашных схваток. Броню «вои» не носили. Она была слишком дорогой. Кольчуга была тоже редкостью. Зато щиты имелись в руках у каждого.

Сражения нередко начинались с поединка богатырей, которых представляла каждая сторона. Успех своего богатыря исторгал из уст войска восторженный крик, и воодушевленные воины бросались в атаку.

Во время боя все войско, как правило, разделялось на «чело» — центр, где находились самые надежные воины, могущие выдержать удары вражеской конницы: пешие, вооруженные щитами, копьями и топорами. На правом и левом «крыльях» располагались конные воины, княжеская дружина. Задача «крыльев» заключалась в окружении противника и нанесении ему ударов с флангов после того, как «чело» выдержит удар врага.

Нередко поодаль от основного войска вместе с русскими в поход выступали наемные или союзные иноплеменные войска: варяги либо отряды дружественных кочевников — торков, берендеев. Привлекали киевские князья на службу тех же печенегов, а позднее половцев. Летописец с осуждением писал о тех случаях, когда русские князья водили в походы кочевников против своих же соотечественников.

Наемники и союзники, как правило, не сливались с русским войском, подчинялись своим командирам. В случае неудач они нередко бежали с поля боя, оголяя фронт.

Если русское войско отправлялось на штурм вражеской крепости, то в обозе находились специальные осадные приспособления — тараны (огромные бревна, обитые железом), камнестрелы, приступные лестницы, вежи (передвижные деревянные башни).

§ 7. От языческих мятежей к социальному протесту

Вторая половина IX и X в. в русской истории стали временем грандиозных перемен, и в первую очередь в сфере социально-экономической и политической. Наступление частной собственности и частного собственника на свободный мир прошлого круто менял судьбы людей. Принятие Русью христианства означало начало крушения старой языческой веры, которая долгие века господствовала в душах и умах людей.

Все эти перемены проходили почти синхронно, хотя их темпы по сравнению с рядом западноевропейских стран были замедленными в силу общих геополитических причин развития восточно-славянских земель. Но к концу X — началу XI в. они становились все более и более осязаемыми, вносили совершенно иные краски в жизнь сотен тысяч людей. Особенно болезненно эти перемены выявлялись в периоды острых общественных потрясений — тяжких княжеских междоусобиц, иноземных нашествий, стихийных бедствий — засух, голода, пожаров. В эти дни обострялись обычные беды, всплывали старые обиды, несчастья сплывали людей на почве общих интересов, ненависти к тем, кого они считали виновными за все свои горести и унижения.

Первые крупные общественные схватки в зарождающемся государстве возникли тогда, когда Киев подминал под себя другие племенные княжения. Древлян, вятичей, другие племена сплывало желание отстоять свою независимость и свободу. И здесь сходились интересы, скажем, древлянского князя Мала и безвестного древлянского смерда. Несколько раз поднимали в X в. восстание против Киева древляне, вятичи; самостоятельный путь своего развития искали полочане. Племенной сепаратизм был главным общественным чувством, которое объединяло людей и поднимало их на борьбу.

К концу XI в. Русь, кажется, более не тревожили племенные или региональные распри и ничто не нарушало ее внутреннего государственного покоя. Но это было обманчивое впечатление. Да, пожаров вроде племенных восстаний больше не было, но угли политического сепаратизма, который уходил еще в прошлую племенную жизнь, тлели постоянно. Это чувствовалось в постоянной угрюмой настороженности вятичей, в особой позиции Полоцка, который десятилетиями, из поколения в поколение своих князей Рогволодовичей, вел нескончаемую войну с Киевом, и в извечной оппозиции Новгорода, не забывшего свои былые вольности еще варяжской поры.

По мере развития общественных отношений на Руси, появления богатых и бедных, складывания княжеско-боярско-дружинной верхушки, на-

чала ее наступления на земли свободных крестьян племенной сепаратизм отступал в тень. Но другие противоречия выходили на первый план.

С конца X в., со времени введения христианства на Руси, появились противоречия между теми, кто был предан старой языческой вере, и носителями идей христианства. Язычество было сильно, как уже говорилось, на севере и северо-востоке страны. Именно на новгородском северо-западе, на вятичском северо-востоке вспыхнули первые пожары неповиновения. Нежелание принять христианство в качестве новой религии шло рука об руку со старыми племенными традициями. А обострившиеся социальные отношения, потеря частью населения свободы, повышение налогового гнета со стороны государства и частных владельцев лишь осложняли общую обстановку в этих частях страны.

Ряд мятежей произошел в связи с введением христианства на Новгородской земле.

В 1024 г. на северо-востоке страны, в Суздальской земле, произошло новое выступление народа. Это было время большого голода. Среди населения прошел слух, что богатые люди скрывают хлеб. Люди бросились во дворы богачей, стали избивать их и разыскивать хлеб. Во главе движения встали волхвы — языческие жрецы. Так в этом мятеже сплелись мотивы социальные, религиозные и племенные. Потребовалось вмешательство самого великого киевского князя Ярослава. Он явился в Суздальскую землю с дружиной, схватил и казнил руководителей мятежа — волхвов, утихомирил край.

В 1068 г. в Русской земле произошло еще одно крупное общественное потрясение.

Все началось с поражения от половцев русского войска, которым командовал сам великий князь Изяслав, сын Ярослава Мудрого, и его братья Святослав и Всеволод. Разгромленная и потрепанная в открытом бою княжеская дружина заперлась за киевскими стенами и со страхом ждала появления врагов. Именно в это время началось брожение среди горожан. Они требовали у князя оружие и были готовы защитить город. На горе горожане собирались кучками, в толпе говорили, что князя их предали, что воевода Коснячко нарочно не дает им оружие, опасаясь, что оно повернется против богатых людей. Ремесленно-торговый Подол гудел. Там шло нескончаемое вече. Люди требовали освободить из тюрьмы вероломно захваченного сыновьями Ярослава их соперника, неустрашимого воина и талантливого полководца полоцкого князя Всеслава. Народ требовал поставить его во главе войска в борьбе с половцами. Одновременно раздавались голоса о злоупотреблениях княжеских воевод и управителей, о притеснении народа, несправедливых поборах. На Подоле восстали холопы и растерзали бывшего в Киеве новгородского архиепископа Стефана, который пытался их унять. С Подола сотни людей двинулись к княжескому дворцу, ко двору ненавистного воеводы Коснячко. Другая часть направилась к тюрьме, где томился полоцкий князь Всеслав.

Восставший народ захватил и разгромил многие дворы княжеских бояр и воевод. Княжеский дворец был окружен возбужденной толпой. Близкие к Изяславу люди советовали князю послать воинов к тюрьме и убить Все-

слава, но князь колебался. Время было упущено. Народ пошел на приступ дворца. Великий князь, его брат Всеволод со своими чадами и домочадцами, среди которых был и будущий великий киевский князь, пятнадцатилетний Владимир Всеволодович Мономах, бежали.

Толпа разгромила и разграбила княжеский дворец. Оттуда было унесено много золотых и серебряных изделий, дорогие меха. Князь Всеслав был освобожден из тюрьмы и возведен восставшим народом на киевский стол. Изяслав бежал в Польшу.

Семь месяцев правил в Киеве Всеслав — избранник народа. Но прежние правители Киева не сдавались. К этому времени Святослав Черниговский, брат великого князя, разгромил половцев и обезопасил на время русские границы. Изяслав собрал в Польше большую рать и двинулся на Киев, вместе с ним шли польские отряды. Всеслав с киевлянами выступили навстречу. Войска сошлись близ самого Киева. Но битва не состоялась. В канун ее, ночью, Всеслав тайно покинул киевлян и бежал к себе в Полоцк. Оставшееся без вождя войско побежало. Вскоре войско Изяслава было уже около стен Киева. Восставший город открыл ворота великому князю и повинился.

Но Изяслав не сразу вошел в город. Сначала он послал туда своего сына Мстислава с дружиной. Тот учинил жестокую расправу над мятежниками, убил около 70 горожан — зачинщиков бунта, тех, кто участвовал в освобождении и возведении на престол Всеслава, часть мятежников он приказал ослепить, иных же наказал, даже не проведя расследования. Город был повержен. Лишь после этого Изяслав вступил в Киев. Тут же он послал войско в Полоцк и занял его. Всеслав бежал из города в леса.

Так закончилось это первое крупное восстание на Руси, в котором уже просматриваются социальные мотивы. Новые заботы начинают оттеснять на второй план прежние племенные и религиозные интересы.

Пламя мятежа, охватившее Киев, распространилось и на другие русские земли. Бунтовали смерды вокруг самого Киева. Отказывалось платить дань и налоги население Смоленской земли. Поднялся народ в далеком Белоозере. Оттуда смятение перекинулось в Ростово-Суздальскую землю, в край вятичей. Мятеж возглавили здесь два волхва, которые призывали простых людей к расправе над имущими.

Были разграблены житницы, амбары, медуши богатых людей. Отряд восставших насчитывал около 300 человек. Потребовались немалые усилия со стороны властей для подавления мятежа. Волхвы были схвачены и убиты великокняжеским воеводой Яном Вышатичем.

В Новгороде в 1071 г. начался мятеж, направленный против архиепископа и христианской веры. И снова волхв встал во главе восставших. По существу, город разделен надвое. На епископском дворе стояла княжеская дружина. Весь остальной город оказался в руках восставших. И только убийство волхва во время переговоров помогло обезглавить восстание и рассеять восставших. Лишь к 1072 г. на Руси был восстановлен порядок, и трое Ярославичей — Изяслав, Святослав и Всеволод — приняли меры по «успокоению» земли. Жестокие кары, обрушившиеся на мятежников, были лишь частью этих мер. Другой частью стала разработка нового законода-

тельства, так как старая Ярославова Русская Правда уже не отвечала запросам времени.

Новый свод законов — Правда Ярославичей, т. е. сыновей Ярослава Мудрого, устанавливает суровые наказания за разбой, поджог, убийство, увечья, кражи, нарушение межевых знаков. Но это были случаи, связанные не с какими-то уникальными общественными явлениями, а с постоянным функционированием господского хозяйства. Государство стремилось поддерживать порядок, защитить собственность состоятельных людей. Характерно, что вторая Русская Правда уже не имеет норм, отражающих право кровной мести. Убийство почти во всех случаях заменяется высокими вирами. В этом смысле новый закон был значительно ближе западным правдам, где также кровная месть заменялась штрафами. За убийство княжеских огнищанина и тиуна полагался штраф в 80 гривен, за убийство княжеского сельского или ратайного старосты — 12 гривен. Но если огнищанин будет убит у клети, конюшни или скотного двора, т. е. при защите собственности, убийцу следовало убить «в пса место» (как собаку). Вора можно было убить лишь в ночное время на месте преступления. Любопытно, что в Баварской правде и в Саксонской правде германцев также разрешалось убивать вора на месте преступления в ночное время. Штрафы были установлены за покражи собственности, скота, птицы, нарушение бортовых владений, запашки чужой земли и т. д.

Особо оговаривались, как и в Салической правде франков, в германских правдах, наказания за кражу и укрывательство холопов. Но не надо думать, что новая Русская Правда заботилась лишь о власти имущих. В ней были и статьи, защищавшие право на жизнь и собственность любого жителя Руси. Так, за убийство смерда или холопа полагался штраф в 5 гривен. Наказание назначалось не только за убийство княжеского коня (3 гривны), но и за убийство коня смерда (2 гривны). Вводился новый порядок судопроизводства, появился институт свидетелей и свидетельских показаний.

Новый государственный закон отразил не только развитие новых социально-экономических отношений в стране, но и возросший уровень самой русской государственности.

ГЛАВА 5. РУСЬ НА ПЕРЕПУТЬЕ

§ 1. Междоусобица на Руси в 70-е гг. XI в.

Наступил 1073 г., и новая междоусобная борьба за власть началась на Руси. На этот раз распря произошла между сыновьями Ярослава Мудрого. Период их мирного совладения Русской землей длился с 1054 по 1072 г. Народные волнения конца 60-х — начала 70-х гг. XI в., появление на киевском столе полоцкого князя, бегство Рюриковичей из Киева нарушили государственную стабильность, которая существовала на Руси в последние годы жизни Ярослава и в течение двух десятков лет правления его сыновей.

Общая политическая ситуация обострялась и в связи с новой серьезной внешнеполитической опасностью: место печенегов заняла новая кочевая волна — половцы. Они пришли в причерноморские степи тем же путем, что и некогда печенеги. Половецкие орды перевалили через Волгу, появились на Дону, заняли бескрайние степи между Доном и Днепром. Половцы отогнали печенегов на запад и, преследуя их, дошли до византийских сторожевых крепостей на Дунае.

В 1061 г. половцы впервые подошли к русским границам. К этому времени их напор на запад ослабел, и они принялись обживать огромные пространства, раскинувшиеся между Доном и Дунаем. Главные их кочевья расположились между Дунаем и Днепром. Но были еще и причерноморские половцы, кочевавшие от Днепра до нижнего Дона. Другие половецкие орды кочевали по реке Донец, по обоим берегам Дона.

От пастбища к пастбищу, от одной земли к другой передвигались половецкие орды, все сокрушая на своем пути.

Зимой они уходили к югу, поближе к теплым черноморским берегам, а летом постепенно перемещались на север; их стада тучнели в ковыльных степях, и половцы подходили к самой кромке южнорусских земель. Осенью же, когда кони были сыты, начиналась пора набегов. В поход поднимались все взрослые половцы. Их конные лавины внезапно возникали перед изумленным и испуганным врагом. Вооруженные луками и стрелами, саблями, арканами, копьями, половецкие воины с пронзительным криком бросались в бой, стреляя на скаку из луков, засыпая врага тучей стрел. Сокрушив противника, они мгновенно исчезали, на месте набега оставались развалины и пожарища, а за кочевниками тянулись следы многочисленных пленников, которых гнали на невольничьи рынки юга.

Тактика кочевников состояла в том, чтобы напасть врасплох, смять численно слабого противника, подавить его, разъединить вражеские силы, заманить их в засаду, уничтожить — так они вели свои войны. Но если половцы сталкивались с сильным противником и вынуждены были отступать, они умели и обороняться: быстро составляли свои телеги в несколько кругов, накрывали их бычьими шкурами, чтобы враг не мог поджечь лагерь, и, укрывшись внутри, отчаянно отбивались от неприятеля. Через проходы между телегами вырывались они порой конными отрядами на вылазки, сея ужас среди осаждавших.

Со временем, уже прочно осев в южных степях, некоторые половецкие орды перешли на полуседлый образ жизни, у них появились постоянные становища и возникли небольшие городки, огороженные земляными валами. Столицей донских половцев позднее стал город Шарукань, который так был назван в честь всеильного половецкого хана Шарукана.

В течение долгих десятилетий половцы вели постоянные войны с Русью. Но в отношениях Руси с половцами были и долгие периоды мирных отношений, когда народы вели торговлю, широко общались в приграничных районах. Русские князья и половецкие ханы нередко заключали династические браки между своими сыновьями и дочерьми. Известно, что вторая жена Всеволода Ярославича была половецкой княжной.

Постоянное половецкое присутствие вблизи русских границ создавало на Руси внутреннее напряжение, особенно в южных районах страны. Князья в борьбе друг с другом нередко обращались к помощи половцев. Русские земли с последних десятилетий XI в. периодически стали превращаться в кровопролитные поля междоусобных битв.

Мир на Руси рухнул в то время, когда два младших Ярославича — Святослав и Всеволод выступили против старшего брата — киевского князя Изяслава. Еще не так давно, в 1072 г., братья совместно устраивали перенесение мощей Бориса и Глеба и провозглашение убитых Святополком братьев первыми святыми русской церкви.

Поводом стал слух, возникший в княжеской среде, будто Изяслав заключил союз против братьев, решив стать «самовластцем» на Руси по примеру Владимира и Ярослава, что он пошел на союз с Всеславом Полоцким против братьев. Братья со своими дружинами подступили к Киеву, и Изяслав вместе с семьей вновь бежал в Польшу. Киевский князь вывез с собой много золота, серебра, дорогих вещей, стремясь нанять на них войско. Но польский король Болеслав II, приняв от Изяслава дорогие дары, не оказал ему помощи.

Несколько лет скитался Изяслав по Европе, прося помощи у германского императора и даже у папы римского. Изяслав преподнес в Майнце богатые дары Генриху IV, германскому императору. В те дни один из немецких хронистов писал в своем труде: «Явился русский князь по имени Дмитрий [христианское имя Изяслава], принеся ему [Генриху IV] неисчислимые богатства, состоящие из золотых и серебряных сосудов и драгоценных тканей, и просил у него помощи против своего брата [Святослава], который силой изгнал его из княжения. Генрих IV взялся быть посредником в противоборстве между братьями и направил Святославу послание с просьбой вернуть трон Изяславу». Послание повез в Киев трирский пробст Бурхард — сводный брат Оды, второй жены Святослава Ярославича. Итак, межкняжеский конфликт на Руси стал событием европейского масштаба. В дальнейшем в эту борьбу включился знаменитый папа Григорий VII (Гильдебрант), соперник германского императора. Папа, стремящийся к распространению влияния римской церкви, получил обещание от русских беглых князей верно служить церкви святого Петра и оказал воздействие на польского короля, заставив его вернуть взятые у Изяслава ценности и помочь ему в снаряжении войска. На имя Изяслава была прислана

папская булла, что означало принятие вассальной зависимости русского великого князя от папы римского.

А в это время на Руси правил Святослав Ярославич. Он посадил своих сыновей во всех крупных русских городах, отодвинул третьего Ярославича — Всеволода — в тень, отправил его сына Владимира на далекую пограничную Волынь.

В 1076 г. Святослав, помогая Польше, которая не приняла Изяслава, снарядил большой поход в Центральную Европу. Русская рать пошла войной на чехов, союзников Германии и противников Польши. Командовали ратью два молодых князя, два друга, двоюродные братья Владимир Мономах, сын Всеволода, и Олег, сын Святослава, не ведая, что скоро жизнь разведет их в жестокой борьбе за власть. Поход русских князей был успешным. Они одержали ряд побед над объединенными чешско-немецкими войсками и заключили почетный мир. Впервые Русь стала участницей крупных политических событий в центре Европы.

В 1076 г. Святослав внезапно умер. Власть на короткое время принял Всеволод, но к границам Руси уже подходило войско Изяслава. Всеволод добровольно сдал ему Киев и отправился в Чернигов, второй по значению город на Руси.

Теперь на Руси на первое место выдвинулись два Ярославовых сына — Изяслав и Всеволод. Соответственно выдвинулись вперед и их сыновья, ставшие уже взрослыми князьями: наследник Изяслава — Святополк и наследник Всеволода — Владимир. Сыновья же третьего Ярославича, Святослава, после смерти отца остались не у дел: действовал установленный Ярославом Мудрым порядок передачи власти по старшинству, а не от отца к сыну. Старший сын Святослава, деятельный и честолюбивый Олег, продолжал жить в родном городе своего отца Чернигове, но здесь уже правил князь Всеволод. Все другие крупные и славные русские города были поделены между Изяславом и Всеволодом.

Через два года, в 1078 г., Олег Святославич бежал из города, уведя с собой верных ему людей и свою личную дружину в далекую Тмутаракань, где укрылся его младший брат Роман. Олег поклялся вернуться и отвоевать отцовский Чернигов. Так на Руси началась новая большая междоусобица.

По существу, в течение всех X и XI вв. междоусобная борьба в Киевской Руси не прекращалась. Но если Владимиру I и Ярославу Мудрому удалось в течение долгого времени сохранять после захвата власти единство Руси, то сыновьям и внукам Ярослава Мудрого сделать это оказалось труднее. Это объяснялось, во-первых, самим порядком престолонаследия, установленным Ярославом. Сыновья не хотели отдавать власть старшим по возрасту князьям, своим дядьям, а те не пускали племянников к власти, ставя на их место своих сыновей, хотя те и были помоложе. В этом случае распри были неизбежны.

Во-вторых, среди преемников Ярослава Мудрого не нашлось такой яркой, целеустремленной и волевой личности, какой были Владимир I и сам Ярослав. Его старший сын, Изяслав, был правителем вялым, ограниченным и скупым. Выгнанный своими братьями, он с трудом вернулся в Киев и теперь всеми силами стремился сохранить мир.

Святослав был невероятно честолюбив, деятелен, стремился занять киевский стол в обход существующего порядка. В конце концов он этого добился, сокрушил Изяслава, подавил своих противников, принялся за решительное управление страной, послал рать в Европу, готовился к войне с Византией, покровительствовал культуре. Но судьба отвела ему слишком мало времени. Как известно, он умер в 1076 г.

Третий брат, Всеволод, женатый на византийской принцессе, дочери императора Константина IX Мономаха — Марии, был человеком образованным — он знал пять языков, слыл знатоком книг, — но был больше склонен не к решительным действиям, а к размышлениям, покойной и неторопливой жизни. Многие дела он передоверял своему способному и деятельному сыну Владимиру (Владимиру II Мономаху). Но когда наступал час решительных испытаний, Всеволод преображался, он становился расчетливым полководцем и бесстрашным воином, за которым без колебаний шла дружина, и в этом смысле он напоминал своего отца Ярослава Мудрого.

В-третьих, в последние десятилетия XI в., после мирного и созидательного времени Ярослава Мудрого, стали набирать еще большую силу крупные русские города и земли. На днепровском пути выделялись Смоленск, Любеч, в Средней Руси — Чернигов, Переяславль, на юго-западе — Владимир-Волынский, Перемышль, на северо-востоке — Ростов, Суздаль. Набирали силу Минск, Ярославль и другие неизвестные ранее или основанные совсем недавно городские центры. Появление крупных вотчинных хозяйств, в том числе церковных и монастырских земельных владений, с их концентрацией рабочей силы, материальными возможностями способствовало общему прогрессу хозяйственной жизни отдельных земель, питало их стремление к независимости от Киева, особенно с учетом находившихся там посредственных правителей.

В-четвертых, дезорганизации политической жизни Руси способствовало и постоянное вмешательство половцев в ее внутренние дела.

§ 2. Мятеж Олега Гориславича и новая распря

Итак, Олег Святославич поднял мятеж против Киева и Чернигова, требуя принадлежащий отцу черниговский княжеский стол. Тмутараканская рать братьев Святославичей была подкреплена половцами. Летописец писал позднее, что Олег привел «поганя на Руськую землю, и пойдоста [пошел] на Всеволода с половци».

За этот союз Олега с половцами, постоянными врагами Руси, за инициативу в начавшейся распре, за последующие междоусобицы и несогласия, связанные с именем Олега Святославича, автор «Слова о полку Игореве» назвал его «Гориславичем», т. е. человеком, принесшим горе Руси. Но разве дело было в одном Олеге? Междоусобицу вели все ее участники. Олег, возможно, был среди них наиболее решительным и бескомпромиссным, но унижений и обид он, возможно, испытал больше остальных князей.

Нагиск Олега был стремителен. На реке Сожица, близ Чернигова, 25 августа 1078 г. он при помощи половецкой конницы разгромил черни-

говское войско. Всеволод и Владимир Мономах бежали в Киев. Победители, как сказано в летописи, овладели Черниговом и «земле Русской много зла сотворили, пролили кровь христианскую».

Общая опасность сблизила недавних соперников: Изяслав с сыном Ярополком и Всеволод с Владимиром Мономахом выступили против Олега во главе рати, собранной со всех русских земель. Олег вновь бежал из Чернигова за подмогой на юг.

Братья Ярославичи осадили Чернигов. Восточные ворота города штурмовал Владимир Мономах вместе со смоленским полком. Во время штурма войска союзников подожгли Чернигов. Весь город выгорел. Осажденные заперлись в «детинце» и ждали решающего приступа. Такова была тяжелая плата не только этого, но и других русских городов за княжеские междоусобицы. В момент осады князьям донесли, что войско Олега стремительно приближается к городу.

Войска противников встретились в решающей битве 3 октября 1078 г. на Нежатиной ниве. В упорном сражении старшие князья одолели Олега и его союзников. Но во время боя погиб великий киевский князь Изяслав, пораженный копьем в спину. Олэг бежал на юг. Власть в Киеве взял единственный из оставшихся в живых Ярославичей — Всеволод. Своего старшего сына — Владимира Мономаха он теперь посадил править в Чернигове — в наследственной «отчине» Олега. Отныне между двоюродными братьями завязался тугой узел вражды на всю оставшуюся жизнь.

В 1093 г. положение на Руси резко осложнилось. В этот год умер последний из Ярославичей — князь Всеволод. В последние годы жизни он резко постарел, много болел, все дела передоверил Владимиру Мономаху и окружавшим его молодым соратникам. Старые киевские бояре роптали.

§ 3. Начало военной деятельности Владимира Мономаха

Именно в 80-е гг. XI в. молодой Владимир Мономах, черниговский князь, выдвинулся на Руси как один из самых талантливых и удачливых полководцев. Молва связала с его именем успешный поход против Чехии. Но особенно прославился он в борьбе с половцами. Уже в ту пору Мономах, воюя с кочевниками, не медлил ни часа, если рать была готова, если выступать можно было, не откладывая поход на завтра. Кочевники быстры, а значит, надо быть еще быстрее, они хитры и коварны, значит, надо быть еще хитрее, иначе побед не видать. В 1080 г. он отбил набег половцев на черниговские земли, причем ударил половцам в тыл в то время, когда те, нагруженные добычей, уходили к себе в степь. Позднее разгромил вышедших против Руси кочевников-торков. Затем Мономах отличился, подавив новый мятеж вятичей и выступление против отца владимиристо-волинского князя Ярополка. И везде он действовал смело, решительно. Затем была новая сеча с половцами под Прилуками, и снова Мономах взял верх. И тут же, не давая врагу передышки, он сам углубился в половецкую степь и около Белой Вежи разгромил еще одно половецкое войско. До 900 половцев было убито, а два видных половецких хана взяты в плен. И снова битву за битвой проводит Мономах, одерживая одну победу за другой. Видимо, в это время у Мономаха появилась мысль о необходимости самому идти все глубже

в степь, искать половецкие становища, наносить упреждающие удары, а не гоняться за быстрыми степняками. К началу 90-х г. XI в. Владимир Мономах стал, по существу, самым сильным и влиятельным князем на Руси, самым опытным и удачливым полководцем. В народе он слыл как князь-патриот, который не жалел ни сил, ни жизни ради обороны русских границ. К этому времени он был женат на Гите, дочери последнего англосаксонского короля Гарольда, погибшего в битве с норманнами при Гастингсе в 1066 г.

После смерти Всеволода любой из внуков Ярослава Мудрого мог занять киевский стол: и старший сын Всеволода Владимир Мономах, и старший сын Святослава Олег, и, наконец, старший сын погибшего на Нежатиной ниве Изяслава Святополк, которому при Всеволоде была уготована незавидная участь — княжение в Турове.

Все решила киевская боярская группировка: опираясь на неотмененный порядок наследования престола по старшинству, киевские бояре передали престол Святополку, хотя Владимир Мономах, как старший в семье правившего князя, также имел определенные права. Но Мономах так и остался в Чернигове.

Святополк был человеком заурядным, слабым политиком, нерешительным, отличался мелким интриганством, чувством зависти. К тому же был заносчивым, жадным, подозрительным и мстительным.

Теперь на Руси образовались три враждующие политические группы: одна — во главе со Святополком в Киеве, другая — во главе с Владимиром Мономахом в Чернигове, третья — во главе с Олегом в Тмутаракани. Олег был сыном среднего Ярославича, а Владимир — младшего. Поэтому Олег вполне обоснованно претендовал теперь по старшинству на Черниговское княжество и все земли, находившиеся под властью Чернигова, — Смоленск, Ростово-Суздальскую землю, Белоозеро и др. Но, для того чтобы доказать свое право на Чернигов, ему надо было потягаться с могучим Владимиром Мономахом.

В 1093 г. половцы осуществили большой набег на Русь. Все началось с того, что после смерти Всеволода они, подступив к русским границам, потребовали у вставшего на киевский стол Святополка подтверждения мирного договора, который заключил с ними осторожный Всеволод, используя родственные связи своей второй жены — половчанки. За мир половцы требовали много золота, драгоценных подарков. Жадный, легкомысленный Святополк не нашел ничего лучшего, как бросить послов в темницу. Это означало войну. Половцы двинулись в глубь Руси, а Святополк начал готовиться к противостоянию. Однако собрать большое и сильное войско было трудно. За год до этих событий Русь поразили неурожай и голод. Население обнищало. Советники убеждали Святополка не рисковать и договориться с половцами по-хорошему, отдать им деньги и подарки. Наконец Святополк согласился, отпустил послов и запросил мира, но было уже поздно: половцы отказались вести переговоры после такого неслыханного оскорбления.

Тогда Святополк обратился за помощью к Владимиру Мономаху. Тот прибыл в Киев и стал убеждать двоюродного брата покончить дело миром.

Но теперь уже упорствовал Святополк, не желающий лишаться своих богатств. В княжеской гряднице между братьями началась перебранка. И бояре заявили князьям: «Почто вы распри имата межи собою? А поганин губять землю Русьскую. Последи ся уладита (после договоритесь. — *Авт.*), а ноне поидита противу поганим любо с миромъ, любо ратью». Владимир настаивал на мирных переговорах, учитывая тяжелое положение Руси и недостаток сил. Святополк выступал за войну и настоял на своем. Объединенная киевско-черниговско-перемышльская рать (перемышлянами командовал младший брат Мономаха от второй жены Всеволода, половчанки, Ростислав) выступила навстречу половцам.

Войска сошлись неподалеку от города Треполя 26 мая 1093 г. Лишь река Стугна разделяла враждующие войска. Надвигалась гроза. Киевляне рвались в бой и предлагали перейти реку и ударить по половцам. Мономах предпочитал стоять на своем берегу и продолжал уговаривать брата начать мирные переговоры. Но победили сторонники сражения. Русская рать с трудом перешла взбухшую от половодья реку и изготовилась к бою. В центре стояла перемышльская дружина Ростислава, на правом крыле — Святополк с киевлянами, слева — Мономах с черниговцами. Пошел проливной дождь. Вода в Стугне прибывала на глазах.

Первый конный удар половцы нанесли по дружине Святополка. Киевляне не выдержали натиска и побежали. Затем всей массой половцы смели левое крыло Мономаха. Русское войско распалось. Воины бросились назад к бурлящей реке. Во время переправы Ростислав снесло с коня, и он, отягощенный доспехами, начал тонуть. Владимир попытался подхватить брата, но того уже отнесло в сторону. Начал тонуть и сам Мономах, которого вытащили из воды дружинники. Лишь небольшая часть русского войска выбралась на противоположный берег реки и укрылась за крепостными стенами своих городов. Это было единственное поражение, которое Мономах потерпел в своей жизни.

Гибель Ростислава, трагедия русского войска заставляют задуматься над тем, что не так легка была княжеская доля, сама власть и борьба за нее. Защищая русские границы, князья и дружинники нередко получали тяжелые ранения, а порой и расставались с жизнью.

В тот год половцы нанесли огромный ущерб Руси. Они разграбили многие города и села, взяли большую добычу, увели много пленников.

1093 г. стал началом последующей большой междоусобицы, в которую оказались втянуты все русские земли.

Пользуясь слабостью киевского и черниговского князей, летом 1094 г. в русские пределы вошел Олег Святославич, князь тмутараканский. Олег внимательно следил за событиями на Руси, готовился к реваншу и теперь вел на Русь, на свой родной Чернигов тмутараканскую дружину и половецкую конницу. Вот этот приход Олега с половецкими войсками в самое сердце Руси не могли простить ему ни современники событий, ни потомки, обвиняя Олега в предательстве интересов Родины, хотя и другие князья до него и после использовали половецких воинов в своих междоусобных бранях.

Олег подошел к Чернигову, за стенами которого с малым числом дружинников укрылся Мономах. Помощи ему было ждать неоткуда. Киев сам

в это время залечивал раны прошлогоднего нашествия. До Ростова, где в это время правил его старший сын Мстислав, было далеко, и тот все равно не успел бы на помощь.

Олег приказал жечь вокруг Чернигова пригороды и монастыри; половцы, не встречая сопротивления, учинили грабеж всей Черниговской земли. Восемь дней штурмовал Олег Чернигов, дружинники Мономаха и верные ему жители отбили все штурмы Олега, но положение было безнадежным. Тогда Мономах пошел на переговоры: он уступает Олегу его родовое гнездо — Чернигов, возвращается в Переяславль, а Олег обещает пропустить невредимыми самого Мономаха, членов его семьи, оставшуюся дружину.

2 мая, в день гибели святого князя Бориса, Мономах вышел из города. Вот как описал он это позднее: «И вышли мы на святого Бориса день из Чернигова, и ехали сквозь полки половецкие, около ста человек с детьми и женами. И облизывались на нас половцы, точно волки, стоя у перевоза на горах. Бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля». Вместе с Владимиром Мономахом ехали его жена, английская принцесса Гита, уже взрослые дети Изяслав, Ярополк, Вячеслав, девятилетний Святослав и совсем маленький Юрий, будущий великий князь и «основатель» Москвы Юрий Владимирович Долгорукий.

На время Русь успокоилась. Ни у кого из князей не доставало сил нанести другому решающий удар.

В феврале 1095 г. большое половецкое войско во главе с ханами Итларем и Китаном подошло к Переяславлю. Этим походом половцы нарушили мир, который заключил с ними Святополк, откупившись богатыми дарами. Ханы требовали от Мономаха дорогих даров, денег в обмен за новый мир. В противном случае новая война была неизбежна. Они были убеждены, что их давний недруг Владимир Мономах после ухода из Чернигова еще не создал новую сильную дружину и не имеет достаточно оружия, что Олег ему не союзник, а Святополк едва ли оправился после поражения под Треполом. Мономаха ханы собирались взять голыми руками.

Владимир, как и ожидали ханы, согласился на переговоры и пригласил хана Итлара с отборными воинами войти в Переяславль. Остальная часть войска во главе с ханом Китаном расположилась лагерем неподалеку от города. Для пущей безопасности ханы запросили заложников, и Мономах отправил в половецкий стан своего десятилетнего сына Святослава. Хана Итлара с дружиной разместили на дворе воеводы Ратибора.

В это время из Киева прибыл гонец князя Святополка Славята, который вместе со старым мономаховым воеводой Ратибором начал уговаривать князя убить Итлара с телохранителями, а затем перебить и войско Китана. Мономах поначалу отказывался, так как не осмеливался нарушить клятву, данную послам. К тому же он опасался за судьбу заложника-сына. Но старшие дружинники ему отвечали:

«Князь! Нет тебе в том греха: они ведь всегда, дав клятву, разоряют землю Русскую и кровь христианскую проливают беспрестанно».

Дружинники обещали ему ночью незаметно выкрасть сына из половецкого стана. Лишь после этого Мономах дал согласие.

В ту же ночь из Переяславля во главе со Славятой тайно ушел вооруженный отряд, ведомый кочевниками-торками, хорошо знающими половецкий язык. Несколько человек лазутчиков подобралось к шатру, где содержался Святослав, и, перебив половецких охранников, освободили княжича. И тут же княжеская дружина обрушилась на ничего не подозревающих половцев. Хан Китан был убит, его войско перебито и рассеяно.

Наутро воины Ратибора снарядили для половцев Итларя специальную избу. Хорошо истопили ее, расставили по столам яства. Мономах прислал к Итларю гонца, который передал слова князя о том, чтобы половцы позавтракали в теплой избе, а потом пожаловали к Мономаху на переговоры. Как только половцы вошли в избу и расселись за столы, двери избы оказались запертыми. В тот же миг воины Мономаха подняли вверх заранее подрезанные потолочные доски и стали расстреливать половцев из луков. Вскоре все половцы были перебиты.

Стремясь развить успех, Владимир Мономах направил гонцов в Киев и Чернигов, предлагая братьям организовать поход в степь. Олег обещал привести дружину, но не пришел в назначенный срок. Настрадавшийся от половцев, Святополк принял предложение Мономаха, и объединенная киевско-переяславская рать углубилась в степь и разгромила несколько половецких становищ. Князя захватили богатую добычу — скот, коней, верблюдов, пленников. Это был первый большой успех на вражеской территории.

Война с половцами продолжалась. На Русь приходили и донские, и причерноморские половцы. Что ни год, то новый набег. Мономах настойчиво стремился объединить силы Руси в борьбе с половецкой опасностью, но он мог рассчитывать лишь на Киев. Одновременно он укреплял и собственные позиции в русских землях: его сыновья сидели в Новгороде, Смоленске, Ростове, Суздале. Его сын ростовский князь Изяслав выбил Олегова посадника из Муром.

Весь северо-восток Руси объединил под своей рукой Владимир Мономах.

Враждуя с Мономахом, Олег и его братья отказывались принимать участие в походах против половцев, которые были их верными союзниками.

§ 4. Трагедия 1096—1097 гг.

В течение долгих лет в исторической науке как дореволюционной, так и послереволюционной России существовало мнение, что после смерти Ярослава Мудрого Русь необратимо встала на путь феодальной раздробленности и как следствие этого политической децентрализации. Поводом для такого заключения стали факты многочисленных и масштабных междоусобиц, которые сотрясали Русь на протяжении второй половины XI в. и которые, приобретая еще большие масштабы с 30-х гг. XII в., окончательно развалили страну как политическое целое.

Однако эта традиционная точка зрения в последние годы стала оспариваться. Действительно, если внимательно всмотреться в исторический путь Руси со второй половины XI в. до второй трети XII в., то окажется, что сму-

ты перемежались в ней с длительными периодами политической стабилизации, когда политическое единство возрождалось. Более того, в эти годы стабилизации Русь набирала еще большую силу, чем во времена Владимира I и Ярослава Мудрого. Это касалось внутренней целостности русских земель и их внешнеполитической безопасности. Так, после междоусобицы 1073—1078 гг. наступило время, когда к власти на долгие годы пришел Всеволод Ярославич, поддержанный своими сыновьями, и в первую очередь молодым, но уже снискавшим себе всерусскую славу Владимиром Мономахом. До 1093 г. «дом Всеволода» владел всей Русью. В его воле были и Новгород, и Чернигов со всей Северо-Восточной Русью, и далекая Волынь.

Восемнадцать лет сидел Всеволод в Киеве. Это ровно столько, сколько провел на троне в качестве единственного властелина его знаменитый отец Ярослав Владимирович. Это было время, когда Русь, снова сплоченная и единая, мощно противостояла центробежным тенденциям, властной рукой отводила от своих границ внешнюю опасность.

Всеволод и Мономах организовали успешную оборону страны от половцев и торков, подавляли мятежи племянников Всеволода.

При Всеволоде продолжалось строительство городов, создавался новый летописный свод, обустривалось монастырское хозяйство. При нем связи Руси со странами Европы, Передней Азии, с Византией стали более масштабными, чем это было даже при Ярославе Мудром. Евпраксия Всеволодовна, его дочь, стала женой германского императора Генриха IV и играла заметную роль в европейской политике, его внуки были женаты на особах из видных владетельных домов Европы. Генрих IV просил помощи Всеволода в войне с венгерским королем, дочь Всеволода, Янка, ставшая игуменьей Киевского женского монастыря, играла большую роль в церковных связях Руси и Византии. К Всеволоду приходило посольство от папы римского.

Когда Мономах занял великокняжеский стол в 1113 г. после смерти Святополка Изяславича, Русь очень скоро предстала во всем блеске сильного и единого государства, с динамично развивающимся хозяйством, с современным для той поры законодательством, с новым летописанием, основанием новых городов и масштабными походами в степь против половцев, которые прогремели на весь тогдашний мир.

А пока, в 1096 г., Святополк и Мономах вновь предложили Олегу объединить силы в борьбе с половцами и приехать в Киев на всерусский княжеский съезд, чтобы разобраться во всех обидах в присутствии духовенства, видных бояр и горожан и заключить договор о порядке на Руси. Однако Олег высокомерно ответил: «Не вместно меня судить епископам, игуменам или смердам». На это князья ответили Олегу: «Это ты потому ни на поганных не ходишь, ни на совет к нам, что злоумышляешь против нас и поганным хочешь помогать, — пусть Бог рассудит нас».

Напряжение между братьями нарастало, и наконец объединенное киевско-переяславское войско двинулось на Чернигов. В пути к ним присоединился волынский князь Давыд Игоревич, также внук Ярослава Мудрого.

Не надеясь на верность черниговцев, которые осуждали Олега за постоянную связь с половцами, князь бежал в город Стародуб. После долгой осады, полной блокады города и нескольких приступов горожане потребовали от Олега пойти на мировую с двоюродными братьями.

Смирив гордость, Олег явился на переговоры. Приговор братьев был суров: Олег был лишен Чернигова, ему определили жить в лесном Муроме, подальше от половецкой степи, а пока же обретаться у брата в Смоленске, потому что в Муроме находился сын Мономаха Изяслав; Чернигов же оставляли за другими братьями Олега. От Олега потребовали также явиться на общий съезд русских князей для объединения сил против половцев.

К этому времени против Руси объединились две мощные половецкие орды — хана Тугоркана и хана Боняка.

Пока Святополк и Мономах проводили время в изнурительной и жестокой борьбе с половцами, Олег снова подал о себе дурную весть. Он ушел из Смоленска, двинулся на Рязань, взял ее и направился к Мурому, где еще княжил Изяслав Владимирович. Дядя шел на племянника, считая Муром своей «отчиной». А племянник поднимал против дяди весь Северо-Восточный край. Поскакали гонцы в Ростов, Суздаль, Белоозеро, а также Новгород: Изяслав просил у братьев помощи против Олега.

Около Мурома войска Олега и Изяслава встретились в решающей битве. Олег одолел муромскую дружину малоопытного и молодого Изяслава. Сам муромский князь пал в бою. Мономах лишился в междоусобной борьбе первого сына. Олег взял Муром и двинулся на Суздаль. Не имея достаточных сил для сопротивления и не получив помощи ни от Мономаха, ни от его старшего сына Мстислава, княжившего теперь в Новгороде, суздальцы сдались Олегу. Затем Олег так же легко взял Ростов. Везде он назначил своих посадников.

Но вскоре из Новгорода от старшего сына Мономаха Мстислава к Олегу пришел посол с требованием покинуть земли, принадлежащие Мономахову дому. В обмен Мстислав обещал помирить Олега с отцом. Но Олег ответил отказом. В эти же дни Олег получил письмо от Владимира Мономаха. Тот взялся за перо, когда узнал из письма Мстислава о гибели сына. «О я, многострадальный и печальный! — писал потрясенный Владимир Мономах своему заклятому врагу. — Много борешься душа с сердцем и одолеваяешь сердце мое; все мы тленны, и потому помышляю, как бы не предстать перед страшным судьбою, не покайся и не помиришься между собой». Мономах обращался к Олегу со словами мира и страдания. Он предлагал не губить Русскую землю, сам же не собирался мстить за сына, полагая, что смерть воина в бою — естественное дело. «А мы что такое, люди грешные и худые? — философски размышлял Владимир. — Сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и в чести, а завтра в гробу и забыты — другие собранное нами разделят». Мономах призывал Олега положить конец кровопролитию, договориться о всех взаимных обидах.

Это письмо, написанное рукой отца, тяжело переживающего смерть сына, являет собой образец высокого гражданского мужества, способности человека перешагнуть через личное несчастье, через поправленные амбиции ради интересов Родины. В этом письме Владимир Мономах показал себя

истинным христианином, которому, несмотря на жестокости времени, не чужды высокие гуманистические христианские идеалы.

Олег и на этот раз ответил отказом. Более того, он начал готовиться к походу на Новгород, чтобы выбить оттуда старшего сына Мономаха, своего крестника Мстислава. Теперь против Олега поднялось все Мономахово племя во главе с самим князем Владимиром. Против Олега выступила новгородская рать. В подмогу ей Мономах направил другого сына, Вячеслава, дав ему свой родовой стяг.

Новгородцы быстро выбили отряды Олега из северных городов. Уходя из Суздаля, Олег поджег город. Укрылся он в Муроме. Здесь, неподалеку от города, Мономаховичи при поддержке дружественных половцев одолели войско Олега. В решающий момент битвы юный Вячеслав приказал вынести вперед стяг Мономаха, и воины Олега дрогнули, полагая, что это сам Владимир пришел отомстить за смерть сына. Сдав Муром, а потом Рязань, Олег запросил мира и поклялся на кресте прибыть на княжеский съезд для решения всех общерусских дел.

В 1097 г. Русь стала свидетелем необычайного события: впервые в ее истории все наиболее крупные и известные русские князья Рюриковичи, внуки и правнуки Ярослава Мудрого, съехались в родовой замок Мономаха — в городе Любече — для того, чтобы устроить порядок на Руси. По словам летописца, князья сказали и на съезде: «Зачем губим Русскую землю, сами на себя ссоры навлекая? А половцы землю нашу расхищают и радуются, что нас раздирают междоусобные войны. Да с этих пор объединимся чистосердечно и будем охранять Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей» («каждо да держит отчину свою»).

Князья договорились, что за каждым из них сохраняются земли их отцов — детей Ярослава Мудрого. За нарушение этого порядка князьям-отступникам надлежало держать ответ перед всей землей. Им грозило наказание со стороны остальных князей. На этом договоре участники Любечского съезда целовали крест в знак верности соглашению.

В отечественной исторической науке сложилось твердое убеждение, что Любечский съезд стал той гранью, которая ознаменовала начало политического распада Руси, узаконила его. Это виделось в знаменитой летописной фразе «каждо да держит отчину свою».

Однако при этом не только выпадали из рассмотрения факты о последующем могучем единстве Руси времен Владимира Мономаха и Мстислава, но и безусловное укрепление этого единства даже при относительно слабом великом князе Святополке. А ведь это был период, довольно значительный в истории Руси, почти тридцать лет. Следует также заметить, что акцент всего летописного пассажа делается как раз не на обособлении отдельных княжеских «отчин», а на другом. «Да ноне отселе имемся въ едином сердце, и блюдем Русские земли» — так передает летописец основной смысл договоренности князей, а далее и следует известная фраза об «отчинах».

Но ни в этих записях, ни позднее нигде не оспаривался основной смысл предсмертного распоряжения Ярослава о том, что во главе Руси остается его старший сын («Се же поручаю в собе место столь старейшему

сыну моему и брату вашему Изяславу Киевъ; сего послушайте, якоже послушаете мене»). Любечский съезд не только не отменил этот порядок, но и закрепил его своим решением о единстве Русской земли. Необходимо помнить, что весь пафос съезда был направлен на выработку таких решений, которые помогли бы объединить Русь в борьбе с половцами.

Едва князья разъехались по домам, как из Киева пришло ошеломляющее известие: Святополк и Давыд Игоревич в Киеве схватили, а затем ослепили участника Любечского съезда смелого и независимого князя Василька. Тот приехал в русскую столицу помолиться в храме Святого Михаила в Выдубицком монастыре. Его зазвал к себе в гости Святополк, у которого Василько и был схвачен. Пойти на это злодеяние уговорил Святополка Давыд Игоревич, опасавшийся на Волыни предприимчивого Василька. Он запутал великого князя тем, что Василько и Мономах замышляют против него заговор.

Давыд отвез Василька в Белгород, где в деревенской избе слуга Давыда ослепил князя. Затем Василька отвезли на Волынь во владения Давыда и заключили в темницу. Город Теревовль и близлежащие земли, принадлежавшие Васильку, были захвачены Давыдом.

Этот поразительный по жестокости и вероломству случай показал, чего стоят в действительности клятвы князей жить в мире и согласии.

Мономах решил наказать князей-отступников. Большое войско, состоявшее из дружин самого Мономаха, его сыновей, Олега и Давыда Святославичей, которые на этот раз подчинились Любечскому договору, двинулось на Киев. Вот где сработал основной пафос любечских договоренностей: единство, а не раскол. Город был осажден. В самой столице начались выступления населения против Святополка, и тот был вынужден принять ультиматум Мономаха — отправиться в совместный поход против владими́ро-волынско́го князя Давыда Игоревича.

Поход начался. Но Давыд упросил князей не наказывать его, так как сообщил, что он освободил Василька и они договорились миром. Это подтвердил и посол от самого Василька. Соединенное войско русских князей повернуло назад.

Но долго еще гроза, разразившаяся в 1097 г., грохотала по русским просторам. Освободившись из-под стражи, Василько вскоре начал вместе со своим братом войну против Давыда. Братья вернули себе все свои земли. Давыд был осажден во Владимире-Волинском и по требованию изнемогающих от осады горожан выдал Васильку тех, кто организовал его похищение и увечье. Все они были по приказу Василька повешены прямо перед городскими стенами на специально сколоченных виселицах, а затем их расстреляли из луков.

§ 5. Крестовый поход в степь 1111 г.

И все же, несмотря на долго еще продолжающуюся смуту среди князей, Мономаху удалось добиться главного: Любечский съезд положил начало объединению русских военных сил против половцев. В 1100 г. в город Витичев, неподалеку от Киева, князья съехались вновь, для того чтобы окончательно прекратить междоусобицу и договориться о совместном походе

против половцев. Зачинщик смуты Давыд был наказан: у него отняли город Владимир-Волынский — Святополк послал туда своего наместника. Лишь после этого Мономах вновь выдвинул свою идею об организации общерусских сил против половцев.

Половцы словно почувствовали назревающую угрозу: по их предложению в 1101 г. в городе Сакове состоялся съезд ведущих русских князей и половецких ханов, который рассмотрел отношения Руси со Степью. На этом съезде стороны снова заключили мир, обменялись заложниками. Кажется, что это соглашение поставило под вопрос все усилия Мономаха, но правильность его линии подтвердилась уже на следующий год. Осенью, когда он был в Смоленске, гонец принес ему весть из Киева о нападении войска Боняка на переяславские земли. Получив после встречи в Сакове гол передышки, половцы сами перешли в наступление.

Святополк и Владимир Мономах тщетно гнались за войском Боняка. Тот, разграбив переяславские земли, вышел к Киеву. Братья поспешили за ним, но половцы уже ушли на юг. И снова все более ощутимой становилась задача предупредить дальнейшие половецкие набеги.

В 1103 г. русские князья съехались к Долобскому озеру, где договорились наконец о совместном походе против половцев. Мономах настаивал на немедленном весеннем выступлении, когда половцы еще не вышли на летние пастбища и вволю не накормили своих коней. Но возражал Святополк, который не хотел отрывать смердов от весенних полевых работ и губить их лошадей. Кое-кто из князей поддержал его. Мономах выступил с короткой, но яркой речью: «Дивлюсь я, дружина, что лошадей жалеете, на которых пашут! А почему не подумаете о том, что вот начнет пахать смерд и, приехав, половчин застрелит его из лука, а лошадь его возьмет, а в село его приехав, возьмет жену его и детей его и все его имущество? Так лошади вам жаль, а самого смерда не жаль!». Выступление Мономаха положило конец спорам и колебаниям.

Вскоре русское войско, в которое вошли дружины всех видных русских князей (не пришел лишь, сославшись на болезнь, черниговский князь Олег, старинный друг половцев), а также пешие полки, выступило в весеннюю степь. Решающая битва с половцами произошла 4 апреля близ урочища Сутень, неподалеку от Азовского побережья. На стороне половцев в ней принимали участие более 20 видных ханов. Летописец позднее записал: «И поидоша полкове, аки борове, и не бе презрети ихъ. И Русь поидоша противу имъ» («И двинулись полки половецкие, как лес, конца им не было видно; и Русь пошла им навстречу»). Но на истомленных долгой зимой конях половцы не сумели нанести своего знаменитого стремительного удара. Их войско было рассеяно, большинство ханов убиты. Хана Бельдюза взяли в плен. Когда он предложил за себя огромный выкуп, Мономах сказал ему, что хан предлагает просто вернуть награбленное на Руси, и приказал зарубить его в назидание другим. А затем русские дружины пошли по половецким «вежам», освобождая пленников, захватывая богатую добычу, отгоняя к себе табуны коней, стада.

Это была первая большая победа руссов в глубине степи. Но до основных становищ половцев они так и не дошли. На три года прекратились по-

ловецкие набеги. Лишь в 1105 г. половцы потревожили русские земли. Они воспользовались тем, что русские князья были втянуты в этот год в войну с полоцким князем. На следующий год половцы нагрянули снова. Через год объединенное войско Боняка и Шарукана опять появилось на Руси, разоряя киевские и переяславские земли. Объединенное войско русских князей неожиданным встречным ударом опрокинуло их на реке Хорол. Руссы зарубили брата Боняка, едва не пленили Шарукана, захватили огромный половецкий обоз. Но основные силы половцев ушли восвояси.

И снова затихли половцы. Но теперь русские князья не стали ждать новых набегов. Дважды русские дружины наносили удары по половецкой территории. С близкими же, дружественными, половцами закреплялись мирные отношения. В эти годы Мономах и Олег женили своих сыновей, Юрия Владимировича (будущего Юрия Долгорукого) и Святослава Ольговича, на дочерях союзных половецких ханов. Так в семье Рюриковичей, кроме славян, шведов, греков, англичан, появилась и половецкая династическая линия.

В 1111 г. Русь организовала против половцев грандиозный поход, который достиг сердца их земель — города Шарукань вблизи Дона.

Этот поход начался необычно. Когда в конце февраля войско подготовилось к выходу из Переяславля, то впереди него выступили епископ, священники, которые с пением вынесли большой крест. Его водрузили неподалеку от ворот города, и все воины, в том числе и князья, проезжая и проходя мимо креста, получали благословение епископа. А затем на расстоянии 11 верст представители духовенства двигались впереди русского воинства. В дальнейшем они шли в обозе войска, где находилась и вся церковная утварь, вдохновляя русских воинов на ратные подвиги.

Мономах, бывший инициатором этой войны, придал ей характер крестового похода — по образцу крестовых походов западных властелинов против мусульман Востока.

В поход вышли Святополк, Мономах, Давыд Святославич с сыновьями. С Мономахом находились его четыре сына — Вячеслав, Ярополк, Юрий и девятилетний Андрей.

Половцы отступали в глубь своих владений. Вскоре русское войско подошло к городу Шарукань — это были сотни глинобитных домов, кибиток, опоясанных невысоким земляным валом. Ни хана Шарукана, ни его войска в городе не было. Перед приступом Мономах снова выдвинул вперед духовенство, и оно освятило русскую рать. Но депутация горожан вынесла русским князьям на огромных серебряных блюдах рыбу и чаши с вином. Это означало сдачу города на милость победителей и желание дать выкуп за сохранение жизни горожан.

Жители города Сугров, к которому русское войско подошло на следующий день, отказались сдаться. Тогда под прикрытием подвижных «веж» руссы подошли к городу и забросали его горящими факелами, засыпали стрелами с подожженными смоляными наконечниками. Пылающий город был взят приступом. Пленных в этом бою не брали: Мономах хотел надолго выбить орду хана Сугрова из общеполовецких воинских сил.

На следующий день русская рать вышла к Дону, а 24 марта встретила с большим половецким войском на речке Дегей. Перед битвой князья обнялись, попрощались друг с другом и сказали: «Убо смерть намъ зде, да станемъ крепко». Половцы, не готовые сражаться с хорошо организованным и многочисленным войском, не выдержав натиска, отступили.

27 марта основные силы сторон сошлись на реке Сольница, притоке Дона. По словам летописца, половцы «выступиша, яко борове (лес) велиции и тмаи тьмы», они со всех сторон обступили русское войско. Мономах не стал, как обычно, стоять на месте, ожидая натиска половецких всадников, а повел войско им навстречу. Воины сошлись в рукопашной битве. Половецкая конница в этой толчее потеряла свой маневр, а руссы в рукопашном бою начинали одолевать. В разгар битвы началась гроза, усилился ветер, пошел сильный дождь. Руссы так перестроили свои ряды, что ветер и дождь били в лицо половцам. Но те сражались мужественно и потеснили «чело» (центр) русского войска, где дрались киевляне. Им на помощь пришел Мономах, оставив свой «полк правой руки» сыну Ярополку. Появление стяга Мономаха в центре битвы воодушевило руссов, и они сумели преодолеть начавшуюся было панику. Наконец половцы не выдержали яростной схватки и бросились к донскому броду. Их преследовали и рубили; пленных и здесь не брали. Около десяти тысяч половецв полегло на поле боя, остальные бросали оружие, прося сохранить им жизнь. Лишь небольшая часть во главе с Шаруканом ушла в степь. Другие ушли в Грузию, где их взял на службу Давид IV.

Весть о русском крестовом походе в степь была доставлена в Византию, Венгрию, Польшу, Чехию и Рим. Таким образом, Русь в начале XII в. стала левым флангом общего наступления Европы на Восток.

§ 6. Восстание 1113 г. и эпоха Владимира Мономаха

После 1111 г. донские половцы надолго потеряли способность к ведению активной войны против Руси, затихли и приднепровские половцы. Покой надолго воцарился на южных границах. Но нарастало внутреннее напряжение в русских землях, особенно в крупных городах. С каждым годом происходило усиление социального напряжения в обществе, вызванного наступлением князей, бояр, дружинников, духовенства на крестьянские земли, на доходы смердов, ремесленников в виде повышения налогов, поборов. Все больше людей не имело возможности самостоятельно вести свое хозяйство в сельской местности и в городах; они шли в кабалу к богатым, брали деньги, семена, орудия труда в долг. Потом не могли вернуть этот долг своим займодавцам, задерживали выплату процентов. Особенно отличались городские, в первую очередь киевские, ростовщики, которые ссужали нуждающихся людей деньгами, но брали с них высокие проценты. Ростовщицеством занимались князья, бояре, монастыри. Большим сребролюбом и жестоким ростовщиком славился сам великий князь Святополк.

Положение простого люда особенно ухудшилось со времени большой общерусской смуты — с начала 90-х гг. XI в. Междукняжеские битвы сопровождалась поджогом городов, разорением сел, поборами у крестьян и горожан продовольствия, коней, фуража. Порой смердов, ремесленни-

ков, торговцев насильно гнали на войну, а вернуться они могли и к пепелищам. Дело довершали и нескончаемые половецкие набеги. На бесконечные сечи с половцами уходили народные силы и средства. Деньги для откупа брались все с тех же городов и смердов. Походы князей в степь также ложились тяжким бременем на русское хозяйство.

Ситуация обострилась, когда в Киеве 16 апреля 1113 г. неожиданно умер великий князь Святополк. И сразу в Киеве начали борьбу за власть сторонники могучих княжеских кланов.

Киевский тысяцкий Путята начал уговаривать киевлян пригласить на великокняжеский трон Олега, но против Святославичей сплотилась партия Мономаха. Их представители поскакали в Переяславль звать Владимира на киевский стол. А в это время загудел торгово-ремесленный Подол. Там прошел слух, что ненавистный Путята сносится со Святославичами, что он держит сторону ростовщиков — угнетателей народа.

Сотни людей с топорами, косами, вилами, палками в руках двинулись на гору. Толпа разгромила двор Путяты, дворы богатых ростовщиков, удар пришелся и по богатым еврейским купцам и ростовщикам, которые заперлись в киевской синагоге. В Софийском соборе по зову митрополита Никифора сошлись бояре и старшие дружинники, епископы, игумены монастырей. Их решение было однозначным: немедленно звать в Киев Мономаха, только он мог унять начавшееся выступление народа. Но поначалу переяславский князь не внял этому призыву. Он боялся вновь свергнуть страну в междоусобицу, если бы вдруг Святославичи, бывшие старше его в роду, опротестовали его решение. Страшился он и киевской верхушки, которая долгие годы служила его скрытому противнику Святополку. У него также не было желания противопоставлять себя восставшим киевским низам.

Восстание ширилось. На следующее утро народ снова высыпал на улицы. В осаде оказался уже княжеский дворец. Большая толпа бросилась в сторону Печерского и Выдубицкого монастырей, грозясь расправиться с монахами — плутами и мздоимцами. Мятеж нарастал, вовлекая в свой водоворот все новые и новые сотни людей; пробудились окрестные слободы и деревни, поднялись против своих господ смерды, закупы, рядовичи. Должники отказывались выплачивать проценты и расправлялись с наиболее ненавистными займодавцами, холопы вышли из повиновения господам.

И вновь митрополит собрал верхушку города. Вновь было принято решение пригласить Мономаха в Киев. Теперь этот шаг диктовался необходимостью спасти существующий порядок в стране. Гонец вез Мономаху отчаянное письмо, в котором говорилось: «Пойди, князь, в Киев; если же не пойдешь, то знай, что много зла произойдет, это не только Путятин двор, или сотских, или евреев пограбят, а еще нападут на невестку твою (великую княгиню, вдову Святополка), и на бояр, и на монастыри, и будешь ты ответ держать, князь, если разграбят монастыри».

20 апреля Владимир Мономах во главе переяславской дружины вступил в Киев. Сторонники Мономаха разнесли весть, что теперь князь проведет правый суд и накажет мздоимцев. Это несколько успокоило людей.

Но более всего на них произвело впечатление появление грозного князя во главе отборного войска. Мятеж в Киеве стал стихать.

Через несколько дней после совещания с боярами Владимир Мономах дал Руси новую Русскую Правду, названную «Устав Владимира Всеволодича». Отныне расчеты за взятый долг были изменены. Если человек, взявший в долг, заплатит в виде процентов его сумму, то он обязан был вернуть и сам долг, но если проценты в полтора раза превышали сумму долга, то он автоматически погашался. Отныне нельзя было брать более 20% годовых за предоставленный долг. Эти статьи освободили от долгов многих должников, ограничили произвол ростовщиков. Устав включал новые статьи об облегчении участи смердов, закупов, рядовичей, холопов. Так четко определялись источники холопства: самопродажа в холопство, превращение в холопа человека, женившегося без специального договора на холопке, а также поступление на службу к господину в качестве тиуна без специально оговоренной в этом случае свободы. Холопом становился и бежавший от господина закуп. Но если он уходил в поисках денег, чтобы отдать долг, то в этом случае его нельзя было превращать в холопа. Во всех остальных случаях попытки холопить свободных людей пресекались. Нельзя было обращать в холопа человека, получившего в долг хлеб или какую-либо другую «дачу».

Все это на некоторое время сняло социальное напряжение в обществе.

По существу, Мономах выступил в истории Руси как первый серьезный реформатор. Он сумел устранить наиболее откровенные язвы складывающегося строя. Тем самым на время был достигнут социальный мир и упрочены основы самого этого развивающегося строя русской жизни.

Незадолго перед этим Владимиру Мономаху исполнилось 60 лет.

За время правления Владимир Мономах показал себя сильным и волевым правителем. Он сумел не только приостановить естественный процесс распада Руси на отдельные земли, но и значительно укрепил русскую государственность. Во-первых, он сокрушил своеволие отдельных князей, заставил подчиняться себе братьев Олега и Давыда Святославичей, которые послушно исполняли его просьбы о помощи в борьбе с половцами. Своих сыновей он, как Владимир I и Ярослав Мудрый, рассадил по крупным городам. Они управляли Новгородом и Смоленском, Ростовом и Суздалем. Он подавил мятеж своего племянника, сына Святополка — Ярослава, который правил на Волыни.

В 1116 г. Мономах организовал новый большой поход против половцев. Затем посылал на Дон своих сыновей. Он нанес удар по Полоцкому княжеству, где сидели вечно мятежные потомки князя Всеслава, который умер в 1101 г., так и не смирившись с властью Киева. Попытался Мономах продолжить балканскую политику своих предков и утвердиться на Дунае. На юг было направлено русское войско, но Византия поспешила прислать Мономаху богатые дары, греки предложили обручить внучку Мономаха, дочь Мстислава Добронегу, с сыном византийского императора. Это была высокая честь. Русское войско было отозвано.

Он проявил себя не только как видный полководец и властный политик, но и как рачительный хозяин. Его Устав был направлен на то, чтобы не

только уберечь бояр, дружинников, духовенство, богатое купечество от народного гнева, но и поддержать хозяйство смерда и ремесленника, которое составляло основу государственного благосостояния.

Много внимания он уделял строительству, развитию культуры. При нем был создан новый летописный свод, в котором были подчеркнуты все заслуги Всеволодова дома. Автором свода явился Сильвестр, игумен домового Мономахова Выдубицкого монастыря. За составлением свода следил старший сын Мономаха Мстислав.

На закате жизни Владимир Мономах создал свое знаменитое «Поучение», в котором не только рассказал о своей трудной, полной опасностей жизни, но и поделился размышлениями о смысле жизни, об отношениях между людьми, дал практические советы о том, как вести вотчинное хозяйство. Он писал, что рано или поздно зло будет наказано, а добро восторжествует: «Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своем и милостыню подавайте изобильную. Это ведь — начало всякого добра». «...Не соревнуйся с лукавым, не завидуй творящим беззаконие, — продолжал он, — ибо лукавые будут истреблены, а богопослушные — те будут владеть землей». «Молод был и состарился, — писал он далее, — и не видел праведника покинутым, ни потомков его просящими хлеба». Отрокам он наказывал: «Еде и питью быти без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь имсть, без лукавства беседуя, а побольше разуместь, не свирепствовать словом, не хулить в беседе; не много смеяться, стыдиться старших, с непутевыми женщинами не беседовать и избегать их, глаза держать книзу, а душу ввысь, не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет». «Всего же более убогих не забывают, — продолжал он, — но, насколько можете, по силам, кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виноватого не убивайте и не повелевайте убить его».

Ставит Мономах и нравственно-философские вопросы: «Более всего гордости не имейте в сердце своем и в уме, но молвите: смертны суть, сего дня живы, а завтра в гробу; все это, что ты нам дал, не наше, но твое, поручил нам это на некоторое время» (дается в переводе. — *Авт.*).

Владимир Мономах умер 19 мая 1125 г. на реке Альта, в небольшом доме, который был выстроен рядом с часовней на месте убийства святого Бориса. Он ушел туда, когда почувствовал приближение смерти.

Один древний источник сохранил такое описание Владимира Мономаха: «Лицом был красен [красив], очи велики, ростом не весьма велик, но крепкий телом и силен».

После смерти Владимира Мономаха, вопреки Ярославовой традиции старшинства в роду, на престол вступил его старший сын Мстислав, хотя были еще живы его дяди, двоюродные братья, старшие его по возрасту. Но слишком велика была власть в руках Мстислава, могучими его военные силы. Да и сам князь, проделавший с отцом не одну военную кампанию, слыл способным и решительным военачальником.

Поначалу Мстислав урегулировал отношения в княжеской семье. Он сохранил за своими братьями их владения. Наиболее деятельные из них —

Ярополк Владимирович и Юрий Владимирович Мономаховичи — заняли соответственно престолы в Переяславле, который стал со времени пребывания там еще Владимира Мономаха, по существу, вторым по политическому значению городом на Руси, и в Ростове. Своего старшего сына Всеволода новый киевский князь «посадил» в Новгороде, другому сыну отдал Смоленск. Таким образом, «племя» Мономаха продолжало владеть всей Русской землей. Лишь Полоцк да Чернигов, где правил сын Олега Всеволод, непосредственно не входили в Мономахову «отчину».

С черниговскими князьями Мстислав заключил компромисс, оставив черниговский престол за Всеволодом Ольговичем. На Полоцк же вскоре было послано войско, которое овладело Полоцкой землей. В полоцкие города были направлены посадники Мстислава.

Сын Мономаха продолжал проводить энергичную политику наступления на половецкую степь. Ударной силой здесь продолжало выступать Переяславское княжество, которое испытало немало бед от половецких нашествий.

Все попытки половцев воспользоваться смертью Владимира Мономаха и вернуть утраченные позиции натолкнулись на мощь объединенных киевско-переяславских сил. Руководил русским войском, как правило, смелый и решительный полководец Ярополк Владимирович, очень напоминавший на поле брани своего отца Владимира Мономаха. Недаром современники говорили про него: «благочестивого князя корень». Половецкое нашествие 1129 г. было отбито, а позднее Мстислав и Ярополк в ходе масштабных походов в степь сумели оттеснить часть половцев за Дон и Волгу, некоторые из них откочевали даже к реке Яик.

Мстислав обезопасил и северо-западные границы Руси. Он предпринимал походы против чуди и литовских племен, которые не раз тревожили русские границы. По словам летописца, Мстислав «много пота утер за землю Русскую».

ГЛАВА 6. ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАСПАД РУСИ

§ 1. Смерть Мстислава Великого и начало очередной смуты

В 1132 г. Мстислав Владимирович умер. На киевский стол вззошел старший из Мономаховичей, Ярополк, бывший до этого переяславским князем. На первый взгляд казалось, что все идет своим чередом, что могучее Киевское государство просто переживает очередную смену князя. Но начиная с 1132 г. события на Руси стали приобретать такой характер, что становилось ясным: страна вступила в новый исторический этап, который готовился исподволь в течение предшествовавших десятилетий.

Внешне это выразилось в том, что на Руси разгорелась очередная междукняжеская смута. Ее главными действующими лицами снова были Мономаховичи и Ольговичи.

Вначале произошла ссора между сыновьями и внуками Мономаха. Попытка великого киевского князя Ярополка отдать Переяславль своему племяннику Всеволоду Мстиславичу, как он пообещал Мстиславу перед его кончиной, встретила сопротивление Юрия Владимировича Ростовского и Андрея Владимировича, который правил на Волыни. Сыновья Мономаха не без основания заподозрили, что бездетный Ярополк намеревается подготовить передачу киевского стола сыну Мстислава Великого. Их отпор привел к тому, что Переяславль был отдан Юрию Долгорукому.

Распря среди Мономаховичей использовал Всеволод Ольгович Черниговский, который при поддержке половцев и нейтралитете ростовского и волынского князей атаковал Киев. Три дня стоял Всеволод под городом; половцы учинили в это время разгром поднепровских земель. Но взять город черниговскому князю не удалось, и он ушел восвояси.

Наступление черниговского князя сплотило сыновей Мономаха — Ярополка, Юрия и Андрея. Теперь они начинают дружно выступать против Всеволода Ольговича, но тот заключает союз с внуками Мономаха, сыновьями Мстислава, которых их дядя активно начали оттирать в тень.

В середине 30-х гг. XII в. эта вражда вылилась в серию войн, в которых на стороне черниговского князя традиционно выступали половецкие отряды.

В 1139 гг. Ярополк умер. После его смерти стол в Киеве занял старший из оставшихся в живых детей Мономаха, Вячеслав, но через несколько дней он был изгнан из города Всеволодом Ольговичем. Наконец-то черниговские князья реализовали свое право старшинства и заняли Киев. Ни у Юрия, ни у Андрея Владимировичей не было веских оснований вмешиваться в борьбу: оба они были лишь младшими в большой семье правнуков Ярослава Мудрого.

Вокняжение черниговского князя не покончило с междоусобицами, а лишь сделало их более упорными и масштабными. Отныне постоянными врагами киевского князя стали сыновья и внуки Мономаха, и наиболее активный из них — Юрий Владимирович Долгорукий.

В ходе почти десятилетней междоусобной борьбы Киев несколько раз переходил из рук в руки. В нем правили то черниговские князья, то дети и внуки Мономаха. Активную роль в этой распре играл ростово-суздальский князь Юрий Долгорукий.

Дважды в эти годы он воцарялся в Киеве. Второй раз он занял киевский стол в 1156 г., потеснив из Киева черниговского князя. Но киевская верхушка не благоволила к Юрию, считая его чужаком с севера.

В мае 1157 г. Юрий Долгорукий внезапно умер. Еще утром он пировал на дворе у одного из киевских бояр, а в ночь занемог и через пять дней скончался. Современники предположили, что великий князь был отравлен киевскими боярами, не желавшими делиться своими привилегиями и доходами с выходцами из Ростово-Суздальской Руси. В день похорон Юрия Долгорукого его противники разгромили двор ненавистного им князя, перебили ростовских и суздальских бояр и дружинников и разграбили их имущество.

И снова киевский стол перешел к представителям черниговского княжеского дома.

В ходе этой ожесточившейся борьбы за Киев князья-претенденты, занимая киевский стол, тем не менее сохраняли за собой и свои прежние владения. Так, Юрий Долгорукий, став великим киевским князем, продолжал жить на своем любимом северо-востоке, в городе Владимире-на-Клязьме, куда он перенес свою резиденцию. На Чернигов опирались и Ольговичи, оставаясь прежде всего черниговскими князьями, а потом уже князьями киевскими.

В чем же смысл этого нового положения, в котором оказалась столица Руси в XII в.?

§ 2. Начало политической раздробленности Руси

Начиная с 30-х гг. XII в. Русь необратимо вступила в полосу феодальной раздробленности, которая стала закономерным этапом развития всех крупных государств Европы в период раннего Средневековья. Если ее ранние проявления еще гасились силой инерции, волей таких выдающихся государственных деятелей, как Владимир Мономах и Мстислав, то после их ухода с исторической арены новые экономические, политические, социальные тенденции властно заявили о себе.

К середине XII в. Русь раскололась на 15 княжеств, которые были лишь в формальной зависимости от Киева. В начале XIII в. их стало уже около 50. В течение XII в. политическая карта Руси стала похожа на лоскутное одеяло.

Конечно, одной из причин такого состояния государственности на Руси были постоянные княжеские разделы земель между Рюриковичами, их бесконечные междоусобные войны и новые переделы земель. Однако не только политические причины лежали в основе этого явления. В рамках единого государства за три века сложились самостоятельные экономические районы, выросли новые города, зародились и развились крупные вотчинные хозяйства, владения монастырей и церквей. В каждом из этих центров за спиной местных князей встали выросшие и сплотившиеся феодаль-

ные кланы — боярство со своими вассалами, богатая верхушка городов, церковные иерархи.

Становление в рамках Руси самостоятельных княжеств проходило на фоне бурного развития производительных сил общества, прогресса сельского хозяйства, ремесла, внутренней и внешней торговли, усилившегося обмена товарами между отдельными русскими землями.

Усложнилась и социальная структура русского общества, более определенными стали его слои в отдельных землях и городах: крупное боярство, духовенство, торговцы, ремесленники, низы города, включая холопов. Развивалась зависимость сельских жителей от землевладельцев. Вся эта новая Русь уже не нуждалась в прежней раннесредневековой централизации. Земли, отличавшиеся от других природными, экономическими данными, в новых условиях все более обособлялись. Для новой структуры хозяйства нужны были иные, чем прежде, масштабы государства. Огромная единая Русь с ее весьма поверхностным политическим сцеплением, необходимым прежде всего для обороны от внешнего врага, для организации дальних завоевательных походов, теперь уже не соответствовала нуждам крупных городов с их разветвленной феодальной иерархией, развитыми торгово-ремесленными слоями, нуждами вотчинников, стремящихся иметь власть, близкую их интересам, — и не в Киеве, и даже не в лице киевского наместника, а свою, близкую, здесь, на месте, которая могла бы полно и решительно отстаивать их интересы.

Зарождалось дворянство, в основу жизнедеятельности которого была положена служба сюзерену в обмен на земельное пожалование на время этой службы. Эта система еще более укрепляла позиции местных князей. Они также нередко опирались в борьбе со своеволием боярства на возросшую политическую активность горожан. Городские слои стали превращаться в определенный противовес в отношениях между князьями и боярством. Все это определило смещение исторических акцентов с центра на периферию, с Киева на центры отдельных княжеств.

Потеря Киевом своей исторической роли была в известной мере связана и с перемещением основных торговых путей в Европе и Передней Азии. В связи с бурным ростом итальянских городов и активизацией итальянского купечества в Южной Европе и Средиземноморье теснее стали связи между Западной и Центральной Европой, между Византией и Малой Азией. Крестовые походы приблизили Ближний Восток к Европе. Эти связи развивались, обходя Киев стороной. В Северной Европе набирали силу германские города, на которые все более стал ориентироваться Новгород и другие города русского северо-запада. Померк былой блеск некогда славного «пути из варяг в греки».

Не могли для Киева и Русской земли пройти бесследно и столетия напряженной борьбы с кочевниками — печенегам, половцами. Эта борьба истощала народные силы, замедляла общий прогресс края, обрекала его в новых экономических, социальных и политических условиях на отставание. Преимущество получали те районы страны, которые, хотя и находились в менее благоприятных природных условиях (Новгородская земля,

Ростово-Суздальская Русь), не испытывали такого постоянного и изнуряющего давления со стороны кочевников, как Среднее Поднепровье.

Все это вместе взятое и определило ослабление Киева, власти великих князей и обусловило начало политического распада Руси.

Ожесточенная борьба князей друг с другом, нескончаемая междоусобица являлись лишь внешним выражением глубинных процессов развития русских земель. Если раньше междоусобицы являлись отражением тенденций или племенного сепаратизма либо были связаны с кризисами власти после смерти великих князей, то теперь эти войны были следствием новых обстоятельств русской жизни. В них отстаивалось право князей решать судьбу своих владений. Как образно сказал один историк, Русь «вынянчила и вырастила другие русские княжества, и теперь они, как самостоятельные птенцы, разлетелись по свету».

В сознании последующих поколений политический распад Руси на отдельные части понимался как большое несчастье, как откат общества назад. Тем более что такой распад привел к активизации противников Руси — половцев. В дальнейшем раздробленная Русь не смогла противостоять полчищам монголо-татар. Все это так. Но история меряет не годами и даже не десятилетиями, а столетиями. С точки зрения общесторического развития политическое дробление Руси — лишь закономерный этап на пути к будущей централизации страны и будущему экономическому и политическому взлету уже на новой цивилизационной основе. Об этом говорит и бурный рост городов и вотчинного хозяйства в отдельных княжествах, и выход этих практически самостоятельных государств на внешнеполитическую арену: собственные договоры с прибалтийскими землями, с немецкими городами заключали позднее Новгород и Смоленск; Галич на Волыни активно вел дипломатические сношения с Польшей, Венгрией и даже с папским Римом. В каждом из этих княжеств-государств продолжала развиваться культура, строились замечательные архитектурные сооружения, создавались летописные своды, расцветала литература, публицистика. Знаменитое «Слово о полку Игореве» родилось как раз в пору этого политического распада некогда единой Руси.

В рамках княжеств-государств набирала силу русская церковь. Из кругов духовенства вышло в эти годы немало замечательных литературных, философско-богословских творений. А главное — в условиях становления новых экономических районов и оформления новых политических образований шло неуклонное развитие крестьянского хозяйства, осваивались новые пахотные земли, происходило расширение и количественное умножение вотчин, которые для своего времени стали наиболее прогрессивной формой ведения крупного комплексного хозяйства, хотя и происходило это за счет подневольного труда зависимого крестьянского населения, либо отданного князем вотчиннику вместе с землями, либо попавшего по бедности в кабалу к богатому землевладельцу. Но таковы парадоксы истории, где прогресс порой основывается на страдании и где будущий расцвет страны порой проходит через ее великие трудности.

К тому же политический распад Руси никогда не был полным. Сохранялись центростремительные силы, которые постоянно противостояли си-

лам центробежным. В первую очередь это была власть великих киевских князей. Пусть порой призрачная, но она существовала, и даже Юрий Долгорукий, оставаясь на дальнем северо-востоке, именовал себя великим киевским князем. И позднее среди других русских княжеств существовало Киевское княжество, которое пусть и формально, но цементировало всю Русь. Недаром для автора «Слова о полку Игореве» власть и авторитет киевского князя стояли на высоком политическом и нравственном пьедестале.

Сохраняла свое влияние и общерусская церковь. Киевские митрополиты являлись руководителями всей церковной организации. Церковь, как правило, выступала за единство Руси, осуждала междоусобные войны князей, играла большую миротворческую роль. Клятва на кресте в присутствии церковных деятелей являлась одной из форм мирных договоренностей враждующих сторон.

Противовесом силам распада и сепаратизма была и постоянно существовавшая внешняя опасность для русских земель со стороны половцев. С одной стороны, соперничающие княжеские кланы привлекали половцев в качестве союзников, и те разоряли русские земли, с другой — в общерусском сознании постоянно жила идея единения сил в борьбе с внешним врагом, сохранялся идеал князя — ратителя за Русскую землю, каким были Владимир I и Владимир II Мономах. Недаром в русских былинах образы этих двух князей слились в один идеальный образ защитника Русской земли от злых «ворогов».

Всем этим противоречивым силам русского общества еще предстояло пройти испытание временем. Но этого времени история отвела удивительно мало — всего несколько десятков лет: с востока надвигалась новая грозная опасность — монголо-татары.

ГЛАВА 7. ОБРАЗОВАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РУСИ КНЯЖЕСТВ-ГОСУДАРСТВ

Среди полутора десятков княжеств, которые образовались в XII в. на территории Руси, наиболее крупными были: Киевское, с центром в Киеве; Черниговское и Северское, с центрами в Чернигове и Новгороде-Северском; Новгородская земля, с центром в Новгороде; Галицко-Волынское, с центром в Галиче; Владимиро-Суздальское, с центром во Владимире-на-Клязьме; Полоцкое, с центром в Полоцке; Смоленское, с центром в Смоленске. Каждое из них занимало обширные земли, ядром которых были не только исторические территории еще старых племенных княжений, но и новые территориальные приобретения, новые города, которые выросли в землях этих княжеств за последние десятилетия.

§ 1. Киевское княжество

Киевское княжество хотя и утратило свое значение политического центра русских земель, однако Киев сохранил свою историческую славу «матери русских городов». Оставался он и церковным центром русских земель. Но главное, Киевское княжество продолжало оставаться средоточием наиболее плодородных земель на Руси; Днепр по-прежнему оставался крупнейшей водной артерией восточных славян, хотя и потерял свое значение «европейской дороги». Здесь сосредоточивалось наибольшее количество крупных владельческих вотчинных хозяйств и находилось наибольшее количество пахотных земель. В самом Киеве и городах Киевской земли — Вышгороде, Белгороде, Василеве, Турове, Витичеве и др. — по-прежнему трудились тысячи ремесленников, чьи изделия славилась не только на Руси, но и далеко за ее пределами. Киевское княжество занимало обширные пространства на правом берегу Днепра, почти весь бассейн реки Припять, на юго-западе его земли граничили с Волынским княжеством. С юга, юго-запада и юго-востока Киев по-прежнему охранялся полосой городов-крепостей.

Смерть Мстислава Великого в 1132 г. и последующая борьба за киевский стол между Мономаховичами (Мономашичами) и Ольговичами стали поворотным пунктом в истории Киева. Именно в 30—40-е гг. XII в. он безвозвратно потерял контроль над Ростово-Суздальской землей, где правил энергичный и властолюбивый Юрий Долгорукий, над Новгородом и Смоленском, боярство которых само начало подбирать себе князей.

После очередной борьбы киевский стол переходит к князю Святославу Всеволодовичу, внуку Олега Черниговского. Именно его описывает автор «Слова» как могучего и властного князя, бывшего авторитетом для всех русских земель. Именно он урезонивал своего двоюродного брата, молодого северского князя Игоря, героя «Слова о полку Игореве», повременить с походом на половцев и дожидаться сбора общерусских сил. Однако Игорь Святославич, сын Святослава Ольговича и внук знаменитого Олега Черни-

говского, не внял голосу осторожных князей и без подготовки двинулся в степь, что и обрекло его на поражение.

Для Киевской земли остались в прошлом большая европейская политика, дальние походы в сердце Европы, на Балканы, в Византию и на Восток. Теперь внешняя политика Киева ограничивается двумя направлениями: продолжается прежняя изнуряющая борьба с половцами, кроме того, новым сильным противником становится мужающее с каждым годом Владимиро-Суздальское княжество, которое при Юрии Долгоруком захватило Переяславль и теперь угрожало Киеву и с северо-востока, и с юго-востока.

Если половецкую опасность киевским князьям удавалось сдерживать, опираясь на помощь других княжеств, которые сами страдали от половецких набегов, то справиться с северо-восточным соседом было труднее. После смерти Юрия Долгорукого владимиро-суздальский престол перешел к его сыну Андрею Юрьевичу Боголюбскому, который в 60-е гг. уже предъявил права старшего князя на Киев, где правил в то время один из потомков Мономаха. Владимиро-суздальский князь подступил к Киеву в 1169 г. со своими союзниками, другими князьями. После трехдневной осады дружины осаждавших Киев князей ворвались в город. Впервые в своей истории Киев был взят «на щит», и не внешними врагами, не печенегами, торками или половцами, а самими же русскими.

Несколько дней победители грабили город, жгли церкви, убивали жителей, уводили их в плен, грабили частные дома и монастыри. Как говорил летописец, были тогда в Киеве «на всех людях стон и тоска, печаль неутешная и слезы непрестанные».

Однако гроза миновала, и Киев, несмотря на этот жестокий разгром, продолжал жить полнокровной жизнью столицы крупного княжества. Здесь сохранились прекрасные дворцы и храмы, сюда, в киевские монастыри, сходились паломники со всей Руси. Киев отстроился после пожара и поражал приходящих сюда людей своей красотой. Здесь писалась общерусская летопись. Наконец, именно здесь было создано «Слово о полку Игореве».

Известной стабильности и благополучия Киевское княжество добились при уже упомянутом Святославе Всеволодовиче, который делил власть в княжестве со своим соправителем Рюриком Ростиславичем. Так, киевские бояре иногда объединяли на престоле представителей враждующих княжеских кланов и избегали очередной междоусобицы. Когда умер Святослав, то Рюрик Ростиславич до начала XIII в. делил власть с претендовавшим на киевский трон Романом Мстиславичем Волынским, праправнуком Мономаха.

Затем между соправителями началась борьба. И снова в киевские дела вмешался владимиро-суздальский князь, на этот раз знаменитый Всеволод Большое Гнездо, брат убитого к этому времени Андрея Боголюбского. В ходе борьбы враждующих сторон Киев несколько раз переходил из рук в руки. В конце концов победивший Рюрик сжег Подол, разграбил Софийский собор и Десятинную церковь — русские святыни. Его союзники, половцы, грабили Киевскую землю, уводили людей в плен, в монастырях изрубали старых монахов, а «юных черниц, жен и дочерей киевлян увели

в свои становища». Так грабил город его недавний правитель. Затем Роман захватил Рюрика в плен и постриг его и всю его семью в монахи. А вскоре погиб и новый победитель: он был убит поляками во время охоты, так как заехал слишком далеко во время пребывания в своих западных владениях. Это было в 1205 г. В огне междоусобной борьбы один за другим гибли русские князья, горели русские города.

§ 2. Черниговское и Северское княжества

Попытки обособиться Чернигов делал еще при Ярославе Мудром, когда его брат Мстислав, одержав над Ярославом победу, провел границу по Днепру и стал владыкой земель от Чернигова до Тмутаракани. После его смерти Русь вновь воссоединилась, новая попытка обособить Чернигов была сделана при Святославе Ярославиче, а затем при его сыне Олеге. Но в ту пору Киев еще крепкой рукой держал бразды правления. Когда же хозяином там стал Владимир Мономах, а потом его сын Мстислав, Чернигов покорно шел в фарватере общерусской политики. И все же с каждым годом Черниговское княжество все более обособлялось. И здесь дело было не столько в личных качествах, честолюбии Олега Святославича и его энергичных сыновей, сколько в общих экономических и политических особенностях края. Сам Чернигов стал одним из крупнейших русских городов. Здесь сформировалось мощное боярство, опиравшееся на вотчинное землевладение. Здесь был свой епископ, в городе возвышались величественные храмы, и в первую очередь кафедральный собор Спаса, появились монастыри. У черниговских князей были сильные, искушенные в боях дружины. Торговые связи черниговских купцов простирались по всей Руси и за ее пределами. Есть известие о том, что они торговали даже на рынках Лондона. Черниговское княжество охватывало огромную территорию от Таманского полуострова до границ со Смоленским княжеством, от вятичских лесов, от пограничного ростово-суздальского городка Москвы до половецкой степи. В состав Черниговского княжества входило немало крупных и известных городов. Среди них Новгород-Северский (т. е. новый город, основанный в земле северян), Путивль, Любеч, Рыльск, Курск, Стародуб. Позднее здесь стали известны Брянск, Козельск, Мосальск, Ворытынский, Мценск. К Черниговскому княжеству также «тянули» в течение ряда лет, т. е. входили в его подчинение, Муром и Рязань. В 40—50-е гг. XII в. Северская земля во главе с Новгородом, что стоял на реке Десне, частично обособилась от Чернигова. Там утвердился одна из ветвей князей Ольговичей, но все равно князь черниговский был верховным сюзереном северских князей.

Особые отношения сложились у Черниговского княжества в пору владычества там Ольговичей с половцами. Выше не раз говорилось о том, что Олег Черниговский дружил с половцами, что они нередко помогали ему в борьбе с двоюродным братом — Владимиром Мономахом. Авторы XII в. не раз ставили в вину Олегу связь с половцами, хотя дружеские и даже союзные отношения с ними (как и войны) были характерны для политики многих русских князей. И дело здесь не только в личных симпатиях Олега и его потомков. Черниговское княжество издавна включало в свой состав

земли вплоть до Таманского полуострова, которые затем стали местом половецких кочевий. Курск, а позднее Курское княжество в составе Великого Черниговского княжества было пограничным с половецкой степью. Степь, половцы были традиционными соседями черниговских князей, и те традиционно не столько воевали, сколько дружили со своими соседями. Но, конечно, этому сближению помогало и постоянное соперничество черниговских князей с Мономаховичами, захватившими верховную власть в Киеве.

После смерти Олега, а затем и его братьев власть в Чернигове перешла в руки его старшего сына Всеволода; другие сыновья Олега «сидели» в иных городах Черниговского княжества. Тогда-то в Северной земле утвердился Святослав Ольгович, отец знаменитого новгород-северского князя Игоря, неудачливого героя «Слова о полку Игореве».

В течение всей второй половины XII в. черниговские князья активно боролись с потомками Мономаха за киевский стол, который, правда, все более утрачивал свое бывшее значение. Поначалу успех в этой борьбе сопутствовал Мономаховичам. Но позднее старший в роду Рюриковичей Всеволод Ольгович утвердился в Киеве, и теперь черниговские князья надолго закрепились в Киеве, уступив лишь на некоторое время престол знаменитому ростово-суздальскому князю Юрию Долгорукому.

В 80-е гг. XII в. сын Всеволода Ольговича Святослав занял по старшинству киевский стол, сохранив за собой титул великого князя Черниговского. Именно к этому времени относится воспетый в «Слове» поход северского князя Игоря на половцев в 1185 г., который раскрывает весь смысл политики тогдашних черниговских и северских князей в отношении и Киева, и половецкой степи.

Еще в 1180 г. Игорь вместе с другими черниговскими и северскими князьями в союзе с половцами «повоевал» Смоленскую землю. Затем он же вместе с половецкими ханами Кончаком и Кобяком направился на Киев, где княжил в то время один из потомков Мономаха. Черниговские и северские князья стремились возвести здесь на престол старшего в их роду — Святослава Всеволодовича. В ходе боев за Киев черниговские князья потерпели поражение, союзники Игоря, половцы, были разбиты киевской ратью, а сам князь Игорь вместе со своим будущим противником ханом Кончаком в одной лодке переплыли Днепр и тем спаслись от гибели. Но через некоторое время Святослав, заключив мир с тогдашним правителем Киева, все же овладел киевским престолом.

В Киеве появились два князя — один из рода Мономаха, другой из рода Олега.

Теперь уже двоюродные братья Святослав и Игорь — один в Киеве, другой в Новгороде-Северском — ведут противоборство с половцами, которые ежегодно предпринимают походы на Русскую землю. Киевский князь Святослав вместе с переяславским, волынским и галицким князьями осуществил нападение на половцев, кочевавших во главе с ханом Кобяком близ днепровских порогов, и разгромил их. Одновременно Игорь вместе со своим братом, курским князем Всеволодом, предпринял поход против донских половцев, во главе которых стоял его недавний союзник хан Кончак. Северские князья одержали победу. А в 1185 г. ранней весной Кончак

двинулся в ответный поход. Против него выступила киевская рать и снова одержала победу. Затем Святослав Киевский углубился в Половецкую степь и нанес половцам еще одно поражение, захватив много добычи и пленников.

В этих боях весной 1185 г. черниговские и северские князья не принимали участия, соблюдая нейтралитет. Но позднее, когда половцы были сокрушены киевским князем, Игорь Новгород-Северский решил, что теперь и он может ударить по ослабленным половецким силам и взять свою долю добычи. Так родилась идея нового похода в степь силами лишь северских князей.

В то время как киевский князь Святослав отдыхал после победоносных походов в степь, Игорь начал самостоятельный поход против половцев. 23 апреля 1185 г. северские князья выступили в степь. Между Северским Донцом и Азовским морем русское войско натолкнулось на первые половецкие кочевья и, разбив половецкое войско, овладело большой добычей. Но на следующий день на помощь своим сородичам подоспели основные силы во главе с самим Кончаком. Три дня на берегу реки Каялы, неподалеку от Азовского побережья, кипел бой между русскими и половецкими войсками. Русская рать была почти полностью уничтожена, князь Игорь и некоторые другие князья и бояре были взяты в плен.

Теперь половцы двинулись на Русь — во-первых, на северские земли, во-вторых, на Переяславль, в-третьих, на Киев. Неподготовленный и проведенный малыми силами поход Игоря лишь спровоцировал это масштабное нашествие. Только большим напряжением сил русским княжествам удалось противостоять половцам.

В дальнейшем князь Игорь бежал из плена. А в 1198 г., оставшись старшим в роду Ольговичей, он стал великим князем черниговским. Князь Игорь умер в Чернигове в 1202 г. (родился в 1150 г.).

§ 3. Галицко-Волынское княжество

Галицко-Волынское княжество сформировалось на основе земель бывшего Владимиро-Волынского княжества, которое располагалось на западных и юго-западных границах Руси. В XI—XII вв. во Владимиро-Волынском правили второстепенные князья, направляемые сюда великими киевскими князьями. Свою службу здесь в качестве наместника великого князя Святослава Ярославича прошел и молодой Владимир Мономах.

Галицко-Волынская земля располагалась в местах, исключительно благоприятных для хозяйства, торговли, политических контактов с окружающим миром. Ее границы подходили с одной стороны к предгорьям Карпат и упирались в течение Дуная. Отсюда было рукой подать до Венгрии, Болгарии, торгового пути по Дунаю в центр Европы, до Балканских стран и Византии. С севера, северо-востока и востока эти земли обнимали владения Киевского княжества, которое, потеряв свою былую мощь и не претендуя на контроль над Галицко-Волынским княжеством, в то же время ограждало его от натиска могучих ростово-суздальских князей.

В здешних местах за время существования единого государства Русь выросли и расцвели многие крупные города. Это Владимир-Волынский.

названный так по имени Владимира I. Город был долгие годы резиденцией великокняжеских наместников. Здесь же располагался выросший на соле-торговле Галич, где в середине XII в. сформировалось мощное и независимое боярство, активные городские слои. Заметно выросли центры местных удельных княжеств, где «сидели» потомки Ростислава — сына рано умершего Владимира, старшего сына Ярослава Мудрого. Ростиславу Владимировичу дали в пожизненное владение малозначительный Владимир-Во-лынский. И теперь Ростиславичам принадлежали Перемышль, Дорогобуж, Теребовль, Бужеск, Турийск, Червень, Луцк, Холм. Эти города были богатыми и красивыми, в них было немало каменных зданий, почти все они были хорошо укреплены, имели мощные детинцы-крепости. Когда-то многие из этих городов были отвоеваны у Польши сначала Владимиром, а потом и Ярославом Мудрым. С тех пор они и вошли сначала в состав Руси, а затем стали основой создания независимого Галицко-Волинского княжества с опорой на два крупных города — Владимир-Волинский и Галич.

На рубеже XII и XIII вв. князь Роман Мстиславич Волинский объединил воедино Волинское и Галицкое княжества и создал большое и мощное княжество в юго-западном углу Руси — Галицко-Волинское. Но прежде чем это произошло, галицко-волинские земли пережили немало драматических страниц, наполненных междоусобицами князей, боярскими заговорами, воинственной активностью горожан, вмешательством в политические конфликты иностранных государств, и в первую очередь ближайших соседей — венгров и поляков.

В середине XII в. в Галицком княжестве, которое к этому времени стало самостоятельным и отделилось от Волыни, началась первая большая княжеская смута, за которой просматривались интересы как боярских группировок, так и городских слоев. В 1144 г. горожане Галича, воспользовавшись отъездом своего князя Владимира Володаревича на охоту, пригласили на княжение его племянника из младшей ветви Ростиславичей, Ивана Ростиславича, который княжил в небольшом городке Звенигороде. Судя по позднейшим делам этого князя, он выказал себя правителем, близким к широкому городским слоям, и его приглашение вместо взбалмошного и драчливого Владимира Володаревича было вполне закономерным. Владимир осадил Галич, но горожане встали горой за своего избранника. Лишь неравенство сил и отсутствие у горожан военного опыта склонило чашу весов в пользу галицкого князя. Иван бежал на Дунай, где обосновался в Берладе, отчего и получил в истории прозвище Берладника. Владимир занял Галич и жестоко расправился с мятежными горожанами.

После долгих скитаний Иван Берладник еще раз попытался вернуться в Галич. Летопись сообщает, что «смерды» открыто переходили на его сторону, но он столкнулся с сильной княжеской оппозицией. К этому времени его противник Владимир Володаревич уже умер, но галицкий престол перешел к его сыну — энергичному, умному и воинственному Ярославу Осмомыслу, женатому на дочери Юрия Долгорукого Ольге. О Ярославе Осмомысле «Слово» говорит, что он «подпер своими железными полками» горы Угорские, т. е. Карпаты. Против Ивана поднялись владетели Венг-

рии, Польши; его головы домогались и черниговские князья. Поддержку он получил от киевского князя, стремившегося в те годы ослабить своего противника Ярослава Осмомысла, активно поддерживаемого Юрием Долгоруким. Осмомысл одержал верх в борьбе за галицкий престол и надолго сохранил его за собой. Именно при нем Галицкое княжество достигло наивысшего расцвета, славилось своим богатством, развитыми международными связями, особенно с Венгрией, Польшей, Византией.

Если Галицкое княжество прочно находилось в руках Ростиславичей, то в Волынском княжестве, в городе Владимире, так же прочно сидели потомки Мономаха. Здесь правил внук Мономаха Изяслав Мстиславич. Затем Мономаховичи разделили Волынское княжество на несколько уделов, т. е. еще более мелких княжеств, входивших в состав Волынского княжества.

К концу XII в. и в этом княжестве, как и других крупных русских княжествах-государствах, стало просматриваться стремление к объединению, к централизации власти. Особенно ярко эта линия проявилась при князе Романе Мстиславиче. Опираясь на горожан, на мелких землевладельцев, он противостоял своеволию боярских кланов, властной рукой подчинял себе удельных князей. При нем Волынское княжество превратилось в сильное и относительно единое государство. Теперь Роман Мстиславич стал претендовать на всю Западную Русь. Он воспользовался раздорами среди правителей Галича после смерти Ярослава Осмомысла и попытался воссоединить Галицкое и Волынское княжества под своей властью. Вначале ему это удалось, но в междоусобную борьбу включился венгерский король, который захватил Галич и изгнал оттуда Романа. Его соперник, сын Осмомысла, неудачливый друг и деверь северского князя Владимир Галицкий, был схвачен, выслан в Венгрию и там заточен в башне. Но вскоре предприимчивый князь бежал из плена. Он появился в Германии у императора Фридриха Барбароссы и при поддержке немецких и польских войск вновь вокняжился в Галиче. Лишь после его смерти в 1199 г. Роман Мстиславич вновь объединил, и теперь уже надолго, Волынь и Галич. В дальнейшем он стал и великим князем киевским, владельцем огромной территории, равной Германской империи.

Роман, как и Ярослав Осмомысл, продолжал политику централизации власти, подавлял боярский сепаратизм, содействовал развитию городов. Подобные же стремления были видны в политике зарождающейся централизованной власти во Франции, Англии, других странах Европы. Правители крупных русских княжеств в этом смысле шли тем же путем, опираясь на растущие города и мелких землевладельцев, зависимых от них в земельном отношении.

Политику Романа Мстиславича продолжил его сын, Мономахович в пятом колене, Даниил Романович. Он потерял отца в 1205 г., когда ему было всего лишь четыре года. Галицко-волынское боярство тут же подняло голову. Княгиня с малолетним наследником бежала из княжества, найдя приют в Польше. Боярство пригласило в Галич, ставший теперь стольным городом объединенного княжества, сыновей Игоря Северского. В ходе междоусобицы княжество вновь раскололось на ряд уделов, что позволило

Венгрии завоевать его. Игоревичи продолжали борьбу за власть, в ходе которой погибло немало боярских фамилий, богатых горожан; но больше всего от междоусобицы страдали простые люди, чьи хозяйства разорялись, а сами они гибли на полях сражений.

В 1211 г. Даниил вернулся в Галич, но ненадолго — боярство снова изгнало его вместе с матерью из города. Бояре поставили во главе княжества ставленника из своих родов, что вызвало недовольство среди всех Рюриковичей. Лишь в 1221 г. Даниил Галицкий вернул себе сначала волынский престол, а за несколько лет до монголо-татарского нашествия, в 1234 г., утвердился и в Галиче. Он прослыл смелым и талантливым полководцем. О его личной храбрости ходили легенды.

В годы борьбы со своевольным и богатым галицким боярством Даниил опирался на горожан, «молодшую дружину», как и другие русские князья-централизаторы. Один из его помощников советовал Даниилу: «Господине, не погнетши пчел — меду не едать», т. е. не удержать власти, не расправившись с боярством.

Но и после утверждения Даниила в княжестве боярство продолжало борьбу против его политики централизации власти, вступало в сговор то с Венгрией, то с Польшей, расшатывало политическую и военную мощь княжества.

§ 4. Господин Великий Новгород

Господин Великий Новгород, как называли его современники, занимал особое место среди других русских княжеств.

Новгородские земли простирались на огромные расстояния — от Балтики до Уральских гор, от Белого моря и берегов Ледовитого океана до междуречья Волги и Оки.

Получив известность уже в IX в. как центр славянских земель в северо-западном углу Руси, Новгород с тех пор быстро набирает силу и к концу IX в. становится соперником Киева (см. § 1 данной главы). Киевские князья смотрели на Новгород как на свой северный форпост.

Он не стал, как, скажем, Чернигов, Полоцк, Переяславль, позднее Ростов или Владимир-Волынский, «отчиной» какой-нибудь княжеской ветви — Мономаховичей, Ольговичей или Ростиславичей. Присланные сюда князья были временными людьми, и их власть не укоренилась здесь, как в других центрах различных княжеств. Причина особого положения Новгорода кроется во всем строе жизни древнего города.

Новгород с самого начала вырос не столько как резиденция варяжских князей, но в первую очередь как торговый и ремесленный центр. Он располагался на знаменитом пути «из варяг в греки». Отсюда шли пути в Южную Прибалтику, в немецкие земли, в Швецию и Норвегию. Через озеро Ильмень и реку Мсту пролегал путь на Волгу, а оттуда в Волжскую Булгарию, Хазарию, страны Востока. По днепровскому пути новгородские купцы доходили до Западного Причерноморья, Балкан, Византии. Новгородцам было чем торговать. Они вывозили прежде всего пушнину, которую добывали в северных лесах, ремесленники поставляли на внутренний и зарубежный рынки свои изделия. Славился Новгород своими мастерами куз-

нечного и гончарного дела, золотых и серебряных дел, оружейниками, плотниками, кожевенниками. Улицы и «концы» (районы) города зачастую носили названия ремесленных профессий: Плотницкий конец, улицы Кузнецкая, Гончарная, Щитная. На пушном промысле, искусных и разветвленных ремеслах возрастала торговля Новгорода. Здесь ранее, чем в других городах Руси, появились объединения крупных купцов, развилась кредитная система. Богатые торговцы имели не только речные и морские суда, но и склады, амбары. Они строили богатые каменные дома, церкви. В Новгород приходило немало иноземных купцов. Здесь располагались Немецкий и Готский дворы, что указывало на тесные торговые связи города с немецкими землями. В торговлю включались не только купцы, ремесленники, отдававшие свою продукцию скупщикам, но и бояре, представители церкви, в том числе новгородский владыка — архиепископ.

Уверенное хозяйственное развитие Новгорода во многом объяснялось не только выгодными природными и географическими условиями, но и тем, что он со времени варяжских нашествий в IX в. более не знал внешней опасности. Ни печенеги, ни половцы не доходили до здешних мест. Немецкие рыцари появились здесь позднее. Это оберегало народный труд, создавало благоприятные условия для развития края.

Большую силу в Новгороде со временем получили крупные бояре-землевладельцы. Именно их земельные владения, леса, рыбные угодья давали основную торговую продукцию — пушнину, мед, воск, рыбу, другие продукты земли, леса, воды. Именно бояре и крупные купцы нередко организовывали дальние экспедиции «ушкуйников», речных и морских мореплавателей, в целях овладения новыми промысловыми землями, добычи пушнины. Интересы боярства, купечества, церкви сплетались здесь воедино; вот почему верхушка города, так называемая *госпо́да*, опираясь на свои несметные богатства, играла такую большую роль в политической жизни Новгорода. И здесь она вела за собой ремесленников, прочий люд. Новгород выступал единым фронтом против постоянного политического давления то со стороны Киева, то со стороны Ростово-Суздальского княжества. Все новгородцы были заодно, защищая свое особое положение в русских землях, свой суверенитет. Но во внутренней жизни города такого единства не было: нередко были острейшие столкновения интересов простых горожан и городской верхушки, что выливалось в открытые столкновения, восстания низов против боярства, богатого купечества, ростовщиков. Не раз врывались восставшие горожане и на архиепископский двор. Городская аристократия также не представляла собой единого целого. Остро соперничали между собой отдельные боярские и купеческие кланы. Они боролись за земли, доходы, привилегии, за то, чтобы поставить во главе города своего ставленника — князя, посадника или тысяцкого.

Подобные же порядки складывались и в других крупных городах Новгородской земли — Пскове, Ладоге, Белоозере, Изборске, где были свои сильные боярско-купеческие кланы, своя ремесленная и работная масса населения. Каждый из этих городов, являясь частью Новгородского княжества, в то же время претендовал на относительную самостоятельность, боролся за свои права и привилегии с новгородской аристократией.

Новгород соперничал с Киевом не только в смысле хозяйственном, торговом, но и по части внешнего облика города. Здесь, на левом берегу Волхова, на взгорье, рано появился свой кремль, обнесенный каменной стеной, в отличие от многих других русских детинцев, огороженных деревянно-земляными укреплениями. Сын Ярослава Мудрого Владимир строил здесь свой Софийский собор, который соперничал по красоте и монументальности с киевской Софией. Напротив кремля располагался торг, где обычно проходило городское вече — сход всех политически активных новгородцев. На вече решались многие важные вопросы жизни города: выбирались городские власти, обсуждались кандидатуры приглашаемых князей, определялась военная политика Новгорода.

Между левобережным и правобережным Новгородом был выстроен мост через Волхов, который играл важную общественную роль в жизни города. Здесь нередко происходили кулачные бои между различными новгородскими враждующими группировками и их сторонниками. Отсюда по приговору городских властей сбрасывали в глубины Волхова осужденных на смерть преступников.

По берегам Волхова стояли многочисленные пристани. У причалов теснились речные и морские суда. Они стояли так тесно, что в случае пожаров огонь порой по судам переходил с одного берега на другой. На окраинах города располагались богатые монастыри, чьи стены служили как бы дополнительными оборонительными укреплениями. На берегу озера Ильмень, к югу от города, стоял Юрьевский монастырь. В северной части располагался Антониев монастырь.

Новгород был для своего времени городом высокой культуры быта. Он был силен деревянными мостовыми, власти внимательно следили за порядком и чистотой городских улиц. Признаком высокой культуры горожан служит повсеместная грамотность, которая проявлялась в том, что многие новгородцы владели искусством письма на бересте. Берестяные грамоты в изобилии находят археологи при раскопке древних новгородских жилищ. Берестяные грамоты посылали друг другу не только бояре, купцы, но и простые горожане. Это были долговые расписки и просьбы о займах, записки к жене, приглашение на похороны, челобитные грамоты, завешания, любовные письма и даже стихи.

Особый хозяйственный, политический, социальный и культурный облик города, а также городов Новгородской земли, которые во многом копировали свой город-сюзерен, привел к тому, что и после воссоединения севера и юга страны Новгород постоянно боролся за свою «особность» от Киева.

Уже в течение XI в., принимая от киевских князей наместников-сыновей, местная аристократия тем не менее стремилась «выкормить» своего князя, который бы прежде всего отстаивал интересы «господина Великого Новгорода».

По мере ослабления власти киевских князей и развития политического сепаратизма Новгород стал проявлять все больше независимости от Киева. Особенно ярко это проявилось после смерти Мстислава Великого. На киевский престол, как мы помним, встал другой сын Мономаха, Ярополк, а в

Новгороде продолжал «сидеть» Всеволод Мстиславич. Когда же он выехал из Новгорода и попытался неудачно добыть себе более почетный в княжеской семье престол Переяславля, новгородцы не пустили его обратно и выгнали из города. Но Новгород нуждался в княжеской руке — для командования войском, для обороны новгородских границ. Считая, видимо, что Всеволод Мстиславич получил хороший урок, бояре вернули его назад, но Всеволод, выросший в традициях сильной киевской власти и чувствуя себя представителем Киева, вновь попытался, опираясь на Новгород, проводить собственную династическую политику, ввязавшись в межкняжескую борьбу за власть, за «столы». Он втянул Новгород в противоборство с Суздалем, которое закончилось поражением новгородской рати. Это переполнило чашу терпения новгородского боярства. Против князя выступили и «черные люди», не поддержали его ни Церковь, ни купечество, которое он ущемлял в правах. 28 мая 1136 г. Всеволод с семьей по приговору вече, в котором приняли участие представители от Пскова и Ладоги, был заключен под стражу в архиепископском дворце, где он находился под охраной 30 вооруженных воинов два месяца. Затем Всеволода выслали из города, обвинив его в том, что он «не блюдет смерд», т. е. не выражал интересов простых людей, плохо руководил войском во время противоборства с суздальцами, втянул Новгород в межкняжескую борьбу на юге.

После событий 1136 г. к власти в Новгороде окончательно пришла городская аристократия — крупное боярство, богатое купечество, архиепископ. В Новгород в качестве наемного военачальника был приглашен Святослав Ольгович из Чернигова, отец Игоря Северского, героя «Слова о полку Игореве». Так после событий 1136 г. Новгород вышел на дорогу полной независимости от других русских княжеств, стал своеобразной аристократической республикой, где несколько крупных боярских и купеческих фамилий, посадник, архиепископ определяли всю политику Новгородской земли.

§ 5. Владимиро-Суздальское княжество

Северо-Восточная Русь в течение долгих веков была одним из самых глухих углов восточно-славянских земель. В то время когда в X—XI вв. Киев, Новгород, Чернигов и другие города Среднего Поднепровья и северо-запада благодаря своему выгодному географическому положению, хозяйственному и политическому развитию, сосредоточению здесь основной части восточнославянского населения стали видными экономическими, политическими, религиозными и культурными центрами, вышли на международную арену, стали основой создания единого государства, в междуречье Оки, Волги, Клязьмы, там, где позднее возникло Владимиро-Суздальское княжество, царили еще первобытные нравы.

Лишь в VIII—IX вв. здесь появилось племя вятичей, передвинувшееся сюда с юго-запада. До этого здесь обитали угро-финские, а западнее — балтские племена, которые были основными жителями края. Славянская колонизация этих мест шла по двум направлениям — с юго-запада и запада, из района Среднего Поднепровья и с северо-запада, из новгородских земель, района Белоозера, Ладоги. Здесь пролегал старинная торговая до-

рога из Новгородской Руси на Волгу; следом за торговцами шли по этой дороге поселенцы, которые вместе с местным племенем вятичей, а также жившими неподалеку кривичами, угро-финнами начали освоение этих мест.

Почему же славянское население так упорно шло в эти, казалось, забытые Богом места? Во-первых, в междуречье Оки, Волги, Клязьмы было немало пригодных для земледелия пахотных земель, особенно в будущей Суздальской Руси; на сотни километров простирались здесь великолепные заливные луга. Умеренный климат давал возможность развивать и земледелие, и скотоводство; густые леса были богаты пушниной, здесь в изобилии росли ягоды, грибы, издавна процветало бортничество, что давало столь ценные в то время мед и воск. Широкие и спокойно текущие реки, полноводные и глубокие озера изобиловали рыбой. При упорном и систематическом труде эта земля могла вполне накормить, напоить, обуть, согреть человека, дать ему материал для постройки домов, и люди настойчиво осваивали эти неприхотливые места.

К тому же Северо-Восточная Русь почти не знала иноземных нашествий. Сюда не доходили волны яростных нашествий степняков в первом тысячелетии н. э. Позднее сюда не достигал меч предприимчивых завоевателей — варягов, не добиралась в эти дали и половецкая конница, разбивавшаяся о непроходимые лесные чащи. Жизнь здесь текла не так ярко и динамично, как в Поднепровье, но зато спокойно и основательно. Позднее Владимиро-Суздальская Русь, держащаяся на отлете, хотя и принимала активное участие в междоусобных битвах XII в., сама редко становилась ареной кровопролитных схваток. Чаще ее князья водили свои дружины на юг, доходили до Чернигова, Переяславля, Киева и даже до Владимиро-Галицкой Руси.

Все это содействовало тому, что пусть и в замедленном ритме, но жизнь здесь развивалась, осваивались новые земли, возникали торговые фактории, строились и богатели города; позднее, чем на юге, но также зарождалось вотчинное землевладение.

В XI в. здесь уже стояли городские центры — Ростов, Суздаль, Ярославль, Муром, Рязань. При Владимире Мономахе возникли построенный им и названный в его честь Владимир-на-Клязьме и Переяславль (северный).

К середине XII в. Владимиро-Суздальская Русь обнимала огромные пространства восточно-славянских, угро-финских, балтских земель. Ее владения простирались от таежных лесов Севера, низовьев Северной Двины, побережья Белого моря до границ с половецкой степью на юге, от верховьев Волги на востоке до смоленских и новгородских земель на западе и северо-западе.

Возвышаться Владимиро-Суздальская Русь, которая тогда называлась Ростовским, а позднее Ростово-Суздальским княжеством, по названию главных городов этих мест — Ростова и Суздаля, стала при Владимире Мономахе. Сюда он попал на княжение в возрасте 12 лет, посланный своим отцом, Всеволодом Ярославичем. С тех пор Ростово-Суздальская земля прочно вошла в состав «отчины» Мономаха и Мономаховичей. В пору

трудных испытаний, в пору горьких поражений дети и внуки Мономаха знали, что здесь они всегда найдут помощь, поддержку. Здесь они смогут набраться новых сил для жестоких политических схваток со своими соперниками.

Сюда в свое время Владимир Мономах послал на княжение одного из своих младших сыновей — Юрия Владимировича, потом, заключив мир с половцами, женил его на дочери союзного половецкого хана. До поры до времени Юрий, как младший, оставался в тени других своих братьев. Да были властелины на Руси и постарше — его дядья и черниговские Ольговичи.

Но по мере мужания, по мере того, как уходили из жизни старшие князья, голос ростово-суздальского князя звучал на Руси все громче и его претензии на первенство в общерусских делах становились все основательнее. И дело было не только в его неумной жажде власти, стремлении к первенству, не только в его политике захвата чужих земель, за что он и получил прозвище Долгорукого, но и в экономическом, политическом, культурном обособлении огромного края, который все более стремился жить по своей воле. Особенно это относилось к большим и богатым северо-восточным городам. Если «старые» города — Ростов и особенно Суздаль — были сильны своими боярскими группировками и там князья все более чувствовали себя неудобно, то в новых городах — Владимире, Ярославле — они опирались на растущие городские сословия, верхушку купечества, ремесленников, на зависимых от них мелких землевладельцев, получавших землю за службу у великого князя.

В середине XII в. усилиями в основном Юрия Долгорукого Ростово-Суздальское княжество из далекой окраины, которая прежде покорно посылала свои дружины на подмогу киевскому князю, превратилось в обширное независимое княжество, которое проводило активную политику внутри русских земель, расширяло свои внешние границы.

Юрий Долгорукий неустанно воевал с Волжской Булгарией, которая в пору ухудшения отношений пыталась блокировать русскую торговлю на Волжском пути, перекрывала дорогу на Каспий, на Восток. Вел он противоборство с Новгородом за влияние на смежные и пограничные земли. Уже тогда, в XII в., зародилось соперничество Северо-Восточной Руси и Новгорода, которое позднее вылилось в острую борьбу Новгородской аристократической республики с поднимающейся Москвой. В течение долгих лет Юрий Долгорукий упорно боролся также за овладение киевским столом.

Участвуя в междукняжеских усобицах, воюя с Новгородом, Юрий имел союзника в лице черниговского князя Святослава Ольговича, который был старше ростово-суздальского и ранее него предъявил свои права на киевский престол. Юрий помогал ему войском, сам же предпринял успешный поход на новгородские земли. Святослав не завоевал себе киевского престола, но «повоевал» смоленские земли. А потом оба князя-союзника встретились для переговоров и дружеского пира в пограничном суздальском городке Москве. Юрий Долгорукий пригласил туда, в маленькую крепость, своего союзника и написал ему: «Приди ко мне, брате, в Москов». 4 апреля 1147 г. союзники встретились в Москве. Святослав подарил

Юрию охотничьего гепарда, а Юрий отдался «многими дарами», как отметил летописец. А потом Юрий устроил «обед силен» и пировал со своим союзником. Так в исторических источниках впервые была упомянута Москва. Но не только с этим городом связана деятельность Юрия Долгорукого. Он построил ряд других городов и крепостей. Среди них — Звенигород, Дмитров, Юрьев-Польский (Юрьев-Польской), Кснятин.

В конце концов в 50-е гг. XII в. Юрий Долгорукий овладел киевским столом, но вскоре умер в Киеве в 1157 г.

В. Н. Татишев, в руках которого находилось немало старинных русских летописей, не дошедших до нас, так описывал внешность и характер Юрия Долгорукого: «Сей великий князь был роста немалого, толстый, лицом белый, глаза не вельми велики, нос долгий и накривленный, брада малая; великий любитель жен, сладких пisch и пития; более всего о веселиях, нежели о разправе (управлении. — *Авт.*) и воинстве прилежал, но все оное состояло во власти и смотреии вельмож его и любимцев». Известия о пирах в Москве и в Киеве как будто подтверждают эту характеристику, но в то же время нельзя не видеть и ее некоторую односторонность. Юрий Долгорукий был одним из первых крупных государственных деятелей Северо-Восточной Руси, при котором этот край прочно занял ведущее место среди других русских земель. И даже то, что он передоверил все дела своим помощникам и советникам, никак не умаляет его достоинств: князь умел подбирать людей, которые проводили его политику в жизнь.

В 1157 г. на престол в Ростово-Суздальском княжестве вступил сын Юрия Долгорукого Андрей Юрьевич (1157—1174), рожденный от половецкой княжны.

Андрей Юрьевич родился около 1120 г., когда еще был жив его дед Владимир Мономах. До тридцати лет князь прожил на севере. Отец отдал ему в удел город Владимир-на-Клязьме, где провел Андрей свои детские и юношеские годы. Он редко бывал на юге, не любил Киев, смутно представлял себе все сложности династической борьбы среди Рюриковичей. Все его помыслы были связаны с севером. Еще при жизни отца, который после овладения Киевом наказал ему жить рядом в Вышгороде, независимый Андрей Юрьевич против воли Юрия уехал на север, в свой родной Владимир.

В юности Андрей Юрьевич проделал с отцом не одну военную кампанию на юг и прослыл смелым воином и умелым военачальником. Он любил начинать битву сам, врубаться в ряды врагов. О его личном мужестве ходили легенды.

После смерти Юрия Долгорукого бояре Ростова и Суздаля избрали своим князем Андрея, стремясь утвердить в Ростово-Суздальской земле собственную династическую линию и прекратить сложившуюся традицию великих князей посылать в эти земли на княжение то одного, то другого из своих сыновей.

Однако Андрей сразу же спутал все их расчеты. Прежде всего он согнал с других ростово-суздальских столов своих братьев. Среди них был и знаменитый в будущем владими́ро-суздальский князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо. Затем Андрей удалил от дел старых бояр Юрия Долгору-

кого, распустил его поседевшую в боях дружину. Летописец отметил, что Андрей стремился стать «самовластцем» Северо-Восточной Руси.

На кого же опирался Андрей Юрьевич в этой борьбе? Прежде всего на города, городские сословия. Подобные стремления проявили в это время и властелины некоторых других русских земель, например Роман, а потом Даниил Галицкий. Укреплялась королевская власть и во Франции, Англии, где городское население также начало активно поддерживать королей и выступать против своеволия крупных землевладельцев. Свою резиденцию он перенес из боярских Ростова и Суздаля в молодой город Владимир; близ города в селе Боголюбове он построил великолепный белокаменный дворец, отчего и получил прозвище «Боголюбский». С этого времени и можно называть Северо-Восточную Русь Владимиро-Суздальским княжеством, по имени ее главных городов.

В 1169 г. вместе со своими союзниками Андрей Боголюбский взял штурмом Киев, выгнал оттуда своего двоюродного племянника Мстислава Изяславича и отдал город на разграбление. Уже этим он показал свое небрежение по отношению к прежней русской столице, всю свою нелюбовь к югу. Андрей не оставил город за собой, а отдал его одному из своих второстепенных родственников, а сам же вернулся во Владимир-на-Клязьме, в свой пригородный белокаменный дворец в Боголюбове. Позднее Андрей предпринял еще один поход на Киев, но неудачно. Воевал он, как и Юрий Долгорукий, и с Волжской Булгарией.

Действия Андрея Боголюбского вызывали все большее раздражение среди ростово-суздальского боярства. Их чаша терпения переполнилась, когда по приказу князя был казнен один из родственников его жены, видный боярин Степан Кучка, чьи владения находились в районе Москвы (в отличие от угро-финского она носила и древнерусское название — Кучково). Захватив владения казненного боярина, Андрей приказал построить здесь свой укрепленный замок. Так в Москве появилась первая крепость.

Брат казненного, другие родственники организовали заговор против Андрея Боголюбского. В заговор были вовлечены также его жена и ближайшие слуги — осетин Анбал, дворцовый ключник и слуга Ефрем Мойзевич.

Накануне заговора Анбал выкрал из спальни меч князя, а в ночь на 29 июня 1174 г. заговорщики вошли во дворец и приблизились к княжеским покоям. Однако их обуял страх. Тогда они спустились в подвал, подкрепились там княжеским вином и уже в воинственном и возбужденном состоянии вновь подошли к дверям княжеской спальни. Андрей отозвался на их стук, и, когда заговорщики ответили, что это пришел Прокопий — любимец князя, Андрей Боголюбский понял, что ему грозит беда: из-за двери прозвучал незнакомый голос. Князь приказал постельничьему не открывать дверь, а сам тщетно пытался найти меч. В это время заговорщики взломали дверь и ворвались в спальню. Андрей Боголюбский отчаянно сопротивлялся, но силы были неравны. Заговорщики нанесли ему несколько ударов мечами, саблями, кололи его копьями. Решив, что Андрей убит, заговорщики вышли из спальни и уже покидали хоромы, когда вдруг его

ключник Анбал услышал стоны князя. Они вернулись и добились князя внизу у лестницы, куда ему удалось добраться.

Затем заговорщики расправились с близкими князю людьми, ограбили его сокровищницу.

На следующее утро весть об убийстве Андрея Боголюбского облетела столичный град. Во Владимире, Боголюбове и окрестных селах начались волнения. Народ поднялся против княжеских посадников, тиунов, сборщиков налогов. Нападениям подверглись и дворы богатых землевладельцев и горожан. Лишь через несколько дней бунт утих.

Гибель Андрея Боголюбского не остановила процесса централизации Владимиро-Суздальской Руси. Когда боярство Ростова и Суздаля попыталось посадить на престол племянников Андрея и управлять за их спиной княжеством, поднялись «меньшие люди» Владимира, Суздаля, Переяславля, других городов и пригласили на владими́ро-суздальский престол Михаила — брата Андрея Боголюбского. Его конечная победа в нелегкой междоусобной борьбе с племянниками означала победу городов и поражение боярских кланов.

После смерти Михаила его дело взял в свои руки вновь поддержанный городами третий сын Юрия Долгорукого Всеволод Юрьевич (1176—1212). В 1177 г. он, разгромив своих противников в открытом бою близ города Юрьева, овладел владими́ро-суздальским престолом. Мятёжные бояре были схвачены и заточены в тюрьму, их владения конфискованы. Поддержавшая мятежников Рязань была захвачена, а рязанский князь попал в плен. Всеволод III стал великим князем (вслед за Всеволодом I Ярославичем и Всеволодом II Ольговичем). Он получил прозвище «Большое Гнездо», так как имел восемь сыновей и восемь внуков, не считая потомства женского пола. В своей борьбе с боярством Всеволод Большое Гнездо опирался не только на города, но и на мужающее с каждым годом дворянство (в источниках к ним применяются термины «отроки», «мечники», «вирники», «гриди», «меньшая дружина» и т. д.), социальной чертой которого является служба князю за землю, доходы и другие милости. Эта категория населения существовала и прежде, но теперь она становится все более многочисленной. С увеличением значения великокняжеской власти в некогда заштатном княжестве роль и влияние дворянства также вырастали год от года. Оно, по существу, несло всю основную государственную службу: в войске, судопроизводстве, посольских делах, сборе податей и налогов, расправе, дворцовых делах, управлении княжеским хозяйством.

Укрепив свои позиции внутри княжества, Всеволод Большое Гнездо стал оказывать все большее влияние на дела Руси: вмешивался в дела Новгорода, овладел землями в Киевской земле, подчинил полностью своему влиянию Рязанское княжество. Он успешно противоборствовал Волжской Булгарии. Его поход на Волгу в 1183 г. закончился блестящей победой.

Тяжело заболев в 1212 г., Всеволод Большое Гнездо собрал своих сыновей и завещал престол старшему, Константину, сидевшему в то время в Ростове в качестве наместника отца. Но Константин, уже крепко связавший свою судьбу с ростовским боярством, попросил отца оставить его в Ростове и туда перенести престол из Владимира. Поскольку это могло на-

рушить всю политическую ситуацию в княжестве. Всеволод при поддержке своих соратников и церкви передал престол второму по старшинству сыну, Юрию, наказав ему оставаться во Владимире и отсюда управлять всей Северо-Восточной Русью.

Всеволод умер в возрасте 58 лет, «просидев» на великокняжеском престоле 36 лет. Его преемнику Юрию не сразу удалось взять верх над старшим братом. Последовала новая междоусобица, продлившаяся целых шесть лет, и только в 1218 г. Юрий Всеволодович сумел овладеть престолом. Тем самым была окончательно нарушена старая официальная традиция наследования власти по старшинству, отныне воля великого князя-«единодержавца» стала сильнее, чем бывшая «старина».

Северо-Восточная Русь сделала еще один шаг к централизации власти. В борьбе за власть Юрий, однако, вынужден был пойти на компромисс со своими братьями. Владимиро-Суздальская Русь распалась на ряд уделов, где сидели дети Всеволода III. Но процесс централизации был уже необратим. Монголо-татарское нашествие нарушило это естественное развитие политической жизни Руси и отбросило его назад.

ГЛАВА 8. КУЛЬТУРА РУСИ X — НАЧАЛА XIII в.

Как зарождалась культура Руси. Культура народа является частью его истории. Ее становление, последующее развитие тесно связаны с теми же историческими факторами, которые воздействуют на становление и развитие хозяйства страны, ее государственности, политической и духовной жизни общества. В понятие «культура» входит, естественно, все, что создано умом, талантом, рукоделием народа, все, что выражает его духовную сущность, взгляд на мир, природу, человеческое бытие, на человеческие отношения.

Культура Руси складывается в те же века, что и становление русской государственности. Рождение народа шло одновременно по нескольким линиям — хозяйственной, политической, культурной. Русь складывалась и развивалась как средоточие огромного для того времени народа, состоящего поначалу из различных племен; как государство, жизнь которого развертывалась на огромной территории. И весь оригинальный культурный опыт восточного славянства стал достоянием единой русской культуры. Она складывалась как культура всех восточных славян, сохраняя в то же время свои региональные черты — одни для Поднепровья, другие — для Северо-Восточной Руси и т. д.

На развитие русской культуры влияло также то, что Русь складывалась как равнинное государство, открытое всем, как внутриплеменным отечественным, так и иноплеменным, международным, влияниям. И шло это из глубины веков. В общей культуре Руси отразились как традиции, скажем, полян, северян, радимичей, новгородских словен, других восточнославянских племен, так и влияние соседних народов, с которыми Русь обменивалась производственными навыками, торговала, воевала, мирилась, — угро-финскими племенами, балтами, иранскими племенами.

В пору уже своего государственного становления Русь испытывала сильное влияние соседней Византии, которая для своего времени была одним из наиболее культурных государств мира. Таким образом, культура Руси складывалась с самого начала как синтетическая, т. е. находящаяся под влиянием различных культурных направлений, стилей, традиций.

Одновременно Русь не просто слепо копировала чужие образцы и безоглядно заимствовала их, но применяла к своим культурным традициям, к своему дошедшему из глубины веков народному опыту, пониманию окружающего мира, своему представлению о прекрасном.

Поэтому в чертах русской культуры мы постоянно сталкиваемся не только с влияниями извне, но с их порой значительной духовной переработкой, их постоянным преломлением в абсолютно русском стиле. Если влияние иноземных культурных традиций было сильнее в городах, которые сами по себе являлись центрами культуры, ее наиболее передовых для своего времени черт, то сельское население было в основном хранителем старинных культурных традиций, связанных с глубинами исторической памяти народа. В селах и деревнях жизнь текла в замедленном темпе, они были

более консервативны, труднее поддавались различным культурным новшествам.

Долгие годы русская культура — устное народное творчество, искусство, архитектура, живопись, художественное ремесло — развивалась под влиянием языческой религии, языческого мировоззрения. С принятием Русью христианства положение резко изменилось. Прежде всего новая религия претендовала на то, чтобы изменить мировоззрение людей, их восприятие всей жизни, а значит, и представления о красоте, художественном творчестве, эстетическом влиянии.

Однако христианство, оказав сильнейшее воздействие на русскую культуру, особенно в области литературы, архитектуры, искусства, развития грамотности, школьного дела, библиотек — на те области, которые были теснейшим образом связаны с жизнью Церкви, с религией, — так и не смогло преодолеть языческих истоков русской культуры. Долгие годы на Руси сохранялось двоеверие: официальная религия, которая преобладала в городах, и язычество, которое ушло в тень, но по-прежнему существовало в отдаленных частях Руси, особенно на северо-востоке, сохраняло свои позиции в сельской местности. Развитие русской культуры отразило эту двойственность в духовной жизни общества, в народном быту. Языческие духовные традиции, народные в своей основе, оказывали глубокое воздействие на все развитие русской культуры раннего Средневековья.

Под влиянием народных традиций, устоев, привычек, под влиянием народного мировосприятия новым содержанием наполнялась и сама церковная культура, религиозная идеология.

Эта открытость и синтетичность древнерусской культуры, ее мощная опора на народные истоки и народное восприятие, выработанные всей многострадальной историей восточного славянства, переплетение христианских и народно-языческих влияний привели к тому, что в мировой истории называют феноменом русской культуры. Ее характерными чертами являются стремление к монументальности, масштабности, образности в летописании; народность, цельность и простота в искусстве; изящество, глубоко гуманистическое начало в архитектуре; мягкость, жизнелюбие, доброта в живописи; постоянное биение пульса исканий, сомнений, страсти в литературе. И над всем этим господствовала большая слитность творца культурных ценностей с природой, его ощущение сопричастности всему человечеству, переживания за людей, за их боль и несчастья. Не случайно опять же одним из любимых образов русской церкви и культуры стал образ святых Бориса и Глеба, человеколюбцев, непротивленцев, пострадавших за единство страны, принявших муку ради людей. Эти особенности и характерные черты культуры Древней Руси проявились не сразу. В своих основных обликах они развивались в течение столетий. Но потом, уже вылившись в более или менее устоявшиеся формы, долго и повсеместно сохраняли свою силу. И даже тогда, когда единая Русь политически распалась, общие черты русской культуры проявлялись в культуре отдельных княжеств. Несмотря на политические трудности, на местные особенности, это все равно была единая русская культура X — начала XIII в. Монголо-татарское нашествие, последующий окончательный распад русских

земель, их подчинение соседним государствам надолго прервали это единство.

Письменность, грамотность, школы. Основой любой древней культуры является письменность. Когда она зародилась на Руси? Долгое время существовало мнение, что письмо на Русь пришло вместе с христианством, с церковными книгами и молитвами. Однако согласиться с этим трудно. Есть свидетельство о существовании славянской письменности задолго до христианизации Руси. В 1949 г. советский археолог Д. В. Авдусин во время раскопок под Смоленском нашел глиняный сосуд, относящийся к началу X в., на котором было написано «горушна» (пряность). Это означало, что уже в это время в восточнославянской среде бытовало письмо, существовал алфавит. Об этом же говорит и свидетельство византийского дипломата и славянского просветителя Кирилла. Во время пребывания в Херсонесе в 60-е гг. IX в. он познакомился с Евангелием, написанным славянскими буквами. В дальнейшем Кирилл и его брат Мефодий стали основоположниками славянской азбуки, которая, видимо, в какой-то части основывалась на принципах славянского письма, существовавшего у восточных, южных и западных славян задолго до их христианизации.

Надо вспомнить и о том, что договоры Руси с Византией, относящиеся к первой половине X в., имели «противени» — копии, также написанные на славянском языке. К этому времени относится существование толмачей (переводчиков) и писцов, которые записывали речи послов на пергамент.

Христианизация Руси дала мощный толчок дальнейшему развитию письменности, грамотности. На Русь со времени Владимира стали приезжать церковные грамотеи, переводчики из Византии, Болгарии, Сербии. Появились, особенно в период правления Ярослава Мудрого и его сыновей, многочисленные переводы греческих и болгарских книг как церковного, так и светского содержания. Переводятся, в частности, византийские исторические сочинения, жизнеописания христианских святых. Эти переводы становились достоянием грамотных людей: их с удовольствием читали в княжеской, боярской, купеческой среде, в монастырях, церквях, где зародилось русское летописание. В XI в. получают распространение такие популярные переводные сочинения, как «Александрия», содержащее легенды и предания о жизни и подвигах Александра Македонского, «Девгениево деяние», являющееся переводом византийской эпической поэмы о подвигах воина Дигениса.

Таким образом, грамотный русский человек XI в. знал многое из того, чем располагала письменность и книжная культура Восточной Европы, Византии.

Кадры первых русских грамотеев, переписчиков, переводчиков формировались в школах, которые были открыты при церквях со времени Владимира I и Ярослава Мудрого, а позднее при монастырях. Есть немало свидетельств о широком развитии грамотности на Руси в XI—XII вв. Однако она была распространена в основном в городской среде, особенно в кругу богатых горожан, княжеско-боярской верхушки, купечества, зажиточных ремесленников. В сельской местности, в дальних, глухих местах население было почти сплошь неграмотным.

С XI в. в богатых семьях стали учить грамоте не только мальчиков, но и девочек. Сестра Владимира Мономаха Янка, основательница женского монастыря в Киеве, создала в нем школу для обучения девочек.

Ярким свидетельством широкого распространения грамотности в городах и пригородах являются берестяные грамоты. В 1951 г., во время археологических раскопок в Новгороде, сотрудница экспедиции Нина Акулова извлекла из земли бересту с хорошо сохранившимися на ней буквами. «Я двадцать лет ждал этой находки!» — воскликнул руководитель экспедиции профессор А. В. Арциховский, давно предполагавший, что уровень грамотности Руси того времени должен был найти отражение в массовом письме, каким могли быть в отсутствие на Руси бумаги письмена либо на деревянных дощечках, о чем говорили иностранные свидетельства, либо на бересте. С тех пор в научный оборот введены сотни берестяных грамот, говорящих о том, что в Новгороде, Пскове, Смоленске, других городах Руси люди любили и умели писать друг другу. Среди писем — деловые документы, обмен информацией, приглашение в гости и даже любовная переписка. Некто Микита написал своей возлюбленной Ульяне на бересте: «От Микиты ко Улианици. Поиде за мене...»

Осталось и еще одно любопытное свидетельство о развитии грамотности на Руси: так называемые граффити. Их высцарапывали на стенах церковей любители излить свою душу. Среди этих надписей размышления о жизни, жалобы, молитвы.

Летописи. Летописи — это средоточие истории Древней Руси, ее идеологии, понимания ее места в мировой истории — являются одним из важнейших памятников и письменности, и литературы, и истории, и культуры в целом. За составление летописей, т. е. погодных изложений событий, брались лишь люди самые грамотные, знающие, мудрые, способные не просто изложить разные дела год за годом, но и дать им соответствующее объяснение, оставить потомству видение эпохи так, как ее понимали летописцы.

Летопись была делом государственным, делом княжеским. Поэтому поручение составить летопись давалось не просто самому грамотному и толковому человеку, но и тому, кто сумел бы провести идеи, близкие той или иной княжеской ветви, тому или иному княжескому дому. Тем самым объективность и честность летописца вступали в противоречие с тем, что мы называем «социальным заказом». Если летописец не удовлетворял вкусам своего заказчика, с ним расставались и передавали составление летописи другому, более надежному, более послушному автору. Увы, работа на потребу власти зарождалась уже на заре письменности, и не только на Руси, но и в других странах.

Летописание, по наблюдениям отечественных ученых, появилось на Руси вскоре после введения христианства. Первая летопись, возможно, была составлена в конце X в. Она была призвана отразить историю Руси со времени появления там новой династии, Рюриковичей, и до правления Владимира с его впечатляющими победами, с введением на Руси христианства. Уже с этого времени право и обязанность вести летописи были даны деятелям Церкви. Именно в церквях и монастырях обретались самые гра-

мотные, хорошо подготовленные и обученные люди — священники, монахи. Они располагали богатым книжным наследием, переводной литературой, русскими записями старинных сказаний, легенд, былин, преданий; в их распоряжении были и великокняжеские архивы. Им подручнее всего было выполнить эту ответственную и важную работу: создать письменный исторический памятник эпохи, в которой они жили и работали, связав ее с прошлыми временами, с глубокими историческими истоками.

Ученые считают, что, прежде чем появились летописи — масштабные исторические сочинения, охватывающие несколько веков русской истории, существовали отдельные записи, в том числе церковные, устные рассказы, которые поначалу и послужили основой для первых обобщающих сочинений. Это были истории о Кие и основании Киева, о походах русских войск против Византии, о путешествии княгини Ольги в Константинополь, о войнах Святослава, сказание об убийстве Бориса и Глеба, а также былины, жития святых, проповеди, предания, песни, разного рода легенды.

Позднее, уже в пору существования летописей, к ним присоединялись все новые рассказы, сказания о впечатляющих событиях на Руси вроде знаменитой распри 1097 г. и ослепления молодого князя Василька или о походе русских князей на половцев в 1111 г. Летопись включила в свой состав и воспоминания Владимира Мономаха о жизни — его «Поучение детям».

Вторая летопись была создана при Ярославе Мудром в пору, когда он объединил Русь, заложил храм Святой Софии. Эта летопись вобрала в себя предшествующую летопись, другие материалы.

Уже на первом этапе создания летописей стало очевидным, что они представляют собой коллективное творчество, являются сводом предшествующих летописных записей, документов, разного рода устных и письменных исторических свидетельств. Составитель очередного летописного свода выступал не только как автор соответствующих заново написанных частей летописи, но и как составитель и редактор. Вот это-то его умение направить идею свода в нужную сторону высоко ценилось киевскими князьями.

Очередной летописный свод был создан знаменитым Иларионом, который писал его, видимо, под именем монаха Никона, в 60—70-е гг. XI в., после смерти Ярослава Мудрого. А потом появился свод уже во времена Святополка, в 90-е гг. XI в.

Свод, за который взялся монах Киево-Печерского монастыря Нестор и который вошел в нашу историю под именем «Повесть временных лет», оказался, таким образом, по меньшей мере пятым по счету и создавался в первое десятилетие XII в. при дворе князя Святополка. И каждый свод обогащался все новыми и новыми материалами, и каждый автор вносил в него свой талант, свои знания, эрудицию. Свод Нестора был в этом смысле вершиной раннего русского летописания.

В первых строках своей летописи Нестор поставил вопросы: «откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве начал первым княжить и откуда Русская земля стала есть»? Таким образом, уже в этих первых словах летописи говорится о тех масштабных целях, которые поставил перед собой автор.

И действительно, летопись не стала обычной хроникой, каких немало было в ту пору в мире, — сухих, бесстрастно фиксирующих факты, — но взволнованным рассказом тогдашнего историка, вносящего в повествование философско-религиозные обобщения, свою образную систему, темперамент, свой стиль. Происхождение Руси, как мы об этом уже говорили, Нестор рисует на фоне развития всей мировой истории. Русь — это один из европейских народов.

Используя предшествующие своды, документальные материалы, в том числе, например, договоры Руси с Византией, летописец развертывает широкую панораму исторических событий, которые охватывают как внутреннюю историю Руси — становление общерусской государственности с центром в Киеве, так и международные отношения Руси. Целая галерея исторических деятелей проходит на страницах Несторовой летописи — князья, бояре, посадники, тысяцкие, купцы, церковные деятели. Он рассказывает о военных походах, об организации монастырей, закладке новых храмов и об открытии школ, о религиозных спорах и реформах внутрирусской жизни. Постоянно касается Нестор и жизни народа в целом, его настроений, выражений недовольства княжеской политикой. На страницах летописи мы читаем о восстаниях, убийствах князей и бояр, жестоких общественных схватках. Все это автор описывает вдумчиво и спокойно, старается быть объективным, насколько вообще может быть объективным глубоко религиозный человек, руководствующийся в своих оценках понятиями христианской добродетели и греха. Но, прямо скажем, его религиозные оценки весьма близки к общечеловеческим оценкам. Убийство, предательство, обман, клятвопреступление Нестор осуждает бескомпромиссно, но превозносит честность, смелость, верность, благородство, другие прекрасные человеческие качества. Вся летопись была проникнута чувством единства Руси, патриотическим настроением. Все основные события в ней оценивались не только с точки зрения религиозных понятий, но и с позиций общерусских государственных идеалов. Этот мотив звучал особенно значительно в преддверии начавшегося политического распада Руси.

В 1116—1118 гг. летопись снова была переписана. Княживший тогда в Киеве Владимир Мономах и его сын Мстислав были недовольны тем, как Нестор показал роль в русской истории Святополка, по заказу которого в Киево-Печерском монастыре и писалась «Повесть временных лет». Мономах отнял летописание у печерских монахов и передал его в свой родовой Выдубицкий монастырь. Его игумен Сильвестр и стал автором нового свода. Положительные оценки Святополка были поумерены, а подчеркнуты все деяния Владимира Мономаха, но основной корпус «Повести временных лет» остался неизменным. И в дальнейшем Несторов труд входил непременной составной частью как в киевское летописание, так и в летописи отдельных русских княжеств, являясь одной из связующих нитей для всей русской культуры.

В дальнейшем, по мере политического распада Руси и возвышения отдельных русских центров, летописание стало дробиться. Кроме Киева и Новгорода появились свои летописные своды в Смоленске, Пскове, Владимире-на-Клязьме, Галиче, Владимире-Волынском, Рязани, Чернигове,

Переяславле-Русском. В каждом из них отражались особенности истории своего края, на первый план выносились собственные князья. Так, Владимир-Суздальские летописи показывали историю правления Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского, Всеволода Большое Гнездо; Галицкая летопись начала XIII в. стала, по существу, биографией знаменитого князя-воина Даниила Галицкого; о черниговской ветви Рюриковичей повествовала в основном Черниговская летопись. И все же и в местном летописании четко просматривались общерусские культурные истоки. История каждой земли сопоставлялась со всей русской историей, «Повесть временных лет» являлась неслучайно частью многих местных летописных сводов. Некоторые из них продолжали традицию русского летописания XI в.

Литература. Общий подъем Руси в XI в., создание центров письменности, грамотности, появление целой плеяды образованных людей своего времени в княжеско-боярской, церковно-монастырской среде определили развитие древнерусской литературы. Эта литература развивалась, складывалась вместе с развитием летописания, ростом общей образованности общества. У людей появилась потребность донести до читателей свои взгляды на жизнь, размышления о смысле власти и общества, роли религии, поделиться своим жизненным опытом.

Литература вызывалась к жизни также потребностями времени: нуждами церкви, заказами княжеской верхушки. На этом общем благоприятном культурном фоне появлялись оригинально и независимо мыслящие писатели, публицисты, поэты.

Нам неведомы имена авторов сказаний о походах Олега, о крещении Ольги или войнах Святослава. Первым известным автором литературного произведения на Руси стал священник княжеской церкви в Берестово, впоследствии митрополит Иларион. В начале 40-х гг. XI в. он создал свое знаменитое «Слово о законе и благодати», в котором в яркой публицистической форме изложил свое понимание места Руси в мировой истории. О нем уже шла речь.

Во второй половине XI в. появляются и другие яркие литературно-публицистические произведения: «Память и похвала Владимиру» монаха Иакова, в котором идеи Илариона получают дальнейшее развитие и применяются к исторической фигуре Владимира I. В это же время создаются «Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси», «Сказание о Борисе и Глебе», святых покровителях и защитниках Русской земли.

В последней четверти XI в. начинает работать над своими сочинениями монах Нестор. Летопись была его завершающей фундаментальной работой. До этого он создал знаменитое «Чтение о житии Бориса и Глеба». В нем, как и в «Слове» Илариона, как позднее в «Повести временных лет», звучат идеи единства Руси, воздается должное ее защитникам и радателям. Уже в ту пору русских авторов беспокоит эта нарастающая политическая вражда в русских землях, в которой они угадывают предвестие будущей политической катастрофы.

Литература XII в. продолжает традиции русских сочинений XI в. Создаются новые церковные и светские произведения, отмеченные яркой формой, богатством мыслей, широкими обобщениями; возникают новые жанры литературы.

На склоне лет Владимир Мономах пишет свое знаменитое «Поучение детям», ставшее одним из любимых чтений русских людей раннего Средневековья.

В начале XII в. один из сподвижников Мономаха, игумен Даниил, создает свое, не менее знаменитое, «Хождение игумена Даниила в святые места».

Богомольный русский человек отправился ко гробу Господню и проделал длинный и трудный путь — до Константинополя, потом через острова Эгейского моря на остров Крит, оттуда в Палестину и до Иерусалима, где в это время было основано первое государство крестоносцев во главе с королем Болдуином. Даниил подробно описал весь свой путь, рассказал о пребывании при дворе иерусалимского короля, о походе с ним против арабов. Даниил молился у гроба Господня, поставил там лампаду от всей Русской земли: около гроба Христа он отпел пятьдесят литургий «за князей русских и за всех христиан».

И «Поучение», и «Хождение» были первыми в своем роде жанрами русской литературы.

XII — начало XIII в. дали немало и других ярких религиозных и светских сочинений, которые пополнили сокровищницу русской культуры. Среди них «Слово» и «Моление» Даниила Заточника, который, побывав в заточении, испытал ряд других житейских драм, размышляет о смысле жизни, о гармоничном человеке, об идеальном правителе.

Человек, по мысли автора, должен укреплять сердце красотой и мудростью, помогать ближнему в печали, оказывать милость нуждающимся, противостоять злу. Гуманистическая линия древней русской литературы и здесь прочно утверждает себя.

Автор середины XII в. киевский митрополит Климентий Смолятич в своем «Послании» священнику Фоме, ссылаясь на греческих философов Аристотеля, Платона, на творчество Гомера, также воссоздает образ высоко нравственного человека, чуждого властолюбию, сребролюбию и тщеславию.

В своей «Притче о человеческой душе» (конец XII в.) епископ города Турова Кирилл, опираясь на христианское миропонимание, дает свое толкование смысла человеческого бытия, рассуждает о необходимости постоянной связи души и тела. В то же время он ставит в своей «Притче» вполне злободневные для русской действительности вопросы, размышляет о взаимоотношении церковной и светской власти, защищает национально-патриотическую идею единства Русской земли, которая была особенно важна в то время, как владимиристо-суздальские князья начали осуществлять централизаторскую политику накануне монголо-татарского нашествия.

Одновременно с этими сочинениями, где религиозные и светские мотивы постоянно переплетались, переписчики в монастырях, церквях, в княжеских и боярских домах усердно переписывали церковные служеб-

ные книги, молитвы, сборники церковных преданий, жизнеописания святых, древнюю богословскую литературу. Все это богатство религиозной, богословской мысли также составляло неотъемлемую часть общей русской культуры.

Но, конечно, наиболее ярко синтез русской культуры, переплетение в ней языческих и христианских черт, религиозных и светских, общечеловеческих и национальных мотивов прозвучали в «Слове о полку Игореве». Это поэма эпохи. Это ее поэтическое образное выражение. Это не только взволнованный призыв к единству Русской земли, не только горделивый рассказ о мужестве «русичей» и не только плач по погибшим, но и размышления о месте Руси в мировой истории, о связи Руси с окружающими народами. Века «Траяна» и Херсонеса, венецианцы, немцы, греки — все они связаны с судьбой Русской земли, где славен лишь тот, кто выражает ее подлинные интересы.

А ведь эти произведения XII в., звучавшие на всю Русь, были созданы в период самой большой политической раздробленности страны.

Архитектура. Недаром говорят, что архитектура — это душа народа, воплощенная в камне. К Руси это относится лишь с некоторой поправкой. Русь долгие годы была страной деревянной, и ее архитектура, языческие молельни, крепости, терема, избы строились из дерева. Прежде всего в дереве русский человек, как и народы, жившие рядом с восточными славянами, выражал свое восприятие строительной красоты, чувство пропорций, слияние архитектурных сооружений с окружающей природой. Если деревянная архитектура восходит в основном к Руси языческой, то архитектура каменная связана с Русью уже христианской. Подобного перехода не знала Западная Европа, издавle строившая и храмы, и жилища из камня. К сожалению, древние деревянные постройки не сохранились до наших дней, но архитектурный стиль народа дошел до нас в позднейших деревянных сооружениях, в древних описаниях и рисунках. Для русской деревянной архитектуры были характерны многоярусность строений, увенчивание их башенками и теремами, наличие разного рода пристроек — клетей, переходов, сеней. Затейливая художественная резьба по дереву была традиционным украшением русских деревянных строений. Эта традиция живет в народе и до настоящей поры.

Мир Византии, мир христианства, стран Кавказа привнес на Русь новый строительный опыт и традиции: Русь восприняла сооружение своих церквей по образу крестово-купольного храма греков: квадрат, расчлененный четырьмя столбами, составляет его основу; примыкающие к подкупольному пространству прямоугольные ячейки образуют архитектурный крест. Но этот образец греческие мастера, прибывавшие на Русь начиная со времени Владимира, а также работающие с ними русские умельцы применяли к традициям русской деревянной архитектуры, привычной для русского глаза и милой сердцу. Если первые русские храмы, в том числе Десятинная церковь, в конце X в. были выстроены греческими мастерами в строгом соответствии с византийскими традициями, то Софийский собор в Киеве отразил сочетание славянских и византийских традиций: на основу крестово-купольного храма были поставлены тринадцать веселых

глав нового храма. Эта ступенчатая пирамида Софийского собора воскресила стиль русского деревянного зодчества.

Софийский собор, созданный в пору утверждения и возвышения Руси при Ярославе Мудром, показал, что строительство — это тоже политика. Этим храмом Русь бросила вызов Византии, ее признанной святыне — константинопольскому Софийскому собору. В XI в. выросли Софийские соборы в других крупных центрах Руси — Новгороде, Полоцке, и каждый из них претендовал на свой, независимый от Киева престиж, как и Чернигов, где был сооружен монументальный Спасо-Преображенский собор. По всей Руси были построены монументальные многокупольные храмы с толстыми стенами, маленькими оконцами, свидетельства мощи и красоты.

В XII в. традиции древнерусской архитектуры не утрачивают свою связь. По образному выражению одного искусствоведа, по всей Руси «прощали русские однокупольные храмы-богатыри, сменившие прежние пирамиды». Купол возносился вверх на мощном, массивном квадрате. Такими стали Дмитриевский собор во Владимире-на-Клязьме, собор Святого Георгия в Юрьеве-Польском.

Большого расцвета архитектура достигла во Владимире-на-Клязьме в годы правления Андрея Боголюбского. С его именем связано строительство Успенского собора во Владимире, красиво расположенного на крутом берегу Клязьмы, белокаменного дворца в селе Боголюбове, Золотых ворот во Владимире — мощного белокаменного куба, увенчанного златоглавой церковью. При нем же было создано чудо русской архитектуры — храм Покрова на Нерли. Князь построил эту церковь неподалеку от своих палат после кончины любимого сына Изяслава. Эта небольшая однокупольная церковь стала поэмой из камня, в которой гармонично сочетаются скромная красота природы, тихая грусть, просветленная созерцательность архитектурных линий.

Брат Андрея Всеволод III продолжил эту строительную деятельность. Его мастера оставили потомству замечательный Дмитриевский собор во Владимире — величественный и скромный.

Одновременно строились храмы в Новгороде и Смоленске, Чернигове и Галиче, закладывались новые крепости, сооружались каменные дворцы, палаты богатых людей. Характерной чертой русской архитектуры тех десятилетий стала украшающая сооружения резьба по камню. Удивительное это искусство мы видим на стенах соборов во Владимиро-Суздальской Руси, Новгороде, других русских городах.

Другой чертой, роднящей всю русскую архитектуру той поры, стало органическое сочетание архитектурных сооружений с природным ландшафтом. Посмотрите, как поставлены и доныне стоят русские церкви, и вы поймете, о чем идет речь.

Искусство. Древнерусское искусство — живопись, скульптура, музыка — с принятием христианства также пережило ощутимые перемены. Языческая Русь знала все эти виды искусства, но в чисто языческом, народном выражении. Древние резчики по дереву и камню создавали деревянные и каменные скульптуры языческих богов, духов. Живописцы рисовывали стены языческих капищ, делали эскизы магических масок, ко-

торые затем изготовлялись ремесленниками; музыканты, играя на струнных и духовых деревянных инструментах, увеселяли племенных вождей, развлекали простой народ.

Христианская церковь внесла в эти виды искусства совершенно иное содержание. Церковное искусство подчинено высшей цели — воспеть Бога, подвиги апостолов, святых, деятелей Церкви. Если в языческом искусстве «плоть» торжествовала над «духом» и утверждалось все земное, олицетворяющее природу, то церковное искусство воспевало победу «духа» над «плотью», утверждало высокие подвиги человеческой души ради нравственных принципов христианства. В византийском искусстве, считавшемся в те времена самым совершенным в мире, это нашло выражение в том, что там и живопись, и музыка, и искусство ваяния создавались в основном по церковным канонам, где отсекалось все, что противоречило высшим христианским принципам. Аскетизм и строгость в живописи (иконопись, мозаика, фреска), возвышенность, «божественность» греческих церковных молитв и песнопений, сам храм, становящийся местом молитвенного общения людей, — все это было свойственно византийскому искусству. Если та или иная религиозная, богословская тема была в христианстве раз и навсегда строго установлена, то и ее выражение в искусстве, по мнению византийцев, должно было выражать эту идею лишь раз и навсегда установленным образом; художник становился лишь послушным исполнителем канонов, которые диктовала церковь.

И вот перенесенное на русскую почву каноническое по содержанию, блестящее по своему исполнению искусство Византии столкнулось с языческим мировосприятием восточных славян, с их радостным культом природы — солнца, весны, света, с их вполне земными представлениями о добре и зле, о грехах и добродетелях. С первых же лет византийское церковное искусство на Руси испытало на себе всю мощь русской народной культуры и народных эстетических представлений.

Уже в XI в. строгая аскетическая манера византийской иконописи превращалась под кистью русских художников в портреты, близкие к натуре, хотя русские иконы и несли в себе все черты условного иконописного лика. В это время прославился печерский монах-живописец Алимпий, про которого современники говорили, что он «иконы писать хитр бе [был] зело». Про Алимпия рассказывали, что иконописание было главным средством его существования. Но заработанное он тратил весьма своеобразно: на одну часть покупал все, что было необходимо для его ремесла, другую отдавал беднякам, а третью жертвовал в Печерский монастырь.

Наряду с иконописью развивались фресковая живопись, мозаика. Фрески Софийского собора в Киеве показывают манеру письма здешних греческих и русских мастеров, их приверженность человеческому теплу, цельности и простоте. На стенах собора мы видим и изображения святых, и семью Ярослава Мудрого, и изображения русских скоморохов и животных. Прекрасная иконописная, фресковая, мозаичная живопись наполняла и другие храмы Киева. Известны своей большой художественной силой мозаики Михайловского Златоверхого монастыря с их изображением апо-

столов, святых, которые потеряли свою византийскую суровость; лики их стали более мягкими, округлыми.

Позднее складывалась новгородская школа живописи. Ее характерными чертами стали ясность идеи, реальность изображения, доступность. От XII в. до нас дошли замечательные творения новгородских живописцев: икона «Ангел Златые власы», где при всей византийской условности облика ангела чувствуется трепетная и красивая человеческая душа. Или икона «Спас Нерукотворный» (также XII в.), на которой Христос со своим выразительным изломом бровей предстает грозным, все понимающим судьей человеческого рода. В иконе «Успение Богородицы» в лицах апостолов запечатлена вся скорбь утраты. И таких шедевров Новгородская земля дала немало. Достаточно вспомнить, например, знаменитые фрески церкви Спаса на Нередице близ Новгорода (конец XII в.).

Широкое распространение иконописной, фресковой живописи было характерно и для Чернигова, Ростова, Суздаля, позднее Владимира-на-Клязьме, где замечательные фрески, изображающие Страшный суд, украшали Дмитриевский собор.

В начале XIII в. прославилась ярославская школа иконописи. В монастырях и церквях Ярославля было написано немало превосходных иконописных произведений. Особенно известна среди них так называемая «Ярославская Оранта», изображавшая Богородицу. Ее прообразом стало мозаичное изображение Богородицы в Софийском соборе в Киеве работы греческих мастеров, запечатлевших суровую властную женщину, простирающую руки над человечеством. Ярославские же искусники сделали облик Богородицы теплее, человечнее. Это прежде всего мать-заступница, несущая людям помощь и сострадание. Византийцы видели Богородицу по-своему, русские живописцы — по-своему.

На протяжении долгих веков на Руси развивалось, совершенствовалось искусство резьбы по дереву, позднее — по камню. Деревянные резные украшения вообще стали характерной чертой жилищ горожан и крестьян, деревянных храмов.

Белокаменная резьба Владимиро-Суздальской Руси, особенно времени Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо, в украшениях дворцов, соборов стала примечательной чертой древнерусского искусства вообще.

Прекрасной резьбой славилась утварь и посуда. В искусстве резчиков с наибольшей полнотой проявлялись русские народные традиции, представления русичей о прекрасном изящном.

Это касалось не только резьбы по дереву и камню, но и многих видов художественных ремесел. Изящные украшения, подлинные шедевры создавали древнерусские ювелиры — золотых и серебряных дел мастера. Они делали браслеты, серьги, подвески, пряжки, диадемы, медальоны, отделывали золотом, серебром, эмалью, драгоценными камнями утварь, посуду, оружие. С особенными старанием и любовью мастера-искусники украшали оклады икон, а также книги. Примером может служить искусно отделанный кожей, ювелирными украшениями оклад Остромирова Евангелия, созданного по заказу посадника Остромира во времена Ярослава Мудрого.

До сих пор вызывают восхищение сделанные киевским ремесленником серьги (XI—XII вв.): кольца с полукруглыми щитами, к которым припаяны по шесть серебряных конусов с шариками и 500 колечками диаметром 0,06 см из проволоки диаметром 0,02 см. На колечках закреплены крошечные зернышки серебра диаметром 0,04 см. Как делали это люди, не располагая увеличительными приборами, представить себе трудно.

Составной частью искусства Руси являлось музыкальное, певческое искусство. В «Слове о полку Игореве» упоминается легендарный сказитель-певец Боян, который «напускал» свои пальцы на живые струны, и они «сами князьям славу рокотали». На фресках Софийского собора мы видим изображение музыкантов, играющих на деревянных духовых и струнных инструментах — лютне и гусях. Из летописных сообщений известен талантливый певец Митус (в Галиче). В некоторых церковных сочинениях, направленных против славянского языческого искусства, упоминаются уличные скоморохи, певцы, танцоры; существовал и народный кукольный театр. Известно, что при дворе князя Владимира, при дворах других видных русских властелинов во время пиров присутствующих развлекали певцы, сказители, исполнители на струнных инструментах.

И конечно, важным элементом всей древнерусской культуры являлся фольклор — песни, сказания, былины, пословицы, поговорки, афоризмы. В свадебных, застольных, похоронных песнях отражались многие черты жизни людей того времени. Так, в древних свадебных песнях говорилось и о том времени, когда невест похищали, «умыкали» (конечно, с их согласия), в более поздних — когда их выкупали, а в песнях уже христианского времени шла речь о согласии и невесты, и родителей на брак.

Целый мир русской жизни открывается в былинах. Их основной герой — это богатырь, защитник народа. Богатыри обладали огромной физической силой. Так, о любимом русском богатыре Илье Муромце говорилось: «Куда ни махнет, тут и улицы лежат, куда отвернет — с переулками». Одновременно это был очень миролюбивый герой, который брался за оружие лишь в случае крайней необходимости. Как правило, носителем такой неумейной силы является выходец из народа, крестьянский сын. Народные богатыри обладали также огромной чародейской силой, мудростью, хитростью. Так, богатырь Волхв Всеславич мог обернуться Сизым Соколом, Серым Волком, мог стать и Туром Золотые Рога. Народная память сохранила образы богатырей, которые вышли не только из крестьянской среды: боярский сын Добрыня Никитич, представитель духовенства хитрый и изворотливый Алеша Попович. Каждый из них обладал своим характером, своими особенностями, но все они были выразителями народных чаяний, дум, надежд. И главной из них была защита от лютых врагов.

В былинных обобщенных образах врагов угадываются и реальные внешнеполитические противники Руси, борьба с которыми глубоко вошла в сознание народа. Под именем Тугарина просматривается обобщенный образ половцев с их ханом Тугорканом, борьба с которым заняла целый период в истории Руси последней четверти XI в. Под именем «Жидовина» выводится Хазария, государственной религией которой было иудейство. Русские былинные богатыри верно служили былинному же князю Влади-

миру. Его просьбы о защите Отечества они выполняли, к ним он обращался в решающие часы. Непростыми были отношения богатырей и князя. Были здесь и обиды, и непонимание. Но все они, и князь и герои, в конце концов решали одно общее дело — дело народа. Ученые показали, что под именем князя Владимира не обязательно имеется в виду Владимир I. В этом образе слился обобщенный образ и Владимира Святославича — воителя против печенегов, и Владимира Мономаха — защитника Руси от половцев, и облик других князей — смелых, мудрых, хитрых. А в более древних былинах отразились легендарные времена борьбы восточных славян с киммерийцами, сарматами, скифами, со всеми теми, кого Степь столь щедро посылала на завоевание восточно-славянских земель. Это были старые богатыри совсем древних времен, и былины, повествующие о них, сродни эпосу Гомера, древнему эпосу других европейских и индоевропейских народов.

Быт народа. Культура народа неразрывно связана с его бытом, повседневной жизнью, как и быт народа, определяемый уровнем развития хозяйства страны, тесно связан с культурными процессами. Народ Древней Руси жил как в больших для своего времени городах, насчитывающих десятки тысяч человек, так и в селах в несколько десятков дворов и деревнях, особенно на северо-востоке страны, в которых группировалось по два-три двора.

Все свидетельства современников говорят о том, что Киев был большим и богатым городом. По своим масштабам, множеству каменных зданий — храмов, дворцов — он соперничал с другими тогдашними европейскими столицами. Недаром дочь Ярослава Мудрого Анна Ярославна, вышедшая замуж во Францию и приехавшая в Париж в XI в., была удивлена провинциальностью французской столицы по сравнению с блистающим на пути из «варяг в греки» Киевом. Здесь сияли своими куполами златоверхие храмы, поражали изяществом дворцы Владимира, Ярослава Мудрого, Всеволода Ярославича, удивляли монументальностью, замечательными фресками Софийский собор, Золотые ворота — символ побед русского оружия. А неподалеку от княжеского дворца стояли бронзовые кони, вывезенные Владимиром из Херсонеса; в старом городе находились дворцы видных бояр, здесь же на горе располагались и дома богатых купцов, других видных горожан, духовенства. Дома украшались коврами, дорогими греческими тканями. С крепостных стен города можно было видеть в зеленых кущах белокаменные церкви Печерского, Выдубицкого и других киевских монастырей.

Во дворцах, богатых боярских хоромах шла своя жизнь — здесь располагались дружинники, слуги, толпилась бесчисленная челядь. Отсюда шло управление княжествами, городами, селами, здесь судили и рядили, сюда свозились дани и подати. На сенях, в просторных гридницах нередко проходили пиры, где рекой текли заморское вино и свой родной «мед», слуги разносили огромные блюда с мясом и дичью. Женщины сидели за столом наравне с мужчинами. Женщины вообще принимали активное участие в управлении, хозяйстве, других делах (княгиня Ольга, сестра Владимира Мономаха Янка, мать Даниила Галицкого, жена Андрея Боголюбского и др.). Гусляры услаждали слух именитых гостей, пели им «славу»; большие

чаши, рога с вином ходили по кругу. Одновременно происходила раздача пищи, мелких денег от имени хозяина неимущим. На всю Русь славилась такие пиры и такие раздачи во времена Владимира I.

Любимой забавой богатых людей была соколиная, ястребиная, псовая охота. Для простого люда устраивались скачки, турниры, различные игрища.

В княжеско-боярской среде в три года мальчика сажали на коня, затем отдавали его на попечение и выучку пестуну (от «пестовать» — воспитывать). В 12 лет молодых князей вместе с видными боярами-советниками отправляли на управление волостями и городами.

Неотъемлемой частью древнерусского быта, особенно на Севере, впрочем, как и в поздние времена, являлась баня.

Внизу, на берегах Днепра шумел веселый киевский торг, где, кажется, продавались изделия и продукты не только со всей Руси, но и со всего тогдашнего света, включая Индию и Багдад.

По склонам гор к Подолу спускались разнообразные — от хороших деревянных домов до убогих землянок — жилища ремесленников, работных людей. У причалов Днепра и Почайны теснились сотни больших и малых судов. Были здесь и огромные княжеские многовесельные и многопарусные ладьи, и купеческие усадистые насады, и бойкие, юркие лодочки.

По улицам города сновала пестрая разноязыкая толпа. Проходили здесь бояре и дружинники в дорогих шелковых одеждах, в украшенных мехом и золотом плащах, в епанчах, в красивых кожаных сапогах. Пряжки их плащей были сделаны из золота и серебра. Появлялись и купцы в добротных льняных рубашках и шерстяных кафтанах, сновали и люди победнее, в холщовых домотканых рубахах и портах. Богатые женщины украшали себя золотыми и серебряными цепями, ожерельями из бисера, который очень любили на Руси, серьгами, другими ювелирными изделиями из золота и серебра, отделанными эмалью, чернью. Но были украшения и попроще, подешевле, сделанные из недорогих поделочных камней, простого металла — меди, бронзы. Их с удовольствием носили небогатые люди. Известно, что женщины уже тогда носили традиционную русскую одежду — сарафаны; голову покрывали убрусами (платками).

Похожие храмы, дворцы, такие же деревянные дома и такие же полуземлянки на окраинах стояли и в других русских городах, так же шумели торги, а в праздники нарядные жители заполняли узкие улицы.

Своя жизнь, полная трудов, тревог, текла в скромных русских селах и деревнях, в рубленых избах, в полуземлянках с печками-каменками в углу. Там люди упорно боролись за существование, распахивали новые земли, разводили скот, бортничали, охотились, оборонялись от «лихих» людей, а на юге — от кочевников, вновь и вновь отстраивали сожженные врагами жилища. Причем нередко пахари выходили в поле вооруженные рогатинами, дубинами, луком и стрелами, чтобы отбиться от половецкого дозора. Долгими зимними вечерами при свете лучин женщины пряли, мужчины пили хмельные напитки, мед, вспоминали минувшие дни, слагали и пели песни, слушали сказителей и сказительниц былин.

ГЛАВА 9. НАЧАЛО МОНГОЛО-ТАТАРСКОГО ВТОРЖЕНИЯ НА РУСЬ

§ 1. Рождение монгольской державы

В начале XIII в. на Русь стали доходить смутные слухи о появлении где-то на Востоке новой мощной державы степных кочевников. Эти сведения доносили купцы из Индии и Средней Азии, путешественники. А вскоре новая грозная опасность встала уже у русских границ. Это были монголо-татары.

О зарождении и развитии монгольского государства надо сказать особо, потому что на долгие годы его история трагически сплелась с судьбой русских земель, стала неотделимой частью российской истории.

Во второй половине XII — начале XIII в. на огромных пространствах от Великой Китайской стены до озера Байкал жили многочисленные монгольские племена. Собственно монголы были одним из этих племен. Именно это племя дало потом обобщенное имя всему монгольскому государству. Татары были другим здешним племенем, кочевавшим в районе озера Буир-Нур. Они враждовали с монголами, но позднее объединились под их началом. Но случилось так, что во внешнем мире и особенно на Руси именно это название — «татары» закрепилось за народами нового государства.

Во второй половине XII в. среди монгольских племен, с учетом кочевой специфики, происходили примерно те же социальные процессы, что и в Западной Европе в V—VII вв., у восточных славян — в VIII—IX вв. Шло разложение первобытнообщинных отношений, появлялась частная собственность; хозяйственной основой монгольского общества стал уже не род, а отдельная семья. Это изменило весь уклад жизни монголов. Одно лишь большое различие имелось в жизни монгольского общества и народов Западной и Восточной Европы, проходивших тот же путь на несколько веков ранее. Основная часть монгольских племен, в первую очередь те, кто жили на юге, в степных районах, были кочевниками-скотоводами. Основой их хозяйства были несметные табуны коней, стада рогатого скота, овец. Северные племена, жившие в лесостепной и лесной полосе, в основном занимались охотой, звероловством, рыбной ловлей. На огромных пространствах монгольских земель не было равномерного развития отдельных племен. Южные племена были наиболее развиты в хозяйственном отношении, наиболее богаты. Кочевое скотоводство, превосходные пастбища давали здесь возможность отдельным семьям выделяться в хозяйственном отношении. В первую очередь такую возможность получали племенные вожди-ханы, племенные старейшины-нойоны. Появились семьи, в руках которых сосредоточивались тысячи голов скота, которые либо путем насилия, либо путем купли, заклада захватывали себе лучшие, наиболее удобные пастбища. Так формировалась племенная знать, племенная верхушка во главе с ханом. Основная часть скотоводов-аратов все чаще попадала в зависимость от богатой верхушки монгольского общества.

Раньше монголы кочевали общинами — «курениями», или «кольцами», которые насчитывали до тысячи кибиток. В центре такого кочевья находилась кибитка вождя. Теперь стали появляться кочевья семьями-аилами, хотя в период военных противоборств старая куренная система организации войска еще сохранялась. Ханы, нойоны получили возможность за счет накопленных богатств нанимать к себе на службу дружинников-нукеров. У ханов-вождей появилась собственная гвардия из нукеров, которые помогали осуществлять контроль над собственным племенем, являлись ударной силой племени во время войн. И в этом смысле монгольское общество напоминало европейцев.

С самого начала развитие государственности у монголов, т. е. появление власти ханов, знати, нукерской гвардии, носило военизированный характер. Это не зависело от психологии народа, а объяснялось закономерностями складывания хозяйства, развития монгольского общества.

С раннего детства вся жизнь монголов была связана с лошадью. Один из путешественников, побывавший в их среде, писал: «Татары рождаются и вырастают в седле и на лошади; они сами собой приучаются сражаться, потому что вся их жизнь круглый год проходит на охоте». Лошадь была не только средством передвижения скотоводов, но и верным другом на охоте и войне, она давала мясо и молоко. Монголы вырастали крепкими, ловкими, смелыми. Начало социального расслоения общества, появление всемогущих и богатых ханов, нойонов, складывание нукерских дружин в полной мере использовали бытовые особенности жизни монголов — их военную сноровку, неприхотливость, способность к быстрым и стремительным передвижениям в седле, их кибиточный транспорт, способный покрывать огромные расстояния.

Во второй половине XII в. между монгольскими племенами, как и в раннее время среди германских племен, восточных славян, началась межплеменная борьба за первенство. Создавались союзы племен, племенные конфедерации. Лидерами здесь стали степные, более развитые, лучше снаряженные и вооруженные племена. Те, кто побеждал, подчиняли своих противников, часть из них обращали в рабство, других заставляли служить своим военным интересам. Дух дружинного предпринимательства в эту пору перехода от первобытнообщинного строя к государству захватил монгольское общество. Точно так же как рождение государства Русь сопровождалось кровопролитными войнами между племенами и союзами племен, возвышением вождей, их отчаянными схватками между собой — такие же процессы протекали в монгольской среде второй половины XII — начала XIII в.

В конце 50-х — начале 60-х гг. XII в. одному из монгольских вождей, богатуру (герою) Есугэю из племени тайджиут, удалось объединить под своей властью большинство монгольских племен. В ту пору в его семье в 1155 г. родился старший сын Тэмучэн (Тэмуджин, Темучин), будущий Чингисхан. Однако Есугэй не долго был наверху. Враждовавшие с ним татары сумели отравить его. После этого улус Есугэя распался. Его дети были малолетними, не нашлось крепкой руки, чтобы поддержать его непрочную власть. Нукеры Есугэя разошлись к другим вождям.

Долгое время вдова Есугэя с детьми бедствовала, скиталась по монгольским степям, но потом подростку Тэмучэну удалось собрать новую дружину и приступить к воссозданию отцовских завоеваний. К 1190 г., когда ему не было и 30 лет, Тэмучэну в отчаянной борьбе с другими ханами удалось подчинить своему влиянию основную часть монгольских племен и занять трон хана — «Хамаг монгол улуса», т. е. хана всех монголов. В эти годы он показал себя исключительно отважным воином, смелым до безрассудства. Современники рассказывают, как, будучи еще совсем молодым человеком, он бежал из плена с тяжелой деревянной колодкой на шее, а затем, скрываясь от врагов, просидел долгое время под водой, ухитрившись дышать ртом, чуть выступавшим над водной гладью.

Уже в то время Тэмучэн отличался беспощадностью и коварством в борьбе с врагами, умением сглаживать их между собой, лавировать, отступать, когда этого требовали обстоятельства. Известно, что он участвовал в убийстве одного из своих братьев, заподозрив его в политической интриге против себя.

Подчинив себе большую часть монголов, Тэмучэн провел ряд реформ: ввел десятичную систему организации общества и армии — все взрослое население делилось на «тмы» (10 тысяч), тысячи, сотни и десятки. Причем десяток, как правило, совпадал с айлой, т. е. семьей. Во главе этих отрядов, которые действовали и в мирное, и в военное время, стояли командиры, строго подчинявшиеся друг другу по служебной лестнице. Тэмучэн создал личную гвардию, которую разделил на «ночную» и «дневную», окружил себя прочной охраной, ввел управление своим личным имуществом, дал большие привилегии своим нойонам и нукерам, освободив их от всяких налогов. Одновременно он продолжал подчинять себе монгольские племена, не вошедшие в его государство. Одним из последних было подчинено племя татар, убившее его отца.

На курултае (общем съезде монгольских вождей) в 1204—1205 гг. Тэмучэн был провозглашен великим каганом и получил титул Чингисхана — «великого хана». Тем самым ему удалось объединить монголов в единое централизованное государство. Таким образом, в ту пору, когда Русь раздиралась политическими усобицами, за тысячи километров от нее ковалась новая могучая централизованная империя с сильной подвижной армией, с талантливым, решительным, беспощадным властелином.

§ 2. Завоевания монголов

Государственно-военная машина монголов заработала на полные обороты в 1211 г., когда Чингисхан обрушился на Северный Китай. В течение нескольких лет монголы завоевали Северный Китай и в 1213 г. захватили его столицу Пекин.

Завоевание Северного Китая имело большое значение для развития самого монгольского государства. Как сказал впоследствии один из китайских советников Чингисхана, «хотя мы империю получили, сидя на коне, но управлять ею, сидя на коне, невозможно». Захват Китая Чингисхан использовал для того, чтобы поставить на службу монгольскому государству огромный научный, культурный потенциал империи. Оказалось, что для

монголов Китай с его древней цивилизацией сыграл во многом такую же роль, как Римская империя для западных «варварских» племен и «варварских» государств, образовавшихся на ее развалинах, как Византия для Руси, Болгарии, других близлежащих стран. Чингисхан ввел в своем государстве уйгурскую письменность, использовал в управлении опыт китайских чиновников, привлек к себе на службу ученых, военных специалистов. Известно, что монгольская армия была сильна не только своей могучей и быстрой конницей, где всадники были вооружены луками со стрелами, саблями, копьями, арканами, но и китайскими осадными стенобитными и камнеметными машинами, метательными снарядами с горючей смесью, в состав которой входила нефть.

Чингисхан располагал превосходной разведкой. Прежде чем отправиться в военный поход, монголы через купцов, путешественников, через своих тайных агентов тщательно собирали сведения о своих будущих противниках, о состоянии политического положения в их землях, об их союзниках и врагах, оборонительных сооружениях. Нередко роль разведчиков играли монгольские посольства, засылаемые в ту или иную страну перед ее завоеванием. В короткий срок Чингисхан создал большую армию, вооруженную и оснащенную с помощью китайских специалистов по последнему слову тогдашней техники. В армии была строгая дисциплина. За бегство с поля боя смертью наказывался весь десяток, вся айла (семья), в которой служил этот воин. Угнетающее воздействие на врагов оказывали жестокие расправы монголов с противниками. Непокорные города они уничтожали — жгли, разрушали, а жителей либо уводили в плен (ремесленников, женщин, детей), либо, если это было мужское население, способное к сопротивлению, убивали.

После похода на Китай монголы повернули на запад острие своей мощной, хорошо организованной военной машины, способной к масштабным и долговременным войнам.

В 1219—1220 гг. они захватили Среднюю Азию. Под их натиском пали Бухара, Самарканд. Несколько месяцев Чингисхан осаждал главный город государства Хорезм Ургенч и в конце концов взял его, разгромил, а жителей увел в плен. Государства Средней Азии, расколотые, как и Русь, политическими распрями, действовали в одиночку и не могли противостоять монголам.

Захватив Среднюю Азию, монголы использовали в своих интересах ее искусных ремесленников, многовековой культурный и хозяйственный опыт. Из Средней Азии монгольское войско продвинулось в Северный Иран, вышло через Южный Прикаспий в Азербайджан, захватило город Шемаха и появилось на Северном Кавказе. Там монголы сломали сопротивление аланов (осетин), которые тщетно обращались за помощью к половцам. Преследуя аланов, монголы появились и в землях половцев, в Приазовье, Крыму и овладели старинным византийским городом Сурожем (Судаком). Теперь перед ними расстилались половецкие кочевья и южнорусские степи.

В половецких степях и на границах Руси появились два ударных корпуса Чингисхана — молодого талантливого полководца Джебе и умудренного

опытом старого Субэде. Половецкий хан Котян, в пределы которого вступили монголы, обратился к русским князьям за помощью. Он писал своему зятю — князю Мстиславу Удалому, который в это время княжил в Галиче, придя туда по просьбе своевольных бояр: «Нашу землю суть днесь [сегодня] отняли, а вашу завтра [завтра], пришедше, возьмут». Однако в русских княжествах с сомнением встретили просьбу половцев о помощи. Во-первых, князья не доверяли своим старинным степным противникам, во-вторых, появление на русских границах новой, невиданной доселе монгольской армии было воспринято вроде еще одного выхода из степи очередной орды кочевников. Были печенеги, потом торки, потом половцы. Теперь появились какие-то татары. Пусть они и сильны, но русские рати громили всех степняков. Была уверенность, что русские дружины одолеют и новых пришельцев. Такие настроения отразил и съезд князей в Киеве, который собрался по инициативе Мстислава Удалого. Там галицкий князь призвал к единству сил с половцами, к выступлению против неведомого и страшного врага. Но на призыв Мстислава Удалого откликнулись не все. Дали согласие участвовать в походе против татар киевский князь Мстислав Романович, Мстислав Святославич Черниговский, Даниил Романович, княживший в это время во Владимире-Волынском, а также князья помельче. Но самое главное, в помощи отказал могущественный владимиросудальский князь, сын Всеволода Большое Гнездо Юрий Всеволодович. Он, правда, пообещал прислать ростовский полк, но тот не явился.

Узнав о выступлении русского войска им навстречу, монголы, верные своему принципу раскола врага, послали к русским князьям посольство, которое заявило: «Мы слышим, что вы идете против нас, послушав половцев; а мы ни вашей земли не заняли, ни городов ваших, не на вас мы пришли, но на холопов и на конюхов своих на поганых половцев. А вы возьмите с нами мир...» Но, уже наслышанные о коварстве и жестокости монголов, русские князья отказались вести с ними переговоры, перебили монгольских послов и двинулись навстречу неприятелю.

Первая схватка с монголами оказалась удачной. Передовые монгольские отряды были частью перебиты, частью бежали к своим главным силам. Русские дружины продолжали продвигаться далее в степь, стремясь, как во времена противоборства с половцами, решить дело на вражеской территории, подальше от родных земель.

Решающая битва между объединенным русским войском и туменами Джебе и Субэде произошла 31 мая 1223 г. на реке Калка, неподалеку от побережья Азовского моря.

В этом сражении еще раз проявился сепаратизм и политический эгоизм русских князей. В то время как дружины Мстислава Удалого и Даниила Романовича и некоторых других князей при поддержке половецкой конницы устремились на монголов, Мстислав Киевский огородился валом на одном из близлежащих холмов и не участвовал в битве. Монголы сумели выдержать удар союзников, а затем перешли в наступление. Первыми дрогнули половцы. Они бежали с поля боя. Это поставило галицкую и волынскую рати в тяжелое положение. Южные дружины мужественно сражались, но общий перевес сил был на стороне монголов. Они сломили сопро-

тивление русичей, те побежали. Мстислав Удалой и Даниил Романович дрались в самой гуще бойцов, вызвав восхищение монгольских полководцев. Но их мужество не могло устоять перед военным искусством и силой монголов. Оба князя с немногими дружинниками спаслись от погони.

Теперь наступила очередь самой мощной среди русского войска — киевской рати. Попытка взять русский лагерь приступом монголам не удалась, и тогда они пошли на очередную хитрость. Джебе и Субэде пообещали Мстиславу Киевскому и другим бывшим с ним князьям мирный исход дела и пропуск их войска свободно на родину. Когда же князья раскрыли свой лагерь и вышли из него, монголы бросились на русские дружины. Почти все воины были перебиты, князья во главе с Мстиславом Киевским были захвачены в плен. Их связали по рукам и ногам, бросили на землю, а на них положили доски, на которые уселись во время победного пира монгольские военачальники.

Во время битвы на Калке погибли шесть видных русских князей, из простых воинов вернулся домой лишь каждый десятый. Только киевская рать потеряла около 10 тыс. человек. Это поражение оказалось для Руси одним из самых тяжелых за последнее время. Становилось очевидным, что на своих границах Русь получила еще одного грозного долговременного противника.

После битвы на Калке монголы повернули на северо-восток, вышли в пределы Волжской Булгарии, но, ослабленные потерями в южнорусских степях, потерпели на Волге ряд поражений. В 1225 г. они вернулись обратно в Монголию.

Теперь монголы овладели огромной территорией — от Китая до Средней Азии и Закавказья. Чингисхан поделил захваченные земли между своими сыновьями. Западные земли достались его старшему сыну Джучи (умер в один год с отцом, в 1227 г.). После его смерти во главе Западного улуса встал сын Джучи — молодой энергичный Бату. В 1235 г. на курултае монгольских ханов, который проходил под руководством нового великого хана Угэдэя, третьего сына Чингисхана, было принято решение о новом походе на запад — в страну волжских булгар и на Русь, которые, по сведениям монголов, славились своими богатствами.

Над Русью нависла новая страшная опасность.

РАЗДЕЛ II. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРИОД

ГЛАВА 1. ОРДЫНСКОЕ ВЛАДЫЧЕСТВО

§ 1. Батыево нашествие на Русь. Оборона Рязани

Страшный урок Калки русские князья не поняли, не усвоили. И наказание, еще более губительное по последствиям, последовало менее полутора десятилетий спустя после их поражения в Приазовье.

Первый удар татаро-монголы нанесли по Волжской Булгарии. Они не могли забыть, что именно в этих краях они потерпели первое поражение в 1223 г.

Ранней осенью 1236 г. в бескрайних поволжских степях появилась огромная армия. От горизонта до горизонта застлало небо пыльное облако: двигались десятки тысяч всадников, кибиток, телег, ржали кони, слышались резкие гортанные крики людей — все это сливалось в сплошной гул.

Потом Батый со своими темниками, стоя около раскинутого на холме шатра, смотрел, как вся эта масса людей, лошадей, верблюдов, средств транспорта на кожаных мешках, наполненных хворостом или кусочками дерева, вплавь переправлялась через Волгу. В Европе вновь появился мощный и страшный враг.

Волжские булгары, предчувствуя беду, несколько раз обращались за помощью к князьям Северо-Восточной Руси, посылали им дары, отпустили на родину русских пленных и даже заключили с Русью мирный договор. Но в решающий момент князья не помогли своему старому сопернику: сказалась давняя и старая вражда между Русью и Булгарией.

Волжская Булгария была разгромлена быстро, ее главные города взяты штурмом и опустошены, население либо перебито, либо угнано в плен. К весне Волжская Булгария перестала существовать как самостоятельное государство.

После этого татаро-монголы широким фронтом двинулись на юго-запад. Их тумены нанесли удар от северного побережья Каспийского моря до кромки северных лесов; на юге — по аланам, севернее — по половецким степям и еще севернее — по землям лесных поволжских племен — мордвы, буртасов, мокши.

К осени 1237 г. завоеватели, разгромив войска местных народов, вышли к верховьям Дона и сконцентрировали все свои силы в районе нынешнего города Воронеж, на границе Рязанского княжества.

Зимой 1237 г. несметные полчища Бату-хана (по русским источникам, Батые) обрушились на Северо-Восточную Русь.

Но почему монголы двинулись на Русь зимой? Кажется, монгольское войско было не приспособлено для зимних переходов. Но дело в том, что Батый дождался, пока покрылись льдом русские реки, и после этого монголы по замерзшим руслам рек, как по мошеным дорогам, прошли среди густых заснеженных северных лесов прямо к русским городам.

Батый вел на Русь 12—14 туменов. Они насчитывали около 150 тысяч человек. Все русские княжества могли выставить против врага несколько меньше — около 100 тысяч великолепно вооруженных воинов. Но каждое княжество имело свою, отдельную, дружину и ополчение. Все они из-за политической раздробленности Руси, междоусобных войн князей, их зависти и ненависти друг к другу так и не могли собраться вместе.

Захватив ряд городов в Рязанском княжестве, в декабре 1237 г. татаро-монгольское войско подошло к самому крупному из них — столице земли — Рязани. Ханские послы, самоуверенные и наглые, появились в столице Рязанского княжества, и великий князь Юрий Игоревич выслушал их. От имени своего господина они передали требование: все рязанские князья, от великого до удельных, должны дать ему десятину (десятую часть) — «во князех и в людех, и в конех, и в доспесех». Князь Юрий созвал совет с участием муромского и пронского князей. Он и сформулировал ответ хану: «Только когда нас не будет, то все ваше будет».

Стремясь лучше подготовиться к противоборству с татарами, найти союзников, выиграть время, князь послал к Батыю своего сына Федора и одновременно направил гонцов в Чернигов и Владимир-на-Клязьме с просьбой о помощи.

Вскоре из окрестных лесов пришла страшная весть: Федор и рязанские послы зарублены перед шатром Батыя, а татары уже движутся на Рязань.

В ответ рязанский князь вывел дружину в открытое поле. Но в первом же сражении русская рать была разгромлена, а князь Юрий убит. Три дня упорно оборонялась Рязань от полчищ Батыя. Напрасно смотрели осажденные рязанцы с городских стен на дороги, ведущие в сторону Чернигова и Владимира: они были пустынные. Другие князья даже не ответили на просьбу Рязани о помощи.

Татары под дробь барабанов, звуки дудок, прикрываясь щитами, шли на приступ городских стен, осыпали ее защитников тучей стрел, били могучими таранами в ворота, лезли вверх по штурмовым лестницам. Место павших занимали все новые и новые воины. Сказался перевес сил. 21 декабря Рязань пала, город был разграблен и сожжен. Вся княжеская семья и рязанский епископ погибли в огне. Началось завоевание Руси.

§ 2. Завоевание остальной Руси

1 января 1238 г. татаро-монгольское войско двинулось из Рязанской земли на север в пределы Великого княжества Владимирского. В это время владимирский князь Юрий Всеволодович лихорадочно собирал рать. К нему на помощь пришли полки из некоторых окрестных земель, из Москвы, прибыли и остатки рязанской рати, был и отряд из Новгорода.

Первое крупное сражение между татарами и объединенным владимирским войском произошло около Коломны. Бой был долгим и упорным. В нем погиб один из татарских полководцев, сын Чингисхана. Но перевес сил вновь был на стороне татар. Они смяли владимирские полки, часть русской рати бежала во Владимир, а Батый прошел по льду Москвы-реки к Коломне и взял ее. Двигаясь дальше, татары осадили маленькую крепость — Москву. Пять дней сопротивлялась Москва татарским полчищам,

но в конце концов была также захвачена и сожжена. Татары по замерзшим рекам продолжали свой путь и в начале февраля вышли к Владимиру. Со страхом смотрели жители со стен города на его окрестности — там не было видно снега: все было черно от людей, коней, кибиток. В городе оставалась княжеская семья. Сам же великий князь отправился на север собирать новую рать. Во главе обороны города остался его старший сын.

Татарские послы подъехали к стенам Владимира и потребовали сдачи города. С собой они привели одного из взятых в плен сыновей великого князя. Владимирцы ответили отказом. Молодой княжич был тут же убит на глазах матери.

Татары начали осаду Владимира. После нескольких штурмов и разрушения городских стен осадными орудиями они ворвались в город. Началась резня. Княжеская семья и множество жителей укрылись в соборе, но татары подожгли его, и все находившиеся там люди погибли в пламени и дыму.

Были захвачены и разгромлены другие крупные города Северо-Восточной Руси — Суздаль, Ростов, Ярославль, Городец, Переяславль, Кострома, Юрьев, Галич, Дмитров, Тверь и др. К ним татары пришли также по ледяным речным дорогам.

Но у Руси оставалось еще собранное на севере новое войско. Это была последняя надежда. Князь Юрий ждал подмоги со стороны своего брата Ярослава Всеволодовича, который в ту пору княжил в Киеве и имел сильную дружину, и от его сына — новгородского князя Александра (будущего Невского). Но ни тот, ни другой не пришли на помощь. 4 марта 1238 г. на реке Сить состоялась решающая битва. Татары подошли к русскому стану и из-за плохой дозорной службы русских внезапно и молниеносно обрушились на войско. Юрий даже не успел изготовить его к битве. Тем не менее сражение было крайне упорным. Окруженные татарами русские полки сражались отчаянно, многие воины были убиты, захвачены в плен. Сложил здесь голову и великий владимирский князь.

Теперь для татар был открыт путь на Новгород, но они, взяв Торжок, повернули обратно. Поход на северо-западную русскую столицу не входил в их планы: то ли они боялись весенней распутицы, то ли их силы были измотаны тяжелыми боями в Северо-Восточной Руси и Батый опасался похода на укрепленный город, обладающий сильной дружиной и ополчением, то ли они пощадили Северо-Западный край, потому что новгородцы во главе со своим князем не появились на реке Сить. История до сих пор хранит эту тайну.

Батый двинулся «облавою» на юг. По пути он без особого сопротивления захватывал, разорял и сжигал попадавшиеся ему небольшие русские города, но его войско надолго задержалось у небольшой крепости Козельск. Город оказал татаро-монголам отчаянное сопротивление. Семь недель продолжались осада и штурмы Козельска. Татары положили под его стенами тысячи воинов, но в конце концов взяли Козельск. Прозвав его «злым городом», они истребили всех козельчан. Лишь после этого их войско ушло в южные степи.

Отдохнув на юге и набравшись сил, татаро-монголы в 1239 г. предприняли второй поход на Русь. Батый захватил Муромский край, города по Средней Волге, в том числе Нижний Новгород. Но главный свой удар он направил на богатые города Южной Руси. Были захвачены княжества Переяславское, Черниговское. Города брались с боя. Так, во время штурма Чернигова рукопашные схватки происходили по всему городу. Дружинники и жители сопротивлялись отчаянно, но сила сломила силу. Чернигов был взят.

Затем татаро-монголы снова повернули на юг, добились еще непокоренных половцев, вторглись в Крым и подчинили себе весь полуостров. Отдельные их тумены завоевали Северный Кавказ и Закавказье.

Осенью 1240 г. наступил печальный черед Киева. Это был третий поход татаро-монголов на Русь. По свидетельству авторов того времени, Батый вел на Киев около 600 тысяч воинов.

Конечно, не все они были монголами. В этом многонациональном войске шли отряды многих покоренных татаро-монголами народов — из Средней Азии, Половецкой степи, с Северного Кавказа. Как и во времена гуннского нашествия, казалось, вся Евразия двинулась на запад.

Полчища Батыя форсировали Днепр, разгромили крепости, прикрывавшие Киев с юга, и в ноябре подошли к «матери городов русских».

В первый же день штурма татары ворвались на стены первого пояса стен. На второй день преодолели вторую линию обороны. Сражения шли за каждый дом, каждую улицу. Во главе горожан стоял воевода Дмитр, в то время как княживший тогда в Киеве черниговский князь Михаил бежал в Венгрию за подмогой.

Последним оплотом защитников города стала Десятинная церковь. Татары начали бить в ее стены таранами. Вскоре стены не выдержали, и храм рухнул. Под ним погибли все его защитники, в том числе и раненый воевода. Город был опустошен и разграблен. Погибли знаменитые Золотые ворота, были разорены гробницы Софийского собора. Впервые за всю свою историю Киев был взят иноплемснниками.

Пройдя огнем и мечом по Киевской земле, татаро-монгольские тумены вторглись в Галицко-Волынское княжество, где правил талантливый полководец — князь Даниил Романович. Однако его дружина не могла противостоять превосходящим силам завоевателей. Тем не менее, как и в других частях Руси, местные жители стояли насмерть на стенах своих городов. Под Каменцем и Колодяжиным татары потерпели ряд неудач и лишь ценой больших усилий захватили эти города.

Ожесточенная борьба разгорелась за Владимир-Волынский. Взяв наконец город, татары жестоко отомстили его захваченным в плен защитникам: им в голову повбивали железные гвозди. Даниил с семьей заперся в мощной крепости Холм и сумел отбиться от неприятеля; татары не стали штурмовать Холм и ушли дальше, на запад.

За четыре месяца Батый захватил всю Южную и Юго-Западную Русь и вышел на границу Венгрии и Польши. Теперь татаро-монгольские полководцы мечтали дойти «до моря франков», т. е. до Атлантического океана. Они хотели повторить путь гуннов.

Но сил у завоевателей оставалось все меньше и меньше.

Тысячи монгольских воинов полетели на просторах Руси при штурме русских городов. И хотя татаро-монгольская армия была еще многочисленна, но едва ли не половину составлявшие ее воины покоренных народов не хотели умирать за чуждые им интересы монгольских вождей.

В 1241 г. Батый прошел по землям Польши, Венгрии, Чехии, Молдавии, Валахии. Были захвачены тогдашние столицы Польши — Краков и Венгрии — Будапешт, другие крупные города восточноевропейских государств. Но уже в Чехии и Польше татарские тумены потерпели ряд поражений. Хорватия и Далмация были последними пунктами, до которых дошла татаро-монгольская конница. Там Батый в сражениях с объединенными армиями западных стран потерпел ряд неудач и в 1242 г. повернул назад.

В низовьях Волги, в привольных кочевых степях, Батый основал свою ставку — Сарай-Бату. Это была столица огромного государства. Татары называли его Золотой Ордой. Золотая Орда являлась частью огромной Монгольской империи с центром в далеком Каракоруме. Там правил верховный хан всех монголов. Ему подчинялся и Батый. Границы же его улуса протянулись от Иртыша на востоке до Карпат на западе, от Приуралья на севере до Северного Кавказа на юге. Русские земли попали в вассальную зависимость от Золотой Орды. И хотя «господин Великий Новгород» не подвергся нашествию, но и он вынужден был признать власть Батыя. Нашествия избежали лишь Полоцкое и Смоленское княжества.

ГЛАВА 2. БОРЬБА РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

§ 1. Татаро-монгольское иго

Разоренной и опустошенной осталась Русь после того, как татаро-монголы ушли на запад. Большинство городов было сожжено, ремесленники частью погибли, частью были уведены в плен, пашни запустели и стали зарастать лесом, храмы были разграблены, многие из них сожжены. Погиб цвет русского воинства, вместе с ним — большинство русских князей и воевод. Хозяйственная и военная мощь Руси была резко подорвана.

Теперь, раскинув свою главную ставку в низовьях Волги, татаро-монголы начали устанавливать свой режим господства в русских землях, который впоследствии получил название татаро-монгольского ига. Завоеватели не оккупировали территорию Руси. Здесь постоянно не стояли татарские войска, не размещалось татарское население, в городах не сидели наместники хана. Во главе русских княжеств по-прежнему стояли русские князья, сохранились княжеские династии. Православная церковь беспрепятственно исправляла свои службы в оставшихся неразоренными храмах. В этом смысле русские княжества имели определенную автономию (от греч. *autos* — сам и *nomos* — закон), т. е. право заниматься своими собственными делами.

Но эта автономия была крайне ограниченной. Во-первых, только с разрешения хана Золотой Орды русские князья имели право занимать свои престолы. Они получали на это специальные грамоты — ханские «ярлыки». После гибели великого князя владимирского Юрия Всеволодовича ярлык на великое княжение Владимирское получил его брат Ярослав Всеволодович, бывший до этого времени киевским князем. Это был тот самый Ярослав, отец Александра Невского, который не явился на подмогу своему брату на реку Сить, где и погиб Юрий.

Такие же ярлыки получили и другие русские князья, в том числе великий князь галицко-волынский Даниил, признавший власть Орды. Для этого нужно было ехать в Сарай и выполнить унижительную процедуру: пройти сквозь очистительный огонь, который горел перед шатром хана, поцеловать его туфлю. Если возмущенные князья отказывались это сделать, их убивали. Так, был зарублен около ханского шатра великий черниговский князь Михаил Всеволодович. Он приехал за ярлыком на свой прародительский черниговский престол, но воспротивился унижению. Возможно, татары припомнили ему нежелание сдать Киев.

Ханы Золотой Орды зорко следили за поведением князей, не давали им усилиться, возродить русские вооруженные силы, сплотить вокруг себя народ. Они срамливали князей между собой, возбуждали зависть, поощряли междоусобицы, мешали централизации Руси под главенством какого-либо одного княжества, одного сильного государственного деятеля. Непокорных, сильных и самостоятельных убивали с пути разными способами. Так, великий владимирский князь Ярослав Всеволодович был в 1246 г. вызван в далекий Каракорум и там отравлен.

Во-вторых, татары возложили на русские земли тяжелую дань — «ордынский выход», который должно было платить все взрослое население. Для этого людей переписывали, делили на десятки, сотни, тысячи. Специальные татарские отряды баскаков, расположенные в русских княжествах, следили за сбором этой дани и везли ее в Орду. В случае неповиновения они проводили жестокие карательные операции, мучили и убивали людей, терроризировали население. Русские люди должны были платить не только дань, но и другие налоги, введенные татарами, — поплужное (с каждого плуга в деревне), ямские деньги (от татарского слова «ям» — почтовая служба). Русские города должны были поставлять в Орду и Монголию искусных ремесленников, а во время войн Орды с соседями предоставлять в распоряжение ханов военные отряды. Только духовенство и церковные земли были освобождены от дани. Татары с уважением относились ко всем религиям мира и даже разрешили открыть церкви на территории Орды.

В-третьих, время от времени для устрашения русских людей или в случае их неповиновения татарским порядкам ордынские ханы предпринимали против Руси большие карательные экспедиции и снова грабили, жгли русские земли, уводили людей в плен. Таким набегам подвергались и Северо-Восточная Русь, и Галицко-Волынское княжество, и другие земли.

Итогом татаро-монгольского нашествия и установившегося ига стал очередной откат назад во всех областях русской жизни: обезлюдели города, оказались утраченными многие ремесленные специальности, захирело сельское хозяйство, в упадок пришла культура, на какое-то время даже прекратилось летописание. Замедлилась и централизация русских земель: своевольные князья, боярство снова старались уйти из-под влияния таких центров, как Владимир, Галич. А это наносило вред экономическому единству русских земель.

Большое отрицательное значение татаро-монгольского ига состояло и в том, что оно способствовало развитию в людях угодничества и раболепия перед сильными мира сего. Особенно эти качества развивались среди верхушки русского общества, в княжеской среде. Там понимали, что лезть, угодничество, унижение перед ханами и их помощниками помогали сохранить и приумножить власть и доходы. Зато такие люди, натерпевшись унижения перед татарами, сами старались потом унижить и оскорбить тех, кто находился в их подчинении. В ходе десятилетий ига это все больше и больше проявлялось в русской жизни и переходило уже на все русское общество, въедалось в характер народа.

Вместе с тем Золотая Орда постоянно помогала русским князьям в их борьбе с врагами — литовцами, шведами, немцами. Иногда на помощь князьям приходила татарская конница. Это объяснялось тем, что ханы рассматривали борьбу с Русью как атаку на свои собственные владения. Не случайно многие пограничные с Владимирским княжеством земли не хотели оказаться от него в зависимости, так как это означало бы и подчинение Орде. Поэтому не захваченные нашествием Смоленское и Полоцкое княжества тщательно оберегали свою независимость от Владимирского княжества и Новгорода.

§ 2. Натиск врагов на северо-западе. Первые схватки с крестоносцами и литовцами

В ту пору, когда с востока на Русь надвигалась грозная опасность в лице полчищ Батыея, на ее северо-западных границах активизировались другие враги.

Пока Русь была сильной и единой, она сама расширяла свои владения по берегам Балтийского моря, в Финляндии. Позднее Новгородское княжество подчинило своей власти земли финского племени емь, племен корелов, води, ижоры, а также в Восточной Прибалтике земли чуди (эстов). Полоцкие князья завладели землями ливов, латгалов и земгалов — предков латышей.

Теперь положение изменилось: за спиной этих княжеств уже не было могучих киевских ратей. Владимирское княжество само подверглось разгрому со стороны татаро-монгольских войск и лежало в руинах. Этим и воспользовались грозные соседи Руси. Это были немцы, шведы и литовцы.

Немецкие рыцари давно уже стремились захватить соседние прибалтийские земли. Их поддерживал германский император, помогая безземельным рыцарям получить населенные земли на востоке. Освятил эту агрессию и папа римский, который считал богоугодным делом овладение землями местных язычников и обращение их в христианство. Так здесь объединилось воинственное католическое духовенство и алчные рыцарские отряды. Немецкие епископы при поддержке рыцарей открыли в этих землях ряд новых епископств, основывали крепости и, опираясь на них, начали завоевание края.

Большое значение имело строительство в устье Западной Двины крепости Рига и основание Рижского епископства. В 1202 г. на завоеванных землях немецкое духовенство и рыцари организовали Орден меченосцев. Его целью являлось дальнейшее завоевание Восточной Прибалтики, в частности земель чуди и латышских племен, и обращение язычников в христианство.

На белых плащах закованных в латы рыцарей красовались огромные черные кресты — как знак того, что они являются божьими слугами, а их дело — святое. Крестоносцы объявили еретиками, неверными, которых надо либо крестить, либо уничтожить, не только местные языческие племена, но и русских, которые исповедовали православие и не подчинялись Римской церкви. На деле же речь шла о захвате новых земель, покорении народов, овладении торговыми путями.

Вскоре в этих краях появился еще один воинственный немецкий духовный орден — Тевтонский. Он был создан немецкими крестоносцами в Иерусалиме во время Первого крестового похода. Позднее польские князья пригласили его в Прибалтику для борьбы со свободолюбивыми языческими племенами пруссов. Теперь тевтонцы также стали грозной и опасной силой в Прибалтике, и не только для местных язычников, но и для самих поляков.

Другой силой стали шведы.

Швеция давно вела с Новгородом напряженную борьбу за финские земли, а также за берега Невы. С 30-х гг. XIII в. папа римский и в этих краях провозгласил крестовый поход, призвав шведские церковные власти и рыцарей, чтобы они «против этих отступников и варваров подняли знамя креста». В число «отступников» попали и русские.

Третьей враждебной силой на северо-западных границах русских земель стало набирающее силы Литовское княжество. В конце XII — начале XIV в. ряд литовских племен объединились в мощный союз. Этому способствовала и агрессия немцев в Прибалтике — опасность спланивала литовцев. Вскоре литовские князья начали наступление на новгородские и полоцкие владения. Но одновременно сами литовцы стали подвергаться ударам Ордена меченосцев, который мечтал о захвате благодатных литовских земель и подчинении здешнего населения. Таким образом, Русь и Литва имели общего врага в лице Ордена меченосцев.

Первые шаги «крестоносной» агрессии русские земли встретили во всеоружии.

Защиту русских интересов в Прибалтике взяли на себя Новгород и Полоцк. Во втором десятилетии XIII в. полоцкие князья совместно с литовцами несколько раз воевали с Орденом меченосцев. А Новгород боролся с немцами за земли чуди. Их отбивал у рыцарей приглашенный в Новгород князь Мстислав Удалой. Но особенно активно действовал против крестоносцев тогдашний переяславский князь Ярослав Всеволодович, которого новгородцы также приглашали в качестве руководителя своих дружин.

В 20-е гг. XIII в. Ярослав предпринял поход в финские земли и не позволил шведам овладеть ими. В то же время он возглавил два похода на Ригу, а потом организовал поход в захваченные немцами земли ливов. Военные действия новгородцев охладили наступательный пыл шведских и немецких рыцарей. Зато и те, и другие воспрянули духом, когда на русские земли напали татаро-монголы.

§ 3. Александр Невский

В 1238 г. Ярослав Всеволодович стал великим князем владимирским, а на княжение в Новгород послал своего сына Александра.

Александр Невский родился в 1221 г. Его мать была дочерью Мстислава Удалого, смелого и удачливого воина.

Впервые Александр оказался в Новгороде вместе с отцом, когда был еще совсем малышом. В возрасте 7 лет он был на время оставлен отцом на княжение, когда тот уехал из города. В 20-е гг. — первой половине 30-х гг. XIII в. юный князь был свидетелем напряженной борьбы Новгорода с немцами, шведами, Литвой. Он уже принимал участие в боевых походах отца. В битве с рыцарями за старинный город Юрьев в 1234 г. вместе с отцом участвовал и юный Александр. Это сражение произошло зимой. Новгородцы загнали немцев к реке, и когда тяжеловооруженные рыцари вступили на лед, тот стал под ними проваливаться и рыцари начали тонуть. (Опыт этой битвы Александр запомнил и применил его позднее в знаменитом Ледовом побоище.) Юрьев был отвоеван, а немцы заключили с Новгородом мир.

А с 1236 г., в период борьбы отца за киевский стол и владимирское великое княжение, Александр стал его наместником в Новгороде. Ему было тогда 15 лет.

Когда отец стал великим князем владимирским, Александр уже постоянно чувствовал за собой его поддержку. В это время владимирский князь стремился полностью подчинить себе Новгород. Поэтому между отцом и сыном, с одной стороны, и новгородцами — с другой постоянно возникали распри. Но Новгород нуждался в сильном и талантливом военачальнике и в поддержке владимирских войск в борьбе с врагами, а потому терпел давление со стороны владимирского князя.

Александр сразу же показал себя умным и дальновидным государственным деятелем. Когда меченосцы предложили ему союз против литовцев, он отказался. Но не помог и литовцам, которые сами часто нападали на новгородские земли. Его цель заключалась в том, чтобы противники истощали себя в борьбе друг с другом и оставили в покое русские земли. Так и случилось. В 1236 г. литовское войско наголову разбило Орден меченосцев, и остатки рыцарей соединились с Тевтонским орденом. Теперь на северозападных русских границах появилась их объединенная сила — Тевтонский, или Ливонский, орден, но на некоторое время немецкие рыцари притихли. Зато активизировались другие враги Новгорода — литовцы и шведы.

В 1239 г. литовцы захватили Смоленск и угрожали новгородским землям с юга. Александр организовал против них оборону, построил на южных границах новгородского княжества ряд крепостей, а владимирский князь послал на литовцев свою рать, и та отбила Смоленск обратно.

В это время Батый уже завоевал земли Северо-Восточной Руси и готовился к походу на запад. Вот тут-то шведы, немцы и датчане вновь активизировали свои действия. Наступил решающий этап борьбы Руси за еще оставшиеся независимыми русские земли.

Тевтонские рыцари разорвали прежний мир и начали наступление на Псков. Сначала они овладели крепостью Изборск, а потом осадили и сам Псков. Взять его штурмом не удалось, но предатели из местных бояр и их помощники открыли городские ворота и впустили рыцарей в город. Одновременно датчане атаковали земли чуди, находившиеся на берегу Финского залива и принадлежавшие Новгороду.

В начале июля 1240 г. шведские рыцари высадились на берегу Невы. Они придали походу характер крестового. Грузились на корабли под пение религиозных гимнов, католические священники благословили их в путь. Целью шведов был уже не только захват новгородских владений в Финляндии, но и сокрушение самого Новгорода. Во главе шведского войска стояли известные шведские военачальники — ярл (князь) Фаси и зять короля ярл Биргер. С ними пришло несколько тысяч человек. Шведы раскинули лагерь и начали копать боевые рвы, возводить вал, создавать укрепление. Они хотели создать здесь опорный пункт и отсюда грозить Новгороду.

В древнем предании сохранилось обращение шведского вождя к новгородскому князю: «Если хочешь противиться мне, то я уже пришел. Приди и поклонись, проси милости, и дам ее, сколько захочу. А если воспроти-

вишься, поплению и разорю всю и порабошу землю твою и будешь ты мне рабом и сыновья твои». Это был ультиматум. Шведы, требуя от Новгорода безусловного повиновения, были убеждены в своем успехе. По их понятиям, сложенная татарами Русь не могла оказать им серьезного сопротивления.

Однако события разворачивались вовсе не так, как предполагали шведские крестоносцы. Еще на входе в Неву их суда были замечены преданными Руси ижорскими дозорщиками, их старейшина Пелгусий тут же дал знать о появлении противника в Новгород и позднее сообщал Александру о дислокации и количестве шведов.

Действия Александра были молниеносными: он решил ударить по шведам немедленно, не дав им закрепиться на берегах Невы. Он даже не успел сообщить о появлении шведов отцу и попросить у него подкрепления. Не было времени собирать и пешее новгородское ополчение. Александр повел на берега Невы лишь конную княжескую дружину.

Перед походом юный князь вошел в Софийский собор, помолился Богу и получил благословение архиепископа. На католический крест Русь отвечала крестом православным. Затем Александр обратился по старинному русскому обычаю к войску с речью. Там были и такие слова: «Не в силе Бог, но в правде!»

15 июля 1240 г., в девятом часу утра, Александр обрушил на ничего не подозревавших шведов удар конной дружины и пешех, среди которых были отряды ижорян и корелов. Внезапное появление новгородской рати повергло шведов в панику. Часть их бросилась к своим кораблям, другие пытались переправиться на противоположный берег реки Ижоры. Шведские вожди попытались организовать рыцарей в боевой порядок, но все было тщетно. Дружинники Александра ворвались в лагерь, один из дружинников, Савва, подсек опору королевского шатра, и тот рухнул, вызвав ликование русского войска. В пылу сражения другой русский воин прямо на коне въехал по сходням на шведский корабль, был сброшен оттуда, выбрался из воды и снова устремился в сечу. Пример мужества и смелости показывал и сам 19-летний князь. В личном поединке он нанес удар копьем в лицо яролу Биргеру, и того, раненого, унесли на корабль.

Разгром шведов был полным. Несколько их кораблей было изрублено и потоплено, погибло немало воинов. Наиболее знатных из них шведы погрузили на оставшиеся корабли и отплыли прочь. Русское войско, по данным летописи, потеряло двадцать человек.

Александр Ярославич с триумфом возвратился в Новгород. Встретить его вышел весь город, был отслужен торжественный молебен. Сам князь в честь своей победы на Неве получил прозвище Невский.

§ 4. Ледовое побоище

Но вскоре новгородцы поссорились с Александром Невским, и тот вынужден был уехать в свое родовое гнездо — Переяславль-Залесский. Этим немедленно воспользовались тевтонские рыцари. Зимой 1240—1241 гг. они захватили часть новгородских владений, воздвигли там крепость Копорье,

перерезали все торговые пути, ведущие из Новгорода. Их дозоры появились в 30 км от города.

В этот критический момент новгородцы вновь обратились к владимирскому князю Ярославу Всеволодовичу с просьбой прислать к ним на княжение одного из сыновей. Поехал младший брат Александра Невского Андрей, но он не сумел остановить немецкий натиск, и тогда Новгород попросил прислать Александра.

Он действовал в своем стиле — стремительно и решительно. Вначале быстро организовал рать, куда вошли дружина, ратники ополчения, союзники — корелы и ижоряне, пришел и полк из Ладоги. По существу, против немцев Александр Невский поднял весь Русский Север.

Первый удар он обрушил на Копорье. Крепость была взята и разрушена. Затем Александр попросил помощи у отца, и тот прислал владимирский полк во главе с Андреем. Усилившись, Александр повел на рыцарей дальнейшее наступление.

В этот период Батый не вмешивался в военный конфликт на Севере. Более того, хан был заинтересован в том, чтобы силами Руси отгородиться от агрессивных западных соседей. Это и использовал Александр Невский. Он лавировал между смертельными врагами Руси, отстаивая независимость русских северо-западных земель.

Ранней весной 1242 г. объединенное русское войско вошло в земли дружественной немцам чуди, Александр перерезал все пути, ведущие из немецких земель к Пскову, и полностью изолировал город. Решающий удар по Пскову князь нанес с запада, откуда его ждали меньше всего. Город был взят, тылы обеспечены, после чего русская рать вновь двинулась на Запад.

К этому времени орден мобилизовал все свои наличные силы. В поход против Александра отправились практически все крестоносные «слуги Божьи» — тяжеловооруженные, закованные в латы конные рыцари. Именно они, построенные клинообразно, или «свиньей», как называли такое построение русские, наносили стремительный и мощный удар по вражескому войску; пехота, шедшая внутри клина и позади рыцарей, довершала разгром смятого и уstraшенного противника. На этот раз во главе орденского войска шли сам магистр, вся орденская верхушка, многие епископы. С Александром решено было покончить раз и навсегда, убрать с дороги наиболее способного и решительного русского полководца, овладеть полностью новгородскими землями, разделив их между немецкими феодалами, привести русских людей в лоно католичества.

Всей своей массой орденское войско обрушилось на передовой отряд Александра, воевавший в землях чуди: он был разгромлен. Зато теперь у новгородского князя было полное представление о противнике. Борьба с ним в открытом поле было бессмысленно: у немцев было большое превосходство в силах и тяжелом вооружении. Значит, надо было ограничить маневр рыцарской конной массы, сковать ее действия, использовать легкие в бою русские конные дружины, упорство русских пехотинцев.

Место боя, которое выбрал Александр Невский, и его ход показывают большое военное искусство выдающегося русского полководца XIII в.

Русская рать отступила к Чудскому озеру и там заняла позиции около его возвышенного и лесистого берега. Справа находился слабый лед, куда в случае успеха можно было оттеснить тяжеловооруженных рыцарей, и тогда озеро становилось союзником русских. Новгородскую и владимирскую дружины Александр поставил на флангах русского войска, а в центре расположил пехотинцев — лучников и бойцов, вооруженных топорами, мечами и крючьями, — раз сброшенному с лошади рыцарю уже невозможно было своими силами вновь взобраться в седло, и здесь он мог стать добычей русских пешцев. Именно пехотинцы должны были выдержать первый и наиболее страшный удар рыцарской «свиньи».

Ранним утром 5 апреля 1242 г. из мглы, покрывавшей противоположный берег, на озеро выползла знаменитая тевтонская «свинья» и двинулась навстречу русской рати.

Первый же удар крестоносного клина прогнул русский центр. Лучники расстреливали первые ряды рыцарей, стаскивали их с коней, добывая на земле, но сзади плотным строем скакали все новые всадники, сокрушавшие русских. Вскоре центр был прорван, пехотинцы рассыпались в стороны, но немецкий клин уткнулся, как и замышлял Александр, в высокий, поросший лесом и заснеженный восточный берег озера. Движение рыцарей замедлилось, смешалось, и в это время в движение пришли «крылья» русского войска, обрушившие всю свою конную мощь на слабо защищенные лишь пехотинцами фланги и тыл немецкого клина. Рыцари смешались, им уже трудно было перестроиться и развернуться против окруживших их русских дружин. Первой побежала чужь, за ней немецкие пехотинцы. Русские умело оттеснили противника на слабый лед, и рыцари начали проваливаться под лед и тонуть, что еще более усилило панику в их рядах. Русские воины начали добивать врага. Лед озера покрылся кровью.

Разгром тевтонского войска был полным. Оставшиеся в живых тевтонцы бежали семь верст до противоположного берега. По данным русской летописи, на льду озера пали 500 рыцарей, а чуди — огромное множество, 50 именитых крестоносцев были взяты в плен.

Победа сломила надолго орденское движение на восток, определила путь независимого развития русских северо-западных земель. Вскоре немцы запросили у Александра Невского мира и отдали все захваченные земли.

Через несколько лет Александр отбил попытки Литвы захватить некоторые новгородские города и, верный своей активной военной тактике, сам устремился на литовцев и нанес им ряд поражений. Теперь западные и северо-западные границы Руси были защищены. Это была историческая победа.

§ 5. Возрождение Руси. Русь и Золотая Орда при Александре Невском

В 1246 г. на Руси стоял великий плач. Во Владимир из Каракорума привезли тело отравленного там великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича. Теперь владимирский стол был свободен. Наиболее авторитетным князем на Руси был Александр Невский. Его военные победы гремели по всему тогдашнему миру, дипломатический талант был широко

известен. Монгольские правители опасались Александра. Они приказали ему прибыть в Каракорум якобы для того, чтобы даровать ему ярлык на великое княжение. Но Александр медлил. Он понимал, что его ждет участь отца. Вместо этого во главе сильной дружины Александр явился во Владимир на похороны отца, что вызвало недовольство татаро-монгольских правителей. Они отдали ярлык на великое княжение брату Ярослава Всеволодовича. Затем Батый еще раз позвал Александра Невского в Орду. В послании хана говорилось: «Один ты не хочешь покориться мне. Но если хочешь обезопасить землю свою, то приди скорее ко мне, и увидишь от меня честь».

По свидетельству древнего источника, Батый был поражен умом и достоинством Александра Невского. Он якобы воскликнул: «Истину мне сказали, что нет князя, подобного ему».

С этих пор между ханом и русским полководцем установились дружеские и уважительные отношения. Но за этими отношениями стоял и расчет. Александру поддержка Батия была необходима для борьбы с западными агрессорами, а также для того чтобы обезопасить русские земли от грабительских татарских набегов. Батыю Александр был нужен для того, чтобы тот поддерживал сильной рукой порядок на Руси, обеспечивал уплату дани, препятствовал яростным вспышкам русского неповиновения. Но одновременно русский князь был и опасен татаро-монголам как талантливый полководец и опытный государственный деятель. Это понимали в Каракоруме. Там не хотели давать Александру власть над Русью и тем самым еще более возвысить его. В Монголии были недовольны и Батыем за то, что он поддерживает Александра Невского.

Батый сам не стал решать русские споры за ярлык и отправил двух братьев, Александра и Андрея, который тоже претендовал на титул великого князя владимирского, в далекую Монголию.

Два года пробыли братья в Монголии. Хитроумные монгольские правители решили вопрос с пользой для себя. Александр получил титул великого князя киевского, который был почетным, но не имел реальной цены, так как Киев был разорен и утратил власть на Руси. А Андрея удостоили титула великого князя владимирского, т. е. реального властителя быстро оправлявшихся от нашествия северо-восточных русских земель. Тем самым братьев противопоставили друг другу. Это была извечная тактика татаро-монголов.

Александр Невский спокойно воспринял интриги Каракорума. Однако он даже не появился в Киеве, а отправился к себе в Новгород и там продолжал организовывать оборону русских границ от врагов.

Лишь в 1252 г., когда отошли от дел в Монголии враги Александра Невского, Батый отдал ему ярлык на великое владимирское княжение.

Но пока Александр был в Орде, Андрей вместе с младшим братом подняли восстание против татаро-монгольских завоевателей. Его действиями руководило и ущемленное самолюбие. Андрей всегда находился в тени славы своего знаменитого брата и теперь, лишившись титула великого князя, бросил ему открытый вызов.

Это были два разных подхода к отношениям с Ордой. Осторожная, взвешенная, дальновидная политика Александра Невского, который ненавидел Орду, но опасался идти на конфликт с ней, и пылкая, удалая, нерасчетливая политика Андрея Ярославича.

Александр Невский был еще в Орде, когда пришло известие, что Владимир, Переславль и некоторые другие города попытались сбросить с себя татаро-монгольское иго. Это было первое крупное восстание против власти Орды на Руси, и возглавили его князья Рюриковичи. Их дружинники перебили татар. Но Батый быстро подавил плохо подготовленное восстание: на Русь было направлено ордынское войско во главе с темником Неврюем — «Неврюева рать».

Неврюй прошел огнем и мечом по землям и городам, которые участвовали в восстании. Они снова были разгромлены, разграблены, а люди уведены в плен. Этот карательный поход еще раз показал, что у Руси еще не было сил сопротивляться Орде.

Андрей был разбит в сражении и бежал в Новгород, но город его не принял, и тогда он укрылся в Швеции, у врагов Александра Невского. Александр занял великокняжеский стол во Владимире. Но не стал мстить своим противникам на Руси — ни братьям, ни городам. Напротив, Александр Невский сделал все для того, чтобы объединить и сплотить Русь, централизовать ее. Только в этом он видел возможность в дальнейшем сопротивляться татарам.

В Новгород он послал наместником своего сына и сурово карал новгородцев за их сепаратизм. Зато, когда новгородские владения подвергались нападению врагов, он тут же приходил на помощь. Так, он двинул полки против шведов, высадившихся на берегу реки Наровы — принадлежавших Новгороду землях чуди. Шведы, узнав о том, что сам Александр идет на помощь Новгороду, в панике бежали. В 1256 г. Александр, в последний раз в своей жизни, повел войско в земли финнов, которые были завоеваны шведами. В тяжелых зимних условиях Александр Невский одержал ряд блестящих побед над шведами, разгромил их крепости.

Александр вымолил прощение в Орде для Андрея, и тот вернулся на Русь.

В 1257 г. владимирский князь стоял перед тяжким выбором. В этот год татары, выполняя приказ великого хана Монголии, начали перепись русского населения для обложения новой данью. Привыкшая к произволу татар Северо-Восточная Русь стала выполнять приказ, но жители Новгорода, которые никогда не знали тяжелой татарской неволи, возмутились. Возглавил недовольных сын Невского Василий, княживший в Новгороде. И тогда Александр повел рать на Новгород. Он изгнал сына и провел вместе с татарами перепись, предотвратив тем самым разгром города татарами и появление на Руси новой карательной экспедиции.

Восстановив на Руси порядок, Александр Невский все свои силы и организаторский талант направил на возрождение Руси. Он способствовал восстановлению русских городов, вкладывал средства в строительство новых храмов, понимая, что церковь выступает как патриотическая и централизующая сила. При Александре Невском наметился возврат к единой

и сильной Руси, как это было уже при Всеволоде Большое Гнездо. Александр Невский первым из русских князей начал укрывать часть «татарского выхода» и тем самым сохранять средства для восстановления Руси. В благоприятных условиях он поддерживал и открыто антитаатарские выступления. Так, когда между Ордой и Монголией в начале 60-х гг. XIII в. начался разлад и новый ордынский хан Берке, брат умершего Батыя, отказался подчиниться Каракоруму, этим воспользовались русские земли: в ряде городов произошли мощные антитаатарские восстания, и жители выгнали каракорумских сборщиков налогов. В те дни Александр рассылал грамоты с призывом «татар побивати». Наказания не последовало, так как Русь выступила не против Орды, а против Монголии, с которой враждовал Берке.

И все же коварный и жестокий хан запомнил эти действия владимирского князя. В 1262 г. он приказал Александру Невскому привести ему на помощь русскую рать для похода против своих врагов в Иране. Александр отказал и поехал в Орду «отмаливать» русских воинов. А основную часть войска ускал в Прибалтику для войны с орденскими силами. Берке уламывал Невского, но тот не соглашался. Наконец, хан, продержав князя в Орде несколько месяцев, отпустил его на родину. Но до Владимира Александр не доехал. В Орде он тяжело заболел. Возможно, как и его отец, он был отправлен ханом.

Александр Невский добрался лишь до города Городца на Волге, где умер 14 ноября 1263 г. в возрасте всего сорока двух лет. Перед смертью он принял постриг и получил имя Алексей. Такова была традиция в княжеской среде.

Александра Невского оплакивала вся Русь. На его похоронах митрополит возгласил, что зашло солнце земли Русской, и народ с плачем отвечал: «Уже погибает!» За свои подвиги на пользу Отечества и православной веры Александр Невский был причислен к лику святых.

Русь поднимает голову. Усилия Александра Невского по возрождению Руси не пропали даром. Уже при его жизни начали оживать русские города, восстанавливаться храмы, отстраиваться села. Но, пожалуй, самым главным результатом деятельности этого великого князя стало возрождение гордого духа свободы, порыва к борьбе за независимость своей земли, ненависти к «ордынщине», которые вдохнул Александр Невский в русский народ. Этому он добился и победами против крестоносцев и литовцев на северо-западе, и мудрой и выдержанной дипломатией в отношениях с Ордой. Этот неодолимый дух победителя начал витать над Русской землей со времени Александра Невского.

В Южной Руси такую же гордую и свободолюбивую, но осторожную и взвешенную политику демонстрировал Даниил Галицкий, сумевший, как и владимирский князь, возродить из пепла южно-русские земли, укрепить крупные города, воссоздать сильное войско.

Не случайно, что вскоре после установления татаро-монгольского ига и в Северо-Восточной Руси, и в южно-русских землях стали вспыхивать стихийные антиордынские восстания, которые все чаще и чаще поддерживались князьями. Иногда сами князья и организовывали эти выступления.

Так, жители Галицко-Волынской Руси несколько раз пытались освободиться от татаро-монгольской неволи.

Князь Даниил хотя и признал власть Орды, но постоянно стремился выйти из подчинения Сараю. В 50-е гг. XIII в. была предпринята попытка дать отпор карательному корпусу татар. Но позднее в Галицко-Волынской земле появилось новое сильное ордынское войско, которое восстановило власть татаро-монголов.

В начале 60-х гг. XIII в. вспыхнули восстания на северо-востоке. Их тайным вдохновителем был сам Александр Невский. Но и они были подавлены татаро-монгольскими карателями. Смерть Александра Невского надолго ослабила русские земли.

И все же борьба продолжалась: восстание против татарских сборщиков дани вспыхнуло в Курске. Позднее жители Ростова выгнали татарский отряд из города, а жители Ярославля не впустили к себе ханского посланника. Но все эти вспышки сопротивления были также жестоко подавлены.

Ордынские правители пользовались любым случаем, чтобы устроить русских людей, сломить их волю к сопротивлению. Так, во время новой схватки за власть между сыновьями Невского, уже в 90-е гг., ордынцы дважды приходили «ратями» на Русь и опустошали ее.

Но эти невзгоды и насилия не сломили народ. И в больших городах, и в селах, и в маленьких лесных деревеньках все крепче становилась ненависть к угнетателям, зрело чувство народного единства. Но пройдет еще немало лет, прежде чем оно выльется во всенародный освободительный порыв.

§ 6. Великие «малые дела»

После нашествия, разрухи, карательных ордынских экспедиций, новых устрашающих набегов Русь возрождалась медленно, тяжело, постепенно. И все же, преодолевая тяжкий ордынский гнет, междоусобные войны князей, народ медленно, по крупицам поднимал из руин родной край. Причем в этом процессе участвовали все слои населения — наиболее умные, прозорливые, энергичные князья, крупные вотчинники — бояре, деятели церкви, купечество, ремесленники, крестьянство. Каждый находил свое место в общем деле развития Руси.

Общий подъем Северо-Восточной Руси с конца XIII — начала XIV в. был более мощным, чем, скажем, в южных и юго-западных русских княжествах — Киевском, Черниговском, Галицко-Волынском. И это при том, что земли на севере страны были менее плодородными, а климат более суровым.

Чем же объяснялся этот подъем? Почему со временем именно Северо-Восточная Русь, а не богатый солнечный юг стала лидером русских земель?

В условиях татаро-монгольского нашествия и установившегося ордынского ига именно Волжско-Окское междуречье, а также новгородские земли стали наиболее безопасными для жителей Руси. Здесь тоже появлялись ордынские сборщики дани, сюда тоже приходили татарские отряды, поддерживая то одного, то другого князя или подавляя антиордынские восстания. Но все это происходило намного реже, чем на юге. Южнорусские зем-

ли, как и прежде, были открыты вторжению татарских туменов. Карательные ордынские рати появлялись здесь по любому поводу и добывали богатые южные города.

Кроме того, за ослабленные южнорусские земли шла борьба между сильными соседями — Польшей, Венгрией, Литвой; Северо-Восточная Русь была в стороне от этой борьбы.

Признав власть Орды, Северо-Восточная Русь тем самым получила защиту от натиска Литвы. Поддерживала Орда Русь и против крестоносцев. Это была неволя, но была и стабильность, и наиболее дальновидные и энергичные русские князья делали все для того, чтобы, сохраняя с Ордой уже устоявшиеся отношения, использовать ситуацию с пользой для Руси. Первым это блестяще делал Александр Невский.

В относительно спокойное Волжско-Окское междуречье потянулись люди из других краев. Шли беженцы из Галицко-Волынской Руси, Киевской и Черниговской земель. Шли крестьяне, ремесленники, торговцы. Уходили под защиту северных лесов бояре со своими дружинами. Известен случай, когда в маленькую Москву с юга переселился крупный боярин и привел с собой 1700 вооруженных людей. Переселялись сюда и выходцы из псковских и новгородских земель, где постоянно кипела борьба с литовцами, немцами, шведами. Люди хотели покоя и безопасности.

Причем народом полнилась в первую очередь та часть Северо-Восточной Руси, которая была удалена и от Орды, и от западных границ. Это были земли небольших княжеств — Тверского, Московского, Ярославского. Но и старые земли — Владимирская, Ростовская, Суздальская — были предпочтительнее для людей, чем беспокойные южные края.

В то же время здесь было все необходимое для жизни людей.

Прекрасные земельные угодья простирались среди лесов под Суздалем и Владимиром. Лес, реки, озера давали пищу и строительный материал. Здесь издревле была своя соль, болотная железная руда.

Большую роль сыграли в этом деле князья. Они показали себя рачительными хозяевами. Во Владимирской Руси в целом, но особенно в небольших, хорошо укрытых от врагов Московском, Тверском, Ярославском, Нижегородском княжествах князья основывали новые города, создавали новые крепости, призывали на свои земли людей со всей Руси. Пришедшие сюда бояре с дружинами, как и прежние верные слуги местных князей, получали обширные земельные владения, населенные крестьянами. С конца XIII в. в этой части Руси восстановилось каменное строительство, в том числе церквей. Люди, приходившие помолиться в новые каменные храмы, видели воочию развитие края, приобретали духовную уверенность. Расширялись и обустраивались и прежние города, обносились пока еще дубовыми, но уже новыми стенами.

Большую роль в подъеме Руси играла церковь, монастыри. Во всех северо-восточных княжествах деятели церкви, используя средства верующих, в том числе поддержку князей, бояр, купцов, обустраивали свое хозяйство. Они строили храмы, расширяли приданные церковным организациям земельные участки, призывали на них крестьян, ремесленников, предоставляли им налоговые льготы, использовали их труд в своих интере-

сах, богатели, но одновременно содействовали общему развитию хозяйства Руси.

Велика в этом деле была роль монастырей. Монастырские братства в городах и пригородах не только молились Богу, исполняли религиозные службы, привлекая к себе тем самым верующих людей, но и вели, как уже говорилось, собственное хозяйство, устраивали хозяйственные комплексы, воздвигали вокруг монастырей высокие стены, ставили между ними башни. Это были настоящие крепости.

Именно в церквях и монастырях возобновилось при поддержке княжеской власти угасшее было летописание. Здесь же переводились греческие и болгарские православные сочинения, возобновилась иконопись: мощная русская культурная традиция начинала новую жизнь.

Монастыри усердно осуществляли хозяйственную колонизацию Северо-Восточной Руси, освоение новых земель. Молитва здесь шла рядом с топором дровосека, сохой пахаря, косой, мотыгой...

В лесную глушь, подальше от мирских страстей и людских глаз, уходили отшельники-богомольцы. Рубили себе скромную избушку, ставили в изголовье икону, молились в одиночестве, готовились к встрече с Богом уже в иной жизни. Но и земная жизнь прельявляла к ним свои требования: надо было обороняться от зверя, добывать пропитание, согреться в лютые морозы. Отшельники очищали от леса небольшие участки земли, сеяли зерно, разводили огород.

Сюда, в лесные дебри, прослышав про святую жизнь такого отшельника, приходили верующие, просили утешения, духовной защиты. Несли в скромных узелках святому человеку «что Бог послал» — хлеб, яйца, творог, всякую зелень. Некоторые селились здесь, принимали постриг, становились монахами — зарождалось новое монастырское братство, зарождалась новая жизнь. Монастырь обрастал поселенцами, вокруг святой обители появлялись деревеньки.

В городах не только возобновилось каменное строительство, но возродились старые ремесленные специальности: кузнечное дело, кожевенное, гончарное, сапожное, плотничное, камнерезное и др. Появились десятки новых ремесленных профессий.

Для усиления обороны страны было важно, чтобы во всех княжествах, во всех крупных городах широкое распространение получило производство вооружения и доспехов. Не покладая рук трудились бронники, щитники, лучники, кольчужники; кузнецы ковали не только бытовую и сельскохозяйственную утварь, но и мечи, боевые топоры, наконечники копий. Русь неторопливо, но упорно вооружалась, готовилась к новым битвам и к главной из них — с Ордой.

Постепенно оживало русское крестьянство, бывшее в то время вместе с ремесленниками основной производящей силой в стране. Собственно, становление боярских вотчин, монастырских хозяйств, наполнение товарами как местных рынков, так и купеческих возов и кораблей, отправившихся в дальние края, во многом зависело от труда крестьянина на земле, в лесу, на рыбной ловле, ремесленника — в своей мастерской.

С горечью возвращались крестьяне из лесных укрытий, где они спасались от врагов, на свои пепелища, брались за топор, пилу, лопату, копали на скорую руку полуземлянки, уходившие полом в землю и крытые сверху деревянным настилом, валили первые деревья, уже основательно ставили новые рубленые избы, складывали очаги, и скоро струйки синего дыма, встававшие над новыми жилищами, показывали, что люди здесь опять вернулись к жизни.

Они распахивали заброшенные в тяжелую годину участки, производили и новые «росчисти», «сечи», отвоевывая у леса пядь за пядью.

Именно в это время зазвучало слово «починок» — так называли вновь возникшие крестьянские хозяйства в один-два двора, которые появлялись на прежних пустошах, на лесных полянах и опушках.

Наполнялись людьми и старые, некогда большие пригородные села и отдаленные деревеньки. Постепенно подсечное земледелие и перелог уступали место трехпольным севооборотам. Подсечная система состояла в очищении почвы при помощи вырубki и сжигания леса или кустарника. Эту почву использовали до истощения, а потом забрасывали участки. Перелог же означал использование в течение нескольких лет одного и того же участка почвы с его последующим отдыхом. Теперь же они начали уступать место более прогрессивному способу обработки почвы — трехпольному севообороту (яровые и озимые хлеба и пар, т. е. отдыхающая пашня). В крестьянских хозяйствах растет число лошадей, волов, а тем самым увеличивается количество навоза, вывезенного на поля. Это повышало урожайность, давало больше продуктов на рынок. Развивались и сельские промыслы — охота, рыболовство, бортничество. В этом смысле Северо-Восточная Русь обгоняла другие районы страны.

Все более значительную роль в жизни Руси начинала играть торговля. Она оказалась той животворной артерией, по которой потекла свежая кровь возрождающейся русской экономики. Развитие торговли всегда было первым признаком возрождения любой страны.

Татаро-монгольское нашествие нанесло большой ущерб русской торговле. Осложняли дело и постоянные войны русских земель: Владимирско-Суздальского княжества с Литвой, Новгородского государства с немцами и шведами. В результате значительно ослабли торговые обмены с Прибалтикой, странами Центральной Европы, полностью были утрачены связи с Византией, Закавказьем. Постоянные торговые гости на русских рынках — армяне и грузины исчезли с русских рынков. С Венгрией вели торговлю лишь города Южной Руси.

Теперь же, по мере восстановления хозяйства в Северо-Восточной Руси, оживления ремесленного производства, возрождались и торговля. Восстанавливался торговый обмен между отдельными селениями. Крестьяне и ремесленники начали вывозить продукты своего труда и на местные рынки, и в другие города, отдаленные районы. Но, конечно, решающее значение имели здесь профессиональные торговцы. На север они везли хлеб и соль, на юг — рыбу и пушнину. Купцы пробивались в западные страны, откуда везли сукна. Наладилась торговля с крымскими богатыми городами. Обширную торговлю начали вести монастыри. Их купцы уже не ограничи-

вались закупками товаров для нужд монастырей, но сами вели посреднические операции.

Купечество и ремесленники для поддержки друг друга объединялись в профессиональные организации — дружины или артели, сотни, ряды. Эта поддержка заключалась в том, что они использовали общие склады, помогали в сбыте товаров, предоставляли друг другу кредиты, страховали за счет общих средств на случай стихийных бедствий, гибели или разграблений торговых караванов во время опасного и далекого пути.

Вновь воспрянули ростовщики. Ростовщические сделки проводили и купцы, и монастырские казначеи, и бояре, и князья. Все большее количество торговцев и ремесленников селилось там, где им было удобно сбывать продукты своего труда, товары, либо в слободах — больших селениях, окружающих города, либо в самих городах близ крепостей, близ кремля, чтобы в случае опасности уйти под защиту крепостных стен. Эти поселения назывались посадами, потому что князья и бояре зачастую «сажали» здесь своих людей, которые становились посадскими людьми. Среди посадских людей выделялись богатые купцы, крупные ремесленники, владельцы нескольких мастерских, ростовщики. Они имели свои хоромы, слуг, скупали земли. Другое дело посадская беднота — мелкие ремесленники, подмастерья, разного рода подсобные рабочие или работные люди. Их уделом была вечная нужда, заработок, который едва-едва обеспечивал дневное пропитание.

Личная инициатива, личные интересы, предприимчивость, сметка, риск лежали в основе действий всех этих людей — от князей и высшего духовенства до последнего крестьянина и ремесленника. Важно, что в новых, более благоприятных, чем прежде, условиях каждый на своем месте добивался определенных результатов. А в совокупности это и было развитие страны, усиление отдельных княжеств.

Вместе с тем все эти процессы были глубоко противоречивы. Да, вотчинники и монастыри призывали к себе крестьян, помогали им устроиться на новом месте, давали право жить и работать на принадлежащих им землях, предоставляли льготы. Но одновременно бедные и нестроенные люди попадали от них в зависимость, из которой потом было трудно вырваться: льготы и помощь кончались, а обязательство отработать, заплатить оброк натурой (частью урожая, живностью, овощами, рыбой, грибами, медом, ягодами) или деньгами оставалось. То же и ремесленники: они попадали в лапы ростовщиков, должны были платить оброк предметами труда или деньгами господам, на чьих землях стояли их дворы. А ведь были еще и государственные, т. е. общекняжеские, налоги, пошлины, поборы, обязанности отработать на починке дорог, мостов, вновь возводимых крепостей, храмов.

Князья же все в больших размерах предоставляли свободные еще от частных владений земли в руки бояр-вотчинников и своих дворцовых слуг и воинов в поместья, т. е. помещали их на своих землях, населенных крестьянами, и требовали за это определенные виды службы, в первую очередь военную. Та пирамида зависимости одних от других, которая зародилась еще в Древней Руси, теперь вновь ожила и активно развивалась в Севе-

ро-Восточной Руси. Эта зависимость людей друг от друга на основе права владения землей и усиливала экономическую мощь края, укрепляла княжескую власть, военные силы русских земель, но одновременно порождала противоречия между крестьянами, ремесленниками и вотчинниками, помещиками, монастырями, княжеской властью.

На нижней ступени общественной лестницы стояли, как и прежде, холопы, которые оказывались в полной собственности господ.

§ 7. Возвышение новых русских центров

В послебатьево время разными оказались судьбы русских земель. Южная и Юго-Западная Русь — земли Киевская, Черниговская, Галицко-Волинская — не только подвергались постоянным ордынским набегам, но и давлению со стороны сильных соседей. В XIV в. земли Галицко-Волинского княжества были поделены между Венгрией, Польшей и Литвой. Литва и Польша захватили Киевское и Черниговское княжества.

Таким образом вся Южная и Юго-Западная Русь оказалась оторванной от остальной Руси. С XIV в. эти земли стали называться Малой Русью, или Малороссией.

К концу XIII и в начале XIV в. новые явления в жизни русских земель, приведшие к возрождению Руси, сказались там, где для этого были наиболее благоприятные условия. Закатывалась звезда старых русских центров, и восходили на политическом небосклоне новые звезды. Во-первых, это были западные и центральные русские земли (княжества Полоцкое, Смоленское и др.), которые не пережили татаро-монгольского нашествия и последующих карательных экспедиций, не знали над собой татарского бича и были свободны от ордынского ига.

Во-вторых, к ним относилось Окско-Волжское междуречье, особенно только недавно выделившиеся княжества — Тверское и Московское, которые начали развиваться уже после опустошительного нашествия. Они быстро стали центром притяжения народных сил. Эти небольшие княжества хорошо использовали силу своего местоположения на перекрестках сухопутных и водных торговых путей. Сюда реже доходили татарские рати, которые часто громили владимирские, суздальские, рязанские, нижегородские земли.

В-третьих, это был «господин Великий Новгород». Здесь хотя и ощущалась ордынская зависимость и давил налоговый пресс Сарая, но новгородская аристократическая республика была менее зависима от Орды, чем княжества Северо-Восточной Руси. Новгород отстоял свою независимость от натиска немцев и шведов, сохранил огромные владения на северо-западе, севере и северо-востоке Руси. К тому же никогда не прерывались связи Новгорода со странами Северной Европы, с немецкими торговыми городами, что усиливало новгородскую экономическую мощь.

Появление Литовско-Русского государства. Западные русские земли связали свою судьбу с Литвой. Полоцкое княжество осталось, по существу, крупнейшим независимым русским княжеством на западе русских земель. Его единственным сильным соперником в этом крае стали литовские племена, которые в начале XIII в. создали сильный племенной союз. С Литвой

боролись полоцкие князья, а также владими́ро-суздальские князья Ярослав Всеволодович и Александр Невский. Постоянно отбивал натиск литовских войск и Великий Новгород. Литовцы стремились продвинуть свои владения на восток и старались завоевать смоленские земли. Поэтому Смоленское княжество в союзе с Владимиро-Суздальским княжеством всячески противостояло Литве.

Положение на западных границах Руси резко изменилось после татаро-монгольского нашествия и установления над Северо-Восточной Русью ордынского ига. В этих условиях Полоцкое княжество все чаще шло на союзные отношения с Литвой против опасности со стороны Орды.

Смоленское княжество также предпочитало иметь дело со свободной Литвой, чем с зависимой от Орды Северо-Восточной Русью. К тому же и Литва, и западные русские земли подверглись, как и Новгород, атакам немецких рыцарей. Литовцы и Полоцкое княжество совместно противостояли этому натиску.

Таким образом, поднимающаяся Литва, с одной стороны, стремилась прибрать к рукам русские земли, с другой — давала им защиту от Орды и немецких крестоносцев. С середины XIII в. на этом пути был достигнут компромисс: на полоцком троне утвердился литовский династический дом. Однако Полоцкая земля сохранила свою автономию, свой язык, собственные законы, духовную культуру. Православная религия русских сосуществовала здесь с литовским язычеством. Существовало и полное равноправие литовцев и русских. Постепенно в этой части Восточной Европы появилось Литовско-Русское государство, основная часть населения которого оказалась восточными славянами.

С присоединением к этому государству Киевского и Черниговского княжеств, а также части Галицко-Волинской земли оно по своим размерам и составу населения напоминало Древнерусское государство. Особенно это стало очевидным, когда Полоцкая земля вошла полностью в его состав. Образовалась мощная балтославянская держава: 9/10 ее населения называли себя русскими.

Понятно, что и Смоленское княжество стало тяготеть к новому литовско-русскому центру, что обещало защиту от Орды. Не случайно владими́ро-суздальские князья по инициативе и при поддержке Орды неоднократно ходили походами на Литву. Однако литовцы и русские отбивали этот натиск. В свою очередь, литовско-русская граница все дальше отодвигалась на восток и все больше русских земель входило в орбиту влияния Литовско-Русского государства.

Тверь становится лидером. На рубеже XIII—XIV вв. лидером среди русских земель становится Тверское княжество. Это случилось после того, как умер последний сын Александра Невского, великий князь владимирский Андрей Александрович. Его наследником по старшинству мог бы быть младший брат Даниил Александрович, князь московский. Но он умер раньше великого князя.

Теперь великокняжеский стол по старшинству переходил к племяннику Александра Невского, сыну его брата Ярослава Ярославича — Михаилу Ярославичу, князю тверскому. Но все зависело от того, признает ли это

старшинство Орда и получит ли Михаил Тверской ярлык на великое княжение от ордынского хана.

К этому времени Тверское княжество из неизвестного ранее удела стало одним из сильнейших на Руси. А юный тверской князь вырос в умудренного опытом, сильного и хитрого политика, старшего из Рюриковичей, хотя ему было 33 года.

Если Москва располагалась в самом центре Окско-Волжского междуречья, через которое шли пути и на Чернигов, и на Волгу, и далее на юг, и в земли Великого Новгорода, и на польско-литовскую границу, то Тверь контролировала северную часть Волжского пути и дороги, идущие на юг из Новгородского княжества и прибалтийских земель.

Хотя Тверь, расположенная на берегу Волги, была защищена от нападений не так хорошо, как укрытая среди лесов и болот Москва, зато ее водная дорога — Волга была значительнее. Вместе с тем Тверь была наиболее удалена от крупных городов Владимиро-Суздальской Руси, через которые татары регулярно вторгались на Русь.

В Твери, как и в Москве, собирались беженцы из многих других областей, и в первую очередь тянулось население как с юга, так и со всего русского северо-востока, потому что сюда редко добирались татарские каратели.

К концу XIII в. в Тверской земле уже стояли сильные крепости — Кашин и Старица, а сама Тверь была хорошо укреплена и располагала сильной ратью.

Тверь стала городом, где после татаро-монгольского нашествия был построен из камня первый в Северо-Восточной Руси храм Спаса.

Уже в 80-е гг. XIII в. юный Михаил Ярославич отказывался подчиняться воле своего дяди, великого князя, а когда тот попытался силой заставить тверского князя склонить голову, то Михаил стал «наряжать полки», и великий князь отступился. Успешно отбивала Тверь и натиск литовцев.

Михаил Тверской был известен своими дипломатическими способностями. Так, в начале 90-х гг. благодаря переговорам в Орде он сумел предотвратить появление ордынского войска на территории Тверского княжества, хотя все другие земли Владимиро-Суздальской Руси были разграблены.

Тверской князь был одним из первых, кто начал укрывать от Орды часть дани и использовать ее на усиление собственного княжества.

В 1305 г. Михаил Ярославич получил от хана ярлык на великое княжение и официально стал носить титул «великий князь владимирский».

Формально великому князю владимирскому подчинялись остальные русские земли, в том числе и Новгород. Тверь вышла на ведущие роли среди северо-восточных русских земель.

Первый московский князь — Даниил. В то время как Литовско-Русское государство и Тверское княжество уже набрали силу, Москва представляла собой еще маленькое и незначительное княжество, которое послушно выполняло волю более сильных князей.

В своем завещании Александр Невский оставил Москву своему младшему сыну Даниилу. В момент смерти отца ему было всего два года. А пото-

му воспитателем и опекуном первого московского князя стал его дядя — великий князь Ярослав Ярославич Тверской. Так, едва выделившись в качестве самостоятельного княжества, Москва стала придатком Тверского княжества.

Но время шло, Даниил Александрович вырос, возмужал, а дядя постарел и в 1273 г. умер. Этим временем мы и можем датировать начало самостоятельного правления одиннадцатилетнего князя.

И все равно Москва оставалась в тени других княжеств Северо-Восточной Руси. Титул великого князя переходил по очереди к старшим сыновьям Невского — Дмитрию Переяславскому, потом к Андрею Городецкому. Во время их борьбы между собой Даниил Александрович Московский неизменно выступал в союзе с Тверью то против одного, то против другого.

Позднее, когда Тверь значительно усилилась, Даниил Александрович начал принимать участие в союзах, направленных против Тверского княжества. Уже тогда зародилось будущее соперничество двух поднимающихся к силе и славе молодых русских княжеств.

В ходе противоборства сыновей Александра Невского, в котором принимали участие и ордынские войска, Москва вторично в своей истории в 1293 г. была взята и разграблена татарами.

Однако Москва быстро оправилась от разгрома и продолжала играть все возрастающую роль в русских делах.

В эти годы первый московский князь сполна наверстал упущенное в молодости, когда он вынужден был зависеть от старших князей и выполнять указания тверского князя. На рубеже XIII—XIV вв. Даниил показал всю силу своего характера. Он проявил себя как решительный, дальновидный и крайне жестокий политик. Кажется, вся сила и мощь человеческих качеств Александра Невского достались его младшему сыну.

В 1300 г. Даниил неожиданно напал на Рязанское княжество и во время переговоров захватил в плен рязанского князя. Это привело к тому, что Москва овладела принадлежавшей Рязани Коломной.

Затем так же вероломно Даниил захватил близлежащий Переяславль, где умер бездетным его племянник. По всем тогдашним правилам Переяславское княжество, не имея наследника, должно было перейти к великому князю, но Даниил добился от умирающего племянника завешания в свою пользу. И пока старший брат Андрей жаловался в Орде на его самоуправство, Даниил ввел военный отряд в Переяславль.

А вскоре на западной границе княжества Даниил захватил Можайск, принадлежавший ранее Смоленскому княжеству. Теперь все течение Москвы-реки — этой важной торговой артерии — от истоков до устья находилось в руках Москвы.

Все это намного усилило Москву, увеличило экономическую и военную мощь княжества. Но сама судьба поставила предел успехам Даниила: в 1303 г. он скончался в возрасте сорока одного года, так не дождавшись титула великого князя. Через два года этот титул получил в Орде энергичный и удачливый Михаил Ярославич Тверской. Тверь явно брала верх над Москвой.

ГЛАВА 3. ВОЗВЫШЕНИЕ МОСКВЫ

§ 1. Схватка Твери и Москвы за первенство

После смерти Даниила Александровича на московский престол встал его сын Юрий Данилович.

Как только Михаил направился в Орду к новому хану Тохте за ярлыком, туда же помчался и Юрий, пытаясь отспорить себе право на великое княжение. Конечно, он вез дорогие подарки хану и его родне, видным ордынским вельможам. Уже на этом, начальном, этапе борьбы за верховный титул Юрий показал себя как политик исключительно честолюбивый, упорный, беспощадный и неразборчивый в средствах. Для него годилось все, что помогало победить соперника. И здесь он превосходил Михаила. Его даже не смушало то, что тверской князь был старшим в роду, что его поддерживали бояре покойного великого князя и глава православной церкви митрополит Максим, который в 1299 г. переехал из захваченного иноземцами Киева во Владимир-на-Клязьме.

Митрополит уговаривал московского князя не ездить в Орду и не ввергать нож раздора в русские земли, но Юрий Данилович шел напролом. Уже в это время он обещал дать хану больше дани, чем давал тверской князь. Михаил в свою очередь обещал еще больше: оба ведущих русских князя выслушивались перед ханом.

Как мы знаем, в этом споре победил Михаил. Он вернулся с ярлыком великого князя. И тут же тверские наместники были направлены в Новгород. Войска были посланы и в Переяславль, недавно захваченный Москвой. Юрий Данилович отбил тверское войско, а сам попытался захватить зависимую от Твери Кострому. Тверь защитила свою «отчину».

Так началось грозное противостояние Твери и Москвы, полное кровопролитий, клятвопреступлений, тайных заговоров, постоянных обращений в Орду за поддержкой. Инициатором этой борьбы стал неуемный московский князь. Он попытался овладеть политическими позициями в Новгороде и выгнать оттуда тверских наместников. Михаил ответил войной, разорениями московских земель, ожесточенными сражениями и гибелью людей, спаленными селами и городами. Успех в войне сопутствовал Михаилу, который показал себя незаурядным полководцем. В 1308 г. тверское войско даже осадило Москву, но та устояла.

Затем каждый из соперников попытался поставить после смерти прежнего митрополита на митрополичий престол своего человека. Они понимали, сколь велика поддержка церкви в этом противоборстве. Здесь победила Москва, и противник Твери митрополит Петр утвердился при поддержке Юрия Даниловича во Владимире.

Тем не менее Михаил Ярославич, опираясь на помощь хана Тохты, укреплял свои позиции. Он получил право самостоятельно, а не через татарских сборщиков дани — баскаков — собирать дань для Орды. Часть ее он продолжал утаивать. Михаил Ярославич привел к повиновению Новгород и начал наступление на новгородские вольности. Для этого он несколько раз блокировал с юга подвоз зерна в Новгород.

Михаил Ярославич присвоил себе титул «великий князь всея Руси», в письмах к нему уже появляется обращение «царь». Тверь откровенно претендовала на то, чтобы возглавить объединение русских земель.

Ситуация круто изменилась, когда на престол в Орде вступил новый хан — Узбек.

По сложившейся традиции Михаил Ярославич поехал в Орду, для того чтобы подтвердить у нового тамошнего владыки право на великокняжеский ярлык. Но за тем же туда двинулся и неугомонный Юрий. В это время Новгород попытался отложиться от Твери. Михаил вскоре вернулся на родину, привел с собой татарский отряд и подавил сопротивление Новгорода.

А Юрий остался в Орде и провел там четыре года, продолжая плести интриги против соперника. Юрий обвинил его в утаивании дани, скрытом сопротивлении Орде. В Сарае он женился на сестре хана Узбека и вернулся с татаркой-женой и мощным ордынским отрядом. С собой он вез долгожданный ярлык на великое княжение. Теперь Юрий Данилович Московский стал первым князем на Руси.

И вся Русь раскололась на два враждующих лагеря — во главе одного стояла Тверь, во главе другого — Москва. Компромисса между сильными, целеустремленными соперниками быть не могло. В этих условиях Орда, попеременно поддерживая то Михаила, то Юрия, стремилась ослабить оба княжества, не дать им превратиться в настоящего общерусского лидера.

Хотя тверской князь смирился с решением Орды, Юрию этого было мало: он хотел полностью уничтожить соперника. Осенью 1317 г. московско-татарское войско вторглось на территорию Тверского княжества, одновременно новгородцы ударили с севера.

Михаил одержал над противниками ряд блестящих побед. Сначала он отразил новгородскую рать и заставил Новгород подписать мир. В это время московско-татарское войско шло войной по Тверскому княжеству. Горели русские села и деревни, воины вытапывали поля, забирали людей в плен. Так — на костях русских людей — поднимался к могуществу и славе московский великий князь Юрий Данилович.

В решающем сражении Михаил наголову разгромил Юрия, в плен к тверскому князю попали многие московские бояре и жена Юрия. В то же время Михаил приказал своим полкам не трогать стоящих поодаль и наблюдавших за битвой татар.

И чем больше побед одерживал тверской князь, тем более подозрительно к нему относились в Орде. Своими победами Михаил рыл себе могилу.

Теперь к прежним обвинениям Юрий прибавил захват в плен и смерть в тверской неволе своей жены.

Михаилу Ярославичу пришел приказ из Орды явиться к хану Узбеку для расследования всех дел на Руси. Такой же приказ получил и Юрий Данилович.

С тяжелым чувством ехал в Орду Михаил Ярославич. Он получил известие от верных людей, что хан готовит над ними расправу. Сыновья и соратники советовали ему бежать за рубеж, но Михаил отказался, полагая, что этим он лишь навлечет беду на Тверское княжество: он знал, что ор-

дынская рать для разорения русских земель стоит уже наготове. Перед отъездом Михаил Ярославич написал завешание, попрощался с семьей.

По прибытии в Орду Михаила Ярославича дважды приводили в собрание советников хана, и те бросали ему грозные упреки. Здесь же, в Орде обретался и ненавистник Михаила Ярославича московский князь. Он всячески интриговал против Михаила, наговаривал на него хану и его советникам.

Второй раз на ханское судилище Михаила привели уже с колодкой на шее. С него сняли княжеские одежды, обрядили в тряпье, поставили у его шатра стражу. Бывшие при нем соратники предложили тверскому князю бежать и даже припасли коней, но он отказался, решив испытать свою горькую чашу до дна. Последние дни Михаил проводил в молитвах.

В один из дней к его шатру направилась группа вооруженных татар. С ними были московский князь и его приспешники. Они ворвались в шатер и начали избивать Михаила. Один из нападавших взял его за колодку и ударил оземь, другой вынул нож и ударил князя под ребра, а потом вырезал у него сердце и поднял его на ладони. Тело Михаила Ярославича было брошено на дороге.

Лишь позднее его отвезли на телеге прочь.

Победители привезли тело Михаила к себе в Москву и там захоронили. Только несколько недель спустя вдова Михаила и его сыновья отмолили останки князя у Юрия Даниловича и перезахоронили его в Твери. Русская православная церковь позднее объявила Михаила Ярославича Тверского святым.

Теперь, казалось, ничто не мешало Юрию Даниловичу утвердить свою власть на Руси. Однако, убрав одного сильного противника, ордынские правители вовсе не собирались усиливать мощь другого. Сын казненного князя Дмитрий Михайлович приехал в Орду, доказал невиновность отца и выявил все наветы московского князя. Теперь хан отнял ярлык на великое княжение у Юрия Даниловича и передал его новому тверскому князю. Юрий продолжил борьбу, нападая на тверские земли.

В 1324 г. соперники были вызваны для новых объяснений в Орду, и там, на глазах изумленного хана, тверской князь зарубил убийцу его отца — Юрия Московского. Через несколько дней татары казнили и его, но ярлык передали все-таки в Тверь, второму сыну Михаила Ярославича.

В ходе этой борьбы Тверь была надломлена, ее земли разорены. Погиб ее талантливый и яркий правитель, который попытался объединить под своей рукой русские земли. Орда могла торжествовать победу над обоими сильными русскими князьями.

§ 2. Возвышение Москвы. Иван Калита

После гибели Юрия Даниловича власть в Московском княжестве перешла к его брату — Ивану Даниловичу.

В отличие от необузданного, рискованного старшего брата, Иван Данилович был правителем осторожным, осмотрительным и нелюбимым. Однако хитрость, жестокость и целеустремленность, свойственные потомкам Александра Невского, он сохранил полностью.

Иван Данилович хорошо понимал, что добиться успехов на Руси можно лишь при опоре на Орду, но так, чтобы не выказывать откровенно своих претензий на лидерство и не демонстрировать свою силу, как это делали Михаил Ярославич и Юрий Данилович. Главное для него заключалось в том, чтобы любыми путями столкнуть Тверь с Ордой. И такой случай скоро представился.

Уже со времени гордого и независимого Михаила Ярославича в Тверском княжестве копилась ненависть к ордынским насильникам. Особенно она увеличилась после убийства одного за другим их князей и разгрома тверских земель московско-татарскими войсками. Поэтому нужна была лишь искра, чтобы в Твери разгорелся большой пожар антиордынского восстания. Такой искрой стала в 1327 г. драка на торгу, когда тверичи пришли на выручку своему земляку, обиженному татарскими баскаками. Загудел вечевой колокол. Со всех сторон Твери на торг бросились люди. Началось избивание ордынских насильников. Главарь татарского отряда укрылся в княжеском дворце, но его подожгли вместе с ордынцами. Скоро восстанием была охвачена вся Тверская земля.

Иван Данилович решил использовать благоприятный момент. Он выехал в Орду и предложил хану свои услуги. Обратившись к татарскому войску и жестоко подавив восстание, Огнем и мечом он прошел по Тверской земле.

Тверской князь, носивший титул великого князя владимирского, бежал во враждебное Орде Литовско-Русское государство. За услуги Орде московский князь получил приращение к своим владениям: ему были переданы Кострома и Новгород, где ранее сидели наместники тверского князя.

Теперь силы Твери были вновь значительно подорваны.

Но Орда не была бы Ордой, если бы хан сразу же отдал все преимущества Ивану Даниловичу. Напротив, после бегства тверского князя ярлык на великое княжение хан, в обход московского князя, отдал в Суздаль. Орда продолжала играть на противоречиях между русскими князьями. И лишь в 1332 г., после смерти суздальского князя, Иван Данилович получил наконец титул великого князя владимирского.

Высшую власть в Северо-Восточной Руси Иван Данилович использовал сполна для усиления позиций Московского княжества.

Во-первых, он продолжал всеми мерами сотрудничать с Ордой, выказывая себя послушным подручным хана. Иван Данилович часто бывал в Сарае, вез подарки хану, его родственникам и сановникам, льстил им, вел себя смиренно и послушно. Он исправно платил дань Орде и вскоре получил право от имени Орды собирать дань со всех русских земель. Иван беспошадно выколачивал дань и жестоко карал за неуплату.

Во-вторых, Иван Данилович упорно и целеустремленно продолжал расширять пределы Московского княжества. При нем Москва начала объединять другие северо-восточные русские земли.

Огромные деньги проходили через его руки, и значительная часть их оседала в его личной казне. Используя собственные накопления и то, что он утаивал от Орды, Иван Данилович прикупал чужие владения, округлял свои. Там, где не работали деньги, он не брезговал откровенным насилием, угрозами. При этом Иван Данилович неизменно опирался на помощь Ор-

ды, владыка которой, обманутый его послушанием, не смог разглядеть в нем решительного и беспощадного политика. Иван присоединил к Московскому княжеству Ростовское, Галицкое, Белозерское, Угличское. Теперь Московское княжество стало самым крупным и сильным среди других русских княжеств.

В-третьих, московский князь проявил себя как рачительный и бережливый хозяин, скопидом. Он не тратил зря деньги, вел скромный образ жизни, много помогал нищим и убогим. Куда бы он ни шел, у него на поясе неизменно висел кошель с деньгами. Такой кошель на Руси называли калитой. Из этого кошелья он нередко доставал мелкую монету и оделял нуждающихся. Его так и прозвали в народе: «Иван Калита». Под этим именем он и вошел в русскую историю.

В-четвертых, Иван Калита превратил Москву в церковный центр русских земель. Он частенько приглашал к себе погостить престарелого митрополита Петра, чья резиденция была во Владимире. В Москве владыку хорошо принимали и всячески обхаживали, ублажали. Петр подолгу жил в Москве. Там и умер, и был похоронен в Успенском соборе, который в ту пору был еще деревянным. Покойного митрополита Петра объявили святым угодником и покровителем Москвы. К его гробнице стали стекаться паломники, около нее молились верующие.

Следующий митрополит уже переселился в Москву. Москва стала центром русской митрополии. Это увеличило значимость и авторитет Московского княжества.

При Иване Калите Русь вздохнула с облегчением: прекратились княжеские междоусобицы, ордынцы перестали совершать набеги на русские земли. Теперь Северо-Восточная Русь могла в полной мере использовать свое выгодное положение среди других русских земель.

Со времени Ивана Калиты титул великого князя владимирского прочно находился в руках московских князей. Более того, умирая, Иван Калита передал свою власть не старшему в роду, а своему сыну, вовсе не заботясь о мнении на этот счет Орды. Наследование в Московском княжестве пошло по прямой мужской линии — от отца к сыну.

§ 3. Вильно или Москва?

Осторожную и неторопливую политику Ивана Калиты продолжали его сыновья — Семен Гордый (1340—1353) и Иван II Красный (1353—1359), что значит «красивый». По отношению к противникам они действовали разными методами — деньгами, оружием, хитростью, срамливали их между собой.

Семен Иванович недаром получил прозвище Гордый. Он правил твердо и властно. Но по-прежнему и он, и его брат и преемник Иван Иванович, вставший на престол после того, как чума унесла в могилу всю княжескую семью, сохраняли тесные отношения с ордынскими ханами, могущественнейшим Узбеком и его наследником Джанибеком. Москва до поры до времени покорно следовала за политикой Орды. Одновременно в условиях мира и покоя она собирала силы и подчиняла себе другие русские княжества.

Тяжелейшую и кровопролитнейшую схватку с Тверью за лидерство в русских землях выиграла в конце концов Москва. Но на западных границах Московского княжества с каждым десятилетием набирал мощь новый противник — Литовско-Русское государство.

Созданная великими литовскими князьями Миндовгом и Гедимином, Литва к середине XIV в. превратилась в огромное и сильное восточноевропейское балтославянское государство. И пока Тверь и Москва боролись за лидерство в русских землях, усилившаяся Литва активно продолжала присоединять к себе русские земли.

В середине XIV в. великий литовский князь Ольгерд Гедиминович предъявил претензии на объединение не только Западной, Центральной, но и Северо-Восточной Руси. Перед историей встал выбор: кто — Вильно, столица Литовско-Русского государства, или Москва — одержит верх в этой борьбе.

Москва при этом прочно опиралась на Орду, а Литва — на все антиордынские силы. В пользу Литвы склонялась и верхушка Тверского княжества, а также часть новгородских бояр.

И тверичи, и новгородцы видели в союзе с Литовско-Русским государством защиту как от Орды, так и от натиска западных крестоносцев.

Первые крупные столкновения Москвы и Литвы произошли еще в 40-е гг. XIV в., когда Иван Калита с татарским отрядом предпринял поход на союзный с Литвой Смоленск, а вскоре Ольгерд нанес удар по Можайску, бывшей смоленской вотчине, отошедшей к Москве. Литовские войска стали появляться поблизости от Москвы.

Для Москвы дело осложнялось тем, что постоянный прежний господин и союзник — Орда начала слабеть. Она, как и другие страны Европы, вступила, правда со значительным опозданием, в период феодальной раздробленности и политической нестабильности. В Сарае началась внутренняя борьба между отдельными ханами и стоящими за их спиной феодальными кланами. Время былой мощи постепенно стало сходиться на нет. Этим немедленно воспользовались различные улусы Орды. Они начали отделяться, заявлять о своей независимости от Сарая.

Ослаблением Орды стали пользоваться и русские земли. Так, Москва постепенно вернула себе влияние в мордовских землях. Но Калита и его сыновья еще прочно держались за Орду.

Другое дело — Литва. Ольгерд повел энергичное наступление на западные владения Орды, освобождая из-под власти Сарая одни земли за другими.

В 1363 г. литовский князь разгромил объединенное татаро-монгольское войско в битве у реки Синие Воды, левого притока Южного Буга. Это была первая со времен Батыева нашествия крупная победа над силами завоевателей. Ольгерд показал, что Орду можно побеждать. Эта победа не только подняла престиж Литовско-Русского государства, но заставила задуматься и московских правителей о своих взаимоотношениях с Ордой.

Разгромленного противника литовско-русские войска гнали на восток, и вся территория между Днестром и Днепром была освобождена от ордынской власти и оказалась в руках Ольгерда.

В 50—60-е гг. XIV в. Ольгерд усиливает натиск на центральные, еще независимые Брянское и Смоленское княжества, захватывает исконно

русские города Ржев, Торопец. При этом он опирался на поддержку Твери, откуда была родом его жена. Сын же его, Андрей, русский по матери, неоднократно водил полоцкие полки на восток, против Москвы.

В 1359 г. на московский престол сел девятилетний Дмитрий Иванович, будущий Дмитрий Донской.

И в этом же году Золотая Орда, после ожесточенной борьбы различных правящих группировок, распалась на две части. Границей между ними стала Волга. В западной части верх взял темник Мамай, который не был потомком Чингисхана, а потому не мог занимать ханский трон. Он действовал за спиной зависимых от него чингисидов, которых он менял одного за другим.

К востоку от Волги шли владения сарайского хана. Между ханом Сарая и Мамаем шла постоянная борьба.

К кому теперь обращаться, где выпрашивать ярлык, на кого ориентироваться — все эти вопросы сразу же встали перед правительством девятилетнего московского князя.

Дмитрий Иванович отправился в Сарай, сопровождаемый своими боярами. Но хан, опасаясь усиления Москвы, отдал ярлык на великое княжение нижегородско-суздальскому князю. Это был серьезный удар по самолюбию малолетнего князя. Потребовалась вторая поездка Дмитрия в Орду, потом третье посольство. И все — с подарками меняющимся на престолах ханам, с просьбами, унижениями.

Наконец Москва добилась своего, и очередной хан передал ярлык Дмитрию Ивановичу, и тут же московское войско двинулось на нижегородско-суздальского соперника. Тот не стал искушать судьбу и согласился в конце концов признать себя вассалом Москвы.

Но надо было еще получить признание от темника Мамаю. Дмитрий Иванович побывал с этой целью в ставке Мамаю.

Они встретились в шатре Мамаю — всеильный темник, владыка половины огромной монгольской державы, и юный московский князь, выступавший здесь послушным просителем. Этот урок унижения Дмитрий также запомнил на всю жизнь. Только после подтверждения ярлыка у Мамаю Дмитрий окончательно утвердился в положении великого князя.

К этому времени Москва добилась больших успехов в объединении под своей рукой русских земель. К Москве отошли Владимир, Дмитров и ряд других земель. Теперь Московскому княжеству принадлежала половина всех земель Северо-Восточной Руси. Москва опиралась на мощное, постоянно растущее хозяйство, на города этой половины Руси. Неслучайно в это время Дмитрий Иванович построил в Москве белокаменную крепость — Кремль.

С рядом княжеств Москву связывали союзные отношения. Другие князья послушно шли за московским князем. Лишь Тверь, изолированная от других княжеств, тесно связанная с Литвой, первая поднявшая знамя борьбы с Ордой, оставалась заклятым врагом Москвы.

В этих условиях Дмитрий Иванович стал первым русским князем, который изменил сложившуюся традицию отношений с Ордой и бросил ей открытый вызов. С 1361 г. он перестал выплачивать татарам ненавистный ордынский «выход» — дань. Русские князья, идущие за Москвой, перестали ездить в Орду за получением ярлыков на свои княжества.

Однако возвышение Мамай изменило положение дел. Он вновь заставил русских князей, в том числе и Дмитрия Ивановича, признать свою власть. В подтверждение своей силы Мамай предпринял ряд карательных экспедиций на Русь.

И все же Московское великое княжество шаг за шагом продвигалось к противостоянию с Ордой.

В это время Литва в союзе с Тверью нанесла по Москве ряд решающих ударов. Именно в 60-е — начале 70-х гг. решался вопрос: кто — Москва или Литва — сумеет объединить под своей властью все русские земли.

Первым бросил вызов Ольгерд. В 1368 г. он повел на Москву сильную литовско-русскую рать. В ее составе были и полоцкие полки. Ольгерд разгромил наспех собранную московскую рать и осадил Москву, где укрылся Дмитрий Иванович. Однако взять город Ольгерду не удалось. Новый каменный кремль выдержал осаду, и раздосадованный литовский князь разгромил и поджег московский посад.

В ответ Дмитрий вместе с другими русскими князьями нанес удары по литовским союзникам. Московские рати вторглись в земли Брянского, Смоленского и, наконец, Тверского княжеств. Калуга и Мценск перешли к Москве. Тверь вынуждена была разорвать союз с Литвой.

В конце 1370 г. Ольгерд снова предпринял поход на Москву. Но Дмитрий Иванович на сей раз тщательно подготовился к войне, и московские рати оказали Ольгерду отчаянное сопротивление. Но литовско-русское войско было более многочисленным, и выучка у него была повыше.

В результате Ольгерд снежной зимой снова дошел до Москвы, продержал ее в осаде восемь дней и вынужден был отступить.

Через год литовский князь совместно с тверским князем повторил свой рейд и потерпел поражение.

Это был критический момент в отношениях Вильно и Москвы. Литва была вынуждена уступить новой поднимающейся русской силе. По заключенному перемирию Ольгерд признал за Дмитрием Ивановичем титул великого князя.

Но не смирилась Тверь. За годы борьбы Литвы и Москвы тверской князь дважды добивался в Орде ярлыка на великое княжение. Но теперь Москва уже перестала считаться с Ордой: Дмитрий Иванович вовсе не собирался уступать с таким трудом добытое первенство. В 1375 г. Дмитрий Иванович организовал поход на Тверь двадцати русских князей всей Северо-Восточной Руси. Объединенное русское войско опустошило тверские земли и осадило Тверь. Тверской князь подписал продиктованные ему условия: он навечно отказывался от посягательств на титул великого владимирского князя и признавал себя «младшим братом» московского князя, а также обязался быть соратником Москвы в борьбе с Литвой и Ордой.

§ 4. Начало борьбы с Ордой. Куликовская битва

Удар по Твери стал масштабной и хорошо продуманной политикой. Только сокрушив Тверь, Дмитрий Иванович мог возобновить борьбу с Ордой, которую он неудачно начал еще в 60-е гг., прекратив выплату дани. Тогда Мамай заставил его вновь пойти в ордынское ярмо.

Теперь же, после побед Литвы над Ордой, после бурного возвышения Московского княжества и подчинения ему половины Северо-Восточной Руси, Москва вновь, уже бесповоротно, взяла курс на освобождение от ордынского ига.

В 1374 г. Дмитрий Иванович разорвал все отношения с Мамаем, который к этому времени стал фактическим правителем Золотой Орды.

Русь прекратила уплату дани. Через год, поставив Тверь на колени, Дмитрий Иванович обезопасил себе тыл на случай противоборства с татарами.

Одновременно происходили важные события в Литве. Ольгерд умер, а его сын и преемник великий князь Ягайло круто повернул руль литовской политики в сторону сближения с католической Польшей. Вместе с Ягайло к власти пришли сторонники так называемой литовской партии, которые ничем не хотели делиться с представителями русской знати — в Литве начались гонения и на православие. В дальнейшем Ягайло принял католичество.

Эти два поворота — Москвы — к борьбе с Ордой, к объединению против Орды всех русских княжеств, а Литвы — к принижению русских, большинства жившего в ней населения, — привели к важным историческим последствиям. Отныне не Тверь и не Литва стали лидером в борьбе с ордынским игом, а Москва и великий московский князь Дмитрий Иванович. Литва же все более становилась средоточием антирусских сил. И естественно, что Ягайло все более начинает склоняться к союзу с Ордой, а русские земли в составе Литовско-Русского государства с этих пор видят в Москве свое избавление от литовского засилья, а позднее, после унии (объединения) Литвы с Польшей — и от польского засилья, и от давления католичества. Жители полоцких, брянских, смоленских, витебских и других земель, и не только простой народ, но и русские князья, бояре, деятели православной церкви, все более активно поворачиваются в сторону Москвы.

Это был огромный важности исторический поворот в Восточной Европе, который надолго определил политику многих государств в этой части Европы.

А пока борьба русских земель, возглавляемых Москвой против Мамаея, принимала все более ожесточенные формы.

В Нижнем Новгороде вспыхнуло восстание против прибывших сюда ордынцев. Полуторатысячный отряд татар был перебит нижегородцами. Некоторое время спустя Дмитрий Иванович послал войско на Волгу во главе с будущим героем Куликовской битвы князем Дмитрием Михайловичем Боброком-Волынским (фамилия его указывает на то, что князь пришел из южных земель Руси, с Волыни). Московское войско овладело городом Булгар и установило контроль Руси над торговым путем по Волге.

Но московский князь на этом не остановился, послал сильный отряд на Казань и заставил в течение некоторого времени платить дань этого вассала Золотой Орды.

Со всех сторон московские рати обкладывали ордынские владения. А вдоль берегов Оки, откуда татары чаще всего прорывались на Русь, московские воеводы устроили сильную оборонительную линию с завалами на

лесных дорогах, сторожевыми постами, с дежурившими на бродах военными отрядами.

Мамай принял вызов Москвы. Властный и сильный правитель, талантливый полководец, он вовсе не собирался уступать Дмитрию Ивановичу, которого еще юношей держал в ожидании перед входом в свой шатер, а потом милостиво вручил ему ярлык.

Во-первых, Мамай сурово покарал Нижний Новгород за уничтожение татарского отряда. Большая Мамаева рать прошла огнем и мечом по русским землям, союзным с Москвой. Нижегородское княжество было разорено.

Во-вторых, в 1377 г. Мамай подготовил новый поход на Русь, и на встречу ордынскому войску вышли полки нижегородско-суздальских князей и Московского княжества. Однако русские воеводы не обнаружили татар и потеряли бдительность.

Татары, проведенные по лесным тропам враждебными Руси мордовскими старейшинами, внезапно прорвались к русскому лагерю на реке Пьяна, притоке Оки. В это время русские воины во главе с воеводами отдыхали, занимались охотой, бражничали, а их брони и оружие лежали в телегах. Как сказано в летописи, они вели себя «на Пиане, аки пиании».

Ордынское войско обрушилось на ничего не подозревавших русских. Разгром союзной рати был полным. Преследуя остатки русского войска, татары ворвались в Нижний Новгород и сожгли его.

Это был горький урок для Руси. Стало ясно, что Орда — это еще сильный и коварный враг, совладать с которым будет непросто.

Через год Дмитрий Иванович показал, что урок, преподанный Руси татарами, он усвоил хорошо.

Когда в Москву в 1378 г. пришли сведения о движении сильного ордынского войска во главе с Бегичем, московские воеводы встретили его во всеоружии.

Навстречу ордынцам вышла сильная московская рать во главе с самим великим князем. Перейдя Оку, Дмитрий Иванович встретил ордынское войско 11 августа на берегу Вожи, правого притока Оки. Татары не ожидали, что русская рать так глубоко выдвинется к югу, и пришли в замешательство. Но отступить было для ордынцев позорно: ведь они привели в своем обозе огромное количество пустых телег для того, чтобы вывозить с Руси награбленное добро.

Бегич дал приказ атаковать русские полки. Тяжеловооруженные конные массы двинулись навстречу друг другу.

Бой был коротким и яростным. Русские выдержали напор монгольской конницы и нанесли по противнику мощные фланговые удары, смяв ряды татар. Затем фронтальный удар предпринял полк, руководимый Дмитрием Ивановичем. Он оказался решающим: ордынское войско дрогнуло и побежало. Разгром был полный: сотни татарских воинов были убиты, пять знатных ордынских князей были зарублены. Погиб и Бегич. Весь обоз, в том числе и пустые телеги для русского добра, достался победителям.

Получив известие о поражении на реке Воже, Мамай пришел в ярость.

Куликовская битва. Для Мамаево восстановление власти и экономического гнета над русскими землями имело огромное значение. Это могло бы

дать ему дополнительные средства в борьбе с соперниками в самой Орде. Победа над Москвой означала для него признание в качестве продолжателя дела великих монгольских ханов. Мамай открыто провозгласил возвращение Орды к временам Батыя, когда перед монгольской державой трепетал весь тогдашний мир. Он хотел примерно наказать Русь и вернуть ее под иго монголо-татар.

Два года готовился Мамай к походу на Русь. Он договорился о союзе с ненавистником Москвы великим литовским князем Ягайло. Старая вражда Литвы к Орде была забыта перед лицом усиления мощи Московского княжества, к которому уже потянулись русские земли, бывшие в составе Литвы.

Заручился Мамай и поддержкой рязанского князя Олега, запуганного ордынскими карательными набегами. Однако Олег, ненавидя татар, но боясь Москвы, сообщал обо всех планах ордынского владыки Дмитрию Ивановичу.

В поход на Русь Мамай вел всех своих вассалов с Северного Кавказа (черкесов, осетин), а также наемников — генуэзских панцирников. Общее число его войска достигало 60—65 тысяч человек. От Ягайло Мамай получил заверение, что тот придет к нему со своим войском на помощь.

Готовился к противоборству с Ордой и Дмитрий Иванович. Борьбу с Мамаем он превратил в общерусское дело. Около 30 русских городов прислали своих воинов в войско Дмитрия Ивановича. Среди них были выходцы из Владимира, Суздаля, Ростова, Костромы, Ярославля, Серпухова, Звенигорода, Коломны, Белоозера, Муром, Углича и других городов. В поддержку Москвы привели свои отряды и братья Ягайло — полоцкий князь Андрей Ольгердович и Брянский князь Дмитрий Ольгердович. Как руководители русских земель, они остались верны прежней антиордынской политике.

Древние источники подробно рассказывают о составе русского войска, перечисляют всех князей, воевод, которые шли под знаменем Москвы; они говорят и о том, что наряду с княжескими дружинниками, профессиональными воинами в составе русского войска была масса простых людей — крестьян, ремесленников, купцов, представителей духовенства. Вся земля поднималась против заклятого врага. Дух патриотизма, гордости за свою землю охватил все слои населения. Вся Русь снаряжала, вооружала войско московского князя.

Огромную роль в воодушевлении всего русского воинства и самого Дмитрия Ивановича на ратный подвиг сыграли видные деятели Русской православной церкви. Существует предание о том, что на борьбу с врагом Дмитрия Донского благословил Сергей Радонежский, известный всей Руси основатель Троице-Сергиева монастыря. В помощь он дал князю двух монахов — Пересвета и Ослябю, отличавшихся чудовищной силой.

Сбор русского войска был назначен в Коломне, куда собралось 40—45 тысяч воинов.

Во главе войска стояли сам великий князь и два его помощника, талантливые полководцы — его двоюродный брат князь Владимир Андреевич Серпуховской и князь Дмитрий Боброк-Волынский. Оба они уже участвовали в битвах с татарами. Князь Серпуховской был одним из героев

7 История России с древнейших времен до наших дней. Т. 1

битвы на Воже, а Боброк-Волынский, кроме того, дрался с литовскими войсками.

Из Коломны, устроив сначала смотр своему войску, московский великий князь предполагал направиться на юг, откуда надвигалась по уже знакомым путям — на Дон и далее через Оку на Москву — ордынская гроза.

Здесь, в Коломне к Дмитрию прибыл посол от Мамаю с требованием о покорности и выплате дани. Но Дмитрий Иванович ответил отказом. Стороны продолжали готовиться к борьбе.

Вначале Дмитрий Иванович принял меры обороны: он усилил московский гарнизон, укрепил Коломну, потом двинулся 20 августа на запад, на Оку, откуда можно было скорее всего ждать врага. К тому же этим грозным движением огромного войска он как бы упреждал Ягайло и демонстрировал готовность дать бой и Литве.

Здесь Дмитрий Иванович получил новые разведывательные данные: Мамай медлил с наступлением, ожидая подхода Ягайло, но тот не появлялся. И тогда московский князь начал наступательные действия: он вызвал к себе полки, которые оставлял для обороны Москвы, и переправил всей массой войск через Оку. Впервые в истории Русь перешла от обороны к атаке против Орды.

Потом пришли известия, что Мамай расположился на правом берегу Дона. Он продолжал ждать там литовцев. Выяснилось, что Олег Рязанский сохранял нейтралитет и никакой реальной помощи Мамаю не оказывал.

При подходе к Дону русские столкнулись со сторожевым отрядом Орды. Враг был разгромлен, и остатки отряда бежали к Мамаю. Теперь было ясно, что татары находятся близко и их появления можно было ожидать в любой момент.

Дмитрий Иванович ждал, но Мамаю не было ни 6, ни 7 сентября.

В ночь с 7 на 8 сентября, в день Рождества Богородицы, русские начали переправу на противоположный берег Дона.

Всю ночь шла переправа по наведенным мостам и через броды.

Туманным и мглистым утром русские полки закончили переправу и выстроились на Куликовом поле, в треугольнике между течением Дона и его притоком рекой Непрява.

Впереди стоял Большой полк, по флангам — полки Правой илевой руки. Перед Большим полком располагался Передовой полк, а позади Запасной полк, резерв. Таким образом, русское войско имело три эшелона, прорвать которые было невероятно трудно.

Но главной тактической хитростью явилось создание Засадного конного полка, который был укрыт в дубраве близ Дона, на левом фланге русского войска. Этот полк должен был появиться на поле боя внезапно для татар и изменить всю картину боя. Во главе его Дмитрий Иванович поставил лучших русских полководцев — князя Владимира Серпуховского и Дмитрия Боброка-Волынского.

Едва поднялся туман и рассеялась мгла, появилось татарское войско. Оно двигалось медленно в сторону русского лагеря. Сам Мамай разбил шатер за спинами своих воинов на Красном холме, чтобы оттуда руководить ходом боя. В центре туменов Мамаю шли наемные панцирники. Ударная монгольская конница располагалась на флангах. Мамай предполагал опро-

кинуть силы русских в центре, а затем большими конными массами смять фланги русского войска.

Битва началась по традиции поединком богатырей. Против татарского гиганта Челубея вышел монах Пересвет. Воины устремились навстречу друг другу. Их удар был страшен. Щиты разлетелись вдребезги. Пронзенные копьями, оба бездыханными упали наземь. И тут же татарские тумены двинулись вперед. С волнением смотрели на приближавшуюся массу врагов русские воины, сжав в руках мечи, боевые топоры, копья. Каждый из них понимал, что для Руси наступил исторический момент.

Дмитрий Иванович, в отличие от Маая, надел доспехи рядового воина и вышел драться в Передовой полк. Свои княжеские латы он доверил другу — боярину Михаилу Бренку, который встал под княжеское знамя.

Первый же яростный удар татар по центру прогнул русское войско, и Передовой полк отступил назад; тогда всю тяжесть боя взял на себя Большой полк. Каждый из противников начал осуществлять свою тактику битвы.

Дмитрий Иванович также перешел в Большой полк. Все русское воинство видело и знало, что их вождь вместе с ними сражается с оружием в руках против врага.

Теперь настал черед Большого полка. Татары продолжали свое неистовое наступление и стали теснить Большой полк. В самой гуще сражавшихся был великий князь. Воины видели, как он дрался то с одним, то сразу с двумя ордынцами. Телохранители прикрывали его, как могли, и все же не уберегли от ударов. Шлем и доспехи Дмитрия были исколоты и помяты. Сам он был ранен, но все еще держался в седле. Потом в общей толчее боя воины потеряли его.

А татары прорвались к центру Большого полка, к княжескому стягу, и, несмотря на яростное сопротивление русских, подрубили его и убили боярина Бренка.

Одновременно Мамай попытался сломить сопротивление русского войска на флангах. Однако ему не удалось поколебать правый фланг русской рати, и тогда татары всю тяжесть удара своей тяжелой конницей перенесли на левый фланг и добились успеха. Полк левой руки не выдержал натиска и начал отступать. Теперь татарская конница, отбросив в сторону резервный полк, стала окружать Большой полк с фланга и с тыла. Наступил критический момент битвы.

С тоской и болью смотрели русские воины из дубравы, как с воем и гиканьем татарские всадники проносились мимо, заходя в тыл русского войска и стремясь отрезать его от переправ через Непрядву и Дон. Владимир Серпуховской рвался в бой, но опытный Боброк-Волынский сдерживал его порыв. Он хотел, чтобы татары сами подставили Засадному полку свой фланг и тыл. Наступили самые драматические минуты битвы. И в этот момент Боброк-Волынский воскликнул: «Час прииде и время приближеся! Держайте, братья и други!» Свежая русская конница вихрем вылетела из дубравы и ударила во фланг и тыл оторопевшим татарам. Воспрянули духом Большой и Запасной полки, и воины бросились на врага. Началось наступление всей русской рати. Ордынцы смешались, повернули вспять, расстроили ряды наступавшей наемной пехоты.

Татары упорно сражались еще около часа, но вскоре среди Мамаева войска началась паника. Часть татар бросилась к Непрядве и вплавь пыталась перебраться на другой берег и уйти в степь. Многие из них утонули. Другие неслись стремглав мимо Красного холма, мимо шатра Мамаю, не слыша отчаянных призывов своего предводителя. Мамай бросился в седло и в сопровождении отряда телохранителей и некоторых своих князей бежал с поля боя. Бег его был так стремителен, что русские дружины не смогли догнать его. Зато в руки русских попал весь обоз, богатая добыча. Много татар пало на поле боя. Но погибли и тысячи русских воинов. Среди них было немало князей, бояр и воевод. Сложили здесь головы не только воины Северо-Восточной Руси, но и полочане и брянцы.

Лишь к вечеру отыскивали Дмитрия Ивановича. Он, весь «истомленный», усталый, в окровавленных и помятых от ударов доспехах, но без тяжелых ран, лежал под деревом среди груды убитых татар и русских.

Литовское войско Ягайло так и не пришло к Куликову полю и остановилось в дне пути от него.

Восемь дней стояли русские полки на Куликовом поле, оплакивали и хоронили погибших.

А в это время Мамай бежал на юг. По пути остатки его войска были добиты соперником, претендентом на ханский престол в Орде ханом Тохтамышем, остальные перешли на его сторону.

Однако Мамай благополучно добрался до генуэзской колонии в Крыму, города Кафы (Феодосия). Там некогда могучий повелитель Золотой Орды был убит своими бывшими союзниками — генуэзцами.

Историческое значение Куликовской битвы. Победа Руси на Куликовом поле стала во многом переломной в истории Руси. После Куликова поля Русь стала другой страной. Впервые русские люди распрямили согнутую перед Ордой шею, попытались скинуть с себя оцепенение рабства, унижения, заискивания перед татарами. Сто сорок лет они чувствовали себя людьми униженными и зависимыми, людьми второго сорта в своей же собственной стране. Теперь впереди забрезжил свет национальной свободы. Вместе с Куликовской победой пришли национальная гордость и достоинство. Эта победа всколыхнула национальное сознание народа, его национальную память, и это был главный итог победы. Не случайно Русь в преддверии Куликовской битвы была охвачена атмосферой национального подъема. Не случайно конец XIV и первые десятилетия XV в. были отмечены впечатляющим взлетом русской хозяйственной жизни, культуры, искусства, литературы, религиозным подъемом. Дух свободы раскрепостил людей, способствовал возрождению Родины во всех сферах жизни. Люди поняли, что есть в их жизни более высокая цель, чем личное благополучие и личный эгоистический интерес. Эта цель — свобода всего народа, свобода страны. И эта цель делала их богаче духом и счастливее. И князей, и бояр, и церковников, и купцов, и ремесленников, и крестьян. В борьбе за эту великую цель они были вместе.

Для Восточной Европы значение этой победы историки сравнивали с победой европейцев на Католаунских полях во Франции над полчищами гуннов во главе с Атилой. После поражения Орды при Синих Водах от Ольгерда и Куликовской битвы очередное долговременное наступление

Азии на Европу было приостановлено. Отныне историческая инициатива в отношениях с Ордой переходит на сторону Руси: Русь наступает, а Орда и отпадающие от нее улусы обороняются. Куликовская битва положила начало этому процессу.

Куликовская битва показала, что Москва стала настоящим выразителем общерусских национальных интересов и подлинным лидером в объединении русских земель, несмотря на последующие трудности и препятствия на этом пути как со стороны Орды, так и противников Москвы в самой Руси. Москва, опираясь на общерусскую поддержку, продолжает оказывать давление на еще не присоединенные к ней русские княжества. Ореол победы в Куликовской битве во многом помогал этим усилием и Дмитрию Донскому, и его преемникам.

С триумфом возвращалось обескровленное и поредевшее русское войско в Москву. С триумфом возвращался на Русь израненный, усталый Дмитрий Донской (как стали называть великого князя), ставший после этой победы национальным вождем всех русских земель в борьбе с внешними врагами. Мощное государство Мамай рухнуло. Но, помимо своей воли, Дмитрий Донской помог укрепиться в Орде сопернику Мамай хану Тохтамышу. Под его властью единство Золотой Орды было восстановлено, и теперь новый честолюбивый хан мечтал о восстановлении своей власти над «русским улусом». К концу этого же года Тохтамыш известил всех русских князей о своем вступлении на золотоордынский трон. Но он понимал, что вернуть реальную власть можно только силой. И еще он понимал, что Русь обескровлена и только теперь неожиданно можно нанести ей смертельный удар.

К походу на Москву Тохтамыш начал готовиться немедленно. Он собрал огромную армию, состоящую из его свежих туменов, которые пришли с ним из Заволжья. Летом 1382 г. он задержал в Орде всех русских купцов, чтобы они не могли передать в Москву весть о готовящемся походе. Он уже не рисковал, как ранее Мамай, идти в открытую против Москвы. И это указывало на силу Москвы и слабость Орды. Но она была еще могущественна.

Появление в 1382 г. близ Оки новой золотоордынской рати стало для Дмитрия Донского полной неожиданностью.

Ордынцы перевалили через Оку по бродам, которые были указаны татарам рязанским князем Олегом, который трепетал перед Ордой.

Дмитрий Донской наскоро выехал в Переяславль, потом в Кострому для сбора сил. Москва осталась без своего вождя. Москвичи заблаговременно сожгли все посады, все деревянные постройки, чтобы лишить татар возможности соорудить передвижные башни для штурма стен.

Тохтамыш беспрепятственно подошел к самому Кремлю.

Уже на следующий день был предпринят первый штурм кремлевских стен при помощи приставных лестниц. Но москвичи отбились. Потом последовало еще два штурма, но каменная твердыня стояла неприступно. И тогда Тохтамыш пошел на хитрость: он попросил от москвичей небольшой дани и разрешения войти внутрь Кремля, чтобы посмотреть город. Он поклялся, что не сделает ничего плохого и тут же отойдет прочь. У него есть счет только к великому князю. Поразмыслив, москвичи согласились — и были сурово наказаны.

Едва тяжелые, кованные железом ворота распахнулись, как татары ворвались внутрь Кремля, порубили его защитников, ограбили княжеский дворец и дома бояр, церкви, захватили княжескую казну, сожгли древние книги. Потом татары пошли «загоном» по другим русским землям, грабя их и убивая людей. Под Волоколамском один из их отрядов был разгромлен князем Владимиром Серпуховским. Русь начала приходить в себя. Однако, едва сведения о приближении к Москве войска Дмитрия Донского и сильного отряда Владимира Серпуховского достигли Тохтамыша, он быстро отошел прочь, разграбив по пути и Рязанскую землю.

Тяжелое положение Москвы тут же попытался использовать тверской князь и предъявил права на великое княжение. Однако Орда поостереглась пойти на передел столов и территорий на Руси. Хотя ненависть к Москве, к Дмитрию Донскому была там очень велика. Тохтамыш сознавал, что это приведет к новой большой войне с Русью, к чему он не был готов. Не готов был к новому конфликту и Дмитрий Иванович. В результате Русь продолжала выплачивать дань Орде, но в своем завещании Дмитрий Донской передал по наследству титул на великое княжение владимирское своему старшему сыну Василию, не спрашивая разрешения Сарая. Владимирские земли он назвал в завещании своей «отчиной». Это было знаменательно. Орда шла к своему упадку. Русь, напротив, набирала силы и медленно, но верно шла к своему единству под руководством Москвы, преодолевая происки внешних врагов — Литвы и Орды, а также ломая сопротивление противников этого единства в лице Тверского, Рязанского, Нижегородского княжеств.

Вернувшись в Москву, Дмитрий Донской с горечью увидел сожженный город, тысячи убитых москвичей. Первые деньги в счет уплаты дани пошли в Орду.

И все же те усилия, которые он потратил во благо Руси, не пропали даром. Вскоре к Москве были присоединено Белозерское княжество. Своих послов в Москву прислал Ягайло, предлагая союз и дружбу. Быстро возрождалось хозяйство Руси, все больше людей тянулось в Московское княжество. Вновь было воссоздано сильное войско великого московско-владимирского князя. Прочной стеной рядом с ним стояло служилое боярство — опора хозяйственного и военного могущества развивающегося Русского государства.

Дмитрий Донской умер в 1389 г. Он прожил неполные сорок лет. Значительная часть их была посвящена борьбе с Литвой, Ордой, с различными русскими княжествами. В своей жизни он проделал около двух десятков военных походов, участвовал во многих сражениях, сотни часов провел в седле. Своему старшему сыну Василию он оставлял княжество, которое вскоре стало ядром складывающегося единого Русского государства.

ГЛАВА 4. МОСКВА БЕРЕТ ВЕРХ

§ 1. В борьбе за единство и независимость

В 1389 г. на московский престол вступил старший сын Дмитрия Донского Василий I Дмитриевич (годы правления — 1389—1425). Ему было восемнадцать лет. Но он уже прошел суровую школу жизни. В 1383 г., когда ему было всего тринадцать лет, отец послал его вместе с московскими боярами в Орду к хану Тохтамышу за ярлыком на великое княжение. Это было требование нового ордынского хана. Тохтамыш выдал Дмитрию Донскому ярлык, но задержал молодого княжича в Орде в качестве заложника. В случае неподчинения Орде или невыплаты дани ему грозила смерть.

Два с лишним года провел наследник московского престола в неволе. И лишь позднее, улучив момент, бежал из Орды вместе со своими соратниками. Боясь скакать через приволжские степи, контролируемые татарами, он направился на Запад.

В Литве его укрыл тамошний великий литовский князь Витовт (1350—1430), двоюродный брат Ягайло. Только в 1388 г., за год до смерти отца, Василий вернулся в Москву, объехав половину Восточной Европы.

К этому времени в Литве произошли важные события. Поворот Ягайло в сторону католической Польши, с которой долгие десятилетия враждовала Литва, закончился в 1385 г. так называемой Кревской унией. Ягайло женился на польской королеве Ядвиге и стал польским королем. Он обратился в католичество и принял имя Владислава. Вскоре он насильно ввел католичество в языческой и православной Литве. Это сразу же поставило в подчиненное положение православных русских — большинство населения Литвы.

С возмущением действия Ягайло были восприняты в автономном Полоцком княжестве. Тяготевшее к Литве Смоленское княжество стало больше склоняться в сторону Москвы. Недовольна была пропольским и прокатолическим курсом Ягайло и литовская знать, которая объединилась вокруг двоюродного брата Ягайло, внука Ольгерда Витовта.

В конце концов Ягайло и Витовт достигли соглашения. Литва становилась под управлением Витовта вместе с входящими в ее состав русскими землями независимым государством. А в случае смерти Витовта — переходила под управление Ягайло и его наследников.

Но Витовт вовсе не собирался умирать, он был полон сил и энергии и использовал свою власть в Литве, чтобы вернуться к идее объединения под своей рукой еще остававшихся свободными русских земель. Он нацелился на окончательное подчинение Полоцка, захват Смоленска, овладение Псковом, а при случае и Новгородом. На этом пути Витовт не мог не столкнуться с московским князем Василием I. Однако Северо-Восточная Русь была уже не та, что во времена Ольгерда. Теперь Москва встала прочным заслоном на пути всех, кто покушался на русские земли, будь то Орда, Литва или Ливонский орден.

Отношения Литвы и Московского княжества осложнялись и тем, что во время своего пребывания в Литве после бегства из Орды Василий I под-

ружился с Витовтом и обручился с его дочерью Софьей. И теперь Софья Витовтовна стала великой княгиней московской, женой Василия I. Интересы государственные Литвы и Москвы сталкивались с личными симпатиями и родственными связями. При всей остроте конфликтов между враждующими государствами, при том, что порой литовские и московские полки нередко вставали друг против друга для решающей битвы, тесть и зять ни разу не вступили в вооруженную борьбу. Такова была сложная и запутанная историческая ситуация.

Уже в первые годы своего правления, продолжая политику Дмитрия Донского, Василий I присоединил к Москве Нижегородское княжество. Сделал он это без вооруженной борьбы: просто выкупил в Орде ярлык на Нижегородское княжество. Оказал Василий I давление и на Псков, который стал принимать в качестве князя лишь того, кого предлагал московский властелин. Рязанский князь, после острейших конфликтов с Москвой, как в прошлом Тверь, признал себя «молодшим братом» Василия I, т. е. стал фактически вассалом Москвы.

В конце XIV в. новая опасность надвинулась на Русь из глубин Азии. Владетель Самарканда Тимур (или Тамерлан) (1336—1405) подчинил себе всю Среднюю Азию, часть Северного Кавказа и напал на Золотую Орду. Решительный и беспощадный Тимур разгромил в 1395 г. военные силы Тохтамыша и захватил огромные пространства, разграбил и уничтожил многие золотоордынские города. Тохтамыш бежал в Литву, а Тимур двинулся на Русь. Теперь над русскими землями нависла опасность нового страшного вторжения. Однако Москва приняла вызов. Василий Дмитриевич двинул навстречу «железному хромцу», как называли Тимура, свои полки.

Войска Тимура, разоряя все на своем пути, дошли до города Ельца, а потом внезапно повернули обратно. Русь вздохнула с облегчением. Это неожиданное избавление от опасного врага русские люди приписали чудесному воздействию старинной и почитаемой на Руси иконы Владимирской Божьей матери, которую привезли из Владимира и вынесли впереди русских полков.

Угрожая Руси, Тимур в то же время помог ей, значительно ослабив Золотую Орду и злейшего врага Руси Тохтамыша.

Зато теперь Литва, Витовт приобрели в лице Тохтамыша прочного союзника. Витовт обещал добыть Тохтамышу престол в Орде, а Тохтамыш обязался помогать Литве в сокрушении Москвы. Литва и Орда готовились разделить между собой Восточную Европу.

Вскоре Литва окончательно присоединила к себе Полоцкое и Смоленское княжества. Значительно усилилось влияние Витовта в Рязани, других пограничных русских княжествах. Витовт предпринимает походы на Псков и Вязьму.

Напор союзников на Москву был несколько ослаблен после того, как в 1399 г. Витовт, Тохтамыш и их союзники потерпели поражение от золотоордынского хана на реке Ворскле. Так рухнули планы Тохтамыша на возвращение своей власти в Орде. Он бежал в Сибирь и там вскоре был убит под Тюменью.

Но Витовт не отказывался от планов захвата Москвы. Он вновь собрал силы и атаковал земли Пскова и Новгорода. Василий Дмитриевич выступил на их защиту. Началась русско-литовская война.

В 1406—1408 гг. трижды Витовт и Василий Дмитриевич, тесть и зять, стояли друг против друга всеми воинскими силами на пограничных рубежах. И каждый раз дело не доходило до кровопролития. Противники заключали мир, готовясь к новому противостоянию.

Ни одна из сторон так и не добила решающего перевеса. И Литва и Москва в конце концов пошли на попятный, так как Москве грозил новый властитель Орды Едигей, а на Литву (как и на Польшу) возобновилось мощное наступление Тевтонского ордена.

1408 г. стал черным в истории Руси. В этот год на Руси появилась «Едигеева рать». Ордынцы прошли к стенам Москвы внезапно в начале декабря по замерзшим руслам рек, как когда-то ворвался на Русь Батый. Эта внезапность объяснялась тем, что Едигей распространил слух, что ордынское войско идет на Литву. Сам же повернул на Москву. Летописцы сравнивали это нашествие с нашествием самого Батыя. Оно было таким же свирепым, масштабным; русские земли понесли огромный урон. Все главные города Московского княжества были захвачены, ограблены и сожжены. Каждый ордынский ратник вел с собой по сорок пленных русских.

Едигей сжег московские посады и подступил к Кремлю. Но каменная крепость вновь устояла.

Месяц простоял Едигей под стенами Кремля, а потом ушел на Юг, так как узнал, что в Орде начались новые распри. При этом он взял с Москвы за отход огромный выкуп.

Этот набег показал, что Орда была еще очень сильна. И как только в Сарае утвердился очередной хан, Василий I с большими дарами отправился в Орду. Там он обязался по-прежнему уплачивать дань.

Грюнвальдская битва. Если Русь снова была сокрушена Ордой, то Литва, напротив, добила успехов в борьбе с Орденом.

Пока Витовт старался захватить земли на Востоке и подчинить себе Новгород, Псков и Северо-Восточную Русь, Тевтонский орден продолжал прибирать к своим рукам земли в Прибалтике. Немецкие рыцари захватили даже земли литовского племени жмудь.

И тогда вожди жмуди обратились за помощью к братской Литве. Они послали Витовту письмо, в котором просили о помощи.

Наступление Ордена теперь грозило самой Литве. Осуществляли рыцари давление и на польские владения. Лишь потерпев неудачу на Востоке и заключив мир с Василием I, Витовт обратился на Запад.

В 1410 г. объединенные силы Польши и Литвы, Ягайло и Витовта, встретились с силами Тевтонского ордена около деревушки Грюнвальд. В центре объединенного войска стояли русские полки из княжеств, попавших в состав Литвы: смоленский, полоцкий, витебский, киевский, пинский. В начале битвы рыцари потеснили польско-литовские полки, находившиеся на флангах, но отчаянное мужество русских пеших полков, стоявших в центре, изменило ход сражения. Опираясь на неколебимость центра, польско-литовская конница перешла в наступление и окружила

рыцарское войско. Разгром Тевтонского ордена был полный. Десятки тысяч рыцарей были убиты. Погиб в битве и сам магистр Ордена. Поляки, литовцы и русские сообща приостановили натиск немцев на Восток.

§ 2. Роль православной церкви в объединении Руси

Большую роль в объединении русских земель вокруг Москвы, в борьбе Руси с иноземными захватчиками сыграла в это время Русская православная церковь. Это выражалось в том, что церковные деятели — митрополиты, руководители крупных монастырей оказывали мощную моральную поддержку московским князьям, не жалея денег на организацию русского войска, вдохновляли русских князей, воевод, простых воинов на защиту родных земель.

Не случайно, что появление выдающихся церковных деятелей, светочей нравственности, служения ближнему, патриотизма приходится на период национального подъема Руси, пробужденного началом единения Руси и борьбы с Ордой.

Так, митрополит Петр, первый переехавший в Москву, и его преемники оказали большую поддержку Москве в ее объединительных усилиях. Их деятельность неразрывно была связана с политикой Ивана Калиты и его сыновей. Митрополит Алексий (ок. 1293—1378) встал рядом с Дмитрием Ивановичем, когда тот в мальчишеском возрасте занял родительский трон. Он поддерживал Дмитрия во всех его патриотических делах. Это был умный, образованный, обладающий твердым характером человек. И одновременно отличался благочестием и скромностью в личной жизни. Алексий был настоящим пастырем людей. Он был канонизирован Русской православной церковью.

Большое влияние на всю русскую жизнь оказал святой Сергий Радонежский (ок. 1321—1391). Уже в отроческом возрасте Варфоломей (так звали Сергия до пострижения в монахи) отличался склонностью к уединению, книжному чтению, к постоянному труду и высокой религиозностью, которая удивляла окружающих. После смерти родителей, обедневших бояр, Варфоломей отказался от наследства и ушел в монастырь, где уже находился его старший брат. Там он уговорил брата принять еще более трудный и тяжелый обет — уединиться, уйти жить в пустынь и там посвятить себя Богу.

В густом Радонежском лесу братья расчистили небольшую полянку, соорудили хижину, поставили маленькую церковь в честь святой Троицы. Жизнь их стала «скорбной и жестокой», как написано в древнем источнике. Брат не выдержал холода, голода, других трудностей и ушел в один из московских монастырей. Варфоломей остался один. Через два года он был пострижен в монахи под именем Сергия и провел на своей полянке 12 лет. Жизнь его проходила в трудах, молитвах, размышлениях. Он страдал от одиночества и невзгод. Дикie звери грозили ему гибелью. Слава о подвижничестве Сергия, о его святых делах быстро распространилась по Руси. И вот вокруг него собираются последователи и соратники, рубят кельи, осваивают природу, ставят новые деревянные церквушки. Так зарождается Троице-Сергиев монастырь.

Впервые на Руси Сергей организовал монастырь на новой, общежительной основе. Это означало, что в отличие от прежних особножительных или келийных монастырей теперь все монахи жили одним общим хозяйством, не имели личного имущества и не могли заниматься личным предпринимательством. Сергей призвал их жить в братстве, любви и служить друг другу. Сам он, уже будучи игуменом монастыря, часто помогал братьям-монахам, таскал бревна, чинил их жилища, выполнял другую тяжелую работу.

Сюда, к Сергию, к святым отцам, тянутся люди за советом, утешением, отпущением грехов, духовной поддержкой, здесь же селятся крестьяне. Монастырь начинает обрастать деревеньками.

При участии Сергия и по его благословению на Руси возникают в лесных дебрях десятки новых монастырей. Их основывают ученики и соратники Сергия. Постепенно идет преобразование глухих лесных углов, там зарождается жизнь.

Не случайно имя Сергия знала вся Русь, не случайно к его голосу прислушивался и великий князь, и последний горемыка-крестьянин.

Несколько позже совершает свой отшельнический подвиг московский монах Симонова монастыря Кирилл (ок. 1337—1427), выходец из знатной боярской семьи. Он уходит из Москвы в далекий Белозерский край и там в лесной чаще копает себе землянку-келью и ставит крест. Это было началом знаменитого на Руси Кирилло-Белозерского монастыря. Добродетельный и скромный образ жизни, наполненный трудами и молитвами, отказ от стяжания, т. е. накопления денег и вещей, привлекают к Кириллу людей. Он учит добру, высокой нравственности, взаимопомощи, трудолюбию, преданности родной земле. Кирилл также был канонизирован Русской православной церковью.

Но мирские интересы, мирские страсти проникали и за монастырскую ограду, входили в монашеские кельи, меняли жизнь монастырского братства. Монастыри обрастали хозяйством. Князья наделяли их землями, появлялась собственная пашня, которую обрабатывали зависимые крестьяне. Развивались торговые операции. Трудно было сохранять святость в этих условиях. Однако истинные ревнители религии старались сочетать христианские идеалы с житейскими условиями.

§ 3. Феодалная война середины XIV в.

Великий князь Василий Дмитриевич скончался в 1425 г. Его сыну, наследнику престола княжичу Василию (1415—1462), было всего десять лет. Судьба складывалась так, что все последние московские князья — и Дмитрий Донской, и Василий I, и Василий II вступали на престол мальчиками. Но если у первых двух практически не было конкурентов, то у Василия II появился грозный соперник — второй сын Дмитрия Донского князь Юрий Дмитриевич Звенигородский — Галицкий (1374—1434). Ему, по завещанию Дмитрия Донского, досталось удельное владение — крупные по тому времени города — Звенигород и Галич. Основная же часть Московского княжества перешла к великому князю. Теперь пятидесятилетний Юрий Дмитриевич предъявил права на престол. Он попытался вернуться к преж-

нему порядку наследования — по старшинству, что было бы отступлением от наследования по прямой линии — от отца к сыну. Это был бы вчерашний день истории, потому что единение русских земель, мощь Московского княжества во многом обеспечивалась именно наследованием от отца к сыну и постепенной ликвидацией уделов. Именно к сыну переходил основной массив московских земель, основные ресурсы, казна княжества.

Юрий Звенигородский решил нарушить этот порядок. Для этого у него были личные основания: когда-то, до рождения сына, Василий I в своем завещании назвал Юрия своим наследником. Но потом родился сын, и про первое завещание забыли. Но Юрий помнил о нем. Он был сыном Дмитрия Донского. При рождении крещен самим Сергием Радонежским, что прибавляло ему популярности. К тому же Юрий был опытен, прекрасно образован, знал и ценил литературу и искусство. Он был известен как поклонник и покровитель замечательного русского художника рубежа XIV—XV вв. Андрея Рублева. Известна его переписка с основателем Кирилло-Белозерского монастыря игуменом Кириллом. В своей столице Звенигороде и в округе он на свои средства развернул строительство прекрасных церквей и монастырей. К тому же это был настоящий рыцарь — Юрий был честен и умел держать слово, проявил себя мужественным воином и удачливым полководцем: за всю свою жизнь он не потерпел на поле брани ни одного поражения. И вот такой яркий человек бросил вызов десятилетнему мальчику.

Однако в истории не всегда привлекательная личность способна объединять большие массы людей и увлечь их за собой. Юрия любили в Звенигороде, Галиче, в этих уголках удельной, свободной от влияния Москвы Руси. Там люди чувствовали себя независимыми от сильной московской власти. За него встали горой и дальние северные города — Вятка и Устюг, которые испокон веков также привыкли к вольностям.

Юрию симпатизировала и верхушка Новгорода, мечтавшая, что при нем давление Москвы на Новгород будет слабее. Поддержали Юрия и те мелкие удельные князьки, которые мечтали вернуть себе былую независимость.

Борьба между старыми удельными порядками и новой тяжелой и неодолимой поступью рождающегося единого русского государства стала закономерным явлением в истории. Похожие события происходили в соседней Литве, где после смерти Витовта разгорелась междоусобная борьба между различными претендентами на трон. Нечто близкое наблюдалось и в далекой Франции, где Людовик XI в середине XIV в. ломал сопротивление властных и честолюбивых владетелей отдельных французских герцогств и графств.

Ожесточенная феодальная война в середине XIV в. вспыхнула и в Англии между династиями Йорков и Ланкастеров — Алой и Белой розы. Англия из этой борьбы вышла сильным и единым государством.

Василий II не мог сравниться с Юрием Звенигородским ни по талантам, ни по душевным качествам. Но за плечами этого мальчика стояли мощные силы централизации и единства Руси. Это были служилые князья, боярство и нарождающиеся помещики — дворяне — основа великокняже-

ского войска, которые поднялись к славе вместе с великими князьями, получили от Дмитрия Донского и Василия I большое количество земель и теперь не хотели делиться богатством и влиянием со сторонниками Юрия Звенигородского.

Великокняжескую власть в конечном счете поддержали и крупные русские города во главе с Москвой (Коломна, Нижний Новгород, Кострома, Ярославль и др.). Горожане, посадский и торговый люд за время татарских набегов и потом в период борьбы Юрия Дмитриевича и его сыновей с Василием II устали от насилий, грабежей, пожаров, бесконечных поборов и мечтали о стабильной жизни.

Поддержала Василия II и церковь — московский митрополит, епископы, кроме новгородского владыки, игумены крупных монастырей. Они видели в московском великом князе прочную защиту православия, лидера в борьбе против ненавистой Орды, о чем мечтали все их прихожане. Кроме того, великокняжеская власть неустанно поддерживала церковь материально — богатыми земельными пожалованиями, предоставлением церковным хозяйствам всяческих льгот.

Наконец, весь «дом Калиты», все родственники великого князя, даже братья Юрия Звенигородского поддерживали юного московского правителя. Они понимали, что сильная великокняжеская власть — это и их сила и мощь.

Сразу же после восшествия на трон юного Василия II в 1425 г. Юрий Звенигородский уехал в северный Галич, подальше от Москвы, и разослал по всем землям грамоты о неподчинении Василию II и о сборе рати. К Галичу направилось московское войско, но Юрий бежал оттуда. Война между дядей и племянником, между силами единства и централизации и удельной вольницей началась. Но на первом этапе стороны при помощи московского митрополита договорились, что лучше решить дело миром. И Василий II и Юрий отправились в Орду за ярлыком на великое княжение. Пятидесятилетний Юрий и 16-летний Василий II пробыли в Орде год. Москва выиграла спор. Но сколько было на это потрачено денег, сколько раздарено подарков хану, его вельможам... И Юрий не согласился с этим решением и вновь уехал в Галич, куда к нему стали прибывать все недовольные московской властью.

Открытая схватка началась после ссоры сыновей Юрия Дмитриевича Василия по прозвищу Косой и Дмитрия по прозвищу Шемяка с Василием II во время его свадьбы в 1433 г. На пиру кто-то из бояр вдруг заметил на Василии Косом златотканый пояс, принадлежавший когда-то Дмитрию Донскому. В обстановке вражды и подозрительности великокняжеская семья это восприняла как вызов. Мать Василия II Софья Витовтовна приказала снять пояс с Василия Косого. Оскорбленные сыновья Юрия ушли с пира и тут же уехали к отцу в Галич. Начался новый этап борьбы за московский трон.

Вскоре Юрий Звенигородский вместе с сыновьями нанес по Москве стремительный и неожиданный удар. Наспех собранные великокняжеские войска были разбиты Юрием, и Василий II вместе с молодой женой, матерью, казной, ближними боярами бежал из Москвы и укрылся в Костроме.

Там его осадили сыновья Юрия, и Василий II сдался на милость победителей.

Василий Косой и Дмитрий Шемяка требовали от отца расправы над великим князем, но Юрий отказался. Напротив, он предоставил племяннику в качестве удела Коломну, второй по значению город в Московском княжестве. А это означало, что он давал возможность Василию II после своей смерти вновь вернуться на великокняжеский престол. Но его сыновья вовсе не собирались в будущем отдавать трон Василию II.

Однако случилась удивительная вещь: разгромленный на поле боя, выгнанный из Москвы и поселенный в Коломне Василий II сразу же стал притягательной фигурой для всех слоев русского общества. К нему в Коломну из Москвы потянулись служилые князья, бояре, дворяне. Они не хотели служить бывшему удельному князю. Коломна наполнилась людьми. Сюда перекочевала вся московская элита. Юрий остался, по существу, в одиночестве. В этих условиях он принимает неожиданное решение: отказывается от московского престола и уступает столицу племяннику. Василий II занимает Москву. И тут же он сам возобновляет борьбу, на сей раз с непокорными сыновьями Юрия. Те бежали в Кострому потом в родной Галич. За ними следом шло московское войско. И снова великий князь потерпел поражение. На берегу Клязьмы братья разгромили московское войско, а его воевода попал в плен.

Однако Василий II собрал новую рать и двинул ее на владения Юрия и его сыновей. Юрий вынужден был принять вызов. Вспыхнула новая война. И опять великий князь уступил своему талантливому дяде. Тот одержал над ним полную победу в решающем сражении в 1434 г., которое произошло на территории Ростовской земли. Вторично Юрий Звенигородский занял Москву, пленил семью великого князя, захватил его казну. А сам Василий II бежал в Тверь, потом в Новгород.

Неизвестно, как бы повернулась далее судьба Московского княжества под властью Юрия, но судьба отвела ему на правление только два месяца. В том же 1434 г. он умер, и тут же вопреки всем традициям его старший сын Василий Косой провозгласил себя великим князем. Начался новый этап феодальной войны. Ареной битв и походов стала вся Северо-Восточная Русь. Горели села и города, брались штурмом крепости. Гибли тысячи людей. Обескровливалась Русь в угоду амбициям отдельных правителей. Насилиями и жестокостями шла Русская земля к своему единству и централизации.

Теперь инициатива переходит на сторону московского великого князя, так как Василий Косой не обладал ни обаянием, ни талантами своего отца. Все более широкие слои общества, в том числе и другие сыновья Юрия, выступают против честолюбивого авантюриста и поддерживают старомосковскую власть.

В решающем сражении в той же Ростовской земле в 1436 г. Василий Косой был разбит московским войском, пленен и отвезен в Москву. Там его ослепили по приказу великого князя. Отсюда и прозвище Василия Юрьевича — Косой. Великий московский князь преподал своим противникам первый урок жестокости.

Сломленный и слепой, Василий Косой ушел с политической арены и умер в забвении через 12 лет.

Казалось, теперь Русь может вздохнуть с облегчением и залечивать раны, нанесенные междоусобной войной. Но нет, военное ослабление и разорение Руси немедленно использовал старый враг — Орда, которая приняла ряд набегов на русские земли.

Зимой 1444 г. ордынское войско вновь появилось на Руси, захватило Нижний Новгород, Муром, другие города. Василий II сам повел русскую рать навстречу врагу. В сражении у стен суздальского Спасо-Евфимиева монастыря, несмотря на численное превосходство русских, татары разгромили войско московского великого князя. Русские воеводы проявили нераспорядительность, в войске была плохая дисциплина. А главное — вспомогательный отряд Шемяки почему-то «запоздал» и не явился на поле боя. Василий II, множество его видных бояр попали в плен. Татары отпустили Василия II на родину при условии огромного выкупа, который собирали со всей Руси.

Именно в это время созрел заговор Дмитрия Шемяки. Он обвинил великого князя в неумении защитить Русь от татар, в огромной тяжести выкупа.

Когда Василий II выехал в Троице-Сергиев монастырь помолиться за свое освобождение, заговорщики ночью 12 февраля 1446 г. захватили Москву, послали отряд в монастырь и арестовали великого князя прямо в церкви, что было большим святотатством, и привезли в Москву. Там он был ослеплен. В дальнейшем великий князь вошел в историю под именем Василия Темного.

Через несколько дней Василия II с женой сослали в Углич на Волгу, разослали по дальним городам и другим его родственников. Но в суматохе потеряли княжеских сыновей. Верные люди увезли малолетнего княжича Ивана (1440—1505) (будущего государя всея Руси Ивана III) и его брата и спрятали в одном из селений.

Однако Шемяка добился их выдачи, и мальчиков отправили к отцу в заточение.

В это время на границах Руси произошло знаменательное событие. Один из видных золотоордынских ханов, победитель Василия II, обосновавшийся в южнорусских землях, объявил о своем разрыве с Ордой и перенес свою столицу в Казань, на Волгу. Так начинается существование самостоятельного Казанского ханства.

Теперь казалось, что противники Василия II прочно захватили власть в Москве. Но очень скоро выяснилось, что у Шемяки нет в обществе никакой опоры. Все силы, которые прежде поддерживали Василия II, отвернулись от мятежников. Масса людей стала перебираться в Углич, как когда-то в Коломну. Сторонники великого князя собрали вооруженные отряды и начали борьбу с Шемякой.

В этих условиях тот освободил Василия II и перевел его на жительство в Вологду. При этом он взял с него клятву никогда более не домогаться великокняжеского трона.

Но расчет Шемяки не оправдался. Вологда очень быстро стала центром сопротивления мятежникам. К тому же Шемяка быстро дискредитировал себя как правитель. При нем начался передел земельной собственности, разграбление государственной казны. Огромные масштабы приобрело взяточничество и несправедливость в княжеском суде.

Вскоре игумен Кирилло-Белозерского монастыря освобождает Василия II от клятвы, данной Шемяке. Великий князь собирает войско, получает помощь из разных городов.

Из войска Шемяки многие переходят на сторону Василия II, и в конце этого же года великокняжеский отряд захватывает Москву. Дмитрий Шемяка бежит в Углич. Постаревший и поседевший, с черными впадинами вместо глаз, Василий II торжественно въезжает в Москву.

Еще несколько лет длилась война. Лишь в 1453 г. Василий II окончательно взял вверх. В этом же году Шемяка скончался в Новгороде. Современники полагали, что он был отравлен сторонниками Василия II.

Остаток дней на московском троне Василий II провел в укреплении своей власти. И все-таки слепота ограничивала его активность. Постепенно он стал выдвигать на первый план своего сына Ивана, и вскоре тот стал соправителем отца.

Москва укрепляет союз с Тверью, восстанавливает влияние великокняжеской администрации в Новгороде, который во время феодальной войны добился для себя ряда свобод. Это влияние было подкреплено походом на Новгород в наказание за поддержку им Шемяки. Продолжает отбивать Московское княжество и новые ордынские набеги.

Уже умирая, Василий II приказал казнить ряд заговорщиков, которые попытались освободить из темницы одного из соратников Шемяки. Москва содрогнулась от этих массовых казней. Стоны гибнущих непослушников достигали и до палаты, где умирал великий князь.

ГЛАВА 5. ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

§ 1. Иван III — государь всея Руси

В 1462 г. окончил свою жизнь многострадальный Василий II, и на московский престол вступил его старший сын Иван III Васильевич. К этому времени ему исполнилось 22 года, и он был уже вполне сложившимся человеком и правителем.

Его восшествие на московский трон произошло по завещанию Василия II. При этом не потребовалось никакого одобрения Орды.

Не было на сей раз и никакого ордынского ярлыка. Это говорило уже о большой независимости Руси от Орды. Но существовала еще уплата дани. Она являлась прочной нитью, связывающей Русь с Ордой.

Большинство русских земель уже вошло в состав Московского государства. Но независимыми оставались еще Новгород, Тверь, Рязанское княжество, Псков. Существовали и уделы, которыми владели члены княжеской семьи.

За спиной Ивана III было тяжелое и страшное детство. Когда ему было 5 лет, отец потерпел поражение в битве с ордынцами и попал в плен. И он вместе с матерью бежал из беззащитной и горящей Москвы. Потом после ареста и ослепления отца Иван с братом скитался по Руси, спасаясь от сторонников Шемяки, спал в сараях на соломе. Заговорщики обнаружили княжичей в Муроме. Ходили слухи, что Шемяка приказал зашить Ивана и брата Юрия в медвежью шкуру и утопить. Но митрополит уговорил его отослать сыновей к отцу.

На всю жизнь Иван Васильевич запомнил этот страшный разгул феодальной вольницы, торжество удельных порядков над государственным единством Руси. Он вырос человеком осторожным, расчетливым. Иван III привык действовать наверняка, не торопясь, без риска, опасностей и драм, которые он пережил в детстве. Но при этом он проявлял большое упорство, железную выдержку, непоколебимую волю и жестокость. Таким был человек, ставший во главе Московского княжества.

После смерти отца Иван III продолжал его дело.

Во-первых, он постарался обезопасить Русь от постоянного натиска татар. Теперь, кроме Золотой Орды или Большой Орды, как называли прежнюю державу Батые, появилось еще несколько татарских ханств, отделившихся от Сарая. Это Казанское ханство, Крымское ханство, Сибирское ханство. На самой территории Руси обосновался один из осколков Орды — Касимовское ханство. Эти ханства, как правило, соперничали друг с другом. Но дань теперь требовала не только Большая Орда, но и Казань, и Крым.

Уже в первые годы своего княжения Иван III показал, что Москва будет продолжать борьбу за свою свободу и независимость от татарских ханств. Не решаясь еще вступить в борьбу с Большой Ордой, Иван III нанес ряд ударов по Казанскому ханству. В 1469 г. войско под водительством его брата Юрия осадило Казань и заставило тамошнего правителя освобо-

дить русских пленников. Москва также заставила Казань отказаться от попыток удержать за собой ряд русских земель к востоку от Москвы.

Во-вторых, как и при отце, Ивану III пришлось улаживать отношения в своей семье. Любое обострение отношений с братьями грозило новой войной. Поэтому Иван III оставил за ними их уделы. Но как только следующий за ним брат Юрий умер бездетным, его удел — Дмитровское княжество — тут же был включен в состав государственных земель.

В-третьих, Иван III энергично продолжал политику подчинения Москве независимых русских земель. Способы здесь были самыми различными. Так, Ярославское княжество Иван III выкупил у княжеской семьи и включил его в формирующееся Русское государство. Над Рязанским княжеством был установлен патронат. Сложнее было с Новгородом и Тверью.

«Господин Великий Новгород» чувствовал, что перевес сил все более склоняется в сторону Москвы. А потому, посылая посольства в Москву с просьбой сохранить свои вольности «по старине», верхушка Новгорода начала одновременно переговоры с Литвой, прося о помощи против Москвы: Литва согласилась. Тем самым как бы возвращались времена противостояния Ольгерда и Витовта с Москвой. Одновременно Литва пыталась заручиться поддержкой Большой Орды и Крымского ханства. Новгород, таким образом, включался в большую восточноевропейскую политику. Цель была одна — приостановить усиление Московского княжества.

Чувствуя свою силу, Иван III направил в Новгород грамоту, где называл новгородскую республику своей «прародительской отчиной».

Это встретило взрыв возмущения в городе. И не только бояр — сторонников литовской партии, но и простых горожан — торговцев, ремесленников. В городе стали проходить бурные собрания — вече. Новгородцы говорили, что они не хотят быть холопами московского князя. Свободолюбивые, средневековые демократические порядки этого близкого к Европе северозападного русского города столкнулись с неодолимыми процессами объединения всех русских земель, создания мощного централизованного государства.

Иван III решил конфликт вооруженным путем. Перед этим он как опытный политик придал готовящемуся походу общерусский характер, собрал представителей княжеских родов, бояр, дворян, купцов, чтобы заручиться поддержкой всей земли. Кроме того, карательная экспедиция носила и религиозный характер.

Иван III объявил, что это будет поход против тех, кто склонялся к «латинству», к «еретичеству», потому что союз Новгорода с Литвой был соглашением с католической страной. К тому же тогда судьба православия, судьба «истинной веры» обострилась в связи с тем, что в 1453 г. Константинополь был завоеван турками. Над православием навис не только «бич» латинства, но и угроза мусульманства.

Иван III и его помощники вспомнили попытку папского Рима подчинить своему влиянию слабеее греческое православие путем создания в 1439 г. унии между католической и православной церквями. Перед лицом наступления турок на Византию Константинопольский патриарх пошел на такую унию. Это решение было принято в Италии на знаменитом церковном соборе, который проходил в городах Ферраре и Флоренции.

На этом соборе присутствовал и московский митрополит Исидор, который согласился поддержать унию. Однако когда он вернулся в Москву, то был обвинен в измене православной вере, арестован и смещен с митрополичьего престола Василием II.

Для России борьба с католицизмом и униатством означала защиту от идеологической агрессии западных стран. Но одновременно это вело и к изоляции страны от европейской цивилизации.

Под знаменем спасения «истинной веры» и вел свои полки на Новгород Иван III. Он мобилизовал против Новгорода все силы тогдашней Руси. На север шли полки из Твери, Пскова, Вятки, впереди двигался авангард. А следом — вся русская армия с самим великим князем. Другой удар был нанесен по территориям Новгорода вдоль Северной Двины.

14 июля 1471 г. на берегу реки Шелони произошло историческое сражение новгородской рати против авангарда русских сил. Небольшая, но хорошо организованная и укомплектованная русская рать, не ожидая подхода головных сил, разгромила численно превосходившее ее новгородское войско. Свободы и вольности сослужили новгородцам плохую службу в военном деле. Новгородское войско оказалось разобленным, в нем была плохая дисциплина, отдельные отряды шли под командованием своих бояр. Полк архиепископа вообще отказался воевать против великокняжеского войска. Все напоминало время феодальной раздробленности.

Итогом этого поражения стало стеснение новгородских свобод. Новгород признал себя «отчиной» Ивана III. В городе усилилась власть московского наместника и других официальных лиц, сношения с Литвой объявлялись незаконными, их называли изменой. Новгородские посадники были казнены: среди них — Борецкий, активный сторонник сближения с Литвой; ряд бояр и других знатных лиц отправили в заточение в Коломну. Новгород уплатил Москве огромную контрибуцию.

После поражения на реке Шелони антимосковская партия в Новгороде не сложила оружия. Ее возглавила вдова казненного посадника Марфа Борецкая. Все настойчивее прилагались усилия уйти под власть Литвы. Противников Москвы вела ненависть к Ивану III, ущемление личных эгоистических интересов. Объективно же победа этой партии означала бы сохранение городских свобод, избавление от тяжелой руки Москвы и движение по пути других восточноевропейских государств, находящихся в орбите европейского цивилизационного развития.

Вскоре партия Борецкой взяла верх, сторонники «московской партии» были казнены, а московские купцы изгнаны из Новгорода. В ответ Иван III в 1477 г. вновь направил на мятежный город общерусское войско, которое осадило Новгород и вынудило городскую верхушку к переговорам. Вновь, как и прежде, ни Литва, ни Орда на помощь Новгороду не пришли.

По новому договору Новгород отныне становился одной из частей Русского государства. Земли врагов Москвы и часть церковных земель конфисковывались в пользу великого князя.

В январе 1478 г. Иван III торжественно въехал в «свою отчину» — Новгород. Великокняжеские наместники взяли власть в городе. Наиболее упорные противники Москвы были арестованы и отправлены в заточение. Среди них — неукротимая Марфа Борецкая.

Месяц провел Иван III в некогда независимой Новгородской республике, устанавливая московские порядки. Когда он возвращался в Москву, то за ним на санях везли вечевой колокол — символ свободы и самостоятельности Новгорода.

§ 2. Освобождение от ордынского ига

В 1478 г. Иван III прекратил уплату дани Орде. В который раз пыталась Русь освободиться от этого унижительного порядка.

И вот теперь Иван III после победы над Новгородом снова предпринял решительный шаг. Этого требовала и международная обстановка.

После падения Константинополя Русь оставалась самым крупным православным государством в тогдашней Европе, и теперь на Москву весь православный люд смотрел как на свою надежду и опору. К тому же к этому времени Иван III после смерти первой жены — тверской княжны взял себе в жены племянницу последнего византийского императора Зою Палеолог. Брак устроили представители римской церкви, надеясь, что вместе с Зоей в Москве утвердится униатская церковь.

Когда Зоя торжественно въезжала в Москву, то католический прелат нес впереди ее кареты католический крест. Но не тут-то было. Прелату предложили убрать крест. Зоя перешла в православие и приняла имя Софья. Расчеты римского престола на усиление влияния в русских землях не оправдались. Зато престиж московского великокняжеского двора благодаря этому браку вырос не только среди русских земель, но и в Европе. На Москву стали смотреть как на серьезную силу в борьбе с турецкой опасностью.

В этих условиях Иван III и разорвал отношения с Ордой. Это означало войну. Орда решила примерно наказать Русь и вернуть ее в подневольное ярмо.

Владыка Большой Орды хан Ахмат вел на Русь более ста тысяч воинов. Он договорился, как когда-то Мамай, о союзных действиях с Литвой. Но ответные дипломатические шаги предпринял и Иван III. Он использовал вражду между Крымским ханством и Ахматом и вступил в союзные отношения с Крымом не только против Орды, но и против Литвы.

Попытки передовых отрядов ордынцев прорваться в глубь Руси не имели успеха: на берегах Оки их встретили московские полки и отразили наступление. Тогда всеми силами Ахмат неторопливо двинулся к устью реки Угры, там где она впадает в Оку. Это было вблизи литовско-русской границы. Но сюда же несколько ранее подошел с главными силами и Иван III. И теперь, как когда-то во времена Куликовской битвы, литовцы поостереглись выступить против русского войска. Ахмат остался в одиночестве.

Наконец 8 октября 1480 г. татары предприняли попытки форсировать Угру и обрушиться на русский лагерь. Но повсюду русские полки давали им отпор: велась интенсивная стрельба из пушек, пищалей, луков. Это было первое применение русскими огнестрельного оружия в полевых условиях. Ордынское войско понесло большие потери и отступило. В это время Иван III спешно выехал в Москву в связи с мятежом его братьев, которые упрекали его в слишком самовластных действиях. Кое-кто из московских политиков уговаривал Ивана III пойти на мировую с Ахматом.

Иван колебался: риск был велик. Но тут выступили рядовые горожане-москвичи, призывая князя вернуться к войску. Непреклонность в борьбе с Ордой проявили и высокие церковные деятели. Иван III отправил семью на север, туда же перевез и казну. Сам же быстро уладил отношения с братьями, пообещав увеличить им их уделы, и вскоре их войска появились на Угре. Туда же прибыл и великий князь. Выбор был сделан: борьба не жизнь, а на смерть.

Начинались холода. Два войска стояли друг против друга на противоположных берегах реки. Наступил декабрь, Угра покрылась льдом. Ахмат пытался начать с Иваном III переговоры и вернуть Русь к прежней зависимости. Но Иван III, не отказываясь от переговоров, тянул время, усиливал армию, ждал больших холодов. И тут Ахмат не выдержал и дал приказ отступить. Скоро отход татар превратился в бегство. Они разорили попавшие им на пути литовские земли в отместку своему несостоявшемуся союзнику. Попытались они грабить и русские волости. Но русское войско, преследуя ордынцев, пресекало все попытки таких грабежей. Назад в Орду вернулись лишь остатки некогда могучей рати, а вскоре Ахмат был убит в Орде одним из своих соперников. Союзник же Ивана III крымский хан Менгли-Гирей нанес удар по литовским владениям.

Так называемое Стояние на Угре имело огромное значение в истории России. После этого противоборства Русь окончательно освободилась от последних следов ордынского гнета. Московское великое княжество стало полностью независимым, суверенным государством.

§ 3. Централизация государственной власти. Формирование государства по евразийской модели

Победа над Ордой сопровождалась новыми успехами Ивана III в объединении русских земель и централизации государственной власти. Наступила историческая очередь Твери.

Кольцо московских земель вокруг Твери сжималось. Тверской князь Михаил Борисович, брат уже умершей первой жены Ивана III, попытался избежать участи Новгорода. От дружеских отношений с Москвой он перешел к союзу с Литвой, хотя это и противоречило договору между Тверью и Москвой. Однако в Москве развели его планы и потребовали прекратить изменнические переговоры с противником Москвы. Но тверской князь продолжал контакты с Литвой. И тогда Иван III двинул на Тверь московское войско. Это было в 1485 г. Силы были неравны. Тверь не могла оказать сопротивления победителю Новгорода и Большой Орды. Московское войско осадило Тверь, но тверской князь сумел бежать в Литву. А через несколько дней Иван III торжественно въехал в покорившуюся Тверь. Тверское княжество было включено в состав Русского государства.

Несколько позднее Иван III предпринял поход на Вятку, и весь Вятский край также вошел в состав Русского государства.

Постоянную заботу московскому великому князю доставляли удельные князья — его братья, которые от отца получили пусть небольшие по сравнению с полученным Иваном III, но самостоятельные княжества. Между московским князем и удельными князьями — членами дома Рюриковичей в течение всего XV в. происходили трения. Сложность заключалась

в том, что все они были близкими родственниками. Но уже феодальная война показала, что интересы складывающегося государства важнее родственных уз. Противников единой Руси московская власть просто сметала с лица земли. Так поступал Василий II. Так поступил и Иван III.

После мятежа братьев он временно отступил. Но после победы над Ордой, Новгородом, Тверью он постепенно ликвидировал их уделы. Некоторые из них перешли великому князю после смерти братьев или по завещанию. А брата Андрея Большого Иван III арестовал и заточил в тюрьму, где тот и умер; его сыновей насильно постриг в монахи, а удел брата присоединил к своим владениям.

Таким образом, за тридцать лет правления Ивана III резко изменилась политическая карта Северо-Восточной и Северо-Западной Руси: вместо различных княжеств, острой междоусобной борьбы, многочисленных удельных владений появилось крупное единое самостоятельное государство, которое уже стали называть Россия, во главе с сильным монархом, который стал именовать себя «государь всея Руси».

Гербом нового государства стал заимствованный из Священной Римской (Германской) империи двуглавый орел. Этот герб стал символическим для России. Она уже становилась евразийской державой. Один ее лик был как бы повернут в Европу, другой смотрел в Азию.

При московском дворе утверждается пышный церемониал, во многом заимствованный из Византии. В Москве заговорили о том, что новое государство является наследником древнерусской державы, объединявшей все восточно-славянские земли. А это означало, что Москва теперь претендовала на то, чтобы в будущем предъявить свои права на все земли, которые входили в состав древней славянской державы. И вскоре первые шаги в этом направлении были сделаны как при Иване III, так и при его сыне Василии III (1479—1533).

С 80-х гг. XV в. русские отряды все чаще появляются в принадлежавших Литве Смоленском, Черниговском, Полоцком княжествах. Эти «наезды» вызывали благодарный отклик местного славянского населения, все более страдавшего от давления литовских и польских феодалов и католической церкви. На службу к Москве переходят князья многих пограничных с Литвой земель. В конце XV в. к Москве по договору с Литвой отошла Вязьма. А во время русско-литовской войны 1500—1503 гг. московские войска добыли для Руси Чернигов, Брянск, Мценск, Рыльск, Гомель и другие русские города.

Литва попыталась выступить против Москвы в союзе с Ливонским (Тевтонским) орденом и Крымским ханством, но войска уже Василия III сами перешли в наступление и в 1514 г. овладели Смоленском.

Если учесть, что в 1510 г. к Москве был присоединен Псков, а в 1521 г. — Рязанское княжество, то можно сказать: вся Северо-Восточная и Северо-Западная Русь оказались под властью Москвы. Объединение русских земель завершилось, сложилась территория единого Русского государства, и теперь новая огромная Восточно-Европейская Русская держава начала борьбу за воссоединение всех восточно-славянских земель. Но это было еще впереди.

Складывание единой территории нового государства стало лишь частью процесса создания новой державы. Другая его часть — формирование соответствующей системы управления страной, создание новых органов власти. Они должны были соответствовать новому облику, возросшим масштабам страны.

По-прежнему во главе Русского государства стоял великий князь. Но это был уже не первый среди равных князей Северо-Восточной Руси, а монарх, глава единого государства, руководитель мощного государственного аппарата, власть которого распространялась на все русские земли. Правда, еще существовали уделы. Так, Иван III, оставляя по завещанию государство своему наследнику Василию III Ивановичу, все же выделил уделы и трем другим сыновьям. Но права удельных князей были ограничены: им запрещалось чеканить свою монету, были сокращены их судебные права и другие льготы.

Рядом с государем вся Русь встал новый центральный орган управления — Боярская дума. Туда входили представители элиты вновь образующегося государства — князья, ставшие из самостоятельных владетелей служилыми помощниками великого князя, но сохранившие свои вотчинные владения в бывших княжествах, родовитые бояре — крупные землевладельцы, воеводы. Все они официально получали от государя пожизненный титул боярина, который не распространялся на их детей. Это был Совет при великом князе. В его ведение входило рассмотрение важнейших вопросов внутренней и внешней политики страны. Подобные же королевские советы, состоящие из представителей знати, существовали во Франции, Англии, Швеции, других странах. Одновременно члены Боярской думы выполняли постоянные или временные поручения великого князя — командовали войсками, были наместниками в городах, управляли отдельными отраслями государственного хозяйства. Зарождается великокняжеская канцелярия в виде появления специальных учреждений, которые назывались «казна» и «дворец». Это были органы, которые контролировали поступления денежных и натуральных налогов, обороты земель, несение помещиками-дворянами военной службы.

Появляются и первые Приказы — учреждения, ведавшие различными областями управления страной. Их возглавляли бояре и дьяки; именно им великий князь «приказывал» вести те или иные дела. В последнее время все чаще в исследовательской сфере раздаются голоса по поводу многих заимствований Ивана III в области строительства новой государственной системы у Золотой Орды. В частности, и казна, и дворец, и так называемые бояре «введенные» являли собой модель ордынских органов власти. Византийско-ордынские порядки таким образом перемежались с западными, и все же государственная система Ивана III все больше напоминала азиатскую деспотию.

Важное место в системе нового государственного управления занял Поместный церковный собор — широкое совещание виднейших представителей Русской православной церкви. Собор не только обсуждал свои церковные вопросы, избирал и назначал московских митрополитов и епископов в русских городах, но и являлся совещательным органом при государе по общим важным вопросам жизни страны. Без советов церкви вели-

кий князь не предпринимал ни одного крупного дела ни во внутренней, ни во внешней политике страны.

Была введена и новая система местного управления. Как и прежде на местах от имени великого князя различными районами страны — уездами управляли «кормленщики», т. е. представители знати, для которых платой за их службу были «кормления» — сборы в свою пользу с населения. Теперь они были поставлены под строгий контроль центральных органов власти. Более мелкими территориальными единицами — волостями управляли волостели, которые также подчинялись центру. Центральная власть сокращала льготы и привилегии крупных землевладельцев, церкви, ограничивала их право судить и рядить население, жившее в их вотчинах.

Новой становилась и русская армия. Уходили в прошлое княжеские и боярские дружины. Их место занимала великокняжеская армия, состоявшая в основном из дворян-помещиков. Они должны были являться на службу к великому князю «конно, людно и оружно», т. е. самому быть хорошо вооруженным конным воином да еще приводить с собой вооруженных крестьян или холопов для пехотных полков. Источником содержания таких воинов и их слуг были земельные поместья, предоставленные им правительством. Чем больше земель отводилось помещикам, тем многочисленнее была армия. Понятно, что большие массивы населенных крестьянами земель, как в центре России, так и во вновь присоединенных землях (например, в Новгородской земле), передавалась в руки быстро растущего дворянства — верных слуг государя всяя Руси.

Судебник 1497 г. Создание централизованного управления страной было завершено принятием в 1497 г. нового Судебника. Он стал первым кодексом законов единой России, который не только устанавливал новую систему управления страной, обозначал роль монарха, Боярской думы, местного управления, вводил порядок судопроизводства, но и защищал жизнь и имущество всех жителей страны, жестоко наказывал за преступления против личности и собственности. Уже в первой статье подчеркивалось, что суд должен быть объективным и справедливым. Судьям — боярам и дьякам — запрещалось брать «посулы» (взятки) и руководствоваться при вынесении судебных решений чувствами дружбы или мести. За совершение тяжких преступлений против личности и собственности — «татьбу» (воровство), разбой, «душегубство» (преднамеренное убийство) Судебник устанавливал смертную казнь. Такое же наказание полагалось за воровство в церкви, поджог и другие «лихие дела». Наместникам-кормленщикам и волостелям, которые имели право на местах судить людей, вменялась обязанность проводить судебное разбирательство только в присутствии местных «лучших людей». Тем самым ограничивался их возможный произвол.

Защищая всех без исключения жителей страны, новый закон одновременно ввел определенные ограничения для основной массы населения страны — для крестьян. Это ограничение выражалось в стеснении их права перехода от одного землевладельца к другому, или ухода на свободные земли. Отныне крестьяне имели право выхода только раз в году — в течение двух недель: неделю до Юрьева дня (24 ноября) и неделю после Юрьева дня, т. е. после окончания всех полевых работ, которые они должны были совершить для землевладельца. При этом они должны были платить земле-

владельцу «пожилое» — деньги за двор, постройки и проч., которые были возведены при помощи хозяина. И чем дольше они жили на данных землях, тем «пожилое» было выше. Это еще больше препятствовало выходу крестьян.

Данным ограничением правительство стремилось обеспечить рабочими руками помещиков — основу новой армии. Дело в том, что крестьяне стремились уйти с помещичьих земель, где их нещадно эксплуатировали дворяне — владельцы небольших поместий — этих временных владений за службу. Помещики стремились взять с крестьян побольше, пока земля была в их распоряжении. И крестьяне рвались на привилегированные земли крупных вотчинников, монастырей, и правительство теперь стремилось им в этом помешать.

В условиях борьбы против внешних врагов, создания новой русской армии жертвами этой ситуации становились простые люди, крестьяне. Государство росло, развивалось, укреплялось, но это во многом происходило за счет попрания прав личности, пренебрежения к простым людям, что тоже вело в сторону превращения России в одну из разновидностей азиатской деспотии. Если в Западной Европе к этому периоду начался процесс освобождения крестьянства и жителей городов от всевластия феодалов и государства, то в России он развивался в обратном направлении. Ограничение прав и свобод людей приобретало все более жесткий характер.

§ 4. Выход Руси на международную арену

В конце XV в. европейские государи с изумлением увидели, что в течение каких-то трех десятков лет на Востоке Европы появилась новая мощная держава — единая Россия. И сразу же это государство стало принимать активное участие в европейской политике: Русь начинает возвращать себе место среди других европейских стран, которое когда-то прочно принадлежало Древнерусскому государству. Правда, происходило это не сразу, постепенно. Никто не хотел пускать Россию — бывшего вассала Орды в Европу. Здесь уже давно сложились свои интересы, заключались союзы, определились враги. «Московитов» считали чужаками, варварами. Но постоянно усиливающаяся мощь Русского централизованного государства, его военные успехи в борьбе с Ордой, Литвой, Ливонским орденом, превращение России в оплот православия после падения Константинополя постоянно привлекали к ней внимание западных политиков.

Установились отношения с рядом государств Аппенинского полуострова — папским Римом, Венецианской республикой, Миланским герцогством. Здесь же, в итальянских землях, русские послы проявили огромный интерес к местным специалистам и ремесленникам. В Москву были приглашены десятки архитекторов, строителей, врачей, пушечных мастеров, литейщиков, ювелиров.

Москва начала обмениваться посольствами с Германской империей. Германский император, как и папа римский, рассчитывал на то, что Россия станет их послушным орудием в борьбе с турецкой опасностью. Но Иван III, а после его смерти сын Василий III умело уходили от конфликта с Турцией, для этого еще не наступило время, так как перед Москвой стоя-

ли совсем другие задачи — противоборство с Литвой, Ливонским орденом, дальнейшее соби́рание русских земель.

Возобновились отношения с Венгрией, Молдавским княжеством. Прочные союзные связи окрепли между Русью и Крымским ханством. Именно хан Менгли-Гирей, оказывал Ивану III поддержку еще в борьбе с Ахматом. Русь своим упорным сопротивлением татаро-монгольскому игу надломил Большую Орду, а теперь (1502 г.) Менгли-Гирей добил ее окончательно. После этого Орда перестала существовать как самостоятельное государство. В дальнейшем попавшее в вассальную зависимость от Турции Крымское ханство, уже после смерти Менгли-Гирея, поменяло свою политику и превратилось в XVI в. и далее в злейшего врага России.

Но оставалось также ранее отделившееся от Орды Казанское ханство. Москва настойчиво пыталась нейтрализовать враждебность Казанского ханства и усилить там свое влияние. Против Казани было предпринято несколько походов. Наконец, русское войско под командованием блестящего полководца князя Даниила Холмского, который громил еще новгородцев на Шелони, а потом отличился в боях на реке Угре против Ахмата, осадила Казань.

Город был взят в 1487 г. На казанский престол Иван III поставил сторонника Москвы.

Набеги на Русь со стороны Казанского ханства временно прекратились. Но Казань продолжала оставаться независимым и сильным государством, имевшим важное стратегическое значение на Волге. В городе со временем образовалась сильная промосковская партия. Но существовала и влиятельная группа сторонников союза с Крымом и Турцией. Вся борьба здесь была еще впереди.

Иными стали отношения Московского княжества на ближних западных и северо-западных границах. Здесь после присоединения Новгорода, а также ряда русских земель на границе с Литвой, основными соперниками единой Руси стали Швеция, Ливонский орден и, конечно, Литва, за спиной которой стояла союзная Польша.

Иван III взял на себя защиту русских земель против шведов на северо-западе, чем прежде занимался Новгород. В конце XIV в. русские войска несколько раз пытались вернуть земли, отвоеванные Швецией у Новгорода. Полки Ивана III прошли огнем и мечом по областям южной и центральной Финляндии, отобранной Швецией у Новгорода. Был подвергнут осаде город Выборг. При этом русское войско использовало огромные новые пушки. Но ни у одной из сторон не было сил для того, чтобы решающим образом изменить здесь положение в свою пользу.

Более значительны были успехи Ивана III в борьбе с Литвой и Ливонским орденом.

В двух войнах с Литвой в 1492—1494 гг. и в 1500—1503 гг. русские войска одержали ряд побед над литовцами и сумели вернуть Москве некоторые русские земли, о чем уже говорилось выше. Теперь Литва все чаще прибегает в своей борьбе против Москвы к помощи Ливонского ордена, который после разгрома при Грюнвальде потерял свою атакующую мощь по отношению к Литве, но вполне сохранил силы для того, чтобы помочь ей в борьбе против Руси.

Для того чтобы получить в борьбе с Орденом выгодный плацдарм, Иван III стремительно построил напротив ливонской крепости Нарва русскую крепость Ивангород, назвав ее в свою честь. Вскоре он заключил союз с Данией против своих противников. Это было сделано вовремя, потому что в период второй литовско-русской войны Орден выступил на стороне Литвы. Орденские силы пытались атаковать Ивангород, захватить Изборск и Псков, но русские дали им отпор. Более того, рать Ивана III нанесла удары по территории Ордена. Теперь Россия прочной ногой встала в Прибалтике, возвращая здесь давнишние военно-стратегические, экономические, торговые интересы еще Древнерусского государства.

Таким образом, решая масштабные международные вопросы, Русь все больше в своей политике повертывалась лицом к Западу. Особенно очевидно это стало проявляться после гибели Орды.

§ 5. Формирование многонационального государства

Объединение русских земель вокруг Москвы, создание единого Русского государства способствовало сплочению русских людей, складыванию великорусской народности. Центром этой народности стало население, жившее во Владимиро-суздальской земле, где восходила к силе и славе Москва. Теперь уже все реже жители бывших княжеств вспоминали, что они являются новгородцами, рязанцами, тверичами, и все чаще ощущали себя великороссами. Это крепнувшее чувство принадлежности к одной рождающейся народности объяснялось несколькими важными причинами.

Во-первых, появившейся общностью территории. Теперь Москва являлась столицей всей Руси, и каждый человек ощущал себя принадлежащим к этому большому государству. Во-вторых, на общей территории быстро развивалась общность единого великорусского языка. Отныне, конечно, весьма постепенно, начинает складываться единый русский разговорный язык, что для москвича, что для рязанца, что для жителя далекой новгородской окраины. Этому способствовали все укрепляющиеся торговые связи между различными русскими землями. Важное значение в складывании единой русской народности имела общерусская борьба против Орды.

Но на огромной территории сложившегося Русского государства жили не только великороссы. Подобно Древнерусскому государству Россия складывалась как многонациональное государство, и это тоже одна из его характерных особенностей.

Некоторые из угро-финских племен, живших в Окско-Волжском междуречье (меря, мещера), входили еще в состав Древнерусского государства. Теперь они стали частью единого Русского государства. Другая часть живших здесь угро-финнов (мордва, мари) долгое время сохраняла свою независимость, хотя владими́ро-суздальские, а потом московские князья упорно стремились подчинить их себе. С появлением Золотой Орды эти народы стали данниками Сарая. Но с ослаблением Орды они вновь попали в зависимость от Москвы. С трудом и ожесточением проходило подчинение вольнолюбивых лесных жителей московским порядкам, пока, наконец, окруженные со всех сторон русскими землями, они не стали частью насе-

ления единой страны. Тем не менее эти народы сохраняли на протяжении веков свои обычаи, культуру, традиции. Центральная власть всеми мерами поддерживала устанавливающиеся добрососедские отношения между угро-финскими народами Поволжья и русскими жителями. Активно вели в их среде православную проповедь деятели церкви. Спустя годы и десятилетия некоторые народы приняли крещение. Но не все так безоблачно было в отношениях Москвы и поволжских народов. Государство заставляло их платить налоги пушниной, продуктами леса, московские феодалы и монастыри захватывали их земли. Это вызывало протесты, восстания. Простые же люди — русские крестьяне, ремесленники жили с ними бок о бок, у них были общие радости, общие беды.

На северо-западе вместе с Новгородскими землями в единое государство вошли давно уже дружественные Руси племена корелов, ижоры, а также непокорная и свободолюбивая чудь, которая неоднократно поднимала восстания как против русского владычества, так и против натиска немецких крестоносцев.

Еще в XIV в. началось постепенное продвижение русских в земли Великой Перми, где жили племена зырян и перми. Там, во времена Дмитрия Донского вел миссионерскую (проповедническую) деятельность епископ Стефан, получивший впоследствии имя Пермского. Он учил местных жителей грамоте, вел другую просветительскую деятельность. Обращение зырян и перми в христианство проходило на сугубо добровольной основе. Стефан вошел в историю этих народов как их друг и учитель.

В период первых войн с Казанским ханством московские воеводы появились в землях, расположенных по реке Каме, окончательно подчинили Москве вольнолюбивый Вятский край, а вместе с ним и жившие здесь местные племена вотяков.

Опираясь на свои крепости, торговые и промысловые фактории (укрепленные пункты), построенные еще в Новгородской земле, московские воеводы набирали отряды, состоящие из «охочих людей» (т. е. добровольцев) и шли с ними на покорение северных и приуральских народов. Их привлекала жажда наживы, стремление захватить новые земли. Тамошние владения были богаты пушным товаром, который высоко ценился на русских и иностранных рынках. Новая власть заставляла местных жителей, после подчинения Москве, платить налоги (ясаки) пушниной. Вместе с тем скупщики, промысловики за гроши скупали или за безделушки выменивали у местных жителей дорогие меха и наживали на этом большие деньги. Иногда дело доходило и до откровенного грабежа.

К концу XV в. окончательно была подчинена Пермская земля. Здесь началось насильственное крещение местного населения. Сперва Москва оставляла власть в руках тамошних князей, а с начала XVI в. назначала здесь своих наместников. В это же время были завоеваны и земли племени вогулов, живших по Иртышу, и югры, обитавшей на Нижней Оби. Их князья были пленены, а племена стали данниками Москвы. Таким образом, началось продвижение русских на Восток — в Зауралье и Западную Сибирь.

§ 6. Хозяйство и люди

Создание единого централизованного государства на Руси в свою очередь повлияло на общую ситуацию в стране, на развитие хозяйства, социальное положение людей. Мир, стабильность, уверенность населения в завтрашнем дне привели к тому, что все те положительные явления в хозяйстве страны, которые появились в период возрождения Руси после Батыева разгрома и начала объединения русских земель, теперь увеличились во много раз.

Крестьянство. Прежде всего необходимо сказать о самой важной отрасли тогдашней России — о сельском хозяйстве и сельских жителях.

Именно в XV — первой половине XVI в. русское сельское хозяйство шагнуло вперед. Трехполье повсеместно вытеснило старые методы обработки почвы — «росчисти», «гари», которые говорили о начале освоения огромных территорий. При помощи этих методов крестьяне отвоевывали у леса пашню. Теперь же здесь образовалось регулярное хозяйство с правильными севооборотами, с распространением таких ценных и питательных зерновых культур, как гречиха. Вывоз навоза на поля стал обычным хозяйственным приемом, резко поднимавшим урожайность скудной земли. В это время дальнейшее совершенствование получили на Руси новые пахотные орудия труда, в первую очередь знаменитая соха-косуля, которая соединяла в себе преимущества старого мощного плуга (малоприспособленного в лесистой местности) и легкой, но маломощной сохи. Новое орудие было легким и имело мощный режущий металлический лемех.

Более стабильным стало животноводство — за счет освоения велико-лепных заливных лугов Окско-Волжского междуречья, дававших прекрасную кормовую базу, выведения новых пород скота. Резко увеличилось конское поголовье, в основном за счет массовых покупок лошадей у различных степных сообществ, с которыми были мирные отношения. А лошадь в хозяйстве — это все. В это время на Руси на одного взрослого работника во дворе приходилось в среднем по одной лошади. А ведь таких работников, как правило, было в крестьянских дворах несколько.

Основой подъема сельского хозяйства в ту пору стали деревня и починок. Они появились как виды поселений еще в XIV в. За полтора-два столетия они стали поистине мощными рычагами подъема всего хозяйства Руси.

Название «деревня» происходит от глагола «драть». Пришедшие в новые места крестьяне «раздирали» целину, вспахивали ее, осваивали новые земли. Небольшие деревни от 3—4 до 7—8 дворов покрыли всю Северо-Восточную Русь. Преимущество этих поселений перед старыми большими селами было в том, что здесь на каждый двор приходилось значительно больше земли, а значит, хозяйство здесь было более прибыльным и выгодным для крестьянина.

Продолжали свой победный марш по Руси и починок — совсем маленькие поселения в 1—3 двора; именно крестьяне, организующие починок, были подлинными первопроходцами в ранее пустых местах. Для них было важно, что починок, как правило, был на долгие сроки освобожден от налогов. А это большое подспорье в развитии хозяйства. По существу, русские люди при новых благоприятных условиях начали колонизацию, т. е.

освоение своей страны. Такую колонизацию, когда поселенцы отправляются не за тридевять земель, а в лесную глушь, неподалеку от прежних мест поселения, называют внутренней колонизацией. Такие же процессы происходили значительно раньше в Европе. Но там свободных земель было меньше, и вскоре крестьяне стали лучше и основательнее осваивать уже обжитые места. На Руси же при обильных пространствах, постоянных налоговых льготах, которые давались жителям починков и деревень государством и землевладельцами, этот процесс растянулся на долгие столетия.

Сельское население продолжало активно осваивать природные богатства страны. Большим подспорьем в хозяйствах, особенно в районах с бедными почвами, стали промыслы — пасечное пчеловодство, охота, смолокурение, деревообработка. В некоторых районах крестьяне изготавливали срубы домов на вывоз и продажу. Все более широко стала развиваться в сельской местности выплавка железа из болотной руды. Чем больше тогда появлялось в крестьянских хозяйствах железа, а значит, и новых железных орудий труда, тем успешнее шло освоение пашни, леса, лугов, строительство домов и хозяйственных построек.

Каково же было положение русских крестьян в XV — первой половине XVI в.? Ответ дает само название сельского поселения — «крестьяне», которым повсеместно стали именовать сельских жителей в XV в.

С появлением единого государства, освоением новых пахотных земель, возникновением новых деревень, починков, ростом сельского населения главной фигурой в сельской местности стал лично свободный труженик с достаточным наделом, с определенными правами на этот надел. В частности, такой труженик независимо от того, принадлежала земля государству либо частному владельцу, мог передать свой надел по наследству. Он был членом сельской общины, участвовал в ее жизни, управлении миром, в переделе общих земель. Такой человек платил все положенные налоги, пошрины, отбывал все повинности (подводную и прочие) как для государства, так и для феодального владельца земли. Он на правах свободного человека участвовал в судебных разбирательствах. Наконец, несмотря на введение Юрьева дня, он имел право ухода от своего владельца или с государственной земли на другое место жительства и хозяйствования. У такого сельского труженика было право выбора. Вот эта-то масса сельского населения и стала называться уважительно крестьянами (от слова «христиане»). Именно свободное крестьянство и стало основой процесса внутренней колонизации страны, подъема сельского хозяйства, укрепления военной мощи страны. Положение таких крестьян в течение XV — первой половины XVI в. оставалось стабильным. Налоги в пользу государства и частного владельца не повышались.

Большую роль в жизни крестьян продолжала играть и община. С одной стороны, она помогала усиливавшемуся государству в системе сбора налогов и наблюдением за членами общины, с другой — поддерживала и защищала крестьянина против насилий и злоупотреблений власти, жадности кормленщиков, произвола частных землевладельцев.

Города, ремесла, торговля. В условиях единого централизованного государства сделали шаг вперед русские города, ремесла, торговля.

Вдали от ордынского ига росли и развивались Новгород и Псков. Теперь же быстро устремились вдогонку за ними города в междуречье Оки и Волги, особенно по рекам Москве, Клязьме, Оке, — вдоль главных речных дорог этих мест.

В городах быстро восстанавливались старые и росли новые ремесленные профессии, утраченные в период татаро-монгольского нашествия и первых десятилетий ига. Особенно следует выделить производство оружия, в том числе огнестрельного. Большое развитие получили деревообработка, строительное искусство. Артели древоделов, каменщиков и камнерезов работали во всех русских городах. Крестьяне строили и отделывали свои дома собственными силами. В обычай вошли «помочи», т. е. участие в постройке того или иного дома всех трудоспособных членов общины. Потом так же сообща отмечали новоселье. А затем приходила очередь новой коллективной постройки.

Росла и доля городского населения. Оно равнялось 5% всего населения. Для России это было много. Для Западной Европы исключительно мало. Там эта цифра равнялась 10—15%. В некоторых районах Европы (Северная Италия, Фландрия) этот процент доходил до 40.

К середине XVI в. в России числилось 130 поселений городского типа. Однако полноценных городов с населением свыше 10 тыс. человек, с надежными укреплениями, каменными зданиями было не больше десятка. Кроме Москвы (где жило до 200 тыс. человек), Новгорода, Пскова, это были Тверь, Ярославль, Вологда, Кострома, Нижний Новгород, Коломна, Рязань, Смоленск. В них обитала подавляющая часть городского населения.

Остальные города были еще во многом аграрными поселениями, со слабым развитием ремесла и торговли. Постепенно стали приходить в упадок бывшие удельные центры Ростов, Суздаль, Дмитров, Звенигород и др.

Города были удалены друг от друга на десятки, порой сотни километров (на Западе — на 25—30 км), а еще более удалены от дальних сельских поселений. Дороги были грунтовыми и весной и осенью превращались в месиво. Это приводило к тому, что изделия ремесел с трудом доставлялись в села и деревни. Поэтому основная часть населения — крестьянство — продолжала зачастую обходиться собственным производством необходимых изделий. Правда, уже зарождались местные рынки, но они не охватывали районы вновь освоенных земель. Развитие городов, ослабленных в течение десятилетий ордынскими разгромами и междоусобными войнами, не поспевало за быстро развивающимся крестьянским хозяйством. Это замедляло и затрудняло весь процесс хозяйственного развития страны.

Заметно оживилась торговля. Это выражалось в том, что торговые связи, несмотря на удаленность городов друг от друга и трудности с дорогами, все же с каждым десятилетием крепче «стягивали» Русь воедино. «Гости», ведущие зарубежную торговлю, пробивались не только на рынки Крыма, Литвы, Скандинавии, Кавказа, но доходили до отдаленных стран Западной Европы. Именно они привозили в Москву и другие крупные города «заморские» товары — вина, ткани, посуду, а на Запад везли традиционные товары русского экспорта — меха, льняные ткани, воск. Первокласное русское оружие и доспехи вывозить за границу запрещалось.

В городах началось объединение торговцев, ремесленников, огородников в территориальные организации — сотни, полусотни. Крупное богатое купечество создавало свои профессиональные организации. Так появились корпорации «гостей» — купцов, ведущих иностранную торговлю, а также купцов-суконщиков.

Территориальные и профессиональные организации купцов и ремесленников стали основой зарождения в России, как и на Западе, городского самоуправления. В своей деятельности по управлению городами великокняжеские наместники опирались теперь на организации купцов и ремесленников. Они помогали в сборе налогов, отбывании повинностей, отвечали за поддержание некоторых городских построек (например, городских житниц, где хранилось зерно), благоустройство улиц, дорог, за участие городского ополчения во время военных походов.

Но главной силой в городе оставались феодалы — князья, бояре. Их богатые городские усадьбы, полные слуг, были главными постройками городов, а их влияние оставалось подавляющим и в новом государстве. Они стали слугами государя, но сохраняли экономическую и политическую власть в русских городах.

§ 7. Государство и церковь

Русская православная церковь всеми силами защищала и поддерживала объединение русских земель вокруг Москвы, укрепление великокняжеской власти и создание централизованного государства. Благодарные великие князья всячески поддерживали церковь, предоставляли ей новые земельные владения, делали в монастыри и церкви богатые вклады деньгами, дорогими вещами, предоставляли церковным земельным собственникам налоговые льготы, позволяли им самим судить и рядить живущих на их землях людей. Такой порядок на Западе назывался иммунитетом, утвердился он и в России.

Особенно авторитет Русской православной церкви вырос после падения Константинополя и превращения русской церкви с середины XV в. в автокефальную, т. е. самостоятельную организацию, независимую от константинопольского патриарха. Теперь это была самая крупная, богатая, хорошо организованная православная церковь в Евразии.

Большую помощь церковь оказала великокняжескому престолу в борьбе с католической агрессией Запада и в освобождении Руси от власти Орды. Митрополит Геронтий активно побуждал заколебавшегося в 1480 г. Ивана III к решительной борьбе с нашествием Ахмата.

Однако по мере укрепления центральной власти позиция церкви становилась слабее. Великие князья Иван III и Василий III не могли согласиться с существованием государства в государстве. А церковь с ее огромным религиозным влиянием, земельными богатствами, многочисленными льготами стала порой соперничать с великокняжеской властью. Это происходило особенно тогда, когда на митрополичьем престоле появлялись энергичные, умные, честолюбивые деятели. Так, Иван III пошел на конфликт с тем же Геронтием. Василий III фактически сместил его. С течением времени именно от великих князей стало зависеть избрание митрополитов. Началось сокращение налоговых и судебных льгот церкви. Великие

князья стали ограничивать церковь в дальнейшем расширении земельных владений.

Но церковь в XV — первой половине XVI в. по-прежнему оставалась мощной религиозной и нравственной силой, одним из богатейших землевладельцев на Руси. Монастыри, другие церковные организации были средоточием больших культурных ценностей. Здесь создавались летописи, рождались живописные шедевры, действовали школы. И великокняжеская власть не могла не учитывать все эти моменты.

Наконец, церковь обрушилась на возникшие в XV — начале XVI в. ереси, которые подрывали не только существовавшие церковные порядки, но и устои самого государства. Ереси (от греческого слова *eresis*, что означает «особое вероучение») — это отступление от официального церковного учения, от церковных догм и от поклонения церковным святыням — иконам, мошам святых и т. п. Ереси выступали против церкви, а поскольку она поддерживала государство, обосновывала божественное происхождение верховной власти, власти великих московских князей, то борьба против церковных устоев равнялась борьбе против государственных интересов.

На Русь волна еретичества докатилась во второй половине XIV — начале XV в., и не случайно первые ее ростки проклюнулись в Новгороде и Пскове — крупных торговых городах, тесно связанных с западными странами. Еретики (их называли стригольниками из-за того, что в их числе были расстриженные духовные лица, т. е. лишенные духовного сана) обличали церковников, в том числе монастырскую братию, за жадность, мздоимство, погоню за «имением» и говорили, что такие люди не могут учить людей вере. Они отрицали такие религиозные догмы, как вечное существование души, вера в загробную жизнь, и одновременно выступали против церковного землевладения, угнетения одних людей другими. Церковные власти, опираясь на поддержку великих князей, сурово покарали еретиков, «показнили» их. Так, в Новгороде наиболее активные из еретиков были сброшены связанными, с камнем на шею, с моста в Волхов.

Однако суровые меры, напоминавшие такие же расправы инквизиторов на Западе со «своими» еретиками, не искоренили ересь. Прошло несколько десятилетий, и новая волна ереси пришла из Новгорода. Ее называли ересью жидовствующих, потому что первыми ее распространителями были приехавшие из Киева евреи.

Еретики отрицали божественное происхождение Иисуса Христа и говорили о его человеческой сущности, отвергали почитание икон, монашество, поклонение святым. Их взгляды нашли поддержку не только среди простого народа, но и в некоторой части духовенства, бояр, дьяков и даже людей, близких к Ивану III. Церковь к этому времени действительно потеряла многое из своего ореола нравственной и патриотической силы и стала погрязать в стяжательстве, да к тому же начала противопоставлять себя центральной власти.

Поначалу Иван III не вмешивался в религиозные споры и даже сочувственно относился к еретикам, поскольку те, обличая церковь, поддерживали великокняжескую власть и наносили удар по особому положению церкви в государстве. Также сочувственно поначалу Иван III воспринял и рассуждения так называемых нестяжателей — заволжских старцев, т. е.

монахов, живших в скитах, в отдельных лесных избушках. Нестяжатели проповедовали уход от мира, отказ от приобретения церковниками богатств, земельных владений. А жить нужно, считали они, на подаяния прихожан и на заработанное личным трудом. Только таким путем можно было очиститься душой и достигнуть на том свете спасения.

В борьбе с церковным землевладением, всевластием усиливавшейся церкви Иван III использовал эту критику со стороны нестяжателей. Их яростным противником выступал игумен подмосковного Волоколамского монастыря Иосиф, его сторонников стали называть осифлянами. Они доказывали, что монастыри нуждаются в землях, в крепком хозяйстве. Только опираясь на хозяйственную мощь, они могут в религиозном отношении влиять на общество.

На первых порах казалось, что при сочувствии великого князя еретики и нестяжатели возьмут верх над официальной церковью.

Но Ивана III мало заботили религиозные и нравственные вопросы. Главным для него было усиление центральной власти собственного единогодержавия. Используя ситуацию, великий князь предпринял, как уже говорилось, ограничение церковного землевладения, различных льгот церкви. После этого он, как и прежде, был намерен использовать церковь, ее религиозную проповедь в интересах развивающегося государства. Ведь еретики могли подорвать полностью его идеологические устои. Началось преследование еретиков в Новгороде и Москве, сторонники нестяжателей пошли в ссылку и на плаху. А скоро деревянные клетки с еретиками запылали на льду Москвы-реки и Волхова. Никогда еще Русь не видела столь ужасных казней. Церковь отплатила с лихвой своим противникам.

Церковь, несмотря на некоторые противоречия с великокняжеской властью, продолжала всячески возвыщать Русское централизованное государство. Именно в церковной среде в начале XVI в. сложилась теория «Москва — Третий Рим». Ее создатели доказывали, что Москва, Русское государство, великокняжеская власть являются истинными наследниками Рима и древнего Константинополя. Они считали, что первый Рим был погублен католичеством, второй Рим — Константинополь погряз в грехах и по наущению Божьему был захвачен турками. Теперь только православная Москва способна стать мировым центром истинного христианства, а Русское централизованное государство должно выполнить свою мировую миссию и спасти человечество от разного рода ересей и стать поистине мировой державой.

В это же время создатели новых сказаний и летописных сводов, которые писались также церковными деятелями, обосновали идею о том, что род Рюриковичей происходит от римского императора Августа, чья власть имела божественный характер. А жизнь и власть московских монархов дана самим Богом.

§ 8. Культура и быт XIV—XV вв.

Вместе с возрождением и подъемом Русской земли, развитием экономики после татаро-монгольского нашествия, вместе с процессом объединения русских княжеств сначала вокруг нескольких центров, а потом вокруг Москвы возрождалась и развивалась русская культура. Она чутко от-

ражала все новшества в русской жизни, а главное — изменившееся настроение русского народа, его патриотический порыв в пору борьбы с Ордой в предверии Куликовской битвы и в период создания единого Русского централизованного государства.

Летописи. В первую очередь это отразилось в возрождении и развитии летописания, написании крупных исторических сочинений, в которых шел рассказ о всем пути русского народа. Новые летописные своды стали создаваться при дворах отдельных крупных князей — во Владимире, Ростове Великом, Рязани, Твери, позднее — в Москве. Не прерывалось летописание в Новгороде и Пскове.

Поначалу эти сочинения были проникнуты местными интересами. Рассказывая о событиях русской истории со времен Рюрика и включая в свой состав знаменитую «Повесть временных лет», эти летописи в дальнейшем повествовали о деяниях своих князей, считали их главными героями русской истории. Авторы связывали древнюю историю Руси, скажем, с историей Тверского или Рязанского княжества и полагали, что именно их князьям и суждено возглавить процесс объединения русских земель. Это было знаменательно. Идея единства Руси уже встала в повестку дня истории, и летописи отразили эту идею.

Со второй половины XIV в. ведущее место в летописании и создании других историко-литературных памятников переходит к Москве, которая при Дмитрии Донском взяла на себя инициативу борьбы с Ордой. Они пишутся в Троице-Сергиевом монастыре, в московских монастырях. В этих сочинениях проводится идея единства Руси, общности ее киевского и владимирского периодов, ведущей роли Москвы в объединении русских земель и в борьбе с Ордой. Таким летописным сводом стал московский «Русский хронограф».

Уже в это время в московских летописных сводах проходит мысль о праве Москвы на собирание всех земель, бывших ранее в составе единого Древнерусского государства. Москва лишь приступила к этому процессу, но тогдашние идеологи уже сформулировали задачу московских князей на будущее.

Недаром Иван III, отправляясь в поход против Новгорода, заранее ознакомился со старыми летописями, для того чтобы найти в них обоснование своего права как Рюриковича, на владение всеми русскими землями, в том числе и Новгородом на правах отчины своих предков, киевских князей.

Жития, сказания, «хождения». Другим письменным жанром, отражающим явления эпохи и пронизанным новыми умонастроениями людей, стали в это время жития, сказания и «хождения».

Жития — это церковные сочинения о выдающихся русских людях — князьях, деятелях церкви. Их героями становились только личности, чья деятельность являлась действительно эпохой в истории Руси, или те, чей жизненный подвиг стал примером для многих поколений русских людей. Церковь их объявляла святыми. Таким было, например, «Житие святого Александра Невского». В нем рассказывалось о замечательных подвигах князя в борьбе со шведами, немцами, о его титанической и опасной дипломатической деятельности в отношениях с Батыем, Золотой Ордой, о его за-

гадочной смерти на пути из Сарая. Русские люди, читая это Житие, проникались идеями служения Родине, патриотизма. Автор стремился отвлечь от всего эгоистичного, суетного и пробудить в их душах высокие жизненные идеалы служения людям, обществу, своей стране.

Другим таким известным Житием стала повесть о жизни и трагическом конце тверского великого князя Михаила Ярославича, растерзанного в Орде. Причем автор этого Жития не идеализирует своего героя. Он рассказывает, как тот отчаянно боролся за власть над Русью с Юрием Даниловичем Московским. Однако последние дни его жизни, добровольная явка в Орду на мученическую гибель ради спасения своей земли позволяют автору высоко оценить жизненный подвиг Михаила Тверского. Мученическая смерть, по его мысли, смывает с облика тверского князя все мелочное, недостойное.

Любимым чтением русских людей стало и «Житие Сергия Радонежского», написанное его учеником Епифанием Премудрым в 1417—1418 гг. Со страниц этого сочинения встает образ высоконравственного, трудолюбивого, глубоко религиозного человека, для которого высшее счастье — сделать добро ближнему и благополучие родной земли.

Особенно популярны в это время становятся сказания. Это истории, посвященные знаменательным событиям в жизни страны. Таким сказанием стала «Задонщина» (написана в 80-е гг. XIV в.), рассказывающая о Куликовской битве. Ее автор Софроний Рязанец шаг за шагом повествует о начале нашествия Мамаю, подготовке Дмитрия Донского к отпору врагу, о сборах рати, об исходе исторической битвы.

Повесть проникнута высоким патриотическим духом, и недаром автор не раз обращается мысленно к событиям и образам «Слова о полку Игореве».

Специальное сказание было создано о нашествии хана Тохтамыша на Москву, которое буквально потрясло Русь после блестящей победы на Куликовом поле. Историко-литературные произведения отражали всю сложность и трагичность борьбы Руси за свое единство, против ордынского ига.

В XIV—XV вв. вновь появляются на Руси «Хождения» — сочинения, описывающие дальние путешествия русских людей. Одним из них стало знаменитое «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина, в котором он рассказал русским людям о своем многолетнем путешествии по странам Востока и о жизни в Индии. Начало описания датировано 1466 г., а последние строки были написаны в 1472 г.

Афанасий первым из русских людей проделал грандиозный путь от тверской пристани на Волге до Калькутты. Уже на пути к Каспийскому морю русский купец подвергся опасностям, был ограблен, попал на море в шторм. И все же он прошел Азербайджан, закаспийские земли, оказался на побережье Персидского залива, а потом отплыл в Индию. Там он провел несколько лет. В «Хождении» он подробно описал свое путешествие и годы, проведенные в Индии, рассказал об индийской земле, об обычаях и верованиях индийцев, об их городах.

Афанасий Никитин умер неподалеку от Смоленска в крестьянской избе, немного не дойдя до родной Твери. В его суме и были обнаружены тетради с описанием «Хождения». Он оказался первым европейцем, по-

бывавшим в Индии и подробно рассказавшим о ней. Только через 30 лет путь в Индию проложил знаменитый португальский мореплаватель Васко да Гама.

Зодчество. В конце XIII в. начинается строительство первых каменных храмов в послемонгольское время. Они возводятся в Новгороде и Твери. А затем строится Троицкий собор в обители Сергия Радонежского, церкви в московских монастырях. Русская земля украшается белокаменными храмами. Следом идут новые жилые дома и каменные крепости. Их строят там, где опасность нападений наиболее велика — на границах с крестоносцами — в Изборске, Копорье, на границе со шведами — в Орешке. В 60-е гг. в Москве Дмитрий Донской строит белокаменный Кремль, который с тех пор выдерживает не одну осаду литовцев и татар.

Феодалная война на время прерывает строительную активность в русских землях. Зато Иван III дает ей дополнительное ускорение. Конец XV и начало XVI в. — зодчество как бы венчает его усилия по созданию могучей и единой Российской державы. Прежняя кремлевская стена заменяется новой, и создается замечательный архитектурный памятник, который и до сего дня поражает своей красотой и величавостью — краснокирпичный Московский Кремль с восемнадцатью башнями. Его архитекторами и инженерами были приглашенные на службу в Россию итальянцы, а исполнителями — русские мастера каменных дел. Кремль сочетал в себе достижения итальянской крепостной архитектуры и традиции строительства русских деревянных крепостей. Этот сплав европейского и русского искусства, видимо, и превратил Кремль в шедевр мировой архитектуры.

Почти одновременно возносят свои гордые главы три замечательных кремлевских собора. Пятиглавый Успенский собор — главный храм страны (1475—1479), построенный по проекту итальянского архитектора Аристотеля Фиораванти.

Второй собор — Благовещенский, домовая церковь великокняжеской семьи (1484—1489), был спроектирован и построен русскими умельцами. В начале XVI в., уже после смерти Ивана III, был воздвигнут Архангельский собор (1505—1508), ставший усыпальницей династии Рюриковичей. Его построил итальянец Алоизио де Каркано, или Алевиз, как его звали на Руси.

Одновременно с Кремлевской стеной и соборами во времена Ивана III создаются знаменитая Грановитая палата — место торжественных «выходов государя всея Руси», приема иностранных послов, другие правительственные здания из камня. Через три года после смерти Ивана III его наследник переедет во вновь отстроенный великокняжеский дворец. Так за полтора-два десятилетия центр Москвы поменял свой вид. Москва принимает облик величавой и царственной столицы.

Живопись. Общий подъем духовной жизни Руси в XIV—XV вв., бурное развитие зодчества повлияли в сильной степени на становление новой русской живописи. От этого времени до нас доходят замечательные творения художников-иконописцев Феофана Грека, Андрея Рублева, Даниила Черного. Все они были иконописцами, мастерами фресковой живописи на религиозные темы. Величие русских живописцев состояло в том, что, не вы-

ходя за церковные рамки, они умели создавать подлинные художественные шедевры.

За счет чего же удавалось этого достигнуть? Во-первых, благодаря глубоким гуманистическим идеям, вложенным в творения. Во-вторых, за счет собственного неповторимого художественного стиля, сочетания красок, самой манеры письма, с помощью которых эти идеи выражались. Так, в Новгороде расписывал храмы и создавал иконы во второй половине XIV в. Феофан Грек. Уже по его имени видно, что родом он из Византии. Его лики святых буквально потрясали людей. Несколькими сильными, на первый взгляд грубыми мазками, игрой контрастных красок (белые, седые волосы и коричневые морщинистые лица святых) он создавал характер человека. Непростой была земная жизнь святых Православной церкви, порой она была трагичной, и каждый лик, написанный Феофаном, был полон человеческих страстей, переживаний, драматизма. Ставшего знаменитым Феофана пригласили из Новгорода в Москву, где он расписывал ряд храмов.

Младшим современником Феофана был Андрей Рублев — монах сначала Троице-Сергиева, а потом московского Спасо-Андронникова монастыря. Он общался с Сергием Радонежским, его поощрял и поддерживал Юрий Звенигородский. Некоторое время Рублев работал в Москве вместе с Феофаном Греком. Они расписывали в начале XV в. фресками еще деревянный московский Благовещенский собор. Вероятно, старший по возрасту и имевший уже на Руси большой авторитет Феофан многому научил молодого мастера.

В дальнейшем Андрей Рублев становится наиболее известным русским живописцем. Его вместе с другом Даниилом Черным пригласили расписывать Успенский собор во Владимире, который послужил позднее моделью для Успенского собора в Кремле. Украшал он фресками Троицкий собор в Троице-Сергиевом монастыре, а также Спасский собор в Спасо-Андронниковом монастыре. В творчестве Андрея Рублева до совершенства была доведена идея сплава живописного мастерства и религиозно-философского смысла. Особенно это видно в его знаменитой картине «Троица», созданной в 10-е гг. XV в. для Троицкого собора в Троице-Сергиевом монастыре.

В рублевской «Троице» эта высокая общечеловеческая мысль и нашла свое отражение. Изображенные на иконе в виде ангелов трое странников, присевших за трапезой, по мысли художника, воплощают в себе Святую Троицу — справа стоит Святой Дух, слева — Бог Отец, а в центре Бог Сын — Иисус Христос, который будет послан в мир людской для того, чтобы своими страданиями направить человеческий род на путь спасения. Все три фигуры и по облику своему и по движению составляют как бы единое целое. В то же время у каждого своя мысль, своя задача, своя судьба. Икона пронизана идеей жертвенности ради людей, идеей высокого гуманизма. Рублев сумел силой своей кисти, рядом условных знаков передать целую религиозную поэму. Каждый русский человек, смотрящий на икону, размышлял не только о религиозном сюжете, отраженном в иконе, но и о своей личной судьбе, вплетенной в судьбу многострадального Отечества.

Фольклор. Устное народное творчество — песни, пословицы, поговорки, былины, сказки, как и в прошлые века, были составляющей частью русской культуры XIII—XV вв.

И так же, как в летописях, сказаниях, зодчестве, живописи этого времени, которые задумывались и создавались в среде высших слоев общества, в народном творчестве отражались схожие настроения. В фольклоре ярко звучит тема народной трагедии в связи с татаро-монгольским нашествием, любовь к своей многострадальной земле, а позднее — мотивы борьбы за освобождение Родины от ордынского ига и гордость за героев этой борьбы.

Именно в эти десятилетия на Руси появились циклы былин о Владимире Красном Солнышке и об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. В этих творениях народа отражаются как ранние периоды воинской героики, так и поздние боевые свершения: здесь и сечи с половцами, и битва на Калке, и Куликовская битва, и освобождение от ордынского ига.

Исторические песни рассказывают о борьбе Руси против Орды, например о знаменитом восстании в Твери в 1327 г.

До создания единого государства в каждом княжестве народ вспоминал и славил своих героев. Например, в Новгороде — великого силача Василия Буслаева и торгового гостя Садко.

Как и прежде, в народе слагались и лирические, свадебные песни, остроумные пословицы и поговорки, которые дошли и до наших дней, веселые частушки. Народ продолжал жить и надеяться на лучшую долю и отражал это в своем повседневном творчестве.

Быт народа. Быт народов, вошедших в состав Русского централизованного государства, — русского народа, поволжских, северо-западных угро-финских и балтских племен, вполне отражал их общий экономический и культурный уровень. Большинство районов России, русских городов лежало в лесной зоне, вдали от морских побережий; находилось на внутренних речных путях. Ритм жизни был здесь по сравнению с динамичными странами Европы более замедленным, традиционным, но по сравнению с ближними кочевыми государствами или племенными образованиями Востока или с золотоордынскими землями и городами Русь выглядела более цивилизованной частью мира.

Хотя в целом быт народа менялся медленно, новшества касались в основном крупных городов, в первую очередь Москвы. Там, особенно в высших слоях общества, собирались основные богатства, которые наживались в новых условиях в первую очередь землевладельцами, церковниками, дьяками — этими рычагами нового аппарата управления.

В Москве сияли золотые купола Успенского собора, там возвышался величественный Кремль, стояли каменные храмы и отдельные каменные постройки.

В богатых княжеских и боярских домах, обнесенных высокими и плотными заборами и состоящих из многоярусных (двух-, трехэтажных) теремов, со многими парадными жилыми палатами, светлицами, где вышивали женщины, сенями, переходами, для украшения и удобств использовались восточные ковры, употреблялась дорогая металлическая (золотая, серебряная, медная, оловянная) посуда. Здесь имелись рукописные книги религиозного и светского содержания. Переплетенные в кожу, с дорогими сереб-

ряными и золотыми пряжками, они представляли огромную ценность. Их наличие в доме говорило не только о культурном уровне его обитателей, но и о их силе и богатстве. Такие хоромы освещались свечами, которые стояли в металлических подсвечниках.

Открывались кованые железом дубовые ворота такого двора, и из него выезжал либо в карете, либо верхом на снаряженных дорогой сбруей лошадях, в сопровождении слуг, богатый владелец двора. Ходить пешком богатому человеку в это время уже считалось зазорным.

Знатные люди, как правило, носили длинные до пят одежды — кафтаны, шубы; они украшались драгоценными камнями, дорогим серебряным и золотым житем, вышивкой. Эти одежды часто шились из привозных, «заморских» дорогих тканей — сукна, бархата, атласа, камки. Шубы были тяжелые, с отложными соболиными воротниками, с длинными и namного прикрывающими кисти рук рукавами. Считалось, что чем богаче, тяжелее, длиннее была шуба, тем больше достоинства придавала она ее владельцу, хотя двигаться в ней было неудобно. Но такова была тогдашняя мода верхов общества. У женщин были свои представления о моде и престиже. Современники рассказывают, что русские женщины в XIV—XV вв. без меры белили лица и красили свеклой щеки, «чернили» глаза, выщипывали брови и на их место приклеивали другие. Как говорится, ничто не ново под луной. Головы знатных людей во время выходов были покрыты, даже в летнее время, высоченными цилиндрическими меховыми, так называемыми горлатными, шапками. Чем выше шапка, тем больше почета и уважения князю или боярину.

Мужчины и женщины носили украшения — перстни и монисто, цепи и пояса с пряжками из золота и серебра. На ногах были сапоги из тонко выделанной кожи — сафьяна разных цветов. Они нередко также отделялись золотом, серебром, жемчугом.

Питание богатых людей включало мясо, птицу, рыбу разных сортов, в том числе и дорогую красную, всевозможные молочные продукты. На столах в княжеских, боярских хоромх можно было увидеть не только домашние меды и пиво, но и «заморские» вина. В этих дворах ценились хорошие повара, а пиры порой продолжались по многу часов. Блюда же подавались «переменами», т. е. шли одно за другим. Иногда таких «перемен» было до двух десятков.

Русские люди всех сословий, как и прежде, ценили хорошую баню. В богатых городских дворах и богатых сельских имениях это были удобные и чистые «мыленки», иногда с металлическими стоками. Вода в эти «мыленки» доставлялась из колодцев, позднее в великокняжеские хоромы и в дома богатых бояр были проведены «водоводы», через которые вода поступала из реки или колодцев вверх с помощью примитивных насосов, работавших на ручной или конской тяге.

Существенные изменения в обществе коснулись прежде всего его наиболее богатой части. Быт же простого народа — крестьян, бедных ремесленников, работных людей, «ярыжек» резко отличался от жизни верхов. Там были свои обычаи, свои традиции, свои бытовые трудности и свои радости. По сравнению с XIII в. этот быт в период создания централизованного государства мало изменился. По-прежнему в сельской местности

строились деревянные рубленые избы с двускатной тесовой или соломенной крышей. Скот содержался в подклети — нижнем помещении такой избы. Глинобитные печи топились по-черному, т. е. дым уходил на волю через верхнее оконце. Иногда избы зажиточных крестьян имели клети с подклетами — летними неотапливаемыми помещениями.

Такие же дома в основном строились и в городах. Бедные селяне и горожане продолжали сооружать себе избы-полуземлянки (низ, вырытый в земле с деревянной надстройкой) с вековыми глинобитными печами.

И в рубленых избах, и в полуземлянках мебель была самодельной — деревянной, вдоль стен стояли лавки, в центре избы находился стол, на котором стояла посуда из обожженной глины и дерева. Ложки также были деревянными. Освещалась такая изба лучиной, которую вставляли для безопасности в печную щель. Лучина горела медленно, коптила, потрескивала. Когда она догорала, то на ее место втыкали следующую. При ее свете женщины пряли, шили, мужчины чинили конскую сбрую, делали другую работу. По вечерам при свете лучины люди отдыхали — пели песни, рассказывали различные истории, сказки, былины. Фольклор и лучина были неразлучны.

Люди труда и одевались соответственно. Одежда не должна была мешать их тяжелой работе: рубахи из домотканого холста или сукна (зимой), стянутые в талии поясами, такие же домотканые порты, на ногах крестьяне носили лапти, сплетенные из лыка, а городские жители — кожаную обувь. Лапти были легкой и удобной обувью в лесной местности. Там более богатая кожаная обувь утяжеляла шаг, быстро портилась. А лапти можно было тут же выбросить и надеть свежие, сухие. Зимой поверх рубахи надевали меховые овчинные тулупы, а на ноги — валяную обувь, которая хорошо выдерживала сильные морозы.

Еда в простых семьях — самая простая, там было не до «перемен», не до жареных лебедей и рябчиков. Ржаной хлеб, квас, каша, кисели из овсяной или гороховой муки, капуста во всех видах, репа, редька, свекла, лук, чеснок — вот был обычный стол простолюдина. Из молочных продуктов обычно употребляли масло, молоко, сыр, творог. Все это было собственного производства. Мясо подавалось на стол не часто — только по праздникам. Зато реки и озера давали крестьянам в изобилии рыбу, а лес — различные ягоды, грибы, орехи.

Неотъемлемой чертой сельской и городской жизни были охотничьи утехы, разные праздники. По мере возмужания Руси, развития ее хозяйства, освобождения от власти Орды у русских людей становилось все меньше поводов для уныния и больше — для радостей.

В сельской местности на Пасху, Николин день, на храмовые праздники местных церквей устраивались мирские складчины — пиры, когда вся община садилась за общие столы под открытым небом. А потом начинались песни, пляски под гусли, свирели, бубны. В таких праздниках участвовали и скоморохи. Нередко «игрища» организовывались и во время старых языческих праздников. Двоеверие продолжало жить в русских селениях и в этот период, церковь сурово осуждала эти «бесовские» сборища. В городах, в том числе и в Москве, праздники часто сопровождался таким

видом развлечения, как кулачные бои. На одной из площадей молодежь сходилась, к восторгу зрителей, стенка на стенку. Порой бились до смерти.

Деревянная Русь в это время особенно жестоко страдала от пожаров. Это объяснялось феодальными войнами, а также частыми нашествиями литовцев, ордынцев. Но и позднее, когда в централизованном государстве жизнь более или менее успокоилась, пожары все равно продолжали обескровливать страну. Этому способствовало печное отопление, освещение лучинами, неосторожное обращение с огнем. Русские села выгорали постоянно, но также быстро отстраивались. Однако на восстановление жилищ, хозяйственных построек уходило время, народные силы. А потом случался новый пожар, и все начиналось сначала.

Но особенно пагубны для развития страны были пожары в крупных городах — средоточиях торговли, ремесла, управления, культуры.

Россия XV—XVI вв. в сравнении с Западом. Россия, несмотря на крупные сдвиги во всех областях жизни, в силу ряда исторических причин в XV — первой половине XVI в. развивалась гораздо медленнее, чем западные страны. Это объяснялось протяженностью и доступностью границ нового государства, когда на смену одним врагам — Орде и Литве, пришли другие — Крымское и Казанское ханства, Ливонский орден и вновь Литва, Польша, Швеция. В борьбе с западным «латинством», с католичеством Россия, несмотря на расширение контактов со странами Запада, приглашением оттуда специалистов, одновременно все более отгораживалась от них в культурном отношении. Церковь, а под ее влиянием и благочестивые великие князья, стояли стеной против широкого общения с западными еретиками. Со времени образования Русского централизованного государства Россия стала для Запада закрытой страной. Въезд в нее, как и выезд, жестко контролировался.

К середине XVI в. в России проживало 6,5 млн человек. Это было больше, чем в некоторых развитых странах Запада, но средняя плотность населения по стране составляла лишь 2,3 человека на 1 кв. км. В это же время в Польше примерно в те же годы это число равнялось 20, а во Франции — 30 человек на 1 кв. км. А это значило, что Россия была огромной, но слабо населенной страной.

По-прежнему в этих условиях разного рода природные катаклизмы (засухи, преждевременные холода, обилие дождей) влияли на развитие страны. В России все сельскохозяйственные работы проводились в течение 5—5,5 месяцев. А в странах Центральной и Западной Европы этот цикл растягивался на 9—10 месяцев: западный крестьянин почти вдвое дольше мог работать на земле в течение года и соответственно значительно больше получить от нее продуктов, необходимых для жизни или продажи. Меньше в России существовало и плодородных почв. Все лучшие черноземные земли лежали далеко к югу от центральных уездов государства, но там еще пока хозяйничали степняки. На бедных же почвах нужно было прилагать больше труда для выращивания такого же урожая, как в западных странах с их плодородными почвами и мягким климатом.

При засилье в городах феодалов они так и не стали вольными сообществами, а самоуправление в системе городов играло лишь подчиненную

роль при княжеском наместнике. Решающее слово принадлежало здесь тем же князьям и боярам.

Порой города выгорали дотла. Так, во второй половине XIV в. полностью выгорали Владимир, Кострома, Новгород, Рязань. Многократно горела и Москва, в том числе и Кремль. Летом 1493 г. колоссальный пожар спалил весь город. При этом сгорели все деревянные постройки в Кремле. Погибло 200 человек. Иван III со своими помощниками сам участвовал в тушении как этого, так и многих других пожаров, спасал из огня людей. Государь считал, что в часы бедствия его место — быть вместе с народом. Эта традиция, несмотря на последующее усиление монархической власти в России, сохранилась и позднее: великие князья, потом цари, члены их семей лично приходили на выручку людям в пору пожаров, эпидемий, наводнений, других стихийных бедствий.

Постоянно сопутствующей частью жизни и быта страны в период усиления центральной власти, введения нового Судебника, стали пытки во время судебных разбирательств. Можно сказать, что они явились на Русь вместе с созданием единого и сильного государства, появлением мощной монархической власти. Здесь особенно остро чувствовалось влияние деспотических государств Востока, в том числе Золотой Орды. На это указывали и типично восточные пыточные средства: битье палками по пяткам, обливание холодной водой, вколачивание деревянных гвоздей под ногти. Позднее появился и турецкий обычай сажать людей на кол, вздергивать их на дыбу, а также такие приемы, как «испытание» каленым железом и другие истязания.

Все сказанное еще раз указывало на то, что при решении грандиозных задач освобождения страны от иноземного ига, создании мощного и сильного государства человеческая жизнь на Руси ценилась все более дешево, а личность человека перед властью князей, бояр, дворян не ставилась ни во что.

ГЛАВА 6. РОССИЯ В XVI в.

§ 1. Правление Василия III

Иван III передал Василию III по завещанию во владение 66 крупных городов на Руси. Но кое-что дал он и другим своим сыновьям, правда, ограничил их в правах.

Так же понимал вопрос об укреплении государства и Василий III. Он всячески ограничивал права своих братьев, даже мешал им жениться, а значит, создать семью, иметь детей, чтобы не продолжать на Руси удельные порядки.

Большинство его братьев так и остались холостыми. А после смерти некоторых из них их уделы перешли к великому князю. Другие же завещали Василию III свои уделы. Лишь младший брат Андрей, имевший в качестве удела город Старицу, сумел создать семью. Не случайно именно старицкий князь, а потом его сын и вся родня в течение всего XVI в. создавали препятствия единодержавной власти и Василия III, и его сына Ивана IV Васильевича Грозного (1530—1584).

Василий III, опираясь на созданное Иваном III центральное управление страной, на новую армию, намного усилил свою личную власть по отношению к другим князьям, боярам, не говоря уже о своих верных слугах-помещиках, которые существовали лишь благодаря великокняжеским земельным пожалованиям и разного рода милостям.

Современники отмечали, что Василий III не терпел, когда ему противоречили, все дела решал зачастую лишь со своими близкими советниками. Когда же один из его бояр попытался оспорить решение Василия III, тот заявил ему: «Ступай прочь, смерд, не надобен ты мне». Ослушников ждало суровое наказание, лишение вотчин и поместий. Не церемонился великий князь и с церковными деятелями, стремясь подчинить всевластную Церковь своему влиянию.

В условиях усиления личной власти монарха все подданные и представители элиты и дворяне, принимая во внимание простых людей — ремесленников, крестьян, — рассматривали себя как холопов великого государя, именно в этот период в русском обществе стало складываться мнение, подержанное всей силой власти великого князя, что воля государева — это воля Божья. Про дело неизвестное или сомнительное стали говорить: «Знает то Бог да великий князь».

На складывание государственной власти в России огромное влияние имели порядки, существовавшие в Орде. Для Москвы Орда долгие десятилетия была не только господином, но и моделью управления. Москва перенимала из Орды многие порядки управления, а главное — безусловное и полное подчинение подданных золотоордынскому владыке, что делало татаро-монгольское общество со времен Чингисхана и Батыев страшным силой. Железная дисциплина и беспрекословное повиновение воле хана — на этом долгие десятилетия держалась мощь Орды, и Москва в полной мере осознала это и использовала. В этом смысле власть великих московских князей, в первую очередь Ивана III, Василия III, а позднее — Ивана IV

Грозного, сформировалась под влиянием не столько далеких западных королевств, ограниченных мощью городов, появлением представительных организаций различных слоев общества — Генеральных штатов (во Франции), сеймов (в Польше и Литве), сколько под влиянием близких восточных деспотий.

Система власти накладывает сильный отпечаток на все общество, на всех людей страны. Так было и в России.

Рабское подчинение монарху затем перешло на всю систему отношений в России. Князь или боярин падали ниц перед великим князем, но в своем дворце, в своих имениях они требовали такого же холопского подчинения от своих вассалов, подданных, слуг и добивались его. А те в свою очередь в подобное же положение старались поставить нижестоящих лиц. Каждый, кто обладал хоть какой-то частицей власти — князя, бояре, дворяне, дьяки, подьячие, деятели Церкви — как бы получали ее от монарха. С годами это состояние стало пронизывать все русское общество. Каждый был холопом вышестоящего, господином нижестоящего.

Этому способствовали и личные качества первых руководителей Русского централизованного государства — властных, не терпящих возражений Ивана III и Василия III.

Но не надо думать, что в это время власть великого князя была абсолютно неограниченной. Существовала Боярская дума — совещательный орган. Довольно значительной была власть кормленщиков — наместников на местах. При Василии III сложилась и система местничества, с которой было тяжело бороться даже великому князю. Местничество означало право каждого крупного феодала — князя, боярина, думного дьяка занимать то место в системе управления, которое ему принадлежало по праву знатности родства. Наиболее родовитые князья, бояре во время военных походов командовали главными полками, хотя у них никаких военных талантов могло не быть. Они занимали видные места в системе управления, хотя у них, возможно, вовсе отсутствовали административные способности. В Думе они сидели ближе к государю. Даже во время приема иностранных посольств и на торжественных обедах знатные люди занимали места по своей «породе», т. е. по родовитости. И никакими силами, опалами, наказаниями невозможно было «демонтировать» укоренившуюся систему местничества. Знать готова была скорее умереть, чем уступить свое место менее родовитому сопернику. Такое считалось бесчестьем для всего рода.

При Василии III стала развиваться система приказов. Если при Иване III они появлялись от случая к случаю, для выполнения поручения великого князя, то теперь приказы стали прочными рычагами управления страной.

Вместе с созданием новой системы управления зародилась бюрократия, т. е. круг людей, которые состояли на службе великого князя и решали по его поручению вопросы управления, суда, сбора налогов, формирования армии и т. д. А одновременно с бюрократией, подобно близнецу, родилась и система взяточничества, потому что приказные люди, рассматривая просьбы других людей, использовали свое служебное положение для наживы. Бюрократия и взятки сразу же стали неотъемлемой частью российской системы управления. И с первых же шагов великокняжеская власть стала

бороться против этого зла. Недаром в первой статье Судебника 1497 г. запрещалось судьям брать «посулы», т. е. взятки.

При Василии III возросла мощь русской армии. В ее составе появилось постоянное подразделение — наряд. Так называли в то время артиллерию. Были сформированы и отряды пищальников, воинов, вооруженных огнестрельным оружием — пищальями.

Продолжалась и внешняя политика Ивана III. Василий III теперь сам ведет наступление на Литву, стремясь вернуть Москве русские земли, как ранее захваченные великими литовскими князьями, так и добровольно вошедшие в состав Литвы. В ходе войны 1512—1514 гг. удалось вернуть Смоленск. Но на большее сил не хватило. Литовцы, которых тайно поддерживали западные державы, нанесли русским ратям несколько поражений.

Возобновил московский великий князь и наступление на Казань. Но и здесь сил на овладение Волжским путем оказалось маловато. К тому же Крымское ханство стало постоянно грозить с юга и поддерживать своих братьев — казанских татар.

Укрепились дипломатические отношения с Германской империей и Ватиканом, но Василий III, как и его отец, уклонялся от противоборства с Турцией, куда его хотели втянуть западные державы.

Таким образом, хотя Москва и проявляла инициативу на своих границах, ее положение по-прежнему было сложным. Надежных союзников не было, а своих сил на решение масштабных задач не доставало.

К концу жизни Василия III обострился и династический кризис: великому князю было уже около 50 лет, а у него все еще не было наследника.

Выход был найден: еще достаточно молодую, красивую женщину — великую княгиню Соломонию Сабурову насильно постригли в монахини, обвинив ее в бесплодии, после этого Василий III женился на родовой юной литовке Елене Васильевне Глинской из рода князей Глинских, которые перешли на службу Москве. В 1530 г. новая великая княгиня родила Василию III первенца, которого назвали Иваном. Этот день был отмечен небывалой грозой, различными предзнаменованиями и пророчествами, известием о неудачном походе на Казань.

Но Василий III недолго радовался укреплению своей династии. Через три года он тяжело заболел во время охоты. Умирая, во главе Московского государства он оставил трехгодовалого Ивана IV Васильевича и свою молодую жену, красавицу-литовку.

Перед смертью Василий III взял клятву со своих братьев, что они не будут «искать» великого княжения над младенцем и признают его своим господином. Такую же клятву он взял со своих близких бояр, помощников и советников.

Но что означали клятвы в политике, в борьбе за власть? И уже близкое будущее это очень быстро подтвердило.

§ 2. Борьба боярских группировок за власть

В 1533 г. Иван IV Васильевич вступил на великокняжеский престол.

К концу жизни Василий III сосредоточил в своих руках огромную власть, подавил сопротивление удельных князей, поставил бояр себе на службу, создал верный слой дворян-помещиков, обеспечил стабильность

в стране. Позаботился он и о том, чтобы после его смерти ничто не угрожало трону. Он понимал, что его жена — великая княгиня Елена Глинская — молода, неопытна в государственных делах. Поэтому Василий III поручил опеку над ней и над сыном своим ближайшим и преданным помощникам-боярам Михаилу Юрьевичу Захарьину, Михаилу Львовичу Глинскому, дяде жены, и дворецкому Шигоне. А поскольку они были людьми новыми в составе правящей верхушки, то Василий III придал им еще нескольких родовитых бояр, членов Боярской думы — в том числе двух братьев князей Шуйских. Все они дали клятву служить княгине и наследнику верой и правдой. Великой же княгине оставили почетную роль председательствовать в Боярской думе и выслушивать доклады бояр. Вся власть оказалась в руках опекунского совета.

Но вскоре выяснилось, что не так уж прочен был порядок, созданный в стране Василием III. Подняли голову князья и бояре — противники централизации и сторонники удельных обычаев вспомнили о своих бывших вольностях. И объясняется это тем, что в России еще не были выработаны прочные и глубокие традиции передачи власти, слишком велики были противоречия между отдельными слоями феодалов. К тому же не последнюю роль играли их личные амбиции и расчеты. Властная, вспыльчивая, красивая Елена Глинская никак не могла согласиться с второстепенной ролью во дворце. Выросшая в Литве, она не привыкла к той слепой покорности, которую проявляли даже высокопоставленные русские женщины. Опираясь на помощь своего фаворита, также члена Боярской думы, князя Ивана Федоровича Овчины-Телепнева-Оболенского, она начала борьбу против опекунов. Телепнев-Оболенский был молодым и решительным человеком. При Василии III он являлся одним из лучших русских полководцев, заслужил боярский чин и вошел в Думу. В борьбе с опекунами он опирался на всю мощь Боярской думы и на московскую правительственную бюрократию, влиятельных дьяков. Они не хотели подчиняться бывшим любимцам покойного великого князя. Их власть продержалась меньше года. Вскоре Михаил Глинский по приказу племянницы был арестован и брошен в тюрьму вместе с женой и детьми. Елена Глинская пожертвовала своим дядей и его сторонниками, выходцами из Литвы, ради укрепления собственной власти. Опекунский совет пал. Началось правление матери Ивана IV Елены Глинской.

Но и среди победителей не было единства. Часть их во главе с князьями Шуйскими, представителями старинного княжеского рода, сохранившими свою власть в Думе, стояли за бывшие княжеские и боярские вольности. К тому же они ратовали за войну с Литвой.

Другие же во главе с Еленой Глинской и князем Телепневым-Оболенским стояли за усиление центральной власти и за мирные отношения с соседями.

Новое правительство, где получили большой вес сторонники центральной власти, вопреки боярским интересам предприняло ряд мер по усилению государственной власти. Во-первых, они продолжили расправу со сторонниками удельного раздробления России и прежде всего с их главой, князем Андреем Ивановичем Старицким, последним оставшимся в живых сыном Ивана III. Его вызвали в Москву, но он, опасаясь распра-

вы, сказался больным. Свои войска же отправил в распоряжение московских воевод, чтобы показать Елене Глинской и ее фавориту, что он не держит против них злого умысла.

Как известно, в политике не существует великодушия. Сторонники Глинской немедленно воспользовались этой оплошностью князя Андрея. Московские полки двинулись на Старицу. Предупрежденный ночью о подходе правительственных войск, Андрей бежал из Старицы на север с дальнейшим намерением уйти в Литву. Часть старицкого дворянства поддержала его. Однако Телепнев-Оболенский послал к нему гонцов и обещал прощение за явку в Москву. Свое предложение он подкрепил клятвой, что князю Старицкому не будет сделано ничего худого.

Но едва Андрей появился в Москве, как тут же был схвачен и брошен в темницу. Через полгода и этого возможного претендента на престол умурили до смерти. Его сторонники в Москве и Старице были арестованы и повешены на дороге. С тех пор между Старицким домом и царской семьей возникла смертельная вражда.

Правительство Елены Глинской несколько стеснило власть бояр-кормленщиков тем, что изъяло из их ведения суд над «лихими людьми», разбойниками и передаю эти дела в руки судей, выбранных на местах дворянами. В Москве было предпринято строительство ряда новых зданий, и русская столица стала чище и красивее. Новое правительство провело финансовую реформу. В стране до этого ходили старые серебряные деньги, которые имели порой местную чеканку и разный вес. Это приводило к тому, что фальшивомонетки стали подделывать их, хотя их жестоко преследовали — отрубали руки, заливали в горло расплавленное олово. Теперь ввели новую полновесную монету, одинаковую по всей Руси — знаменитую копейку, на которой был изображен всадник, вооруженный копьем, отсюда и название.

Старое боярство ненавидело Елену Глинскую и ее людей за то, что те не оправдали их надежд и не дали им той власти, о которой они мечтали после смерти Василия III.

В 1538 г. Елена Глинская внезапно умерла. В Москве считали, что молодая, еще полная сил женщина была отравлена. Ее смерть вызвала ликование боярства. Они тут же расправились с любимцем великой княгини князем Телепневым-Оболенским. Теперь в их руках оставался восьмилетний Иван IV, потерявший не только отца, но и мать.

То, что произошло после установления в стране власти различных боярских группировок, их влияния на юного Ивана IV, во многом объясняет последующую историю России, деятельность самого правителя.

Вначале власть захватила группировка князей Шуйских. Они стремились до конца убрать тех, кто еще был предан централизаторской политике Василия III. Шуйским противостояла группировка бояр, возглавлявшаяся князем Бельским. Именно эта группировка пыталась спасти начинания Василия III. Но Шуйские отправили своих противников в ссылку, других заключили в тюрьму.

Захватив власть, бояре начали раздавать своим сторонникам земли, различные привилегии, освобождать их от налогов, предоставлять судебный иммунитет. Шло расхищение государственной казны, происходили

расправы с политическими противниками. Больше всего от этого производла и самоуправства страдал «черный люд» — крестьяне, ремесленники. Но недовольна была и часть боярства и духовенства, которая стояла за порядок и стабильность в государстве, за укрепление центральной власти. Все свои надежды они связывали с взрослевшим Иваном IV. Пока же он находился в полной власти бояр. Одинокий, всеми брошенный, порой некормленный, он во время пышных официальных празднеств, приема иностранных послов занимал почетное место на великокняжеском троне, одетый в богатые одежды, сидел на торжественных пирах во главе стола и наблюдал, как всеисильные бояре угодливо сгибались перед ним в три погибели, славили его как правителя Русского государства.

Потом наступали будни. Убиралась в сундуки парадная одежда, и мальчик — великий князь — снова оставался предоставленным самому себе в небрежении и одиночестве.

Однажды во время очередного боярского переворота к нему ночью вломились заговорщики, которые искали своих противников. Они разбудили и испугали великого князя, арестовали при нем московского митрополита. По существу, боярское самовластие убивало в душе будущего правителя все святое, веру в людей, в незыблемость высоких человеческих чувств. Это всевластие ожесточало его, заставляло скрывать свои мысли и чувства. Нередко бывало, что люди, к которым привязывался Иван IV, затем бесследно исчезали из дворца, а вместо них бояре подсовывали угодных им лиц.

И все же, несмотря на это боярское своевластие и слабость великокняжеской власти, возврата к удельным порядкам не произошло.

Великокняжеская власть, пусть пока и формально, высоко стояла на Руси. Это понимал и юный Иван IV, и боярство, которое, пока он был молод, пыталось добиться привилегий себе и своим ближним, успеть обогатиться.

В этих условиях Иван IV рос постоянно настороженным, недоверчивым, скрытным, пугливым, нервным. Сцены боярского своеволия, расправы с людьми, которые порой происходили на его глазах, воспитывали в нем чувство жестокости, небрежения к человеческой личности.

Очевидцы рассказывают, что уже в 12 лет он проявил неистовость, буйство нрава и крайнюю жестокость. Одним из его любимых развлечений стало взбираться на крыши теремов и сбрасывать оттуда кошек и собак. Нередко он стал разбегаться с ватагой сверстников по московским улицам и площадям и топтать конями народ. Люди в страхе шарахались в сторону, завидя великокняжескую кавалькаду.

А в 13 лет он принял свое первое волевое и жестокое решение: в ответ на преследования боярами одного из своих любимцев он приказал слугам убить особенно досадившего ему князя Андрея Шуйского. Два часа тело лежало на дворцовом крыльце. Впервые в облике мальчика промелькнули черты будущего грозного царя.

Отныне отношения великого князя и бояр изменились. Он стоял в центре всех придворных интриг, ему льстили, пытались перетянуть на свою сторону. Борьба боярских группировок продолжалась. Но теперь она велась не открыто, как прежде, а закулисно, именем великого князя.

В конце 40-х гг. XVI в. к власти в Москве на сей раз при поддержке самого Ивана IV пришли вновь князья Глинские — бабка царя по матери и братья Елены Глинской. Как и прежние группировки, они тут же начали делить чины, земли, привилегии, творить насилие над горожанами, облагать население тяжелыми податями.

§ 3. Реформы Избранной рады

К 1546 г. Иван IV достиг совершеннолетия, которое определялось с пятнадцати лет. Он был хорошо развитым, высоким юношей. Наконец-то он освободился от опеки придворных лиц и начал править самостоятельно. Вырвавшись на свободу, он окончательно показал свой жестокий нрав. Совершеннолетие он отметил казнями и ссылками: одному из придворных приказал отрезать язык за непочтительные слова, пятерым знатым боярам объявил опалу.

Уже в это время в уме молодого великого князя, которого долгие годы унижали и оскорбляли, постепенно созревали идеи об исключительности его власти, ее божественном происхождении. Эту идею он взял от своих «прародителей», деда и отца. Об этом же ему твердило и его окружение, стремящееся укрепить возвышением великого князя свое собственное влияние. В частых беседах эту мысль внушал ему новый митрополит Макарий, умный и высокообразованный человек, сторонник сильной централизованной власти, которая бы находилась в тесном союзе с сильной и богатой церковью. Наконец, в среде развивающегося российского дворянства также было много сторонников сильной централизованной власти. Иван IV жадно впитывал эти идеи.

Все это привело к тому, что в придворных кругах при активной поддержке самого самолюбивого 16-летнего монарха созрела в 1547 г. мысль о принятии им царского титула.

Принятие такого титула имело огромное значение для судеб русского государства. Царями в Древней Руси называли византийских императоров. Позднее царями именовали уже золотоордынских ханов. Для русского сознания царский титул являлся высшим титулом в тогдашнем мире. И это было действительно так. Он был равен по значению титулу императора Германской империи и считался выше титулов европейских королей.

Теперь, после падения Византии и освобождения Руси от ордынской зависимости, титул царя обозначил претензии России на бывшее византийское наследство и на обладание всем объемом власти и суверенитета, который прежде принадлежал Золотой Орде.

16 января 1547 г. Иван IV под колокольный звон всех московских церквей венчался в Успенском соборе Московского Кремля на царство. После долгой и торжественной службы митрополит Макарий возложил на него крест, венец и бармы, якобы присланные византийским императором в начале XII в. Владимиру Мономаху. Отныне Россия становилась царством, а Москва — «царствующим градом».

Через месяц молодой царь женился на дочери окольничего Романа Юрьевича Захарьина-Юрьева — юной красавице Анастасии Романовне.

Хотя со времени принятия царского титула и женитьбы Иван IV стал править самостоятельно, борьба боярских группировок у трона продолжа-

лась. Родня царицы вскоре получила боярские и иные чины и сразу же стала рядом с тронном значительной силой, противопоставив себя Глинским. Началась новая борьба за доходы и привилегии.

Вскоре эта борьба получила развязку в связи с тем, что в этом же году молодому царю пришлось столкнуться с еще одной неведомой для него силой — народной яростью.

Недовольство москвичей властями зрело уже давно. Оно прорвалось в дни сильнейших пожаров, которые вспыхнули в городе один за другим в летние месяцы 1547 г. Последний пожар в конце июня спалил почти дотла всю деревянную Москву. Сгорело 25 тыс. дворов, 1700 человек погибло. А в это время по городу пошел слух, что Москву подожгли по приказу Глинских и что бабка царя — колдунья. Не исключено, что слух был пущен сторонниками бояр Захарьиных, родственников царицы.

Вооруженные горожане ворвались в Кремль, где в это время в Успенском соборе у молитвы стоял царь и близкие к нему люди. Разъяренная толпа у него на глазах выволокла из собора одного из князей Глинских и на площади забила его камнями до смерти. Бабка царя и другие Глинские бежали из города. Народ разграбил их дворы, а заодно и дворы знатных и богатых людей.

Царь после событий в соборе спешно выехал из Москвы, спасаясь от пожара и восставших жителей. Он укрылся в селе на Воробьевых горах. Но народ достал его и там, возбужденная толпа приступила к покоям Ивана IV, требуя выдачи уцелевших Глинских. Уговоры царя не действовали; лишь когда он объявил, что Глинских в его загородном дворце нет, толпа ушла. Вспоминая впоследствии эти дни, Иван IV писал: «От сего вниде [вошел] страх в душу мою и трепет в кости моя».

Царь приказал провести сыск. Все зачинщики восстания были схвачены и публично казнены. Но правительство Глинских пало. Отныне пришел конец боярскому правлению в стране.

Молодой царь бросил прежние забавы, прекратил опалы и казни неугодных ему бояр. Восстание 1547 г. доказало, что в обществе существует острое недовольство положением дел. Долгие годы боярского всевластия, беспорядков, расхищения страны и нажима на простых людей истощили терпение народа. Недовольны были и дворяне, которые оказались полностью зависимы от всемогущих боярских группировок, а в уездах — от воли кормленщиков. За разумную политику выступали и многие представители духовенства.

На первых порах Иван IV начал решать эти вопросы осмотрительно, осторожно, устраняя наиболее наболевшие язвы общества. Во-первых, он вдвое расширил Боярскую думу, включив туда менее знатных, но способных и энергичных людей, которые полностью поддерживали его. На первое место среди новых советников царя выдвинулся костромской дворянин Алексей Федорович Адашев, вошедший в Боярскую думу. Он обратил на себя внимание Ивана IV, когда трудился в его канцелярии — Челобитном приказе и докладывал царю поступавшие на его имя прошения. Другим влиятельным царским советником стал Сильвестр, священник Благовещенского собора — домовый церкви царской семьи. Честный, религиозный, фанатично преданный сильной царской власти в России, Сильвестр одновременно осуждал стяжательство церковников. Царя он поразили сво-

ей открытостью и бессребреничеством. Для себя лично Сильвестр не искал никаких выгод. Близок к царю в это время оказался и молодой князь Андрей Михайлович Курбский, талантливый военачальник, образованный человек. Он видел процветание России в содружестве монарха со своими «смышсленными» советниками, был противником тиранства и сторонником справедливого суда.

Не доверяя родовитому боярству, Иван IV возвысил многих представителей приказной администрации — дьяков и подьячих. В их руках была вся деловая документация. Они приводили в движение государственный механизм. Наиболее близким к Ивану IV среди этих людей стал глава Посольского приказа дьяк Иван Михайлович Висковатый. Человек из низов, всего в жизни он достиг своими дарованиями, преданностью государству.

Видное место среди реформаторов и успокоителей Русской земли стал митрополит Макарий, который по своему солидному возрасту и сану стал, по существу, духовным наставником царя.

Позднее князь Курбский назвал круг лиц, близких в то время к Ивану IV, Избранной радой, т. е. советом.

Именно в среде Избранной рады и родились в конце 40-х — 50-е гг. реформы, которые прославили первый период правления Ивана IV.

В 1549 г. Иван IV созвал так называемый Собор примирения. Во дворец были приглашены члены Боярской думы, церковного руководства, воеводы, представители дворян. В России такие соборы впоследствии были названы Земскими соборами, т. е. соборами от всей земли. 18-летний царь выступил перед Собором с речью. Он обличал злоупотребления бояр, насилия, поборы времен его малолетства. Но сказал, что следует забыть старые обиды и начать совместную работу на пользу страны.

Этот Собор ознаменовал собой начало сословного представительства в России, когда монарх правит совместно с представителями сословий. Такие же собрания при королях возникали и в западных странах, где все больший вес приобретали богатые горожане, купечество. Это говорило о зарождении первых признаков гражданского общества в России, т. е. такого общества, когда сословия получают доступ к влиянию на решение властей, когда воля монарха начинает ограничиваться. Поначалу Иван IV добровольно и сознательно пошел на совет со «всей землей».

Собор примирения наметил ряд преобразований, которые и начали осуществляться членами Избранной рады под руководством царя.

Первые преобразования коснулись армии. Местнические споры воевод во время походов были запрещены. Появились новые воинские части — постоянные стрелецкие полки.

Стрелецкое войско имело на вооружении не только холодное оружие, как дворянское ополчение, но и огнестрельные пищали. Стрельцы получали обмундирование, денежное и хлебное жалованье. В мирное время для улучшения своей жизни им разрешалось заниматься ремеслами и вести мелкую торговлю. По существу, стрельцы стали царской гвардией.

Был установлен единый порядок призыва на военную службу из поместий и вотчин. Чем больше давалось земли, тем больше воинов в полном вооружении должен был привести помещик или вотчинник. Перед стра-

ной стояли важные военные задачи — борьба с Крымским ханством, поволжскими татарскими ханствами, Ливонским орденом, Польско-Литовским государством. Понятно, что центр реформ был повернут в военную сторону. Страна, как и прежде, продолжала военизироваться.

Во-вторых, были предприняты реформы в области финансов. Разоренная боярами страна нуждалась в деньгах. Их взяли из церковных хозяйств; монастырей. Теперь церковники были обязаны платить налоги со своих земель, как и другие землевладельцы. Одновременно были введены новые налоги с населения, повышены старые.

В-третьих, были проведены реформы местного и центрального управления. Пришел конец безобразиям кормленщиков — этих насильников, вымогателей и взяточников. Кормления были отменены, а на место кормленщиков пришли органы местного, земского самоуправления. Отныне все дела вершили выборные люди от дворянства — «головы» и их помощники — целовальники. Так их называли потому, что они целовали крест, обещая судить и управлять честно и справедливо. Там же, где жили государственные, или, как их называли, черносошные, крестьяне, они сами выбирали своих управителей — старост и тех же целовальников. Такие же порядки были введены в городах среди посадского населения. Эта реформа давала определенные права провинциальному дворянству и свободным, т. е. не принадлежащим частным владельцам, крестьянам и посадским людям, что тоже был цивилизационный шаг вперед.

Усилилось и центральное управление. В Москве окончательно сложилась система приказов во главе с боярами и дьяками. Посольский приказ ведал отношениями с иностранными государствами. Разрядный — дворянским войском. Поместный наделял землями служилых людей. Разбойный осуществлял суд над грабителями, ворами, убийцами. Стрелецкий ведал вновь созданным стрелецким войском. Ямской занимался почтовой службой (от татарского слова «ям» — почта). Челобитный приказ, которым ведал Алексей Адашев, разбирал жалобы, поданные царю, и докладывал все дела самому Ивану IV. Позднее, по мере усложнения хозяйства страны, ее управления, роста территории появлялись и другие приказы. Все они строго подчинялись воле монарха.

По наказу Собора был разработан новый свод законов — Судебник 1550 г. Многие статьи старого свода законов 1497 г. остались в силе. Одновременно Судебник встал на защиту дворян: их запрещалось за долги превращать в холопов. Что касается возможности перехода крестьян с места на место, то она сохранилась.

На созванном в 1551 г. Церковном соборе царь поставил церковникам сто вопросов о жизни и быте Церкви. Прежде всего Иван IV настаивал на укреплении в Церкви порядка и дисциплины. Попытался он провести закон о конфискации земельных владений Церкви.

В основном предложения монарха были поддержаны (Стоглав), но все церковники во главе с митрополитом Макарием воспротивились конфискации земель. Однако кое-чего царь добился: Церкви было запрещено приобретать новые земли без доклада царю, а все земли, перешедшие в пользу Церкви в период боярского правления, возвращались государству.

§ 4. Внешняя политика Ивана IV. Превращение России в евразийскую державу

Присоединение Казани и Астрахани. Проводимые реформы имели главной целью усиление всей государственной системы в стране, возвышение роли царя. И все же и царь, и его молодые друзья думали прежде всего об усилении русской армии в предстоящих войнах с соседями и в первую очередь о противоборстве с «осколками» Золотой Орды Казанским и Астраханским ханствами. Поддержанные крымским ханом и мусульманской Турцией, эти государства прочно держали в своих руках весь волжский путь. Казанские отряды, особенно в период боярского правления и ослабления страны, постоянно нападали на русские земли, разоряли их, захватывали население в плен. Потом русских людей продавали на рынках Крыма, Средней Азии и даже в Северной Африке. К началу 50-х гг. в казанских землях томились в плену и рабстве более 100 тыс. человек.

Земли Поволжья московское правительство рассматривало как фонд для раздачи помещикам и увеличения тем самым дворянского ополчения. Их мало заботило, что здесь жили и трудились другие народы.

Попытки Москвы поставить во главе Казани своего ставленника не удались, и на казанском троне один за другим утвердились противники России. Но Казанское ханство было непрочным государством. Оно раздиралось внутренними противоречиями, борьбой правящих группировок. К тому же другие народы, вошедшие в его состав — чуваши, мордва, мари, удмурты, башкиры, стремились избавиться от власти ханства. Некоторые из них (мари, чуваше) просили о русском подданстве.

Борьба за Казань началась сразу же после утверждения Ивана IV в качестве самостоятельного правителя, царя. Однако первые походы заканчивались неудачами. Однажды царские воеводы даже осадили Казань, но взять ее не смогли.

В 1551 г. царь начал готовить новый поход. Напротив Казани, на другом берегу Волги, русские построили крепость Свияжск и превратили ее в базу русской армии. Все переправы на реках Волге, Каме, Вятке были захвачены русскими отрядами. Большую поддержку им оказали местные поволжские народы. Те из них, которые добровольно принимали русское подданство, на несколько лет освобождались от налогов. Некоторых чувашских, мари, мордовских князей Иван IV принимал в Москве, потчевал за своим столом, награждал дорогими подарками.

В июне 1552 г. 150-тысячная русская рать во главе с царем выступила в поход. Но в это время союзник Казанского ханства крымский хан повел свою конницу на Москву. Для отпора крымцам русские воеводы М. И. Воротынский, А. М. Курбский и др. вынуждены были свернуть с намеченного маршрута и двинулись на Тулу, которую осадило крымское войско. Едва передовые русские отряды появились под Тулой и вступили в бой с крымцами, те бежали на юг. Русским достался большой обоз, много брошенного оружия, в том числе турецкие пушки.

По мере приближения русских войск к Казани часть местных народов поддержала Москву. Вместе с русскими шли на татарскую столицу отряды мари, мордвы и чувашей, а также черкесов, недавно принявших русское подданство. В войне на стороне Москвы участвовали и татарские силы во

главе с одним из ханов, поддерживавшим с Россией дружественные отношения. Кроме того, в русском войске были и наемники — немцы, итальянцы, поляки. По преимуществу это были специалисты по осадам крепостей: инженеры, пушкар.

Русские полки и их союзники со всех сторон осадили город. Ожесточенные бои разыгрались в тылу русской армии, где татарские отряды пытались нанести урон осаждавшим.

Хотя Казанский кремль в ту пору был построен из дерева, взять его было непросто. Стены были толстыми и прочными, засыпаны изнутри землей. Татары мужественно защищали свой город, отчаянно боролись в рукопашных схватках. Не дали решающего результата и артиллерийские бомбардировки города. Несколько штурмов было отбито. Тогда русские перешли к системе подкопов. При помощи иностранных материалов под стены были подведены пороховые заряды. Одновременно вокруг стен сооружено несколько передвижных башен — «туров», укрываясь за которыми стрельцы могли вплотную подойти к кремлю, артиллеристы же имели возможность с высоких «туров» вести прицельную стрельбу по стенам города, в частности по крепостным орудиям.

Вскоре один из подкопов, в который заложили 11 бочек пороха, был взорван. Этот взрыв повредил источник питьевой воды. Город остался без воды. Людей мучила жажда, возникли болезни, но Казань и с поврежденными стенами, без воды, с выведенной из строя артиллерией еще держалась. Более того, татары предпринимали смелые вылазки против надвигавшихся «туров» и наносили им вред.

Наконец несколько русских отрядов во главе с замечательным русским полководцем князем Михаилом Ивановичем Воротынским и сподвижником царя Алексеем Даниловичем Басмановым укрепились в одной из крепостных башен и на стенах кремля.

2 октября начался общий штурм города. Зазвучали взрывы от новых подкопов, в крепостных сооружениях появились проломы, от «туров» были перекинута мосты на стены. Русские полки во главе с воеводами князьями Александром Борисовичем Горбатым-Шуйским и Андреем Курбским ворвались на стены крепости и поставили там русские стяги.

Гонцы один за другим скакали к царю, сообщали ему о ходе штурма. Все ждали, что Иван IV вот-вот двинет в помощь воеводам свой царский полк и сам покажется войскам. Но царь медлил, молился в своем шатре, окруженный недоумевающими помощниками. И лишь когда бои начались уже на улицах города, Иван IV сел на коня.

Весь день шел бой в пылающей Казани. Ее жители бились за каждый дом. Наконец татарская столица пала. Последний казанский хан был захвачен в плен, оставшиеся в живых его воины преданы казни; жителей города, в том числе женщин и детей, роздали русским воинам в качестве рабов-пленников.

Казанское ханство прекратило свое существование. Но еще долгие четыре года царские войска усмиряли непокорный край. Князь Курбский покорял земли по Каме, другие русские полки подавляли отдельные очаги сопротивления.

Теперь уже не составляло особого труда овладеть другим «осколком» Золотой Орды — Астраханским ханством. Сильное царское войско было послано на Астрахань. Местный хан, противник Москвы, бежал в Крым, а город сдался на милость победителя. В 1556 г. Астраханское ханство было окончательно присоединено к России.

Вслед за этим вассалами России признали себя некоторые окрестные народы — Большая ногайская орда, Кабарда на Северном Кавказе. На правах автономий в состав России вошли башкирские земли, по-прежнему управляемые своими князьями. Они должны были уплачивать Москве лишь легкую дань.

Закончилось трехвековое господство Золотой Орды и татарских ханств в Поволжье, Приуралье и на Северном Кавказе.

Значение побед на востоке. После овладения Казанью торжествующий Иван IV вернулся в Москву. На всем пути до Кремля его встречали вельможи, купцы, иностранные послы, толпы народа. Около Спасских ворот навстречу царю вышел весь Освященный (церковный) собор во главе с митрополитом. Иван IV принял титул царя Казанского. А сам он упивался победой, все больше убеждаясь в своем божественном предназначении и в своей непогрешимости.

Здесь же, около Кремля, в честь победы над Казанским ханством был построен собор Покрова Богородицы, который позднее стал называться храмом Василия Блаженного по имени юродивого, который пророчествовал на его паперти и был очень популярен у московского люда.

Значение побед на востоке было значительным и противоречивым явлением в русской истории. Конечно, теперь прекратились набеги татарских отрядов на северо-восточные, восточные и юго-восточные русские земли. Города, крестьяне вздохнули свободно. В состав России вошли прекрасные земли Поволжья. Теперь эти земли, которые ранее никогда Руси не принадлежали, отошли к России, а вместе с ними и многие народы, населявшие этот Волжско-Камско-Приуральский край. Теперь Волжский и Камский пути были в руках Москвы. Один за другим здесь стали возникать русские военные и торговые опорные пункты: Чебоксары, Самара, Саратов, Царицын, Уфа. Перед Россией открылись богатые восточные рынки.

На эти богатейшие владения сразу нацелились верные царю русские бояре, помещики, монастыри. Наделяли землей верхушку русского общества, опору трона. Началась также, где добровольная, где насильственная, христианизация населения на вновь присоединенных землях. Русская православная церковь придавала освоению Поволжья религиозный антимусульманский и антиязыческий характер, что вызывало протесты местного населения, которое прежде поддерживало борьбу Москвы против Казанского ханства. Да и появление здесь русских феодалов, их стремление завладеть лучшими землями вызывало недовольство поволжских народов.

Следом за феодалами двинулось крестьянское население. Зародилась русская колонизация этих мест, которая носила в основном мирный характер.

Отсюда воеводы, промышленники протягивали руки и дальше — в Зауралье, Западную Сибирь. Здесь, на востоке, где Русь ранее постоянно обо-

ронялась от врагов, зародилось русское наступательное движение, так называемая экспансия на восток. Русское централизованное государство, пока сдерживаемое своими противниками (Польско-Литовским государством, Литовским Орденом, Швецией) на западе, начинает активную завоевательную политику на востоке, которая постепенно превращает Россию из обороняющейся, страдающей страны в агрессивное военизированное государство. Это было тоже последствием побед на востоке.

С присоединением к России народов Поволжья и Приуралья она все более стала превращаться в свразийскую державу, т. е. в страну, где все сильнее чувствовались влияния, традиции, обычаи Азии. Именно завоевание татарских ханств положило начало этому процессу.

Победы на востоке укрепили международное положение России, возвысили ее престиж среди христианских государств Запада.

Если на востоке Россия добилась впечатляющих побед, то положение на ее южных границах по-прежнему оставалось угрожающим. Там набирало силу Крымское ханство, ставшее вассалом Турецкой империи. Турция вооружала, поддерживала, защищала Крым. Сильная Россия, к тому же захватившая поволжские ханства, вовсе не входила в расчеты Турции.

Для кочевников Крыма война была, как прежде для печенегов, половцев, татаро-монголов, главным средством существования. «Наша земля живет войною», — гордо заявляли крымские ханы. Главное для крымцев было не овладение землями, а захват добычи, пленников для продажи.

Крымская конница периодически предпринимала грабительские набеги на окрестные страны — Польшу, Литву, Молдавию. Но особенно страдали от крымцев южные и юго-западные русские земли, которые стали называться Малороссией, или Украиной, и вошли в состав Польши. Под постоянной угрозой находились и южные границы России.

Попытки русских ратей поднять против Крыма своих степных союзников — ногайских татар и другие народы, а также начать регулярное наступление на Крымский полуостров успеха не имели. И тогда был сделан крен в сторону обороны южнорусских границ при помощи так называемой Засечной черты, которая начала создаваться с середины XVI в.

Засечная черта — это полоса укреплений, простиравшаяся более чем на 600 км вдоль южных границ России — от брянских лесов к берегам Оки и далее до Рязани. Сюда включались обширные и труднопроходимые лесные массивы, крупные крепости, лесные завалы, засеки из поваленных деревьев, земляные укрепления. Особое внимание обращалось на контроль над обычными путями крымской конницы по степным дорогам, над бродами, речными переправами.

В состав Засечной черты входили и выдвинутые вперед наблюдательные пункты — сторожки (6—10 чел.) и станицы (несколько десятков человек). Задача сторожевой службы заключалась в том, чтобы вовремя заметить движение врага, сообщить полковым воеводам в крепости и тем самым организовать оборону и выдвижение русских полков навстречу врагу, замедлить темпы движения татарской конницы до подхода главных сил.

Ливонская война. Создание великой державы требовало расширения торговых связей, овладения новыми торговыми путями, выхода к Балтийскому и Черному морям, создания там собственных портов. Содержание

огромной армии в свою очередь требовало захватов новых земель и раздачу их помещикам, основе дворянского ополчения

Окрыленный победами на востоке Иван IV теперь повернул свои взоры на западные границы. Теперь Москва провозгласила себя наследницей власти и территории Древней Руси, а это означало, что она была готова вести войны за воссоздание прежней огромной восточнославянской державы. Другого выхода на этих обширных равнинных землях не было. В противном случае Московское государство непременно подверглось бы агрессии со стороны усилившихся Литвы, Польши, Швеции, по-прежнему опасного Ливонского ордена, а также постоянно грозившего Крыма и стоящей за ним Турции.

Воевать было тяжело, хлопотно. Это требовало огромных расходов и людских потерь. Но не воевать было еще тяжелее, так как это грозило потерей исконных русских земель, захватом населения. Открытые пространства, агрессивные соседи превращали Россию в такого же хищника, готового к прыжку ради отстаивания своих государственных интересов. И трудно давать однозначную оценку этим явлениям и определенно утверждать, кто был виноват в том, что начиная с середины XVI в. Россия постоянно вела наступательные войны и неукоснительно увеличивала свою территорию. Это было плохо для народа, потому что гибли тысячи людей, увеличивались военные платежи и налоги, военизировалась вся страна, личность отдельного человека подчинялась воле укрепляющейся в войнах самодержавной власти. Но это было хорошо для развития государства, его обороны, торговли, купечества, для помещиков, получавших новые земли, хотя многие из них также гибли в этих войнах, для расширения колонизационных процессов и освоения новых земель.

Необходимость и в известной мере закономерность расширения русских границ сплетались воедино с личными амбициями царя, с поисками им личной славы.

Царь стоял за овладение в первую очередь балтийскими берегами. Его советники, в частности Алексей Адашев, ратовали за нанесение первоочередного удара по Крыму и выход к Черному морю. Возобладала точка зрения Ивана IV. Между ним и его помощниками пролегло первое недовольство и непонимание.

В начале 1558 г. Москва воспользовалась тем, что Ливонский орден начал нарушать условия прежнего мира, перестал платить положенные за мир деньги, вступил в союз с польско-литовским королем. Была зима, стояли морозы, тем неожиданнее было появление в Прибалтике русских полков. С ходу они овладели большой территорией, а позднее, уже к весне — ливонскими крепостями Нарвой и Дерптом (прежним русским городом Юрьевым). Теперь был путь открыт на Ревель и Ригу. Но в это время русские неожиданно прекратили наступление. По настоянию Адашева с Ливонией было заключено перемирие, и силы были переброшены на юг против Крыма. Избранная рада по-прежнему мечтала перенести центр военных действия на юг и вывести Россию к Черному морю, сокрушить Крымское ханство. Но для этого не было подходящих условий: Россия не имела на юге своего флота, без которого трудно было воевать с Крымом. Мешали и огромные расстояния, бездорожье, безводье.

Русские отряды дошли до Крыма, завоевали некоторые крымские земли и повернули обратно. Но время для успешного продолжения войны в Прибалтике было упущено. Ливония использовала его для того, чтобы окончательно заручиться поддержкой Польши. За счет уступки части территорий Польше Ливонский орден был принят под ее протекторат. Часть орденских земель отошли к Дании и Швеции. Тем самым Ливонский орден закончил свое существование как самостоятельное государство. Теперь Россия вместо одного противника имела против себя три грозные европейские державы — Польшу, Данию и Швецию.

В 1559 г. военные действия вновь возобновились. Теперь уже ливонцы нанесли русским ряд поражений, и тогда Москва заключила мир с Крымом и бросила в Ливонию большие силы во главе с князем Курбским, одним из героев взятия Казани, туда же был послан уже попавший в опалу Адашев. В Москве его обвинили в слишком большой самостоятельности, в серьезных ошибках во внешней политике и даже в смерти царицы Анастасии, которая умерла в 1560 г., оставив Ивану IV двух сыновей — Ивана и Федора.

В первой же крупной битве в 1560 г. орденское войско было разгромлено. В руки русских попала вся артиллерия противника. Главная резиденция магистра Ордена замок Феллин захвачена, а сам магистр пленен и отправлен в Россию. Казалось, что война скоро победоносно закончится. Но с юга уже грозили литовские войска, и русские воеводы побоялись углубляться дальше на территорию Ливонии. Царь обвинил Адашева в промедлении. Ему запрещено было возвращаться в Москву. Он получил незначительную должность воеводы Феллина. Над всей Избранной радой теперь нависла угроза царской немилости. Вскоре земельные владения Адашева были конфискованы, а сам он переведен под стражу в захваченный Юрьев и вскоре скончался в темнице. Ходили слухи, что он покончил жизнь самоубийством.

В это же время пал и Сильвестр. Видя, что деятели Избранной рады одни за другим попадают в опалу, оказываются под арестом, идут на плаху, он попросил царя отпустить его в монастырь. Вскоре его сослали на север и посадили под стражу. Иван окружил себя новыми людьми. Он женился, часто проводил дни и ночи в оргиях в кругу своих новых фаворитов.

Война, которая началась для России так блестяще, превратилась в длительную, затяжную. Проходила она с переменным успехом. Каждая новая неудача на ее фронтах приводила к новым казням, опалам. Царь повсюду искал врагов.

Заключив мир с Данией и Швецией, Россия главный удар перенесла в сторону Литвы. На сей раз в 1563 г. царь сам повел огромное войско на Полоцк, бывший центр русского княжества. В поход отправилось около 60 тыс. воинов: дворянская конница, стрельцы, татарский отряд, другие части. После ожесточенной бомбардировки Полоцк был взят. Однако русским воеводам вновь не удалось развить успех. На следующий год русская рать потерпела от Литвы серьезное поражение под тем же Полоцком. Иван IV подозревал, что его враги бояре выдали военные планы русских воевод литовцам. Последовали новые расправы.

Еще раньше царь нанес удар по последнему удельному князю, своему двоюродному брату Владимиру Андреевичу Старицкому, заподозрив его

в заговоре с целью захвата власти. Князь лишился многих своих владений, был поставлен под надзор царских соглядатаев. Его мать Иван IV насильно постриг в монахини. Теперь около царя появился новый круг людей, которые выдвинулись на войну, и в первую очередь восвода боярин Алексей Басманов, который убирал с дороги всех своих конкурентов.

В эти годы окончательно начал формироваться беспощадный, жестокий, необузданный и подозрительный облик царя, который закрепил за ним в истории прозвище Грозный. После падения Избранной рады, смерти любимой жены, серьезных поражений на ливонском фронте и началось правление не просто царя Ивана, но Грозного царя.

Войне не было видно конца. Некоторые воеводы, в том числе и Курбский, бежали от царского гнева за рубеж.

Одновременно начинается наступление крымский хан. России придется вести войну на два фронта.

Перемирие лишь на время приостановило военные действия. Для того чтобы выяснить настроение разных слоев русского общества касательно дальнейших отношений с Литвой, Иван IV созвал в 1566 г. Земский собор. Он дружно высказался за войну. Тем более на Балтике Россия уже захватила порт Нарву, и теперь надо было удержать его и приобрести новые порты. Это соответствовало и настроениям царя.

Но чем более воинственно вела себя Россия, тем крепче спланивались ее враги. В 1569 г. по Люблинской унии Польша и Литва стали единым государством, которое получило название Речь Посполитая, что в переводе с польского на русский язык означает «республика». Это государство действительно было дворянской республикой, где короля выбирала польская шляхта — дворянство.

Военные действия перемежались переговорами, но постепенно инициатива в Прибалтике переходит в руки противников России.

Не прекращались и набеги крымцев. В 1571 г. их войско дошло до Москвы и сожгло ее. Царь в панике бежал в далекий Кирилло-Белозерский монастырь.

На следующий год хан повторил свой набег. К югу от Москвы развернулись многодневные сражения. Решающая битва произошла в 45 км от Москвы под селом Молоди. Русскими войсками руководил князь М. И. Воротынский. Он развернул свои полки вокруг подвижной крепости. Об нее и разбились атаки крымской конницы. Затем Воротынский добил крымцев. В битве погибли многие крымские военачальники, сын и внук хана. Главный воевода попал в плен.

Однако набеги крымцев продолжались, и они сыграли свою роль в исходе Ливонской войны.

Хотя в 70-е гг. русские вновь захватили всю Ливонию, польско-литовские войска в очередной раз сумели переломить ход войны. Во главе Речи Посполитой встал новый король, талантливый полководец Стефан Баторий (1533—1586). В союзе со шведами он нанес русским войскам ряд поражений, отбил Полоцк, перенес войну на территорию России и осадил Псков. Пять месяцев держали псковичи оборону, отбили несколько штурмов Стефана Батория.

Героическая оборона Пскова свела на нет все успехи польско-литовских войск, и Баторий пошел на переговоры. В 1582 г. Россия заключила десятилетнее перемирие с Речью Посполитой, а на следующий год — со Швецией.

Каков же результат более чем двадцатилетней войны? Россия потеряла все завоевания в Ливонии, но Речь Посполитая вернула России все захваченные города. Огромные жертвы, гибель людей, разрушение хозяйства, потеря больших средств — все оказалось впустую. Борьба за выход к Балтике была отложена на долгие годы.

§ 5. Опричнина. От централизации к феодальной диктатуре

В начале 60-х гг. в личности царя произошли серьезные перемены. Они назревали давно. Иван IV не забыл унижений своего детства, не забыл боярского своеволия. Он по-прежнему считал крупных бояр своими врагами. Особенно это проявилось во время его тяжелой болезни в 1553 г. Думая, что он умирает, царь написал завешание, в котором поручал все царство только что родившемуся сыну — первенцу Дмитрию. Он потребовал от Боярской думы, от своих помощников по Избранной раде, от удельного князя Владимира Старицкого и его семьи, чтобы они присягнули на верность Дмитрию. Но многие бояре уклонились от этой процедуры, сказались больными, другие отказались присягать «пеленочнику» (т. е. малышу). Им милее был взрослый, спокойный, мягкий, рассудительный Владимир Старицкий. Только под большим нажимом Ивана бояре нехотя, ворча, присягнули маленькому наследнику. Кое-кто из них, а также часть дворянства заявили, что присягают они Дмитрию, но не хотят служить боярам Захарьиным, т. е. родственникам царицы и Дмитрия. Все это очень напоминало сцены детских лет Ивана IV. Сам Владимир, хотя и принял присягу, начал собирать своих сторонников, одарять их деньгами, подарками, готовился к борьбе.

Потом царь выздоровел, а маленький наследник неожиданно умер во время поездки на богомолье в Кириллов монастырь, который находился на Белом озере, нянька, выходя из ладьи, уронила его с мостков в воду. Ребенок утонул. Так царь лишился первенца. Наследником стал другой малыш — Иван, родившийся у Анастасии на следующий год. Но царь не забыл всей этой печальной истории.

Именно в это время царь окончательно пришел к мысли о неограниченности, божественном происхождении своей власти, к идее неограниченного самодержавия. «Русские самодержцы изначала сами владеют своими царствами, а не бояре и вельможи, — говорил он. — Жаловать своих холопей мы вольны и казнить их вольны же».

Но сама русская жизнь не была готова к этим идеям Ивана Грозного. В ней сохранялось еще многое из времен удельной Руси. Существовали и удельные князья. Крупные князья и бояре, хотя и стали государевыми слугами, но имели свои военные отряды. И шли на войну отдельно от остального войска. Остатки прежних вольностей сохранялись в Новгороде и Пскове. Существовала и Боярская дума как высокий совещательный орган при царе, а потом появился даже Земский собор. Все это противоречи-

ло идеям Ивана Грозного о том, что он один является носителем неограниченной самодержавной власти в стране.

Некоторые князья и бояре выражали недовольство тем, что с ними царь стал обращаться, как с холопами. Ответом стали казни и опалы.

Положение осложнялось тем, что в ходе долгих войн, увеличения и перевооружения армии страна быстро разорялась, новые военные налоги тяжким бременем легли на плечи крестьян и горожан. Среди них начались ропот, недовольство. Многие из них царские слуги арестовывали, подвергали пыткам и казням.

Вновь ожили ереси. В то время как Церковь твердила о богоизбранности православных русских, один из них, холоп Феодосий Косой, проповедовал равенство всех людей, народов, вер, общность имущества, неповиновение властям. Еретиков осуждали на церковных соборах, ссылали в дальние монастыри, казнили «лютной смертью». Многие из них, в том числе Косой, бежали за границу, где жить в ту пору было свободнее и безопаснее.

Ко всему этому с 1564 г. русские войска стали вновь терпеть в Ливонии одно поражение за другим. Крымский хан предпринял несколько дерзких набегов на южные русские земли. Царь и близкие к нему новые люди во всем обвиняли старое боярство, бывших помощников царя. Бегство бояр в Литву продолжалось. Наконец, летом 1564 г. в Литву бежал князь Курбский. Позднее историки обнаружили, что князь, давно уже имел сношения с польско-литовским королем и замышлял побег. Из Литвы Курбский прислал царю письмо с обвинениями в кровопийстве, насилиях, гордыне. Он осуждал его самодержавные замашки, нежелание советоваться с боярами, с «всенародными человеки». По существу, Курбский выступал за те порядки, которые утвердились во времена Избранной рады. В своем ответном письме царь отмел все обвинения князя и в свою очередь говорил о злодеяниях бояр и защищал принципы самодержавной власти.

А в Москве Боярская дума и духовенство твердо и открыто требовали от царя прекращения казней и восстановления нормального порядка управления. На все это царь ответил неожиданно.

В воскресный день 3 декабря 1564 г. московские горожане наблюдали странную и устрашающую картину. Из ворот Кремля выехала длинная процессия. То ехал царь со своей семьей, свитой, охраной. Такие выезды были и прежде. Но этот отличался своей мрачностью, загадочностью. К тому же царь увозил с собой драгоценности, царскую казну, старинные иконы.

После месяца путешествия по Московскому уезду царь прибыл в Александрову слободу, где находился хорошо укрепленный царский дворец. Оттуда он направил письмо митрополиту, в котором сообщал, что оставил Москву из-за изменников. Он перечислял все прегрешения бояр в период его малолетства и упрекал отцов церкви в заступничестве за этих злодеев. Особая грамота была направлена посадскому населению Москвы, всем «черным», т. е. простым людям, в которой царь сообщал, что он ополчился на изменников бояр, приказных людей, дворян, а на них, простых людей, зла не держит.

Через несколько дней в Москве прошла хорошо подготовленная заранее сцена. На городском собрании горожане просили царя возвратиться

в столицу и покарать изменников, выражали готовность сами покарать злодеев. В ответном челобитье москвичей говорилось, что царь волен править страной «как ему, государю, годно» и предавать казни «изменников и лиходеев». Испуганные бояре повинились перед царем и признали его право казнить их или миловать.

Так началась растянувшаяся на несколько лет неограниченная диктатура Ивана Грозного, целью которой стали окончательная централизация страны, ликвидация уделов, искоренение боярского самовластия, а также всяческого инакомыслия, несогласия с царем и его идеями самодержавной власти. Одновременно его новые помощники просто расправлялись со своими противниками, с неугодными лицами, наживались на конфискации их имений, добра. Уничтожению подлежали все, кто когда-либо выступал против царя или чем-то обидел его в юности или в период его болезни в 1553 г., когда часть боярства отказалась присягать его сыну. Под подозрение попали немало честных и преданных России людей — деятели приказов, воеводы, которые своими способностями и талантами задевали самолюбие Ивана IV. Таким образом, интересы государственной централизации и укрепления царской власти соединились с личной местью царя и его новых соратников окружавшим их людям, сведением личных счетов, далеких от интересов страны, обогащением одних за счет других.

Для этих целей царь и ввел систему опричнины, разделения всех земель государства на две части. Одну он забрал под свое личное руководство, учредил там свою Боярскую думу, приказы, войско. Назвал он эту часть страны опричной и его особой территорией. Слово «опричина» происходит от древнего русского слова «опричь», что означает «кроме». Другая часть была названа «земщиной», что означало остальную землю. Там сохранялось старое управление во главе со старой Боярской думой. В опричнину царь забрал наиболее богатые и стратегически важные части страны. Сюда попали новгородские территории, земли по Волге, ключевые торговые пути, районы соледобычи, центральные уезды с обширными вотчинными и поместными землями, часть Москвы, а также пограничные земли на западе.

Одновременно был образован корпус личной царской гвардии, телохранителей Ивана IV. Вскоре это опричное войско достигло 5 тыс. человек. В него входили люди, лично преданные Грозному. Опричники носили мрачную черную одежду. Всадники привязывали на шею лошади собачьи головы, а к крупу — небольшие метелки. Это означало, что они должны вынюхивать, выгрызать и выметать измену из страны.

Из взятых в опричнину земель доходы должны были поступать на содержание царского двора и опричного войска. Занимаясь опричной территорией, царь не упускал из поля зрения и земщину. Все важнейшие дела по другой части государства докладывались ему.

Цели опричнины выявились сразу же. Один из первых был казнен герой взятия Казани князь Александр Горбатый. Начались расправы с неугодными лицами. С опричной территории выселялись многие бояре и дворяне и отправлялись под Казань. Представители старинных русских родов двинулись на поселения в неведомые им места. У Владимира Андреевича Старицкого поначалу отняли его удел и дали взамен другой, где

у него не было опоры в людях. Все его сторонники были либо казнены, либо выселены.

В разгар опричнины царь собрал Земский собор, чтобы обсудить вопрос об отношениях с Ливонией. Большинство его участников высказалось за войну, особенно за это ратовали помещики, стремящиеся получить земли на западе, а также купечество, мечтавшее использовать в своих торговых интересах порты на Балтике. На этом соборе группа дворян обратилась к царю с просьбой о ликвидации опричнины.

Результат Собора был закономерным: в 1567 г. новая русская рать отправилась в Ливонию. Но одновременно царь начал новые репрессии. Часть противников опричнины была казнена, других публично отстегали батогами. Одного из бояр царь посадил на царский трон и заявил ему: «Ты имеешь, что искал», а потом заколол его кинжалом.

Против опричнины выступил митрополит Филипп из семьи бояр Колычевых. Не боясь царя, он в своих проповедях в Успенском соборе обличал его насилия. Однажды царь вместе со своими верными помощниками — опричниками во главе с Малютой Скуратовым-Бельским, который стал главным опричным палачом, ворвался в собор с саблей наголо и припугнул митрополита. В другой раз опричник Алексей Басманов сорвал с Филиппа церковное облачение и выгнал из собора. Это было святотатство. Но оно не смутило царя. Вскоре митрополит был смещен с престола и отправлен в заточение в один из тверских монастырей. Многие его сторонники из числа церковных деятелей также пострадали. В дальнейшем Малюта Скуратов добрался до кельи бывшего митрополита и задушил его.

Позднее Церковь объявила митрополита Филиппа святым.

За гибелью митрополита последовали новые казни. Царь заставил Владимира Старицкого принять яд, погибла и вся его семья.

Особое место в истории опричнины занял поход опричного войска во главе с царем на Новгород в 1570 г.

Новгород — этот город былых вольностей, открытый Западу, был давно уже ненавистен царю. Он понимал, что его идеи самодержавной власти никогда не найдут здесь поддержку ни среди боярства, ни среди простых людей. И теперь корпус опричников двинулся на крамольный город. По пути опричники разгромили Клин, потом Тверь, потом Торжок. За собой они оставляли тысячи трупов, разоренные города, ограбленные дома.

В январе 1570 г. царь вступил в Новгород. К этому времени передовые отряды опричников уже ограбили здешние монастыри. Затем опричники начали хватать и бояр, всех, кто был под подозрением, а потом уже всех без разбора. Людей топили в Волхове по несколько сот в день. Новгородская округа была опустошена, зерно сожжено, скот уничтожен. Погибло много крестьян, ремесленников, купцов. Теперь обескровленный город навеки потерял свое значение соперника Москвы. Тысячи возов с награбленным имуществом сопровождали Ивана IV в обратный путь. Это была победа над своим народом. Такого Новгород не знал и при татарах. Карательные экспедиции потрясли также недавно захваченную Нарву, Ивангород, Псков.

Возвратясь в Москву, Иван Грозный предпринял еще более устрашающие казни. На этот раз он решил расправиться с московскими приказными людьми, а также с пригнанными в Москву новгородцами. На одной из пло-

пашадей Москвы было собрано 300 человек. Среди них находился и видный дипломат, глава Посольского приказа, один из оставшихся в живых деятелей Избранной рады дьяк Иван Михайлович Висковатый. Часть их Иван IV великодушно простил, а остальных, среди них и Висковатого, ожидала лютая казнь. Царь и его свита сами кололи их пиками и секли саблями головы беззащитных людей.

Опричнина свирепствовала все более люто. Погибли уже многие тысячи людей. А конца казням не было видно. Опричники вошли во вкус насилий, грабежей и убийств. Тысячи их выискивали врагов, доносили на безвинных, чтобы завладеть их имуществом. В этом позорном деле, развязанном Грозным, участвовало не только опричное войско, но и рядовые горожане и даже холопы, те, кто хотел свести счеты со своими недругами. Грозный царь лишь дал сигнал к опричной политике, а дальше во многом уже действовали сами люди. По существу, одна часть населения при поддержке царя ополчилась против другой. Вскоре опричники стали доносить друг на друга, обвинять друг друга в измене государю, бороться за почетное место около царя, за земли, доходы, привилегии. Снова полетели головы, на сей раз уже самих опричников. Был зарезан по приказу царя своим сыном и Алексей Басманов.

Последние казни пришлись на военных. На плаху взошли прославленные русские военачальники, среди них — знаменитый воевода М. И. Воротынский. За время опричнины погибли от казней или бежали за рубеж все известные русские полководцы.

Нельзя думать, что происходившие в России события были в XVI в. чем-то особенным. Повсюду в Европе централизация государств сопровождалась жестокими казнями, преследовавшими соперников, выдвигением новых фаворитов. В каждой стране имелись свои особенности. В Испании, например, свирепствовала католическая инквизиция, и Филипп II с удовольствием смотрел, как ежедневно по 20—30 человек горели на кострах его противники, представители испанской знати. Французский король Карл IX сам участвовал в беспощадной резне протестантов в Варфоломеевскую ночь 1572 г. Шведский король Эрик XIV пролил не меньше крови во время многочисленных убийств своих врагов, чем Иван Грозный. Английская королева Елизавета ожесточенно боролась с законной наследницей престола Марией Стюарт, казнила ее и многих ее сторонников. Любопытно, что в ходе переписки Елизавета и Иван IV обещали предоставить друг другу политическое убежище, если придется бежать из своей страны.

К 1572 г. опричные казни стали затухать. Главная цель была достигнута. С помощью опричнины Иван Грозный подавил всякую оппозицию, очаги удельной обособленности, уничтожил не только своих открытых противников, кто не принимал его идей самодержавия, но всех, кто протестовал или даже сомневался в его методах управления.

Вскоре стало очевидно, что опричнина начала себя изживать. Опричники больше боролись между собой, чем блюли интересы царя. В битвах под Москвой с крымскими татарами опричная рать показала себя с самой дурной стороны. В 1572 г. царь даже запретил употреблять слово «опричнина».

Опричное войско было распущено. Но так полюбившиеся царю расправы продолжались и далее. Оставил он до конца жизни и свой обособленный двор — отдельную организацию управления (в отличие от земской управы, Думы, приказов и т. д.), которая очень напоминала опричные порядки.

Напряжение Ливонской войны, набеги крымского хана, разорения, причиненные стране опричниной, принесли стране неисчислимые потери. А главной из них, вероятно, были люди. В войне гибли здоровые, сильные молодые воины, опричный террор привел к смерти многих одаренных воевод, приказных людей, а также купцов, ремесленников, крестьян. Целые боярские и дворянские семьи были вырезаны под корень, репрессий не избежала и Церковь. А ведь это были опытные руководители вотчинных и поместных хозяйств, военные, деятели культуры. Как говорили тогда, государство «запустело». На месте многих сел и деревень теперь располагались пустоши, т. е. пустые места, лежала поросшая кустарником и даже лесом «в кол» бывшая пашня. Особенно большие беды постигли местности, близкие к фронту военных действий — в новгородских и псковских землях, а также там, где прошелся меч опричнины. Здесь крестьяне обрабатывали лишь малую часть прежних земель.

Во много раз выросли налоги. В стране широкое распространение получили разбой, грабежи, начались кое-где крестьянские волнения, человеческая жизнь совершенно потеряла цену. Многие крестьяне бежали в леса, на свободные земли, присоединялись к казакам. Так называли свободных полуземледельцев, полувоинов, которые собирались в большие ватаги, особенно на южных границах государства, на вновь присоединенных землях Предуралья, строили жизнь по своему усмотрению, не подчиняясь государству, воеводам, приказным людям.

Во многих уездах страны некому стало работать в помещичьих хозяйствах, кормить дворян, содержать войско.

В этих условиях правительство Ивана Грозного ввело в 1581 г. так называемые заповедные годы (от слова «заповедь», что означало «запрет»). Переход крестьян в Юрьев день был запрещен впредь до особого указа. С тех пор и идет поговорка: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!»

Эта мера вводилась сначала как временная. Впоследствии она стала постоянной. Все крестьяне, которые были по писцовым книгам на 1581 г. записаны за тем или иным владельцем, обязаны были оставаться прикрепленными к своим землям вместе со всем своим потомством. Так они оказались в полной зависимости от владельцев земель. Их теперь можно было купить, продать вместе с землями. Это было началом крепостного права в России, которое просуществовало до 1861 г. Опричные годы, война и их последствия означали для России настоящий цивилизационный откат. Развитие России было в это время катастрофически остановлено.

§ 6. Присоединение Сибири

Несмотря на неудачи в Ливонской войне, постоянную опасность, исходящую от Крыма, русское правительство продолжало осуществлять свою восточную политику. На востоке, за Уралом, продолжал существовать еще один враждебный России «осколок» Золотой Орды — Сибирское ханство.

Оно занимало огромные пространства Западной Сибири по берегам рек Обь, Иртыш, Тобол. Кочевья сибирского хана доходили до южносибирских степей. Под его властью находились многочисленные народы Сибири — ханты, манси, ненцы, селькупы и др.

Русские давно уже приблизились вплотную к сибирским владениям.

Хорошей базой для продвижения в Сибирь стали пермские владения купцов и промышленников, братьев Строгановых. Они владели обширными землями по рекам Каме, Чусовой. Главный их промысел заключался в соледобыче. Центром соляных варниц стал город Соль-Камская. Кроме того, они организовали здесь выплавку чугуна, рубили лес, вели крупную пушную торговлю.

Против них не раз воевали местные племена вогулов, на строгановские городки нападали и другие племена. Но особенно опасным врагом с начала 70-х гг. стали сибирские татары, которые часто атаковали русские городки, грабили селения. Агрессивность Сибирского ханства возросла после того, как во главе его встал сын бухарского владетеля, истовый мусульманин хан Кучум. Он властной рукой насильно вводил в Сибири мусульманство, подчинил себе местные племена, попавшие между молотом и наковальней — русскими властями, которые требовали ясак (дань) пушниной, и татарским ханом. Русская власть была не столь жесткой. Уплатив дань, местные народы жили по своей воле. Кучум же требовал полного подчинения и перемены веры. Поэтому в борьбе русских с Кучумом местные племена нередко поддерживали русских, помогали их боевым отрядам. Кучум поддерживал контакты с Крымом и Турцией и активизировал свои действия в период крымских набегов на Россию и попыток турок прорваться к Астрахани.

Для охраны своих владений, борьбы с Кучумом Строгановы приглашали отряды казаков с Волги и других мест. Это были свободные бывалые люди, которые располагались своими станицами. Нередко они никому не подчинялись, грабили всех подряд. С такими казаками правительство боролось при помощи карательных отрядов. Но были казаки другого рода. Они считали себя на службе у великого государя, помогали бороться с врагами России на ее границах, получали за это жалованье, оружие, продовольствие. Одним из таких казачьих отрядов на Волге и руководил атаман Ермак Тимофеевич Аленин (между 1532 и 1542—1585). Его настоящее имя было Ермолай. Ермак же звучало как сокращенное имя.

К началу 80-х гг., когда Строгановы пригласили его к себе, ему было уже около 50 лет. Это был опытный воин, спокойный, уравновешенный человек. Он обладал несокрушимой силой. Его авторитет на всей Волге был непререкаем.

Вскоре после появления Ермака на Чусовой во владениях Строгановых Кучум послал свое войско на русские городки. Ермак с казаками отбил набег, и тогда татары двинулись на Каму. Они причинили там большой вред русским селениям, сожгли Соль-Камскую. Таким образом, вначале Ермак организовывал оборону русских владений в Приуралье.

Но уже в то время опытный атаман стал задумываться над тем, чтобы ликвидировать сам очаг постоянного напряжения в этом крае и уничтожить власть Кучума. Поход за Урал Ермак начал в 1581 г. на свой страх и риск, хотя и получил определенную поддержку от Строгановых. Сила от-

ряда Ермака была в том, что он быстро перемещался на стругах (больших лодках) по сибирским рекам и был хорошо вооружен пищальями и небольшими пушками.

В первых же боях на берегах Тобола и Иртыша Ермак в 1582 г. нанес ряд поражений ханским войскам, а затем вышел на столицу Кучума, город Кашлык, около современного Тобольска. Там произошло решительное сражение нескольких сотен хорошо вооруженных и организованных казаков с многотысячной армией Кучума, состоящей из татар и окрестных племен. Большинство их было вооружено копьями, луками и стрелами. Высадившись со стругов на берег Иртыша, казаки открыли пальбу из пушек и пищалей по войску Кучума. Первым дрогнули воины покоренных Кучумом племен. Потом в бегство пустилась татарская конница. Бежал из своей столицы и Кучум. Казаки заняли Кашлык.

На одном из своих кругов, т. е. собраний, казаки приняли решение о присоединении Сибири к России. От имени царя Ермак обложил местное население ясаком. Казаки вели себя как служилые государевы люди.

Весной гонцы Ермака направились в Россию. Они везли с собой письмо атамана Ивану Грозному и богатые подарки — меха черно-бурых лисиц и соболей. Постаревший, уже больной царь сам принял казачьего посланника. Он внимательно вслушивался в слова грамоты Ермака, в которой тот сообщал, что «государевы люди атаман Ермак Тимофеев со товарищем царство Сибирское взял!». Будучи опытным политиком он одобрил действие Ермака и приказал послать казакам «жалованье» — деньги и сукна. Тут же царь направил на помощь казакам отряд регулярной армии. Присоединение Сибири, начатое по инициативе казачьего атамана, получило государственную поддержку.

Подмога пришла к казакам только в 1584 г. Но пока это произошло, положение Ермака становилось все тяжелее.

Шла уже вторая зима. С каждым месяцем положение Ермака становилось все хуже. Кончались продукты. Умирали израненные казаки. Теснее смыкалось вокруг них кольцо татар. Несколько раз казаки отбивали атаки отрядов Кучума. А весной Ермак решил оставить город и пробиваться вверх по Иртышу. Двигаться приходилось с боями. Располагаясь на одну из своих стоянок для отдыха, отряд Ермака попал в засаду. Здесь его давно уже ждало сильное войско Кучума. У Ермака же было всего 100 казаков. Однако они, отбиваясь, успели добежать до своих стругов и отчалили от берега. Атаманский струг отчаливал последним. Ермак прикрывал отступление своих товарищей, пока не был ранен и не упал в воду. Волны Иртыша сомкнулись над его головой.

Остатки казачьего отряда двинулись вниз по Иртышу на родину. А им навстречу уже спешили посланные царем воеводы с войсками. Началось освоение присоединенной Ермаком Сибири. Скоро в этих краях выросли русские города Тюмень, Тобольск, ставший столицей русской Сибири. Кучум, неоднократно разгромленный русскими отрядами, покинутый своими союзниками, постаревший и почти ослепший, в самом конце века был убит в южных степях.

Теперь восточные пределы России были сильно расширены уже окончательно. В ее состав входили один за другим и сибирские народы. Россия

все более превращалась в свразийскую державу. Из Западной Сибири пошел поток драгоценной пушнины, рыбы, иные товары.

§ 7. Кризис власти. Конец династии Рюриковичей

В конце жизни у Ивана IV оставалось трое сыновей. Старший Иван Иванович в отличие от больного отца был полон сил и энергии. Он показал себя храбрым на поле боя, проявил себя смелым государственным деятелем. Интриганы при дворе нашептывали царю, что наследник любим народом, что все ненавистники царя надеются на его приход к власти. Это еще более раздражало царя. Между отцом и сыном часто вспыхивали ссоры. Иван IV вмешивался в его личную жизнь, оскорблял жену Ивана Ивановича. Однажды он побил ее. Наследник вступился за честь жены и пытался схватить отца за руки. Тогда тот нанес сыну смертельный удар своим тяжелым, окованным железом посохом. Через некоторое время Иван Иванович скончался. Тем самым Грозный царь сам подсек на корню династию Рюриковичей.

У следующего его сына — болезненного и богомольного Федора (1557—1598) не было детей. А еще один сын — малолетний Дмитрий (1582—1591) был рожден от седьмой по счету жены царя боярыни Марии Нагой и имел мало прав на престол. Таким образом, царь сам создал в государстве кризис власти, возможность для будущих схваток за престол.

Царь пережил убитого сына ненадолго. В начале 1584 г. его здоровье ухудшилось, тело стало пухнуть. По Москве ходили слухи, что фавориты Ивана IV Бельский, родственник Малюты Скуратова, и Годунов изводят царя отравой.

Иван Грозный предложил находившемуся при нем Борису Годунову сыграть в шахматы. Царь и Годунов сели за столик. Рядом никого не было. Годунов остался с больным царем один на один. Вдруг раздался крик. Когда дворцовые слуги всбегали в палату, царь бездыханный лежал на полу.

После смерти Ивана IV царский престол перешел к его 27-летнему сыну Федору. Это был тихий и богобоязненный человек. Он ненавидел жестокость и насилие, предпочитал проводить время в молитвах, за книгами, в беседах с учеными монахами. Но бедой было то, что многие дела он поручал боярам, любимцам отца, в первую очередь Бельскому и Годунову. А ведь это были люди, которые выдвинулись при Грозном на опричных казнях, душегубстве, мрачных дворцовых интригах.

Сразу же после смерти монарха за спиной тихого Федора началась жестокая борьба за власть между фаворитами, различными боярскими группами. Все большее преимущество в этой борьбе получал напористый, энергичный, умный и беспощадный Борис Годунов. Он пользовался тем, что его сестра была женой царя, и стремительно оттеснял своих соперников.

Вскоре Годунов добился устранения от дел Бельского. Опасность для всемогущего боярина представлял и маленький царевич Дмитрий. Ведь кому-то могла прийти мысль, что слабого и нездорового Федора можно заменить маленьким Дмитрием. А это означало бы, что влиянию Годунова мог прийти конец. Наконец, после смерти болезненного Федора Дмитрий официально мог взойти на престол.

Дмитрия вместе с матерью услали из Москвы в Углич, который по старой традиции дали ему в удел. Годунов продолжал оттеснять от трона других родовитых бояр. Пошли в ссылку братья Шуйские, герой обороны Пскова Иван Шуйский был умерщвлен в ссылке. Потом наступила очередь бояр Романовых, родственников первой русской царицы Анастасии Романовой. Поставил Годунов своего человека и на высший церковный пост. В 1589 г. в России было утверждено патриаршество.

Первым русским патриархом стал ставленник Годунова Иов.

На правление царя Федора Ивановича приходится дальнейшее закрепощение русского крестьянства, ухудшение положения холопов. Теперь режим «заповедных лет», запрета крестьянских переходов, который действовал в некоторых уездах, распространился на всю страну. Он перестал быть временной мерой, а стал постоянным законом. Это был ответ правительства на увеличившееся бегство крестьян из центральных уездов в основном на южные окраины страны. Уходили они также из бедных помещичьих хозяйств на земли богатых вотчинников и монастырей, где можно было получить в хозяйстве подмогу и льготы. Крестьяне бежали от тягот растущих повинностей, податей в условиях оскудения страны. В то же время правительству было выгодно, чтобы часть населения переселилась в южные, недавно захваченные районы. Эти люди помогали освоению и обороне приграничных уездов. В 1597 г. правительство Федора — Годунова ввело «урочные лета». Если раньше бежавшего на новые земли крестьянина искали бессрочно и могли в любое время вернуть владельцу, то теперь срок сыска устанавливался в 5 лет. Если крестьянина не обнаруживали за это время, он оставался жить на новом месте. Это затрудняло бегство крестьян, но одновременно было выгодно новым их владельцам и самому государству, которое получало в южных районах рабочие руки и воинов.

А вот положение холопов стало намного хуже. Теперь они не могли освободиться от хозяина, если пошли в холопство за долг и готовы были отдать его. Они навечно становились холопами. Если же человек добровольно шел в холопы к хозяину и ранее при первом удобном случае мог освободиться, то теперь после шести месяцев службы он оставался также навеки холопом. Молва связывала все эти законы с именем Бориса Годунова, которого все более ненавидели в народе.

К тому же молва приписала ему еще один страшный грех — убийство малолетнего царевича Дмитрия. Царевич погиб при загадочных обстоятельствах в 1591 г. Его нашли с перерезанным горлом в собственном дворе в Угличе. Никто не видел, что приключилось с царевичем. Когда люди сбегались на крик няньки, то он был уже мертв. Толпа жителей города расправилась с людьми, ответственными за охрану Дмитрия. Но Годунов жестоко подавил восстание в городе. Он прислал в Углич специальную комиссию во главе с князем В. И. Шуйским, которая, разобрав все обстоятельства гибели царевича, пришла к выводу, что Дмитрий зарезался сам, играя в «ножички».

Царь Федор Иванович скончался 7 января 1598 г. Династия Рюриковичей прекратила свое существование в России. Царица Ирина вскоре постриглась в монахини. Русский трон оказался свободным.

§ 8. Новые явления в русской культуре в XVI в.

Укрепление централизованного государства, превращение России в царство, расправы с боярами, присоединение Казани, опричнина — все это в той или иной степени нашло отражение в фольклоре, памятниках письменности, в архитектуре и живописи.

Самым главным явлением русской культуры второй половины XVI в. стало дальнейшее расширение ее горизонта, масштабов. Все больше и больше культурные явления в жизни страны оказывались связанными не с историей какого-то одного княжества, одной земли, но с событиями и идеями единого большого государства.

Создатели сказок, былин, пословиц, поговорок, авторы летописей, архитекторы, живописцы ощущают себя жителями огромной и сильной державы.

В то же время все больше и больше на их творчество оказывает влияние идея самодержавной власти, опричного террора, воинствующей борьбы Церкви с еретичеством и вольнодумством. Не все принимают эти «новости» в русской жизни, пытаются подвергнуть их критике, бороться с ними.

Фольклор в полной мере отразил героев той бурной поры.

В сказках выступает в первую очередь яркая, противоречивая и страшная фигура Ивана Грозного. С одной стороны, он воспевается как борец с боярами, как защитник бедняков, всех униженных и оскорбленных. С другой стороны — это грозный деспот, который не терпит возражений.

В исторических песнях царь и его стрельцы и пушкарники прославляются за взятие Казани.

Другой любимой фигурой сказок и песен стал легендарный покоритель Сибири Ермак Тимофеевич. В глазах народа это идеальный герой — простой, смелый, мудрый и справедливый.

Народ в своем творчестве гордится сильной Русью, осознает себя причастным к деяниям государства, несмотря на все жестокости нового режима. А ведь раньше сказки, песни, были пронизаны чувством тоски по свободной и вольной доле, придавливаемой ордынским сапогом, слышался в них восторг и гордость от первых побед над ордынцами. Теперь изменилась жизнь, изменилась история народа, другими стали сказки и песни.

Создание нового государства, реформы центрального и местного управления потребовали все большего количества грамотных людей.

Они нужны были и в земских избах, и в приказах. Теперь людей обучали не только в церквях и монастырях. Появились «мастера грамоты» в городах и больших селах. Они были способны помочь написать челобитную грамоту (т. е. жалобу) царю, составить завещание или купчую. Появились первые учебники по грамматике и арифметике. Первую русскую грамматику составил выходец из греческих земель Максим Грек.

В своих многочисленных сочинениях Максим Грек обличал жестокость вельмож, критиковал пороки общественной и личной жизни, а особое внимание обращал на воспитание нравственности, имея в виду прежде всего воспитание кротости, мудрости, чувства гражданственности.

При Иване Грозном впервые некоторых способных молодых людей стали посылать в Константинополь, где осталось немало просвещенных греков, для изучения греческого языка и грамматики. Ведь по-прежнему

значительная часть как светской, так и церковной литературы была написана на греческом языке и требовала перевода.

Все чаще в домах богатых людей появлялись библиотеки, включавшие как русские рукописи, так и книги, переведенные с греческого, латинского, древнееврейского языков. Иван Грозный был обладателем огромной библиотеки. В его письмах, других сочинениях имеется упоминание десятков книг.

Важной вехой в истории русского просвещения XVI в. стало появление на Руси книгопечатания.

Впервые книгопечатание изобрел в середине XV в. немецкий ученый Иоганн Гутенберг. В городе Майнц он отпечатал сокращенный вариант Библии. Через сто лет первую попытку печатания книги сделал русский мастер Иван Федоров. Он выпустил новым способом книгу «Апостол» — своеобразный сборник, содержащий наиболее популярные в то время тексты Евангелия и Библии. Затем он напечатал еще несколько книг. Однако церковники начали преследовать русского первопечатника, обвиняя его в еретическом занятии, в колдовстве. По их понятию, религиозные тексты можно было переписывать только от руки. Благодаря их подстрекательству толпа разгромила первую русскую типографию. Иван Федоров переехал в Литву. В 1574 г. выпустил во Львове первую славянскую «Азбуку» и новое издание «Апостола». В 1580—1581 гг. издал первую полную славянскую Библию («Острожская библия»).

С древнейших времен на Руси составлялись руководства морального характера, определяющие поведение человека в семье, обществе, его взаимоотношения с другими людьми. В конце XVI в. такие произведения стали называться домостроями. Наиболее знаменитый «Домострой» был составлен уже упоминаемым протопопом Сильвестром. Он был истовым поборником патриархальных порядков. Поэтому Сильвестр всячески ратовал за укрепление роли отца и родителей в семье, за твердое исполнение церковных обрядов. Обращаясь к детям, «Домострой» провозглашал: «Чада... любите отца своего и мать свою и послушайте их, и повинуйтесь им по Богу во всем. И старость их чтите». «Домострой» поучал отца, мать, детей, домашних «не красти..., не солгати, не оклеветати, не завидети [не завидовать], не обидеть, не клепати..., не бражничать..., не помнить зла, не гневаться ни на кого, к большиим [к старшим] быти послушну и покорну, к средним любовно, к меньшим и убогим приветну и милостиву». «Домострой» призывал растить детей в страхе Божьем и приветствовал телесные наказания. Детей надо учить «страхом»: «казни [наказывай] сына своего от юности», тогда он будет чтить и «покоить» родителей в старости. В то же время там есть и такие слова: «Обучая детей, любите их и берегите». Отец должен быть строг и деятельен, жена «добра, страдолюбива [трудолюбива] и молчалива», дети послушны и богобоязненны.

Под руководством митрополита Макария, а потом и самого Грозного создавались летописи и другие исторические сочинения, в которых проводились мысли преемственности власти византийских императоров и русского царя, идеи самодержавной власти. Этими идеями был наполнен Лицевой свод или Никиновская летопись, в которой было 16 тыс. цветных миниатюр-иллюстраций, или «лиц». Вся русская история в этой летописи

неукоснительно вела, по мысли авторов свода, к царской власти Ивана IV. Идеи самодержавия, божественного происхождения царской власти видны также в «Степенной книге», где шаг за шагом показаны все степени (отсюда и название «Степенная») династии Рюриковичей, а также в «Казанской истории», рассказывающей о взятии Казани.

Написанные во второй половине XVI в. исторические повести и сказания сообщают о важнейших событиях времени Ивана Грозного, о присоединении Новгорода к Москве, деяниях царя, борьбе с окрестными государствами. Так, «Повесть о Молодинском сражении» говорит о блестящей победе над крымским ханом в 1572 г. «Повесть о приходе Стефана Батория на Псков» — о героической обороне этого города.

XVI в. оставил для будущих поколений и образцы такого вида литературы, как публицистика. Один из них — челобитная, поданная неким дворянином Иваном Пересветовым самому царю. Он призывал молодого монарха к решительной борьбе за укрепление его власти, ограничение власти бояр. При этом Пересветов в качестве образца выдвигал Турцию, где все подданные являлись слугами султана. Такой же самодержавной страной автор хотел видеть и Россию. В последнее время появились исследования, доказывающие, что опричнину Иван Грозный ввел по образу и подобию турецких порядков и под влиянием труда Ивана Пересветова.

Вопросов о сущности власти в России, об отношении монарха со своими подданными касались в своей переписке бежавший в Литву князь Курбский и Иван IV. Курбский обличал тиранию Ивана Грозного, а Иван, защищаясь, оправдывал идеи самодержавной власти. Их переписка стала достоянием общества.

Новые явления свойственны и архитектуре, живописи, музыке. Последние годы жизни Василия III и времена Грозного с его самодержавными претензиями отразились в строительстве ряда новых храмов, которые должны были увековечить деяния российских властелинов. В честь рождения Ивана IV его отец Василий III построил чудо тогдашнего каменного зодчества — церковь Вознесения в селе Коломенском. Это был яркий пример так называемой русской шатровой архитектуры, когда строители создавали однокупольные храмы в виде каменного шатра. Эти храмы с XVI в. украшают Русскую землю. В этом же стиле, но с девятью каменными шатрами был построен и знаменитый храм Василия Блаженного.

В живописи, а точнее сказать, в иконописи, начинают появляться элементы реализма, намечается переход от иконы к портретной и жанровой живописи.

Быт различных слоев народа в эти десятилетия менялся медленно. Жизнь на огромных просторах России оставалась традиционной, как и сотни лет назад. Те же курные избы, та же деревянная посуда, те же развлечения. Лишь в крупных городах происходили некоторые сдвиги. Кое-где появились слюдяные и стеклянные окна вместо прежних, затянутых бычьими пузырями.

На жизнь верхних слоев общества влияли расширявшиеся контакты с иностранными государствами. В 1553 г. в устье Северной Двины бросил якорь английский корабль, и вскоре его капитан Ричард Ченслер был принят Иваном IV в Москве. Начались постоянные торговые контакты с Анг-

лией. Все чаще в русскую столицу приезжали послы и торговцы из разных европейских стран. В одежде знатных москвичей стали заметны западные новинки, кое-кто из них на западный манер стал коротко стричь волосы, брить лицо.

В домах появились шахматы, западные музыкальные инструменты — органы, клавесины, клавикорды. Из Новгорода в Москву пришло многоголосное церковное пение.

Но все это было лишь песчинками в море старорусской и старомосковской жизни. Подлинные перемены были еще впереди.

§ 9. Борис Годунов — первый выбранный монарх России

Переходные годы. Смерть Ивана Грозного в 1584 г. ознаменовала конец целой эпохи в истории России — эпохи первых реформ и светлых надежд, а затем отчаянной борьбы Ивана IV против вчерашних друзей и соратников. Это было время страшной опричнины, когда по всей стране человеческая кровь лилась рекой, гибли представители знати, которую ненавидел и боялся Грозный, которую подозревал в покушении на свою власть; гибли и простые люди — посадские, крестьяне, ставшие жертвой ужасных репрессий, карательных походов царя по своей земле, грабежей и разорений. То был период тяжелейшей Ливонской войны, окончательно подорвавшей силы России.

Страна оказалась окончательно централизованной, сепаратизм и княжеское своеволие подавлены, удельная система ликвидирована, власть самодержавия укреплена. Но какой ценой! Ни во что не ставились достоинство, честь, имущество и сама жизнь человека. Насилие, право кулака правили свой бал. Подозрительность и страх, а вместе с тем и раболепие проникали во все поры общества. В этом потоке ужаса и неуверенности в завтрашнем дне люди думали лишь о том, как пережить страшные дни, заботились только о своем спасении, о том, чтобы выжить, защитить себя, свою семью, свое имущество. Каждый преследовал свои интересы. Мало кто помышлял о ближних, об обществе и стране. Наступила пора человеческого ожесточения, ставшая платой за установление самодержавного диктаторского режима Ивана IV. Многие спасали себя за счет активного участия в репрессиях против себе подобных. А вместе с укреплением режима Грозного царя поднимались на поверхность, порой с самых низов общества, беспринципные авантюристы, алчные стяжатели, отъявленные честолюбцы. Это было их время. Такого Россия еще не знала.

Но история показывает, что ни одна страна, ни один народ долго не может жить в состоянии такого напряжения и ужаса. Вместе со смертью тирана уходит и его эпоха. Так было и в России.

С приходом к власти сына Ивана IV Федора Иоанновича, спокойного, богомольного, болезненного молодого человека, в стране многое изменилось. Закончились казни и преследования людей, прекратились разорительные войны. Однако самодержавное государство, созданное Грозным, продолжало существовать. Царь по-прежнему возвышался над окружающим его миром. Уцелевшая знать — князья и бояре, а также высшая приказная администрация — льяки безропотно выполняли волю монарха. Элита централизованного государства, духовенство, укрепившееся при

Иване IV дворянство, армия, в первую очередь стрелецкие полки, сплоченно стояли вокруг трона, несмотря на отдельные разногласия между ними. Все они, поддерживая верховную власть, тем самым сохраняли свои привилегии, доходы, а феодалы к тому же — право распоряжаться землей и трудом работающих на ней крестьян.

При царе Федоре, несмотря на его личную мягкость и незлобивость, власть неукоснительно продолжала политику закрепощения простого народа.

В 1597 г., за год до смерти Федора Иоанновича, был издан указ о введении «урочных лет», т. е. сроках сыска бежавших крестьян (в течение 5 лет). А это означало, что введенные Иваном IV «заповедные годы», т. е. временное прекращение выхода крестьян от одного владельца к другому в Юрьев день, теперь из временной меры превращалось в постоянную. И происходило это не потому, что во главе государства стояли злодеи и ненавистники крестьян, посадских людей. Просто в условиях повсеместного разорения, бегства крестьян либо на свободные земли юга, Поволжья, либо под покровительство богатых вотчинников, монастырей, духовенства государство теряло налогоплательщика, подрывалось благосостояние дворянства — этой основной боевой силы армии централизованного государства — опоры царской власти и всей сложившейся в стране системы.

Ухудшилось и положение холопов. По указу того же 1597 г. холопам стало труднее выйти на свободу. Теперь холоп, обязавшийся в службу за долг, уже не мог освободиться от холопских пут после выплаты этого долга. По истечении 6 месяцев службы холоп становился таковым уже навечно. И никакие обстоятельства, как прежде, не могли помочь ему выйти на волю. Тем самым богатые землевладельцы, городские богачи прочно закрепляли за собой подневольную рабочую силу, усиливали свое достоинство и влияние.

Таким образом, репрессивное наследие Грозного было ликвидировано, но его общая линия на усиление государства, интересов верхушки общества, бывшей его главной опорой, осталась. Это возбуждало большое недовольство крестьян, холопов, тех слоев народа, которые от карательных и закрепощающих мер пострадали сильнее всех.

Надо помнить и о том, что после смерти Ивана Грозного вокруг трона, во главе приказов армии, на воеводствах в разных городах и уездах страны остались те же люди, которых поднял к власти жестокий царь. Большинство их были обязаны своему возвышению опричнине.

Но оставались в живых и занимали свои высокие позиции многие из родственников уничтоженной царем знати, представителей духовенства, купечества. Продолжала существовать и земщина — другая часть страны, жившая по своим законам, помимо опричных земель. Там была своя боярская верхушка, свои титулованные роды. Теперь все эти люди жаждали реванша и мщения за прошлые унижения и обиды, за гибель родственников.

Но едва 7 января 1598 г. скончался царь Федор Иоаннович, едва угас род Рюриковичей и тем самым исчез обруч, стягивающий воедино все враждующие группы знати, все недовольные слои населения, как сразу же обнажились глубокие противоречия общества: внутри самой знати, между закрепощаемым народом и властью, между бывшими опричниками и их

жертвами, между элитой общества — князьями и боярами и средним и мелким дворянством.

Именно в это тяжелейшее переходное время на русский трон был избран боярин Борис Федорович Годунов (1552—1605), который попытался уже на рубеже XVI—XVII вв. основать в России новую династию.

Приход Годунова к власти. Именно это переходное время со всеми его противоречиями, а также личные черты и склонности самого Годунова превратили его едва ли не в самую трагическую фигуру российской истории.

Борис Годунов к моменту избрания русским ядром был еще достаточно молод. В 1598 г. ему было 47 лет. Происходил он из весьма почетного, но обедневшего рода костромских бояр. И он, и его сестра Ирина, будущая царица, жена Федора Иоанновича, рано осиротели. Их пригрел дядя, видный сановник в правительстве Ивана IV, глава Постельничьего приказа, в ведомство которого входило обеспечивать сон и покой царя. В 15 лет Борис — юный, стройный, черноволосый, с красивым лицом был представлен Грозному, понравился ему, и с этих пор в должности стряпчего Постельничьего приказа он стал подавать и принимать одежду государя. Постоянная близость к царю, красивая внешность, обходительные манеры, природный ум и сметливость помогли ему быстро продвигаться по службе.

Честолюбивый, хитрый, изворотливый, он умело лавировал в дворцовых хитросплетениях. Во многом ему помогало то, что он, став опричником, женился на дочери известного опричника, исполнителя самых жестоких приказов царя Малюты Скуратова. Позднее его сестра Ирина стала женой Федора Иоанновича, и Борис с этой поры вошел в состав двора второго по старшинству царского сына. Но он по-прежнему оставался личным любимцем Ивана IV.

В 30 лет, за два года до смерти Грозного, он получает сан боярина и стремительно входит в круг самых влиятельных лиц государства.

Борьбу за власть молодой боярин начал сразу же после смерти Грозного. Но поначалу — на вторых ролях.

По завету Ивана IV пятеро крупных деятелей Московского царства — его сподвижников и родственников должны были опекать болезненного и малоспособного к управлению огромной страной Федора.

Это были боярин Никита Романович, Захарьин-Юрьев, князь Иван Мстиславский, князь Иван Шуйский, бояре Богдан Бельский и Борис Годунов. Это был по существу регентский совет. Вскоре его члены выступили против Бельского, пытавшегося вернуть опричные порядки.

Так началась ожесточенная борьба за власть между соратниками Грозного. Бояре подняли народ против Бельского. Он был схвачен и вскоре сослан в Нижний Новгород. В этих условиях Годунов отвернулся от бывшего друга. Он лишь наблюдал, как схватились между собой два клана — Романовых и Милославских. В решающий момент, чувствуя силу бояр Романовых, Годунов вступил в союз с ними.

Но теперь против Годунова выступили князья Милославские. Лидеры земщины, они не могли простить ему опричного прошлого. Но изворотливый царский шурин сумел добиться от царя опалы для Ивана Федоровича Милославского. Тот был насильственно пострижен в монахи и сослан

в дальний северный монастырь. Однако его руководящее место в Боярской думе занял сын Федор, который пока затаился, боясь разделить участь отца, но готовился к новым схваткам с Годуновым.

В союзе с Романовыми Годунов нанес удар и по боярам Шуйским. Боясь набирающего силы Годунова, князья Шуйские попытались развести Ирину Годунову с царем, мотивируя это тем, что у Федора Иоанновича нет от нее потомства. На свою сторону они привлекли и митрополита. Однако и на этот раз Годунов одержал верх. Лидеры Шуйских — Иван и Андрей были арестованы. Знаменитого полководца Ивана Шуйского сослали на север, в тот же монастырь, что и Милославского. Вскоре оттуда пришла весть, что он погиб от «дыма»: следивший за Шуйским тюремщик уморил его угарным газом. Другой Шуйский — князь Андрей также был схвачен и умерщвлен в тюрьме. Остальных Шуйских разослали по своим имениям. Митрополита лишили сана и сделали простым монахом. Так Годунов подавил заговор князей Шуйских. Но тем самым он вступил в борьбу с князьями Юриковичами и титулованным боярством. Знать стала считать Годунова своим врагом.

А вскоре умер старый боярин Никита Романович Захарьин-Юрьев. Молодое племя Романовых — сыновья Никиты во главе со старшим Федором Никитичем Романовым еще не имели той мощи и влияния, что отец, и сами нуждались в поддержке Годунова.

Но вместе с этими успехами Бориса за ним стал тянуться шлейф страшных слухов: ссылки, тайные расправы — все это связывали с именем Годунова. Знать не жалела сил и средств на то, чтобы подорвать авторитет ненавистного боярина. С ним же народ отождествлял рост налогов, которые увеличились в 80-е гг. XVI в. в 1,5 раза. Не прибавил фавориту царя популярности и голод 1588 г., который нанес тяжелый урон стране.

Одновременно правительство Федора — Годунова пошло на обострение отношений с Польшей, а позднее и со Швецией. Ответ не замедлил последовать. Новый польский король Сигизмунд III, а вместе с ним и польский сейм провозгласили своей задачей войну с Россией и начали разрабатывать планы вторжения.

К 1588 г. все основные соперники Годунова были повержены. Начинается десятилетие фактического правления Бориса. Царь жалует ему небывалый до той поры на Руси титул правителя.

В 1589 г. Годунов помогает своему ставленнику митрополиту Иову получить титул патриарха. Отныне усилившаяся русская церковь становится его прочной опорой.

Но будто злой рок преследует всемогущего боярина. И «урочные лета», сковавшие окончательно свободу крестьян, и законы против холопов 1597 г. народ, как и прежние беды, все чаще связывает с именем всесильного фаворита.

К тому же народная молва обвинила Бориса Годунова в убийстве царевича Дмитрия, единственного оставшегося в живых, кроме утасяющего Федора, сыновей Ивана Грозного.

Теперь, кажется, ничто не угрожало Борису Годунову в качестве либо правителя страны при Федоре, либо после его смерти при царице Ирине.

Не принесла Годунову популярности и война со Швецией в начале 90-х гг. Он сам вместе с царем по примеру Грозного возглавил поход на Нарву. И хотя часть захваченных шведами земель Москва вернула (города Ивангород и Копорье) и получила балтийское побережье между устьями рек Невы и Наровы, но Нарву — основной русский порт в здешних местах взять не удалось. Мир со Швецией лишь отодвинул решающую схватку с ней на будущее.

Со смертью царя Федора Иоанновича в январе 1598 г. противоречия между верхушкой боярства и Годуновым обострились еще сильнее.

Борис стремился поначалу передать трон своей сестре — царице Ирине, благо наследников ни у Ивана IV, ни у Федора не осталось. Тем самым он хотел сохранить свою ведущую роль в государстве. Но Ирина правила страной лишь 1,5 недели и столкнулась с сильной оппозицией со стороны Боярской думы. Не выдержав борьбы за власть, она постриглась в монахини и поселилась в Новодевичьем монастыре. Теперь трон был снова пуст.

С этого часа Борис Годунов начал открытую борьбу за царский престол. Кто были его противники? На царскую корону мог претендовать старший из братьев Романовых Федор Никитич, а также дальний родственник Ивана III молодой Федор Иванович Мстиславский. Но никто из знатных князей и бояр в решающий момент не стал выдвигать на трон свою кандидатуру. Бояре, напуганные долгими десятилетиями деспотизма Грозного и не желая вновь оказаться под пятой тирана, сплотились и решили, что власть в стране следует передать Боярской думе. Ради этого жертвовали своими претензиями на трон Романовы, Мстиславские, Голицыны и другие славные русские боярские и княжеские роды. Бояре мечтали учредить порядок, какой уже существовал в Польше и Швеции, где реальная власть принадлежала знати.

Значило ли это, что боярство вновь хотело вернуть страну к феодальной раздробленности? Вовсе нет. Это время безвозвратно ушло. Все они уже были руководителями единого централизованного государства, состояли у него на службе. Но вместо очередного самодержавного деспота они собирались ввести в России аристократическое правление, возможно, с последующим порядком выборности царей. Совещание бояр в Кремле потребовало, чтобы народ присягнул Боярской думе. И это несмотря на то, что после смерти царя Борис Годунов успел расширить состав Боярской думы и включить туда своих сторонников.

Борис Годунов стоял за старый порядок. Он мечтал о царском венце. Поэтому одновременно с заседанием Боярской думы патриарх Иов созвал в своих палатах другое совещание — собор. Туда вошли видные церковники, представители от дворянства, которое после закона об «урочных летах» поддерживало Бориса, а также верхушка городов. Иов предложил в царскую кандидатуру Годунова, и его предложение было восторженно принято собором.

По существу в стране образовалось две власти: Боярская дума и собор, созданный патриархом. Это вело к расколу страны.

Годунов заперся вместе с сестрой в хорошо укрепленном Новодевичьем монастыре и оттуда руководил действиями своих сторонников. Его агенты вели антибоярскую агитацию. В ответ новые слухи против Годунова

поползли по Москве: его обвинили в отравлении царя Федора. Политические страсти накалялись.

Тогда патриарх организовал народное шествие с иконами к монастырю, где обретался Годунов. Придя к монастырским стенам, духовные лица, купцы, дворяне, посадские люди слезно просили Годунова вступить на трон. Но Борис отказался. Он заявил, что не ищет престола и готов уйти в монахи. Это был хорошо рассчитанный ход, Годунов нагнетал обстановку, оказывал этим давление на непокорную Боярскую думу и в то же время поддерживал видимость народного волеизъявления.

Затем последовало второе шествие, огромные толпы людей пришли к Борису и вновь просили его принять предложение собора и сесть на царство. Лишь после этого он дал согласие. И здесь же, в соборе Новодевичьего монастыря, патриарх нарек Годунова русским царем.

Позднее в Успенском соборе патриарх вторично и торжественно объявил Годунова царем.

Правление Бориса Годунова. В истории нередки случаи, когда после смерти деспота, диктатора его выдвиженец и наследник резко меняет прежнюю политику. Он стремится сгладить жестокость и несправедливость предыдущего правления и тем возвысить и укрепить свою власть, завоевать признание народа. Часто бывало и так, что, настрадавшись и лично от капризов и прихотей тирана, новый правитель на всю оставшуюся жизнь получал отвращение к прежним порядкам. Все это произошло и с Борисом Годуновым. Уже в первые дни царствования он поклялся, что не будет проливать кровь в течение пяти лет, не возродит жестоких репрессий времен Грозного, будет править справедливо и милостиво. Во время венчания на царство он сказал, обращаясь к патриарху: «Бог свидетель сему, никто не будет в моем царствии нищ или беден». Не раз позже он в беседах с людьми брал себя за ворот сорочки и заявлял: «И сию последнюю разделю со всеми». Была объявлена амнистия. И многие заключенные вышли на свободу.

Такие гуманные помыслы и устремления Годунова были связаны не только с искренним стремлением в свое царствие улучшить положение в стране, разоренной во времена Ивана IV, но и желанием оправдать этим собственную яростную, порой нечистоплотную и жестокую борьбу за власть, в ходе которой гибли невинные люди.

К тому же положение нового царя было непрочным. Против него выступали многие князья и бояре. Одни считали, что он незаслуженно обошел их — знаменитых и родовитых. Другие не забыли гонений, опал, тайных убийств, которые коснулись их родственников. Третьи были убеждены в том, что власть вообще должна принадлежать не самодержавному монарху, а Боярской думе. Волновался и закрепощаемый народ.

Все это учитывал Борис Годунов, начав свое правление. С целью привлечь на свою сторону дворян он устроил раздачу им жалованья, задержанного прежде. Многих бояр повысил в чинах. Для облегчения участи простых людей новый царь отменил все недоимки по налогам, облегчил само налоговое бремя. Годунов всячески поощрял торговлю как внутри страны, так и с зарубежными странами, давал купечеству различные льготы. В то же

время в благодарность за поддержку Борис восстановил ряд податных привилегий церкви, отмененных ранее Грозным.

И конечно, он всячески стремился поддержать хозяйство среднего служилого класса — дворян. Именно в их пользу он жертвовал крестьянскими интересами. Годунов всячески возвышал незнатных, но способных людей, противопоставил их родовитому боярству. Здесь он предвосхитил Петра I. Но в свою очередь новый царь требовал от дворян честной и деятельной службы, что не нравилось некоторым из них, привыкшим к вольной жизни и необременительной службе. К тому же Годунов преследовал казачество, жестоко наказывал, в том числе и дворян, за сношения с этими «рыцарями» «дикого поля». Он пытался включить казаков в тягло (налоги, разные работы, в том числе на государственных пашнях), что вызывало в свободолюбивом казачестве резкие протесты.

Пробовал Борис навести порядок и в приказах. Особенно он обрушился на взяточничество. По существу, это был первый русский царь, который поднял руку на чиновников и судей-взяточников. Если во взятках уличали дьяка, то возили его по всему городу и секли плетью. При этом на его грудь вешали мешок со взяткой, будь то деньги, меха, какой-нибудь товар. Но взятки не уменьшались. Только мздоимцы стали осторожнее, и цены их услуг возросли. В лице приказного дьячества Годунов также приобрел злейших противников.

Не отличаясь хорошим образованием, Борис Годунов тем не менее был страстным поборником просвещения. Он высоко ценил западную культуру, любил беседовать с иностранцами, помогал им обустроиться в Москве. При нем расцвела немецкая слобода Кокуй, где была построена протестантская кирха. Этим он вызвал неудовольствие части православного духовенства. Годунов содействовал развитию в стране книгопечатания, строительству типографий в разных городах. Мечтал он о создании школ и даже об открытии университета на западный манер. Первым же из русских царей он стал посылать дворянских детей за границу для обучения разным наукам и навыкам. Но из восемнадцати посланных ни один не вернулся на родину, все они решили остаться жить за рубежом.

Особой страстью нового царя стало строительство, в котором он видел прогресс страны. По его повелению появились первые каменные торговые лавки в Москве и каменный мост через реку Неглинку. Дело его рук и постройка колокольни Ивана Великого, на которой до сих пор красуется надпись с именем Бориса Годунова. При нем был возведен Астраханский кремль, много храмов и других сооружений. Заботился царь о благоустройстве столицы: прокладывали новые мостовые, а в Кремле впервые был устроен водопровод: воду из Москва-реки подавали мощные насосы.

Отличался Годунов, как говорили тогда, нищелюбием. Он открывал богадельни для нищих, приказывал оделять бедных людей продовольствием, одеждой, деньгами.

В отличие от Ивана Грозного Годунов был хорошим семьянином, любил жену, обожал своих детей — сына Федора и дочь Ксению, дал им блестящее по тому времени образование. Он не терпел «винопития» и всякие

низменные забавы, вроде травли людей медведями, которыми услаждались представители элиты.

Казалось, что он выполнял все обеты, данные при восшествии на престол. И действительно, страна постепенно стала возрождаться, успокаиваться. Настроение народа, особенно его средних слоев, которым благоволил Годунов, менялось в пользу нового царя. Этому способствовала его манера общения с людьми: он всегда был ровен, приветлив, дружелюбен. Но за этой мягкой внешностью скрывался железный характер, огромная воля, честолюбие, страсть к власти. Добрые начала и помыслы постоянно боролись в его душе с темными страстями. Чувствуя вражду боярства и дьячества, Годунов стал подозрителен, все больше верил доносам и наушничеству. Он поощрял даже доносы холопов на своих хозяев, и те порой с удовольствием мести своим господам. Он все больше боялся заговоров, подолгу заперся в своих палатах и не выходил к подданным. Окружил себя телохранителями из иностранных наемников.

Вскоре жертвами этой подозрительности стали все тот же Богдан Бельский и его давние соперники бояре Романовы. Бельского за «непотребные» речи против Годунова поставили к позорному столбу и выщипали ему всю бороду — гордость сановного человека.

Что касается Романовых, то Борис давно стремился убрать с дороги этих очень богатых, щедрых, знатных и популярных в народе бояр. В 1600 г. он воспользовался тем, что слуга одного из них обвинил своего хозяина в колдовстве и в стремлении «извести» царя. После долгого разбирательства род Романовых был буквально разгромлен. Старшего Федора Никитича постригли в монахи под именем Филарета, его маленьких детей Михаила (1596—1645) (будущего первого царя из династии Романовых) и Татьяну разослали по тюрьмам. Все братья Романовы были отправлены в ссылку и темницы. Трое из них вскоре умерли.

В результате Годунов нанес жестокий удар Боярской думе, но одновременно восстановил против себя могучий боярский род Романовых и их многочисленных родственников. Это еще больше подорвало его позиции.

Одновременно он ограничил знаменитое местничество, объявив службу «без мест». Это было полезно для интересов государства, но больно задело амбициозных князей и бояр.

Борьба все больше истощала силы Бориса; он стал часто болеть. Однажды с ним приключился удар, и он несколько недель оправлялся от болезни. После этого стал волочить одну ногу. Силы его угасали, он становился все более одиноким.

ГЛАВА 7. РОССИЯ В ПЕРИОД СМУТЫ

§ 1. Великий голод и начало Смуты

Относительное спокойствие в Русском государстве длилось недолго. Уже в 1601 г. проявились признаки серьезного кризиса во всех областях жизни страны.

Все началось со страшного голода, который обрушился на центральные уезды России в 1601 г. Этим летом шли нескончаемые дожди, и многие посевы либо вымокли, либо недозрели. В августе ударили ранние морозы. Это окончательно погубило урожай. Зерно прошлых лет, находившееся в амбарах крестьян и посадских людей, быстро подошло к концу. Непогода нанесла ущерб и другим сельскохозяйственным культурам.

Уже осенью продуктов питания стало катастрофически не хватать. Цены на хлеб резко подскочили, простой народ не мог его купить. Зато богатые люди — князья, бояре, купцы, духовенство, обладавшие большими запасами хлеба в своих житницах, стремились нажиться на стихийном бедствии, взвинчивали цены. Особенно злодействовали спекулянты и перекупщики. Они скупали хлеб в дальних, благополучных уездах и втридорога продавали его там, где его не хватало.

Современники тех событий рассказывали, что голод прежде всего поразил бедные слои народа. Умирая с голоду, люди стали есть кошек и собак, обдирали липовую кору, толкли ее и варили, употребляли в пищу лебеду и даже сено. Появились случаи людоедства. Трупы умерших от голода валялись на дорогах, их не успевали хоронить. Там, где голод, там и болезни. Началась эпидемия холеры. Хозяева, не желая кормить холопов, выгоняли их на улицу, где большинство из них также погибали. Лишь в одной Москве от голода и болезней умерло около 120 тыс. человек.

В последующие два года картина повторилась. Снова проливные дожди губили урожай. А всего же за три года вымерла 1/3 населения государства.

Правительство Годунова пыталось ослабить воздействие стихийного бедствия. Были введены твердые цены на хлеб, спекулянтов и перекупщиков нещадно наказывали. Борис приказал продавать из своих житниц хлеб по заниженным ценам; предпринимались даже раздачи денег народу. Однако все эти меры не касались крестьян. Годунов поддерживал лишь посадских людей, горожан, которые уже давно стояли за него горой. Кроме того, чиновники похищали часть выделенных народу денег, раздавали их своим родственникам. Поэтому все это мало помогало. Напротив, узнав о том, что в Москве можно спастись от напастей, масса людей хлынула в столицу. Беженцы заполнили все улицы. Они буквально штурмом брали казенные житницы, которые и так были уже опустошены. Голод не ослабевал.

В этих условиях Годунов издал два важных указа, которыми пытался облегчить положение народа. 28 ноября 1601 г. он восстановил Юрьев день и позволил крестьянам вновь беспрепятственно уходить от своих хозяев. Но указ не распространялся на Московский уезд и на государственные земли. Московское боярство, дворянство, духовенство, чьи владения в основном находились в центре, могли чувствовать себя спокойно. Зато про-

винциальное дворянство пришло в негодование. Оно стало терять своих крестьян, а Годунов — свою верную опору — дворянство.

Второй указ касался холопов. В августе 1603 г. правительство разрешило изгнанным из своих дворов и лишенным пропитания холопам выходить на свободу. Тысячи бездомных холопов образовывали под Москвой шайки разбойников, часть их устремилась на юг.

Отчаявшиеся люди силой оружия пытались добыть себе пропитание. Скоро грабежи, разбой охватили всю страну. Шайки вооруженных разбойников перекрывали дороги, грабили купеческие караваны, нападали на обозы с хлебом. Одновременно крестьяне отказывались платить налоги государству, подати и оброки феодальным собственникам. Все большее их количество уходило на свободные земли южных и юго-западных окраин государства, на Дон и Днепр, вливались в число донских и запорожских казаков. В городах оголодавшая беднота начала нападать на хоромы богатых людей, грабить хлебные амбары. Опасно стало даже в Москве. В 1601—1602 гг. Борис Годунов создал специальные дворянские отряды для охраны московских улиц от грабителей и «зажигателей». Во главе этих отрядов встали видные члены Боярской думы. И все же Москва вскоре практически была отрезана от остальной страны, «лихие» люди периодически перерезали Смоленскую, Тверскую, Рязанскую дороги. Так постепенно грабительские, разбойничьи шайки смешивались с действиями низов народа.

Верховную власть и в первую очередь нового царя эти слои рассматривали как источник всех своих бед.

Особенную силу приобрел в 1603 г. повстанческий отряд под руководством Хлопка Косолапа, который блокировал несколько дорог, ведущих в Москву. Вскоре отряд Хлопка объединился с другими в подобие настоящего войска. Повстанцы-холопы, крестьяне, посадские громили боярские и дворянские имения, захватывали имущество богатых людей.

Против них Годунов послал воеводу И. Ф. Басманова с «многую ратью», и под Москвой разгорелось настоящее сражение. Каратели разгромили отряды Хлопка, сам он, израненный, попал в плен и тут же был казнен. Но и царская рать потерпела жестокий урон, а воевода Басманов пал в бою. Остатки повстанцев бежали на юго-западные окраины страны, полные злости и жажды мщения. Таким образом, «великий голод» обострил еще больше все народные беды и подвел людей к черте, за которой уже были борьба, кровь, смерть. Страна стала все больше раскалываться на противоборствующие лагеря.

Лжедмитрий I. Именно в эти годы правительство Годунова столкнулось еще с одной неожиданной, непредвиденной и, как оказалось, страшной опасностью — появлением на южных рубежах страны человека, который объявил себя спасшимся от убийц царевичем Дмитрием, сыном Ивана Грозного. Он заявлял о своих правах на русский престол и звал русских людей к расправе над Годуновым и его сторонниками, обещал России праведную и справедливую жизнь.

Кто же был этот человек? Большинство ученых сходятся на том, что имя царевича Дмитрия принял на себя двадцатилетний обедневший галицкий дворянин Григорий Отрепьев. Он появился в качестве слуги в доме од-

ного из бояр Романовых. После падения рода Романовых, боясь наказания, Отрепьев постригся в монахи, бродил по монастырям, позднее оказался в московском Чудовом монастыре и даже одно время служил при дворе патриарха переписчиком книг. Тот выделял Отрепьева за красивый почерк и сметливость. Но уже в это время Отрепьев начал внушать окружающим мысли о своем необычном происхождении и великом предназначении. Испугавшись подозрительного монаха, патриарх отослал его прочь. А в 1602 г. Отрепьев бежал в Литву, затем побывал в имении ряда польских и литовских магнатов и наконец осел в имении богатейшего польского вельможи князя Адама Вишневецкого. Там-то он и объявил себя царевичем Дмитрием.

Один из русских историков заметил, что испечен был Лжедмитрий в Польше, но замешан из московского теста. Действительно, все следы появления самозванца вели в хоромы Романовых, к видным московским дьякам. Именно в этой среде появилась мысль о том, чтобы противопоставить самозванца Годунову и свалить ненавистного знати и дьякам царя. Так Смута, начавшаяся в 1601 г. во время голода, усилилась благодаря самозванцу.

В свои двадцать с небольшим лет Григорий Отрепьев был человеком неплохо образованным, одаренным, пылким, с авантюристическими наклонностями и невероятным честолюбием. Такой человек мог появиться именно тогда, когда Русское государство стало разваливаться на части: его подрывала борьба низов и верхов общества, противоречия и ненависть в высших слоях. Он недаром нашел убежище в Польше, где давно вынашивались планы сокрушения России.

Оказалось, что самозванец был нужен многим. Его поддержали в России самые разные силы и слои, помощь ему оказывали польские магнаты, наконец, его поддержал польский король. Лжедмитрий стал ездить в карете в сопровождении охраны. У него появилось свое знамя — красное полотнище с черным орлом.

Вскоре самозванец оказался при дворе сandomирского воеводы Юрия Мнишека, который, используя Лжедмитрия, хотел поправить свои материальные дела. Там «царевич» влюбился в 16-летнюю дочь воеводы Марину и обручился с ней. Марина, несмотря на молодость, обладала огромным честолюбием, была фанатичной католичкой. Она мечтала стать русской царицей и помочь католикам продвинуть свои интересы в России. Эти настроения подогрели в ней католическое духовенство, Орден иезуитов. Папский посол в Польше тайно обратил Лжедмитрия в католичество. Тайна была нужна для того, чтобы русские православные люди не отвернулись от «царевича».

Лжедмитрий побывал в Запорожской сечи, и казаки, ненавидевшие Москву, с восторгом приняли его и обещали помощь. Там и начала формироваться армия самозванца. Туда же к нему пришли послы с Дона. Донские казаки также обещали поддержку, Лжедмитрий повсюду рассылал свои воззвания, они находили благодатный отклик среди казачества окраин, беглых холопов и крестьян. В массах народа все шире распространяли слух, что Дмитрий Иванович и есть тот самый справедливый и добрый царь, который всегда был мечтой народа. «Царевич» не скупился на обещания. Польскому королю он обязался передать в случае захвата власти Чер-

нигово-Северские земли и сокровища царской казны. Мнишекам посулил Новгород и Псков, поддержавшим его польским магнатам поклялся возместить их затраты на содержание наемников.

В октябре 1604 г. войско Лжедмитрия форсировало Днепр и появилось в русских землях. С ним шло около 2000 наемников. Король поостерегся отдать в распоряжение самозванца свое войско. Шли с Лжедмитрием также запорожские казаки. Однако первые же стычки с правительственными войсками принесли Лжедмитрию неудачу. Он был разбит под Новгородом-Северским. Наемники оставили его; бежал в Польшу и Юрий Мнишек. Казалось, что авантюра самозванца захлебнулась с самого начала. Однако его разбитое войско быстро восстановилось. С каждым днем оно увеличивалось, как катящийся с горы снежный ком. К Лжедмитрию подошли донские казаки, крестьяне, холопы, приходили дворянские отряды, на его сторону переходили стрельцы.

Вскоре войско Лжедмитрия достигло 15 тыс. человек. Южные города сдавались самозванцу без боя. Казаки, посадские люди и стрельцы приводили к нему связанных воевод. Весь юг и юго-запад страны был охвачен народным движением.

Январь стал переломным. Под селом Добрыничи близ города Севска Лжедмитрий снова был разбит царским войском, но воеводы, которые принадлежали к знати и ненавидели Годунова, действовали нерешительно. Лжедмитрий снова спасся и собрал новое войско. А вскоре почти все города юга и юго-запада признали власть самозванца.

Под Кромами решилась судьба Бориса Годунова. Правительственное войско тщетно пыталось взять город, перешедший на сторону мятежников. В царском войске началось брожение, увеличилось число перебежчиков. Годунов получал со всех сторон неутешительные вести. Они угнетали его. Здоровье окончательно пошатнулось. 13 апреля 1605 г. за столом во время обеда Борис рухнул навзничь. Кровь пошла у него горлом. Это был уже второй апоплексический удар. Распространились слухи, что царь покончил с собой.

Москва начала присягать его сыну царевичу Федору Борисовичу. А под Кромами воеводы со всем войском перешли на сторону Лжедмитрия. Часть царской армии бежала на север. Правительственная военная машина рухнула. Теперь дорога на Москву для самозванца была открыта.

§ 2. Триумф и трагедия Лжедмитрия

Однако самозванец медлил с маршем на Москву. Для того были причины. Перешедшие на его сторону правительственные войска были ненадежны, особенно после того, как среди них разнесся слух, что «царевич»-то не подлинный. Кроме того, Москва присягнула Федору Годунову и семейство Годуновых готовилось к обороне. Опасался Лжедмитрий и прямых столкновений с войсками, преданными старой власти, ведь до сих пор он проиграл все сражения и его успехи были связаны не с военными победами, а с восстанием народа, добровольной сдачей городов.

Теперь его поддержали все заокские города, близкие к Москве. Двигаясь на север, Лжедмитрий держал свое войско обособленно от сопровождавших его бывших правительственных войск и дворянских отрядов.

Польская охрана тщательно оберегала его. По сто человек ночью стояли подле шатра самозванца.

Одновременно он продолжал повсеместно свою агитацию, рассылал повсюду «прелестные грамоты». В них он обличал Годуновых, обещал всем то, чего хотели в России: боярам — прежнюю честь, дворянам — милости и отдых от службы, торговым людям — льготы и облегчение от податей, всему народу — милости, покой, «тишину» и благоденствие. Измученные голодом и разорениями, люди с восторгом внимали этим посулам.

Направил он своих гонцов и в Москву. Среди них был и предок А. С. Пушкина Гаврила Пушкин. Втроем с товарищем они при поддержке казачьего отряда подошли к самому городу, а потом проникли на Красную площадь. Стрельцы, которых послали для их поимки, разошлись по домам. Там, на Лобном месте, рядом с Кремлем 1 июня 1605 г. Пушкин прочитал собравшейся толпе милостивую грамоту Лжедмитрия. Население тут же взялось за оружие. Народ бросился в Кремль. Дворцовая стража разбежалась, и Москва оказалась в руках восставших, которыми умело руководили люди самозванца.

Годуновы бежали из Кремля и попрятались кто где. Толпа ворвалась в опустевший дворец и разгромила его, а затем начала крушить и грабить «храмины» богатых людей, в первую очередь дома семейства Годуновых и близких к ним бояр и дьяков. Захвачены были все винные погреба, люди разбивали бочки и черпали вино: кто шапкой, кто башмаком, кто ладонью. Как писал один современник: «Вина опились многие люди и померли».

В это время подошедший уже к Серпухову Лжедмитрий требовал от своих сподвижников расправы над Годуновыми и их покровителем — патриархом Иовом. Восставшие нашли его, притащили в Успенский собор Кремля, содрали с него патриаршьи одежды и знаки отличия и бросили, плачущего, в повозку, которая увезла Иова в один из дальних монастырей.

Вскоре стрельцы нашли и Федора Годунова с матерью и сестрой, и доставили на их старое московское подворье. Туда же явились посланцы самозванца князя Василий Васильевич Голицын и Мосальский. Здесь по их приказу стрельцы бросились на Годуновых. Царицу быстро задушили веревками. Федор же отчаянно сопротивлялся, но покончили и с ним. Сестру оставили в живых. Позже ее постригли в монахини и отправили в Кирилло-Белозерский монастырь. Выйдя на крыльцо, бояре объявили народу, что царь и царица-мать со страху отравились.

Другие Годуновы также были обнаружены и затем высланы. Династия Годуновых прекратила свое существование.

20 июня 1605 г. Лжедмитрий торжественно въехал в Москву. Столица встретила его колокольным звоном.

В тот же день Василий Шуйский, отказавшись от своих прошлых показаний, заявил, что в 1591 г. был убит не царевич, а другой мальчик, царевич же спасся. Через некоторое время Лжедмитрий выехал на встречу с матерью Марией Нагой — монахиней Марфой. Бывшая жена Ивана Грозного признала в Лжедмитрии своего сына.

Теперь дерзкому и изворотливому самозванцу надлежало выполнять свои обещания. Как перед верхами общества, так и перед средними и низ-

шими его слоями, которые сообща поддержали его. Однако все это оказалось делом совершенно невыполнимым.

И все же Лжедмитрий попытался совершить невозможное, показав большое политическое чутье, ум, находчивость и смелость.

Прежде всего он урегулировал отношения с Боярской думой. Лжедмитрий подтвердил ее полномочия, обещал боярам сохранить их вотчины. Он вернул в Москву многих опальных при Годунове бояр и дьяков и в первую очередь оставшихся в живых Романовых. Филарету Романову он предложил скинуть монашескую рясу и вновь войти в Боярскую думу, а когда тот отказался вернуться в мир, то удостоил его сана митрополита. В Москву вернулся и маленький Михаил Романов с матерью. Там он встретился с отцом, которого не видел пять лет.

И все же видное московское боярство во главе с В. И. Шуйским враждебно было настроено в отношении нового царя. Он помог им устранить ненавистного Годунова, и теперь они стремились избавиться от самозванца-чужака и взять власть в свои руки.

С первых же дней бояре тайно стали подготавливать народ против Лжедмитрия, обличать его за связь с поляками — врагами Русского государства. Это было тем более легко, что поляки, прибывшие с Лжедмитрием, вели себя в Москве нагло, оскорбляли москвичей, заходили в церкви с оружием, обижали московских женщин.

Вскоре стало известно о заговоре Шуйского против Лжедмитрия. Двое заговорщиков были казнены. Шуйского тоже вывели на плаху. Палач занес над его головой топор, но в это мгновение появился гонец из Кремля с грамотой о помиловании. Шуйского услали из Москвы, но вскоре простили и разрешили вернуться обратно. Боярство готовилось к новой борьбе.

Лжедмитрий стремился завоевать поддержку и доверие духовенства. Он подтвердил ему все старые льготы и привилегии. Однако отцы церкви с подозрением относились к связям нового царя с поляками-католиками.

Лжедмитрий попытался освободиться от польских и казацких отрядов, которые чувствовали себя в Москве победителями и дискредитировали царя. Он заплатил полякам хорошие деньги за службу и предложил вернуться на родину, однако те продолжали оставаться в Москве, кутили, задирали москвичей. Вскоре московское население выступило против насилий со стороны поляков. Дело кончилось побоищем. Лжедмитрий приказал арестовать поляков — зачинщиков беспорядков. Но потом тайно отпустил их.

Казаков он также распустил и отправил восвояси, чем вызвал их большое неудовольствие. Все холопы, крестьяне, посадские люди были уволены из войска. Так закончила свое существование народная армия самозванца.

Зато новый царь щедро одарил дворян, жалованье им было удвоено. Он раздал им огромные суммы денег, наделял новыми земельными участками, населенными крестьянами. Как и предшествовавшие правители, Лжедмитрий старался опереться на дворян и тем самым укрепить свою власть.

Трудным был для нового царя выбор политики в отношении холопов и крестьян. Лжедмитрий пошел на компромисс. Он отпустил на волю всех холопов, которые попали в кабалу в голодные годы. Освободил от налогов жителей некоторых областей на юго-западе страны, оказавших ему наи-

большую поддержку и пострадавших от карателей Годунова. Специальным указом новый царь оставил на свободе тех крестьян, которые бежали от своих господ в голодные годы. И это было, конечно, необычным явлением для страны. Но в то же время он оставил в силе «урочные годы», т. е. сыск беглых крестьян и даже несколько увеличил их сроки. Тем самым он сохранил неизблемым крепостное право. Больше всего Лжедмитрий боялся затронуть интересы феодального класса. Зато продолжал популярную при Годунове борьбу с взяточничеством чиновников и под страхом смертной казни запретил брать взятки. Упорядочил новый царь и сбор налогов. Он разрешил представителям крестьянских общин самим доставлять собранные налоги в казну. Тем самым Лжедмитрий нанес удар по привычке приказных людей прикармливать себе часть налоговых средств. Все эти нововведения были разумными и назревшими, и простой народ одобрял их.

Но особенно поразителен был его поворот в отношениях с Польшей. Здесь с первых же дней правления он показал себя приверженцем российских интересов и стремился быть защитником православия. Он отказался предоставить обещанные земли польскому королю, урезал плату за помощь польским наемникам и магнатам. Повел разговор о необходимости вернуть западнорусские земли, захваченные Речью Посполитой, назад России. Польский король был вне себя от бешенства. К тому же Лжедмитрий отказал католикам в постройке храмов на территории России.

Тем не менее, опасаясь заговоров со стороны русских бояр, он постоянно держал около себя польских и других иноземных телохранителей. Его близкими советниками были поляки, которым он был обязан и иными своими успехами. Это постоянно раздражало русское население.

Облик Лжедмитрия вовсе не вязался с привычными представлениями о недоступном, далеком от народа самодержце. И некоторые введенные им меры говорили о нем как о человеке вполне европейских обычаев и нравов, что было удивительно и непривычно для отгороженной от Европы России, упорно державшейся за старину. Он впервые в истории страны разрешил свободный без разрешения правительства выезд русским купцам за границу, провозгласил свободу всех религий. Не видя большой разницы между католиками и православными, он любил говорить: «Все они христиане» — и был в этом, конечно, прав.

Лжедмитрий ежедневно бывал в Боярской думе, деятельно участвовал в ее работе, поражал своей способностью быстро, без проволочек решать сложные вопросы. Дважды в неделю царь лично принимал челобитья (жалобы), и каждый мог объясниться с ним по своим делам. Часто без охраны он прогуливался по московским улицам, заходил в ремесленные мастерские, лавки купцов, беседовал с людьми.

Лжедмитрий выказал себя сторонником просвещения, ратовал за то, чтобы дать народу образование, а бояр уговаривал побывать за границей и посылать туда своих детей для обучения.

В отличие от прежних царей Лжедмитрий свободно вел себя за обедом, беседовал, слушал музыку, и что уж вовсе поражало ревнителей старины — не молился перед трапезой, не мыл руки после еды и не ложился почивать, а отправлялся по своим делам.

Большое внимание новый царь уделял созданию новой армии, сам учил ратных людей брать крепости приступом, причем участвовал в маневрах самолично, метко стрелял из пушек.

В начале XVII в. Россия была еще абсолютно не готова к такой ломке обычаев и нравов, а потому бояре, духовенство, да и простой народ встречали новизну с недоверием и удивлением.

Особенно эти чувства усилились, когда в Москве появилась невеста царя Марина Мнишек в сопровождении 2000 польских шляхтичей. И хотя свадьба проходила по русскому православному обряду, Марина отказалась принять причастие из рук православного священника. Отвергла она и предложенное ей платье. Сопровождавшие ее польские паны и охрана считали в Москве себя хозяевами, грабили горожан, оскорбляли женщин, заходили с оружием и собаками в церкви. Постоянная связь с поляками, определенная зависимость от польских советников стали той слабостью, которая в конце концов погубила Лжедмитрия.

В городе закипала ненависть против Марины, поляков.

Всем этим и решили воспользоваться бояре, организовавшие против Лжедмитрия новый заговор, который внешне был направлен не против царя, а против его польских друзей. Князя Шуйский и Голицын вовлекли в него верных им дворян, часть горожан, возмущенных насилиями со стороны поляков.

Но заговорщики не рассчитывали, что большинство народа выступит против самозванца, который, несмотря ни на что, был популярен среди простых людей. Коварный Шуйский пошел на обман. Заговорщики решили ворваться в Кремль с криком «поляки бьют государя!», а потом окружить Лжедмитрия будто бы для защиты и убить его. Самозванца несколько раз предупреждали о назревающем заговоре, но он, будучи уверенным в любви к нему народа, проявил беспечность и не принял мер предосторожности.

Под утро 17 мая 1606 г. в Москве тревожно загудел набат. Горожане бросились громить дворы, где размещались поляки. Одновременно отряд в 200 вооруженных дворян во главе с боярами-заговорщиками проник в Кремль. Заговорщики ворвались в покои царя. Услышав шум, Лжедмитрий вышел к ним с мечом в руках, но после короткой схватки вынужден был отступить в свою спальню. Оттуда он пытался спастись, выпрыгнув из окна. Но при этом вывихнул ногу и разбил грудь. Когда он попал в руки заговорщиков, его тут же зарубили мечами.

Три дня тело Лжедмитрия лежало для всеобщего обозрения на Красной площади. Потом труп сожгли, пепел зарядили в пушку и выстрелили в ту сторону, откуда пришел самозванец, Марину Мнишек и ее отца арестовали и выслали в Ярославль.

§ 3. Кризис государства и общества в России

Смута в России набирала силу. Проснулись все слои общества. Страна бурлила. Все старые обиды выплеснулись наружу. Главным двигателем Смуты стал народ, широкие слои простых людей. Они стали играть решающую роль во многих важных событиях в стране. Однако народ не имел опыта политической борьбы, верил тем искусственным политикам, которые

где обманом, где посулами вели его за собой. Так случилось и после переворота 17 мая и убийства Лжедмитрия.

Москвичи еще не поняли, что за их спиной заговорщики свергли ненавистного боярам самозванца, а России уже навязали нового царя. Им стал князь Василий Шуйский (1552—1612).

Пятидесятилетний, низенький, подслеповатый, умный и пронырливый, он страстно мечтал о троне с тех самых пор, как пресеклась династия Рюриковичей. Он сам был Рюриковичем, и считал, что имеет больше прав на царство, чем Годунов.

Его непривлекательный облик виден особенно ясно в истории с царевичем Дмитрием. В 1591 г. он удостоверил, что царевич зарезал себя сам. Во время захвата Москвы самозванцем заявил, что Дмитрий спасся. Теперь же князь утверждал, будто мальчика в 1591 г. убили по наущению Годунова.

Уже через три дня после убийства самозванца московский люд собрался на Красной площади, чтобы решить судьбу управления страной. Раздались голоса, что во главе государства следует поставить избранного заново патриарха. Другие ратовали за передачу власти Боярской думе, но в толпе активно работали и люди Шуйского. Они-то и выкрикнули его имя как будущего царя. И тут же сторонники Шуйского подхватили этот клич. Так была решена судьба царской короны. Вскоре патриархом всея Руси Шуйский определил казанского митрополита Гермогена, страстного ревнителя православия, жесткого и неукротимого человека, ненавистника самозванца и католиков.

С трудностями, через кровь и борьбу Россия постепенно уходила от самодержавной наследственной монархии и переходила, как Польша, Швеция и ряд других стран, к системе выборности (которую держала в своих руках аристократия) верховной власти. Об этом и мечтало московское боярство. То же подтвердила и специальная крестоцеловальная запись, которую сделал после своего «избрания» Василий Шуйский. «Целую крест на том, — обещал он в этом документе, — что мне ни над кем не делать ничего дурного без собору».

Гражданская война. Приход к власти боярского царя не только не прекратил Смуту в Русском государстве, но, напротив, еще более усилил ее.

Убийство Лжедмитрия отнюдь не ликвидировало лозунгов о справедливости и благоденствии народа, с которыми он шел на Москву. Его появление на русском престоле как народного царя оставило глубокий след в сознании простых людей, даже невзирая на связь самозванца с поляками. Польских наемников прогнали, а образ доброго царя, защитника униженных и оскорбленных остался в народной памяти. К тому же Лжедмитрий много хорошего сделал для служилых дворян, особенно в районах юга и юго-запада России, которые активно поддерживали его. И теперь широкие народные массы, значительная часть дворян, а также соратники Лжедмитрия вовсе не желали признавать власть Василия Шуйского, не хотели отдавать завоеванного.

Уже через несколько дней в стране появился слух, что царь спасся, что он до поры до времени укрывается в надежном месте, но придет время, и он снова пойдет на Москву.

Центром антибоярских настроений стал южный город Путивль, где воеводой стал сторонник и друг Лжедмитрия князь Шаховской. В поддержку Путивля выступили Рязань, Елец и другие города. А в Польше объявился дворянин Молчанов, один из убийц Федора Годунова и близкий друг самозванца, который стал выдавать себя за спасшегося «царя Дмитрия».

Вскоре мощное восстание охватило всю южную и юго-западную часть России, где люди еще не забыли свобод, добытых вместе с «царем Дмитрием». Кроме того, за последние два года огромные массы населения — крестьяне, посадские люди, по существу, вышли из повиновения властям, почувствовали свободу и вседозволенность во всем, перестали подчиняться кому-либо, утверждали это сладкое право силой оружия. Они больше не хотели жить по указке княжеско-боярской Москвы. По существу, в 1606 г. в России началась гражданская война, когда одна часть общества — низы и средние слои (дворянство и посадские люди) — выступила против другой. Смыслом и целью всякой гражданской войны является захват власти. Так произошло и в России начала XVII в. Страна раскололась на части. Появилось два центра борьбы — Путивль и Москва. Во многих уездах России появилось свое управление, выбранное местным населением. Государственная система управления начала разваливаться.

К русскому населению в Среднем Поволжье, по рекам Оке и Клязьме, примкнули местные нерусские народы — марийцы, мордва, чуваша, татары. Некоторые из них лишь недавно вошли в состав России и уже испытали на своих плечах не только надвигающийся феодальный гнет огромной державы, но и национальное угнетение — нажим со стороны православного духовенства, захват русскими вотчинниками, помещиками, монастырями своих исконных земель.

К осени под городом Ельцом сформировалась большая повстанческая армия, на сторону которой перешли и ратные люди, посланные сюда Шуйским. Во главе этой армии, состоящей в основном из дворян южных уездов России, встали дворяне Истома Пашков, Прокопий Ляпунов и Григорий Сунбулов.

В Путивле формируется другая армия. В нее в основном вошли казаки, беглые холопы, крестьяне — все те, кто участвовал в первом походе Лжедмитрия на Москву. Но, как и в первом походе, здесь была представлена и высшая знать, и дворяне, служившие ранее Лжедмитрию и порвавшие с Шуйским. Возглавил же эту армию не боярин, не дворянин, а простой бывалый человек, опытный воин Иван Болотников.

Прежде он являлся боевым слугой князя Телетевского. Потом бежал на юг к казакам, сражался с крымскими татарами, попал в плен. Оттуда Болотникова продали в Турцию, и некоторое время он был подневольным гребцом на галерах. Во время морского сражения его освободили итальянцы — так Болотников оказался в Европе. Побывал в Венеции, а потом через Германию и Польшу направился домой. В Польше узнал о событиях в России и сразу же встал на сторону «истинного царя Дмитрия». Но, увы, самозванец был уже мертв. Однако слух о его чудесном спасении катился по всему югу России, достиг он и польской границы. Именно здесь Болотников встретился с Молчановым, который выдавал себя за спасшегося ца-

ря, и тот дал ему письмо в Путивль. Там князь Дмитрий Шаховской назначил Болотникова командиром большого повстанческого отряда, который скоро вырос в настоящую армию. Болотников всюду называл себя воеводой царя Дмитрия Ивановича.

От Путивля армия Болотникова двинулась на Москву. По пути повстанческий воевода одержал ряд блестящих побед над царскими войсками. Современники восхищались его полководческим дарованием.

Вскоре Болотников был уже под Москвой. Сюда же подошли и дворянские отряды из-под Ельца, разметавшие по пути высланные против них царские войска. Здесь обе рати объединились, но между народной ратью и народным вождем Иваном Болотниковым и дворянскими отрядами и их предводителями не было согласия. Их объединял лишь лозунг «царя Дмитрия». А дальше отдельные слои этого движения мечтали о своем. И конечно, их интересы расходились. Бояре и князья стремились вернуть себе «имения» и привилегии, полученные от самозванца, дворяне жаждали новых поместных земель и увеличения жалованья, крестьяне и холопы хотели воли, посадский люд — облегчения от повинностей и налогов.

Во время пути на Москву казацко-крестьянско-холопье войско громило не только рати боярского царя, уничтожало верных Шуйскому бояр и дворян, но и захватывало их имущество, освобождало людей от крепостной и холопской неволи. Дворянские же воеводы, как правило, отпускали пленных врагов, миловали захваченных царских воевод и с опаской наблюдали за расправами, которые устраивали над феодалами люди Болотникова.

В октябре 1606 г. объединенная рать расположилась рядом с Москвой, в селе Коломенском. Но Пашков и Ляпунов не хотели подчиняться «холопу» Болотникову и держали свои отряды особняком. Началась осада Москвы. Простой народ столицы готов был поддержать Болотникова, но богатые посадские люди опасались расправ. Они требовали показать им «царя», но его в лагере повстанцев не было, и это ослабляло их позиции.

В этот решающий для боярско-дворянской России час правительство Шуйского мобилизовало все силы; из многих северных городов к Москве подходят стрелецкие полки. Но исход дела решило не военное противодействие, а измена дворян. Они вступили с Шуйским в тайные переговоры. Во время битвы за Москву 2 декабря сначала на сторону царя перешли рязанские дворяне во главе с Ляпуновым, а потом отряды Пашкова. Фронт был открыт, и царские войска начали теснить повстанцев. Многие из них погибли на поле боя, других пленили и казнили здесь же на месте. Болотников отступил, огородился лагерем и три дня еще держался в осаде, пока царская артиллерия не зажгла его укрепления. Но потом он вынужден был уйти в Калугу. Часть его войска бежала в Тулу.

Однако борьба на этом не закончилась.

Со всех сторон и к повстанцам подходят новые силы. В Туле с отрядом в несколько тысяч казаков, холопов, крестьян появился еще один самозванец, назвавшийся Петром, сыном царя Федора Иоанновича. Самозванчество становится тогдашней модой. Простой народ выдумывал себе героев и с упоением шел за ними, порой на верную гибель.

Петр объединяет свои силы с Болотниковым, и вместе они одерживают ряд побед под Тулой и Калугой. При этом Петр и его соратники отличаются особой жестокостью по отношению к пленным воинам царя и богатым людям. Но инициатива начинает постепенно переходить к правительственным войскам. Тем более что царь Дмитрий так и не появляется. А это сеет смятение и неуверенность в лагере повстанцев.

В мае 1607 г. повстанческое войско все же нанесло армии Шуйского поражение неподалеку от Тулы. Причем командовал повстанцами князь Телетевский, сподвижник Лжедмитрия, враг Шуйского и бывший хозяин Болотникова, а довершил разгром царского войска подошедший на помощь сам Болотников. Но князь не захотел объединять свои силы с бывшим слугой. Победители промедлили и не развили успех. Момент был упущен. Каждый из них самостоятельно вернулся в Тулу.

Там и окружила повстанцев 100-тысячная армия Шуйского. Царь сам прибыл под Тулу для руководства осадой. Незадолго до этого он издал ряд указов, которые, с одной стороны, содействовали расколу среди повстанцев, особенно между холопами и крестьянами, а с другой — привлекли на его сторону дворян. Он приказал давать свободу холопам, которые покинут лагерь повстанцев, и запретил превращать свободных людей в холопов без их согласия. В то же время правительство продлило срок сыска беглых крестьян с 5 до 15 лет. Крепостной режим ужесточался, что было на руку дворянам.

Четыре месяца обороняли повстанцы каменный кремль Тулы. Совершали вылазки, наносили правительственным войскам большой урон. Наконец царские воеводы пошли на жестокий шаг: плотиной они перекрыли местную реку Упу, вода хлынула в город и затопила запасы продовольствия и пороха. В городе начался голод. Повстанцы зароптали, и тогда их вожди пошли на переговоры с Шуйским. За сдачу города царь обещал им жизнь, рядовых же воинов поклялся отпустить на свободу. Ворота города открылись. Болотников подошел к шатру царя, и, как подобает воеводе, положил к его ногам свою саблю. Это был рыцарский жест народного вождя.

Но царь не ответил на это благородство. И Болотников, и Лжепетр были схвачены. Лжепетра вскоре повесили на дороге, а Болотникова отослали на север. Шуйский опасался открыто нарушить данное ему обещание. Но через полгода содержания под стражей, когда повстанческие страсти поутихли, Болотникова ослепили, а потом утопили в проруби.

Но борьба повстанцев с правительством продолжалась еще долго. Не сразу успокоились российские города и села.

Но эта победа досталась России дорогой ценой. Страна разваливалась, в ее дела стали вмешиваться соседи. Дворянство, поддерживавшее Шуйского в критический момент борьбы с Болотниковым, мечтало о сокрушении власти княжеско-боярской аристократии. Вся борьба была еще впереди.

Это вскоре подтвердило и появление на западных границах России летом 1607 г. нового самозванца. По всем данным, это был бродячий учитель. Он внешне был похож на Лжедмитрия I, и польские шляхтичи вместе с Молчановым уговорили его взять на себя имя царя Дмитрия.

На этот раз польский король принял еще более деятельное участие в очередной аванюре. В первый раз он не мешал магнатам снарядить

и вооружить самозванца. Сейчас же поощрял шляхтичей поддержать новый поход на Москву. Главной ударной силой войска Лжедмитрия II стали польские наемники во главе с видными польскими воеводами. Здесь же появились запорожские и донские казаки. Примкнула к Лжедмитрию II и часть бывших болотниковцев. К весне 1608 г. его рать насчитывала до 30 тыс. человек. Русские люди вновь мечтали обрести в лице Лжедмитрия II «добротого царя». Поэтому многие южные и западные города России присягнули самозванцу. Однако центр, север и северо-восток страны с городами Нижний Новгород, Ярославль, Кострома, Коломна, Казань, Смоленск остались верны Шуйскому.

1 мая 1608 г. рать Лжедмитрия II нанесла поражение царскому войску под городом Волховом, и вскоре самозванец был уже под Москвой. Но взять с ходу хорошо укрепленный город сил у Лжедмитрия II не хватило. Он остановился лагерем под Москвой в селе Тушино. С тех пор второй самозванец вошел в русскую историю под именем «Тушинский вор». При самозванце были созданы свои органы управления — Боярская дума, приказы. Патриархом он сделал ростовского митрополита Филарета Романова.

Так в России появились два царя, два правительства, две столицы. Смута достигла своего пика. В поисках материальных благ, в первую очередь земель, наград, привилегий, чинов, бояре и дворяне часто перебегали из Москвы в Тушино и обратно. Многие так и не определились до конца, кому же они будут, наконец, служить. Их называли за это «перелетами». Нравственность этих людей падала все ниже. Для них уже не существовало таких понятий, как честь, родина.

А к Тушину подходили все новые и новые польско-литовские отряды. Скоро тушинский стан стал напоминать военный лагерь иноземного войска. Сторонники Лжедмитрия II для укрепления его авторитета привезли в Тушино Марину Мнишек, которая была отпущена Шуйским вместе с отцом обратно в Польшу. В Тушинском лагере под нажимом поляков и за огромные деньги Марина признала в Лжедмитрии II своего убитого мужа. Она тайно обвенчалась с самозванцем. Девятнадцатилетняя авантюристка по-прежнему мечтала о русской короне.

Однако никакие меры не могли поддержать популярность Лжедмитрия II. В отличие от своего предшественника тушинский царь оказался человеком мелким и бесталанным, он не смог поддерживать в своем огромном войске дисциплину, предавался пьяным оргиям. А в это время польские отряды стали расползаться по стране, захватывать города и села, грабить людей. Особенно злодействовали поляки из отрядов под командой шляхтича Лисовского. Их в народе стали называть «лисовчики».

Но Лжедмитрий II уже был не способен обуздать своих польских друзей. Осенью поляки напали на богатый Троице-Сергиев монастырь — русскую православную святыню. Монахи и укpывшиеся за стенами монастыря посадские люди и крестьяне более года держали оборону.

С каждым днем народ все яснее понимал, что рать «добротого царя» стала превращаться в войско захватчиков Русской земли, в грабителей и убийц.

Многие русские попутчики самозванца стали покидать его, лагерь начал распадаться. Города выгоняли из своих стен представителей тушинского царя, затворяли перед его отрядами свои ворота, отказывались везти

в Тушино собранные налоги. Все чаще города Севера и Поволжья начали ссылаться между собой грамотами, в которых клялись постоять за православную веру и «польским и литовским людям не сдать».

Борьба против тушинцев приобретает характер национального патриотического сопротивления иноземным захватчикам. Так постепенно гражданская война перерастает в национально-освободительное движение, хотя по-прежнему значительная часть народа продолжает выступать и против московского правительства Шуйского.

Иностранное вмешательство в русскую Смуту. И все же у Шуйского не доставало сил покончить с Тушинским вором. Для спасения своей власти и сохранения государства московский царь заключил договор о помощи между Россией и Швецией, которая находилась в состоянии войны с Польшей.

Переговоры со шведами в Новгороде в 1608 г. возглавил племянник царя молодой талантливый полководец Михаил Васильевич Скопин-Шуйский.

Шведы обещали дать ему в помощь 5-тысячный корпус во главе с опытным военачальником Якобом Делагарди. В ответ Шуйский обещал шведам отдать город Корелу с округой и отказаться от прав на Ливонию. Шведы обязались не разорять освобождаемые русские земли и с уважением относиться к православию и храмам. Поначалу договор строго соблюдался. Весной 1609 г. союзное войско, двигаясь от Новгорода, начало успешное наступление на тушинцев. Они были выбиты из многих захваченных городов. Вскоре Скопин-Шуйский нанес поражение польским отрядам и освободил Троице-Сергиев монастырь от осады. Однако во время продвижения по Русской земле шведы, не получив от Шуйского денег на содержание войска, начали, вопреки договору, разорять и грабить русскую территорию. Теперь население вынуждено было обороняться не только от поляков, но и от шведов. Это еще более спланивало народ против иноземцев, хозяйничавших на Русской земле, вызывало патриотические настроения.

Появление шведов в России в качестве союзников осложнило отношения с Польшей. Теперь король разорвал прежний мир с Россией и начал открытые военные действия. Осенью польские войска осадили Смоленск. Если бы Смоленск пал, то дорога на Москву была бы открыта. Но город во главе с воеводой Михаилом Борисовичем Шеиным защищался отчаянно.

Теперь поляки больше не нуждались в Лжедмитрии II. Они стали откровенно пренебрегать им, оскорблять своего недавнего кумира. А с севера надвигалась объединенная русско-шведская рать. В этих условиях тушинский царь, переодевшись в крестьянскую одежду, на обычных санях тайно бежал в Калугу, где у него было немало сторонников. Скоро за ним последовала и Марина Мнишек.

Пик Смуты. Теперь в России появилось не два, а три центра власти: Москва, Тушино и Калуга. Однако русские тушинцы больше не хотели иметь ничего общего с Лжедмитрием II, который полностью был под контролем, с одной стороны, польских искателей наживы, а с другой — бывших сподвижников первого самозванца и казаков. Их лидеры, и в первую очередь князь, бояре, тушинский патриарх Филарет Романов, ищут выход

в том, чтобы противопоставить непопулярному царю Василию Шуйскому какую-либо другую фигуру, которая могла бы вновь объединить страну. Так появляется идея о приглашении на русский трон сына польского короля юного Владислава.

Возникновение такого предложения, направленного тушинцами под Смоленск польскому королю, стало продолжением старой боярской линии еще со времен Годунова на то, чтобы ограничить в стране самодержавную власть монарха и по существу передать власть Боярской думе. Но опасность для России этого предложения состояла в том, что за спиной королевича Владислава стоял его отец Сигизмунд III, который поставил себе целью завоевание России. Поэтому тушинцы, зная это, в проекте соглашения ограничили власть Владислава целым рядом условий, которые бы исключали давление на Россию со стороны Польши. И одним из таких условий стало обращение Владислава из католичества в православие, обещание во всех делах советоваться с боярами и сохранять «старину», т. е. прежние порядки и традиции.

А в это время к Москве двигалось войско Скопина-Шуйского совместно со шведами. Польские отряды были в нескольких боях разбиты, и вскоре Скопин-Шуйский вступил в Москву. За всю свою военную карьеру он не проиграл ни одного сражения. Его, двадцатичетырехлетнего воеводу, встречали толпы людей. Торжества сменяли одно другое. Популярность молодого полководца росла день ото дня. О нем уже заговорили как о будущем царе после бездетного и старого Шуйского. Это приводило всю семью Шуйских в ярость.

Неожиданно во время одного из пиров Скопин-Шуйский занемог и через несколько дней скончался. Молва приписала царю и его родственникам отравление народного любимца. Теперь непопулярность царя еще более возросла. Кроме того, становилось ясно, что московское правительство не только не способно было принести успокоение стране, но и втянуло в русскую Смуту шведов, а также оказалось в состоянии войны с Польшей.

Окончательно правительство Шуйского дискредитировало себя после того, как брат царя Дмитрий Шуйский, отправленный на выручку Смоленску, проиграл полякам битву под селом Клушином. После этого шведский корпус ушел на север. Москва практически лишилась защиты. В это время Лжедмитрий II снова вышел из Калуги, подчинил себе многие южные города.

Лжедмитрий II встал около села Коломенского, где когда-то раскинул свой лагерь Болотников. Теперь Москва снова оказалась в осаде. В этот критический момент московское боярство совместно с тушинскими боярами организовало заговор против Шуйского. В него были вовлечены посадские люди, стрельцы. 17 июля 1610 г. Шуйский был схвачен и лишен престола. Тут же его насильно постригли. Позднее он вместе с братьями был выдан полякам и погиб в плену через два года.

Во главе переворота стояли видные московские бояре Ф. И. Мстиславский, В. В. Голицын и другие члены Боярской думы, которых было семь человек. Поэтому новое правительство было в народе названо Семибоярщина.

Чего же добивалась Семибоярщина? Прежде всего передачи власти в стране Боярской думе, коллективному аристократическому органу.

Итак, вновь боярство претендовало на то, чтобы, как и в Польше и Швеции, как было прежде на Руси в Новгороде, осуществлять руководство в стране и не допустить больше самодержавного деспотизма. Если бы Россия пошла по этому пути, то, вероятно, более в российской истории не было бы самодержавной деспотичной власти монарха, которая уже принесла стране столько горя, унижения человеческой личности, задавила все признаки свободы. В тех условиях это был несомненный шаг вперед по пути цивилизованного развития страны, хотя само боярство и отличалось эгоизмом и корыстолюбием.

Во-вторых, Семибоярщина, выступив против самозванца, стремилась восстановить порядок в стране, расшатанный восстаниями низов, — эти восстания зачастую сопровождались откровенными грабежами и вседозволенностью.

В-третьих, московское боярство стремилось покончить с войной против Польши. Московские бояре вместе с тушинцами вновь предложили русский престол королевичу Владиславу при условии, что он перейдет в православие, женится на православной, очистит Русскую землю от польских отрядов. Король должен будет уйти от Смоленска. Этим предложением бояре прекращали в своей среде борьбу за престол, получали зависимость от себя царя, устанавливали с Польшей мирные и союзные отношения. Патриарх Гермоген поддержал эти предложения.

Переговоры по этому поводу начались с гетманом Станиславом Жолкевским, чье войско из-под Смоленска подошло к Москве. Одновременно Московских жителей стали приводить к присяге в пользу Владислава. А вскоре московское посольство во главе с Филаретом Романовым и князем Голицыным выехало под Смоленск к королю.

Совместными действиями войско Боярской думы и поляков отогнало от Москвы Лжедмитрия II. Он снова бежал в Калугу, а бояре разрешили польскому войску вступить в Москву. В ночь на 21 сентября 1610 г. поляки тайно заняли Кремль. Теперь Боярская дума имела надежную защиту против самозванца. Но события в Калуге сразу изменили ситуацию. Во время охоты Лжедмитрий был убит своими соратниками. Отныне вторая самозванщина закончилась, идея царя Дмитрия рухнула. Правда, оставалась еще Марина Мнишек, которая через несколько дней после гибели мужа родила сына Ивана. Теперь «воренок», как его стали называть в России, оставался единственной надеждой сторонников самозванца. Но надежда эта была слабой.

Возможно, Боярская дума все рассчитала правильно. Но карты спутал польский король. Он отказался снять осаду Смоленска, упорствовал по поводу перехода сына в православие, а потом вообще потребовал себе самому российский престол. Послов он задержал у себя, и они, по существу, превратились в заложников.

Теперь ситуация резко изменилась. Польский король продолжал вести войну с Россией. Шведы из союзников превратились во врагов, так как российское население приступило к присяге Владиславу и начало захватывать русские города на севере страны. Польский гарнизон стоял в Москве,

и Боярская дума также превратилась в польских пленников. Русская государственность оказалась на краю гибели. Казалось, уже не было сил, чтобы спасти Россию от захвата ее иноземцами.

§ 4. Спасители Отечества и путь к абсолютной монархии

В этот критический момент свое слово сказали широкие слои народа. Но не та крестьянская и холопья беднота, которая стремилась сломать сложившуюся феодальную систему, не дав взамен ничего, разрушить страну, разграбить ее, нажиться на ее горе, используя лозунг многочисленных самозванцев. Поднялись к активной патриотической деятельности средние слои России. В первую очередь зажиточное посадское население городов, купечество, ремесленники, дворянство, государственные крестьяне, казачество, оставшееся не у дел после гибели Лжедмитрия II, значительная часть бояр и князей, кто не был связан ни с одним самозванцем, ни с поляками, ни с Шуйским, ни с Семибоярщиной.

Во главе этого патриотического движения встал неслышимый старик патриарх Гермоген. Он проклял всех пособников поляков, призывал русское население не подчиняться Владиславу, поскольку поляки не выполнили ни одного из условий договора. Он ратовал за царя из числа русских боярских православных родов. Его обращения стали распространяться по всем русским городам. И сами города вновь ссылаются между собой грамотами. Из осажденного Смоленска писали в Москву, из Ярославля — в Казань, из Нижнего Новгорода — в Рязань. В этих грамотах жители городов призывали друг друга: «Стоять за православную веру и за Московское государство, королю польскому креста не целовать, не служить ему... Московское государство от польских и литовских людей очищать. И кто с ними против Московского государства станет, против всех биться неослабно».

Первой поднялась Рязань во главе с Прокопием Ляпуновым, следом встали другие города. С начала 1611 г. из городов отряды шли к Москве со всех сторон. Туда же двигались и казацкие отряды во главе с атаманом Иваном Заруцким и князем Дмитрием Трубецким, служившим некоторое время назад тушинскому самозванцу. Вместе эти силы сформировали Первое народное ополчение, целью которого стало освобождение Москвы от поляков. Во главе ополчения встал Совет всей земли, который напоминал прежние земские соборы. Возглавляли его вожди ополчения.

Но казаки имели в этом движении собственный интерес. Они призывали под свои знамена крепостных людей и обещали им свободу. Это не совпадало с интересами дворян, и чуть позже эти разногласия проявились.

Вскоре отряды ополчения подошли к Москве. Народ столицы с радостью ждал освободителей. Люди вооружались кто чем мог, готовились к схватке. Но и поляки вместе с боярами готовились к обороне. Патриарха Гермогена схватили и заточили в темницу, на хлеб и воду; у населения изымали оружие, отнимали даже топоры у плотников и ножи, чтобы люди не использовали их в бою, установили на крепостных стенах пушки. И все же окончательно запугать москвичей полякам и поддерживающим их боярам не удалось. 19 марта в столице вспыхнуло восстание. Его возглавили воеводы, тайно пробравшиеся в Москву из ополченческого лагеря. Среди них был и князь Д. М. Пожарский, организовавший сопротивление на Сretenке.

Повстанцы перегородили улицы столами, скамьями, бревнами, стреляли из-за них в поляков и немецких наемников. Пожарский отбил все атаки врагов, построил острожек невдалеке от второй черты укрепления Москвы Китай-города и оборонял его вместе с русскими пушкарями.

Тогда поляки решили задуть восстание огнем. Москву запалили с разных концов. Москвичи пытались сбить пламя, уничтожать поджигателей, но это не удавалось. Сильный ветер разметал огонь по всей Москве. Пылал центр, загорелось Замоскворечье. В дыму и огне поляки продолжали избивать москвичей, окружили и подожгли острожек Пожарского. Израненного князя соратники вынесли из боя и отправили в Троице-Сергиев монастырь. Оттуда смелого воеводу увезли в его вотчину — село Мутрево, что находилось в лесах под Нижним Новгородом.

Первое ополчение подошло к уже покоренному, задавленному, выжженному городу. Ополченцы начали сражение за овладение городом.

К началу лета из-под Смоленска пришло известие о его падении. Штурмы не давали результата, и тогда пушечными ядрами поляки пробили брешь в слабой части стены, которая была указана одним предателем. Через пролом они пошли на приступ. Защитников в городе оставалось мало. Голод, жесточайшая цинга, потери убитыми и ранеными сократили их число, и все же весь день гарнизон мужественно отстоял каждую улицу, каждый дом. Раненый воевода Шеин был захвачен в плен. Оставшиеся защитники и жители Смоленска, не желая сдаваться неприятелю, заперлись в соборе Святой Богородицы и взорвали себя. Это было 3 июля 1611 г.

После этого король направил на Москву новое войско под командованием великого гетмана литовского Ходасевича, а сам торжественно, как победитель вернулся в Краков. Одновременно, пользуясь отвлечением всех русских сил на освобождение Москвы, шведы захватили Новгород и новгородские земли. Они заставили новгородскую верхушку во главе с митрополитом заключить с ними договор о поддержке в качестве будущего русского царя шведского принца.

Для руководства движением Первое ополчение выбрало правительство в составе князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, предводителя казаков Ивана Мартыновича Заруцкого и воеводы Прокопия Петровича Ляпунова. Совет всей земли принял «Приговор», который определил ближайшие задачи движения. В первую очередь в «Приговоре» шла речь об интересах бояр-вотчинников и дворян-помещиков, о жалованье дворянству. В то же время «Приговор» предлагал убрать казацкие отряды из городов России, запретить казакам грабить и убивать людей, а в случае продолжения их разбоев и грабежей «казнить смертью». Уже это, а также то, что «Приговор» запрещал казакам занимать различные должности в земском управлении, взбудоражило их. Особенную же злобу вызвал пункт о сыске и возвращении к вотчинникам и помещикам беглых крестьян — ведь многие из них были в казацком лагере.

Кроме того, обострились и личные отношения между вождями Первого ополчения. Ляпунов стремился играть в нем ведущую роль. Казаки несколько раз приглашали Ляпунова для объяснений по всем спорным вопросам. Он пришел лишь после третьего приглашения. Горячий разговор

закончился трагически. Казаки бросились на Ляпунова и зарубили его саблями.

Теперь дворяне остались без предводителя. Их стан начал распадаться.

Но у Первого ополчения еще хватило сил осенью и зимой предпринять две попытки овладения Москвой. В сентябре, узнав о наступлении корпуса Ходкевича, ополченцы начали артиллерийский обстрел города, ворвались в Китай-город, но пушечный огонь с крепостных стен остановил их. Однако теперь кольцо осады вплотную пододвинулось к Кремлю. И лишь подход польских войск к Москве спас засевших там поляков. Ополченцы вынуждены были отвлечь силы на борьбу с Ходкевичем, и кремлевский гарнизон был спасен.

Сражение между ополченцами, в первую очередь казаками Заруцкого, и корпусом Ходкевича не дало перевес ни одной из сторон. Поляки отступили. Положение осажденных становилось тяжелым. Не хватало продовольствия, боеприпасов. Но их защищали мощные кремлевские стены.

К зиме 1611 г. Первое ополчение окончательно распалось. Вождь дворянских отрядов был убит, долгая осада отняла много сил и жизней. Войско из-за осенней распутицы и наступившей зимы испытывало трудности со снабжением. Дворяне расходились по своим уездам, чтобы получить новые поместья, отведенные им в земском «Приговоре» ополчения. Так разлад в руководстве, рознь между дворянами и казаками, эгоистические дворянские интересы, усталость от безрезультатной осады погубили первую попытку спасения России.

Теперь казалось, что возврата к единому и независимому государству больше нет.

В России замирала торговля. Крупные города постоянно грабились и выжигались. Полусожженной стояла и Москва.

И все-таки идея народного сопротивления не умерла. Она поднималась из глубин народа, ее представляли люди разного общественного положения и достатка, те, кому судьба Родины была дороже личных привилегий, чинов, земель и золота.

Ведущая роль в мобилизации сил народа на борьбу с иноземными захватчиками, за возрождение российской государственности в это время принадлежала православной церкви, в первую очередь патриарху Гермогену и монахам Троице-Сергиева монастыря. Из кремлевской темницы, тайком, через верных людей Гермоген посылал грамоты, которые распространялись по всей Русской земле. «Везде говорите именем моим», — писал он, призывая встать против польских захватчиков за воссоздание государства под скипетром русского православного царя.

Новое движение за возрождение Российского государства зародилось в Нижнем Новгороде, большом торговом и ремесленном городе, занимавшем ключевые стратегические позиции в Среднем Поволжье. Здесь после получения призывов патриарха и троицких монахов осенью 1611 г. горожане стали собираться на сходки. На них все чаще раздавались призывы к спасению Русского государства и православной веры. Безусловным лидером зарождавшегося движения стал уже немолодой нижегородский посадский человек, земский староста, торговец мясом Кузьма Минич Минин-Сухорук.

Он давно уже завоевал себе в городе репутацию честного, неподкупного, справедливого человека, радителя за общее дело. Именно такие качества востребовались для сплочения народа в обстановке полного разложения правящей верхушки, анархии, самозванчества, казацких грабежей.

С паперти главного собора Нижнего Новгорода Кузьма Минин обратился к своим землякам с призывом приступить к организации нового ополчения и начать для этого сбор средств.

Призывал Минин пожертвовать на общее дело и имущество. Он первым отдал на спасение Родины свои сбережения, а также драгоценности жены. За ним последовали тысячи людей. Несли все что могли — деньги, украшения, драгоценности, женщины снимали с себя кольца, ожерелья.

Позднее этот патриотический порыв получил и организационное закрепление. Горожане постановили, чтобы каждый хозяин дал на снаряжение войска одну пятую часть своего имущества и доходов.

Этот взнос стал называться «пятой деньгой». Решение выплачивать его вслед за мирянами приняло и духовенство.

Патриотическое движение нижегородцев подхватило и население других русских городов. Крупные взносы делали богатые купцы. Со всех сторон в Нижний Новгород двигались служилые люди. Подошли отряды смоленских дворян, вновь поднялись на борьбу южные города во главе с Рязанью. Своих людей слали Вязьма, Коломна, Дорогобуж и другие города. Повсюду шел сбор средств, которые доставлялись в Нижний Новгород. Эти средства Минин предназначал на оплату формирующегося войска.

Теперь начался поиск воеводы. Свой выбор нижегородцы остановили на 33-летнем князе Дмитрие Михайловиче Пожарском. Он давно уже снискал себе славу смелого и опытного военачальника, патриота, не связанного ни с Тушинским вором, ни с казаками, ни с самозванцами. Он не присягал польскому королевичу, успешно оборонял против тушинцев город Зарайск, дрался против поляков во время Московского восстания и теперь лечился от ран в своем имении.

Пожарский согласился возглавить новую рать, но выдвинул условие, чтобы Кузьма Минин стал его первым помощником, организатором всего хозяйства и финансов армии и управления на освобождаемых территориях.

Узнав об организации ополчения, поляки, сидевшие в Москве, и их московские приспешники во главе с боярином Салтыковым обратились к арестованному патриарху Гермогену с требованием осудить начавшееся движение. Но тот ответил отказом. Более того, Гермоген проклял бояр как «окаянных изменников». Тогда гордого и нестигаемого патриота начали морить голодом. 17 февраля на 82-м году жизни Гермоген умер. Позднее православная церковь объявила его святым.

Усилия Минина и Пожарского, их помощников давали свои плоды. К зиме в Нижнем Новгороде собралась организованная сильная рать. Воины были хорошо обеспечены, обмундированы, вооружены, снабжены конями.

В марте 1612 г. ополчение выступило в поход, но не напрямую на Москву, а вверх по Волге к Ярославлю. Дело в том, что находившиеся под Москвой казаки атамана Заруцкого и боярина Трубецкого не желали уступать инициативу в борьбе с поляками новому ополчению, продолжали грабежи

и насилия на контролируемой территории, стремились расширить сферу своего влияния. Заруцкий послал казацкий отряд для овладения Ярославлем. Это грозило захватом казаками всего севера России. Ярославцы обратились к Пожарскому за помощью, и его войско очистило Ярославль от казаков. Следом на север двинулась вся ополченческая рать. Один за другим открывали Второму ополчению свои ворота города Поволжья, Севера России, Поморья. В начале апреля рать вступила в Ярославль. Жители города преподнесли руководителям ополчения богатые дары, но Минин и Пожарский отдали их в общую казну.

Начинается четырехмесячное «ярославское стояние».

Почему же так надолго задержалось ополчение в Ярославле?

Минин и Пожарский не имели права рисковать: судьба страны висела на волоске. Нужна была только победа. Кроме того, речь шла о воссоздании всей системы Российского государства. А для этого необходима всесторонняя и тщательная подготовка — военная, хозяйственная, политическая.

В Ярославле было организовано правительство «всей земли» во главе с руководителями ополчения. Появилась своя Боярская дума, приказы, которые начали повседневную работу по устройению страны. Отсюда шли грамоты по всей России с просьбой о помощи людьми и деньгами. Грамоты, наряду с руководителями ополчения, подписывали видные русские князья и бояре, не запятнавшие себя служением самозванцам и иноземцам.

Совет обращался за поддержкой не только к русским людям, но и к татарам, мордовцам, удмуртам, черемисам (марийцам), чувашам, башкирам, народам Севера и Сибири. Все они — и православные, и мусульмане, и язычники рассматривались новым правительством как опора общероссийского патриотического движения. Порядок, закон, стабильность нужны были всем.

Одновременно ярославское правительство укрепляло дворянское войско. Наделяло служилых людей поместьями, казакам, вступившим в ополчение, устанавливались хлебное и денежное жалованье.

Подтверждались старые порядки владения крестьянами и землей. «Совет всей земли» прочно стоял на прежних закрепостительных позициях, понимая, что только за счет помещичьих земель и подневольного труда крестьян можно обеспечить боеспособность создаваемой заново российской дворянской армии.

Новое правительство предприняло и ряд дипломатических шагов. Оно попыталось урегулировать отношения со Швецией, так как нельзя было двигаться на Москву, оставляя в тылу враждебное шведское войско и отделившуюся Новгородскую землю.

Руководители ополчения направили в Новгород послов и согласились поддержать кандидатуру шведского принца на русский престол, как это уже сделали новгородцы, при условии, что он примет православие. Таким образом, и Новгород и Швеция превращались из врагов в союзников. Но Минин и Пожарский понимали, что вопрос о выборе нового царя будет решаться в будущем выборными людьми всей земли, Боярской думой и Освященным собором.

Спокойные, неторопливые, уверенные действия Второго ополчения, признание его власти подавляющим числом русских городов вносили нервозность в действия руководителей Первого ополчения, остатки которого в виде казацких таборов стояли под Москвой. Заруцкий и Трубецкой на словах поддерживали Совет Второго ополчения, на деле же занимали выжидательную позицию. Почувствовав, что его положение стало шатким, Заруцкий вместе с верными казаками, Мариной Мнишек и «воренком» бежал на юг, грабя и разоряя по пути всех кого попал — помещиков, посадских людей, крестьян. Вскоре он очутился в Астрахани, пытаясь поднять народ в новый поход на Москву под знаменем царевича Ивана.

27 июля 1612 г. Второе ополчение выступило из Ярославля на Москву. Через три дня рать, пройдя Ростов и Переславль-Залесский, остановилась близ Троице-Сергиева монастыря. Здесь полки отдохнули и получили благословение церковных деятелей. Здесь же Пожарскому донесли, что под Москву спешит войско гетмана Ходкевича. Ходкевич стремился овладеть Москвой раньше, чем Пожарский подойдет к городу, затем прорваться в Кремль и спасти осажденный польский гарнизон.

Однако первыми к столице подошли передовые отряды Пожарского. Следом подошла и остальная рать. Это было 20 августа, а 21 августа с Запада подошел Ходкевич и расположился лагерем на Поклонной горе, откуда был хорошо виден Кремль. Пожарский опередил поляков всего на несколько часов. Он расставил свои полки полукругом на левом берегу Москвы-реки. Пожарский, таким образом, перекрывал с Запада все дороги к Кремлю, где у него за спиной сидел польский гарнизон. Встав на пути движения врага, руководитель Второго ополчения дал ясно понять, борьба пойдет не жизнь, а на смерть. На правом берегу, там, где нынче находится Крымский мост, неподалеку от Кремля находились остатки Первого ополчения — казацкие таборы князя Трубецкого. Они прикрывали движение на Кремль с юго-запада и продолжали блокировать польский гарнизон.

Утром 22 августа польское войско переправилось через Москву-реку и двинулось на Кремль. Пожарский встретил его около Новодевичьего монастыря. Силы сторон были примерно равны — по 10—12 тыс. человек, но поляки имели превосходство в коннице. Их тяжеловооруженные гусары слыли лучшей кавалерией в Европе. Они-то и нанесли первыми удар по левому флангу русских и потеснили ратников, отбросив их к берегу реки. Одновременно польский гарнизон в Кремле организовал вылазку и попытался ударить в спину русским. Но Пожарский заблаговременно приказал построить здесь укрепления, и прибывшие сюда вовремя отряды отбили неприятеля. Поляки понесли большой урон и укрылись снова за кремлевскими стенами.

Уже полдня шел бой, и перевес поляков становился все ощутимее. А на другом берегу реки стояли казацкие сотни Трубецкого и наблюдали, как истекающая кровью ополченческая рать Пожарского, многие воины которого впервые участвовали в большом сражении, пытаются остановить натиск закаленных в боях регулярных полков Ходкевича.

В самый тяжелый момент боя, когда казалось, что поляки уже могут праздновать победу, в бой, без приказа Трубецкого, рванулись конные сотни. Они переправились на другой берег Москвы-реки и ударили во фланг

войска Ходкевича. Вместе с ними в атаку пошли и четыре казацкие сотни во главе со своими атаманами. Идя на выручку русских полков, казаки кричали Трубецкому: «В вашей нелюбви Московскому государству и ратным людям пагуба чинится, чего ради не помогаешь погибающим».

Эта неожиданная атака внесла перелом в ход сражения. Полки Пожарского воспрянули духом. Пехота вышла из-за укрытий и двинулась вперед. Ходкевич отступил.

Ходкевич решил изменить тактику и предпринял обход позиций и Пожарского, и Трубецкого. Он передвинулся южнее к Донскому монастырю и 24 августа повел атаку на Замоскворечье, откуда был прямой выход на Кремль. Но Пожарский также перегруппировал свои силы, приблизив их к наступающему противнику. Казаки Трубецкого также прошли в Замоскворечье и встали на пути неприятеля. Ранним утром польская конница вновь ринулась на прорыв. Одновременно другая часть войска Ходкевича обрушилась на казаков. Поляки стали теснить ополченцев, но полк, которым руководил сам Пожарский, выдержал натиск и спас положение. В Замоскворечье казаки отчаянно сопротивлялись.

Считая, что Замоскворечье уже в руках, Ходкевич подтянул сюда новый огромный обоз, чтобы переправить его в Кремль. Видимо, это было ошибкой гетмана: обоз занял большое пространство, мешал маневрам польского войска.

Дело шло к вечеру. В этот момент боевую инициативу проявил Кузьма Минин. Он попросил у Пожарского несколько сотен дворянской кавалерии и, неожиданно переправившись через реку, ударил по левому флангу армии Ходкевича. Поляки смешались. Тут же пехота ополчения вышла из-за укрытия и двинулась вперед. Вдохновленные примером Минина, на врага устремились и казаки, не дожидаясь приказа своего воеводы Трубецкого. Польские полки были смяты, стан гетмана и весь обоз захвачены. Остатки своего войска Ходкевич отвел на Воробьевы горы, а через несколько дней отступил к Можайску. Теперь все свои силы и ополченцы, и казаки сосредоточили на осаде Кремля. В конце сентября обе рати и оба Совета, наконец, объединились.

Кольцо блокады вокруг Кремля сомкнулось еще теснее. В Кремле начался жесточайший голод. Польские солдаты поели всех собак и кошек, варили кожаные переплеты книг, возникли случаи людоедства. Один шляхтич убил и съел своего слугу.

Пожарский не спешил со штурмом, оберегая жизни ратников. Лишь русские пушки регулярно обстреливали польский гарнизон, нанося ему ощутимые потери. На исходе второго месяца осады Пожарский предложил полякам сдаться, но те ответили дерзким отказом.

22 октября поляки, наконец, согласились на переговоры и капитуляцию, в это же время казаки по собственной инициативе начали штурм стены Китай-города, ближней к Кремлю укрепленной линии, и захватили этот район Москвы.

Через четыре дня, 26 октября, польский гарнизон капитулировал. Вначале поляки выпустили московских бояр, которые в свое время предложили на русский трон кандидатуру Владислава. В течение нескольких месяцев

многие из них стали польскими заложниками. Следом, бросив оружие, вышли оставшиеся польские солдаты.

На следующий день, соединившись на Красной площади, полки Пожарского и казаки Трубецкого под ликующие возгласы народа вошли в Кремль. Навстречу им вынесли хранившуюся в Кремле священную для России икону Владимирской Божьей Матери, которая была с русским войском еще на Куликовском поле. Люди, опустившись на колени, рыдали. А кругом стояли разоренные дворцы, оскверненные и опустошенные храмы. России предстояло восстанавливать свою жизнь с Кремля.

Но война еще не закончилась. С Запада надвигалось войско Сигизмунда III. Но его авангарды были разбиты под Москвой. Потеряв свой гарнизон в Кремле, король отчаялся в успехе похода и повернул назад. Это уже была полная победа.

Избрание Михаила Романова на царство. Но Смута еще не была окончена. Новгород стоял за шведского принца. Заруцкий с казаками и «воренком» Иваном грозил с юга, продолжалась война с Польшей, управление страной было развалено, Совет земли Второго ополчения много сделал для организации армии, наведения порядка на освобожденных территориях. Но теперь необходимо было возрождать огромное хозяйство, управление, обороноспособность всей страны, восстанавливать международные связи. Для этого сил Совета, талантов и патриотизма Минина и Пожарского было недостаточно. Масштабы и опыт требовались совсем другие, а это означало, что приходилось заново создавать всю систему власти и в первую очередь сильную центральную власть. Приходилось возвращаться к самодержавному правлению, которое одно в тех условиях смогло бы сплотить вокруг себя все общество, успокоить страну, а затем жестоко подавить все случаи неповиновения, анархии и смуты, создать надежную систему управления.

К такому решению тянулись все слои населения, пострадавшие за время Смуты — и вотчинное боярство, и дворяне-помещики, и духовенство, и посадские люди, и крестьяне. В новом царе, выбранном всем обществом, видели спасение от всяческих бед и напастей. С ним связывали надежное и независимое будущее России.

В конце 1612 г. на Земский собор в Москву съехались выборные представители всех сословий России: бояре, дворяне, деятели церкви, посадские люди, казаки. Среди делегатов были даже черносошные и дворцовые — лично свободные крестьяне. Отсутствовали только крепостные крестьяне и холопы, принадлежавшие феодалам. Их интересы на Соборе представляли собственники земель, господа. Никогда еще в стране не было представительного органа, столь широкого состава.

Перед Собором стояла задача — выборы нового монарха России. Первое, с чем согласились члены Собора, стало решение не избирать на русский трон иноземного представителя — ни польского, ни шведского принца. Началась борьба вокруг российских кандидатур. Претендентов оказалось немало, около десяти человек. Прежде всего назывались представители старых княжеских родов — Ф. И. Мстиславский и В. В. Голицын. Но первый дискредитировал себя связью с поляками, а второй был в польском плену. Дворяне и казаки продвигали кандидатуру князя

Д. М. Трубецкого. Одним он был близок по участию в Тушинском лагере, другим по Первому ополчению. Сам Трубецкой страстно стремился быть избранным, большие деньги он потратил на подкуп членов Собора. Но боярство считало его недостаточно родовитым. Называлось и имя князя Д. М. Пожарского. Но наступили уже другие времена, и неродовитого героя Второго ополчения не поддержали.

И тут был найден компромисс. Казаки назвали имя 16-летнего Михаила Романова, который после освобождения Кремля находился в своей вотчине в Костромском уезде. Сын тушинского патриарха Филарета, он был достаточно близок казакам. За ним стоял ореол отца-мученика, который находился в польском плену. Боярство также поддержало его, так как Романовы входили в элиту русской аристократии, а Михаил приходился внуком племянником Анастасии Романовой, первой жены Ивана Грозного. Кроме того, боярская группировка не отказалась от старой идеи — поставить на русский трон зависимого от нее монарха и тем самым ограничить самодержавный деспотизм. Один из влиятельных бояр — выборщиков утверждал: «Миша Романов молод, разумом еще не дошел, и нам будет поведен».

21 февраля 1613 г. Михаил Федорович Романов был избран на царство.

Но все могло повернуться вспять. Оставшиеся на русской территории польские отряды, узнав об избрании М. Романова, попытались захватить его в родовых костромских владениях. Один из таких отрядов появился вблизи вотчины Романовых и заставил старосту ближайшей деревни Ивана Сусанина провести их в место обитания юного царя. Сусанин в зимнюю стужу завел поляков в непроходимые лесные дебри, где они и погибли. За этот подвиг он расплатился жизнью, его зарубили здесь же, в лесу. Подвиг Ивана Сусанина как бы увенчал общий патриотический порыв страны, народа. Акт избрания царя, а потом венчания его на царство сначала в Костроме, а затем в Успенском соборе Кремля положил конец Смуте, возвестил о начале возрождения страны, утверждении ее суверенитета, единства, о продолжении собственного исторического пути развития.

Смута — трагедия, очищение и возрождение России. Смута, продолжавшаяся целое десятилетие, стала, с одной стороны, трагедией России, а с другой — средством ее очищения от тех сил, которые терзали страну, довели ее до развала, национального унижения и почти до потери национальной независимости. Ее окончание одновременно положило начало возрождению страны, потому что именно в период Смуты созрели национальные, патриотические силы, на передний план российской истории вышли такие люди из всех слоев населения, которые свою личную жизнь и судьбу подчинили интересам Отечества и повели за собой наиболее жизнеспособные слои народа.

Действительно, Смута стала трагедией. В ее событиях как бы сконцентрировались все противоречия рубежа XVI—XVII вв.; острейшая социальная борьба между феодалами и закрепощаемыми слоями народа, между своевольными князьями, боярами и поднимающимся дворянством. В условиях смены династии, таинственной гибели царевича Дмитрия, вмешательства в судьбы страны Польши и Швеции все эти противоречия буквально взорвали Россию. Стремительно распалась и утрачивала ка-

кой-либо авторитет центральная власть, разваливалась армия, расколотая на части враждующими феодальными и правительственными группировками. В стране запылала гражданская война. Она унесла огромное количество жизней и разорила Россию. Противоборствующие стороны все свои вопросы стремились решить насильем, не думая о Родине и ее будущем.

Действительно, Смута стала очищением. В ходе повсеместной и ожесточенной борьбы выявлялись честолюбцы и авантюристы, люди, ищущие в Смуте свои личные выгоды. Таких людей было достаточно в различных слоях общества — и среди князей и бояр, и среди дворянства и казачества, и среди посадских людей и крестьянства. Такие люди находились даже среди священнослужителей. Смутное время как бы проверило людей на нравственность.

Но Россия оказалась достаточно жизнеспособной, чтобы нейтрализовать роковые для страны усилия таких людей. Долгая и славная история страны, патриотические традиции привели к тому, что основная часть ее жителей, представляющих и русский народ, и другие народы России, нашла в себе силы, желание, самоотверженную устремленность к тому, чтобы остановить хаос, положить предел разграблению Родины, нейтрализовать авантюристов и насильников, какие бы социальные слои они ни представляли.

В ходе этого поистине национально-спасительного движения происходило не только очищение территории страны от польских отрядов, от разного рода «лихих» людей, изменников и предателей своего народа, не только борьба за Москву и ее последующее освобождение, но и очищение нравственное. В ходе Смуты, особенно на ее заключительном этапе, как никогда высоко поднялись идеи национальной независимости и суверенитета, единства страны, сплочения народа перед лицом больших бед и опасностей.

Действительно, борьба народа со Смутой положила начало возрождению страны, ее стабилизации. Смута закончилась возрождением российской национальной государственности, утверждением на русском троне национальной династии, созданием аппарата управления, боеспособной армии, успехами в отражении внешней агрессии.

Вместе с тем это было возрождение самодержавной власти российских монархов, тяжелых для народа феодальных порядков. Жизнь в России складывалась так, что только мощная центральная власть способна была остановить Смуту и содействовать возрождению страны. Иные силы оказались на это не способны. Тем самым Россия упустила свой исторический шанс пойти по иному пути развития.

ГЛАВА 8. РОССИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

§ 1. Умиротворение страны и возрождение самодержавия

Михаил Романов был молод и неопытен. Про него говорили, что он был «благочестив [доверчив] зело кроток же и милостив». С такими чертами характера трудно было претендовать на ведущую роль в новой России, которая требовала твердой руки и решительности. Но Михаил и не стремился к этому. Дело было не в личности, а в потребности сильной власти в стране. Минин и Пожарский, возглавив мощное патриотическое движение и объединив широкие слои народа вокруг идеи спасения Родины, своей победой проложили дорогу возрождению российского самодержавия. Именно эта форма власти в это время, как показала история Смуты, оказалась единственно спасительной для России. Все попытки найти иной способ управления страной во время Смуты, оказались негодными, и теперь Россия надолго притормаживала продвижение по пути свободы личности, прав человека, развития представительных учреждений, средневековой демократии. Ради спасения Родины все это отодвигалось в России, увы, на далекое будущее. Расчеты бояр на то, что юным царем легко будет управлять, не оправдались. Вокруг Михаила сразу же сплотилась сильная группа сторонников — видных князей, бояр, дьяков, дворян. Среди них — известные в стране опытные государственные люди и новые выдвиженцы, близкие к семейству Романовых, их родственники. Образовалась новая мощная правящая группа, которая прочно взяла власть в свои руки.

Позднее из плена вернулся отец царя патриарх Филарет, который, по существу, стал соправителем сына. Опытный, умный, с сильным характером, 64-летний патриарх, человек, проживший большую часть жизни при прежних самодержцах, сосредоточил в своих руках огромную и духовную и светскую власть. Были воссозданы старые приказы, образованы новые. Во главе их встали оставшиеся в живых опытные управленцы — бояре и дьяки. Свое место в этой новой системе власти нашли Минин и Пожарский. Воевода получил чин боярина и долгое время после этого занимал важные места в правительстве и армии. Минин стал думным дворянином. Но прежнего влияния в стране они уже не имели. Новые люди заслонили их.

С первых же дней монархия первого Романова стала формироваться как самодержавная власть по примеру предшественников в XVI в.

Уже в дни его продвижения из Костромы в Москву бояре в своих грамотах к нему именovali себя царскими «холопами», исполнителями царской воли, а юный царь требовал от всех неукоснительного повиновения. В то же время повсюду он представлял себя защитником всего народа, всех «сырых и убогих», всех обиженных в период Смуты людей, гарантом справедливости и порядка.

Так проходило единение народа вокруг новой власти.

Правительство нового царя проводило осторожную и мудрую политику умиротворения страны, сплочения всех сословий. Никому из бояр, дья-

ков, дворян не мстили, не было ни одной опалы. Все сохранили свои былые позиции, земли, чины, несмотря на свои связи кто с Тушинским воеводой, кто с поляками; многие были «пожалованы» землями, новыми чинами. Это сразу создало обстановку сплочения и единства, потому что «грехов» многие имели предостаточно.

Чувствуя еще слабость своей власти, правительство Михаила, особенно в первые послесмутные годы, опиралось на Боярскую думу и Земские соборы. Этот выборный орган собирался довольно часто для решения важных государственных дел — установления новых налогов, вопросов внешней политики. Такой постоянный совет с «землей» укреплял авторитет новой власти, позволял ей действовать все решительнее и жестче во всех делах управления.

Однако практика обращения к выборному органу не стала постоянной. Напротив, по мере укрепления власти нового царя, особенно после появления в Москве патриарха Филарета, Земские соборы стали собираться все реже, а во второй половине XVII в. вообще исчезли из российской государственной системы. «Земля» стала все больше и больше подчиняться самодержцу.

Все больше попадала под влияние царя и Боярская дума. Бояре скоро стали исполнителями воли самодержца, его различных поручений в приказах, различных комиссиях, в командовании войсками. Увеличилось количество приказов.

Постоянно их было 25. Но порой, когда требовалось решить какой-то важный государственный вопрос, их число достигало и 40.

Была изменена и система местного управления. Вместо старых полунезависимых наместников правительство стало назначать в города и уезды на один-два года воевод, которые управляли при помощи приказных изб, а также местных выборных старост. Сделано это с целью усиления центральной власти на местах и искоренения злоупотреблений и взяточничества.

Для восполнения оскудевшей казны правительство ввело ряд новых налогов, обратилось к богатым купцам с просьбой дать деньги взаймы, а к духовенству — уговаривать население жертвовать продовольствие на содержание армии.

Так российское государство, монархическая власть благодаря поддержке всех слоев народа в тяжелое для страны время из Смуты вышли более сильными, чем были прежде. И скоро народ ощутил на себе всю давящую силу этого укрепившегося государства.

Конечно, первой заботой нового правительства стало умиротворение страны. Трудно было говорить о стабилизации жизни, когда по всей России бродили никому не подчинявшиеся казацкие отряды, шайки разбойников, польские отряды. Известный авантюрист Лисовский воевал в центральных уездах страны, и Пожарскому поручили уничтожить старого врага. Только в 1615 г. он нанес шляхтичу ряд поражений, загнал его на юг, где тот и погиб. От Рязани на Москву двинулся Заруцкий. Он попытался в 1612—1613 гг. повторить путь самозванцев. Его знаменем был сын Марины Мнишек Иван. Однако царские воеводы оттеснили его на юг и под Во-

ронежем разбили. Он укрылся в Астрахани. Но казаки покидали атамана, дворяне и посадские люди отказали в поддержке. Из Астрахани Заруцкий бежал на реку Яик (Урал), там в 1614 г. его настиг царский отряд. Заруцкий, Марина Мнишек и трехлетний Иван были схвачены. Вскоре Заруцкого и Ивана казнили прилюдно на окраине Москвы. Заруцкого после жесточайших пыток посадили на кол, а Ивана повесили. Марина Мнишек была посажена в темницу, где она умерла на следующий год.

Таким образом, юг страны был замирен. Но на севере продолжались волнения. Там, в лесных районах Вологодского, Белозерского и Каргопольского уездов, страх на население наводил атаман Баловень со своими отрядами, которые достигали 5 тыс. человек. Казаки грабили города, разоряли и выжигали села и деревни. С казаками начали переговоры, посылали к ним духовенство с уговорами «отстать от воровства». За переход на службу к царю им обещали помилование и хорошее вознаграждение. Часть казаков ушла от атамана. Но остальные двинулись на Москву, и лишь на самых подступах к столице их разбили царские войска. Баловень с группой соратников был схвачен и тут же повешен. Рядовых же казаков простили и зачислили на службу. Так кнутом и пряником правительство Михаила Романова подавляло один очаг казачьей вольницы за другим.

Продолжали бунтовать и некоторые города Поволжья, шла борьба бедноты против «лучших» людей в Астрахани и Пскове. Не перевелись в России и самозванцы, появляясь в разных местах страны. Социальный протест нередко соседствовал с откровенным разбоем, казацкие насилие с протестом против возвращения крестьян и холопов к своим владельцам. Постепенно — где уговорами, где силой, репрессиями, расправами правительство гасило эти вспышки насилия, разгула страстей, оставшихся тяжелым наследием от Смутного времени. Лишь к началу 20-х гг. положение в стране стабилизировалось.

Войны с Польшей и Швецией. Постоянному внутреннему напряжению в стране во многом способствовала и продолжающаяся война между Польшей и Россией. Сигизмунд III не признал выборов царя в Москве и по-прежнему считал Владислава законным московским государем.

В 1613 г. русские полки двинулись на запад. Воеводам удалось отбить для России ряд захваченных поляками городов и подойти к Смоленску. Но на большее разоренной стране не хватило сил. Начались длительные переговоры.

Одновременно было послано войско и на Новгород. Но по пути воеводы потерпели поражение. Шведы захватили дополнительно еще ряд русских городов и осадили Псков. Однако город, благодаря мощным крепостным стенам, отчаянно защищался. Положение шведов на захваченных землях было ненадежным из-за враждебного отношения населения. Планы создать на севере России зависимое от Швеции Новгородское государство становились все более зыбкими.

В это время русское правительство развернуло мощное дипломатическое наступление на своих соперников. В дружественные страны — в Германскую империю, Англию, Голландию, Францию были отправлены посольства. И результаты быстро дали себя знать. Германский император вы-

звался посредничать в мирных переговорах между Россией и Польшей, а английский король — между Швецией и Россией.

Однако Польша упорствовала. Король не хотел возвращать Смоленск и награбленные в России сокровища, как того требовали русские. Переговоры зашли в тупик. Пользуясь их срывом, король весной 1617 г. двинул армию в Россию. Возглавлял ее подросший Владислав, который все еще считал себя претендентом на русский трон.

Поляки вновь захватили отбитые русскими города. К ним перешли некоторые воеводы. Другие, сдав крепости, бежали в Москву. Все это показало, что установившийся государственный порядок в России был еще шатким.

На помощь Владиславу шел с украинскими казаками гетман Петр Сагайдачный. Так при первых неудачах дело, за которое тысячи русских людей сложили свои головы, могло пойти прахом.

В этих условиях правительство действовало быстро и жестко. Тихий и мягкий Михаил приказал высечь бежавших воевод кнутом и сослать в Сибирь. Навстречу Владиславу выступило новое войско. Польский авангард был разгромлен на подступах к Москве.

В то же время Д. М. Пожарский нанес поражение польским отрядам под Калугой. И все же над Москвой нависла серьезная опасность. В конце сентября войско Владислава осадило русскую столицу.

Мужественная оборона Москвы сорвала все планы Владислава, и поляки пошли на мирные переговоры. В декабре 1618 г. в селе Деулино неподалеку от Троице-Сергиевского монастыря было подписано перемирие на 14,5 лет. По договору в Россию возвращались все пленные во главе с патриархом Филаретом, поляки уступали города, ближние к Москве, но сохраняли за собой Смоленск. Владислав не отказывался от прав на русский престол. Вся борьба с Польшей была еще впереди.

Несколько ранее, в феврале 1617 г., в деревне Столбово был подписан так называемый Столбовский мир со Швецией. Шведский король, в отличие от поляков, отказывался от претензий на русский трон, возвращал России Новгород с округой, но за Швецией оставалось Балтийское побережье с городами Ям, Копорье, Орешек, Ивангород — старинные русские города. Выход на Балтику вновь для страны оказался потерянным. По существу, и на западной границе, и в Прибалтике соседи силой вернули Россию к границам времен Ивана III (конец XV в.). Столетие борьбы, побед, поражений, колоссальных народных жертв оказалось напрасным. Все это тоже стало результатом Смуты.

§ 2. Налаживание мирной жизни

Одной из главных задач правительства Михаила Романова стала ликвидация разрухи в стране. Смута нанесла России невосполнимый урон. Она отбросила ее на десятилетия назад. Современники, оценивая состояние страны в то время, говорили, что она была в «мерзости запустения».

В первую очередь запустение охватило сельское хозяйство. Лежали заброшенными крестьянские пашни. Их некому было обрабатывать, так как крестьяне бежали в разные края из разоренных, ограбленных сел и дере-

вень. Многие посе́вы были вытоптаны проходившими войсками, амбары опустошены. «Храмы стояли без пения», потому что многие церкви также были разграблены как поляками, так и своими «лихими людьми», священники попрятались по городам и монастырям. Пошатнулись вотчинные и монастырские хозяйства. Там, где уменьшалось число крестьян-работников, — там сокращались и феодальные хозяйства. Пришли в упадок и более слабые помещичьи хозяйства; уход от помещика даже небольшого количества крестьян наносил хозяйству непоправимый вред — сокращались платежи, некому было обрабатывать помещичью землю. Понятно, что это ослабляло российскую армию, и во время Смуты потребовались большие усилия, поиск дополнительных средств на жалованье служилым людям, чтобы поддержать армию.

В запустение пришли и многие города. Особенно те, которые оказались в зоне военных действий. В основном это были центральные, южные, юго-западные города — Рязань, Калуга, Тула, Орел, Коломна, Можайск и др.

За время Смуты оказались нарушенными и международные дипломатические и торговые связи России. На западной границе шли бои. Север был оторван от центра шведами. Иностранные суда перестали приходить в русские порты.

Едва ли не самым тяжелым последствием Смуты стал нравственный упадок народа, буквально всех его слоев снизу доверху. Люди перестали думать и заботиться о судьбах страны, патриотизм и гордость за свою Родину уступили место эгоизму, стремлению спасти лишь себя и свою семью. Немало нашлось и таких, кто в это горькое для страны время пытался нажиться, обогатиться любыми путями за счет других, в том числе путем грабежей и насилий. Население перестало верить быстро меняющейся власти, прекратило соблюдать законы. Повсюду воцарились анархия, своеволие, цинизм. Народное движение под руководством Минина и Пожарского привело к возрождению патриотических чувств, к очищению человеческих душ от скверны, неверия, эгоизма, жестокости. Но следы разложения нравов долго еще давали о себе знать.

Теперь, воссоздав центральную и местную власть, правительство Михаила Романова приступило к ликвидации последствий Смуты и принялось за восстановление страны.

Главное заключалось в том, чтобы создать условия различным слоям народа для возвращения к мирной созидательной жизни, к труду с пользой для себя и для общества.

В 1619 г. царь созвал очередной Земский собор. Его целью стала выработка ряда мер по возрождению страны. Михаил специально обратился по этому поводу к людям «всей земли». Правительство хотело выслушать представителей всех слоев населения, узнать об их обидах, жалобах, выявить насилия и несправедливости со стороны местных властей, узнать пожелания, представить себе общую картину состояния страны.

И люди откровенно говорили о наболевшем.

По итогам заседаний Земского собора правительство прежде всего облегчило налоговое бремя населения. Чрезвычайные налоги военного вре-

мени были отменены: было решено ввести новое налогообложение, которое правильно бы учитывало доходы населения. Разоренным уездам предоставляли льготы, послабления в уплате налогов. Там же, где ситуация была лучше, там и налоги были выше и льгот поменьше.

Собор также постановил возвратить в государственное тягло, т. е. в число налогоплательщиков, всех горожан, которые, испытывая нужду и трудности военного времени, переселились с посадов в пригородные, так называемые белые слободы, принадлежащие крупным влиятельным феодалам и свободные от уплаты налогов. Это увеличило приток налоговых средств и восстановило известную справедливость в городах. Теперь все посадские люди платили со своих доходов сколько положено. Одновременно им четко определили и другие их повинности в отношении государства. Посад, таким образом, обязан был своими руками поднимать, восстанавливать русские города.

Был издан новый закон, по которому все земли, незаконно захваченные в Смуту, отбирались. Обеспечение земельными наделами помещиков стало проводиться строго в соответствии с их службой.

Правительство стремилось успокоить и казаков. На их прошлые грехи оно решило закрыть глаза. И те, кто решил честно служить стране, стали получать земельные наделы или денежное жалованье.

Были проведены и другие реформы. Их целью стало укрепление порядка и дисциплины в стране, изживание человеческой распушенности и вседозволенности времен Смуты. Так, дворянам и боярам запрещалось «пустошить» свои хозяйства. У нерадивых хозяев отбирались земли. Вышел указ о наказании за бесчестье. Теперь, как в Смутные времена, нельзя было безнаказанно «безчестить» людей, оскорблять их, за это полагался большой денежный штраф.

Началась решительная борьба с пьянством, которое в период Смуты приобрело фантастические размеры. Новые указы запрещали в крупных городах и на гостиных дворах открывать питейные заведения. Современники вспоминали, что во время Михаила в России утвердилась «великая трезвость».

Поскольку курение часто становилось причиной пожаров, запретили и его.

Одновременно правительство пошло на такую жесткую меру, как восстановление срока сыска беглых крестьян и запрет их перехода от одного владельца к другому. Сначала этот срок был 5 лет, потом 9, а потом 15. В середине 30-х гг. был объявлен и розыск бежавших из городов посадских людей. В этом смысле всякие вольности и послабления Смутного времени были твердо пресечены. Правительство видело путь к возрождению страны не только в установлении общего порядка, в облегчении участи налогоплательщиков, но также в обеспечении помещиков, вотчинников, монастырских, других церковных хозяйств рабочими крестьянскими руками, а государство — налогоплательщиками как в городе, так и в сельской местности. Закрепощение народа стало одной из тех тяжелых жертв, которую Россия заплатила как за свое восстановление из пепла, так и за свою вековую отсталость.

Создание в стране мирной спокойной обстановки, установление порядка и закона, пусть и сурового и тяжелого прежде всего для простого народа, постепенно стало приносить свои плоды. Именно простые люди — крестьяне, ремесленники, торговцы своими руками, упорным и тяжким трудом начали возрождать страну. Но не надо забывать и о роли государства, создавшего для этого труда необходимые условия.

Бояре, помещики, монастыри, крупные предприниматели, заводчики также выступали организаторами этого процесса. Они обладали деньгами, тяглым скотом, орудиями труда, семенами. Они-то и выступали зачастую инициаторами запашки заброшенных земель, освоения новых участков, зазывали на них крестьян, разных вольных людей.

Уже в 20—30-е гг. частично восстанавливается сельское хозяйство. Запахиваются прежде заброшенные земли — «пустоши» в центральных уездах страны, особенно вокруг Москвы. Осваиваются и новые земли, так называемые росчисты. Трехпольный оборот земель с унавоживанием почвы имеет все более широкое распространение. Медленно, но неуклонно растет урожайность.

Начинают пахать земли по берегам Волги и в южных черноземных районах. Там была построена мощная линия обороны против набегов крымских татар, — так называемая Белгородская засечная черта, и под ее защитой хозяйственные люди потянулись сюда на плодородные земли.

Учитывая это начавшееся развитие сельского хозяйства, ремесленники стали выделять все больше орудий труда, вывозить их на рынок. Вокруг городов, в пригородных слободах, да и в самих городах некоторые жители начали усердно развивать огородничество, садоводство. Пример подавал сам царь, страстный любитель садоводства, чьи сады вызывали восхищение народа.

Быстрыми темпами развивалось скотоводство. Особенно на богатых заливных лугах севера, в поймах рек Оки, Клязьмы, Верхней Волги, Суры. Увеличивалось поголовье крупного рогатого скота, знаменитых романовских овец, славящихся своей шерстью.

Именно в первой половине XVII в. появилась известная своими высокими надоями порода северных холмогорских коров.

Тысячами исчислялось количество лошадей, без которых трудно было себе представить тогдашнее сельское хозяйство. Лошади были разных пород — ногайские, башкирские, черкесские, аргамаки, русские тяжелые кони.

Подъем сельского хозяйства невозможно представить себе без развития сельских промыслов. Для каждой крестьянской семьи они были дополнительным средством существования. Это, как и прежде, — охота, рыбная ловля, бортничество. В соответствии с новыми запросами и новыми территориями промыслы порой превращались в государственные предприятия.

Пушной промысел, особенно за счет сибирской пушнины, приносил казне большие доходы.

Рыбная ловля также приобрела государственные масштабы: рыбу разводили в прудах и озерах, дорогих осетров и стерлядей к царскому столу и на продажу везли из Астрахани в специальных судах с двойным, прорез-

ным дном и доставляли в Москву, Нижний Новгород и другие города в свежем виде.

Развивались и другие промыслы, как старые, традиционные, так и новые. Посадские люди, монастыри умножали соледобычу. Ширилось производство смолы, дегтя, древесного угля, поташа, а также пороха, селитры, которые шли на нужды армии.

20—30-е гг. XVII в. стали рубежом возрождения и дальнейшего развития российской промышленности. В условиях разрухи, при скудости средств даже у верхов общества только государству было под силу организовать крупное производство.

В Москве заработал Пушечный двор, где трудилось более 100 человек. Здесь изготавливали пушки, лили колокола. Оружейная палата специализировалась на производстве огнестрельного и холодного оружия. Крупным предприятием был Монетный двор. Там чеканили русские монеты. А на Хамовном дворе работало до 100 ткацких станков, которые изготавливали продукцию и для царского двора, и на продажу.

В начале 20-х гг. в Москве был восстановлен Печатный двор, где стали печататься не только богослужебные, но и светские книги. Иногда их тираж достигал 1000 экземпляров.

Новым явлением для России стало и появление первых предприятий, построенных на средства иностранцев. Это — железоделательный, кожевенный заводы, предприятие по производству стекла.

Заработали и старые русские промышленные производства в Туле, например, снова набрали мощь оружейный завод и оружейные мастерские. Расширяли свое железоделательное, соледобывающее и другие производства в Предуралье знаменитые промышленники братья Строгановы, получавшие от правительства большие льготы для освоения края.

Кто работал на этих предприятиях? Как правило, работные люди, бывшие ремесленники, мастеровые, посадские люди, многие из которых находились в прямой материальной и личной зависимости от своих господ.

Россия начинает прирастать Сибирью. Уже в первые послесмутные годы XVII в. правительство первого Романова выдвигает новые масштабные хозяйственные задачи, связанные с освоением богатств Урала и Сибири.

Михаил начал выписывать из-за границы для поиска полезных ископаемых иностранных мастеров горного дела. Они совместно с царскими чиновниками выехали в Приуралье и Сибирь, и вскоре там стали строиться первые медеплавильные, железорудные заводы. Среди них — знаменитый Нерчинский завод в Забайкалье по выплавке железа. Владельцы таких предприятий получали льготы.

В эти же годы русские люди дошли до Енисея и основали город Красноярск. Однако пока здесь жили в основном служилые казаки, но при поддержке правительства стали появляться и первые мирные поселенцы.

Что же привлекало людей сюда, на тогдашний край света? Во-первых, помощь государства. Всем желающим заняться хлебопашеством в Сибири выдавали денежные ссуды на покупку лошадей и сельскохозяйственного инвентаря, снабжали семенами. Поселенцев освобождали на первое время от всех налогов и повинностей. Во-вторых, возможность быстро обогатить-

ся за счет торговли пушниной. В-третьих, высокие оклады для служивых людей.

Продвижение России на восток вовлекало в русскую зависимость все новые и новые народы. Как строить отношение с теми, кто уже давно вошел в состав России. Как относиться к новым народам. Это — важнейшие политические вопросы. От их правильного решения зависела внутренняя крепость многонационального государства.

Русское правительство проявило здесь большую осмотрительность и осторожность. Так, крепостное состояние не распространялось на крестьян и посадских людей народов Поволжья и Сибири. В 1624 г. Михаил послал указ своим воеводам на Волгу, в котором говорилось о необходимости бережного отношения к чувашам, мордве, казанским татарам, «убытков не причинять и на дворе у себя работать не заставлять», а за взятый корм (т. е. продовольствие) платить столько, сколько он стоил. Особо указ запрещал насильно крестить здешних детей и силком увозить их из родных мест.

Подобной же государственной заботой были проникнуты указы, адресуемые в Сибирь. Царь приказывал воеводам и всем служилым людям «обид и налогов отнюдь никому не чинить», собирать с них (т. е. с местных жителей) положенные сборы «ласкою и приветом, а не жесточью [жестокостью]». Главная же цель состояла в том, чтобы Сибирская земля «пространилась, а не пустела». Это была дальновидная и спокойная политика, усмиряющая ретивых и жестоких чиновников и воевод.

Кирпичик к кирпичику. Приехав в Москву из Костромы в 1613 г., новый царь обнаружил, что жить ему негде, царский дворец разрушен. Там обвалилась кровля, выломаны полы, окна и двери. Полностью исчезло прежнее убранство. Для царя наскоро отремонтировали старые покои Ивана Грозного, где и остановился Михаил. В Кремле лежали кучи мусора, а храмы осквернены интервентами, повсюду чувствовалось запустение.

Восстанавливать страну, строить ее фактически заново правительство Михаила Романова начало с Кремля, с Москвы. Здесь развернулись первые крупные строительные работы. Кирпичик к кирпичику, бревно к бревну, постепенно, но методично происходило восстановление русской столицы, других городов страны.

В 1614 г. деревянный царский дворец был восстановлен. Царская семья помещалась скромно, в нескольких комнатках.

Пожар в мае 1626 г. снова уничтожил многие деревянные здания в Москве, в том числе и царский дворец. Однако на этот раз сил и средств было побольше. К сентябрю этого же года общими усилиями горожан, служилых людей, ремесленников, купцов, бояр кремлевские сооружения и большая часть Москвы были восстановлены. Для этого в Даниловской слободе построили кирпичный завод, поставлявший материал для всего города. Заси-ял заново позолоченными куполами главный храм России — Успенский собор, был отремонтирован Архангельский собор, расширена Оружейная палата, надстроена Спасская башня Кремля, в которую поместили часы.

В 30-е гг. поменял свой облик Китай-город. Улицы Москвы покрылись бревенчатыми мостовыми, и несколько сот извозчиков осуществляли перевозки. Специальные пожарные команды, состоящие из стражников и стрельцов, были созданы для тушения пожаров и соблюдения противопожарных мер в городе.

Ярким свидетельством хозяйственного и духовного выздоровления страны стало строительство в Москве и под Москвой десятков новых церквей.

В начале 40-х гг. Михаил приступает к созданию чуда тогдашней деревянной архитектуры — загородному дворцу в селе Коломенском, который стал любимым местом отдыха его сына Алексея Михайловича.

Уже с 30-х гг. XVII в. появляются указы царя о необходимости сооружать в городах фундаментальные каменные и кирпичные здания, лавки, жилые дома. Наряду с деревянными мостами, бревна которых были перетянуты канатами, первый каменный мост через Москва-реку соединил части города. Россия в строительном деле начинает поворачиваться к камню.

Когда предпринимались большие работы, то правительство специальными указами направляло на помощь крестьян с подводами, посадских людей. Такова была и здесь тяжелая плата за разорения Смутного времени, плата за сильную единодержавную власть.

Отношения с другими странами. Постепенно восстанавливались и международные связи России. Дружеские отношения новое правительство установило с Англией, Голландией, Швецией, Турцией, Францией, Персией, Данией. Сделать это было непросто, потому что путь за рубеж да и в Россию был небезопасен. Послы проезжали через разоренную и еще не успокоившуюся российскую территорию и по многим землям враждующих друг с другом европейских стран. Многие ближние и дальние соседи признали законность избрания Михаила на трон, обещали помощь в противоборстве с Польшей. Используя эти внешнеполитические контакты, правительство стремилось восстановить внешнюю торговлю. Были даны льготы английским и голландским купцам, и иностранные суда вновь появились на рейде Архангельска. В то же время Михаил стремился обеспечить интересы русских купцов. Он отказал английским и французским купцам в свободном и беспошлинном проезде в Персию. Ведь туда постоянно шли русские торговые караваны. Восточная торговля обогащала русское купечество, заполняла русские рынки необходимыми товарами.

Но расширяющиеся дипломатические контакты с западными странами не сделали Россию страной, открытой западному миру. Слишком большие несчастья принесли русскому народу иностранные интервенты, особенно поляки-католики. Русское православное духовенство подозрительно относилось ко всему западному, «латинскому», тщательно оберегало русских людей от западной «скверны». В особенности настороженность окрепла после английской буржуазной революции, когда в России в различных слоях русского общества стало известно о казни в Англии в 1649 г.

короля Карла I, которого в царских грамотах к нему и Михаил и его сын Алексей Михайлович именовали «братом».

§ 3. От обороны к наступлению

Когда закончилось восстановление Кремля, близ Спасских ворот на большом помосте поставили две громадные пушки. Их жерла были направлены в сторону Крыма, откуда русские люди постоянно ждали неожиданных и губительных набегов ханской конницы. Эти пушки как бы символизировали решимость Русского государства защитить свои границы от внешних врагов, отстоять независимость и свободу страны, которая была добыта с таким трудом.

Сын польского короля Владислав не отказался от претензий на русский престол, и на западной границе было лишь временное перемирие. Крымский хан грозил постоянными набегам. В нижнем Поволжье и Приуралье русским форпостам постоянно досаждали местные жители.

К концу 20-х гг. финансовое положение страны несколько улучшилось, а потому часть средств правительство использовало для усиления армии. Были повышены денежные оклады служилым людям.

Заработали новые предприятия по изготовлению холодного и огнестрельного оружия. Расширяются Пушечный двор, Оружейная палата.

Впервые при Михаиле Романове появляется практика привлечения на русскую службу наемных солдат и офицеров из других стран. Так нередко поступали в тогдашней Европе. Но для России с ее закрытостью, ненавистью к католицизму это было необычно. Однако правительство пошло на такой шаг, потому что военная наука и техника (искусство ведения боя, осады крепостей, вооружение) были более передовыми в западных странах, и русская армия могла многому научиться. Закупали за границей и оружие — мушкеты, шпаги, ядра для пушек.

В Москве наряду со стрелецкими полками и собиравшейся в случае войны дворянской и казачьей конницей начали создаваться наемные конные рейтарские и драгунские полки. Они состояли из иностранных наемников и вольных русских людей. Их называли полки «иноземного строя». Драгуны могли сражаться как в конном, так и пешем строю. Они были вооружены легким кавалерийским оружием, а также огнестрельным. Рейтары же представляли вид тяжелой кавалерии, закованной в латы с мощными копиями и мечами.

Формировались и новые пехотные полки. Они состояли не из сотен и десятков, как прежде, а из рот и полков, и командовали ими иностранные офицеры. Вооружение этих полков также было закуплено в основном за рубежом.

Для получения дополнительных средств на оплату наемников и другие военные нужды государство уже в ходе начавшейся войны с Польшей вновь ввело уже знакомый русским людям налог — «пятую деньги», известную еще со времен Минина и Пожарского.

В то же время в России прекрасно представляли, что наемные войска не могут упорно, не жалея жизней, сражаться за чуждую им землю. Поэтому полки «иноземного строя» вводились на первых порах осторожно, в не-

большом количестве. Главная же их цель состояла в том, чтобы познакомиться русскую армию с новшествами западной военной тактики, современным вооружением.

Зато с настоящим размахом правительство Михаила создавало оборонительные сооружения, как для безопасности Москвы от поляков, так и против набегов крымского хана и прикаспийских кочевников.

Полностью был восстановлен и приготовлен для возможной осады Кремль — крепостная цитадель русской столицы. Вторая линия укреплений — это начинающаяся от Спасских ворот Кремля Китайгородская каменная стена, полукружьем опоясывающая ближнюю к Кремлю часть города. А с другой стороны — другая стена, из белого камня, также полукружьем защищала так называемый Белый город, где жили вельможи, богатые купцы. Здесь находились рынки, располагались царские конюшни и стоял Пушечный двор. Наконец, третья линия стен — Земляной вал охватывала огромную территорию, где проживала основная часть посадского населения. Отдельно располагались укрепленные стрелецкие слободы.

В 20-х гг. восстанавливается старая Заокская оборонительная линия — так называемая Засечная черта, которая еще в XVI в. помогала сдерживать набеги крымцев. За время Смуты крепости здесь обветшали и развалились, а засеки потеряли прежний грозный вид.

Южнее создается новая Белгородская оборонительная линия длиной 800 км. В построенных заново крепостях, сторожевых пунктах была организована сторожевая и объездная служба.

Весной 1632 г. умер давний недруг России польский король Сигизмунд III, и в Польше началась борьба за престол. Это, конечно, ослабляло страну. Обострились отношения между Швецией и Польшей, и шведы готовили армию для вторжения в Польшу. Русские дипломаты всячески содействовали созданию русско-шведского союза. Обе стороны поддерживали друг друга. Россия продавала Швеции дешевый русский хлеб. Шведы помогали оружием, офицерами-инструкторами.

В Москве все громче раздавались голоса в пользу войны с Польшей. Особенно активным был отец царя патриарх Филарет. Он страдался в польском плену, испытывал там унижения, в то время когда его сын был уже царем всея Руси. Теперь, на склоне лет, когда военная мощь России возросла, он страстно стремился к реваншу, к отвоеванию захваченных поляками городов. Тем более что срок Дедлинского перемирия подошел к концу.

Летом 1632 г. Михаил собрал Земский собор, и представители сословий высказались за войну, заявили, что готовы биться за государеву честь, «не щадя голов своих».

3 августа 1632 г. огромная русская армия, насчитывавшая почти 100 тыс. человек, выступила в поход на запад. Началась так называемая Смоленская война 1632—1634 гг. Во главе войск стоял прославленный воевода Михаил Борисович Шеин, герой обороны Смоленска в 1609—1611 гг., проведенный в плену вместе с Филаретом семь лет.

Начало военных действий было успешным. Русские войска захватили ряд городов — Дорогобуж, Новгород-Северский, Стародуб и др. Вскоре ар-

мия Шеина подошла к Смоленску и осадила его. Одновременно войска шведского короля вторглись в Польшу. Кажется, что дело шло к полному разгрому Речи Посполитой.

Но, видимо, время для этого еще не пришло. Уже в первые месяцы войны резко изменилась международная обстановка, начались военные неудачи, раздоры среди русских военачальников. Шеин был стар, чванился своими былыми заслугами. Он постоянно бравировал своей близостью к патриарху. Это раздражало других воевод, многие из которых по родовитости превосходили его. Местнические споры разъедали верхушку армии. К тому же Шеин проявлял в военных действиях медлительность и нерешительность. Годы и недуги брали свое.

А поляки избрали на престол молодого энергичного воинственного Владислава, который еще считал себя законно выбранным русским царем. В короткие сроки отмобилизованная польская армия подошла к Смоленску, где в нерешительности топтался Шеин.

В одном из сражений на польской территории погиб шведский король, а его преемник вовсе не стремился к русско-шведскому союзу и не хотел усиления России: ведь за победой над Польшей Россия неизбежно вернулась бы к борьбе за Балтийское побережье.

Наступили холода, в русской армии начались болезни. Дворяне и казаки массами покидали военный лагерь под Смоленском и уходили на защиту своих сел и деревень от набегов крымских татар. Предприняв ряд быстрых маневров, Владислав захватил город Дорогобуж со всеми продовольственными запасами русской армии, овладел и другими русскими городами. Армия Шеина под Смоленском оказалась окруженной.

В Москве срочно собиралась в помощь новая армия. Но было уже поздно. В это время умирает ярый сторонник войны патриарх Филарет. Находясь в тяжелом положении, русский воевода начал переговоры о перемирии. Их результаты оказались ошеломляющими: Шеин, по существу, сдал польскому королю свою армию, обязался отдать противнику все вооружение и боеприпасы, сложить к ногам поляков боевые знамена, а самому преклонить колени перед Владиславом. После этого он должен был увести армию от Смоленска к Москве. Часть наемников, как и в прошлой войне, перешла на службу к полякам.

Окрыленный успехом Владислав попытался прорваться к Москве, но его встретили мощные военные заслоны вновь сформированных войск. Одним из них успешно командовал князь Д. М. Пожарский. Насмерть стояли и осажденные поляками русские крепости. Во время одного из боев Владислав был ранен.

В этих условиях Россия и Речь Посполитая подписали в 1634 г. мир, заключенный на речке Поляновке, неподалеку от г. Вязьмы. Поляновский мир показал, что ни у одной из сторон не было сил для решающей победы в долголетней борьбе. Россия еще не оправилась полностью от десятилетней Смуты, разорений, невзгод, внутренних раздоров.

Правительство сурово наказало воевод, ответственных за поражение под Смоленском. Шеин, как и его ближайший помощник, были обвинены

в предательстве и казнены. Других воевод высекли кнутом и сослали в Сибирь.

По Поляновскому миру стороны остались при своем. Россия так и не вернула себе Смоленск и другие города, захваченные поляками. Но Владислав отказался от прав на русский престол, и это укрепляло позиции русской монархии, династии Романовых, поднимало престиж страны на международной арене.

На грани войны с Турцией. Прошло лишь три года, и Россия вновь встала в центре военных событий в Восточной Европе. Теперь это произошло на южных рубежах страны.

Европа была буквально потрясена известием о том, что в 1637 г. донские казаки, находившиеся в зависимости от русского царя и пользовавшиеся его поддержкой и защитой, захватили турецкую крепость Азов.

Овладев этим опорным пунктом Турции в Низовьях Дона и на Северном Кавказе, казаки тем самым преследовали две цели. Во-первых, они уничтожали враждебное разбойничье гнездо, на которое постоянно опирались крымские татары — вассалы Турции и сами турки. Во-вторых, казаки усиливали позиции России в этом районе, обеспечивали ей контроль над выходом в Азовское море, приближали ее к Черноморскому побережью.

Но самым удивительным было то, что взятие Азова было неожиданным для самого московского правительства. Лишь захватив Азов, казаки обратились в Москву за защитой и помощью. Конфликт возник неожиданно и быстро.

Овладение казаками Азовом — результат не только боевых настроений самого донского казачества, которые с каждым годом становились сильнее, но и общей международной обстановки.

К этому времени отношения России и Турции значительно ухудшились из-за постоянных набегов крымских татар на русские земли. Крымский владыка рассматривал себя как наследника Золотой Орды и требовал от Москвы постоянной дани — подарков. За спиной крымского хана стоял турецкий султан. Россия стала искать союзников в борьбе против Турции. Так зарождаются постоянные для XVII в. противоречия между Турцией и Россией. Именно в этот момент казаки и осуществили захват Азова.

Во время штурма, а потом осады крепости они показали чудеса храбрости и находчивости. Понимая, что штурмовать в лоб Азов невозможно, они около месяца рыли подземный ход под крепостные стены, а потом заложили туда мощный заряд. Взрыв образовал в стене огромный пролом, куда и ринулись казаки. Они владели городом почти пять лет — с 1637 по 1642 г.

Казаки обратились за помощью к Москве и предложили царю взять Азов «под свою руку». Царь тайно от турок послал в Азов продовольствие, оружие, порох, другие боеприпасы. Из разных городов страны в Азов шли «охочие» люди для поддержки казаков. Но Россия еще не была готова к большой войне с Турцией и Крымским ханством. Собранный царем Земский собор подтвердил это: средств в стране мало. Ощущались огромные затраты и потери во время Смоленской войны. Казачьи посланцы ожидали в Москве решения царя. Весной 1642 г. бояре передали казакам приказ царя: покинуть Азов.

А все это время, пока шли переговоры казаков в Москве, их товарищи отчаянно сражались за Азов против объединенных войск Турции и Крыма.

На предложение сдать город добровольно и сохранить тем самым свои жизни и имущество, казаки гордо отвечали отказом.

После получения царского приказа казаки взорвали азовские крепостные сооружения и ушли в свои городки. Город заняли турецкие войска. Конечно, казаки были разочарованы. В Москве также многие государственные деятели и военные жалели о том, что Россия не приняла от казаков такого подарка. Но сил для войны на западе и на юге еще не хватало. Зато оба эти направления были обозначены в российской политике.

Личность Михаила. По существу всю первую половину XVII в. можно было назвать временем Михаила Романова. И не только потому, что он являлся главой Русского государства; Михаил наложил свою, глубоко личную печать на все процессы, которые в нем протекали. Так каким же человеком был первый царь из династии Романовых? Если говорить коротко, то это был умный, спокойный, осторожный, но твердый в своих уже принятых решениях человек. Он не обладал деспотическими чертами своих предшественников, но прекрасно осознавал всю огромность своей власти и пользовался ею осмотрительно, многократно советуясь со своим окружением. Михаил был глубоко верующим и богомольным человеком, и многие поступки в качестве правителя соотносил с христианской моралью и заветами Евангелия.

Его широкий и спокойный подход к делам государственным проявился уже в первые годы правления. Несмотря на то, что рядом с ним в руководстве страной встали родственники отца и матери, которые порой стремились свести счеты со своими бывшими противниками периода Смуты, Михаил сумел сохранить равновесие всех общественных сил и не дал возможности для мщения. Он никого не казнил и никого не подверг опале. Пострадали лишь заведомые враги единства государства, противники его как избранного царя и всякие «лихие» люди — казаки-бунтари, воры, грабители и среди них остатки польских воинских отрядов. Все они были сурово наказаны. Жестоко пресекал Михаил и вспышки бунтов русских крестьян и посадских людей. Порядок и покой в государстве для него были превыше всего. Жестоким наказанием подвергались и те люди, которые «молвили» «непригожие слова» против государя, его семьи, детей. Это рассматривалось как тягчайшее государственное преступление. Таких людей били кнутом, подвергали другим наказаниям. Добытую с таким трудом царскую власть Михаил оберегал как всенародное достояние. Покушение на нее рассматривал, как покушение на единство и благополучие государства, как признак новой Смуты. Постепенно и неуклонно тем самым он положил начало самодержавию в России, которое поддерживалось основными сословиями страны.

Недаром современники писали, что при Михаиле «преста [прекратилась] в Русском государстве всенародная человеческая пагуба».

Михаил самолично проводил Земские соборы, выступал на них с речами по ключевым вопросам жизни страны. Он руководил обсуждением важ-

нейших вопросов внутренней и внешней политики страны. В критические моменты его слово было решающим.

Авторитет царя медленно, но неуклонно рос. И вскоре никому не могло прийти в голову рассматривать его как слабого и поддающегося влияниям человека.

В семье Михаила Романова было 10 детей: семеро дочерей и трое сыновей. Первенец — наследник Алексей (1629—1676).

Семья была дружной, любящей, богомольной. Царь заботился об образовании детей, причем стремился дать им светское воспитание. Хорошо образованный боярин Борис Иванович Морозов был определен воспитателем к наследнику престола. Царевичи не только читали светские книги, учили иностранные языки, но и носили одежду немецкого покроя. Постепенно западная культура проникала и в быт царской семьи.

Смолоду крепкий и сильный, любящий охоту на лося и медведя, Михаил уже к тридцати годам часто болел. Он вел малоподвижный образ жизни: сидение за столом над документами, бумагами, стояние на коленях перед святыми иконами и бесконечные молитвы. Это сказывалось на здоровье.

У каждого человека есть свои привычки, слабости, увлечения. Были они и у Михаила. Он страстно любил часы, коллекционировал их. По его приказу часы встраивались в кремлевские башни, чтобы все желающие могли узнать точное время. И еще он любил всяких диких животных и дикие вещи, которые ему привозили в подарки из разных стран.

Таков был этот человек с нелегкой судьбой, с тяжелой государственной ношей на своих плечах, человек, имевший громадное влияние на судьбы страны в XVII в.

РАЗДЕЛ III. РОССИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ

ГЛАВА 1. НОВЫЕ ЧЕРТЫ СТАРОЙ РОССИИ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII в.

§ 1. Начало правления Алексея Михайловича

Новый русский царь взошел на трон примерно в таком же возрасте, как и его отец, — в 17 лет. Но какая разница была между 1613 и 1645 г.! В 1613 г. Россия была разрушенной Смутой, воюющей страной, а царская власть — еще слабой и неокрепшей. В 1645 г., напротив, страна поднялась из руин. Стабилизировалось хозяйство, была создана боеспособная армия. Царская власть за эти годы необычайно укрепилась. Династия Романовых была признана за рубежом, в том числе и Польшей. В России монарх стал грозной и мощной фигурой, вокруг которой спланивались все дееспособные силы страны, все слои населения.

§ 2. Рост социального напряжения в стране

На первых порах юный царь мало занимался государственными делами. Он больше увлекался развлечениями, охотой, путешествиями по монастырям. Восприняв от отца мощь и крепость царской власти, Алексей поначалу не заботился о том, чтобы продолжить совершенствование российских порядков. Алексей во многом полагался на опыт и мудрость своего воспитателя. Однако Морозов при всей своей образованности и уме не отличался государственными дарованиями. Он и его окружение использовали зачастую власть не во благо страны, а для личного обогащения. Во главе многих приказов всеильный боярин поставил своих людей, и те беззастенчиво наживались на своих должностях.

Первые годы правления нового царя ознаменовались расцветом всяческих злоупотреблений власти: взятками, судебной волокитой, вымогательствами, произволом чиновников. Налаженная при Михаиле государственная машина начала давать сбой. Это вызывало возмущение простых людей, становящихся жертвами приказного «лихонмства». Царь избегал просителей, перестал рассматривать челобитья.

Недовольство людей нарастало как снежный ком.

Помещики требовали от правительства решительной борьбы с побегам крестьян и жаждали полного и вечного прикрепления их к земле. Одновременно они выступали за расширение своего земельного фонда, жаловались на бояр, церковь за их наступление на помещичьи земли, протестовали против засилья взяточников в приказах.

Крестьянство, напротив, ратовало за большие свободы, за право передвижения, ухода от своих господ, протестовало, часто с оружием в руках, когда карательные отряды пытались водворить беглецов на прежнее место жительства.

Посадский люд протестовал против вновь увеличивавшихся налогов, выражал недовольство тем, что в стране продолжали существовать «белые» слободы, где такие же, как они люди, укрываясь за спины могучих князей, бояр, церковников — владельцев этих слобод, и были освобождены от многих налогов и повинностей.

Купечество возмущалось льготами, которые имели в России английские, голландские и другие иностранные купцы, выступавшие их конкурентами на русском рынке.

Кажется, довольны были своим положением лишь представители элиты общества — князья, бояре, видные дьяки, в руках которых сосредотачивалась реальная власть при молодом, не занимающемся государственными делами царе.

Чувствуя назревающее напряжение, правительство, руководимое Морозовым, попыталось провести некоторые реформы. Делалось это в основном за счет народа, в интересах широкого слоя феодалов, служилых людей, чиновников. В ответ на требования помещиков началась подворная перепись всего крестьянского населения, с тем чтобы крестьяне платили налоги не с земли, а с наличного количества принадлежащих им крестьянских дворов. Эта мера была подготовкой и к последующему более основательному закрепощению крестьян.

Некоторые налоги с населения были снижены, а некоторые вообще ликвидированы, но взамен для пополнения казны введены косвенные налоги на товары первостепенной важности для населения. Так, в первую очередь оказались повышены пошлины на соль, что повлекло за собой увеличение ее продажной цены.

Люди начали собираться толпами, возмущение росло, появились свои лидеры. Обеспокоенное правительство отменило ненавистную соляную пошлину, но решило вместо этого взыскать за два года старые уже отмененные налоги. Это была крупная ошибка.

По Москве и другим близлежащим городам и селениям поползли слухи, что это все проделки Морозова и его ставленников. Неудачная налоговая политика оказалась последней каплей, переполнившей чашу народного недовольства.

Народ вспомнил и о судебной волоките, взятках, вымогательствах, сокращении жалованья стрельцам и пушкарям близкими к Морозову людьми — начальниками приказов: Земского — Л. С. Плещевым, Пушкарского — П. Т. Траханиотовым, а также дьяком Н. И. Чистым. Взрыв народного недовольства произошел в погожий июньский день 1648 г.

В это время царь возвращался с богомоля из Троице-Сергиевой лавры. На въезде в Москву его, как обычно, встречали толпы народа. Но случилось неожиданное: от толпы, приветствовавшей монарха, внезапно отделились люди, они прорвались к кортежу царя и попытались вручить ему челобитную о всех прегрешениях его помощников. Просители жаловались на руководителей приказов, ведавших московским населением. В сопровождавших царя бояр полетели камни. В их адрес зазвучали угрозы и проклятья.

Однако царь отказался принять грамоту, и тут же охранники начали избивать просителей нагайками, топтать лошаадьми. «Крамольников» разогнали. Зачинщиков бунта похватили.

На следующий день во время крестного хода в Кремле к царю снова подступили возмущенные люди. На этот раз число недовольных значительно возросло. Они требовали отставки Морозова, Плещеева, Траханиотова и Чистого. Бояре снова попытались разогнать недовольных, но перевес сил был уже на стороне толпы. Следуя за царем, сотни москвичей ворвались в Кремль. Брошенные против них стрельцы отказались стрелять в народ. Тогда к толпе вышел сам царь, который, держа в руках икону, пытался утихомирить толпу, уговаривал людей разойтись, обещал разобраться в их требованиях. Но царя уже не слушали. Бунт простых людей захлестнул столицу. В городе начались погромы хором ненавистных бояр и дьяков. Восставшие взяли штурмом дворы Морозова, Траханиотова и других вельмож, сами они спрятались в Кремле. Но народ требовал их выдачи.

Одного за другим Алексей отдавал на растерзание народа своих помощников. Плещеева казнили на Красной площади. Там же на Лобном месте расправились с Траханиотовым. Дьяка Чистого обнаружили в чулане собственного дома и тут же убили.

Со слезами на глазах вышел Алексей к восставшим, прося у них милости для своего любимца Морозова. Увидев царя в роли просителя, народ смутился, замолчал. Так царю удалось спасти незадачливого государственного деятеля. Он был отослан из Москвы.

В эти напряженные дни Алексей уже самостоятельно решал многие вопросы. Он запретил наказывать восставших. От имени царя вельможи выразили сожаление по поводу бесчинств Плещеева, Траханиотова и Чистого. Было обещано, что во главе приказов назначат людей честных и обходительных.

Одновременно правительство обещало находившимся в Москве служилым людям новые земельные пожалования, шла раздача денег стрельцам.

Постепенно волна недовольства спала. Так закончился этот бунт, вошедший в историю под именем Соляного.

Царь осуществил перестановки в правительстве, начал широкую раздачу земель помещикам за счет опальных и убитых бояр, приостановил взыскание недоимок по старым налогам. Этим он частично стабилизировал обстановку в стране.

Но и широкие слои недовольного населения сделали свои выводы. Дворяне, купечество, посадские люди в своих челобитных грамотах требовали от царя созвать новый Земский собор, возродить традицию совета с «землей», чтобы обсудить и решить все наболевшие вопросы. Царь согласился. Это был компромисс, который мог бы окончательно успокоить Россию. Но в этом временном отступлении царь вовсе не предполагал возродить или укрепить демократические порядки в стране. Старое, уже утвердившееся понимание царской власти жестко диктовало другой выбор.

§ 3. Уложение 1649 г.

Через полмесяца после бунта в Москве собрался Земский собор. Положение оставалось напряженным. Сильные волнения продолжались в южно-русских и северных городах. Не утихали волнения в Сибири. Несколько позднее, в 1650-х гг., мощные восстания потрясли Псков и Новгород.

В этих условиях Собор принял решение разработать в стране новый свод законов вместо устаревшего Судебника XVI в., а также противоречивших друг другу законов и указов периода Смуты и послесмутного времени. Каждый слой населения, представленный на Соборе (крепостное крестьянство, как и прежде, на Собор допущено не было), надеялся, что его интересы будут учтены в новом законодательном Уложении.

В свою очередь царь, новое правительство стремились выйти из кризиса не только за счет разумных мер, ликвидации прежних злоупотреблений, а также некоторых уступок различным слоям населения, но прежде всего за счет усиления царской власти, консолидации правящей верхушки общества. Это был путь, который выбрала для себя Россия в середине XVII в.

Все это четко проявилось во время подготовки и принятия нового Уложения. Новый свод законов, состоявший из 25 глав, выработали за рекордно короткие сроки — всего за два с половиной месяца. В январе 1649 г. он уже был принят Земским собором.

В чем же исторический смысл нового русского свода законов, который действовал в стране более 200 лет?

Прежде всего, как и прежние русские судебники, это — определенный шаг в цивилизационном развитии России.

В самом большом, центральном разделе Уложения, состоящем из 287 статей, и в другом крупном разделе, посвященном борьбе с разбоями и грабежами (104 статьи), говорилось о системе российского судопроизводства. Эти разделы Уложения защищали личность, собственность, права русского населения. Они устанавливали наказания вплоть до смертной казни и сожжения за все нарушения против сложившихся в стране порядков, уже укоренившихся традиций, имущественных отношений между людьми, против нарушений нравственных устоев.

Жестокое наказание полагалось за убийства, воровство, грабеж, разбой, поджог, незаконное присвоение себе чужого имущества, за бесчестье, обиды, побои, любое оскорбление личности человека. Детализация преступлений и наказаний просто поражает. Статьи Уложения устанавливали кары даже за воровство яблок в чужом саду, кражу овощей на огороде, за разжигание костра в лесу, ставшего причиной пожара, за нападение на человека науськанной собаки.

До сих пор актуально звучит для сельской местности статья о поджигателях: «А будет кто некия ради вражды, или разграбления зажжет у кого двор, и после того он будет изыман [пойман], и сыщется про него допряма [вина будет доказана], что пожар он учинил нарочным делом: и такова зажигальщика казнити, сжечь».

Смертная казнь ждала фальшивомонетчиков, подделывателей печати. Щедро она раздавалась и за другие преступления. Причем подчеркивалось, что новые законы обязаны соблюдать все — «от большого и до меньшего чину вправду».

Лишь две категории населения не входили в это число защищенных законом людей — крепостные крестьяне и холопы. Для них в Уложении были разработаны отдельные разделы, регулирующие жизнь и поведение этих зависимых, лично несвободных частей населения.

Наряду с общечивилизационными статьями, которые содействовали установлению в стране порядка, защиты жизни, собственности, чести и достоинства ее жителей, Уложение выработало комплекс мер по возвышению и укреплению царской власти.

Представители сословий, в первую очередь феодальная верхушка русского общества, видели в усилении самодержавия гарантию стабилизации положения в стране, концентрации силы и роста международного престижа России. Глава 2 Уложения называется «О государственной чести, и как его государское здоровье оберегать». Там говорится о смертной казни тех, кто «попытается Русским государством завладети». Изменникам, перешедшим на сторону такого злоумышленника, также грозит смертная казнь.

Все эти статьи — не только отзвуки Смуты с ее самозванцами, лжецаревичами, но и постоянного появления на границах России и в соседних странах новых самозванцев — «детей» Шуйского, лжедмитриев, Марины Мнишек.

Другая группа статей грозит смертью «без всякого милосердия» тем, кто организует «скоп и заговор» против государя, покушается на «злой умысел» против него. Если же кто-то знает об этом и не донесет властям, то такого человека также следует «казнить смертию безо всякие пощады». Эти статьи напоминают нам о событиях 1648 г., потрясших русское общество и испугавших царя.

Важное значение в Уложении придавалось религиозным основам общества. Если кто-либо пытался «возложить хулу» на Господа Бога, то надлежало «того богохульника, обличив, казнити, сжечь».

Уложение пошло навстречу помещикам и установило бессрочный сыск беглых крестьян «с женами и детьми» и их выдачу по новым писцовым книгам.

По просьбам посадских людей все «белые» слободы были ликвидированы, а их обитатели «положены в тягло», т. е. были принуждены, как и остальной посадский мир, платить налоги.

Воздух российского города не делал человека свободным, как на Западе в период существования там крепостного права: всех найденных в городах беглых крестьян надлежало также отдавать вместе с семьями прежним хозяевам. Крепостное право теперь охватывало не только российскую деревню, но и город. Каждый, кто был записан в посадском тягле, т. е. был обязан платить определенные налоги и исполнять государственные службы и повинности, отныне не мог уходить со своего места жительства.

Таким образом, Уложение, включив в свой состав законы, отражавшие развитие экономики, социальных отношений, культуры, семейных отношений в послесмутное время, общую стабилизацию жизни, одновременно сохранило и даже упрочило основы феодального общества с крепостническими отношениями, насилием над личностью человека. Да и наказания — сжигание людей, наказание их кнутом, проведение следственных дел с применением пыток, не говоря уже о смертной казни за многие виды преступлений — говорили о том, что Уложение несло в себе не только новые цивилизационные черты, но и следы старого феодального общества.

§ 4. Развитие хозяйства

Начало складывания всероссийского рынка. Во второй половине XVII в. все более четко обособляются сельскохозяйственные и промысловые районы. Так, центральные и северные районы поставляли рожь и овес, южные — пшеницу. Отдельные районы специализировались на овощных и садовых культурах. Скотоводство активно развивалось на сочных лугах Поморья, на заливных лугах Средней Волги и Оки. Поморы, как и рыболовы на Нижней Волге, на Каспии, снабжали значительную часть России рыбой. С юга привозили особенно дорогую и вкусную красную рыбу, стерлядей, икру. Соляные варницы Нижнего Поволжья, Приуралья обеспечивали солью. А в северные и засушливые южные районы страны поставлялись хлеб, другие продукты сельского хозяйства.

Это содействовало развитию рыночных отношений, появлению первых признаков всероссийского рынка, когда вся страна постепенно втягивается в торговые обмены, когда районы начинают зависеть друг от друга в получении необходимых товаров.

Именно в рыночной сфере ослаблялись крепостнические узы, появлялись антикрепостнические тенденции, пробивались ростки новых отношений между людьми.

Промышленность. Новые явления, как и на Западе, происходили и в сфере промышленности.

Страна нуждалась в промышленных товарах. Повсюду в селах и городах требовались новые орудия труда, предметы быта. А там, где появляется спрос, рождается и предложение. На нужды населения трудились тысячи сельских и городских ремесленников. В отличие от развитых стран Запада, перешедших в промышленность к широкой организации мануфактур и даже к появлению первых машинных фабрик, в России основной фигурой в промышленном производстве XVII в. оставался сельский и городской ремесленник. В селах и деревнях крестьяне сами производили все, что им требовалось для жизни и хозяйства: ткали материалы для одежды, шили обувь, мастерили из дерева и глины посуду, делали незамысловатую мебель, телеги, сани.

Все это происходило и раньше, но во второй половине XVII в., в связи с освоением новых земель, появлением новых сел и деревень, ростом городов, увеличением поселения, потребности людей в промышленных товарах возрастали. Все больше и больше крестьян отрывалось от сельского хозяйства и становилось ремесленниками.

Сельские ремесленники продают свои изделия, например холсты, валяную обувь, сукна в городах, отстоящих от их места жительства на сотни верст. Предприниматели-заказчики снабжают крестьян сырьем, а потом забирают готовую продукцию для продажи по всей России. Мелкое производство начинает работать только на рынок, расширяет и углубляет его всероссийские масштабы.

В некоторых центрах появляются крупные промышленные производства. Там зарождаются предприятия, напоминающие западные мануфактуры. К югу от Москвы на выплавке болотных руд, особенно в районе Тулы, складывается металлургическое производство и металлообработка. Железо и металлические изделия отсюда продаются в другие районы страны. По-

добный же центр появляется на северо-востоке — в Устюжне-Железнопольской, в Заонежье.

На широкой ремесленной базе легче создавать и крупные предприятия: уже есть мастера, накоплен большой производственный опыт. Поэтому, если в первой половине XVII в. мануфактурные предприятия насчитывались единицами, то во второй половине его — десятками. Но теперь это и государственные мануфактуры, обслуживающие царский двор и армию, и купеческие предприятия, — не только в Москве, но и в Вологде, Холмогорах, Архангельске, на Урале, в Туле, других городах.

Свои мануфактуры в России при поддержке правительства организуют и предприимчивые иностранцы.

Дело развития промышленности продвигается, но медленно. В основном преобладает мелкое производство. Настоящая заря российской промышленности еще даже не начинается — из-за нескольких важных причин.

Первая — это использование в крупной промышленности (а только она могла быть подлинным двигателем прогресса) в основном крепостного труда, когда работник трудился из-под палки, не был заинтересован в результатах работы. Большинство населения, особенно в центре страны, было прикреплено к земле в сельской местности, к тяглу в городах. Уходили из деревни лишь те, кто находился на оброке. Такие рабочие были временными, не заинтересованными в своем труде. Все их помыслы находились в родных сельских местах. Вольнонаемный труд, при котором вольный человек, работающий за плату, имел совсем другой интерес, внедрялся крайне медленно. А таких людей в стране насчитывалось немного: разорившиеся ремесленники, беглые люди, всякий случайный вольный люд.

Второй причиной можно считать отсутствие широкого производственно-технологического опыта, слабые связи с развитыми промышленными странами.

Третья причина состояла в том, что население в целом находилось на низком уровне благосостояния. Если ремесленные изделия покупались только те, без которых прожить уже было невозможно, то продукция мануфактур в основном находила спрос лишь у государства. Рынок для ремесленных изделий в стране из-за бедности ее населения был узок, а за границей они не выдерживали конкуренции западных товаров.

И все же развивающаяся российская промышленность во второй половине XVII в. стала составной частью рыночных отношений в стране, формирующегося всероссийского рынка.

Торговля. Города. Купечество. Общее оживление экономики страны, развитие сельского хозяйства, ремесленного производства, мануфактурной промышленности, специализация отдельных районов страны по производству различных товаров вели, как уже отмечалось, к созданию всероссийского рынка. Это означало, что повсюду в крупных городах, в пригородных слободах, в сельской местности появлялись многочисленные торги, которые постепенно связывались между собой.

Возникли рынки оптовые, где можно было закупить крупную партию товара по сниженным ценам, а потом продавать его на свой страх и риск в розницу. Складываются и крепнут специализированные рынки: на одних можно было купить крупную партию хлеба, на других — металла, на треть-

их — соль, на четвертых — пушнину, кожу. Повсюду в городах шумели и городские торги.

Расцвет торговли — один из первых показателей здоровья страны.

Торговцы своей энергией, находчивостью, стремлением донести необходимый товар — будь это металл, кирпич, древесина или одежда, обувь, предметы быта, домашней, кухонной утвари — до каждого, кто в нем нуждается и способен его купить, отражают общий подъем в стране. И это несмотря на глубокие противоречия, существующие в обществе, на огромную разницу в доходах. Рынок предлагает все, торговец — к услугам всех и каждого.

Очень важно, что торговля показывала всему населению страны возможности новой жизни. Это был как бы парад этих возможностей для каждого сословия, для каждого уровня благосостояния, для каждого человека торговля раскрывала свои манящие перспективы.

Конечно, центром торговых связей страны была Москва, куда сходились нити всероссийского рынка. Московские торги ломились от местных и привозных товаров: хлеб с юга, соль с севера, рыба с низовьев Волги, меха из Сибири. Десятки московских улиц и переулков имели названия, связанные с изготовлением ремесленной продукции и торговлей.

Но наряду с Москвой росли и другие российские торговые центры. Так, все большее значение имел Нижний Новгород, ставший распределителем товарных потоков между югом и севером, востоком и центром России. Через Астрахань шла торговля с южными странами, через Архангельск — с северной Европой, Англией. Архангельский порт был замерзающим, отдаленным и, по мере развития торговых связей России с Западом, все более катастрофическим становилась отрезанность страны от Балтийского и Черноморского побережий.

Крупными торговыми и ремесленными центрами были Тула, Ярославль, Устюг Великий. Свои крупные торговые центры формируются в Приуралье, Сибири. Во второй половине XVII в. укрепляется купеческое, торговое сословие.

Как и прежде, ведущая роль здесь принадлежала богатым «гостям», ведущим «заморскую» торговлю, а также крупным оптовикам, поставляющим на всю страну хлеб, соль, металл, кожу, меха.

Во второй половине XVII в. загремели на всю Россию имена крупных торговых воротил — Василия Шорина, братьев Строгановых, братьев Демидовых и др. Они сосредотачивали в своих руках не только продажу товаров, но и их производство — соледобычу, пушной промысел, разработку железных руд, рыболовство. Им принадлежали крупные суда на Волге, Оке, Каме. Сотни людей — промысловиков, грузчиков, бурлаков трудились на них. Некоторые из них заводили свои промышленные предприятия. Хорошо вооруженные отряды, бывшие у них на службе, охраняли их собственность.

Свою роль в расширении, разветвлении торговых связей играли средние и мелкие торговцы — выходцы из среды городских ремесленников, посадских людей, крестьян. Они как раз и были теми своеобразными небольшими, но разветвленными торговыми каналами, через которые товары текли к покупателям.

Важное значение для развития торговли имела ликвидация с середины 50-х гг. XVII в. многочисленных мелких таможенных пошлин — своеобразных перегородок между отдельными районами страны. Вместо них по всей стране ввели единый торговый сбор — 5% с покупной цены товара. Это значительно облегчило и упорядочило торговые операции, выбило из рук местных властей средство для разного рода взяток и притеснений торговцев. В середине 60-х гг. русское купечество наконец добилось от правительства повышения торговых пошлин с иностранных торговцев: эта протекционистская, т. е. защитительная мера, содействовала лучшему положению на рынках российских купцов.

И все же при общей бедности страны и бедности основной массы населения торговля внутренняя и внешняя по сравнению со странами Европы развивалась медленно. Капиталы были ограниченными, а прибыли небольшими. Прогресс торговли замедлялся и отсутствием хороших дорог, а водная сеть зимой выходила из строя. Огромные расстояния требовали для продвижения товаров больших усилий и затрат. Отсутствовала развитая кредитная система. Еще не зародились банки.

Сословия и развитие рыночных отношений. Какое влияние на положение сословий оказала стабилизация страны и развитие рыночных отношений?

Каждое сословие реагировало на новшества по-своему. Но главным стало то, что деньги все больше выходили на первый план в жизни всего общества и каждого отдельного человека. Они позволяли улучшить свое благосостояние, сделать жизнь более удобной. Они, кроме того, повышали престиж человека в кругу своего сословия, содействовали его самоутверждению.

Феодальное сословие ответило на пришествие всероссийского рынка не только стремлением получить большие прибыли благодаря лучшей организации своих хозяйств, поддержанием крестьянских хозяйств, чтобы иметь исправного работника и плательщика; улучшением качества обработки почвы, внедрением более продуктивных пород скота, — но и усилением эксплуатации крестьян, усилением барщины, повышением оброков, бесконечными просьбами к правительству о новых земельных пожалованиях. Каждый устраивался как мог, но нажим на крестьян был все же наиболее характерным явлением в этот период. А главное, феодалы стремились организовать быстрый и беспощадный сыск беглых крестьян. Здесь все они были единодушны.

Что касается крестьян, причем всех категорий, включая крепостных, то они так же, как и феодалы, ощущали пришествие нового рыночного мира. Он тоже многое обещал, манил своими возможностями. И крестьянство использовало эти возможности для улучшения своей жизни: те, кому позволяли средства, брали дополнительно земли в аренду и увеличивали масштабы своего хозяйства, расширяли сельские промыслы, уходили в города, старались там заработать побольше денег и, отдав оброк господину, остальное вложить в собственное хозяйство.

Однако все стремления крестьянства в условиях развивающихся рыночных отношений улучшить свое положение, проявить инициативу упиралось, с одной стороны, в крепостную зависимость, барщину, оброк, по-

винности, государственные налоги, сковывавшие крестьянские хозяйства по рукам и ногам. С другой — давило малоземелье и невозможность развернуться в новых хозяйственных условиях. В-третьих, все сильнее чувствовалось давление феодалов, зорко следивших за состоянием крестьянских хозяйств и попросту обиравших их.

Особенно такое положение угнетало более или менее зажиточных крестьян, крепких хозяев, которые благодаря наличию в семье нескольких мужчин-работников, опыту, трудолюбию, производственным навыкам с трудом, но развивали собственное хозяйство. Крепостнические отношения мешали им особенно сильно, раздражали, вызвали злобу, ненависть к хозяевам. Бедноту же, недостаточно здоровых или ленивых эти порядки доводили до полного разорения.

Борясь с этими порядками, крестьяне прибегали к различным мерам противодействия, они уклонялись от уплаты оброков владельцам и государству.

Порой, чувствуя безысходность своего положения и невозможность преодолеть в хозяйственном развитии крепостнические барьеры, крестьяне уходили прочь со своих мест — туда, где дышалось вольнее и хозяйство велось свободнее: на юг — в район Дона или в Сибирь, где они становились вольными поселенцами.

После выхода в свет Уложения 1649 г. и объявления бессрочного сыска беглых положение этой части населения резко ухудшилось. Следом за беглецами, особенно на Дон, шли карательные отряды. С каждым годом обстановка в этих краях накалялась — крестьяне иной раз с боями отстаивали свою свободу.

Положение посадских людей было не столь безрадостным, как крестьянская доля, но и здесь крепостнический пресс, тяжелые повинности сковывали хозяйственную инициативу городского населения. К этому добавлялись насилия властей, разного рода поборы, вымогательства, взятки, засилье богатых людей в руководстве городскими общинами. Все это раздражало средние слои посада и городскую бедноту, накаляло обстановку в российских городах.

§ 5. Внешняя политика правительства второго Романова

Общая стабилизация положения в стране, укрепление ее экономической мощи, усиление царской власти, законности и порядка, связанного с принятием Уложения 1649 г., благоприятным образом сказалось на международном положении России. Шаги в этом направлении, предпринятые правительством Михаила, были поддержаны и развиты правительством Алексея Михайловича.

Сохранялись дружественные отношения со Швецией. С Голландией шли переговоры по экономическим вопросам, в том числе — относительно положения голландских купцов и предпринимателей в России. С Голштинией удалось договориться о выдаче в Россию самозванца, именующего себя «сыном царя Василия Шуйского». Направлялись посольства в Испанию и Францию. В частности, русские послы провели в Париже переговоры с Людовиком XIV и сообщили ему о намерении России вступить с Польшей в войну, которая назревала с начала 50-х гг. С этой же целью — зару-

читься поддержкой сильной державы — велись переговоры и в Вене; они закончились успешно.

Сложнее складывались отношения с Англией.

Соперничество с английскими купцами на русском рынке давно беспокоило русских торговых людей. Они, как известно, неоднократно просили правительство лишить англичан прежних льгот, закрыть для них русские города внутри страны. Кое-чего добиться удалось, но изворотливые английские негоцианты постоянно находили новые лазейки, пользовались прочными связями между русским двором и Карлом I Стюартом.

После начала революции в Англии (1642 г.) ситуация круто изменилась; русские купцы теперь откровенно заявляли в своих челобитях царю, что «англичане — торговые люди — все Карлусу королю не подручны и от него отрешились». Теперь их вполне можно отвадить от русского рынка.

Положение английского купечества осложнилось после казни Карла I. По указу царя английские купцы были высланы из России. Одной из причин такого решения стало то, что англичане «всею землею учинили большое злое дело, государя своего Карлуса короля убили до смерти».

Это было не только экономическое, но и политическое решение.

Правительство Алексея Михайловича активизировало отношения со странами Востока. Дружескими сохранялись они с Персией; с Турцией Россия поддерживала нейтралитет. Во многом из-за отношений с этими государствами российское правительство уклонялось от просьбы истерзанной соседями Грузии принять ее в российское подданство, хотя в России радушно принимали выходцев из Грузии, поддерживали с ней дружеские отношения, обменивались посольствами.

Российские посольства по Волге, Каспию пробивались в среднеазиатские ханства Хиву, Бухару, Балх, тем самым содействуя развитию политических контактов, улучшению торговых связей. Не случайно в качестве официальных царских послов здесь нередко выступали крупные торговцы.

В середине XVII в. на юго-восточных границах России произошло знаменательное событие: теснимые агрессивными соседями, измученные междоусобными войнами кочевники-калмыки обратились к русскому царю с просьбой принять их в русское подданство. Калмыцкие тайши (ханы) просили разрешить им кочевать в русских владениях между реками Яиком (Уралом) и Волгой. В свою очередь они обещали помогать России своей конницей против внешних врагов. Согласие было получено, и в 1655 г. калмыки приняли присягу русскому царю.

Однако стержнем российской внешней политики во второй половине XVII в. по-прежнему оставались отношения с Польшей. Причин для этого было немало. Живы еще были воспоминания Смуты с разгулом польских грабительских отрядов на русских землях, осадой русской святыни — Троице-Сергиева монастыря и осквернением Кремля, а также незаживающая рана и тяжкое поражение в Смоленской войне, потеря Смоленска и других старорусских городов. Династия Романовых не могла простить Речи Посполитой и многолетних претензий на русский трон, а также периодическое появление в Польше новых самозванцев.

Немаловажное значение в отношениях с Польшей имело и то, что под ее властью находились многие русские и православные земли, которые

прежде входили в состав единой Руси, а с XIV в. они пребывали в составе Польши и Литвы, но Россия продолжала считать их своими. В Москве с негодованием относились к католическому засилью на украинских и белорусских землях в составе Польши и Литвы.

§ 6. Присоединение Украины к России

Судьба населения Украины была незавидной.

Со временем эта часть русских земель, отколотая от остальной части восточнославянского мира с его прародиной — Древнерусским государством, обособилась в составе Польши. Так появилась Украина. Севернее, в составе Литвы, такую же судьбу испытали бывшие северо-западные земли Руси, ставшие Белой Русью, позднее Белоруссией.

На Украине за столетия сформировались свой язык, своя национальная культура, собственное национальное самосознание. Здесь появилась своя украинская элита — богатые земельные магнаты Вишневецкие, Калиновские, Потоцкие, Острожские и др. В своих руках они сосредотачивали огромные владения — земли, населенные сотнями тысяч крестьян, которых они презрительно называли «хлопами». Магнаты опирались на мелкое украинское дворянство — местную шляхту, имели свои войска, артиллерию. Эта украинская верхушка хорошо встроилась в систему управления Речи Посполитой. С одной стороны, магнаты были частью элиты всего государства и имели за собой поддержку его военной и административной мощи. С другой — они представляли «королевства в королевстве» и пытались утвердить на Украине свою независимость от центральной власти.

Положение простого украинского населения — крестьянства, посадских людей в XVI—XVII вв. резко ухудшилось. Здесь, как и в России, под влиянием новых явлений в экономике, развития рынка усилился феодально-крепостнический гнет. Ситуация осложнилась еще и тем, что, кроме давления своих православных феодалов, украинский народ испытывал и национальное притеснение: немало земель Украины принадлежало польско-литовской знати и шляхтичам, которые откровенно третировали украинцев как людей низшего сорта.

Общее тяжелое положение на Украине усугублялось религиозными гонениями. Господствовавшей религией в Речи Посполитой было католичество. С конца XVI в. православие было объединено с католичеством на правах унии (союза). Но при этом преимущества получили католические догматы и католическое духовенство; православный же мир сохранил за собой лишь некоторые обряды. Это глубоко травмировало православных верующих, многие из которых так и не приняли унию, остались верны своим православным ценностям.

Одной из форм сопротивления стало бегство украинских крестьян и посадских людей на свободные земли в низовьях Днепра, за пороги. Там они селились на краю пограничной степной зоны, заводили свои хозяйства, сбивались в свою казачью организацию. Центром этого украинского или запорожского казачества стала Запорожская Сечь — укрепленное поселение на острове Хортица.

Со временем у запорожских казаков, как и у их русских собратьев на Дону, появилось свое управление — казачья рада, кошевой атаман. В слу-

чае необходимости казаки могли поставить «под ружье» тысячи людей. Это — крупная военная сила, с которой вынуждено было считаться польское правительство.

Росту авторитета казачества способствовали и постоянные угрозы польским границам со стороны Крымского ханства и Турции. Казаки становились здесь мощным военным заслоном. Со временем правительство перевело часть казачества на регулярную основу — платило им жалованье, снабжало боеприпасами, оружием. Это казачество называлось реестровым, так как числилось в особых правительственных списках — реестрах. Но польско-украинские магнаты постоянно препятствовали расширению этой лояльной к правительству части казачества, мешали притоку в его ряды беглой бедноты из сел, местечек и городов Украины.

С конца XVI и в течение всей первой половины XVII в. Украину сотрясали мощные крестьянско-казацкие восстания. Магнаты и центральная власть жестоко их подавляли. Но среди украинского народа постоянно жила мечта о независимой от Польши, свободной от крепостной неволи жизни.

Нередко взоры украинцев обращались на восток к единоверной православленной, близкой по культуре и языку России. Но укрепление там феодально-крепостнических порядков, жестокие сыски беглых крестьян и посадских людей и расправы над ними пугали. «Из огня да в полымя» — так в этом случае говорили на Украине.

Русское правительство внимательно следило за ситуацией на своей юго-западной границе. В Москве справедливо считали, что во время будущего противоборства с Польшей значительные слои украинского народа могут поддержать русские войска. Но были и опасения: против польской и магнатской неволи выступали в основном простые люди Украины; низы города и деревни, а также беглые, стремились стать вольными казаками. Этих бунтовщиков в Москве вовсе не собирались поддерживать.

И все же именно очередное мощное народное восстание на Украине в конце концов привело к новой долголетней русско-польской войне.

Восстание началось ранней весной 1648 г., незадолго до того времени как в Москве вспыхнул Соляной бунт. Его руководителем стал Богдан (Зиновий) Хмельницкий (1595—1657). К началу восстания это был уже зрелый человек. Его хорошо знали и в кругах казацкой верхушки, и среди простых казаков. Сын казацкого сотника, он не раз ходил с казаками против Крымского ханства, побывал в татарском плену и к началу 40-х гг. служил войсковым писарем. Все издевательства, которым поляки подвергали украинцев, «Хмель», как его дружески называли на Украине, пропустил через свою судьбу.

Один из польских шляхтичей — его сосед — отнял у Богдана хутор, заковал в цепи его домочадцев, а когда Хмельницкий попытался найти управу у польских властей, засек до смерти одного из его сыновей. Началась настоящая охота польской шляхты на Хмельницкого. С большим трудом он избежал опасностей и ушел в Запорожскую Сечь. Там его с восторгом встретила казацкая вольница и вскоре избрала своим гетманом.

Сечь бурлила, она была полна вновь прибывшими казаками, принесшими сюда все свои обиды и чувство мести к угнетателям. Бурлила и Украина, готовая взяться за оружие.

Все это учитывал Хмельницкий в начавшейся борьбе. Не раскрывая своих подлинных намерений, он тайно направлял грамоты в села и города Украины с призывами подниматься на борьбу с Речью Посполитой и поддерживать ее украинскими магнатами. Одновременно он созывал всех казаков в Сечь, формировал войско. Опять же тайно Хмельницкий выехал в Крым и заключил против поляков союз с ханом, обещал татарам богатую добычу после побед. Хан обещал прислать на помощь казакам свою конницу.

В тот день, когда Хмельницкий вернулся в Сечь, три пушечных выстрела и грохот литавр возвестили запорожскому войску и всему украинскому народу о начавшемся восстании.

А польские войска уже спешили на Украину. Привели в боеготовность свои войска и украинские магнаты, справедливо опасаясь повсеместного восстания своих «хлопов».

Уже в первых сражениях с поляками (под Желтыми Водами, Корсунем, Пилявцами) войско Богдана Хмельницкого одержало блестящие победы. Яростные удары казаков были настолько мощными, что регулярные польские части не выдерживали натиска. Они были рассеяны, многие воины взяты в плен. Оказались в руках Хмеля и лучшие польские полководцы. Гетман отправил их в подарок крымскому хану: за титулованных пленников татары могли взять с Польши огромный выкуп. Это произвело эффект в Крыму.

По всей Украине гетман продолжал рассылать свои грамоты, поднимая народ на борьбу. Первые успехи казаков всколыхнули всю Украину и соседние области Белоруссии. Отовсюду к Хмельницкому шли тысячи людей. Многие шляхетские имения и замки оказались в осаде.

Вернувшегося после побед гетмана в Киеве ожидала торжественная встреча: толпы народа восторженно приветствовали его, духовенство молилось за здоровье Хмельницкого, деятели культуры слагали в его честь панегирики. Хмельницкий стал подлинным национальным героем украинского народа.

В этих условиях польские власти попытались расколоть восстание: король признал Хмельницкого гетманом, послал ему символы власти — гетманскую булаву и знамя. Тем самым поляки хотели оторвать гетмана и казачью верхушку от народного восстания, сделать гетмана «ручным». С Хмельницким начались переговоры: поляки требовали за это признание вернуть в имения беглых крестьян, прекратить борьбу.

Одновременно магнаты и шляхта собирали новые войска с целью подавить казацко-крестьянское восстание, уничтожить его лидера.

В последующих сражениях перевес оказался на стороне Польши. В решающем сражении крымский хан вступил в переговоры с королем, обещавшим ему золото и богатые дары, и тем самым открыл фронт полякам. Хмельницкий бросился уговаривать хана, но был им задержан. Украинское войско осталось без предводителя.

Выхода не было: гетман был вынужден заключить с поляками невыгодный для Украины мир, в частности сократить число реестрового казачества — этой сердцевины украинской армии.

В дальнейшей война возобновилась, и Хмельницкий одержал ряд новых блестящих побед. Но для повстанческой верхушки становилось все более ясным, что в одиночку Украине с Польшей не справиться. Турция и крымский хан были союзниками ненадежными, за золото и дорогие подарки они были готовы поддержать любую из борющихся сторон. К тому же и польские и украинские земли для крымских татар всегда являлись желанным объектом для нападений и грабежей.

Поэтому уже с первых месяцев войны Хмельницкий стал обращаться за помощью к России, просил царя Алексея Михайловича принять Украину в состав России. Правда, не все в руководстве повстанческим движением разделяли эти взгляды. Некоторые из казацкой старшины предлагали договориться с королем, обеспечить себе выгоды за счет интересов простого люда. Другие склонялись в пользу теснейших связей с Турцией, видя в ней надежную защиту против Польши. И все же голос Хмельницкого оказался решающим.

Для России это означало новую войну с Польшей, к которой страна была еще не готова. Одновременно русское правительство, готовое поддерживать украинскую казацкую верхушку, украинское шляхетство, вовсе не собиралось помогать восставшим против неволи крестьянам и посадским людям. К счастью, общенациональные интересы России и Украины пересилили узкоэгоистические классовые расчеты. Москва все больше склонялась к тому, чтобы принять Украину в свое подданство.

В конце 40-х — начале 50-х гг. Россия оказывает Украине большую помощь.

Во-первых, Россия признала Украину в качестве самостоятельного и независимого государства и установила с ней официальные дипломатические отношения.

Во-вторых, московские послы настойчиво пытались уговорить польское правительство поддерживать с Украиной мирные отношения и не предпринимать карательных экспедиций.

В-третьих, повстанцам была оказана большая помощь продовольствием, боеприпасами, оружием. Одновременно русское правительство запретило продажу продовольствия Польше.

В-четвертых, русские власти широко открыли границу для украинских переселенцев, беженцев, потерявших кров, наделили их землями, пастбищами, другими угодьями, оказывало помощь деньгами, продовольствием, семенами. Многие освобождались от уплаты налогов.

Все это создавало хорошую основу для объединения славянских народов и содействовало росту доверия украинцев к России.

Исчерпав все мирные способы разрешения конфликта, а также укрепив свою армию, Россия пошла на решающий шаг: 1 октября 1653 г. Земский собор (кстати, последний в истории России) принял решение о принятии Украины в состав России и объявил войну Польше.

8 января 1654 г. на Раде в городе Переяславле при огромном стечении народа, в присутствии всех высших чинов первого правительства Украины, Хмельницкий торжественно возвестил о переходе Украины в российское подданство. Россия и Украина заключили договор о будущих отношениях.

За Украиной оставалась широкая автономия. Прежде всего она сохраняла право на самоуправление. Высшей властью оставался на Украине гетман, которого избирала украинская Рада. Страна имела право внешних сношений с другими государствами, но лишь с дружественными России. Россия обязалась не рушить вековых украинских порядков и обычаев. Число реестрового, т. е. обеспеченного жалованьем, войска доводилось до 60 тыс. человек. Ни о чем подобном в отношениях с Польшей Украина не могла и помыслить. Эти исключительно мягкие формы подданства во многом способствовали подлинному объединению братских славянских православных народов. Помогало это и в совместной войне против Польши.

Уже в конце февраля 1654 г. основные русские силы были двинуты на Запад, на Смоленск. Царь Алексей Михайлович лично руководил войсками. На Брянск направилась армия под командованием князя Алексея Никитича Трубецкого. Южный фланг наступления обеспечивало украинское войско Богдана Хмельницкого.

Первый год войны принес России ошеломляющие победы. Были взяты Дорогобуж, Рославль. Сдался без боя старый русский город Полоцк. Наконец, после длительной осады и яростных штурмов в августе 1654 г. пал Смоленск.

В ходе кампании 1654 г. русские войска заняли значительную часть Белоруссии. После этого изменился титул царя. Он стал именовать себя государем «Всея Великия и Малыя и Бѣлыя России».

Последующие годы стали периодом новых военных триумфов России. Несмотря на то, что польские войска предприняли контрнаступления на всех направлениях, успех сопутствовал русско-украинскому боевому содружеству. Армия Богдана Хмельницкого прорвалась к Львову. И лишь нападение с юга крымских татар, вступивших в союз с польским королем, приостановило это наступление и заставило гетмана повернуть назад на защиту родных земель.

В Белоруссии русские войска не только отбили атаку поляков, но и перешли в наступление. Они взяли Минск, ворвались в столицу Литвы город Вильно, захватили крупные литовские города Ровно и Гродно.

Одновременно против Польши начала войну Швеция. Польские войска шведы разгромили и даже захватили столицу Речи Посполитой Варшаву. Король укрылся на западной границе. Казалось, что Польша окончательно сломлена, и полная победа над нею близка.

Но успехи России и Швеции в конце концов столкнули союзников между собой. Организовывая наступления на Польшу, руководители России постоянно имели в виду и дальнейший выход к Балтийскому морю, который принадлежал Швеции. А когда, казалось, Речь Посполитая уже сокрушена, в 1656 г. русские дипломаты заключили с ней перемирие, а русские войска повернулись против Швеции.

На первых порах русским войскам и здесь сопутствовал успех. Был захвачен ряд шведских крепостей на Балтийском побережье. Началась осада Риги, которая, однако, не увенчалась успехом, что притормозило наступление. Но по заключенному в 1658 г. перемирию Россия получила все захваченные земли.

Однако в том же году положение круто изменилось. Польша сумела оправиться от поражений, король собрал новые войска и перешел в наступление. Возникла еще одна большая трудность: после смерти Богдана Хмельницкого (1657 г.) гетманом на Украине стал противник России, каких было немало в украинской верхушке, Иван Выговский. Он вступил в союз с Польшей и открыл полякам фронт. Правда, Выговскому недолго удалось продержаться на посту гетмана. Его поворот в сторону «ляхов» был с возмущением встречен простыми людьми Украины, и вскоре Выговский бежал в Речь Посполитую.

Но все равно, для России открылась опасность борьбы сразу с двумя мощными противниками. В этой ситуации царь согласился на проведение мирных переговоров со Швецией. Мир был заключен в 1661 г. в местечке Кардис (в современной Эстонии). России пришлось отказаться от завоеваний в Прибалтике и вернуться к условиям Столбовского мира. Зато шведы обещали не помогать Польше.

Несмотря на заключение мира со Швецией, измотанная двумя войнами Россия в начале 60-х гг. не смогла развить на западном фронте прежние успехи.

В начале 60-х гг. русские войска потерпели поражение под городом Чудновым. Произошло это во многом потому, что новый гетман, сын Богдана Хмельницкого Юрий, перешел на сторону противника. Окруженная русская армия во главе с командующим В. Б. Шереметевым капитулировала.

В Литве польские войска вновь отбили Вильно. На Украине взяла власть верхушка, стремившиеся передать Украину Турции.

В этих условиях начались по инициативе России мирные переговоры. Когда обе стороны убедились, что сил воевать больше нет, перемирие, наконец, было подписано. Оно состоялось в местечке Андрусово (1667 г.). Россия возвращала себе не только Смоленскую и Северскую земли, но и всю Левобережную Украину, во главе которой вставал гетман, присягнувший России. А на правом берегу Днепра к России переходил лишь город Киев — «мать городов русских». Все Правобережье Днепра, управляемое зависимым от Польши другим гетманом, оставалось за Речью Посполитой. И тем не менее по сравнению со Смоленской войной это был фантастический успех.

§ 7. Внутреннее положение России в последние годы правления Алексея Михайловича

Любая война приносит страдания народу, какими бы целями она не оправдывалась.

Так было и во время тяжелой русско-польской войны 1654—1667 гг. и русско-шведской войны 1656—1658 гг.

Наряду с введением дополнительных военных налогов правительство Алексея Михайловича для изыскания необходимых средств провело денежную реформу. В обращение были выпущены медные деньги, но тем же номиналом, т. е. с теми же цифровыми знаками, как и прежние серебряные. Так, в обращении появились медные и серебряные рубли и другие монеты. Поначалу это прошло незамеченным. Но позднее для покрытия воз-

растающих военных расходов правительство выпускало все больше медных монет, ведь медь намного дешевле серебра. Зато налоги, таможенные пошлины правительство стремилось собирать дорогой серебряной монетой.

Очень скоро медные деньги стали падать в цене. Вся денежная система государства оказалась нарушенной. Стрельцы, иностранные наемники отказывались получать жалованье медными деньгами, а продавцы укрывали товары, спасая их от продажи за обесцененные медные монеты. Напряжение нарастало.

25 июля 1662 г. в Москве начался так называемый Медный бунт. Тысячи москвичей — посадских людей, среди которых было немало мелких торговцев, часть стрельцов, наемные рабочие — все те, кто особенно страдал от обесценения денег, потому что мог купить на них все меньше и меньше, а главное — городская беднота стали толпами собираться на площадях, где уже кто-то расклеил «листы» с обличением царского тестя И. Д. Милославского, богатого купца В. Шорина и других бояр и денежных воротил, которых считали виновными за выпуск медных денег, обвиняли в обмане народа, предательстве интересов страны.

Положение осложнялось и тем, что бунт начался в дни, когда русская армия в войне с Польшей потерпела ряд поражений, что, как известно, никогда не способствовало популярности властей.

Ситуация стала угрожающей. Большая толпа двинулась в село Коломенское, любимое место летнего отдыха царя. В это время Алексей Михайлович находился в церкви и принимал участие в обедне. Но он уже был извещен о начавшемся бунте и упрятал подальше своего тестя, других высших сановников, которых народ требовал на расправу.

Когда толпа подступила к церкви, царь вышел навстречу бунтовщикам. Говорил он, как рассказывают современники, «тихим голосом», увещевал толпу разойтись. А в это время в Москву скакали верные люди с призывом к стрелецким полкам двинуться в Коломенское. Во время беседы с царем некоторые смельчаки подступали к нему совсем близко, хватали за царское одеяние. Алексей Михайлович выдержал эти наскоки и даже поклялся разобратся во всех делах, а в знак убедительности своих слов протянул повстанцам руку, и кто-то из толпы «с царем бил по рукам». Этот искренний жест заставил поверить в монаршую милость и справедливость, успокоил собравшихся, и люди двинулись обратно в Москву.

А в городе в это время разрасталось мощное народное восстание. Народ громил дворы богатых купцов. Некоторые из них бежали из столицы. Прошел слух, что они искали спасение в Польше. Это еще больше разъярило толпу. Послышались возгласы: «Измена!» Тысячи москвичей вновь ринулись в Коломенское искать царской правды. На пути они встретили тех, кто только что беседовал с царем, и повернули их назад.

Бунт грозил смять всю государственную систему России. Восставшие снова подступили к царю с требованием выдать «изменников». Вначале Алексей Михайлович пытался миром закончить и новый приход толпы. Но обстановка накалялась, в адрес царя посыпались угрозы.

В это время Алексею Михайловичу доложили, что верные части уже стянуты к Коломенскому. Тон царя круто изменился. Грозно он крикнул бунтовщикам, чтобы те разошлись, а когда перепалка продолжалась, при-

казал охране «тех людей бити и рубити до смерти и живых ловити». В бой были брошены стрелецкие части. Началось избиение повстанцев. Многих отогнали к Москва-реке и там топили. Начался сыск по всему городу. Повсюду стояли крепкие заставы, караулы прочесывали улицы. Всех причастных к бунту или просто заподозренных хватали в темницы. Начались многодневные допросы «с пристрастием», т. е. с жестокими средневековыми пытками — раскаленным железом, дыбой, водой, плетью. Виновных в «заговоре и скопе» четвертовали, вешали. Оставленным в живых отсекали руки и ноги, вырывали языки, выжигали на лбу буквы «Б» и «В», что означало «бунтовщик» и «вор». Сотни людей были сосланы в отдаленные концы страны.

Расправа с восстанием показала, что царь, правящая верхушка России прочно держали власть в руках, что вся государственная система, созданная к этому времени в стране, прочно стояла на охране существующих порядков.

Как и прежде, московское восстание дало начало вспышкам неповиновения и в некоторых других районах страны, особенно в национальных, где под влиянием русских переселенцев и новых властей рушились вековые порядки и обычаи. Поднялся мятеж в недавно вошедшей в состав России Башкирии, волнения возникли в ряде уездов Сибири — ведь от денежной реформы страдали все низшие слои населения. С большим трудом местным властям удалось навести здесь порядок.

Восстание Степана Разина. Более серьезным и масштабным по своим последствиям оказалось казацко-крестьянское восстание, вождем которого в конце 60-х — начале 70-х гг. XVII в. стал донской казак Степан Тимофеевич Разин (ок. 1630—1671). Началось оно на Дону, а затем охватило значительные южные и юго-восточные территории Российского государства. Возникла даже опасность похода повстанцев на Москву.

Донское казачество не случайно стало ядром повстанческого движения.

На Дону уже в XVI в. появились поселения вольных казаков, бежавших в эти привольные края. Здесь они организовывали собственные хозяйства и в мирное время занимались земледелием и скотоводством. В дни опасности все взрослое население садилось на коня, брало в руку саблю и пику, готовило к дальним походам быстроходные казацкие струги — лодки; ставили на них легкие пушечки. Таким образом казаки по воде и посуху покрывали сотни километров, нападали на берега Крымского ханства, Турции, наводили ужас на мусульманские государства, расположенные по берегам Каспийского моря.

С годами такие походы за добычей, или за «зипунами», стали боевой традицией казачества. И русское правительство не могло не считаться с мощной организованной, хорошо обученной военной силой и не раз прибегало к их помощи в войнах с соседями. Но, с другой стороны, казаков трудно было держать в узде, и они порой своими набегами осложняли отношения России с южными соседями. Так происходило еще и потому, что донские казаки считали себя подданными русского царя, но числились вольными и свободными людьми. Их управление также не зависело от Москвы. Они на своих «кругах» — общих сходках — выбирали руководите-

лей — атаманов, есаулов, войсковых писарей, других должностных лиц. Если руководитель был им «не люб», они смешали его и выбирали себе другого вождя.

Со временем потомственные зажиточные казаки стали опорой царской власти в этом краю. Казацких атаманов с почетом принимали в кремлевских палатах. Беседовал с ними и сам царь.

Однако в 50—60-е гг. положение на Дону стало существенно меняться. В число казаков стало вливаться все больше беглых крепостных крестьян и посадских людей, спасающихся от крепостной неволи, — после введения в жизнь Уложения 1649 г., увеличившейся барщины, роста налогов. Их преследовали царские карательные отряды — ведь сыск беглых теперь был бессрочный и повсеместный. Но казацкие общества не выдавали беглецов: здесь, как и в Запорожской Сечи, действовал тот же обычай — «С Дону выдачи нет».

Но к середине 60-х гг. положение на Дону стало критическим. Здесь скопилось огромное количество беглых людей. И Алексей Михайлович издал указ — вернуть всех беглых назад. А в качестве предупреждения казакам — им ограничили из Москвы подвоз боеприпасов и продовольствия, стали стеснять их торговлю. Это привело к общему ухудшению положения на Дону.

В низовых донских станицах, где жило зажиточное «домовитое» казачество, положение было еще терпимым. А в верховых городках, близких к московским границам, где собиралась «голь», «голытьба», или голутвенные казаки, как их называли, ситуация стала отчаянной — там находились сотни и тысячи беглых, обнищавших голодных людей — они жили в землянках, питались кое-как, умирали с голоду.

Низовые зажиточные казаки, состоявшие на службе у правительства, не очень-то пускали «голытьбу» в свои уже обжитые края. Среди этой-то «голытьбы» и возникли первые вспышки неповиновения властям.

В 1666 г. казацкий атаман Василий Ус повел несколько сот человек го-лытьбы на север к самой Москве, чтобы попроситься на службу великому государю. Но их не приняли и приказали возвращаться на Дон. Казаки дошли лишь до Тулы, а там к ним стали перебегать здешние крепостные крестьяне и холопы. Скоро их войско составило несколько тысяч человек. Они начали громить помещичьи усадьбы, убивать помещиков и вотчинников, объявлять вольными местных людей. Лишь посылка царских войск помешала дальнейшему движению казаков в центр России. Они были отеснены на юг, рассеяны. Многие закончили свой путь в царских застенках и на виселицах.

На следующий год новую казацкую ватагу стал собирать Степан Разин, в то время ему было 37 лет. Он принадлежал к домовитым казакам, входил в круг казацкого руководства. Не раз возглавлял походы донцов к крымским и турецким берегам. Побывал он и в составе казацких посольств в Москве. К середине 60-х гг. смелый, хитрый, с крутым волевым характером, он пользовался большим авторитетом среди казачества.

Ранней весной 1667 г. Степан Разин появился в верховьях Дона, там, где скопилось большое количество го-лытьбы. К нему стекаются со всех

сторон все бедные, обиженные и угнетенные. Приходят к нему и разогнанные царскими воеводами казаки Уса вместе со своим атаманом.

Неодобрительно наблюдала казачья верхушка, домовитые казаки в столице войска Донского за тем, что затевает Разин, уговаривали его не творить «лиха». Но Степан не слушался. Дерзко отвечал домовитым. Все время проводил с голытьбой.

Разин до поры до времени держал свои планы в секрете, исподволь вооружал людей, прикупал порох, пушки, струги, создавал впечатление, что готовится к обычному походу «за зипунами» в Крым.

И лишь повеяло первым теплом и прошел волжский лед, Степан Разин объявил цель своего похода — «на Волгу! На Каспий!». Туда, куда уже не раз ходили за «зипунами» казачьи отряды. Кажется, в этом очередном походе не было ничего необычного. Власти настораживало лишь то, что домовитые казаки, атаманская верхушка осталась дома, а в поход отправлялась лишь «голь перекатная», беглые, вчерашние холопы.

Разинский отряд двинулся с Дона на Волгу, а затем перебрался на реку Яик, где встал на зимовку в Яицком городке.

Уже в это время из стана Разина слышались угрозы в адрес царских воевод, дьяков, приказных людей, которые мучают простой народ. Царь по-прежнему оставался для простых людей, в том числе и для разинцев, верхом правды и справедливости. Вот только помощники у него были злые и нерадивые.

Весной 1668 г. Разин совершил свой первый масштабный поход по территории России и сопредельных государств. Уже это показывало, что казаки держат себя обособленно от московских властей и ведут самостоятельную линию.

Они вышли в Каспийское море, «повоевали» берега окрестных ханств, напали на владения Персии, с которой Россия находилась в мирных отношениях. В течение года длится этот поход. Зиму казаки проводят неподалеку от Баку, огородившись лагерем, а весной 1669 г. продолжают свой грабительский поход. Многие из них гибнут в боях и от болезней, но в их ряды вливаются освобожденные русские пленники, местная беднота. Уже в это время движение Разина приобретает социальный характер — за бедных против богатых, и не только в России, но и за ее пределами. В решающей морской битве челночный флот Разина разгромил флот персидского адмирала. После этого казаки повернули домой.

Когда они появились в виду Астрахани, то весь город высыпал им на встречу. По всему Каспию уже летели легенды о блестящих победах Разина над своими противниками.

Разин, однако, на этот раз высказал полную лояльность властям, одарил местного воеводу дорогими подарками. Сдал, как того требовали власти, тяжелые пушки и получил разрешение пройти обратно на Дон.

На Дону Разин со всем своим войском обосновался в верховьях реки, в Кагальницком городке. Туда прибывало все больше беглых, сирых и убогих, пополняя ряды разинского движения. Теперь в Донской области оказалось два центра. Один официальный — в Черкасске, где верховодили домовитые казаки и их атаманская верхушка, а другой — в Кагальнике, где бушевали разинские ватаги, рвавшиеся в бой за новыми «зипунами», но

главное — отомстить своим обидчикам — помещикам, вотчинникам, воеводам, приказным людям, от которых они претерпели столько мучений.

Уже весной 1670 г. Разин рассылает по всем окрестным местам свои «прелестные грамоты» с призывами идти «бить бояр и воевод».

Другим лозунгом движения стал призыв «черным людям дать свободу». Под изменниками понимались все, кто притеснял и обижал народ. Слова о свободе «черным людям», по существу, означали освобождение народа от всех форм крепостной зависимости. При этом разинцы подразумевали, что царь невинен в насилиях и неправдах его помощников.

Таким образом, движение под руководством Степана Разина стало первым в истории России, которое выступило против всего существующего порядка вещей, но не поднимало руку на государя всея Руси. В этом была его слабость и непоследовательность. Восставшие не понимали, что царь и верхи общества — это одна система. В начале мая 1670 г. разинцы выступили в поход.

Уже в начале похода казаки не искали никаких заморских «зипунов», т. е. заморской добычи. Первым волжским городом, вставшим на их пути, была хорошо укрепленная крепость Царицын. Разин едва успел осадить город, как жители сами открыли ему ворота. Началась расправа над царской администрацией — воеводами, приказными людьми, стрелецкими начальниками, а также богатыми купцами. Все, что было захвачено, сносилось в общий круг, а там уже делилось между повстанцами. Причем часть пожитков доставалась и простым людям-царицынцам, а также стрельцам, которые переходили на сторону Разина и вливались в его войско.

В Царицыне Разин дал образец нового управления городом. Здесь стал действовать казацкий круг, куда входили все жители города, они выбирали своего атамана, есаулов, других должностных лиц.

Оставив Царицын, Разин пошел вниз по Волге. Один за другим ему сдавались царские города. Высланные против него стрелецкие части переходили на его сторону, с воеводами и стрелецкими начальниками расправлялись на месте.

Скоро повстанческое войско исчислялось уже десятками тысяч человек. Наконец, вдалеке показались стены Астраханского кремля, где год назад народ восторженно встречал удачливого атамана. На поддержку простого народа Разин надеялся и на этот раз.

В городе был крупный гарнизон, которым командовал опытный воевода князь И. С. Прозоровский.

Но под натиском Разина не устояла и Астрахань. Во время ночного штурма города в нем вспыхнуло восстание «черных людей», стрельцов, солдат гарнизона. Прозоровский отбивался отчаянно, но город был взят, и все воеводы и офицеры захвачены в плен. По приговору круга десятки человек местной знати, администрации, начальных людей, местных богатеев было казнены. Престарелого воеводу сбросили «с раската», т. е. с кремлевской стены. Его двенадцатилетнего сына повесили здесь же на стене вниз головой.

Оставив своего сподвижника Василия Уса в Астрахани, Разин двинулся в глубь России.

Без боя ему сдаются Саратов, затем Самара. Впереди на высоком берегу стояли высокие стены и виделись золоченые купола церквей Симбирска.

Повстанческое войско вступает в уезды с обширными вотчинами, помещичьими и церковными владениями, многочисленным крепостным крестьянским населением.

Теперь восстание из казачьего быстро перерастает в крестьянско-казачье. Там, где появляются казачьи отряды или отдельные посланцы Разина с его «прелестными грамотами», вспыхивает повстанческий пожар. Крестьяне захватывают усадьбы помещиков и вотчинников, делят между собой их имущество, жгут кабальные документы, захватывают спорные земли, организуют по образу разинского управления свои крестьянские круги с выборными лицами. Наиболее ненавистных феодалов и начальников бросают «с раската», топят в реках.

В огне восстания оказывается все Поволжье, Центрально-Черноземный район. Его языки доходят до северных городов, до Приуралья, волнения охватывают Слободскую Украину, башкирские, татарские, марийские, чувашские, мордовские деревни. На освобожденной территории прекращается выплата государственных налогов, оброков, выполнение барщинных работ. Повсюду люди тянутся к свободной, вольной жизни, к нездержанной никакими рогатками предпринимательской деятельности.

В районах, занятых разницами, не отменялась частная собственность, не ликвидировалась торговля, денежные расчеты, но все это происходило уже без феодальных налогов, ограничений, бюрократической волокиты приказной администрации.

Однако расширение восстания не усилило, а скорее ослабило его. В его ряды вливались люди, которые никогда не имели дело с боевым оружием — мирные крестьяне, посадские люди, мелкие торговцы, ремесленники. Они не знали, что такое военная дисциплина и тактика боя. Их оружием были вилы, косы, дубины. Посланные на усмирение карательные отряды зачастую довольно быстро рассеивали их и восстанавливали порядок.

Первый штурм Симбирска не увенчался успехом, и Разин начал планомерную осаду города с суши и со стороны Волги.

А в это время пришла в движение вся самодержавно-феодалная, чиновничья, церковная Россия. Правительство Алексея Михайловича бросило значительные силы для защиты тех порядков, которых страна с большим трудом, с невероятными страданиями добилась в послесмутное время. Разинское движение грозило разрушить стабильность государственной системы, опрокинуть устоявшиеся общественные ценности, как бы несправедливы они ни были в те далекие времена.

Для борьбы с восстанием Алексей Михайлович мобилизовал лучшие воинские силы России. Наиболее боеспособные части были стянуты даже с польской границы. В армию включили полки «нового строя» — рейтарские и драгунские части во главе с иностранными офицерами. Медленно и неотвратимо надвигалась на повстанцев тяжелая полевая и осадная артиллерия. Царь устроил войскам военный смотр в Арзамасе. Во главе карательных войск Алексей Михайлович поставил лучших русских полководцев Ю. А. Долгорукого и Ю. Н. Борятинского.

Не спеша царская армия стала продвигаться к Поволжью.

Попутно карательные отряды подавляли очаги сопротивления в отдельных уездах, селах и деревнях.

Долгорукий сурово карал ослушников, повсюду вдоль дорог стояли виселицы с повешенными повстанцами. Сотням людей в наказание отрубали руки, вырывали языки, выжигали на лбу и щеках позорные знаки.

В начале октября 1670 г. за Симбирск разгорелось ожесточенное сражение, в ходе которого повстанцы проявили чудеса храбрости и самоотверженности. Но и войска подошедшего сюда князя Бояртинского выказали высокую боевую выучку, преданность престолу и стойкость. К тому же совершили вылазку и войска гарнизона. Повстанцы попали между двух огней.

Разин дрался в гуще сражения, увлекая своим примером товарищей. Однако был ранен сабельным ударом в голову. Истекающего кровью и потерявшего сознание атамана перенесли в один из стругов, которые стояли на берегу Волги под тщательной охраной. В случае поражения для повстанцев это был последний путь к спасению.

Сражение еще продолжалось, но казацкие атаманы уже отчалили от берега. Их струги летели вниз по Волге, туда, где ладьи легко было перетащить на Дон. А там были уже свои обжитые безопасные края. Разина привезли в Кагальницкий городок, откуда он начал антибоярский поход, а царские войска продолжали громить повстанческие отряды. Дольше всех, около года, держалась восставшая Астрахань, но в конце концов пала и она.

Кое-где очаги восстания еще вспыхивали, среди крестьян поволжских лесов распространялись грамоты, что атаман вот-вот снова выйдет на Волгу, что он лишь скрывается до поры до времени. Но Разина все не было, а его соратники и помощники один за другим оказывались в царских застенках и клали головы на плаху.

В апреле 1671 г. в Кагальнике был схвачен и сам атаман. Арестовали его домовитые казаки, которые пришли к нему как бы для увещевания, убеждали повиниться перед властями. Но Разин был непреклонен. Он надеялся «собрать новых молодцов и снова пойти в Русь защищать сырых и убогих». Но сделать этого ему не удалось: несколько домовитых казаков навалились на него, скрутили руки.

Под усиленной охраной в клетке, поставленной на телегу, повезли Разина в Москву. Там он выдержал долгие допросы, в том числе в присутствии самого Алексея Михайловича, перенес невероятные пытки. Но атаман не потерял присутствия духа, не дрогнул, не выдал своих еще бывших на свободе соратников.

Степана Разина казнили четвертованием на Красной площади при огромном стечении народа. Вся боярская, помещичья, купеческая Москва вышла посмотреть на смерть своего злейшего врага.

Восстание Степана Разина показало, что уже в то время русское общество было расколото на непримиримые части. Между ними невозможно было вести переговоры, диалоги, достичь компромисса. Все вопросы решались силой, кровью, взаимным уничтожением. Это стало характерной чертой российской жизни и в последующие времена.

§ 8. Реформа церкви и раскол

Но одновременно в Российском государстве нарастали новые крупные общественные противоречия. На этот раз между церковью и государством, или, как тогда говорили, между «священством» и «царством». Чья власть в этом мире выше над людьми — церковная или светская, патриарха или царя?

Со временем церковь в России обрела огромную силу. Государство нуждалось в церкви во время борьбы с иноземными захватчиками, в период сплочения, централизации государства. Церковь освящала крестом и молитвой великие свершения народа. Необходимо иметь в виду и то, что великие государи, особенно Романовы, были глубоко верующими людьми и для них представители религиозного культа были исполнены особой священной силы. Цари рассматривали их как своих пастырей, прислушивались к их мнениям. Церковь в свою очередь нуждалась в защите со стороны государства: власти охраняли ее земельные богатства, полученные льготы и привилегии.

Но чем сильнее, крепче становилась в России самодержавная власть монарха, чем увереннее утверждалась правительственная система управления страной с ее сильной бюрократией, могучей армией, новым сводом законов, тем меньше в этой системе отводилось места церкви. Царская власть не могла смириться с существованием в России еще одного «государства в государстве» — с огромными земельными владениями, мощным политическим влиянием, различного рода судебными и налоговыми льготами, которых давно уже лишены светские землевладельцы.

Вот эти-то две мощные силы и вступили в очередную схватку за верховную власть в 60-е гг. XVII в.

Все началось с малого. В условиях упорядочения жизни государства, создания новой приказной системы управления, разработки нового свода законов, формирования полков «иноземного строя» лишь церковная среда оставалась вне возникших веяний. А потребность в них ощущалась немалая. И в них нуждалась и церковь, и государство. Необходимо было обновить, привести в соответствии с требованиями времени церковные службы и обряды, исправить книги.

За долгие столетия в церковном богослужении, в обрядах накопилось немало несуразностей и ошибок, в церковных книгах, когда-то переведенных с греческого, многие тексты были искажены малограмотными переписчиками. Русские иконописцы, создавая иконы, порой отходили от строгих греческих канонических правил изображения святых ликов и религиозных сюжетов. Более того, даже крестное знамение с годами на Руси претерпело изменение — вместо крещения тремя перстами (что означало высшую религиозную символику — Бога Отца, Бога Сына, Бога Духа Святого) на Руси стали креститься двумя перстами, что вызывало удивление в остальном православном мире.

Все это имело не только чисто религиозное значение, но и политическое в связи с тем, что после объединения Украины с Россией украинская церковь объединялась с русской. Между тем это можно было сделать только при унификации обрядов, служб, правил обеих церквей, восходивших к греческим православным оригиналам.

Поэтому в руководящих кругах и церкви, и государства, при активном участии царя Алексея Михайловича, началась подготовка к очищению церкви от наносных явлений, искажений. Все это рассматривалось как дальнейшее упорядочение жизни страны и возвышение религиозного авторитета православной церкви.

Проводником этих новшеств стал новый российский патриарх Никон (1605—1681), возведенный на патриарший трон в Успенском соборе Кремля в 1652 г.

Судьба этого человека была удивительной. По рождению Никита Миннов (так звали мальчика в миру) был мордвином. Он рано осиротел, с детства приобщился к чтению духовных книг и стал готовить себя служению церкви. Некоторое время провел послушником в знаменитом Макарьевском монастыре, неподалеку от Нижнего Новгорода, а потом стал священником. Его семейная жизнь оказалась трагической. Одного за другим они с женой потеряли трех малолетних детей. После этого он ушел из семьи в далекий скит на Белом море и постригся в монахи под именем Никона. Вскоре слух о его строгой, аскетичной, подвижнической жизни во славу Бога широко пошел по Руси. Его выбирают игуменом монастыря, а позднее представляют царю. Высокий, строгий, черноволосый, с пронзительным взглядом темных глаз, честный и прямой Никон произвел на религиозного царя большое впечатление. Его оставили в Москве.

Именно тогда около царя формируется кружок «ревнителей истинного благочестия». К ним принадлежал духовник царя Стефан Вонифатьев, выходец из священников Нижегородского уезда, ставший в Москве протопопом Аввакумом, просвещенный человек, близкий к царю окольничий Федор Михайлович Ртищев и некоторые другие. Все они были людьми высокообразованными, яркими, прекрасными ораторами. Недаром их проповеди собирали огромное количество прихожан. Именно в этом кружке и появились идеи очищения церкви от старой скверны.

Особенно активно реформирование церкви пошло, когда патриархом стал энергичный целеустремленный Никон. При нем, кроме уже принятых нововведений, стали внедряться новые: поклоны в церквях только в пояс, а не до полу, двоеперстное крещение было заменено трехперстным. Началось широкое и повсеместное исправление книг, с которых теперь делали уже печатные оттиски. Книгу исправляли в соответствии с нормами современного языка, что было вполне естественно и более понятно людям. Написанные не по древним канонам иконы убрали из церквей и заменяли их новыми.

По сути все эти нововведения были чисто обрядовыми, формальными. Они нисколько не затрагивали сущности религии. Напротив, они очищали церковь от вековых неверных, в том числе языческих, наслоений, делали ее более ясной, понятной народу. Кроме того, Никон развернул широкую кампанию за усиление нравственности церковнослужителей, боролся против случаев пьянства в церковной и монастырской среде, требовал истового исполнения служб и обрядов.

Но совершилось неожиданное: если часть духовенства, понимая необходимость перемен, поддержала усилия «ревнителей» и самого Никона, то большинство церковников встретили новшества в штыки.

Малограмотные, давно погрязшие в мирских делах и расчетах священники, монахи враждебно отнеслись к дисциплинарным мерам Никона. К тому же им было привычно произносить пусть и невразумительные, но давно заученные священные тексты. И старые книги для них были также привычными, и им не хотелось участвовать в их переработке и обновлении. Это требовало знаний, усилий.

Но главное, с чем столкнулись церковные реформаторы, оказалось сопротивление самих прихожан. А объяснялось это весьма просто. По этим книгам велись службы десятилетиями, если не веками. Старые лики икон срослись с жизнью верующих: ежедневно они приходили в церковь, видели их, молились им. Эти «намоленные», ставшие святыми для них иконы были частью их веры, их жизни. То же и книги. И вдруг оказалось, что все это у них, у простых людей, отнимают, переделывают. И многие верующие начинают прятать книги, скрывать в подпол и на чердаках иконы. Больше того, их стали заставлять креститься тремя перстами, между тем как столетиями их отцы и деды знали лишь двоеперстное крещение. Все вместе потрясло верующих до глубины души. Казалось, происходит что-то страшное. Кто-то подменяет их вековую старую религию.

Несогласные объявили себя приверженцами старой веры, или староверами. Так начался раскол в русской церкви, раскол в обществе. Он имел большое значение в жизни страны. Порой принимал формы отчаянной и даже вооруженной борьбы. Среди староверов оказались люди самых различных социальных слоев. Были там и бояре, например знаменитая боярыня Морозова, и купцы. Но в основном к староверам относились крестьяне, посадские люди.

Особенно людей потрясали жестокие методы борьбы со свергнутыми святынями. Иконы бросали в костер, выкалывали им глаза, книги уничтожали. Сурово запрещалось проведение всяческих языческих праздников и обрядов. Суровый и сильный характером патриарх жесткими мерами стремился искоренить пьянство в церковной среде, нерадивое отношение к церковным службам. Виновных били батогами, сажали на цепь, ссылали. Никон принимал самые крутые меры к раскольникам, многих, в том числе непокорных иконописцев, отлучали от церкви.

Против таких методов реформирования церкви выступили прежние союзники Никона — «ревнители истинного благочестия», в том числе неистовый протопоп Аввакум. В своих страстных проповедях он стал обличать Никона за богоотступничество, насилие над людьми. В ответ Никон отправил Аввакума и других ревнителей в ссылку. В глазах староверов они обрели облик мучеников.

Царь поначалу занимал в этих спорах нейтральную позицию, полагая, что обновление церкви, совершенствование ее нравственности для устраивающегося государства совершенно необходимо. Но деятельность Никона стала выходить за рамки чисто церковных дел. Пользуясь расположением к нему царя, он сосредоточил в своих руках огромную власть. Когда Алексей Михайлович выезжал к действующим войскам на польскую границу, в Москве во главе правительства он оставлял патриарха. Никон стал активно вмешиваться в сферу управления страной. Скоро Никон стал обличать действия властей, направленные на ограничение прав церковного земле-

владения. В своих проповедях в Успенском соборе Кремля он стал рассуждать о преимуществе духовной власти над светской, «священнова» над «царством», явно стремясь стать при обходительном и богомольном Алексее Михайловиче «московским папой».

Назревала открытая борьба между царем и патриархом.

Окончательный разрыв между царем и Никоном произошел в 1658 г. Никон уехал в своей подмосковный Воскресенский монастырь, который гордо называл Новым Иерусалимом. Однако сан патриарха он с себя не сложил и ждал, что царь опомнится и призовет его в Москву обратно. Но не тут-то было. Все высшее общество ополчилось против Никона за его власть и государственные амбиции, за то, что его резкие действия ввергли страну в раскол.

Борьба с Никоном длилась долго. И лишь в 1666 г. на общем Соборе вселенских патриархов, съехавшихся в Москву, он был лишен патриаршего сана. На Соборе было четко сказано, что царь имеет преимущество в делах гражданских, а патриарх — церковных. Это был компромисс. Никону определили жить простым монахом в дальнем Ферапонтовом монастыре. Позднее его сослали еще дальше в Кирилло-Белозерский монастырь, где он и умер.

В Москве выбрали нового патриарха. Однако правительство продолжало дело совершенствования и очищения церкви. А это означало, что креп и ширился раскол в русском обществе. Создавались целые раскольничьи поселения. В лесной глухомани возникали раскольничьи скиты. А когда войска подходили вплотную к церковным послушникам, то те сжигали себя, поднимая в предсмертных муках руку с двумя перстами. Такие самосожжения называли «гари». И немало таких «гарей» в XVII—XVIII вв. полыхало на Руси.

Со временем лидером раскола стал протопоп Аввакум, который теперь обличал не только Никона и «никониан», но и царя за проводимые реформы. Его ждала мученическая смерть — он был сожжен за свои антиправительственные проповеди.

Теперь старообрядцы стали своеобразной частью русского православного населения со своими обрядами, традициями, старой церковной утварью, древними книгами. В их среде культивировался религиозный фанатизм, высокая нравственность, честность, трудолюбие. Из числа старообрядцев вышло немало известных купеческих династий, крепких хлебопашцев, искусных ремесленников.

§ 9. Усиление царской власти

Когда мы говорим о самодержавии, то должны ясно представлять себе, что это не только неограниченная власть одного человека в государстве, но и создание такой системы, при которой самодержец может осуществлять эту власть. И чем крепче, слаженнее работает вся система на одного человека, тем сильнее, крепче самодержавие. К этой системе Россия пришла не сразу. Попытка ее создания путем репрессий и страха была предпринята еще Иваном Грозным. Смута опрокинула эти попытки. И теперь шаг за шагом, постепенно, но неумолимо в стране снова утверждалось самодержавное правление. Каковы же были причины этого?

Во второй половине XVII в. Россия не только стабилизировала свою экономику, наладила прочные международные связи с окружающими странами. Она прошла новые тяжелые общественные испытания: одержала нелегкую победу в русско-польской войне, пережила испепеляющее разинское движение, подавление которого потребовало огромных материальных и военных сил. Наконец, Россия вступила в период церковного раскола, которому не было видно конца.

Все эти общественные явления в сильнейшей степени оказывали воздействие на самую государственную власть. Именно российской государственной системе, российской власти приходилось в первую очередь решать все встающие перед страной внешние и внутренние, в том числе социальные, проблемы.

Поэтому ко второй половине XVII в. российское самодержавие стало еще более сильным.

Усиление царской власти в значительной степени происходило в ходе войны с Польшей. Многие вопросы должны были решаться быстро, разумно, без проволочек. Когда Алексей Михайлович был в действующей армии, его распоряжения, касающиеся и армии, и внутреннего устройства страны, также обязаны были исполняться тотчас и беспрекословно. Невозможно было собирать Земские соборы. И не случайно именно в ходе войны они постепенно отмирают.

Ушло в прошлое то время, когда Боярская дума долгими часами обсуждала какой-нибудь мелочный вопрос. Теперь решения требовались скорые, но хорошо продуманные. На первый план все больше выдвигаются грамотные способные люди, которые порой задвигают в тень родовитых престарелых долгодумов.

Одновременно царь создал так называемую ближнюю, или тайную, думу, где и решались по-государственному эффективно и без промедления все наиболее важные вопросы.

По-прежнему органами центрального управления в стране являлись приказы.

Когда-то зародившись при Иване III как органы централизации страны, борьбы с сепаратизмом отдельных земель, теперь, в новых условиях, приказы чаще порождали неразбериху и путаницу в управлении, множили злоупотребления, коррупцию, взяточничество.

Не случайно уже во второй половине царствования Алексея Михайловича началось объединение некоторых приказов. Появился своеобразный приказ над приказами — приказ Тайных дел. Его функция заключалась в том, чтобы служить целиком воле великого государя, через особо доверенных его лиц осуществлять надзор за всеми гражданскими и военными делами в стране, иметь право вмешиваться в дела любого другого приказа и принимать там решение «волей великого государя». Кроме того, сотрудники этого приказа были соглядатаями и контролерами в армии, в дипломатических миссиях, что свидетельствовало уже о зарождении тайной царской полиции. В приказ Тайных дел стекались разного рода доносы, сведения о настроениях людей. В этом приказе царь имел свое «рабочее место» — стол с письменными принадлежностями — и немалое время проводил здесь, работая над документами. Усилению царской власти способ-

ствовал и Счетный приказ, который осуществлял согласованность финансовых операций других приказов и контролировал поступление денег в государственную казну.

Существенной частью всей системы власти, укрепления самодержавия являлась армия. Здесь во второй половине XVII в. также начались существенные перемены. Усиление армии шло за счет повышения ее профессионализма, внедрения современного вооружения. Но этот процесс был медленным.

Прежняя малодисциплинированная дворянская конница, хотя и была основной частью русской армии, уже не выдерживала конкуренции с новейшими регулярными армиями Запада. Более дисциплинированными и современными являлись стрелеские части, которые считались уже военно-профессиональными. Но и стрельцы в мирное время занимались в своих слободах ремеслами и торговлей, во многом сливаясь с посадскими людьми.

Недаром еще при царе Михаиле началось формирование полков нового, или иноземного, строя. Такие формирования стали широко применяться уже Алексеем Михайловичем в годы русско-польской войны. Солдатские, рейтарские и драгунские полки представляли собой уже вполне профессиональные войска. Солдаты набирались сюда из «охочих» людей. Служили они за плату. Постоянным занятием их жизни становились военные упражнения, маневры.

Важным направлением укрепления самодержавия в России стало всецелое возвеличивание «его государского величества». Это была хорошо продуманная политика. Во многом она учитывала и уровень бедного и темного народа.

Царь появлялся на людях чрезвычайно редко, только в дни больших государственных торжеств, крупных религиозных праздников. Его проезды по улицам столицы или других городов страны сопровождались особым ритуалом. Все встречные должны были сойти с коней, снять шапки, шляпы и, поклонившись, стоять «смирно и немятежно».

Выходы царя на встречу с иностранными послами, его появление в Боярской думе, выезды на богомолье обставлялись с необычайной пышностью и богатством. Царь выходил в роскошном одеянии, отделанном золотом, серебром, драгоценными камнями. Его конь или карета блистали дорогим убранством. Конные и пешие вооруженные отряды со знаменосцами сопровождали царя.

Ошеломляющим великолепием отличались приемы и отпуски иностранных послов.

Особую роль в разработке ритуалов торжественных выходов царя в дни православных праздников играла Церковь. Личное участие в возвышении престижа государя всея Руси принимали московские патриархи. Выходы царя на торжественные службы в Успенском соборе Кремля напоминали явление Божества народу.

Ничего подобного Россия в первой половине XVII в. не знала. Подобное возвеличивание личности царя было связано с изменением исторических событий в стране.

Уложение 1649 г., как мы помним, подчеркнуло незыблемость и высочайший ранг царской власти.

Особенно большое влияние оказывало в этом смысле духовенство, которое упорно внедряло в народной среде идею о богоданности царской власти в России, о русском царе как наследнике православной Византийской империи, как лидере всего православного мира. После разрухи Смутного времени, бесконечных войн и междоусобиц народ нуждался во властелине, который был бы их общим заступником и защитником. Таким и складывался облик российского монарха в течение десятилетий XVII в.

Личность царя Алексея Михайловича. Конечно, такой образ царя в сознании народа должен был в полной мере соответствовать личным чертам самого монарха — твердого в отстаивании государственных интересов, богомольного, не зависящего от чужих суждений и наговоров, жестокого по отношению к врагам государства, насильникам, душегубцам, ворам, казнокрадам; гуманного и чуткого, постоянно заботящегося о благоденствии и процветании страны. Царь Михаил Федорович и его сын Алексей Михайлович сделали для создания этого образа очень много.

История показала, что идеальных правителей не бывает. Не был таким и Алексей Михайлович. Но в историю России он вошел как человек и монарх, который, кажется, делал все необходимое для жизнеобеспечения страны и ее развития так, как это понимало большинство российского общества. Причем проводил свою политику осмотрительно, осторожно, не предпринимая резких движений, неподготовленных шагов.

К исходу жизни (а умер он на 47-м году) Алексей Михайлович — уже не тот порывистый, забавлявшийся лишь охотой и прочими развлечениями человек. За его спиной стояли война, крупные народные бунты, борьба с Никоном и раскол церкви.

Это был высокий полный человек с русской шевелюрой и синими глазами, с величавыми манерами правителя огромной и могучей страны, которую он привел в состояние стабильности, военных успехов, международного признания и процветания по сравнению с прошлыми годами.

Его основной чертой характера оставалась искренность и твердость в вере и огромное чувство долга по отношению к своей стране и ее народу. Кажется, этому он подчинил всю свою жизнь. Своим помощникам Алексей Михайлович любил повторять: «Идите путем средним, праведным, не уклоняйтесь ни вправо, ни влево». Этот «средний путь», которого он придерживался всю жизнь, стал основой всей его внутренней и внешней политики. Вспыльчивый, но отходчивый, он охотно шел на компромиссы, если понимал, что добиться желаемого удастся только так, он легко отступился от завоеваний в Прибалтике, учитывая, что сил у России в одновременной борьбе с Польшей и Швецией не хватит, все внимание перенес на войну с Речью Посполитой.

Так же Алексей Михайлович строил отношения с людьми. Обидев кого-либо резким словом, он готов был позднее загладить свою вину: действовал и по велению сердца, и по христианским заповедям. Вера для него была не формальным пустым звуком. Главная его забота в жизни заключалась в спасении души. Этим объяснялись многие его поступки и решения. Он неустанно повторял, что все люди смертны, что все из земли вышли и в

землю уйдут. И человек призван на этом свете лишь выполнять Божью волю. И монархи, и последний нищий равны перед Всевышним.

Христианские заповеди он чтит свято и истово.

Но жизнь была сложна, противоречива и жестока, и Алексей Михайлович пытался в ее страшных хитросплетениях найти свою христианскую линию. Так, при подавлении восстания Степана Разина именно по указу царя казнили десятки тысяч повстанцев. И тем не менее расправы определялись не этой волей монарха, зверством воевод, а регламентировались тогдашними законами, в частности Уложением 1649 г. Государство и царь выступали за порядок, созданный с таким трудом в России в течение десятилетий XVII в. Правы те, кто утверждает, что Алексей Михайлович никогда не поступал более жестоко, чем требовал действующий закон.

В то же время во многих случаях он проявлял свою истинно христианскую сущность. Именно при нем в России широкую практику получила система выкупа воннов, захваченных в плен крымцами и турками, поляками. Если выкупленными были крепостные крестьяне и холопы, то они отпускались на волю.

Широко известна благотворительная деятельность царя. Он жертвовал большие деньги на лечение увечных и больных, на содержание богаделен, на одаривание деньгами нищих.

По его приказу по Москве регулярно развозили продовольствие, хлеб и бесплатно раздавали нуждающимся.

Алексей Михайлович в еще большей степени, чем его отец, был человеком разносторонних знаний, интересов и увлечений. С отрочества и до конца дней любил чтение. Обладал хорошим для своего времени стилем письма и собственноручно создал историю русско-польской войны.

Он увлекался хорovým пением. Впервые при Алексее Михайловиче в Москве начались театральные представления. Царь был до них большой охотник.

В облике Алексея Михайловича все более определенно выступал тип современного человека, находившегося под влиянием общеевропейских культурных процессов. Он стал переходной фигурой от правителя старомосковской патриархальной, закрытой для остального мира Руси к монарху уже нового рождающегося европейского Российского государства. Здесь он проложил дорогу Петру I.

Царь все шире открывал Россию западным обычаям и традициям. Кремлевский дворец украшался европейской мебелью и обоями. Из-за границы регулярно поступали газеты. Своих старших детей, в том числе наследника престола Федора (1661—1682) и царевну Софью (1657—1704), сыгравших позднее заметную роль в истории России, он приказал обучать латыни и польскому языку. Их наставником стал один из выдающихся деятелей славянской культуры второй половины XVII в. Симеон Полоцкий — писатель, мыслитель, педагог.

Немало рядом с царем было выходцев из других стран — военных, переводчиков, врачей, торговцев. Алексей Михайлович широко открыл двери в Россию иностранным специалистам разных направлений и ценил их труд.

Алесе́й Миха́йлович был первым русским царем, который проявил интерес к созданию русского флота. Он попытался начать его строительство на Оке, а суда переправлять по Волге в Каспийское море. В Астрахани на воду был спущен многопушечный фрегат «Орел». Однако он сгорел во время восстания Степана Разина.

Но в Алексее Михайловиче было и немало патриархального, старомосковского. Например, в конце жизни, видимо, под влиянием церковников, он стал сворачивать контакты с Западом, ввел строгости в одежде и наказывал за короткостриженные на западный манер волосы и за короткое платье. Не одобрял он и бритье бород.

В личной жизни Алексей Михайлович испытал немало счастливых часов. Царская семья была большая, дружная. Но горе не обошло ее стороной — наследники умирали один за другим, похоронил он и одну из дочерей. А затем из жизни ушла и его верная спутница жизни — Мария Ильинична Милославская.

Через два года Алексей Михайлович женился вторично, на красавице, смоленской дворянке Наталье Кирилловне Нарышкиной. В 1672 г. она родила ему сына Петра, а затем двух дочерей. Теперь вокруг стареющего и все чаще болеющего царя началась борьба двух мощных семейных кланов — Милославских и Нарышкиных. Пока царь был жив, он умел умиротворять страсти. Но после его смерти это противоречие очень скоро вылилось в драматические страницы российской истории.

Умер Алексей Михайлович в начале 1676 г. Предчувствуя кончину, он приказал выпустить из тюрем всех узников, освободить всех сосланных, заплатить из своей казны все частные долги и простить людям долги казенные.

ГЛАВА 2. РОССИЯ НАКАНУНЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

§ 1. Правление Федора Алексеевича

Тело царя еще не остыло, а родственники его первой жены Милославские и близкие к ним люди перенесли больного в ту пору четырнадцатилетнего наследника престола Федора Алексеевича в Грановитую палату Кремля, посадили его на трон и начали присягать новому царю.

Спешка была не случайной. С появлением второй жены царя Н. К. Нарышкиной Милославские были отодвинуты от трона. Теперь по дворцу прошел слух, будто всемогущий вельможа покойного царя, глава Посольского приказа боярин А. С. Матвеев вынашивает планы вообще отстранить от управления страной клан Милославских и возвести на престол четырехлетнего Петра, сына Н. К. Нарышкиной.

Основания для таких слухов были, так как оба оставшиеся в живых старшие сыновья Алексея Михайловича Федор и Иван были мальчиками болезненными, а Иван вообще был слабоумным в противоположность Петру — живому, энергичному, любознательному.

Федор болел цингой, у него опухали ноги, часто он плохо себя чувствовал. К тому же в возрасте 13 лет с ним произошел несчастный случай. Однажды зимой, во время прогулки на санях вместе со своими сестрами и тетками, он вызвался сесть на коня и в качестве возницы прокатить их. Людей в сани набилось много, и лошадь не в силах была сдвинуть их с места, встала на дыбы и сбросила с себя седока, а потом рванула вперед, и Федор попал под полозья тяжело груженных саней, которые переехали ему спину. С тех пор его здоровье стало еще хуже. Мучили боли в спине и груди, иногда он ходил с палочкой.

Все это и относилось к той неожиданной ситуации, которая сложилась в России в 1676 г. и грозила кризисом самодержавной власти. Но на этот раз все обошлось.

Милославские сплотились вокруг трона против Нарышкиных. В первый же день нового царства они захватили все ключевые позиции в государстве. На следующий день Федору присягнули стрелецкие полки и начало присягать московское население. По всей России полетели грамоты о смене монарха.

И сразу же при слабом и юном правителе боярские кланы начали систематически ослаблять власть единодержавного монарха и усиливать роль боярской аристократии. С одной стороны, это ослабляло центральную власть, усиливало всевластие боярских группировок, их стремление к личному обогащению, использованию доставшейся власти в личных целях. Но с другой стороны, в России вновь появилась возможность ограничить самодержавие, пусть и такой дорогой ценой, и в дальнейшем повести страну по пути коллективного управления с внедрением выборных, конституционных начал.

И действительно, в первые годы правления Федора был нанесен удар по тем органам власти, которые укрепляли самодержавие при Алексее Михайловиче. Упразднены приказ Тайных дел и тайная сыскная система, лик-

видирована Счетная палата, жестко контролировавшая расходы государственной казны. Перестал существовать и Монастырский приказ — ведомство, подчинявшее церковь царю. Против этого учреждения яростно выступил патриарх. В то же время резко возросла роль Боярской думы.

Одновременно Милославские и их друзья попытались полностью отдалить от двора семейство Нарышкиных с малолетним Петром — сводным братом царя. Предлагалось их вообще выселить из дворца в дальнюю часть Кремля. На Федора оказывали давление, чтобы он устранил от дел главу Посольского приказа А. С. Матвеева, братьев Нарышкиных.

Согласившись со многими предложениями бояр, царь в конце концов снял со своего поста Матвеева и сослал братьев Нарышкиных. Однако Федор уперся в вопросе об удалении из дворца Петра и его матери. Он был крестным отцом Петра, любил его, следил за его обучением и играми, именно Федор Алексеевич был первым, кто пристрастил Петра к военным забавам.

Постепенно Федор Алексеевич вырос. Он по-прежнему оставался таким же болезненным и деликатным с виду, но в нем все тверже проявлялся истинно царский, самодержавный характер.

Практически с 1679 г., когда ему исполнилось 18 лет, он прочно взял власть в свои руки. Началась вторая, увы, очень короткая половина его правления. Всего три года. Но какими они оказались насыщенными! Что ни год, то новшество, повороты во внутренней политике, масштабные реформы, смелые проекты на будущее. Эти три года — до смерти царя в 1682 г. в возрасте всего 20 лет — стали важным периодом в истории страны, потому что во многом они готовили будущие реформы Петра I.

Во-первых, Федор убрал людей, которые мешали ему, и прежде всего удалил от дел лидера семейства Милославских, который был оплотом боярских сил в правительстве. Вокруг царя спланировалась группа молодых способных людей — окольничий Языков, стольники братья Лихачевы, молодой боярин и воевода Василий Васильевич Голицын (1643—1714), некоторые из них позднее станут сподвижниками Петра I. Современники говорили, что они — люди «великого разума и самого благочестивого состояния исполненные».

Вновь появился верховный орган, куда сходились все спорные вопросы из других приказов, — Расправная палата. Она подчинялась непосредственно царю. Федор Алексеевич все чаще подписывает указы самолично, без совета со старой Боярской думой. Сократилось количество приказов. Некоторые из них, в частности ответственные за военное дело, объединились под одним руководством. Царь самолично установил часы работы центральных ведомств и требовал решать дела быстро и «безволочитно».

Царь со своими молодыми помощниками приступил к проведению важных реформ в военной, финансовой областях и в сфере центрального и местного управления.

Продолжалось формирование полков нового строя, разделенных на сотни и роты, во главе которых вставали иностранные военачальники. Некоторые из них позднее остались и при Петре. Все служилые люди государства были разбиты по территориальному признаку. Появилось девять военных округов, где комплектовались полки, которые в случае необходимости

вливались в единую армию. Здесь же в армию определяли и «даточных» людей, которых были обязаны поставить из своих поместий дворяне. В дальнейшем эта линия получила развитие уже во времена Петра I. Всеми военными делами ведал глава объединенных военных приказов. Произошла подлинная централизация военного дела в стране.

В то же время правительство Федора Алексеевича всячески поддерживало собственность дворян на землю и право на эксплуатацию крестьян. Ряд указов все более сближал поместья с вотчинами. Для того чтобы добыть дворянам дополнительные земли, царь приказал создать против татарских набегов новую засечную черту, продвинув ее глубоко на юг, а оставшиеся в тылу земли заселить людьми и отдать эти земли помещикам. Усилился и ожесточился сыск беглых крестьян. В этой области жизни страны смягчения не предвиделось.

В финансовой области правительство Федора Алексеевича пошло на упрощение и сокращение налогов. Вместо многих прежних налогов, которые собирали различные приказы, давая простор вымогательствам и утаиванию денег, был введен уменьшенный по общему размеру единый налог, так называемые стрелецкие деньги. Их исчисляли по просьбе населения подворно в зависимости от достатка людей «по животам». Теперь все прежние «льготники» были обложены налогом.

Реформировал Федор Алексеевич и местное управление. Власть воевод на местах была усилена, а их ответственность перед центром возросла. Многие учреждения власти и должности на местах были ликвидированы, а их функции переданы местным воеводам, в том числе судебные и другие дела. Теперь население зависело лишь от воевод. Прежде люди вынуждены были улаживать многих должностных лиц. Отныне их единственным начальником, в частности в отношении сбора налогов, становился воевода. Царь, конечно, знал, что воеводы грабят народ, берут взятки, расхищают государственную казну. Поэтому в указе о воеводском управлении говорилось, что, если кто-либо из воевод будет замечен «в самом малом взятке или корысти — и им быть за то в наказании». И все же круг взяточников и местных воришек сократился. Но таможенные сборы и другие пошлины были изъяты из воеводского ведомства. Их собирали «головы» и «целовальники», выбранные миром.

Так Федор Алексеевич, с одной стороны, укреплял центральную и местную власть. В то же время он пытался навести порядок в местном управлении, которое как пиявка высасывало из людей деньги и «корм».

На исходе своей короткой жизни, в 1682 г., Федор Алексеевич решил на поворотный для России шаг по пути к новой цивилизации — он отменил местничество. Опираясь на решения собранных на совещание «выборных людей», Освященного церковного собора, Боярской думы, где большинство новых людей поддержало царя, он лично подписал документ об отмене в военной и гражданской службе «мест», т. е. назначения людей по «породе», «родовитости», и указал служить «без мест, где кому великий государь укажет».

Все местнические документы и книги были торжественно сожжены перед царскими палатами.

70-е — начало 80-х гг. XVII в. для России были знамениты тем, что впервые за долгие столетия Россия на юге перешла от обороны к наступлению. Успехи в войне с Польшей, появление на Левобережье Днепра зависимой от России гетманской Украины изменили общую ситуацию в этой части Восточной Европы. После заключения Андрусовского перемирия с Польшей бывшие противники осторожно, но совершенно определенно шли навстречу друг другу. Даже то, что Киев был временно уступлен России, не особенно тревожило бывших соперников. Куда большую опасность представляла для Польши, и для России агрессивная политика Турции. Это было связано и с тем, что гетман Правобережной Украины Дорошенко на некоторое время перешел под власть Турции. Теперь султан претендовал на все украинские, южнорусские земли. Поэтому Польша и Россия заключили между собой в 1672 г. союзный договор и обязались начать войну с Турцией.

Русские войска начали поход на широком фронте от Днестра до турецкой крепости Азов. Султан самолично возглавил армию, двинувшуюся на Украину, где в своей столице — городе Чигирине заперся его бывший вассал, перешедший на сторону России, гетман Дорошенко. Цель султана состояла в захвате всей Правобережной Украины. Одновременно крымская конница пошла в наступление на южные русские уезды.

Поначалу успех сопутствовал русским. Их полки прорвались к Азовскому морю. Туда вскоре подошел построенный на воронежских верфях молодой русский галерный флот. Посаженная на ладьи русская пехота совместно с казаками, шедшими берегом, осуществили ряд рейдов на крымскую территорию. Крымский хан был вынужден свернуть свои наступательные операции и обратиться к защите родных земель. Впервые война развернулась на территории противника. Это было историческое событие.

Но в 1677 г. польский король пошел на мир с Турцией и бросил Россию на произвол судьбы. И все же борьба продолжалась. Проходила она уже при новом русском царе. Ее возглавил молодой воевода — князь В. В. Голицын и опытный военачальник — князь Г. Г. Ромодановский.

Стотысячная турецкая армия прорвалась к Чигирину, где засели небольшой, но мужественный русский гарнизон и казаки. К ним на помощь спешили армия Ромодановского, включавшая полки «нового строя», и казаки с Левобережной Украины. В ряде сражений турки потерпели поражение и бежали от Чигирина. В этих боях хорошо показали себя вновь сформированные русские полки.

Но Турция не отказалась от борьбы. Отклонив мирные предложения, султан в 1678 г. послал на Чигирин новую огромную армию. Во вторую чигиринскую кампанию месячная осада города закончилась тем, что русский гарнизон под командованием шотландского генерала Петра Ивановича (Патрика Леопольда) Гордона (1635—1699), будущего сподвижника Петра I, поджег город и в полном порядке, сохранив артиллерию, оставил Чигирин. Турки и татары захватили значительные территории на Правобережной Украине.

Однако сил вести активные боевые действия у воюющих сторон не оставалось, и в 1681 г. был заключен мир на 20 лет.

Турция признала права России на Левобережную Украину и Киев, но на Правобережной Украине сохранялась как бы нейтральная зона, доступная для использования населения всех воюющих сторон, в том числе и для татар. Это позволяло крымскому хану организовать отсюда новые набеги на русские и украинские земли. Из этих мест славянское население бежало на левый берег Днепра.

Последний год жизни юного царя был особенно знаменателен поворотом в сторону западной культуры, западной цивилизации. Возник и ряд неожиданных и перспективных для России замыслов.

Под руководством царя был разработан проект государственно-административного переустройства страны: предполагалось создать ряд центральных учреждений, которые бы сократили влияние Боярской думы, власть московских приказов. Разрабатывалось и новое деление государственных служащих по степеням, соответствующим должностям, которые занимал тот или иной человек: повышается должность — повышается и степень. В этом проекте просматривается стремление к созданию системы бюрократически-чиновничьего аппарата управления, которое позднее с таким блеском осуществил Петр I.

Намечалось также деление страны на наместничества, которые напоминали будущие русские губернии.

Стремление добиться в стране порядка, усиления роли закона чувствуется в этих начинаниях уже тяжело больного царя.

Наконец, Федор Алексеевич оставил свой след и в области образования. При нем началась разработка плана создания технических училищ для бедных детей, где бы их учили наукам, которые «зело [очень] во всех случаях нужны и потребны», а также нужным России ремеслам. При одном из московских монастырей было открыто Славяно-латинское училище. К ужасу церковников там началось преподавание ненавистной им латыни — языка католиков. Возник и проект создания академии.

Весь этот поворот в сторону новых цивилизационных ценностей отразился и в быту, и одежде. Царь приветствовал убранство домов по западным образцам — с картинами, зеркалами. Он запретил являться государственным людям во дворец в долгополой и неудобной старой русской одежде и приказал сменить ее на ферязь и кафтаны западных моделей, так как традиционные одежды, по его мнению, были «приличны женскому платью и служилому, и дорожному времени не потребны».

Это и многое другое роднило Федора Алексеевича с Петром I.

Он не любил пышных церемоний и многолюдных сборищ. Решал дела быстро и четко. Был удивительно разносторонним человеком: увлекался музыкой и имел хорошую нотную библиотеку, сам сочинял стихи и церковные распевы, прославился как знаток архитектуры и градостроительства. При нем похорошела и изменилась Москва.

Царь распорядился мостить в Москве улицы и провести канализацию во всех кремлевских зданиях. Он приказал построить в Москве новую топографию, которую освободил от патриаршей цензуры.

Федор, как и его дед и отец, поддерживал благотворительность, помогал бедным, содействовал открытию для них новых богаделен.

И неизвестно, каким путем пошла бы Россия далее, будь царь жив и здоров. Но век его был короток. В 1682 г. Федора Алексеевича не стало.

§ 2. Регентство царевны Софьи и приход к власти Петра I

Сразу же после смерти Федора Алексеевича, 27 апреля 1682 г., положение в столице обострилось. В тот же день пришли в движение боярские группировки, сторонники Нарышкиных и Милославских. Вокруг Нарышкиных объединились защитники старины, противники отмены местничества.

Активность проявили и те, кто в последние годы стоял рядом с царем и проводил реформы. Они боялись потерять свои позиции при Милославских. Именно эти деятели в союзе с Нарышкиными и патриархом, недовольным прозападным курсом Федора, объявили царем 10-летнего Петра.

В первую очередь они боялись старшей дочери Алексея Михайловича — образованной, энергичной, умной Софьи Алексеевны, которая в отличие от прежних царевен не сидела взаперти в тереме за шитьем и вышиванием, а пыталась активно участвовать в государственной жизни, проявляла большой интерес к управлению страной. Именно Софья и ее фаворит В. В. Голицын — видный государственный деятель, военачальник, один из руководителей проведенных реформ, были в эти дни лидерами «партии» Милославских.

Сторонники Петра отправились во дворец на выборы царя, поддев под кафтаны панцири, ожидая вооруженной борьбы. Но все обошлось достаточно быстро и просто. Перед Красным крыльцом царского дворца патриарх, высшие чины церкви, московские вельможи собрали разных чинов людей — московских приказных, дворян. Многие из них заранее были подготовлены сторонниками Нарышкиных и на вопрос патриарха, обращенный к толпе, кого московские люди хотят видеть на престоле, раздалась дружные голоса: «Петра Алексеевича!» Кто-то прокричал и в пользу Ивана, но эти крики тут же были заглушены. Патриарх возвратился во дворец и благословил на царство Петра I. Так в ходе бескровного государственного переворота новым русским царем стал Петр I.

Однако Милославские не успокоились. В борьбе за власть они решили использовать давно уже назревавшее недовольство стрельцов, расквартированных в Москве.

Положение в стрелецких полках действительно стало угрожающим. Военную реформу, перевод на рельсы регулярной армии стрельцы встретили болезненно. Новые обязанности по службе, учения, военные походы отрывали их от привычной жизни — от промыслов и торговли, которыми они занимались в мирное время. Усиление роли полковых командиров привело к тому, что те стали злоупотреблять своей властью, посылали стрельцов на разного рода личные работы — на свои огороды, строительство хором. В последние месяцы правления Федора стрельцам стали задерживать жалованье, так как в связи с Чигиринскими походами казна была пуста. Те же деньги, которые время от времени выдавали стрельцам, полковники утаивали в свою пользу и выплачивали солдатам лишь частично. Стрельцы посылали царю челобитную за челобитной, но все оставалось по-прежнему. Более того, руководитель Стрелецкого приказа князь Долгоруков велел

схватить одного из челобитчиков и высечь кнутом. Это привело стрельцов в ярость. Они бросились на приказных людей и отбили своего товарища. Напряжение нарастало. Увольнение нескольких полковников лишь ободрило стрельцов. Всю вину за создавшееся положение они возлагали на людей, близких к покойному царю. Этим-то и решили воспользоваться царевна Софья и ее сторонники.

Их люди стали появляться в стрелецких полках, раздавать деньги и щедрые обещания. Стрельцы начали собираться по казацкому обычаю в круги, перестали подчиняться своим командирам, кричали: «Не хотим, чтоб нами управляли Нарышкины и Матвеев, мы им всем шею свернем!»

15 мая 1682 г., в день гибели царевича Дмитрия, в Угличе стрелецкие полки начали мятеж. Утром среди них разнесся слух, что Нарышкины убили царевича Ивана. В стрелецких полках ударили в набат. С барабанным боем, развернутыми знаменами, боевыми порядками с ружьями, бердышами, пушками, стрельцы двинулись в Кремль. Они смяли охрану и прорвались к царскому дворцу.

Навстречу им на крыльцо вышла царица Наталья Кирилловна Нарышкина с Петром и живым и невредимым Иваном. Стрельцы смутились, но лишь на мгновение. Из толпы послышались крики, чтобы им выдали «изменников», т. е. тех, на кого им указывали заговорщики. Масла в огонь подлил сын стрелецкого начальника и сам — один из руководителей Стрелецкого приказа Михаил Долгоруков. Он с бранью и с оголенной саблей накинудся на стрельцов, что привело их в ярость. Они бросились на крыльцо, отшвырнули в сторону царицу с прижавшимся к ней Петром, схватили Долгорукова и бросили его вниз на копья и бердыши своих товарищей. Военачальник был изрублен в куски. Тут же были убиты боярин А. С. Матвеев, князь М. А. Черкасский.

Стрельцы уже растеклись по кремлевским покоям. Один за другим под их ударами погибали братья Нарышкины, другие сторонники Петра. Стрельцы овладели Кремлем, бояре и приказные люди разбежались. Столица оказалась в руках восставших.

18 мая мятеж прекратился. Во главе Стрелецкого приказа по требованию стрельцов был поставлен их любимец — старый боевой воевода князь Иван Андреевич Хованский.

Упоенные своей победой стрельцы потребовали больших денежных выплат, и Софья обещала их осуществить. Часть денег была выдана восставшим в те же дни. Теперь стрельцы объявили себя «надворной пехотой», т. е. дворцовой гвардией. По их требованию на Красной площади был воздвигнут монумент с именами всех убитых «злодеев» и перечислением их преступлений. Не забыли стрельцы и о простом населении Москвы. Они провозгласили вольными всех холопов и уничтожили имевшиеся на них кабалы в Холопьем приказе.

26 мая под давлением стрельцов Боярская дума вместе с патриархом объявила первым царем Ивана Алексеевича, а Петра лишь вторым. Через три дня в связи с неготовностью царей управлять государством власть странной была торжественно вручена царевне Софье. Она стала регентшей при своих братьях. Во главе Посольского приказа и других, связанных с ним учреждений встал князь Василий Васильевич Голицын, ставший по существу

канцлером России. Он сосредоточил в своих руках не только внешнюю, но и внутреннюю политику страны.

В условиях ослабления единодержавной власти монарха вновь подняли голову бояре; Боярская дума, как в прежние времена, сосредоточила в своих руках значительную власть. С ее мнением вынуждены были считаться и Софья, и Голицын.

Возродилась традиция Земских соборов. В 1683—1684 гг. правительство Софьи было вынуждено собрать выборных людей из дворян и совместно с Боярской думой и Освященным собором обсудить вопрос о войне с Турцией и Крымом.

По существу, в России благодаря стрелецкому восстанию вновь появилась возможность развития страны по пути коллективной власти, постепенного изживания самодержавия.

Перед страной появилась возможность перехода к государственной системе по типу Польши — с сильной аристократией, выборным монархом, Земским собором — подобием средневекового парламента, который ограничивал всевластие королей.

Но прежде чем такая возможность могла появиться, Софья, Голицын и их сторонники сделали все для того, чтобы ограничить стрелецкий произвол.

В. В. Голицын объединил вокруг себя группу бояр и дворян, настроенных решительно на восстановление порядка в стране. Между ними были достигнуты соглашения, поделены все основные государственные должности.

К 20 мая думские деятели, оставшиеся в живых военачальники, энергичные приказные деятели восстановили в столице порядок. В. В. Голицын и глава Разрядного приказа Федор Леонтьевич Шакловитый — стали безусловными лидерами «партии» царевны Софьи.

Но проходила неделя за неделей, приближался август, а положение в столице оставалось неустойчивым.

В Москве установилось двоевластие: власть стрельцов, возглавляемых Хованским, и официальная власть регентши Софьи и ее канцлера В. В. Голицына, Боярской думы, приказов. Такое состояние в государстве не могло продолжаться долго. Софью убеждали нанести стрельцам решительный удар. Тем более вокруг нового правительства сплотилось московское дворянство, служилые люди из окрестных городов. Но царевна колебалась. А Хованский вел себя все более вызывающе, посчитав, видимо, что власть к нему перешла всерьез и надолго.

В конце августа царский двор неожиданно и спешно покинул столицу и переехал в село Коломенское под охрану дворянских отрядов. Этим был брошен вызов стрелецкому всевластию. Стрельцы забеспокоились.

Через неделю путешествие по окрестным селам продолжилось. Двор остановился в селе Воздвиженском. Отсюда в Москву последовал приказ: всем должностным лицам прибыть к государеву двору. Бояре, okolничьи, думные люди, стольники, приказные потянулись к месту пребывания двора. Туда же двинулся и И. А. Хованский с сыном. Однако доехать до царского двора ему не удалось. На середине дороги, близ села Пушкина, его встретил посланный навстречу сильный отряд правительственных войск.

Палатка, в которой отдыхал Хованский, была окружена, а его караул разогнан. Хованского схватили, тут же на дороге зачитали ему обвинительный акт и немедленно казнили. Вскоре расправились и с сыновьями князя.

Когда до стрельцов дошла весть о расправе над их начальником, они схватились за оружие. Захватили Кремль, заперли его ворота, кругом расставили караулы, артиллерию.

А в это время царский двор прибыл в Троице-Сергиев монастырь, который представлял собой хорошо укрепленную крепость. Монастырь был приведен в осадное положение. Руководителем всех правительственных сил Софья назначила В. В. Голицына. Князь призвал под стены Троицы всех дворян, способных носить оружие. Боярско-дворянская Россия поднялась против стрельцовой анархии.

Через несколько дней стрельцы, лишившиеся своего предводителя и утратившие правительственную армию, повинились и отдались на милость властей. Во главе дворянского ополчения В. В. Голицын вступил в Москву. Памятный стрельцкий монумент был снесен, стрельцы возвращались на свои прежние места и поклялись более не своевольничать. Правительница простила повинившихся повстанцев.

Несмотря на то что правительство взяло верх над непокорными стрельцами, положение страны оставалось сложным.

Оказывалось, что независимо от личной борьбы за власть победители все равно сталкивались с прежними проблемами как во внутренней, так и во внешней политике страны и должны были порой проводить политику своих поверженных соперников. Это произошло и с правительством царевны Софьи. Оно продолжило линию реформ, которые проводили погибшие в ходе стрельцкого восстания помощники царя Федора. Оказавшийся в лагере Софьи В. В. Голицын стал как бы своеобразным преемником и продолжателем прежней российской политики, но лишь в иные годы и во главе других людей.

Кое-кто уже начинал поговаривать о том, чтобы в России, как и в Польше, в противовес самодержавию ввести «шляхетское правление». Такая возможность в период регентства Софьи действительно появилась. В истории России это был последний взлет боярского правления, которое через несколько лет исчезло под напором самодержавных устремлений Петра I.

Пока же Софья, Голицын, Шакловитый и их приверженцы стремились стабилизировать жизнь страны, продолжить реформы Федора Алексеевича, что не нравилось сторонникам старины, среди которых оказались Нарышкины и патриарх.

Самое главное — Софья попыталась навести порядок в области судопроизводства, где царили беззаконие и коррупция. Впервые в истории России зазвучали слова «закон» и «порядок». Они стали лозунгом нового правительства. Были сделаны попытки установить новые порядки в судах, улучшить процесс судопроизводства, ускорить процедуру рассмотрения дел. Началась энергичная борьба с мздоимством, вымогательствами, которую не раз уже предпринимали, но пока безуспешно, русские цари.

Правительство отменило смертную казнь за ряд преступлений. Голицын выступил сторонником свободного предпринимательства, в том числе

и с привлечением иностранцев. Так робкие попытки в этой области Алексея Михайловича были развиты и упрочены. Канцлер продолжал реформирование русской армии, переводя все большее количество ее частей на регулярную основу, преобразуя в полки «нового строя».

Впервые в России новое правительство обратилось в сторону смягчения крестьянской крепостной неволи. Несмотря на требования дворянства ужесточить сыск беглых крестьян, Софья издала указ, запрещающий возвращать в крепостную неволю крестьян, ушедших в города. Запрещалось дворянам и самим организовывать сыск — это должны были делать лишь воеводы.

По воспоминаниям иностранных дипломатов известно, что В. В. Голицын вынашивал мысль об освобождении крестьян, ратовал за превращение «дикарей в людей», предлагал на первых порах перевести крепостных крестьян с барщины на оброк, что давало им больше личной и экономической свободы.

При Софье не была возобновлена система тайного сыска, уничтоженная Федором Алексеевичем.

Продолжало новое правительство и попытки усовершенствовать в стране систему образования и просвещения. Именно в это время (1687) была открыта Славяно-греко-латинская академия в Москве, ставшая источником знаний и новой культуры. Через несколько лет сюда пришел учиться юный М. В. Ломоносов — великий русский ученый.

Несмотря на сопротивление церкви и боярских ревнителей старины, западная культура, традиции, обычаи, одежда все шире проникали в Россию. Во многом этому способствовали сами руководители страны — Софья, Голицын и др.

«Вечный мир» с Польшей и крымские походы. Государственный переворот 1682 г., стрелецкое восстание, возможность новой смуты в России вдохновили ее противников. В Польше заговорили о подготовке вторжения в Россию и отвоевании Левобережья Днепра и Киева, турецкий султан и крымский хан вынашивали планы захвата южноукраинских и южнорусских земель, шведы предполагали нарушить Кардисский мир и отнять у России Карелию.

Большая заслуга правительства Софьи и непосредственно Голицына состояла в том, что Россия сумела выйти из этого тяжелого международного положения.

В ходе сложных переговоров со шведами был подтвержден Кардисский мир. Россия искусно использовала начавшуюся войну образовавшимися Священную антитурецкую лигу Австрийской империи, Польши и Венеции с Турцией. Когда западные страны обратились за помощью к России, она примкнула к противникам Турции, но с условием, что прежнее соглашение России и Польши будет подтверждено.

В 1683 г. на полях Европы разгорелась большая война. Турецкая армия осадила столицу империи Вену. На помощь осажденной имперской столице спешила армия польского короля Яна Собеского, славившегося одним из выдающихся полководцев Европы. Кровавопролитные бои за Вену закончились в пользу союзников. Турки отступили.

В это время союзники требовали от России активного наступления на Турцию и Крым. Но Голицын не спешил. Он предложил вначале окончательно урегулировать отношения России с Польшей.

Два с лишним месяца в Москве длились напряженные переговоры с польской делегацией.

В 1686 г. в торжественной обстановке был заключен Вечный мир с Польшей. Это — большой успех дипломатии В. В. Голицына. Столетняя вражда с Польшей закончилась. Польша окончательно согласилась с переходом Левобережья Днепра под власть России и навечно уступила ей Киев. Известие о Вечном мире вызвало в Турции растерянность и уныние. Польская «партия войны» была вне себя. Король Ян Собеский, враг России, плакал от злости.

Но теперь союзники с новой энергией обрушились на Турцию. Бои начались на подступах к Балканам. Союзники торопили Россию с выступлением.

Летом 1687 г. главные силы России под общим командованием Голицына выступили на юг. Начался первый Крымский поход. Однако армия, направившаяся на Крым прямо через степи, выступила поздно. Зной и безводье истощали силы людей. К тому же татары подожгли степь, и русским полкам приходилось двигаться в задымленном воздухе. Зато другая часть войск вместе с казаками шла вдоль Днепра. Они разгромили левое крыло крымской конницы, которая «облавою» обрушилась на польские и украинские земли. Часть русских войск двинулась на Азов. На черноморском побережье была захвачена сильная турецкая крепость Очаков. В турецкой столице Стамбуле началась паника. Прошел слух, что русские уже близко, что они идут на город. Султан бежал в Малую Азию. И все же Голицыну не удалось развить эти успехи. Мешали не только зной, отсутствие воды (татары отравили колодцы), но и неразбериха в командном составе армии. Начались ожившие местнические споры. К тому же кончались запасы продовольствия. В этих условиях штурм Перекопа и углубление в Крым были бы губительны. Не дойдя до Перекопского перешейка, Голицын повернул обратно.

И все же эффект от русского наступления был велик. Оно сковало турецкие и крымские войска, сражавшиеся против союзников. Впервые русские войска так глубоко проникли в Причерноморье и захватили ряд крепостей.

Через год, в 1689 г., выполняя свои союзнические обязательства, Голицын повел русскую армию во второй поход на Крым (хотя к этому времени стало известно, что союзники вступили с Турцией в отдельные мирные переговоры за спиной Москвы). Но Россия преследовала в войне уже свои интересы. На этот раз дело шло успешнее. Ранней весной быстрым маршем уже по знакомой дороге русские полки прошли степь. Их поддерживала казачья конница во главе с новым украинским гетманом Иваном Степановичем Мазепой (1644—1709). Он был сторонником сближения Москвы с Польшей, и Голицын содействовал его выдвижению в руководители Левобережной Украины. По пути они одержали верх в трех сражениях с крымцами. Русская артиллерия и мушкетный огонь буквально сметали ханское войско с лица земли. Татарская конница откатилась за Перекоп.

Голицын подошел к крепостным стенам, замыкавшим перешеек. Защитников не было. Ворота были открыты. Путь в Крым был свободен.

В этот момент в русском лагере появились крымские парламентарии. Хан просил мира. Он признавал присоединение части Украины с Киевом к России.

Идти дальше Голицын поостерегся. В Москве позднее говорили, что хан преподнес князю богатые дары и тем остановил наступление русских полков.

Через некоторое время в Москве торжественно встречали победителей. Но противники Софьи вслух говорили о неудаче похода, о непонятной робости Голицына на подступах к Крыму. Как бы там ни было, но крымские походы закрепили завоевания России на западных рубежах. Москва сохранила за собой приобретенные и построенные заново крепости на Днепре и в Диком поле, в самой близости Крыма. Был заложен стратегический фундамент для дальнейшей борьбы с Турцией и Крымским ханством за выход к Черному морю.

Приход к власти Петра и приостановка реформ. Но дни регентства Софьи были уже сочтены. В селе Преображенском, под Москвой, куда Софья отправила семейство Нарышкиных, подрастал «второй» венчанный на царство монарх — Петр I.

До поры до времени Петр не вмешивался в дела государства и не претендовал на власть. Предоставленный самому себе да своему учителю Никите Моисеевичу Зотову, который учил его считать, писать и читать в основном книги религиозного содержания, Петр свободное время отдавал военным играм, которые все более увлекали его.

В Преображенском Петр стал собирать в свои «потешные», как говорили тогда, войска сверстников. Это были в основном такие же, как он, мальчишки, любившие играть в войну. Среди них — и дети знатных людей, и дворян, и выходцы из простых семей, которые чем-то приглянулись Петру. Оказался там и сын придворного конюха Александр Меншиков — веселый, находчивый, смелый. Он особенно сблизился с царем.

Вскоре «потешные» солдаты были сформированы в два батальона. Они имели свое командование, казну, несли свою «потешную» службу. Их игра постепенно превращалась в настоящие маневры с оружейной и пушечной пальбой, со штурмами специально возведенных для этого крепостей. Так началось формирование будущих петровских гвардейских полков — Преображенского и Семеновского (по названию деревень, где они были расквартированы).

Взрослея, Петр все чаще бывает в Немецкой слободе, сходит к интересным людям — военными, инженерами, дипломатами.

Там он походя продолжает свое образование, которого ему так недоставало в детстве, при дворе — учится арифметике и геометрии, баллистике и военному делу. Он схватывает знания буквально налету, поражая окружающих своей энергией, любознательностью, способностями.

Однако жизнь Петра проходила вдалеке от двора, от большой политики. Лишь изредка его привозили в Кремлевский дворец на официальные встречи с иностранными послами, сажали на трон. И тогда он понимал все несоответствие между своей реальной жизнью и своим царским положением.

ем и достоинством. Все дела в государстве продолжала вершить Софья и ее приближенные.

С годами это положение стало приводить в ярость подрастающего царя. Ему шел уже семнадцатый год.

Его женитьба на юной красавице Евдокии Лопухиной, на чем настояла мать Петра, честолюбивая вдовья царица, сделала сына полностью легитимным монархом.

Часто после официальных церемоний между братом и сестрой вспыхивали острые перепалки. Сталкивались два неукротимых, честолюбивых характера. Между ними начиналась личная борьба за власть. Постепенно перевес склонился в сторону Петра. Чувствуя, что Софья рано или поздно должна будет отдать власть, все большая часть Боярской думы, приказных деятелей начинают поддерживать Петра.

Сторонники Петра критиковали правительство Софьи — Голицына за якобы неудачные крымские походы, за Вечный мир с Польшей и поддержку Мазепы на Украине, за приверженность к отмене местничества, за ослабление сыска крестьян. В эти летние месяцы 1689 г. «партия» Нарышкиных, по существу, выступала с традиционных старобоярских позиций. В этой среде непопулярны были обращенность России к Европе, веротерпимость.

К концу лета обстановка в Москве накалилась. В Кремле вызревал государственный заговор с целью устранить Петра. Но между сторонниками Софьи не было на этот счет единого мнения. Колебалась и сама царевна.

Все решил стихийный ход событий.

В ночь с 7 на 8 августа 1689 г. в Преображенское, где обитал Петр, прискакали два стрельца — сторонники Петра, с известием, что Софья и Шакловитый вызвали стрельцов в Кремль и готовят нападение на Преображенское. До сих пор неизвестно, было ли это в действительности.

Испуганный Петр прямо с постели в одном белье вскочил на неоседланную лошадь и в сопровождении Меншикова и близких друзей бежал в соседний лес. Вскоре ему привезли туда одежду, седло. В ту же ночь Петр поскакал в Троице-Сергиев монастырь под укрытие его стен.

Софья и Шакловитый заперлись в Кремле. В столице стояла напряженная тишина.

Первым выступил Петр. Из Троице-Сергиева монастыря в Москву поступил приказ всем стрелецким и солдатским начальникам явиться к Троице. Вскоре стрелецкие полковники потянулись к монастырю. Попытки Софьи остановить их успеха не имели. Посланный на переговоры патриарх также остался у Петра. А вскоре из Москвы к законному монарху явились два его «потешных» батальона, обмундированные и снаряженные по последнему слову военного дела.

К концу августа члены Боярской думы, руководители приказов, стрелецкие полки также прибыли к лавре. Последними туда двинулись Голицын и Софья. Канцлера арестовали в пути, бросили в простую телегу и отправили в ссылку в далекий Каргополь, туда же выслали и его семью. Позднее Голицын переводили из одного сибирского острога в другой. Умер князь на Пинежском волоке между Холмогорами и Архангельском в полной нищете в 1714 г.

Софью остановили в дороге и заставили вернуться в Москву. Вскоре ее заточили в Новодевичий монастырь. Главу Стрелецкого приказа Шакловитого и его близких сторонников силой привезли в Троице-Сергиев монастырь и после допросов и пыток казнили. Так с крови и ссылок началось самостоятельное правление Петра I.

§ 3. Неславянские народы России в XVII в.

История России состояла не только из событий, происходивших в Москве, не только из борьбы за власть в Кремле, реформ, войн с соседними государствами. Эта история разворачивалась на необозримых просторах страны, где жили миллионы людей различных национальностей, входящих в состав России. Так было в прошлом, так происходило и в XVII в.

Разница лишь в том, что, во-первых, в это время территория страны значительно увеличилась. И все большее количество различных народов входило в состав страны. Россия становилась все более многонациональным государством.

Во-вторых, с каждым десятилетием жизнь нерусских народов хотя и сохраняла свои национальные особенности, но естественно вплеталась в жизнь всей страны, подчинялась ее порядкам. Эти народы становились участниками общероссийских социально-экономических, культурных процессов.

С одной стороны, это приводило к развитию национальных районов страны, знавших ранее лишь племенной строй, традиционные лесные промыслы, охоту, рыболовство и отсталое земледелие. С другой — новшества ломали старые хозяйственные навыки, традиционный быт, культуру. Россия постепенно как бы перемалывала уклад жизни этих народов на общероссийский манер.

К тому же территорию народов, особенно живших в Европейской России, все крепче стягивал обруч феодальных отношений, крепостнической зависимости, наступления на их земли бояр, помещиков, церкви, самоуправство воевод. Это вызывало недовольство нерусских народов.

В отдельных районах вспыхивали волнения, восстания, которые порой носили антирусский характер.

Необходимо вспомнить, что наиболее крупным нерусским народом в Европейской России были татары, жившие в Волго-Камском междуречье. В междуречье Волги и Оки обитали мордва, мари, чуваш. Коми заселяли бассейн реки Печоры, удмурты располагались в Приуралье по реке Каме. Карелы занимали северо-западные, пограничные с Финляндией российские земли. Калмыки расселились в низовьях Волги и по северному побережью Каспийского моря. В Приуралье, по берегам рек Белой и Уфы, а также на Среднем Урале обитали башкиры. На Северном Кавказе жили зависимые от России кабардинцы.

Переломным для истории некоторых народов Поволжья и Приуралья стало завоевание Россией в середине XVI в. Казанского и Астраханского ханств, присоединение северо-восточных земель. Отныне их история все теснее связывается с историей России. Но это вовсе не означало, что они утрачивали свое лицо. Нерусские народы России по-прежнему сохраняли

свою национальную самобытность, свои традиции, обычаи, верования. Их многовековая история продолжалась.

Характерной чертой этого развития становится все более многонациональный состав данных территорий. Порой на коренных землях одного народа появляются его соседи, происходит взаимное проникновение. В соседних селах, деревнях, а то и в одних селениях живут мордва и мари, татары и башкиры. Все чаще появляется здесь и русское население. Происходит свободная миграция (т. е. переселение) людей в удобные для них места, получают распространение смешанные браки. Все шире идет колонизация Поволжья и Приуралья русскими крестьянами. Они приносят в лесные и охотничьи края свой хозяйственный земледельческий опыт, смешиваются с местным населением, порой перенимают его навыки и обычаи. Все это идет на пользу и старым, и новым жителям этих мест; процесс проходит в основном мирно. Земель и лесов хватает на всех. Но вот когда в татарских, мордовских, чувашских, марийских землях появляются русские помещики или к ним протягивают жадные руки церковные феодалы: монастыри, патриарх, — положение меняется. Постепенно на частновладельческие земли распространяются нормы российских законов, крепостное право. В междуречье Оки и Волги, на плодородных землях все это происходило быстрее; в Приуралье, на северо-востоке, в дальних лесных районах, напротив, медленнее.

И все же в XVII в. основная масса жителей этих краев не знала крепостного права, как русское крестьянство. Они были государственными крестьянами, платили в казну ясак — налог пушниной, продуктами промыслов, несли различные государственные повинности — на строительстве дорог, мостов, крепостных стен; выполняли ямскую гоньбу, т. е. почтовую службу.

Как уже отмечалось выше, правительство требовало от русских властей уважительного и бережного отношения к традициям и обычаям нерусских народов, наказывало за насилие и злоупотребления. Одновременно правительство в течение всего XVII в. стремилось заручиться в национальных районах поддержкой местной элиты. Татарским мурзам, калмыцким тайшам, племенным вождям, старейшинам, становящимся феодалами, нередко предоставлялись права русского дворянства, их наделяли землями, угодьями, отдавали им на откуп сбор налогов с населения.

Такая политика оправдывала себя: со временем местная знать стала верно служить Москве, нейтрализовать недовольство простых людей.

В дальних лесных северо-восточных краях, там где жили коми, частновладельческих земель было мало. Местные жители являлись лично свободными. Зато сюда тянулись русские промысловики. Эти земли были особенно богаты пушниной, рыбой, другими дарами лесов и рек. Здесь еще во время Строгановых обнаружили залежи соли, и соледобыча постоянно расширялась, менялась экономика края. Многие здешние жители уходили в отход на соляные промыслы. Через Коми край шли торговые пути от Белого моря в Сибирь. Все это еще теснее привязывало здешние земли и их население к общероссийским процессам, будило прежнюю промыслово-охотничью лесную глухомань. Но одновременно втягивание Коми края в общерусскую жизнь приводило к включению населения в «тягло», а это

означало уплату налогов — ясака, разного рода повинностей, воеводские расправы и вымогательства. Однако крепостная неволя в XVII в. миловала эти места.

Сильным рычагом освоения Поволжья и Приуралья, утверждения здесь российской власти становилась их христианизация. В этом процессе царь и патриарх выступали единым фронтом. Особенно активно наступление православия на местные народы началось в годы правления исключительно религиозного царя Федора Алексеевича.

Велась жесткая борьба против влияния мусульманства в татарских и башкирских землях. У татарских мурз, не желавших перейти в православие, отнимали земли. Крестьянам, покидавшим свои языческие обряды или мусульманство и обращенным в христианство, обещали свободу от личной зависимости, от феодалов и предоставляли льготы по налогам и повинностям. Все это считалось богоугодным делом, но на деле означало русификацию края и вызывало недовольство как верхушки, так и народных масс Поволжья и Приуралья.

На северо-западе страны трудной и сложной была судьба карелов и других здешних малых угро-финских народов. Исторически связанные с русскими землями, они попали в XVII в. после Смуты в подчинение Швеции, которая стала устанавливать здесь свои порядки, вводить протестантство. Многие корелы бежали на русскую территорию, в восточную Карелию, оставшуюся за Россией.

Здесь жители традиционно занимались охотой и рыболовством. На бедных каменистых почвах сеяли зерновые, которые давали, однако, скудные урожаи — хлеб приходилось ввозить сюда с юга. Новые веяния входили в жизнь Карельского края: началась разработка рудных месторождений и обработка железа, появились первые мануфактуры.

Вошедшая в состав России в середине XVI в. Кабарда оставалась на правах русского вассала. Но постепенно русское влияние здесь усиливалось. В XVII в. на берегах Терека появились первые русские крепости, гарнизоны которых состояли из служилых людей и казаков.

Народы Европейской России включались не только в общероссийские экономические процессы, но порой разделяли и военные тяготы, выпадавшие на долю страны. Так, башкирская, калмыцкая и кабардинская конницы участвовали в войнах России с Польшей, ходили с Голицыным в Крымские походы.

На исходе XVII в. карельские крестьяне подняли восстание, когда их попытались насильно приписать в качестве рабочих к одному из местных промышленных предприятий. В 60—80-е гг. XVII в. крупное восстание вспыхнуло в Башкирии в ответ на захват местных земель русскими и принудительную христианизацию.

Поволжские и приуральские народы приняли активное участие в восстании Степана Разина в начале 70-х гг. XVII в. К Разину подходили вedomые своими атаманами из местных крестьян отряды мордвы, марийцев (черемисов), чувашей. Вместе они бились за свое народное счастье, вместе с русскими погибали в боях и восходили на плаху. И даже после казни Разина долго не мог еще успокоиться Поволжский край.

§ 4. Окончательное присоединение Сибири

Российское многонациональное государство расширялось и прирастало новыми землями и народами не только за счет присоединения и освоения Поволжья и Приуралья. В XVII в. продолжалось активное продвижение русских людей в Сибирь.

XVII в. стал поворотным временем в деле овладения всей Сибирью вплоть до берегов Тихого океана и постепенного и трудного освоения края.

Опираясь на русские крепости, построенные в верхнем и среднем течении Енисея, а также на торговые поселения и форпосты, расположенные в устьях рек, близ побережья Ледовитого океана, русские отряды продолжают свое упорное продвижение на восток.

Что продолжало вести их в Сибирь? Во-первых, завоевание новых земель «под высокую руку» русского царя; из Москвы постоянно шли на этот счет приказы. Во-вторых, стремление местных служилых людей, торговцев к наживе в богатых пушниной и рыбой краях. В-третьих, неукротимая любознательность и тяга к открытию неведомых земель и неведомых народов, которая толкала русских людей на рискованные путешествия и настоящие подвиги.

Русским землепроходцам и первооткрывателям Сибири приходилось постоянно вступать в отношения с жившими здесь народами, которые считали эту землю своей, слыхом не слыхивали ни про какого русского царя и никому никогда не платили никакого ясака. Для них это были не первооткрыватели новых земель, не герои рискованных экспедиций, а иноземцы, вторгавшиеся на их родную землю и устанавливавшие здесь свой порядок. Порой этот процесс был мирным, но иногда сопрягался с кровопролитными сражениями. В конце концов здешние люди признавали преимущество и силу пришельцев.

На огромных пространствах Сибири жило немало различных народов. Но численность каждого из них была невелика. Некоторые из лесных и приморских племен жили еще на уровне каменного века, и их основным оружием были каменные топоры, лук и стрелы.

На Енисее коренные жители ханты и манси уже приняли русское подданство. А далее к Востоку обитали еще неизвестные русским людям восточно-сибирские народы. В Прибайкалье, по верховьям Ангары и Витима — буряты. К востоку от Енисея, вплоть до Охотского побережья, жили племена эвенков (старое их название — тунгусы). В бассейне рек Лены, Яны, Индигирки и Колымы издревле расселялись якуты. В Южном Забайкалье и в Приамурье обитали дауры и дючеры. Земли северо-востока Сибири, вплоть до Берингова пролива, были заселены коряками, чукчами, юкагирами. На Камчатке жили ительмены.

Своей глубокой историей, высокоразвитым для того времени хозяйством, где культивировалось скотоводство и земледелие, выделялись якуты и дауры. Последние находились в постоянных контактах с китайцами. Именно в эти края прежде всего и началось движение русских землепроходцев начиная с 30-х гг. XVII в. Продолжалось оно вплоть до конца века, пока вся Сибирь не оказалась в составе России и не подчинилась власти русских царей.

Прежде всего сибирские воеводы, чьи резиденции были в Тобольске, на Иртыше и в Мангазее — торговом поселке и порте на реке Таз, неподалеку от Обской губы, послали отряды на Лену. Шли они и из Енисейского острога и из Мангазеи. Цель их была — «проведать новые земли» и «объясачить» тамошних людей.

В начале 30-х гг. XVII в. первые отряды служилых людей появились на Лене. Однако подчинить себе якутов было не так-то просто. Первый же построенный на Лене русский острог подвергся нападению местных жителей. Атаковали они русскую крепость в конном строю во главе со своими князьями — тойонами. Но лук и стрелы были недостаточным оружием против пищалей и пушек. Следом за первыми разведчиками на Лену отправились новые отряды.

На Енисей пошли сообщения, что Якутская земля «людна и скотна, и скот всякой есть, и кони, и коровы, и овцы, а живут-де они на край Лены-реки». Сообщалось также, что якуты «воисты», т. е. воинственны и «не хотели государева ясаку дать».

Началась борьба. Ее возглавили якутские князья. Известен тойон Тынина, который нанес царским отрядам несколько поражений. Затем в ходе дальнейших боев и переговоров якутских вождей удалось склонить к вступлению в «государеву службу». Некоторые из тойонов получили титул «улусских князцов». Так силой, дипломатией, привилегиями царские посланцы постепенно овладели якутским краем. Центром русского влияния стал здесь Якутский острог, будущий Якутск.

Якутский острог стал теперь очередной базой, откуда снаряжались экспедиции служилых людей далее на восток, северо-восток и юго-восток Сибири. Одни отряды направлялись с Лены к Охотскому морю и далее к реке Амур, другие переваливали через Верхоянский хребет и шли в верховье на Яну и Индигирку и на среднее течение реки Колымы, третьи направление — продвижение от устья Лены морем к устью Колымы. Со всех сторон русские разведчики-землепроходцы устремлялись в сторону Тихого океана.

Отряд Ивана Москвитина из Томска на рубеже 30—40-х гг. XVII в. в течение нескольких недель продвинулся по сибирским рекам в сторону побережья Охотского моря и первым достиг берега Тихого океана. Москвитин был поражен богатством края. Он писал о том, что леса были «собольные, зверя всякого много», а реки «рыбные, а рыба большая... Столько ее множество, только неводь запустить и с рыбою никак не выволочь».

Жившие здесь тунгусы не хотели мириться с прибытием в их край чужаков и много раз приступали с боем к стоянке русского отряда, но потом сила одолела силу, и тунгусы согласились платить ясак. Подчинив России эти места, И. Москвитин вернулся в Якутский острог.

Экспедиция Семена Дежнёва в составе более ста человек отправилась летом 1648 г. от уже освоенного русскими людьми устья реки Колымы Северным ледовитым океаном на восток. Вышли они на семи небольших судах — кочах.

Дежнёв стремился разведать новые, еще неизвестные земли, выяснить, как далеко простирается материк на восток, найти новых плательщиков ясака. Но уже с первых недель плавания землепроходцев поджидала беда.

Они попали в океанский шторм, часть судов погибла, а выбравшиеся на берег людей перебили чукчи. И все же три коча во главе с Дежнёвым продолжали путь. Именно он был первым, кто дошел до северо-восточного выступа Азии, который местные жители называли «Большим каменным носом» и выплыл в воды Берингова пролива, отделявшего Азию от Америки. Позднее этот мыс на всех картах мира получил имя Дежнёва.

Дежнёв прошел проливом и тем самым совершил одно из крупнейших географических открытий XVII в.

В то время как английские и голландские мореходы в XVII в. открывали для мира Австралию, Новую Зеландию, Тасманию, множество новых островов в Тихом и Индийском океанах — тогда же, пробиваясь по сибирским просторам, по Северному Ледовитому океану, русские первопроходцы открывали миру пространства Сибири, неведомые острова в Ледовитом океане, прокладывали пути вокруг азиатского материка на юг.

К весне 1649 г. с Дежнёвым осталось лишь 12 человек. На самодельных лодках Дежнёв и его товарищи проплыли к верховьям реки Анадырь и встретились с русскими служилыми людьми, пришедшими сюда сухим путем. Так закончилось это плавание вокруг азиатского материка, принесшее С. Дежнёву мировую славу.

Несколько ранее, в середине 40-х гг. XVII в., из Якутского острога ушла экспедиция на юг в сторону Амура. Ее возглавлял Василий Поярков.

До русских людей на Лене давно уже доходили слухи о богатых землях и дивной природе Приамурья, о богатстве тамошних людей. И экспедиция Пояркова двинулась на открытие этих новых неведомых территорий.

Отряд в 132 человека шел по сибирским рекам на юг. Зимой передвигались на нартах и делали передышки в зимовьях. Во время трудного пути от голода и болезни гибли люди. Тунгусское население враждебно встречало пришельцев. Наконец, Поярков достиг Амура и убедился в справедливости слухов. Край поразил его своим богатством, красотой и привольем.

Однако здесь жили никому не подвластные племена дауров и дючеров, которые враждебно встретили пришельцев.

Перезимовав на Амуре, сильно поредевший отряд Пояркова спустился на ладьях вниз по Амуру и вышел в Охотское море, а оттуда уже сушей вернулся обратно в Якутск. Это было очередное «кругосветное» сибирское путешествие русских землепроходцев, открывшее Приамурье для России.

Дело Пояркова продолжил через несколько лет Ерофей Хабаров. В 1650—1651 гг. он, выходя из Якутского острога, дважды появлялся на Амуре. А потом приступил к систематическому освоению края.

Хабаров прошел на судах весь Амур, построил в здешних местах укрепленный острог, неоднократно вступал в бой с местными жителями и в конце концов заставил их платить ясак.

Продвижение русских на Амур вызвало озабоченность маньчжуров, которые в это время правили в Китае. Маньчжурские отряды попытались выбить Хабарова из его крепости, но неудачно. Хабаров сумел сохранить русское присутствие в этом крае.

Сюда, в благодатные места, вслед за воинскими людьми потянулись промысловики, крестьяне. Стали закладываться русские города. С этого времени началось противоборство России с Китаем на дальневосточных

рубежах. В течение всей второй половины XVII в. оба государства стремились сохранить за собой земли по Амуру. В результате стороны заключили в 1689 г. в недавно построенном городке Нерчинске, в Забайкалье, мирный договор. России удалось сохранить за собой Забайкалье и лишь верховья Амура, но пришлось отозвать свои отряды со спорных территорий. Долгое время границы этих территорий так и не были определены. Зато война кончилась, и между Россией и Китаем с этой поры стали быстро развиваться торговые отношения.

На исходе XVII в. были присоединены и начали осваиваться новые обширные территории Дальнего Востока. Так, в 1697 г. с реки Анадырь зимой на оленьих упряжках ушел на Камчатку отряд служилых людей под предводительством казака Владимира Владимировича Атласова. Три года провел Атласов в походе. За это время он обследовал Камчатский полуостров, где «ласкою и приветом», а где с боями присоединил к России новые территории. Здесь впервые русские пришли в соприкосновение с японцами.

Освоение Сибири и Дальнего Востока происходило в сложных условиях и острых противоречиях. Воеводы, служилые люди, промысловики не всегда выполняли рекомендации правительства о гуманном обращении с населением вновь присоединенных территорий. Воеводы и их помощники порой произвольно увеличивали ясак, занимались вымогательствами, обирали и обманывали местных жителей. В ответ вспыхивали народные восстания. Сопротивление новым властям оказывали якуты, ханты, тунгусы.

Порой не повиновались властям и русские поселенцы — казаки, крестьяне, городские жители, протестовавшие против попыток накинута на них, как и в Центральной России, крепостническую узду.

И все же итоги присоединения Сибири к России имели историческое значение.

Во-первых, это способствовало включению огромных, ранее отсталых территорий в лоно мировой цивилизации. Здесь появилось развитое земледелие, города, торговля, впоследствии выросли мануфактуры. В XVII в. этот процесс только начинался, но далее он шел быстрее по мере развития самой России и ее все более тесных связей с европейским миром.

Во-вторых, приход русских прекратил на сибирских территориях постоянные кровопролитные столкновения племен, которые приводили их на грань вымирания.

В-третьих, на просторах Сибири начался интенсивный обмен производственным опытом и навыками в освоении края между русскими людьми и местными жителями.

В-четвертых, Россия в лице Сибири со временем приобрела мощную природную кладовую, полную уникальных лесов, богатейших рыбных рек, озер, в том числе Байкала, полезных ископаемых, драгоценных металлов. Эту кладовую стали разрабатывать совместно все народы Сибири.

§ 5. Культура и быт России в XVII в.

Как и в прежние столетия, культура и быт страны в XVII в. были тесно связаны с ее историческими корнями, общим современным состоянием экономического развития, международным положением, колонизацион-

ными процессами и открытиями новых земель, в частности освоением Зауралья, Сибири, Дальнего Востока. Все эти явления воздействовали на развитие культуры, изменение быта людей. Но какими путями и в какой степени?

Что касается влияния прошлого на культуру страны, то здесь следует сказать, что и в XVII в. Россия продолжала оставаться аграрной страной с миллионами крестьянского населения, слабым по сравнению со странами Европы развитием городов, со всеподавляющей властью бояр и дворян, все увеличивающимся значением самодержавной власти и усилением крепостного права. К тому же в XVII в. церковь, утратив свое политическое и отчасти экономическое влияние, оставалась мощной идеологической силой.

Идеалы европейского Возрождения, а позднее Реформации, в центр которых выдвигалась личность человека, его права, раскрытие его способностей, оказывались чуждыми для России.

Как все это влияло на культурное развитие страны?

Прежде всего это означало, что основная масса сельского, крепостного населения продолжала жить по-старому, в условиях традиционного средневекового общества, замкнутого существования, куда слабо проникали новшества века. Подавляющая часть крестьянства и значительная часть посадских жителей были неграмотны. Общая культурная отсталость страны оказывала влияние на дворянство, среди которого значительная часть не умела писать и читать. Даже воеводы порой не владели грамотой и брали себе в подручные дьяков и подъячих, которые и писали, и читали, и подписывались за них. Грамотные люди, как правило, принадлежали к верхам общества, приказной администрации, духовному сословию, где без образования нельзя было ступить и шагу.

В XVII в. заметно вырос уровень образованности царской семьи, членов Боярской думы. Можно сказать, что цари, их помощники, видные государственные деятели, особенно руководители Посольского приказа, на голову превосходили по уровню образования окружающую верхушку общества, не говоря уже о средних слоях и крестьянстве. Именно из их среды, как мы увидим ниже, шли самые сильные импульсы для развития культуры, искусства, образования, школьного дела.

Церковь же в общем развитии культуры играла весьма противоречивую роль. С одной стороны, духовенство владело искусством письма и чтения, потому что имело дело с богослужебными книгами, текстами. Именно в монастырях, при церквях испокон веков создавались школы, писались летописи, другие сочинения. В церковной среде развивалась и живопись. В редком монастыре не было своих иконописцев.

Но с другой стороны, церковь была резко настроена против проникновения в Россию западной, так называемой латинской или католической культуры. А это часто оборачивалось тем, что церковники выступали против необходимых стране новшеств во многих областях культуры, приглашения образованных людей из Европы, Украины, Белоруссии, старательно держались за старину в архитектуре, искусстве, обычаях, одежде, быту.

Большое и весьма противоречивое влияние на развитие русской культуры оказывали колонизационные и завоевательные процессы. Русские

служилые люди и крестьяне, осваивая дальние края, хотя и приносили сюда общий, более высокий по сравнению со здешними местами уровень обработки земли, владения незнакомыми доселе орудиями труда и навыками строительного искусства, но одновременно распространяли на огромные территории уровень традиционной средневековой русской культуры, существовавший в народной толще, и на долгие годы превращали эти районы в оплоты русского средневековья. Что касается народов Поволжья, Приуралья, Северного Кавказа, Прикаспийских степей и особенно Сибири и Дальнего Востока, то их вхождение в состав России замедляло ее общее цивилизационное развитие, становление ее новой культуры. Многие из них жили на уровне каменного века и племенных отношений, что не могло не сказываться на общем развитии страны.

Но сказанное вовсе не означало, что все в традиционной народной культуре являлось отсталым и отжившим свой век. Напротив, в народном творчестве — фольклоре, в деревянной архитектуре, народной музыке раскрывались талант, мудрость и наблюдательность народа — бесценное культурное достояние страны.

Народ по-прежнему рождал песни, сказки, пословицы, поговорки. Но теперь они уже отражали не только историю страны, но и события XVII в. Героями песен и сказок становились полководец Скопин-Шуйский, казак Ермак Тимофеевич, атаман Степан Разин. Фольклорные сборники люди старательно переписывали, передавали из рук в руки.

Многие традиции народного искусства дошли до XVII в. из глубокой старины, от времен Древней Руси, и были связаны с ритуальными языческими игрищами и праздниками, которые в условиях двоеверия широко распространялись в народе, особенно в сельской местности. В XVII в. церковь упорно и жестко преследовала эти «бесовские» развлечения.

И все же никакими запретами невозможно было остановить проникновение в Россию новых культурных веяний. Жизнь брала свое. Россия являлась частью большого евразийского мира, и эти веяния проникали в наше отечество со всех сторон, находили благодатный отклик внутри страны.

XVII в. в этом смысле стал переломным для русской культуры. Смута всколыхнула страну, возвысила в ней патриотические настроения. Люди почувствовали себя ответственными за судьбу Родины. Началось пробуждение личности в новых исторических условиях. Несмотря на все препоны средневековья, Россия также вступала на путь общеевропейского движения. Развивалась городская жизнь, ставшая носителем новых культурных процессов, появились первые мануфактуры. Формировался всероссийский рынок, стягивающий воедино всю страну.

Все шире становился приток в Россию иностранных специалистов. Немецкая слобода Кокуй к неудовольствию церковников становилась средоточием многих западных новшеств, европейских культурных настроений, одежды и быта.

Создание сильного самодержавного государства, строительство новой армии, освоение новых земель требовало появления специалистов во всех сферах управления страной, в военном деле.

Со второй половины XVII в. страна все теснее включается в европейскую политику, входит, как известно, в Священную антитурецкую лигу.

Русские послы ведут переговоры во всех основных столицах Европы. Развиваются политические контакты и со странами Среднего и Дальнего Востока. В ответ Москва наполняется говором иностранных дипломатов.

Новые географические открытия, присоединение ранее неведомых земель на Востоке требовали их описания, изучения и освоения, а для этого нужны были картографы, геологи, опытные администраторы, строители, переводчики.

Образование. Прежде всего значительный шаг вперед сделало образование, развитие грамотности. Это отметили и некоторые зарубежные писатели. Так, Адам Олеарий (1603—1671) в своем «Описании путешествия в Московию...» подчеркивал: «В прежние времена русское юношество обучалось писать и читать на русском, более же на славянском языке... Теперь же весьма многие из русских... желают, чтобы дети обучались греческому и латинскому языкам».

Простой народ учили местные дьячки, духовные лица, писцы. Людей зажиточных обучали специально нанятые учителя из русских грамотеев — работников приказов, светские и духовные лица. С 40-х гг. XVII в. появились и первые школы. Одна из них при церкви Иоанна Богослова в Москве была организована по инициативе прихожан; другая — в Чудовом монастыре в Кремле.

Большую роль в развитии просвещения сыграл любимец царя Алексея Михайловича окольничий Д. М. Ртишев. Ярый поборник культуры, он в 1649 г. пригласил из Киева ученых монахов, в частности опытного педагога-практика и теоретика воспитания Епифания Славинецкого, и те начали обучение в созданном Ртишевым Андреевском монастыре на берегу Москвы-реки разных людей философии, славянскому и греческому языкам, другим наукам.

Около Ртишева группируются многие просвещенные люди Москвы, образованные выходцы из украинских и белорусских земель. Оказывалось, что российское образование в значительной мере в эти годы двигалось вперед усилиями представителей и других братских славянских народов.

Для обучения представителей царской семьи приглашали выдающихся на то время просветителей. Так, царь Алексей Михайлович во время своего военного похода против Польши познакомился в Полоцке с белорусским монахом Симеоном — человеком большой учености и литературного таланта. Царь предложил ему перебраться в Москву и стать воспитателем своих детей — Алексея, Федора и Софьи.

Симеон Полоцкий был и отличным организатором: возглавил в Москве школу, открытую при Спасском монастыре. А через несколько лет при его же содействии появилась греко-латинская школа при Печатном дворе, где в начале 80-х гг. XVII в. училось уже более 200 детей из разных сословий, постигали премудрости латыни, славянского языка, русской грамматики.

Открылись школы и в некоторых других русских городах — Нижнем Новгороде, Боровске. Причем детей обучали там «без мзды», т. е. бесплатно. Основаны они были просвещенными людьми, порой на свой страх и риск и за свои деньги. В обществе все тверже зрело понимание, что без

образования России вперед ходу нет. При Аптекарском приказе появилась школа русских лекарей.

Там, где началось обучение, там появились и первые учебники. Этим также примечателен XVII век. Уже в первой половине века был напечатан букварь В. Бурцева, который сразу же приобрел большую популярность. Тогда же вышла грамматика М. Смотрицкого. Позднее к ним присоединились другие учебники — чтения, письма, счета. К концу века Печатный двор выпускал буквари и другие учебные пособия в тысячах экземплярах. Они стоили недорого и быстро раскупались. Люди тянулись к грамоте, к знаниям.

С каждым годом увеличивалось количество печатной продукции в стране: выходили книги не только церковного, но и светского содержания: летописи, повести, исторические сочинения, книги по географии, астрономии, медицине. Многие из них были переводного содержания.

На исходе столетия было открыто Славяно-греко-латинское училище, которое через два года (1687) преобразовали в Академию.

Образование шло рука об руку с развитием информации. Вслед за Европой в России приступили к выпуску газет. Сначала это был рукописный листок с последними европейскими новостями под названием «Вести». Издавался он в одном экземпляре и предназначался для царя Алексея Михайловича. Потом появилась рукописная же газета «Куранты». Ее читали уже придворные, высшие правительственные чиновники. Начало газетной традиции в России было положено.

Научные знания. Постепенно развивались в России и научные знания. В основном они имели прикладной характер, прежде всего в области промышленности, военного дела. Русские мастера добывались сплавов высокого качества при изготовлении пушек, а также колоколов, ввели в производство пищали и пушки с винтовой нарезкой, что увеличивало дальность и меткость стрельбы.

Бурно развивалось внедрение новой техники в строительном деле. Строительство, основанное на традиционной русской культуре деревянного зодчества, достигло фантастического успеха: огромный загородный дворец Алексея Михайловича в селе Коломенском называли «восьмым чудом света». Это был действительно пик русского деревянного строительства. Затем каменные стройки, особенно в городах, начинают теснить старые традиции, но и в новом деле русские мастера-строители, камнерезы достигают больших высот. До сих пор при взгляде на колокольню Ивана Великого (рубеж XVI—XVII вв.), царские палаты в Кремле, крепостные стены в ряде городов (XVII в.) приходится поражаться точности их расчетов, прочности конструкций.

В России в этом веке в разных отраслях хозяйства (железодельные мануфактуры, мельницы, доменное производство и др.) стали использовать водяные двигатели. Большой шаг вперед сделало бурение, что особенно было важно при разработке новых соляных скважин и подъеме соленого раствора из глубины.

Несмотря на недовольство церковных кругов, в школах, Славяно-греко-латинской академии появились в качестве учебных пособий переведенные зарубежные руководства — «О строении человеческого тела», «Космо-

графия», где излагались гелиоцентрические взгляды Н. Коперника. Выходили в свет и русские справочники и руководства, имевшие научный и прикладной характер (по географии, описанию и межеванию земель), изготовлению разных полезных химических растворов (краски, чернила), по военному делу и медицине.

Начиная с XVII в. составление географических карт стало постоянным делом в России. Первые «чертежи» земель стали поступать и из присоединенной Сибири. В 1696 г. Семен Ульянович Ремизов составляет первую общую «Чертежную карту Сибири».

Серьезный сдвиг произошел в области развития исторических знаний. С одной стороны, создаются традиционные летописные сочинения, а с другой — появляются авторские исторические работы, раскрывающие события Смуты, русско-польских войн, внутренних событий в России во второй половине XVII в.

Литература. Неотъемлемой частью русского культурного мира в XVII в. была литература. Конечно, она не поднималась до уровня Данте, Шекспира, Сервантеса, как в Европе. Но на отечественном материале талантливо, страстно и темпераментно русские писатели отражали жизнь страны, ее историю, ее героев, ставили высокие нравственные вопросы, размышляли о судьбах родины.

Уже в послесмутные времена вышли в свет литературно-исторические сочинения, принадлежащие перу участников событий. Так, келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын, руководивший его обороной от поляков, создает «Сказание» о годах Смуты. Эти же события отражаются во «Временнике» дьяка Ивана Тимофеева, сочинении князя Катырева-Ростовского. В этих книгах выступают живые герои истории с присущими им характерными чертами, страстями, ошибками и преступлениями перед страной. Именно из названных сочинений мы узнали о замыслах и делах Бориса Годунова, Лжедмитрия I, Ивана Болотникова. Мы видим деяния Скопина-Шуйского, Минина и Пожарского. Кто-то из участников похода Ермака написал повесть о покорении Сибири; после героической обороны Азова от турок в свет вышла «Повесть об Азовском сидении донских казаков».

Широкой популярностью среди всех слоев населения пользуются жития святых — в первую очередь таких почитаемых в народе, как Сергей Радонежский. Яркой книгой становится Житие протопопа Аввакума — его своеобразная биография, жизнь, полная страстей, страданий и духовной стойкости.

Широкое распространение получают многие повести и сказания бытового, сатирического характера. В них уже просматриваются попытки индивидуализировать речь героев, создать их портреты. Такими были «Азбука о голом и небогатом человеке», где сочувственно говорилось о доле бедняка; «Повесть о Шемякине суде», бичующая мздоимство и жадность судей; «Служба кабаку», осуждающая пьянство и распущенность, и многие другие. В них искрится народная речь, используются пословицы, прибаутки.

Одновременно рождается светская повесть, драма для начинающего свою жизнь русского театра. Появляются первые поэтические сборники.

Так, в 1680 г. впервые в России вышел в свет авторский сборник стихов, принадлежавший перу Симеона Полоцкого.

Архитектура. XVII в. поистине стал строительным, архитектурным веком. Многие из тех зданий, храмов, крепостных стен, что и поныне окружают и восхищают нас, были возведены в XVII в. Это оказалось следствием общего подъема страны, накопления и государством, и отдельными богатыми людьми, в том числе боярами, дворянами, купцами, предпринимателями, зажиточными крестьянами материальных средств.

Суздаль, Москва, Каргополь, Устюг Великий, Ярославль, Кострома, Ростов Великий, сибирский Тобольск стали средоточием высоких достижений русской архитектуры той поры. Храмы выросли во многих крупных селах, слободах.

Архитектуру XVII в. отличает радующая глаз нарядность, красочность, умело подобранное сочетание цветов — в камне, отделке, керамике, в форме окон. Про такие архитектурные шедевры говорили в то время, что это «знатное узорочье».

Русская деревянная архитектура как бы передавала эстафету каменной стройке. Еще создавались шедевры, построенные из дерева, — дворец царя в селе Коломенском, церкви в нынешних Архангельской, Мурманской, Тверской областях, а архитекторы уже украшали нашу землю своими каменными творениями.

Именно в XVII в. были построены основные архитектурные сооружения Золотого кольца Центральной России.

В XVII в. приобретают законченный вид и доныне радующие взгляд своей красотой архитектурные ансамбли Троице-Сергиева монастыря, а также Иосифо-Волоколамского, Симонова, Спасо-Ефимьева монастырей, Новодевичьего монастыря в Москве, Новоиерусалимского монастыря — любимого детища патриарха Никона.

На крутых склонах при слиянии рек Иртыша и Тобола вознеслись к небу белокаменные стены, правительственные здания, храмы во главе с монументальным Софийским собором в далеком Тобольске — тогдашней сибирской столице.

Лидером нового зодчества XVII в. оставалась, конечно, богатая правительственная Москва. Здесь строятся новый Кремлевский дворец — трехэтажный терем с шатровой надстройкой, отделанный изразцами, новые церкви в отдельных районах Москвы, в том числе замечательные храмы Троицы в Никитниках, Рождества в Путниках; каменные палаты думного дьяка Аверкия Кириллова, бояр Голицына и Троекурова.

Но, конечно, наиболее примечательным явлением в русской архитектуре XVII в. становится распространение так называемого нарышкинского барокко — зданий и храмов исключительно нарядных, отделанных белокаменной резьбой по красной кирпичной кладке, пышных и величавых.

Первым, кто стал строить здания в этом стиле, стал брат царицы, дядя Петра I Лев Кириллович Нарышкин. Отсюда и пошло — «нарышкинское барокко». Это палаты Нарышкиных на Петровке в Москве, церковь в Филах, которая до сих пор поражает своими пропорциями, воздушностью.

Театр. Живопись. Музыка. В XVII в. родился русский театр. Его появление стало велением времени. В Европе театр — мощный фактор развития

культуры, формирования новых нравственных ценностей наступающего буржуазного общества. В Москве это чувствовали, понимали. В первую очередь в царском окружении.

Большими почитателями театральных постановок стали царь Алексей Михайлович, глава Посольского приказа А. С. Матвеев. Именно он первым предложил монарху организовать труппу под руководством пастора из Немецкой слободы. Тот набрал актеров, сначала из иноземцев, позднее там появились и русские таланты. Построили театральные храмины в селе Преображенском, а потом и в Кремле. Играли пьесы лишь в летнее время. Сюжеты были в основном библейскими, знакомыми религиозным русским людям.

После смерти Алексея Михайловича труппа распалась, театр был закрыт. И все же начало русскому театру было положено. Традиция начала жить.

Такие же сложности и превращения испытывала и русская живопись.

Поток европейской живописи, хлынувший в Россию в XVII в., развитие собственно русских художественных традиций создали перелом и на этом направлении русской культуры.

В XVII в. наряду с высочайшим совершенствованием иконописи (произведения, например, так называемой строгановской школы — иконы делались по заказу крупных предпринимателей братьев Строгановых) появилось стремление к реалистической живописи. В отличие от Европы оно исходило не из монашеских келий, а из светских мастерских.

Крупнейшим русским художником XVII в., в чьем творчестве впервые наблюдается реалистические черты, на чьих досках и полотнах оживают реальные люди, стал живописец и гравер, мастер царской Оружейной палаты Симон Федорович Ушаков (1626—1686). У него было немало последователей, учеников. Реалистические мотивы заметны и в церковной живописи. В храмах Москвы, Нижнего Новгорода, Ярославля, Костромы настенные росписи наполняются реальными сюжетами, народным духом, обилием бытовых деталей. Нередко из царского дворца художникам приходят заказы написать картины на любимые библейские темы и сюжеты древней истории, например о деяниях Александра Македонского.

Появляется и портретная живопись. Создаются «парсуны» царей Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, царевны Софьи, Н. К. Нарышкиной и даже патриарха Никона. Имеются сведения, что все они, особенно Алексей Михайлович, не без удовольствия позировали живописцам. К московским художникам присоединяются и приезжие иностранные мастера.

Шаг вперед сделало в этом веке и русское музыкальное искусство. Наряду с широким распространением народной музыкальной культуры (песни, игра на народных инструментах), церковным хоровым пением зарождается и так называемое классическое профессиональное музыкальное искусство. По приказу царей Михаила и Алексея из Европы приглашают музыкантов-профессионалов — флейтистов, волторнистов, гобоистов, органистов, скрипачей. Сначала их цель — увеселение царской семьи, позднее — сопровождение театральных представлений. Бурно расцветает органная музыка. Органы ставят и в царских чертогах, и в домах вельмож; ма-

логобаритные, переносные органы появляются и на народных торжествах и игрищах, что вызывало неудовольствие церкви.

Во второй половине XVII в. при дворе создаются и профессиональные оркестры, исполняющие на утеху придворных произведения западных, в том числе польских, композиторов. К сочинению музыкальных пьес приступают и русские музыкальные самородки. Один из первых русских композиторов — дьяк Василий Поликарпович Титов (ок. 1650—1710?), проживший на музыку «Псалтырь рифмованную» и «Месяцеслов» Симеона Полоцкого. В 1677 г. был сконструирован первый нотный печатный станок, и в России начинается нотопечатание.

Состояние быта. Однако заметный прогресс во всех отраслях русской культуры мало влиял на общую культурную панораму страны. Новые веяния слабо доходили до миллионов людей, живущих по селам и деревням или в небольших городках и слободах. Эти веяния оставались «верховными», элитарными, и лишь подчеркивали огромную пропасть между состоянием жизни широких народных масс и крестьян, особенно крепостных и посадских людей, и чрезвычайно узким слоем тянувшихся к образованию и культуре представителей верхов общества. И все же храмы и дома стояли на виду у всех, вход в церкви был открыт для всех прихожан, и с их стен смотрели потрясающие душу живописные творения. Все это не могло пройти мимо сознания народа и накладывало на его облик свой цивилизационный отпечаток.

Похожее положение сложилось и в области русского быта. Новизна и здесь коснулась только верхушки города (царский двор, боярские хоромы, быт богатах посадских людей — торговцев, предпринимателей).

Постепенно европейская модель жизни проникала в материально обеспеченную русскую среду. Главной чертой новшеств стала забота о комфорте и удобствах человека, о красоте и разумной функциональности его одежды и обуви. Изживались варварские черты и в быту — обычай есть из общей миски, брать пищу руками. За столом появились приборы для еды, салфетки, скатерти. Появилась и индивидуальная посуда, индивидуальные предметы туалета, отдельные комнаты для каждого члена семьи, где он мог побыть в одиночестве. Можно сказать, что в Европе с приходом буржуазных обычаев среди людей даже невысокого достатка прекратила свою жизнь «коммунальная квартира», когда несколько семей жили, по существу, в общих помещениях, с общими туалетами. Эти же тенденции, хотя и в редких случаях, стали наблюдаться и в России.

В больших каменных домах с высокими потолками бояр Голицыных, Нарышкиных, Одоевских, Троекуровых, Морозова, Матвеева, в палатах дьяков Ордина-Нащокина, Украинцева, в приуральских дворцах Строгановых стены были покрыты дорогими обоями, тканями, кожей, коврами. В простенках висели зеркала и картины как европейского, так и русского происхождения. Люстры с сотнями свечей освещали помещения. В комнатах стояла красивая мебель — диваны, кресла. Отдельные помещения занимали библиотеки. Ели в таких домах на дорогой изящно сервированной посуде.

Под стать таким домам была и одежда хозяев и их слуг — не долгополая и неудобная по русскому обычаю, а короткая, легкая, красивая, по западным моделям, из дорогих тканей, украшенная золотым и серебряным шитьем, драгоценными камнями.

Изменились и экипажи — не старые кареты-колымаги, а легкие на ресорах западные коляски с холопами на запятках.

В дома богатых людей входит практика концертов, развлечений, игр, в частности шахматы. Уже в то время русские были великие шахматные мастера и легко обыгрывали заезжих из Европы любителей этой игры, о чем есть яркие свидетельства.

Наиболее европеизированные люди начинают брить лицо, стригут голову не «под горшок», как прежде, а делают прическу; некоторые даже начинают использовать парики.

Скромнее жили и одевались представители посадской верхушки (суконное платье, скромная мебель и посуда), но и в их среде наблюдалось стремление к комфорту, к индивидуализации жизни для себя и членов своей семьи.

И все же подобные явления быта — капля в море старорусских обычаев и традиций. Миллионы людей, в том числе и на посадах, жили в черных, или курных, избах, с бычьим пузырем в окне вместо стекла или даже слюды (что позволяли себе зажиточные люди). Здесь по-прежнему горела по вечерам лучина в общей комнате, по-прежнему сидели на лавках вокруг общей миски крестьянские или посадские семьи и хлебали щи или ели кашу деревянными ложками по сигналу главы семейства.

Здесь, как и раньше, одежда — из домотканого холста или грубого сукна, лапти носили летом и валенки зимой. Спали на лавках в общих комнатах. И трудились, трудились не покладая рук и зимой, и летом — на государство, на помещика, а оставшееся время — на себя. В редкие же дни отдыха, церковных праздников люди наслаждались старинными языческими обрядами и игрищами — ряженьем и гаданием, плясали и пели песни и частушки, радовались представлениям скоморохов, кукольному театру Петрушки, бросали заезжим актерам свои трудовые копейки.

А дальше на северо-восток, на восток, в Сибирь уходили бескрайние просторы страны, где местные люди еще пользовались каменными орудиями труда, жили в чумах и юртах. Для них и изба русского крестьянина казалась верхом комфорта и совершенства.

ГЛАВА 3. ЭПОХА ПЕТРА I

Период российской истории с конца XVII в. до 1725 г. мы не случайно называем эпохой Петра I. В эти годы вся история страны была буквально пронизана его личностью. Он наложил яркий и глубокий отпечаток на все области жизни страны. Судьба миллионов российских людей всех рангов и сословий, всех национальностей и в центре страны, и на далеких ее окраинах, судьба каждого отдельного человека в огромном Российском государстве были связаны с деятельностью Петра, с его решениями, указами. Россия до Петра была одной страной, Россия после Петра стала во многом другой.

§ 1. Первые годы правления

С приходом к власти в 1689 г. Петра I и его родственников жизнь страны поначалу как бы повернулась вспять. Все реформы Софьи — Голицына были остановлены. Все, что было сделано предыдущим правительством, подвергалось критике и осмеянию. Нарышкины держались за старину. Страной практически стали управлять мать царя — Н. К. Нарышкина и ее ближайшая родня — противники нововведений, люди малообразованные, заскорузлые. Долгое пребывание в селе Преображенском, вдали от большой московской политики не пошло им на пользу. Зато новые властители быстро освоили старое искусство расхищения государственной казны, дележа выгодных должностей. Изголодавшись по власти, они безудержно обогащались. Милославские, их родня и друзья беспощадно оттеснялись в сторону. Места в Боярской думе, в приказах, воеводские должности делились между Нарышкиными, Лопухиными — родственниками жены молодого царя, их друзьями.

А что же Петр? В первые годы своего правления он почти не занимался государственными делами. В свои семнадцать лет он с головой окунулся в прежние забавы. Петр по-прежнему много времени уделяет «потешным» войскам. Военное дело все более становится его первой и всепоглощающей страстью. Но игры становятся все серьезней. «Потешные» солдаты взрывают вместе с царем.

Все чаще Петр устраивает маневры, смотры, совершенствует вооружение своих солдат, привлекает к их обучению иностранных офицеров. Он и сам истово овладевает военным делом, учится стрелять из ружей и пушек, бить военную дробь на барабанах, копать окопы, закладывать пороховые заряды под крепостные стены.

На Переяславском озере под Москвой по указу царя строится несколько военных кораблей, и вместе со своими соратниками он осваивает мореходное искусство и искусство морского боя.

Уже в эти годы страсть к морю, о котором он знал лишь понаслышке от моряков в Немецкой слободе, к созданию флота и к вождению морских судов становится второй сильной страстью Петра.

Всем этим он заставляет заниматься и своих сподвижников, которые прежде, чем в будущем стать генералами, адмиралами, проходят вместе с царем все тяготы солдатской и матросской службы. Таким образом, вместе с царем мужает целый слой способных армейских и морских офицеров, по-новому обученных, вооруженных и обмундированных солдат, закладываются основы новой русской армии и флота.

С каждым месяцем «потешные» полки все больше начинают напоминать регулярные европейские воинские части. Одеты в новые удобные короткие кафтаны, в ботфорты — высокие сапоги с глубокими раструбами, в треугольные шляпы на головах, вооруженные и снаряженные по последнему слову тогдашней военной техники, «потешные» полки становятся по существу ядром будущей русской регулярной армии.

В те же годы развивается и третья страсть Петра, которая впоследствии проходит через всю его жизнь, — увлечение физическим трудом, рукоделием. С юности он обретает интерес к созидательной работе: с увлечением плотничает, столярничает, увлекается кузнечным ремеслом. А после он освоил токарный станок, и его любимым занятием стало вытачивание из дерева разных полезных предметов. Царь сам мог сделать стол и стулья, участвовать с топором в руках в строительстве корабля, выковать из металла добротную саблю, якорь или лемех плуга.

Предоставленный в течение долгих лет самому себе в селе Преображенском, Петр так и не получил систематического образования. От природы любознательный, способный, схватывавший все буквально на лету, он теперь походя продолжает восполнять пробелы в знаниях, использует любую возможность, чтобы узнать что-то новое, полезное. Все чаще и чаще Петр проводит время в Немецкой слободе, встречается там с интересными, бывальными людьми — иностранными военными специалистами, мастерами, инженерами, торговцами. Он близко сходитесь с шотландским генералом Патриком Гордоном (1635—1699), швейцарцем Францем Лефортом (1655/1656—1699). Если вдумчивый основательный Гордон был для него кладезем военных знаний, то Лефорт — весельчак и знаток европейских нравов, вводил его в мир европейских обычаев, традиций.

Он жадно знакомится в домах обитателей Немецкой слободы с книгами — и не только с художественной литературой, но и с руководствами по военному делу, астрономии, медицине. В это же время Петр быстро осваивает языки — немецкий и голландский, и порой объясняется с обитателями слободы на их родном языке.

Здесь начинается его первое постижение Европы и отторжение старорусской жизни с ее дворцовыми, кремлевскими интригами, боярскими перебранками, грязью и неустроенностью московских улиц, скрытой ненавистью и лютой завистью людей друг к другу. Все это приводит к разладу в семье, где уже родился наследник престола — царевич Алексей. Недовольна и мать, так как ее любимый «Петруша» все дальше уходит от милого ее сердцу старомосковского, кремлевского теремного быта.

Это отторжение порой принимает странные формы. Как бы издеваясь над старорусскими порядками, над старой системой управления, Петр создает шутовско-маскарадные органы власти для своего окружения — «все-

шутейший и всепьянейший собор» во главе с «папой», на должность которого он определил своего бывшего наставника, любителя выпить Никиту Зотова. Петр ввел также шутовскую должность «князя-кесаря» — как бы официального главы русского государства, на которую назначил старого боярина Федора Юрьевича Ромодановского. Пьяная компания участников «собора» во главе с царем нередко появлялась на улицах Москвы, удивляя и пугая обывателей.

Но дни проходили, Петр взрослел. Летом 1693 г. со своими соратниками он отправляется в Архангельск — единственный, но, увы, замерзающий на долгую зиму русский порт в устье Северной Двины. Очарование моря, страсть к мореходству, строительство настоящего «большого» флота неодолимо тянуло его на север.

Для него это путешествие стало вторым после Немецкой слободы «открытием Европы». В Архангельске стояли на рейде английские, голландские, немецкие торговые суда. Ожили расположенные здесь иностранные конторы и склады. Город наполнился разноязыким европейским говором. Петр запросто заходил в дома к зарубежным торговцам, шкиперам, матросам, кораблестроителям, посещал корабли, выходил на яхте в открытое море. Он был потрясен всем увиденным. С этих пор море, морские дела еще больше захватывают его. В нем укореняется подлинный культ корабля, флота.

В Архангельске он заказывает голландским специалистам постройку корабля, а на местной верфи закладывает два первых русских фрегата.

В 1694 г. умерла Н. К. Нарышкина. Петр тяжело переживал ее смерть. Заперся в палатах и несколько дней не выходил к людям, не желая показать свою слабость.

Во время новых для него встреч, военных маневров, лихорадочного овладения знаниями, первого путешествия на север, Петр все больше ощущает глубокий разрыв между русской жизнью XVII в. и теми веяниями, которые идут из-за границы, все яснее понимает отсталость России во всех областях жизни. Это глубоко уязвляет его как монарха, пробуждает желание вытянуть Россию из трясины средневековой дремотной жизни, где так удобно устроились кремлевские обитатели, приказное чиновничество, воеводы, церковные иерархи.

Так Петр постепенно приходит к тем же мыслям о необходимости коренных перемен в жизни страны, продвижения России по пути европейской цивилизации, которые овладевали просвещенными деятелями правительств царей Алексея и Федора, а также царевны Софьи.

Азовские походы. С 1694 г. вся ответственность за судьбы страны легла на плечи молодого царя. Еще в течение года он как бы по инерции продолжал свои юношеские увлечения. Весной этого же года он снова отправляется в Архангельск. Петру нетерпелось посмотреть на результаты своей первой поездки и первые усилия по созданию собственного флота. И, о счастье! На верфи его уже ждал новый, только что построенный корабль. По прибытии царя его спустили на воду. Через месяц на водах Северной Двины качался уже второй корабль, а вскоре прибыл заложенный год назад в Голландии третий фрегат. Это был уже флот! Царь придумывает для него

флаг — бело-сине-красное полотнище, которое со временем становится флагом российского торгового флота, а сегодня является флагом России.

Со всех сторон на царя надвигались старые российские проблемы, которые надо было решать безотлагательно. Союзники по антитурецкой Священной лиге требовали от России активных действий. Пришлось отложить милый сердцу Архангельск, прекратить «потешные» походы и маневры и готовиться к настоящей большой войне. Петр вынужден был продолжить то дело, которое начал В. В. Голицын своими крымскими походами.

Но в отличие от прежнего правительства он не хотел останавливаться лишь на выполнении союзнических обязательств. Петр смотрел дальше. На юге его манила не только перспектива сокрушения векового врага России — Крымского ханства, но и овладение берегами Азовского и Черного морей, чтобы обеспечить России выход в Южную Европу. Здесь тоже было море. Здесь тоже нужен был флот.

Весной 1695 г. на юг двинулись две русские армии. Дворянская конница под руководством Бориса Петровича Шереметева вместе с запорожскими казаками направились в низовье Днепра, где стояли опорные турецкие крепости. Вторая армия направилась прямо на Азов. Ею командовали друзья Петра — Ф. Лефорт, Ф. А. Головин и П. Гордон, с нею шел и сам царь. Он командовал бомбардирской ротой под именем Петра Алексеева.

Петр начинает первую настоящую войну, которая, как окажется в дальнейшем, растянется на всю его жизнь. Из 52 прожитых лет 32 года он проведет в нескончаемых войнах. Так юношеские увлечения переросли в большую политику страны и определили ее судьбу на четверть века.

Царь не стал повторять маршрутов Голицына и вести армию по выжженной солнцем и бесплодной степи на Крым. Шереметев внезапно обрушился на турецкие крепости в низовьях Днепра и овладел двумя из них, а две разрушил.

Другая армия по суше и водой — по Дону быстро достигла Азова. Три месяца русские полки осаждали крепость. Они захватили две каланчи, прикрывающие Азов с моря, но на этом успехи и кончились. Три военачальника все время ссорились между собой, турки по морю постоянно подвозили резервы, боеприпасы и продовольствие. Штурмы и подкопы не дали результата. Пришлось отступить.

Неудача не сломила Петра, а лишь заставила его действовать более разумно и решительно. Армию он подчиняет одному командующему — генералиссимусу Александру Семеновичу Шеину. Всю осень, зиму и весну он проводит то в Москве, то в Воронеже, Козлове, других южных городах, готовя армию, флот к новому походу. Петр широко открыл двери для иностранных инженеров, «подкопных мастеров», готовых помочь в штурме вражеских крепостей, пригласил с Запада корабельных плотников. Именно в эту пору, к началу 1696 г., у России появился и свой южный флот. В Москве построили двадцать две галеры и четыре брандера и в разобранном виде доставили их на Дон. Близ Воронежа тысячи согнанных сюда рабочих людей за зиму и весну соорудили тысячу триста стругов, триста лодок, сто плотов. Петр принял личное участие в строительстве русского донско-азовского флота. С топором в руках он целые дни проводил на верфи.

В апреле 1696 г. по свежей воде новенькие суда появились в виду Азова, закрыли устье Дона, блокировав крепость с моря. Турецкий флот не смог подойти на помощь. После артиллерийского обстрела Азова и нескольких штурмов, в которых участвовал сам царь, турки сдали крепость Петру. Это был первый большой успех молодого царя. Для опоры нового флота была заложена крепость и гавань Таганрог.

Но одновременно с первыми победами Петр приводит в движение и старую крепостническую систему. Единственным источником его преобразований становится старая подневольная Россия, ее посадский люд, крепостные и государственные крестьяне. Вводятся новые налоги на строительство флота, проходит насильственная мобилизация населения для оживления захваченного Азова и строительства Таганрогской гавани. Тысячи крестьян сгоняют в воронежские леса на постройку флота. Бежавших приводят обратно в оковы и с клеймами раскаленным железом на лице. Открывается печальный список человеческих жизней и человеческих судеб, перемолотых реформаторскими жерновами Петра. «Подлый народ», т. е. низы общества, как он говорил, являлся для него лишь инструментом в осуществлении великих свершений.

Великое посольство. Победы на юге и захват Азова — крупный военный успех России, создававшей опорную базу для дальнейшего наступления на Крым и отвоевание выхода к Черному морю. Но война с Турцией продолжалась. Конца ей не было видно. Союзники России — европейские державы — действовали вяло, а потом и вообще начали с Турцией мирные переговоры, так как готовились к борьбе за испанский трон, где умирал пожилой и бездетный король.

Поэтому Петр решил снарядить посольство на Запад — для выяснения перспектив антитурецкой лиги и подтверждения антитурецкого союза. Но это была лишь одна из задач посольства.

Второй его целью стало ознакомление царя и его соратников с Европой, с тамошними порядками, промышленностью, военным делом, культурой, обычаями и бытом. Петр хотел воочию увидеть не осколок этого мира в виде Немецкой слободы, но весь этот неведомый, притягательный и захвативший его западный мир.

Третья цель посольства заключалась в обучении входивших в его состав участников, в том числе и самого царя, европейскому военному делу, инженерии, кораблестроению и другим ремеслам, необходимым России. Одновременно с этим Петр планировал пригласить в Россию военных специалистов, мастеров корабельного дела, капитанов, матросов, специалистов горнорудного дела, закупить для армии и флота современное оружие и оборудование.

В соответствии с намеченными целями был сформирован состав посольства. Оно было названо Великим и состояло из 250 человек. Такого количества высоких сановников государства, членов посольства из России еще никогда не выезжало. Сам Петр путешествовал в его составе как урядник-волонтер, среди других 35 молодых людей, под именем Петра Михайлова. Это был первый случай в истории России, когда царь выезжал за рубеж.

Петр стремился сохранить инкогнито, чтобы не отвлекаться на официальные ритуалы, приемы, чествования и использовать время для освоения европейского промышленного, военного, кораблестроительного, научного и культурного опыта. Он ехал учиться и настойчиво требовал того же от своих подданных и соратников — членов посольства. Официально же посольство возглавляли Ф. Лефорт, руководитель Посольского приказа Ф. А. Головин и дьяк П. Б. Возницын — опытный дипломат, не раз выполнявший высокие поручения.

Конечно, за спиной официальных послов стоял сам царь. Он руководил всей работой посольства, всеми переговорами.

За несколько недель до отъезда в Москве был раскрыт стрелецкий заговор против Петра. Царь принял активное участие в допросах обвиняемых. Эти допросы сопровождались зверскими пытками. Петр проводил в застенках долгие часы, лично разработал изуверский ритуал казни заговорщиков. Можно сказать, что в Европу Петр вступил с обильно обагренными кровью руками.

И в то же время на землях Курляндии, Бранденбурга, Голландии, Англии, Австрии, где побывало посольство, он жадно впитывал неведомую ранее жизнь, примерял ее к российской действительности.

Пока посольство тщетно пыталось склонить западные государства к активизации действий против Турции, Петр вел то тайные, то полуофициальные переговоры с властелинами тех стран, где оно побывало. Но очень часто он долгие дни проводил совсем не в посольских занятиях: в Голландии плотничал на верфях Саардама, учился мастерству на бумажной мельнице. Вместе с ним учились кораблестроительному делу и другие волонтеры, его сподвижники — А. Д. Меншиков, Г. И. Головкин. В Амстердаме Петр посетил театр, побывал в анатомическом музее. Посетил в Гааге и Генеральные штаты — тогдашний голландский парламент. Уже с курфюрстом Бранденбургским он изъяснялся без переводчика, поражал своих собеседников природным умом, любознательностью, но одновременно отсутствием какого бы то ни было воспитания. Так, он удивлял своих высоких хозяев тем, что не умел пользоваться салфеткой во время еды.

В Англии Петр побывал в парламенте, но наблюдал за его работой через слуховое окно и остался недоволен тем, что «мужики» здесь управляют государством. Он посетил Английское королевское общество, бывшее тогда центром английской науки, познакомился с Оксфордским университетом, Гринвичской обсерваторией; на Монетном дворе несколько раз встречался с его управляющим — великим Ньютоном. Много времени проводил Петр на английских верфях, где постигал профессию инженера-кораблестроителя, учился артиллерийскому искусству и получил сертификат артиллериста.

Результаты Великого посольства были впечатляющими. За границей было нанято более 800 мастеров разных специальностей. Сам царь и его сподвижники многому научились и многое узнали. Петр наконец-то воочию увидел европейскую цивилизацию во всем ее блеске: города, университеты, лаборатории, музеи, мощенные плиткой улицы, великое могущество британского флота. Но особенно его потряс своей красотой и необыч-

ностью Амстердам — город каналов и тысячи мостов. Позднее Санкт-Петербург он попытается построить по типу полюбившегося ему голландского города.

Возвращаясь в Россию, Петр был охвачен всепоглощающей мыслью превратить свою страну в развитую, просвещенную, сильную державу — такую же, как увиденные им передовые европейские страны. Теперь все, что связывалось в его сознании с русской косностью и стариной, подлежало разрушению или по меньшей мере коренной перестройке.

Однако не все понравилось русскому царю на Западе; он либо враждебно, либо равнодушно встретил европейские демократические традиции: парламент, систему народного представительства, выборов. Он так и не осознал, что именно эти коренные политические перемены в Англии, Голландии и выдвинули эти страны в ряд ведущих промышленных держав Европы. Свобода личности, гражданские свободы, свобода предпринимательства — эти понятия остались для него чуждыми. Вернулся он в Россию таким же, как и был: самодержцем, абсолютным монархом, возвышающимся над своими подданными — холопами, которые трепетали при одном его грозном взгляде.

Будучи в Европе, Петр отчетливо понял, что европейские державы не намерены выполнять свои союзнические обязательства по борьбе с Турцией. В их расчеты вовсе не входило появление на Востоке Европы сильной и защищенной от крымско-турецкой опасности России. Переговоры держав с Турцией велись полным ходом в тайне от Петра.

Русский царь сориентировался быстро. Он сам взял курс на мирное урегулирование дел с Турцией и повернул свои взоры на Север. Выход к Балтике, прорыв к морю на северном направлении постоянно находились в сфере российской политики еще со времен Ивана III. Теперь же союзниками России здесь могли стать Польша, Бранденбург, Дания, Саксония, чей курфюрст стал польским королем. Они испытывали сильнейшее давление могущественной Швеции, захватившей огромные территории по берегам Балтики, в том числе и у России.

Так вместо антитурецкого союза Петр увозил с собой из Европы тайную договоренность с рядом северных стран о борьбе против Швеции. Это был смелый и расчетливый поворот всей внешней политики России.

Обратно путь царя лежал через Амстердам, Лейпциг, Дрезден, Прагу, Вену. Из Вены Петр собирался двинуться в Венецию. Но вдруг его маршрут круто изменился: в Вене он узнал о восстании четырех стрелецких полков. Разосланные после взятия Азова по разным городам, стрельцы так и не вернулись к своим семьям и привычным промыслам. Это вызвало их недовольство, а потом стрельцы взбунтовались и, воспользовавшись отсутствием царя, двинулись на Москву. Их знаменем по-прежнему являлась царевна Софья.

Из Вены Петр стремглав, загоняя лошадей, помчался обратно. Но уже в Польше он получил известие о том, что мятежники разбиты полками А. С. Шеина и П. Гордона. Началось следствие.

Бунт стрельцов вызвал в нем прежний страх и ненависть к старому укладу русской жизни, который они грозили вернуть.

Вернувшись в Москву в августе 1698 г., Петр поразил современников. Он не захотел останавливаться в Кремлевском дворце и сразу проехал в свои покои в селе Преображенском. Уже во время первых приемов бояр, приказных людей Петр самолично начал остригать им бороды, приводя в «европейский вид». Не смея перечить царю, многие высокопоставленные бородачи, потеряв свою красу и гордость, заливались слезами. Царь лишь усмехался. Через несколько дней он повторил эту процедуру, а потом выпустил указ о запрещении носить бороды. Те же, кто желал сохранить свое традиционное украшение, были обложены большим налогом. Указ не затронул лишь лиц духовного звания. Так решительно и грубо царь начал «европеизировать» Россию.

Он заставил всех своих приближенных также сменить старорусскую одежду на короткие европейские суконные кафтаны, треуголки и ботфорты. Расправился он и с нелюбимой женой, приказав постричь ее в монахини, чем сильно травмировал сына Алексея.

И наконец, Петр обрушился на мятежных стрельцов. Он считал, что дознание по этому делу было проведено быстро и поверхностно. Его душили ярость и ненависть к своим врагам, и он заново начал следствие и сам принимал в нем активное участие. Всю осень в Москву свозили уже сосланных стрельцов, в застенках шли допросы с пытками, истязаниями.

Петр установил связь восставших с происками царевны Софьи. Софья была пострижена в монахини. Более двух тысяч стрельцов казнено дополнительно. 195 человек Петр приказал повесить напротив ее кельи. Царь вместе со своими соратниками сам рубил головы ненавистным стрельцам.

Первые новшества, введенные Петром I, не только поразили людей, но и повергли их в ужас и смятение. Приходилось расставаться с традиционным обликом, укладом жизни. Не все отнеслись к этому так безропотно, как близкая к царю московская верхушка. Простой люд ответил ропотом и сопротивлением. Да и среди старой русской знати такое насилие вызвало резкий внутренний протест. Эти настроения позднее вылились в создание тайной оппозиции Петру, куда вошли представители старой знати, верхи духовенства, люди, некогда близкие к Милославским и его отринутой жене.

После расправы с бородами, переодевания придворных в западные костюмы и казни стрельцов Петр приступил к некоторым иным нововведениям в русской жизни.

Россия давно уже нуждалась в высших и средних специальных учебных заведениях. Теперь, в условиях реформирования армии и создания собственного флота, Петр нуждался в специалистах — военных, кораблестроителях, моряках. Познакомившись за рубежом с университетской системой образования, с академиями, научно-исследовательскими учреждениями, музеями, он мечтал внедрить нечто похожее и в России. Начал же Петр с создания Навигацкой (т. е. навигационной) школы в Москве, где приглашенные из Англии преподаватели (а в двух первых классах — русские учителя по русскому языку и арифметике) приступили к обучению учащихся математике, геометрии, картографии, астрономии, навигации и другим наукам, к ознакомлению с морскими инструментами и приборами. Откры-

лись и другие школы. Туда зачисляли юношей — недорослей, боярских и дворянских детей, которые раньше ничему и нигде не учились. Многих Петр заставлял учиться насильно, отрывая от семей, вытаскивал из теплых насиженных родительских углов.

По повелению царя в Москве была открыта новая типография, где предполагалось печатать книги не на старославянском языке, а новым гражданским шрифтом. С 1 января 1700 г. Петр приказал ввести в России летоисчисление не по церковному образцу — от сотворения мира (с 1 сентября), а по европейской традиции — от Рождества Христова. Вместе с новым календарем в Россию пришел новогодний праздник с елкой. Этот обычай Петр также внедрил, нагнавшись на новогодние торжества в европейских странах. Появились и некоторые другие новшества, навеянные с Запада.

Так, царь в 1698 г. учредил первый и высший орден России — орден Святого апостола Андрея Первозванного — покровителя Руси. 20 марта 1699 г. орден Св. Андрея Первозванного № 1 был вручен боярину Федору Алексеевичу Головину, «храбростью своею снискавшему себе славу в войне с Турками» и блистательно возглавлявшему Великое посольство.

Продолжая борьбу своих предшественников с засильем воевод в российских уездах и городах, Петр в 1699 г. провел городскую реформу. Появляются новые органы городского самоуправления, как на Западе, — Ратуша в Москве и земские избы в других городах. Новые органы власти состояли из выборных людей во главе с бурмистрами от купцов и верхушки посада и должны были собирать таможенные пошлины от продажи товаров и кабацких доходов, т. е. от продажи горячительных напитков, в первую очередь водки. Тем самым Петр стремился оградить купечество от воеводской и приказной волокиты и взяток и содействовать оживлению торговли, промышленности и ремесел, а главное — наполнить государственную казну. С этой же целью рядом с Петром появился специальный человек — «прибыльщик» А. Курбатов, который подавал царю идеи о наложении на население косвенных налогов.

Постепенно Петр стал уменьшать значение старых органов власти — Боярской думы и приказов. Количество бояр — членов Думы уменьшилось, старики умирали. Новых назначений царь не проводил. Все больше там появлялось людей приказных, неродовитых. Получалось, что Боярская дума исчезала естественным путем. Скука и запустение царили в Думе: она занималась лишь мелкими вопросами. Все же важные дела решал сам царь со своим ближайшим окружением.

Сокращалось и количество приказов. Часть из них Петр упразднил, другие объединил. Этим он также продолжал политику прежних царствований: приказная система полностью изживала себя. Для новой России, какую видел перед собой Петр, нужны были совсем другие органы управления.

В 1700 г. в Москве умер престарелый патриарх. Царь немедленно воспользовался этой возможностью расчитаться с церковными противниками своих прозападных начинаний. Новый патриарх так и не был назначен. Патриаршее имущество поступило в Монастырский приказ, а во главе

церкви встал местоблюститель патриаршего престола, который занимался лишь духовными делами и был полностью отстранен от политических решений.

Продолжил Петр и политику России на юге. С удвоенной энергией весь 1699 г. Петр форсировал создание Азовского флота. С жертвами он не считался.

Очень быстро выяснилось, что подневольные работники трудились неохотно. Не вдохновлял их и пример самого Петра, который не шадил в этой работе ни себя, ни своих соратников: корабли получались плохого качества, что еще более распаляло царя. Жестокие кары усиливались. В стране нарастал глубокий раскол между обществом и царем. Но Петр шел вперед, круша и сметая все на своем пути. В конце концов на юге дело было доведено до конца. В августе 1699 г. около Керчи появилась русская эскадра во главе с многопушечным фрегатом «Крепость», а вскоре этот флагман бросил якорь у стен Стамбула, куда для завершения переговоров о мире с правительством султана прибыло русское посольство. Турки были изумлены и испуганы.

Одновременно Петр продолжал реформировать русскую армию. В 1699 г. вышли указы о наборе в профессиональную армию «даточных людей» — крестьянских сыновей с определенного количества дворов. Так было положено начало тяжелой рекрутской повинности. В армию вербовали и наемных «охочих» свободных людей. Царь разрешил также отпускать на волю холопов и крестьян, которые изъявляют желание идти в солдаты. К началу нового века таким образом было сформировано 29 пехотных и 2 драгунских полка. Во главе полков стояли, как правило, иностранные командиры.

Постепенно Петр за счет государственной казны начал строительство новых железоделательных заводов. Они появились в Карелии, в Устюжском крае на местных рудах. Взоры царя обратились и на Урал, богатый железной рудой и другими металлами, в начале XVII в. здесь появились первые заводы — первенцы уральской тяжелой промышленности. Вновь создаваемые армия и флот нуждались в пушках, ружьях, саблях, якорях. Развитие российской экономики все больше подчинялось военным целям, становилось все более однобоким.

§ 2. Начало Северной войны

8 августа 1700 г. Петр получил известие о заключении выгодного для России тридцатилетнего мира с Турцией, по которому Азов с прилегающей округой оставался за Россией. А уже на следующий день царь двинул свои войска на шведскую крепость Нарву, когда-то принадлежавшую России. Началась длительная Северная война.

В войну со Швецией Россия вступила, имея за плечами союзные антишведские договоры с Данией, Саксонией, Польшей.

Противник у России был исключительно опасный: тогда Швеция являлась одним из могущественных государств Европы. Она завоевала почти все побережье Балтийского моря. Ее флот господствовал на Балтике и в северных широтах, шведская армия считалась одной из самых сильных в Европе. Специально для ее обеспечения оружием и снаряжением строились

промышленные предприятия. Во главе Швеции стоял 18-летний король Карл XII. Несмотря на молодость, он проявил яркие полководческие способности, решительность и неукротимость в борьбе со своими противниками. Рядом с королем стояла блестящая плеяда шведских генералов, одержавших на полях Европы уже немало побед.

Но прежде чем русские войска подошли к Нарве, Карл XII нанес союзникам стремительный удар. Он высадил корпус на южных берегах Балтики и прямым ударом на Копенгаген — столицу Дании и бомбардировкой города со стороны подошедшей шведской эскадры вывел это государство из войны. Дания запросила мира. Быстро расправился он и с саксонцами. При первом же столкновении со шведскими силами саксонцы во главе с Августом II — польским королем, сняли осаду шведской крепости Рига и отступили, саксонско-польский союзник России бежал, спасаясь от преследовавшего его Карла III. После этого «шведский лев», как называли шведского короля, ринулся в сторону России. Он высадил свою пятнадцатитысячную армию на побережье нынешней Эстонии и двинулся к Нарве.

А в это время 40-тысячная русская армия во главе с Петром в течение нескольких недель вела безуспешную осаду города. Бомбардировки не дали результата. Боеприпасов и продовольствия катастрофически не хватало. Русское осеннее бездорожье сыграло здесь роковую роль, и их не сумели подвезти. Наступали морозы, русские солдаты страдали от холода, голода и болезней. К тому же в армии начался разлад. Русские солдаты, особенно старые, еще сохранившиеся стрелецкие части и дворянская конница, которые продолжали оставаться главной военной силой страны, с подозрением и недоверием относились к иностранным офицерам. Вновь собранные полки пока не имели боевой выучки и опыта. В полной мере Петр мог положиться лишь на свои, уже прошедшие боевую подготовку гвардейские полки — Преображенский, Семеновский и Лефортов.

Слабости русской армии хорошо использовал шведский король. Шведы подошли к Нарве 18 ноября. Петр не ожидал их столь быстрого появления и ушел в Новгород, чтобы организовать подвоз боеприпасов и поторопить оставшие полки.

Карл XII не стал медлить и на следующий день с хода повел свою небольшую, но решительную, дисциплинированную и хорошо вооруженную армию в атаку на русские позиции. Под прикрытием метели шведы обрушились на дворянские и стрелецкие полки и привели их в смятение, иностранные офицеры, в том числе и командующий, немедленно сдались в плен шведам, оставив армию без руководства. Русские полки начали беспорядочное отступление. Удар шведов стойко выдержали лишь гвардейские части. Но судьба сражения была уже решена. Русские потеряли много убитыми, ранеными, утонувшими в реке Нарове. Часть армии была захвачена в плен. На другой берег реки в полном порядке отступили лишь бывшие «потешные».

В ходе переговоров Карл XII, опасаясь, что русские полки придут в себя и, пользуясь огромным перевесом сил, перейдут в наступление, предложил русским покинуть позиции. При этом у побежденной армии сохранялось оружие, но она теряла всю артиллерию. Русским военачальникам ни-

чего другого не оставалось, как согласиться. Потрепанные и разрозненные русские полки побрели в сторону Новгорода.

После этого Карл XII, посчитав, что с русским царем покончено, отправился в Польшу вдогонку за Августом II.

Поражение под Нарвой не надломила ни Петра I, ни Россию. Это был чувствительный удар, но он не решил исхода войны. Русская армия хотя и потеряла свою артиллерию, но сохранила состав и остальное вооружение. Зато нарвское поражение выявило не только слабые места вооруженных сил страны — неготовность новых полков, отсутствие масштабного боевого опыта, ненадежность иностранных командиров, но и слабую военно-экономическую базу страны, плохую организацию дела, архаическое управление. Все язвы и недостатки старой России как бы сфокусировались в этом поучительном уроке, который дал России Карл XII.

Так и воспринял этот урок русский царь. Нарвская битва стала ключевым этапом в его жизни и деятельности. Поражение он обернул будущими успехами благодаря огромной энергии, неустанному труду, личному самопожертвованию.

Уже на первых порах Петр быстро и умело организовал оборону северо-запада России, руководил возведением укреплений в Новгороде и Пскове, создал здесь настоящую оборонительную линию в ожидании шведского наступления внутрь страны. Своему «потешному» сподвижнику, тридцатитрехлетнему князю Аниките Ивановичу Репнину (1668—1726) Петр поручил привести в порядок деморализованную русскую армию. Репнин проявил недюжинный военный и организаторский талант и создал из упавших духом, уставших солдат новые боеспособные соединения. Одновременно продолжался срочный набор и обучение новых рекрутов. Петр гнал гонцов на Урал, где вступили в строй первые чугунолитейные и железоделательные заводы, требовал от тамошних мастеров скорейшего выпуска пушек, и таких, чтобы они не только не уступали шведским, но и превосходили их. Для ускорения воссоздания потерянной под Нарвой артиллерии Петр приказал снимать с церкви колокола и отдавать их в переплавку на орудия. В короткий срок русская армия получила 300 новых пушек разного типа. Они были высокого качества — более прочными, дальнобойными и легкими в передвижении, чем орудия противника из хваленного шведского металла. Уральская сталь победила шведскую. Теперь дело было за армией.

Для усиления военной мощи России Петр остро нуждался в деньгах, которых катастрофически не хватало. Поэтому вслед за Курбатовым и другие «прибыльщики» придумывали все новые и новые налоги, которые тяжелым бременем ложились на плечи народа.

Усилия царя скоро стали давать первые плоды. Военная фортуна медленно, но уверенно поворачивалась в сторону России. Этому во многом способствовал и сам Карл XII. Уверившись, что Россия разгромлена и обескровлена, что русская армия больше не существует, он обрушился на союзника России — польского короля Августа II и, по словам Петра, надолго «увяз» в Польше. Август II отступал, шведы преследовали его по огромным пространствам Речи Посполитой.

Воспользовавшись уходом основных сил Карла XII в Польшу, фельд-маршал Б. П. Шереметев, командующий войсками в Прибалтике, начал наступление в Лифляндии, и вскоре, уже в 1701 г., русские ощутили вкус первых побед. В нескольких сражениях осторожный и упорный Б. П. Шереметев нанес шведам чувствительные поражения. В боях с ними набирались боевого опыта вновь сформированные русские полки, дивизии, корпуса.

Попытки шведов перехватить инициативу и атаковать с моря Архангельск, а на суше пробиться к Пскову были пресечены. С большими потерями противник вынужден отступить и от Архангельска, и от Пскова.

Сообщение о первых успехах привело Петра в восторг. Он требовал от своих генералов развивать успех, не давая врагу опомниться.

И вот уже Шереметев сам нападает на корпус генерала Шлиппенбаха. В упорном бою русские опрокинули шведов — противник бежал, потеряв большое количество убитыми, ранеными и пленными. На следующий год Шереметев опять встретился со Шлиппенбахом и разгромил заново сформированный шведский корпус. Таким образом, в Прибалтике инициатива полностью перешла к русским войскам.

На востоке, в Ингрии и Карелии, вдоль течения реки Невы, где стояли мощные шведские крепости, военными действиями руководил сам Петр.

Начиная с 1702 г. русские войска одерживают здесь ряд побед. Сначала вытесняют шведские войска из Карелии, потом обрушиваются на вражеские крепости. У истоков Невы была осаждена крепость Нотебург. Она стояла на острове и считалась неприступной. Петр руководил осадой и штурмом Нотебурга. После мощного и длительного артиллерийского обстрела и разрушения части крепостных стен русские войска пошли на штурм. На многочисленных лодках они под огнем шведов переправились прямо под стены Нотебурга и по штурмовым лестницам бросились наверх. Многие проявили здесь чудеса храбрости и мужества. Во главе наступавших с обнаженной шпагой шел любимец царя Александр Меншиков, человек безумной отваги. Несколько часов шла битва на стенах Нотебурга. В конце концов волна наступавших опрокинула защитников крепости. Город был захвачен.

Петр переименовал город в Шлиссельбург, т. е. «ключ-город». И действительно, крепость отныне должна была являться ключом ко всему течению Невы, которое еще предстояло завоевать для выхода в Балтийское море.

Русские войска продолжали наступление вдоль течения Невы и весной 1703 г. овладели в ее устье крепостью Ниеншанц. Теперь все течение Невы и выход в Балтийское море были в руках России. Здесь на одном из островов 16 мая 1703 г. Петр заложил Петропавловскую крепость, ставшую началом Санкт-Петербурга.

В стратегическом отношении закладка здесь нового города-крепости была чрезвычайно важным делом. Отсюда открывалось в полном смысле слова «окно в Европу», путь на Балтику. Тогда Петр меньше всего думал о природных особенностях этих мест, хотя некоторые признаки указывали, что постройка здесь города было рискованным делом из-за периодических

наводнений. Так, генерал Репнин писал отсюда: «А жители здешние сказывают, что в нынешнем времени всегда то место заливают». И сам Петр в одном из писем позднее отмечал: «...Утешно [смешно] смотреть, что люди по кровлям и по деревьям, будто во время потопа, сидели».

Закладка будущей российской столицы показывает всю степень и генерального предвидения, и риска, и фантазии, и сумасбродства Петра, пожелавшего повторить на местных островах, речках и протоках, в топкой и гнилой местности свой любимый Амстердам. Здесь же он заложил Адмиралтейскую верфь и приступил к созданию Балтийского флота. Напротив устья Невы для охраны будущего города была основана крепость Кронштадт, ставшая базой военного Балтийского флота.

Людей царь не жалел по-прежнему: сотни тысяч подневольных крестьян, ремесленников, солдат породили своими загубленными жизнями и сам город, и его верфи, и флот, и блестящие победы. Воинские команды гнали их в эти топи на строительство, выбивали с них налоги и недоимки, подавляли бунты, сыскивали беглых — и это из года в год, во все царствование Петра.

В 1713 г. Петр перенес столицу России из Москвы на берега Невы.

В последующие месяцы русские войска продолжают наращивать свои успехи в Прибалтике. Освобождаются от шведов старинные русские города Ям и Копорье. Затем следует осада и штурм Дерпта (старинного русского города Юрьева).

Наконец, наступает очередь Нарвы. Город был окружен и блокирован. Шведы не могли по морю доставлять в район боевых действий подкрепление и боеприпасы. Тут показала свои преимущества новая русская артиллерия. Русские пушки стояли за рекой и без устали били по крепостным стенам Нарвы. Огонь шведских орудий не доставал до артиллерийских позиций русских. Крепостные стены были пробиты. 9 августа 1704 г., в ходе короткой и яростной атаки русские штурмовые колонны взяли Нарву. Через четыре года Россия, таким образом, поквиталась со Швецией за нарвское поражение.

Теперь в руках Петра оказались все течение Невы от истоков до устья, Карелия, значительная часть Прибалтики. На всех направлениях шведы отступали.

§ 3. Превращение России в великую державу

Но существовала еще сильная армия под командованием самого Карла XII, которая получала постоянные подкрепления из Швеции. В эти годы он захватил всю Польшу, овладел Варшавой и Краковом, вторгся в Саксонию и окончательно сломил сопротивление Августа II. Польский король втайне от Петра запросил мира. Карл XII продиктовал Августу II свои условия. Отныне тот терял польскую корону и сохранял за собой лишь Саксонию. Новым королем становился ставленник шведов Станислав Лещинский. Август II обязался прекратить враждебную Швеции деятельность, а это означало разрыв его союза с Россией.

Покончив с Польшей, Карл XII вновь повернул свою армию против России.

К этому времени, воспользовавшись уходом шведов на Запад, русские войска не только захватили всю Прибалтику, но продвинулись в Литву, заняли часть украинских земель, входивших в состав Речи Посполитой. Однако это привело к рассредоточению русских сил. И когда Карл XII во главе мощной и победоносной армии появился вблизи русских границ, стремясь дать русским генеральное сражение, Петр I не стал искушать судьбу и отступил вглубь русской территории. Он ставил своей задачей собрать в кулак все основные русские силы и одновременно всячески «томить неприятеля», т. е. изматывать его отдельными стычками, заставить его наступать среди враждебного украинского и русского населения, брать с боем каждый населенный пункт. Русские прятали от шведов продовольствие, фураж, заставляли их двигаться по «мертвой зоне». Петр I вовсе не уклонялся от решающей битвы, но предполагал дать ее в наиболее выгодных условиях: «при своих границах», при подавляющем перевесе сил в свою пользу, с тем чтобы не было ни малейшего сомнения в окончательной победе над врагом. Всегда порывистый, нетерпеливый Петр на сей раз действовал исключительно взвешенно и осмотрительно. С этой целью он увел армию из Литвы, отдал неприятелю часть территории, сосредоточил основные силы в белорусском Полесье, прикрыв тем самым возможные пути наступления шведов как на северо-восток, в Прибалтику, на Петербург, так и в Центральную Россию, на Москву. К обороне были подготовлены Новгород, Псков, Великие Луки, Смоленск, укреплялись подступы к Петербургу и Москве. В лесах устраивались засеки и завалы, дороги перекапывались рвами. Армия постоянно получала новые подкрепления, артиллерию.

К январю 1708 г. Карл XII захватил Гродно в Литве, потом занял Минск. Летом, у села Головчина, русский корпус преградил путь шведам на восток, но Карл XII сумел одержать верх. Русские отступили, потеряв немало убитыми и ранеными. Шведы захватили Могилев. Теперь был открыт путь на Смоленск. Однако в последующих сражениях на этом направлении шведские передовые отряды потерпели ряд поражений. Особенно чувствительный удар шведы получили под деревней Раевкой. Во главе шведского авангарда стоял сам король. Русским заградительным корпусом командовал Петр. Впервые коронованные соперники встретились лицом к лицу. Русские драгуны опрокинули здесь шведскую кавалерию. Под королем была убита лошадь, и он чуть не попал в плен. После этого на военном совете Карл XII и шведские генералы решили двинуться на юг.

Таким образом, военный заслон, воздвигнутый Петром I на пути в центр страны, сыграл свою роль. Прямому наступлению Карл XII предпочел обходной маневр.

В этот момент в шведский лагерь пришло известие о переходе украинского гетмана Ивана Мазепы на их сторону, и Карл XII не без основания рассчитывал на военную помощь Мазепы, а также на богатые продовольствием районы Украины. Там шведский король предполагал дать отдых своей армии, собирался подтянуть сюда подкрепления с севера, от Риги, и уже затем, с новыми силами двинуться на Москву. К тому же он надеялся, что его успехи приведут к выступлению Турции и Крыма на стороне Швеции. Тогда Россия будет обречена.

Однако расчетам Карла XII не суждено было осуществиться. Большая часть украинского народа враждебно встретила шведов; за Мазепой пошло лишь около 4—5 тыс. казаков. Это были те представители казацкой верхушки, кто был связан с враждебной России частью польской шляхты и мечтал, как и Мазепа, вновь отдать Украину под власть Речи Посполитой. Но часть приверженцев гетмана, в основном рядовые казаки, вскоре покинули шведский лагерь. Мазепа оказался изолированным от своего народа. С каждым днем наступающей осени таяли планы шведского короля отдохнуть на теплых, сытых зимних квартирах. Русские летучие отряды постоянно тревожили шведскую армию, на Украине нарастало партизанское движение против иноземных захватчиков.

Вскоре основная часть русской армии также двинулась на юг, как бы «сопровождая» Карла XII, а сам Петр с кавалерийским корпусом направился навстречу двигавшемуся из-под Риги на соединение с основной армией шведов корпусу генерала Левенгаупта с огромным обозом боеприпасов и продовольствия.

28 сентября 1708 г., около деревни Лесной, в лесисто-болотистой местности Петр с 11,5 тыс. кавалерии обрушился на двигавшийся по лесной дороге 16-тысячный шведский корпус. Скованные обозом шведы не успели развернуть свои силы и смешались. Понесся огромный потери, они отступили, но русские драгуны преследовали их, не давая опомниться. Несколько часов длился бой. Только около 7 тыс. человек шведов сумело прорваться к Карлу XII. Левенгаупт потерял весь обоз и артиллерию. Впоследствии Петр I назвал битву под Лесной «матерью Полтавской баталии», шутливо намекая на то, что Полтавское сражение произошло ровно девять месяцев спустя после победы под Лесной.

Именно после Лесной Петр вскоре узнал об измене Мазепы. Царь был ошеломлен и взбешен. Он безгранично верил Мазепе, с которым в свое время прошел Азовские походы. Верные люди доносили Петру, что гетман готовит измену, но царь не верил этому и даже выдал Мазепе доноскиков, которых тот казнил. И теперь царь расплачивался за свою оплошность. В ярости он приказал А. Д. Меншикову захватить ставку Мазепы город-крепость Батурин, и Меншиков поспел туда раньше, чем там появились шведы. Город, крепость, замок были сожжены, а все запасы оружия и продовольствия, которые Мазепа приготовил здесь для шведов, были захвачены русским отрядом. В назидание изменникам над изображением Мазепы по приказу царя был совершен обряд казни. Имя гетмана было предано церковной анафеме.

Всю осень и зиму 1708—1709 гг. Карл XII метался по Украине. Он тщетно пытался пробиться к Москве, но повсюду встречал русские заслоны. Лютые морозы, голод, болезни косили шведов. На Украине под ногами шведов и сторонников Мазепы буквально горела земля.

В эти дни Мазепа утвердил новое знамя для своих сторонников — желто-голубой флаг, который по цветам повторял знамя Шведского королевства.

Полтавская битва. К апрелю значительно поредевшая, но еще достаточно сильная шведская армия осадила город Полтаву. Взятие Полтавы от-

крывало путь на Москву, кроме того, отсюда дороги вели в Крым: с ханом Карл XII вел переговоры о взаимных действиях против России. К Полтаве спешили и шведские резервы, сюда же направлялось войско нового польского короля — шведского союзника. Таким образом, взятие крепости могло значительно изменить весь ход войны. Но Полтава отбивала все яростные атаки шведов. Небольшой гарнизон и вооружившееся городское население стояли насмерть, организовывали вылазки, наносили шведам урон.

Кончилась весна, наступили жаркие июньские дни, а армия Карла XII так и не могла овладеть Полтавой. Героическая оборона города, сковавшая здесь на долгие три месяца армию шведов, помогла русским подтянуть сюда все основные силы. В начале июня в лагерь русских войск приехал Петр. Именно под Полтавой он решил дать генеральное сражение Карлу XII, к которому тот упорно стремился несколько лет. Царь сам выбрал место сражения: русские встали военным укрепленным лагерем, имея сзади правый берег реки Ворсклы, через которую были наведены мосты. Впереди находилась небольшая равнина, закрытая с левого фланга густым лесом; впереди, там, откуда ожидалась атака шведов, также находился лес. Далее шли шведские позиции, а за ними Полтава. Шведы оказывались зажатыми на узком участке пересеченной местности, где трудно было осуществлять их любимый широкий маневр. Впереди у них была русская армия. Сзади — Полтава. Разработал Петр и план боя, в частности предусмотрел возведение на пути шведской атаки по открытому пространству укрепленных редутов, определил роль русской конницы в решающие минуты битвы.

Особое значение Петр отводил артиллерии, которая более чем вдвое превосходила количество артиллерийских стволов у шведов.

26 июня, накануне сражения, Карл XII, раненный в ногу казачьей пулей во время осмотра будущего места сражения, объехал свои войска, лежа на носилках. К бою были готовы 30 тыс. отборных шведских солдат, прошедших с боями пол-Европы.

В своей речи, обращенной к застывшим рядам шведов, Карл XII вспоминал о славных победах, звал постоять за своего короля, обещал разгромить русских варваров и устроить пир в их захваченных шатрах.

Совсем другими мыслями и чувствами была наполнена знаменитая речь Петра, которой внимали русские воины в критически часы боя 27 июня: «И не помышляли бы... быть за Петра, но за государство Петру врученное, за род свой, за народ всероссийский... О Петре ведали бы известно, что ему житие свое недорого, только бы жила Россия и российское благочестие и благосостояние». Под ружьем в русском лагере находилось 47 тыс. регулярных войск. Таким образом, к решающей битве Петр I подошел, имея значительное превосходство в количестве войск и артиллерии.

В предрассветных сумерках 27 июня 1709 г. шведы четырьмя колоннами двинулись в атаку. Следом двигалась кавалерия. Земля содрогалась от топота тысяч солдатских ног и конских копыт.

Перед сооруженными накануне укреплениями шведские колонны были встречены конницей Меншикова, которая около полутора часов сдерживала натиск шведов, но потом отошла за линию редутов. И тут, в пятом часу утра, шведы натолкнулись на русские укрепления. Оттуда на них обру-

шился шквальный оружейный и орудийный огонь. Не ожидавшие этого шведы остановились и тут же были вновь атакованы русскими драгунами. Так, еще на передней линии фронта русские полководцы навязали шведам изнурительное и долгое сражение.

Убедившись, что штурм редутов лишь обескровит армию, Карл XII дал приказ Реншильду обходить русские укрепления. Шведские полки начали фланговый маневр и устремились в проход между редутами и близлежащим лесом. Но тут их уже ждала переброшенная сюда русская кавалерия. В завязавшемся бою русские переходили в контратаку, нанесли шведам большой урон и приостановили их движение. В это время часть шведских полков в пылу атаки продолжала атаковать редуты и не последовала за основными силами. Петр мгновенно оценил изменившуюся обстановку и бросил против отклонившейся части шведов несколько кавалерийских полков и батальонов пехоты. Те нанесли по шведам сокрушающий удар, их кавалерия была уничтожена, а пехота рассеяна. Остатки шведских полков бежали к Полтаве под прикрытием своих позиций.

Не добившись успеха в обходном маневре и потеряв часть войск на своем правом фланге, Карл XII перегруппировал силы и вновь бросил их во фронтальное наступление, стремясь пройти между редутами. Когда же шведы наконец преодолели укрепления и пыль, и дым рассеялись, они обнаружили себя в 70—80 метрах от русского лагеря. Оттуда ударила тяжелая полевая артиллерия. Картечь начала косить шведов. Они смешались и бросились в сторону леса, но Карл XII вернул шведов и вновь бросил их на русские позиции.

И тут-то Петр дал приказ вывести основную часть армии из лагеря. В центре встала пехота под командованием Репнина. На правом фланге рвалась в бой конница — 18 драгунских полков во главе с генералом Боуrom, на левом фланге к бою изготoвилась конница Меншикова. Вот тут-то Петр и произнес перед войсками свою речь, призывал их постоять за Отечество. Было 9 часов утра.

Шведы и русские одновременно двинулись навстречу друг другу. Шведы еще не приблизились к передовой русской линии, а артиллерия, оставшаяся в лагере, снова открыла по ним огонь. Шведы несли большие потери, но, проявив огромное мужество и боевую выучку, упорно продвигались вперед. Ударом ядра разбило качалку Карла XII, и король оказался на земле. Пронесся панический крик, что король убит. Но Карл XII нашел в себе силы подняться и сесть в седло. Вынув шпагу, он звал шведов вперед.

Увидев своего короля, шведы воспрянули духом и бросились в атаку. Удар их по центру русского войска был страшен. 1-й батальон Новгородского пехотного полка, состоявшего в основном из новобранцев, не выдержал натиска; солдаты попятиться назад. Создалась угроза прорыва центра русских войск. Шведы грозили захватить лагерь и овладеть артиллерией. Судьба битвы повисла на волоске. В этот момент Петр лично повел в контратаку 2-й батальон новгородцев. Его шляпа и седло в нескольких местах были прострелены пулями. Но Петр уцелел. Шведский прорыв был остановлен, и по всему фронту русские полки по сигналу самого царя перешли в контрнаступление.

Одновременно кавалерийские части Боура и Меншикова ударили с флангов. Войска противника смешались. Напрасно Карл XII взывал к ним: «Шведы! Шведы!» Его армия рассыпалась. Началась свалка. Король упал с лошади, и тут же раздался крик фельдмаршала Реншильда: «Молодцы! Спасайте короля!» Телохранители с трудом вынесли короля из толпы сражавшихся, посадили на лошадь. Лицо короля было залито кровью. Рядом, спасаясь от преследования, скакал с несколькими казаками Иван Мазепа.

Бегущие шведы прятались в окрестных лесах, но там их преследовали русские драгуны. Часть шведов добралась до своего лагеря под Полтавой. Но и здесь их ждал удар. Открылись ворота крепости, и полтавский гарнизон пошел в атаку. Шведы стали бросать оружие на землю и сдаваться.

Вскоре сражение затихло. Почти три тысячи шведов попали в плен. Среди них был и фельдмаршал Реншильд. В руках русских оказалась вся казна короля, 264 шведских знамени и штандарта, в том числе и королевский.

Петр праздновал победу. В свой шатер он пригласил пленных шведских генералов, которым было сохранено личное оружие, и поднял кубок за своих учителей. «Кто же эти учителя?» — спросил Реншильд. «Вы, господа шведы», — ответил Петр.

Вдогонку за королем была послана конница с приказом во чтобы то ни стало пленить заклятого врага России. Тому, кто это сделает, царь обещал генеральский чин и сто тысяч золотых рублей. Но Карл и Мазепа вместе с остатками своей армии уже достигли берега Днепра. На нескольких лодках, всего за три часа до появления здесь русской кавалерии, беглецы в сопровождении конвоя переправились на противоположный берег и бросились в степь, стремясь достигнуть турецкой границы. Остальная часть шведского войска во главе со своими генералами сдалась Меншикову на берегу Днепра.

Петр был вне себя от счастья от переполнявших его чувств. Долгих десять лет борьбы закончились его триумфом. Он приказал на месте Полтавской битвы построить церковь и воздвигнуть монумент в свою честь. Пышные молебны и празднества были организованы в Киеве и Москве. К европейским правительствам посланы грамоты о славной победе. Но пиком этих торжеств стал триумфальный въезд Петра в Москву в сопровождении гвардейских полков, трофеев, пленных шведов во главе со своими генералами.

Прутский поход и продолжение Северной войны. Но даже в разгар торжеств и пиршеств Петр не забывал, что враг хотя и надломлен, но не разбит окончательно. Поэтому он стремился не выпускать инициативу из своих рук. Русские войска перебрасываются в Прибалтику. Петр помогает Августу II прийти в себя. Ставленник шведов Станислав Лещинский бежит из Польши. Войска во главе с Шереметевым начинают успешные действия в Прибалтике, корпус под командованием Меншикова вторгается в Польшу. Саксония и Дания вновь возвращаются в состав Северного союза. Русские войска овладевают Выборгом, Ревелем, Ригой, другими городами и крепостями. К осени 1709 г. Эстляндия, Лифляндия, Карелия были пол-

ностью освобождены от шведских войск. Русский престиж в Европе стремительно возрастал, а вместе с этим рос и страх перед усиливающейся русской мощью. Именно после Полтавы в европейских столицах, в первую очередь в Лондоне, Париже, Вене, всерьез задумались над тем, как воспрепятствовать усилению России, помешать ей утвердиться на Балтийском море, спасти Швецию от полного поражения.

В период этих наивысших военных и дипломатических успехов Петр получил оглушительный удар. В 1710 г. Турция объявила войну России. Карл XII и Мазепа, укрывшиеся в Турции, добились своего — столкнули ее с Россией. Этому содействовали и некоторые западные страны. Под угрозой оказались результаты азовских походов, таганрогская крепость, азовский флот. Пришлось отвлекать полки из Прибалтики и Польши и направлять их на юг.

Первые столкновения с противником были успешными: отбит рейд крымского хана на Харьков, разгромлены силы казаков Правобережной Украины, а также враждебных России польских отрядов и татар. Ничего не предвещало беды и в дальнейшем: ведь русская армия, закаленная в многолетних боях и взявшая верх над шведами, стала одной из лучших в Европе.

В начавшейся войне с Турцией Петр заручился поддержкой валашского и молдавского господарей, а также рассчитывал на поддержку сербских отрядов и помощь Августа II. Стремительным броском армия Б. П. Шереметева устремилась к югу и в мае была уже на Днестре. С этой армией находился и сам царь.

Но успешно начатая война неожиданно круто изменила свой ход. Валашский властитель предал Россию и выдал русские военные планы туркам. Молдавский господарь не смог оказать поддержку продовольствием из-за неурожая в стране. Август II не прислал помощи, а сербы были задержаны на валашской границе. К тому же Шереметев промедлил и позволил 120-тысячной турецкой армии первой выйти к Дунаю и навести мосты. Время было упущено. Теперь русские не могли рассчитывать на помощь славян Балканского полуострова. Началась страшная июньская жара. В результате русские войска в своем походе от Днестра к реке Пруту навстречу главным турецким силам вынуждены были идти по выжженной, безлюдной и безводной степи. Вскоре стала ощущаться нехватка продовольствия. Солдаты тяжело страдали.

В начале июля турки сумели окружить на берегах Прута 38-тысячную изнуренную и уставшую русскую армию. Турецкая армия насчитывала 135 тыс. человек, не считая крымской конницы. Отчаянное сражение разгорелось 9 июля. Первыми в бой пошли турецкие янычары (солдаты христианского, в том числе славянского происхождения, набранные в войска насильственно, еще мальчиками, и затем принявшие мусульманство), отличавшиеся особой смелостью и жестокостью в бою. Но русские, огородившись лагерем, сумели отбить их натиск. Артиллерийский и ружейный огонь буквально сметал ряды наступающих. Не раз бой перерастал в рукопашную схватку, в которой русские солдаты проявили чудеса бесстрашия и упорства. Трехчасовое сражение закончилось отступлением турок. И все же положение русской армии оставалось отчаянным. Не было

продовольствия и воды, солдаты еле держались на ногах. Кольцо окружения стягивалось все плотнее. Царю, его генералам, всей армии грозил плен.

В этих условиях Петр созвал военный совет. Было решено просить турок о мире. В их лагерь послали опытного дипломата Петра Павловича Шафирова. Он имел тайный наказ заключить мир во что бы то ни стало, добиться свободного прохода русской армии во главе с царем на родину. Для того чтобы избежать плена, Петр соглашался отдать туркам Азов и Таганрог, вернуть Швеции все завоевания в Прибалтике, включая Санкт-Петербург, т. е. все, что было добыто в течение полутора десятилетий тяжелейших войн с Турцией и Швецией. Для Петра это была трагедия.

Одновременно военный совет принял решение: в случае провала мирных переговоров прорываться из окружения, о капитуляции не могло быть и речи.

Долгое время из турецкого лагеря не было ответа. Петр и его соратники не знали, что в турецком военном руководстве идут жаркие споры. Русским неведомо было также о том, что, получив приказ атаковать русский лагерь, янычары отказались идти в наступление, так как уже испытали на себе силу русского сопротивления. Неизвестно было в русском лагере и то, что конный корпус, посланный ранее Петром в сторону Дуная, зашел туркам в тыл и готов атаковать их. Все это склоняло турецкое командование к мирным переговорам.

Не дождавшись ответа от своего парламентаря, Петр приказал развернуть полки для последнего отчаянного боя. Те двинулись вперед. Это стало последним сигналом к устрашению турок. В русском лагере незамедлительно появился их представитель. Начались переговоры.

Условия мира были тяжелыми: Россия возвращала Турции Азов, должна была скрыть таганрогские укрепления, обязывалась вывести войска из Польши. Но все завоевания в Прибалтике сохранялись. Армии было предоставлено свободное возвращение домой с оружием, артиллерией, знаменами.

После возвращения с Прута Петр с новой энергией развертывает боевые действия в Прибалтике. Русские войска появляются в Померании — на южном берегу Балтийского моря. В 1712 г. в бою под Фридрихштадтом Петр сам вел батальоны в атаку, в ходе которой шведский корпус был наголову разбит, рассеян и взят в плен. Вскоре здесь же 11-тысячная армия шведов сдалась Меншикову.

В 1713 г. основные военные действия Петр переносит в Финляндию, принадлежавшую тогда Швеции. Вскоре почти вся Финляндия оказалась в руках русских, шведы были вытеснены из континентальной Европы. Невогда могучая европейская держава стояла на краю гибели.

Однако Карл XII, вернувшийся из Турции, цеплялся за малейшую надежду повернуть ход войны в свою пользу. Прежде всего он рассчитывал на мощь своего военно-морского флота, одного из самых сильных в Европе, хотел получить поддержку ряда европейских стран, прежде всего Англии, не желавших усиления России в Северной Европе.

Понимая, что окончательно сокрушить Швецию невозможно без уничтожения ее флота, Петр решает перенести войну на море. Это был

смелый и неожиданный шаг. Ведь на Балтике русский военный флот лишь зарождался. Однако каждый год с Адмиралтейской верфи в Санкт-Петербурге спускали все новые и новые боевые корабли. Свою лепту в создание Балтийского флота вносила и Олонецкая верфь в Карелии, близ Ладожского озера.

К лету 1714 г. на воду было уже спущено несколько многопушечных фрегатов, но основной флот был галерный, насчитывавший 200 кораблей. Этими силами Петр и решил атаковать шведскую эскадру, располагавшуюся около мыса Гангут на южном побережье Швеции. Здесь русским противостояли 16 линейных многопалубных фрегатов, 8 галер и некоторое число вспомогательных судов. Общее командование русским флотом осуществлял адмирал Апраксин. Петр в должности контр-адмирала возглавлял авангард русской эскадры. Путем ряда маневров и прорывов легкие русские гребные суда навязали шведским тяжелым кораблям бой в прибрежных шхерах — среди каменистых островов и узких морских протоков, окаймленных скалистыми берегами. Шведские фрегаты с трудом разворачивались там навстречу юрким, подвижным русским судам, которые окружали их со всех сторон. Петр первым атаковал шведскую эскадру, прорвался к флагманскому кораблю и взял его на abordаж, часть кораблей ушла с поля боя. Шведский флот потерпел у мыса Гангут полное поражение. Это открывало русским путь к шведским берегам.

В европейских столицах весть о победе русского флота потрясла политиков. В Швеции началась паника, королевский двор спешно покинул Стокгольм, который мог быть атакован русской эскадрой в любой момент.

Русский десант высаживается на Аландских островах. Под угрозой русского вторжения оказалось шведское побережье.

Эти успехи России окончательно напугали европейские страны. И вот уже за спиной Петра его ненадежный и коварный союзник Август II начал переговоры со Швецией о мире. Англия толкает Данию к нападению на Россию. Английский король заключает со Швецией военный союз и дает приказ своей эскадре войти в балтийские воды и атаковать русский флот. Австрия также занимает антирусскую позицию.

В 1716—1717 гг. Петр снова отправляется в Европу, чтобы укрепить международное положение России. В Голландии, а потом во Франции появляется уже не любознательный молодой новичок и волонтер, а сорокачетырехлетний зрелый, умудренный опытом государственный деятель, полководец и реформатор. Ему удается добиться поддержки России со стороны Голландии, Франции и Пруссии.

После возвращения из-за границы Петр активно проводит подготовку к высадке десанта на территорию Швеции. Он сам проводит рекогносцировку береговой линии.

Угроза русского вторжения, посредничество Франции в конце концов вынуждают Карла XII начать мирные переговоры. Делегации обеих стран встретились на Аландских островах. Но в это время Карл XII погибает при осаде одной из норвежских крепостей. Новое правительство Швеции разорвало переговоры и взяло курс на продолжение войны. Именно в этот момент английская эскадра вошла в балтийские воды.

После срыва переговоров Петр самолично возглавил десантную операцию. Шведские войска отступили вглубь страны. Русские авангарды появились вблизи столицы Швеции Стокгольма. Они разоряли прибрежные районы и в первую очередь уничтожали военные заводы. Затем последовали новые десанты. Шведские гарнизоны ряда городов либо сдавались, либо были разгромлены.

Последней точкой в этой долгой и кровопролитной войне стала вторая морская битва, между молодым российским флагом и еще сохранявшим свою былую силу военным флотом Швеции. На этот раз морское сражение произошло около острова Гренгам 27 июля 1720 г.

Флот оставался последней надеждой Швеции. К острову Гренгам шведы собрали значительные силы. По количеству боевых кораблей и их вооружению шведский флот значительно превосходил русскую галерную флотилию. Но все решило мастерство русских флотоводцев, мужество и находчивость моряков и десантников. Русские первыми пошли в атаку на тяжелые фрегаты противника и в яростной схватке захватили в abordaжном бою четыре из них. Более четырехсот шведов попали в плен. В руках русских оказалась и значительная часть морской артиллерии шведов. Часть судов противника была потоплена, остальные бежали с поля боя.

Неподалеку находилась английская эскадра, имевшая приказ атаковать русский флот. Но английский адмирал, видя натиск и мастерство русских моряков, поостерегся вступить в бой.

На следующий год новый русский пятитысячный корпус высадился на шведском побережье и двинулся вглубь страны. Лишь после этого шведы согласились подписать мир. Он был заключен в городе Ништадте (Финляндия) 30 августа 1721 г. Великая Северная война, длившаяся двадцать один год, закончилась.

По Ништадтскому миру Россия получала в вечное владение Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию, часть Карелии с Выборгом, города Ригу, Ревель (нынешний Таллин), Дерпт (старинный русский город Юрьев), Пярнов (нынешний Пярну), ряд островов в Балтийском море. По существу, вся нынешняя территория Латвии и Эстонии, Карелии, захваченные Швецией в период Смуты, были возвращены России. Был окончательно завоеван выход в Балтийское море, обезопасены Санкт-Петербург и Кронштадт. После этого Россия стала одной из сильнейших европейских стран, крупной морской державой. Швеция была сломлена как великая держава и превратилась во второразрядное европейское государство.

В октябре 1721 г. учрежденный Петром ранее, перед Прутским походом, высший орган государственной власти в России — Сенат торжественно преподнес ему титулы «Великого», «Отца Отечества» и императора. Отныне Россия становилась империей, сравнившись в отношении титула с другими мировыми державами.

§ 4. Реформы Петра I

Когда мы говорим об эпохе Петра I, о первой четверти XVIII в., то должны иметь в виду не только военные события того времени, и в первую очередь долгую Северную войну, ставшую главным нервом всей страны,

главной заботой Петра. Мы обязаны также говорить о стремлении Петра I реформировать круто, решительно жизнь России, сделать ее сильной, процветающей державой.

Но вся трагедия русской жизни того периода заключалась в том, что к новым цивилизационным целям Петр шел со старыми средневековыми представлениями о способах ее достижения. Петр в своих реформах опирался не на буржуазное развитие на основе свободного предпринимательства, наемного труда, освобождения личности от феодальных оков, появления элементов выборности, народного представительства, а в некоторых странах и парламентаризма. Напротив, основной упор он делал на мощь неограниченной, абсолютной власти монарха, дальнейшее закрепощение населения, в первую очередь крестьянства, на методы насилия, жесточайших наказаний, страха, на безусловное повиновение своей могучей воле всех подданных. Результата он добивался. Но какой ценой, какими потерями для страны, какими страданиями для народа!

Реформы в области экономики. Конечно, ведущее место в петровских преобразованиях заняли реформы в области промышленности. Они в первую очередь диктовались интересами армии, нескончаемой войной. Нужны были пушки, ядра, другие боеприпасы, ружья, сабли, штыки, армейское обмундирование. Россия, выйдя на берега Балтийского и Азовского морей, нуждалась и в военном, и торговом флоте, военно-морских крепостях, гаванях. Решить все эти вопросы, опираясь на старую российскую промышленность, было невозможно.

И Петр резко разрывает со старой традицией, энергично и целеустремленно строит новую российскую промышленность. Причем роль государства и непосредственно самого монарха в развитии промышленности были буквально подавляющими.

Только само государство с его огромными средствами, сильной абсолютной властью монарха, его всеподавляющей волей было способно решить эти задачи. Понятно, что Петр не стал дожидаться развития промышленности по западным образцам, где буржуазные отношения складывались намного раньше, чем в России, и где становление капиталистической промышленности начиналось на базе широко развитой мануфактуры, мощного ремесленного производства и в первую очередь вело к созданию легкой и пищевой промышленности, обслуживавшей нужды людей. Петр не думал об интересах конкретного человека, людей. Он был полон интересами государства, армии, флота. Поэтому он и начал сразу с создания тяжелой промышленности — металлургии, горного дела, кораблестроения. И даже возникновение текстильной, суконной, кожевенной, полотняно-парусной и других видов промышленности, которые могли бы поставлять разного рода ткани, обувь, парусину на русский и международный рынки, поначалу ориентировалось лишь на нужды армии и флота: солдатам необходимы были кафтаны, шинели, шляпы, обувь, кораблям — паруса, канаты.

Так, на средства государства и по его инициативе в начале XVIII в. в дополнение к старым металлургическим и железоделательным заводам строятся новые. Их корпуса поднимаются в Карелии, Белозерском и Ли-

пецком уездах, повсюду, где имелись уже разведанные залежи железной руды или болотных руд.

Новую жизнь Петр вдохнул в уральскую металлургию, вызвал к жизни металлургию Сибири.

На Урале были построены Невьянский, Каменский, Уктусский, Алапаевский заводы. В далеком сибирском Нерчинске на местных рудах возник завод по добыче серебра.

Это строительство продолжалось в течение всего периода царствования Петра I. Уже в 20-е гг. в строй была введена новая группа уральских заводов в районе Екатеринбурга. Сам город, основанный в 1723 г., возник как один из центров уральской металлургии. Петр назвал его в честь своей второй жены императрицы Екатерины Алексеевны.

В районе Урала на основе месторождений меди государство приступило к сооружению медеплавильных заводов.

Другим направлением, куда государство устремило свои ресурсы и энергию, стало строительство крупных кораблестроительных верфей. Они появились, как уже говорилось выше, в Петербурге, Архангельске, на Олонце, а также в Москве, Воронеже, откуда суда в разобранном виде доставляли на Балтику или на Азовские берега и там собирали. Легкие суда по рекам и прорытым позднее каналам переправлялись морем и своим ходом.

В особую отрасль промышленности выделяются новые оружейные заводы — в Москве, Петербурге, ряде других городов.

Специально для руководства развитием тяжелой промышленности в стране Петр создал два руководящих центра — Мануфактур-коллегию, занимавшуюся строительством заводов, и Берг-коллегию (от немецкого слова *berg* — гора), отвечавшую за развитие горного дела (разведка полезных ископаемых, разработка рудников, копей).

Одновременно Петр стремился привлечь к развитию промышленности и частный капитал, использовать инициативу смелых и активных купцов и первых русских предпринимателей. И здесь государство, сам монарх, обе коллегии играли решающую роль. Причем к этому делу привлекали людей различных сословий — и дворян, и купцов, и посадских людей, и удачливых, разбогатевших крестьян.

Предприниматели получали от государства льготные ссуды, порой им предоставляли и другие льготы. Нередко государство уже построенные на свои средства заводы передавало в частные руки, с тем чтобы далее использовать уже частный капитал.

Но и, привлекая к развитию промышленности частные средства и частную инициативу, Петр четко определял направление этого развития: в первую очередь оно преследовало интересы государства, его нужды, интересы армии и флота. Так, бывший тульский кузнец, ставший известным предпринимателем-оружейником, сорокашестилетний Никита Демидов получил от царя право на владение уже выстроенным в Невьянске металлургическим заводом. В короткий срок Демидов расширил и укрепил производство, стал поставлять первоклассные орудия для русской армии. Он положил начало династии металлургических уральских королей Демидовых, а его заводы стали основой уральской металлургии.

Царь требовал и от государственных, и от частных предприятий безусловно высокого качества продукции. А когда он обнаруживал, что пушки раскаляются от первых выстрелов, а сукно на солдатских кафтанах расползается из-за поставки гнилого сырья, — гнев его был страшен. Доставка-лось и его ближайшим сподвижникам. Многие из них сложили головы на плахе, пошли в ссылку. Во всем, что касалось государственных интересов, царь был неумолим.

Молодая российская промышленность могла развиваться лишь при двух важнейших условиях: наличии капиталов и достаточной рабочей силы. Средства в основном поставляло государство. Что касается рабочей силы, то здесь Россия испытывала колоссальные трудности.

Хотя в стране и в XVII в. имелось определенное количество мануфактур, на которых работали сотни рабочих, хотя существовало широко развитое производство с многочисленной армией ремесленников, рабочих на замысленных Петром и уже построенных предприятиях катастрофически не хватало. Основное трудовое население в стране и в сельской местности, и в городах, на посадах было сковано крепостническими оковами.

Царь решил вопрос с обеспечением их рабочей силой весьма простым способом. Он издал указ, по которому государственные крестьяне, жившие в районах строительства новых заводов, были приписаны к ним в качестве рабочих в счет уплаты государственных налогов и разного рода повинностей. Так называемые приписные крестьяне должны были на несколько месяцев в году покидать свои хозяйства и отправляться работать на близлежащие заводы. Порой их гнали туда и издалека. За уклонение от этой новой тяжелейшей повинности грозили жестокие наказания.

Другим указом Петр разрешил владельцам предприятий, в том числе людям разных сословий, покупать крестьян к своим заводам. Эти крестьяне стали называться «посессионными», т. е. владельческими. Их в дальнейшем можно было продавать только с заводами.

Таким образом, крепостнические отношения стали с самого начала основной петровской промышленностью. Положение как вольнонаемных, так и крепостных рабочих было тяжелым. Работа шла «от темна до темна», по 12—14 часов в сутки. Рабочие жили в бараках, землянках, получали мизерную заработную плату, которой едва хватало на поддержание своего существования. На заводах царила палочная дисциплина. За малейшие провинности следовали жестокие наказания — битье батогами, заковывание в кандалы, заточение в заводские тюрьмы. По существу заводчики становились полными господами над подневольными рабочими, которые смотрели на свой труд как на тяжелую крепостную повинность. Они совершенно не были заинтересованы в его результатах, в увеличении его производительности, в совершенствовании и процветании предприятий. При первой возможности рабочие ударялись в бег, спасаясь от тяжелой неволи.

Насилие и принуждение с первых шагов становления российской промышленности превращались в сильнейший тормоз этого развития.

И тем не менее методами государственного вмешательства, путем крепостнического насилия Петру I удалось в короткие сроки, по существу, за-

ново создать российскую промышленность. К концу его царствования в стране работало уже около 200 крупных предприятий. Появились новые виды производства, которых не знала ранее Россия, — химическое (заводы, изготавливающие серную кислоту, купорос, скипидар, краски), пороховое, шелкоткацкое и др. Новый мощный очаг металлургической промышленности появился на Урале, зато померкли старые железоделательные районы Тулы и Олонца. В центр текстильной полотняно-парусной, суконной промышленности стали превращаться Москва и близлежащие к старой столице города — Ярославль, Кострома, другие поволжские центры.

К концу петровского царствования Россия превратилась в страну с сильно развитой тяжелой, в том числе военной, промышленностью. По выплавке чугуна она вышла на третье место в Европе, начала продавать высококачественное железо за рубеж, хотя еще в конце XVII в. сама ввозила железо из-за границы.

Развитие ремесла, торговли, сельского хозяйства. Реформы Петра I в области промышленности обеспечивали прежде всего лишь глобальные, государственные интересы, интересы армии и флота. Но ведь в стране жили миллионы простых людей, городских жителей, крестьян. Их слабо коснулось строительство новых мануфактур и заводов.

По-прежнему основная часть жителей России для своих повседневных нужд, для хозяйственного обихода, крестьянского хозяйства, пользовалась продукцией ремесленников.

В силу общих замедленных темпов развития русской жизни ремесло в значительной степени еще было связано с сельским хозяйством. Это приводило к тому, что индустриальное развитие шло как бы само по себе, а ремесленное производство существовало по-прежнему: удовлетворяло насущные запросы людей, жило само по себе.

Не случайно наряду с такими крупными центрами ремесла, как Москва, Ярославль, Тула, Нижний Новгород, Казань, другие города, в ремесленные центры превращались крупные села и малые городки России, работавшие на местном сырье. Так, центрами металлообработки еще с XVII в. стали Ворсма и Павлово в Нижегородском уезде, металлургии — Выкса на Оке, Устюжна-Железнопольская на Севере.

И все же и в эту область русской жизни Петр I осуществил активное вмешательство. Цель его заключалась в том, чтобы увеличить объем и качество ремесленного производства; особенно в областях, связанных с интересами армии и флота. Для этого Петр учредил специальный орган — Главный магистрат, в задачу которого входила забота о росте и процветании промышленности в русских городах — и крупной мануфактурной, и мелкого ремесленного производства. Эта забота выражалась в предоставлении ссуд, помощи в приобретении сырья, сбыте готовой продукции.

В начале 20-х гг. царь издал указ об организации всех ремесленников в цехи. В развитых странах такая организация уже исчезала под напором крупной капиталистической промышленности, в России, напротив, возрождались средневековые порядки. Это было сделано, во-первых, для постепенной ликвидации еще более устаревшего, чем цехи, так называемого посадского населения и превращения ремесленников в одно из сословий рос-

сийского государства со строгой иерархией чинов и званий (мастер, подмастерье, ученик). Во-вторых, учреждение цехов помогало установить контроль над качеством и количеством продукции. Каждый мастер должен был ставить на своих изделиях личное клеймо и демонстрировать всему миру уровень своей работы. За плохую работу следовали наказания, штрафы. Магистрат мог такого мастера лишить права заниматься ремесленным производством.

Такой же контроль правительство стремилось внедрить и в деревенское ремесло. Здесь не было цехов. Но и сюда являлись представители власти с указами, скажем, о том, какой ширины холст или полотно должны были ткать крестьяне, чтобы государство с успехом продавало их продукцию, поступавшую в виде натуральных платежей, как на внутреннем рынке, так и в западные страны, на экспорт.

Пристальное и постоянное внимание уделял Петр I развитию внутренней и внешней торговли России, справедливо полагая, что она будет стимулировать рост промышленности, сельского хозяйства, даст казне так недостающие ей в период войны средства.

Царь всячески поощрял создание купеческих компаний, предоставлял купцам различные льготы и привилегии — такие, как монопольное право продажи того или иного товара. Причем казна сразу получала от откупщика деньги, а дальше купец уже на свой страх и риск должен был не только возвращать себе потраченные средства, но и в дальнейшем наращивать прибыль. Такой порядок был выгоден и казне, и купечеству. Почувствовав это, некоторые из соратников царя просили у него право на такие откупы. Так, знаменитый Александр Меншиков взял откуп на продажу за рубеж дегтя и некоторых других товаров. При этом он безмерно обогащался.

Правительство всячески поощряло развитие в стране сети как мелкой, так и крупной ярмарочной торговли.

С именем Петра I было связано первое в истории России строительство каналов, объединявших в единое целое речную сеть страны. Как можно было доставлять хлеб в Петербург? На телегах, санях? Но это далеко, дорого, хлопотно и невыгодно. И вот по указу Петра прорывается Вышневолоцкий канал, соединивший реку Тверцу — один из притоков Волги с рекой Мстой, впадавшей в озеро Ильмень. По этой водной артерии хлеб из Поволжья легко, в больших объемах пошел на север, к устью Невы. Был прорыт также обводной канал вокруг бурного Ладожского озера. В дальнейшем были разработаны новые проекты каналов, связывавших Волжско-Окскую водную систему с Балтийским побережьем (Мариинский и Тихвинский каналы). Все помыслы Петра здесь связаны с освоением отвоеванного им Северо-Западного края, созданием здесь хорошей транспортной сети, налаживанием широкой и бесперебойной торговли между югом и центром страны и Балтикой. Эти проекты были осуществлены уже после смерти преобразователя.

Одновременно петровское правительство всеми мерами способствовало развитию внешней торговли.

Вновь построенные русские торговые суда бороздили воды Балтики, Северного моря, доходили до берегов Франции, появлялись в Средизем-

ном море. Петр всячески поддерживал русских купцов, ведущих «заморскую» торговлю, одновременно он, как правило, радушно встречал и иностранных купцов, числил многих из них своими друзьями.

К середине 20-х гг. XVIII в. на Петербург приходилось около 60% вывоза всех товаров страны за рубеж. На Россию начали работать порты Риги, Ревеля, Нарвы, Выборга. Через новый балтийский морской путь на рынки Западной Европы вывозились не только традиционные российские товары — пенька, лен, парусина, кожи, воск, зерно и др., но и продукты моря, а также такой новый товар, как железо.

Активизировалась торговля и на Востоке. Здесь торговыми воротами стала Астрахань с ее портом, хорошими связями по Волге с центром страны и с выходом через Каспийское море в Персию, Среднюю Азию, в Закавказье. Конечно, одной из главных статей южного экспорта стал «рыбный товар». А в Россию ввозилось великое множество традиционных восточных товаров — пряности, ткани, ковры, дорогое холодное оружие, драгоценные и полудрагоценные камни, украшения.

Петр всячески поощрял экспорт товаров: ведь казна получала благодаря этому дополнительные средства, в которых она так нуждалась.

Приветствуя и поддерживая обоюдовыгодную внешнюю торговлю, Петр в то же время жестко охранял интересы молодой русской промышленности и нарождающегося купечества.

Именно Петр I был первым, кто стал активно и масштабно проводить в России политику меркантилизма и протекционизма. Меркантилизм — это торговая политика, которая заключалась в том, чтобы государство постоянно имело положительный торговый баланс с другими странами. Это означало, что государство стремилось купить дешевле, а продать дороже, т. е. стоимость экспорта неизменно должна была превышать стоимость импорта. Прибыль, естественно, шла в казну.

Одновременно, как и в ряде западных стран, в начальный период их индустриального, капиталистического развития, в частности во Франции, в Англии, Петр I стал проводить политику протекционизма. Она заключалась в том, чтобы в сфере торговли таможенными пошлинами на иностранные товары защитить и поддержать молодую российскую промышленность, особенно те ее отрасли, которые вступали в конкурентную борьбу на российском рынке с иностранными товарами.

Конечно, Петр и здесь внес дух новаторства. Но в чем он проявлялся? В частности. Например, содействовал освоению новых земель в Поволжье, Приуралье, в частности в башкирских землях, в Сибири, на юге страны, и расширению посевных площадей. Но при этом дарил своим сподвижникам государственные села и деревни, населенные крестьянами, расширяя тем самым масштабы крепостничества в России. Сотни тысяч крестьян при нем попали таким образом в личную зависимость от частных владельцев.

В результате продукция сельского хозяйства хотя и увеличивалась, но не за счет качества свободного труда, повышения его производительности, а благодаря вовлечению в крепостническую орбиту все новых и новых земель, населенных крестьянами.

Не затрагивая сущности крепостнических отношений в деревне и даже укрепляя их, Петр I пытался поднять общий уровень сельского хозяйства, увеличить его продуктивность за счет внедрения некоторых новшеств. По его приказу в Россию завезли несколько тысяч литовских кос, которые заменили бы трудоемкую и медленную жатву серпами. Коса прижилась в русской деревне, особенно в черноземных и степных уездах. Ее с тех пор и по нынешний день стали называть «литовкой». Но это не решало проблемы. По-прежнему большинство крестьян продолжало по старинке пользоваться серпами.

Попытался Петр I также поднять уровень российского скотоводства. Он выписывал высокопородные виды скота из зарубежных стран, содействовал их разведению в России в казенных хозяйствах, которые затем передавал в частные руки. При Петре появились и первые конные заводы. Ему же принадлежала инициатива посадки в южных районах страны тутовых деревьев и разведение шелковичных червей — основы молодой шелкоткацкой промышленности. Вслед за своим отцом Алексеем Михайловичем, большим любителем и знатоком садового дела, Петр I содействовал развитию садоводства, расширению технических культур, в частности льна. Он был первым русским монархом, проявившем заботу о русском лесе. При нем разрешалось рубить лес так, чтобы это не наносило ущерба его воспроизводству.

Реформы армии и флота. Когда мы говорим о том, что при Петре I Россия стала великой державой, то прежде всего имеем в виду ее возросшую военную мощь, способность отстаивать свои внешнеполитические интересы.

Петр полностью реформировал военные силы страны.

Прежде всего он изменил систему военного набора в армию. Теперь была введена рекрутская повинность, которая означала, что крестьяне и посадские люди обязаны были от своих общин поставлять определенное количество будущих солдат. Все солдаты должны служить пожизненно. Новая система набора перевела вооруженные силы страны на постоянную основу. Отныне вся русская армия, а не только три гвардейских полка, становилась регулярной, т. е. формировалась из людей, для которых армейская служба — профессия на всю жизнь. Такая система сразу увеличила количественный состав русской армии. С 1699 по 1714 г. таким образом было мобилизовано около 300 тыс. человек. В конце царствования Петра, в 1725 г., только в полевой армии числилось более 130 тыс. человек. Даже по нынешним временам — огромные цифры.

Русская армия изменилась и внешне. Теперь каждый род войск отличался своей особой формой. Пехота была одета в суконные кафтаны зеленого цвета и черные шляпы. Кавалерия носила синие кафтаны.

Военные победы стали славой для государства, но мучением для солдат. Вся их жизнь должна была теперь до увечья или смерти протекать в казармах, на плацу, в военных походах и битвах.

В передовых странах Запада перестройка вооруженных сил на регулярной основе произошла ранее, чем в России. Там армии формировались за счет наемников, как из числа своих сограждан, так и иностранцев. Российская армия при всем крепостническом ее характере с самого начала стала

национальной, народной армией. В решающих битвах, в которых на карту ставилась судьба Отечества, как это было во время Полтавской битвы, народность российской армии становилась важнейшим психологическим фактором сражения. Люди шли в бой не за деньги, а за спасение Родины.

На Западе иным, чем в России, было и вооружение передовых армий. Появились новые типы оружия — вместо фитильных мушкетов кремневые фузеи (от французского слова *fusil* — ружье) со штыками — багинетами, ручные гранаты и многое другое. Петр немедленно использовал все эти нововведения.

Система маневров, отработка боевых построений давно уже стали обычным делом для западных армий, и Петр, конечно, учел эту практику. Но он сразу же отменил в сторону приверженность европейских создателей новых армий к плац-парадной муштре, настоящей дрессировке солдат, которые должны были почти механически выполнять сложные фигуры построения, которые редко применялись в бою.

Петр впервые в Европе ввел систему полевой подготовки, близкой к боевой обстановке. Его мало заботила шагистика, которой увлекались в европейских столицах XVII—XVIII вв. В этом смысле Петр заложил хорошую основу для будущих талантливых русских полководцев, таких как Румянцев, Суворов, Кутузов, которые также стремились готовить солдат не для парадов, а для боя с наименьшими потерями.

В новых воинских наставлениях Петр значительно упростил команды. Он сам прошел весь строй обучения от солдата до генерала и поэтому на себе познал устарелость многих армейских порядков. Так, вместо команды: «Оборотись направо!», он ввел другую, более короткую: просто «Напра-во!» Она, как и многие другие петровские команды, существует и по сей день.

Как и на Западе, Петр ввел в армию гренадерские полки — полки гранатометчиков.

Особой его заботой стала артиллерия. Парк орудий был полностью обновлен. В середине 20-х гг. в России числилось только в полевой артиллерии более 2500 пушек. Петр оснастил орудиями кавалерийские части, дал легкие мортиры пехоте. Военные заводы в центре страны, на Севере и Урале постоянно увеличивали артиллерийский парк русской армии.

При Петре была ликвидирована тяжелая на подъем, слабо дисциплинированная дворянская конница и образованы регулярные кавалерийские части. Их ядром стали драгунские полки, в которых кавалеристы были вооружены фузеей с багинетом, парой пистолетов, саблей. Русская кавалерия во время боя на полном аллюре атаковала неприятеля с саблями или палаши в руках, а после его «конфузии» наносила уже на малой скорости огневой удар.

Впервые в мире Петр ввел в военную практику легкую кавалерию — крупные кавалерийские соединения, усиленные артиллерией, — кавалерийские корпуса и отдельную конную армию, которой командовал А. Д. Меншиков, ставший блестящим кавалерийским генералом. Немало славных побед в Северной войне одержали русские кавалеристы. Им подмогой постоянно были иррегулярные кавалерийские части — казаки, кал-

мыцкая и башкирская конница. Именно после этих новшеств русская кавалерия обрела такие черты, как смелость, решительность, быстрый маневр.

Внесли Петр и его генералы в тактику боя новые идеи, которые были блестяще опробованы в Полтавской битве.

В Европе существовало линейное построение войск: расположение и в атаке и в обороне шеренгами, стрельба «плутонгами», т. е. поочередно каждой шеренгой. В русской армии внесены тактические изменения: шеренги начинали вести огонь «с падением», когда первые из них ложились на землю, а стрельбу начинали задние, а затем передние поочередно вставали и били по наступающему неприятелю, в то время как задние заряжали ружья. Тем самым достигалась непрерывность стрельбы, чего не знали раньше в армии. Стал практиковаться и залповый огонь всеми шеренгами, но для того, чтобы было удобнее стрелять, Петр сократил глубину пехотной линии с принятых шести шеренг до четырех.

Если в западных армиях штык был предназначен для обороны, то Петр сделал его средством контратаки. С тех пор ярость штыкового удара стала одним из сильнейших боевых приемов русской армии. Именно штыковая атака по центру наступающих шведов, в которую повел солдат сам царь, переломила ход Полтавской битвы в пользу русских.

Новая боевая тактика русской армии по сравнению с западными войсками дополнялась усилением флангов за счет кавалерии и гренадерских частей, созданием резерва за спиной сокращенных русских шеренг, который мог бы в случае прорыва противника прийти на выручку; проведением в ходе боя артиллерийской подготовки по наступающим вражеским частям и возведением прямо на поле боя полевых укреплений, о которые разбивались волны атакующих, как это произошло в Полтавском сражении.

В 1716 г. в России издан «Устав воинский», который вобрал в себя лучшие черты прежних воинских наставлений, отразил изменившуюся организацию, тактику, систему обучения армии. Большое внимание в «Уставе» было уделено высоким морально-волевым качествам русского солдата. Там говорилось о том, что «товарища своего от неприятеля выручать» — святой долг и командира и солдата, а защита и спасение знамени — священная обязанность воина.

Что касается военно-морского флота, то он, как известно, создавался, по существу, заново. До конца дней флот оставался первой любовью Петра, который до двадцати с лишним лет вообще не видел моря.

На русских верфях начиная с первых лет XVIII в. строились фрегаты, галеры, разного рода вспомогательные суда. Уже в первом десятилетии века у России появилось три флота: главный и основной — Балтийский и два вспомогательных — Каспийский и Азовский.

Создавались военно-морские крепости — Кронштадт и Таганрог, вооруженные мощными пушками. В середине второго десятилетия на воду спускали как мощные линейные двух-трехпалубные корабли для боя в линию, так и более легкие фрегаты — тогдашние крейсера, имевшие на борту по 50—60 орудий. Ко времени окончания Северной войны только на Балтике Россия имела 29 тяжелых линейных кораблей, 6 фрегатов, более двух-

сот галер, не считая более мелких судов. Российский флот после побед под Гангутом и при Гренгаме практически стал хозяином Балтийского моря. И здесь Петр ввел новшества в тактику боя: атаку легкими галерами тяжелых линейных кораблей противника с последующим абордажем и рукопашной схваткой на борту вражеских судов. Таким путем русский флот одержал не одну морскую победу.

Опыт создания русского флота, его боевых свершений, обучения морских кадров был отражен в «Уставе морском», созданном при участии царя.

К 20-м гг. XVIII в. воды Каспийского моря также бороздили около 300 военных судов. Это была грозная сила.

После Прутского поражения азовский флот и таганрогская крепость были ликвидированы. Здесь вся борьба за выход в южные моря переносилась на будущее.

Реформируя армию, создавая флот, Петр I стал все больше ориентироваться на отечественные военные кадры. В Москве и Петербурге открываются военные, в том числе артиллерийские, военно-инженерные школы. Появляются школы для низшего унтер-офицерского состава, мореходное училище, школа гардемарин, а затем в новой столице открывается Морская академия офицерских кадров.

Немало молодых людей, как детей титулованной русской знати и дворян, так и способных выходцев из других сословий, Петр направляет на учебу и практику за границу. Порой он принуждал их к этим поездкам.

К началу 20-х гг. XVIII в. русская армия и флот вполне были обеспечены собственными кадрами. Иностранцам предложили пройти специальный экзамен. Те, кто не выдерживал его, увольнялись со службы. А затем в России вообще запретили принимать на военную службу иностранцев. И это несмотря на все восхищение царя Европой.

Реформа государственного устройства. Создание новой армии и флота, коренное реформирование промышленности, бурно развивающиеся контакты с иностранными государствами, необходимость получения все новых и новых средств для нужд государства и нужд войны требовали четкой, быстрой, слаженной работы всех государственных звеньев. А главное, усиливающаяся самодержавная власть царя, который проникал своей неукротимой энергией буквально во все сферы жизни страны, нуждалась в послушной его воле государственной машине, где бы подданные беспрекословно и рьяно выполняли царские указы и поручения.

Понятно, что при таких требованиях к системе управления страной Петр I пошел не по пути уже формирующихся в Европе буржуазных государств, где существенное значение имело народное представительство, парламенты, шел процесс разделения властей — исполнительная, законодательная, судебная. Даже побежденная им Швеция после гибели Карла XII ввела в стране конституцию, ликвидировала абсолютную власть монарха, создала парламент — риксдаг.

Уже в конце XVII — начале XVIII в. он перестал созывать Боярскую думу, ввел вместо нее Ближнюю канцелярию, назначал туда своих соратников министрами, все больше и больше доверял управление страной своим преданным сторонникам. Но уже в это время он начал ставить их под свой

жесткий контроль. В 1707 г. Петр I, будучи в действующей армии, приказал, чтобы члены этой «канцелярии» непременно записывали свои речи и подписывали бы их своей рукой, «ибо сим [этим] всякого дурость явлена будет». Этот принцип он перенес на работу и нового учреждения, которое после царя стало верховным органом управления страной.

В 1711 г., отправляясь в Прутский поход, Петр I создал Правительствующий сенат, которому поручил управление Россией в свое отсутствие. Он поначалу включил туда девять своих доверенных лиц. В наказе Сенату Петр определил его обязанности как высшего судебного, исполнительного и частично законодательного органа. Ни о каком разделении властей здесь не было и речи. Среди обязанностей Сената были и такие: «Суд иметь нелицемерный и неправедных судей наказывать отнятием чести и имения»; «Смотреть во всем государстве расходов»; «Денег как возможно собирать, понеже деньги суть артерия войны».

Но одновременно с новым высшим органом власти в стране, пришедшим на смену Боярской думе и полностью подчиненным царю, Петр ввел должности фискалов, начиная от обер-фискала Сената и кончая фискалами в других центральных учреждениях, а также и на местах. Задача фискалов состояла в том, чтобы контролировать всю администрацию, выявлять случаи нарушения законов, взяточничества, казнокрадства. Они подчинялись непосредственно царю, но не получали жалованья, а существовали за счет сначала половины, а позднее одной трети конфискованного у взяточников и казнокрадов имущества. Понятно, что фискалы, поощряемые царем, проявляли в своем деле большую прыть.

Был свой высокий контролер и над Сенатом. Это генерал-прокурор и его помощник обер-прокурор. Прокуроры имелись и в других учреждениях. Они являлись настоящим «оком государевым» и подчинялись лишь царю. Если генерал-прокурор усматривал в действиях Сената нарушение или нерадивость, то мог приостановить и опротестовать их. Первым генерал-прокурором Сената стал ближайший сподвижник Петра I, бывший свинопас, а позднее денщик царя, Павел Иванович Ягужинский.

Начиная с 1711 г. в России вместо приказов стали постепенно вводить так называемые коллегии. К 1720 г. их стало 11. Это были высшие распорядительные учреждения со строгим и четким разделением функций. В своих областях деятельности их власть распространялась на всю страну. Так, армией занималась Военная коллегия, флотом — Адмиралтейская, международными делами — Иностранная. Выше уже упоминались Мануфактур-коллегия и Берг-коллегия, ответственные за развитие промышленности и горнорудного дела. Финансами ведала Камер-коллегия, контролем за сбором и расходованием средств — Ревизион-коллегия, организацией и работой судов — Юстиц-коллегия, а торговлей — Коммерц-коллегия.

Каждая коллегия состояла из президента, вице-президента, советников и асессоров (от латинского слова *assessor* — заседатель). Они работали ежедневно. За свою работу члены коллегий получали жалованье и, таким образом, становились государственными чиновниками, полностью зависящими от царя. За работой коллегий, как и других учреждений в стране, также внимательно следили фискалы.

В 1721 г. Петр I учредил высший орган по управлению церковными делами — Синод. Это — закономерный шаг. После смерти патриарха Петр оставил эту должность незанятой. Он не мог простить церковникам оппозиции своим преобразованием. Теперь Синод по существу стал духовной коллегией. Ее составляли церковные иерархи, назначаемые царем. Церковь окончательно была подчинена государству.

Большое внимание Петр уделил организации политического сыска. Вначале этим занимался Преображенский приказ. Позднее царь учредил Тайную канцелярию, чем-то напоминающую приказ Тайных дел его отца. Сюда сходились все сведения царских соглядатаев и доносчиков. Здесь вершились следствие и расправа по политическим делам, в которых царь сам принимал активное участие. Учреждение Тайной канцелярии как бы венчало создание стройной, всепроникающей и беспощадной бюрократической системы центрального управления, где все управленцы были холопами, рабами царя. То, о чем мечтал, но так и не смог осуществить Иван Грозный, сделал в первой четверти XVIII в. Петр I.

И все же никакими, даже самыми жестокими мерами Петр не мог искоренить глубоко въевшиеся в жизнь России коррупцию, взяточничество, казнокрадство, использование служебного положения в личных целях. Вокруг Петра сплотились люди, воспитанные при старых приказных и воеводских порядках, когда воровали все и всё. Теперь же власть государственных деятелей и чиновников, действующих именем царя, стала буквально подавляющей. К тому же в руках государства появились огромные средства за счет прибылей, новых налогов, откупов, монополий, иностранной торговли и т. д. Можно смело сказать, что в первой четверти XVIII в. в России не воровал лишь один царь. Генерал-прокурор Ягужинский как-то откровенно сказал царю: «Мы все ворует. Только один более и приметнее, чем другой». И это было чистой правдой. Крупнейшими казнокрадами и взяточниками оказались ближайшие царю люди — светлейший князь Меншиков, адмирал Апраксин, дипломат граф Петр Андреевич Толстой, канцлер Шафиров. За казнокрадство — трату государственных средств на личные нужды был повешен сибирский губернатор князь Гагарин, за взятки предан смерти обер-фискал Нестеров, в чьи обязанности входила как раз борьба с казнокрадством и другими финансовыми нарушениями. Известный прибыльщик Курбатов разделил его участь.

Под стать этому царь выстроил и местное управление. После крупных восстаний на Дону, в Астрахани, в Башкирии (об этом ниже), когда народ поднимался против насилий, угнетения, поборов, повинностей, царь в 1708—1710 гг. разделил всю страну на восемь, позднее одиннадцать губерний (Московскую, Петербургскую, Сибирскую и др.). Это — крупные территориально-административные деления, во главе которых были поставлены генерал-губернаторы (в наиболее крупных губерниях) и губернаторы. В каждой губернии стояли войска. Губернаторы обладали огромной властью — административной, полицейской, судебной, финансовой. Во главе Санкт-Петербургской губернии был поставлен любимец царя князь А. Д. Меншиков. Но и за главами губерний следили фискалы и прокуроры. Именно обер-фискал Нестеров собрал огромный компрометирующий ма-

териал на Меншикова, с которым ознакомился Петр. После этого он охладел к своему фавориту.

Позднее выяснилось, что на столь огромных территориях власть с трудом доходит до российской глубинки, и Петр создал новую управленческую сеть на местах; все губернии были поделены на провинции. Их стало в России 50. А те в свою очередь делились на округа — дистрикты. Во главе крупных провинций стояли также губернаторы, во главе остальных — воеводы. Название сохранилось прежнее, но сущность власти воевод коренным образом изменилась. Теперь они уже не полунезависимые царьки на своих территориях, а государственные подконтрольные служащие, ведавшие всем управлением провинций и отвечающие головой перед царем за свои действия. Во главе дистриктов стояли земские комиссары, а те в свою очередь контролировали деятельность сельских сотских, десятских. Вся Россия, таким образом, была выстроена по чиновничьему ранжиру, с четким разделением управленческих обязанностей.

Новое управление было введено и в городах. Всеми городами в стране ведал Главный магистрат. В каждом городе появились свои магистраты. Городское население подчинялось им и было исключено из ведения воевод. Магистраты выбирались из числа богатых горожан-купцов, предпринимателей, состоятельных ремесленников, местной интеллигенции. Они стали единственными выборными органами в России.

Важной частью системы управления страной стали прибыльщики. Это назначенные царем специальные люди, задача которых заключалась в пополнении казны за счет все новых и новых налогов. И прибыльщики старались вовсю. Правительство накладывало налоги на все, на что ему указывали прибыльщики: на новые откупа, налог на соль. Дело дошло до того, что были введены пошлыны на тех, кто носил бороду и усы. Налогом облагались дубовые гробы и косяки домов и даже домашние бани. Правда, позднее этот странный налог Петр I отменил.

Петровские реформы государственного устройства России были увенчаны выпуском в свет в 1722 г. указа «Табель о рангах». Отныне весь российский чиновный бюрократический мир был поделен на 14 разрядов — от действительного статского советника и канцлера (1-й разряд) до коллежского регистратора (14-й разряд). Такое же деление введено и в армии и на флоте — от генералиссимуса, генерал-фельдмаршала, генерала и адмирала (1-й разряд) до корнета и прапорщика (14-й разряд).

Каждый имел свое жалованье, свое положение в обществе. Те, кто получал чины 14—9-го разрядов, становились дворянами, но не могли передавать дворянский титул по наследству. Дослужившиеся до 8-го разряда получали потомственное дворянство. В армии того же добивались те, кто дослуживался до 12-го разряда.

Таким образом, в системе государственной службы и продвижения по должностям на первый план выходили личные достоинства и заслуги, преданность государю, выслуга лет и т. д. «Порода» как основа для занятия должностей окончательно сошла на нет.

Частью общей перестройки государственной системы в России стали значительные перемены в положении сословий. Сословия приобрели более четкий характер, они как бы встраивались в общую систему управления

страной. Так, горожане делились на «регулярных», имеющих право голоса, и «нерегулярных», «подлых людей», которые не имели права выбирать в магистраты. Ремесленники были организованы в цехи по профессиям.

Кроме того, все «регулярные» горожане делились на гильдии согласно своему состоянию. В первую гильдию входили богатые люди, во вторую — народ победнее.

По-новому было организовано и дворянство, число которого в эпоху Петра значительно возросло за счет ратных людей и способных выходцев из других сословий.

В интересах дворянства Петр I своим указом от 1714 г. «О единонаследии», во-первых, ликвидировал разницу между вотчиной и поместьем. Теперь помещики, как и вотчинники, имели право на полное владение своим имением, но при условии несения службы на государя. Они могли передавать свои владения по наследству, продавать, покупать, закладывать их. Это привело к стабилизации и подъему помещичьего хозяйства. Помещики, не боясь более лишиться своих имений, стали больше труда и забот вкладывать в хозяйство.

Во-вторых, тем же указом Петр I ввел правило наследования имений лишь одним из наследников. Этим, во-первых, прекращалось дробление имений. В-третьих, остальные сыновья, не имея средств к существованию, должны были идти на государственную службу, в армию. Тем самым царь получал дополнительные кадры во всех областях жизни страны.

§ 5. Реформы в области культуры, науки, образования

Создание облика новой России, на что нацелился Петр в период своего правления, было невозможно без серьезных изменений в области культуры, науки, образования.

До Петра I считалось, что Россия с ее древнейшей славной историей, православием как истинной религией является избранным государством, а русские — избранным народом, которому нечего преклоняться перед странами Запада.

Именно благодаря его усилиям в России стало утверждаться мнение о том, что в области просвещения, науки, культуры, быта прогрессивно и полезно то, что уже прошло проверку временем в передовых западных странах, что вывело их на ведущие позиции в мире. Но Петр стал перенимать не только действительно нужные и полезные научно-технические достижения, знания, образ жизни и даже образ мыслей, но и то, что для России, во многом неготовой к европейским новшествам, было бессмысленным, вредным и даже губительным.

Новшества культуры и быта. Когда Петр I по возвращении из Европы в 1698 г. начал обрезать бороды боярам и укорачивать их длиннополые кафтаны, то люди поначалу восприняли это как сумасбродство молодого монарха. Но они ошибались. Петр в действительности начал широкую программу культурных преобразований. Бороды и кафтаны стали цветочками, потом пошли и ягодки. Уже в 1700 г. у ворот Кремля были выставлены манекены с образцами новой одежды. Жестко и решительно царь начал менять внешний облик людей.

В жизнь дворян и горожан стали внедряться не только одежда и обувь европейских образцов (польских, венгерских, французских, немецких), но и парики. Верхушка общества, поначалу с недоумением, а зачастую настороженно встретившая эти перемены, вскоре быстро приспособилась к требованиям царя. К тому же европейский внешний вид помогал им выделиться из числа простых людей, подчеркнуть свою принадлежность к высшему слою общества.

В конце декабря 1699 г. царь издал указ об изменении летоисчисления в России. Раньше, по старорусскому обычаю, принятому из Византии, годы исчислялись от мифического сотворения мира. Новый год начинался 1 сентября. Петр I предписал считать годы, как в христианской православной Европе (юлианский календарь) — от Рождества Христова — открывать новый год 1 января. 1 января 1700 г. Россия стала жить по новому календарю. Но для церкви Петр разрешил сохранить старое летоисчисление. В Россию пришли елка, Дед Мороз, январские новогодние праздники.

Вскоре после переноса столицы в Петербург в этих праздниках стали участвовать царская семья, двор, гвардия, все население города. Проходили торжественные церковные службы, а на улицах устраивались елки, народные гулянья, фейерверки; в домах горожан начинались пиры, в которых нередко принимал участие и сам царь.

За этим наступили перемены в счете часов. Раньше сутки делились от утра и до вечера. Петр же ввел новое, европейское деление — с полудня до полуночи, т. е. с 1 часа до 12 часов. Все часы в России, в том числе и на Спасских воротах Кремля, стали переделываться. 9 декабря 1706 г. куранты Спасской башни впервые отбили 9 часов утра.

Петр добивался, чтобы общение окружающих его людей было свободным и раскованным, чтобы ушли в прошлое закоснелые старомосковские ритуалы, сложные церемонии, подчеркивавшие важность и родовитость княжеских и боярских фамилий. Первым пример новым способам общения давал сам Петр. Он запросто общался как со своими сподвижниками, так и с простыми горожанами и даже с солдатами. Заходил в их дома, усаживался за стол, нередко становился крестником детей не только знати, но и простолюдинов. Частыми в покоях царя, в домах его соратников стали дружеские пирушки.

С 1718 г. царь ввел в практику общения так называемые ассамблеи — собрания. Они периодически проходили в зимнее время по вечерам в домах богатых и знатных дворян и горожан. На них съезжалось все тогдашнее петербургское общество. Гостей здесь не встречали и не провожали. Каждый, в том числе и царь, мог запросто заехать на чашку чая, сыграть партию в шашки или шахматы, которые стали все больше входить в моду, как одно из любимых развлечений Петра. Молодежь танцевала, развлекалась играми. Государственные мужи вели солидные беседы, решали свои назревшие дела, купцы, предприниматели обсуждали свои профессиональные проблемы.

В ассамблеях непременно участвовали и женщины.

Уходили с таких ассамблей «по-английски», не прощаясь.

Другими становились и манеры русских дворян и горожан, появился так называемый политес, правила хорошего тона. Петр всячески поощрял

умение танцевать, свободно изъясняться на иностранных языках, фехтовать, владеть искусством речи и письма. Все это меняло облик высших слоев общества. Вышедшая в 1717 г. книга «Юности честное зерцало» (заметьте, что написана она была по указанию Петра) стала сводом правил хорошего тона — правил внешней культуры и поведения дворянина в обществе. В ней порицалось то, что совсем еще недавно было обычным для самого молодого царя и его друзей, когда они впервые выехали за границу. Там, в частности, говорилось о поведении за столом: «Сяди прямо и не хватай первый в блюдо, не жри, как свинья, и не дуй в ушное [от слова «уха», рыбное блюдо], чтобы везде брызгало, не сопи егда яси [когда ешь]... Не облизывай перстов [пальцев] и не грызи костей, но обрежь ножом».

При Петре российская жизнь засияла чередой новых праздников и увеселений. Помимо традиционных празднеств, связанных с именами и днями рождения царя, царицы, их детей, появились и новые — день коронации Петра I, день царского бракосочетания.

Каждый свой военный или политический успех царь также отмечал радостно, бурно и долго, а потом ежегодно вспоминал об этом торжестве. Так появились ежегодные праздники, посвященные Полтавской битве (27 июня), победам под Гангутом и Гренгамом (27 июля), овладению Нарвой (9 августа), заключению Ништадского мира (30 августа). Особый праздник устраивался в честь учреждения первого и высшего русского ордена Св. Андрея Первозванного (30 ноября). Обязательной частью всех этих торжеств были церковные службы, а также застолья, балы, фейерверки, гулянья в садах и парках, прогулки по Неве.

Частью общего культурного поворота общества стали важные изменения в области грамотности населения, широкого развертывания книгопечатания, типографского и книгоиздательского дела, появления первых русских публичных библиотек.

При активном участии Петра в России была издана и новая гражданская азбука — вместо устаревшей церковнославянской. Это значительно упростило книгоиздание. Новая азбука просуществовала более двух веков.

Старорусские буквенные обозначения цифр были заменены арабскими цифрами. Теперь единица обозначалась «1», а не буквой «А», как прежде.

Появились новые типографии. В них печатались русские и переводные учебники, книги по истории, естествознанию и технике, переводы литературных и исторических сочинений античных авторов, в том числе Юлия Цезаря, древнегреческого баснописца Эзопа, римского поэта Овидия. Они выпускались тиражом в несколько сот, а порой и тысяч экземпляров, и все быстро раскупались. В начале XVIII в. русский читатель получил 64 переводных издания. В том числе с латинского, немецкого, французского, итальянского, греческого, голландского, польского, шведского, датского языков. Это были значительные культурные ценности.

В Москве и Петербурге появились первые библиотеки — общедоступные и бесплатные.

В 1702 г. в культурной жизни страны произошло примечательное событие: встав однажды поутру в один из декабрьских дней, москвичи обнаружили, что около московской типографии продаются какие-то диковинные печатные листы. Так вышла в свет первая в России массовая газета

«Ведомости». Она предназначалась не только для царской семьи и высших сановников, как «Куранты» при Алексее Михайловиче. Ее вынесли на улицу. Тираж «Ведомостей» доходил до 2500 экземпляров.

Вначале она издавалась в Москве, потом — в Петербурге. Но распространялась она по всей России. В «Ведомостях» печатались указы царя, сообщения об успехах русской армии в Северной войне, внутрироссийские и зарубежные новости.

Но вместе с этими новшествами и успехами русской культуры появились и первые признаки чрезмерного и порой необдуманного увлечения всем иностранным, чему пример подавал и сам царь. Достаточно сказать, что русский язык в это время пополнился более 4 тыс. новых иностранных слов. Многие из них были вовсе не обязательны. Письма царя пестрят немецкими, голландскими словами и терминами. Началось настоящее засорение русского языка.

Подражание западным модам привело к тому, что русские люди порой были вынуждены менять удобную и хорошо приспособленную к русскому климату одежду на вполне европейские, но неудобные и непрактичные для России наряды. Действительно, какая была польза от коротких панталонов, шелковых чулок, фетровых шляп при двадцатиградусных петербургских морозах!

Перемены в культурном облике России коснулись и внешнего вида русских городов. Петр понуждал городские власти строить современные здания, мостить улицы брусчаткой, как в европейских городах. Он в своих указах предписывал в уже существующих городах вносить элементы «правильности» — не выносить жилые дома за «красную линию», «строить их не посередь дворов своих», создавать тем самым прямые улицы, добиваться симметричной планировки фасадов зданий. При нем впервые в России загорелись уличные фонари. Конечно, это было в Петербурге. А ранее в Европе только в семи городах — Гамбурге, Гааге, Берлине, Копенгагене, Вене, Лондоне и Ганновере (столице Саксонии) существовало освещение.

Петербургу Петр I вообще уделял особое внимание. По его мысли, столица новой победоносной европейской империи призвана отражать все черты величия и славы Российского государства. Он мечтал не просто о новом, вполне европейском городе из камня и гранита, но хотел сделать его «величайшим и славнейшем паче [больше] всех городов в свете».

Для строительства Петербурга было мобилизовано тысячи рабочих, посадских людей, государственных крестьян. День и ночь к городу на телегах, зимой — на санях везли строительный камень, кровельный материал, бревна, доски. Для проектирования и строительства улиц, дворцов, общественных зданий приглашались итальянские и французские архитекторы, инженеры, мастера. В городе сносились временные хибары, деревянные дома, был разработан утвержденный царем генеральный план застройки города. Стали создаваться замечательные архитектурные ансамбли — Адмиралтейство, Петропавловская крепость с новым собором, здание коллегий, дворец Меншикова, здание Кунсткамеры и др. Петр наконец-то воочию увидел на берегах Невы так полубившиеся ему очертания голландских, немецких городов. Именно их архитектура положена в основу создания Петербурга.

«Аз есмь в чину учимых». Так говорил о себе Петр, который учился всю жизнь. Того же он требовал от всей страны.

В первой четверти XVIII в. в России по существу появилась сеть светских школ и других учебных заведений. Во многих городах страны открылись «цифирные школы». В них учились дети дворян, чиновников, низшего духовенства. Расширилась сеть епархиальных школ, где проходили обучение дети духовных лиц, отдельные школы создаются для детей солдат и матросов.

Но развитие экономики, торговли, градостроительства требовали все новых и новых кадров грамотных и мысленных людей. Этого же требовала усложнившаяся система государственного — центрального и местного — управления. Нужны были хорошо подготовленные, владеющие иностранными языками губернаторы, вице-губернаторы, воеводы, чиновники, дипломаты.

В ответ на эти запросы времени в России создаются горные школы, школа переводчиков, где ученики овладевали европейскими и восточными языками. Расширяется обучение в Славяно-греко-латинской академии, на базе которой формируются школы — славяно-латинская, славяно-греческая и славяно-русская.

При Петре I в России впервые появляются технические учебные заведения. Навигационные школы вслед за Москвой создаются в Новгороде, Нарве и других городах, а на их основе открывается Морская академия в Петербурге. Основным предмет в ней — кораблестроение. Следует еще раз упомянуть об открытии в Москве и Петербурге инженерных школ и возникновении первых медицинских училищ. В основном здесь учились дети дворян. Петр сам занимался подбором учеников, строго следил за обучением, порой экзаменовал учащихся, хвалил прилежных, корил и даже наказывал нерадивых. Специальным указом он запретил молодым дворянам жениться, если они не имели образования. По существу, царь силком втаскивал Россию в просвещение.

Развитие науки. Еще будучи в Европе во время Великого посольства, Петр I много внимания уделял ознакомлению с европейской наукой. Он встречался с выдающимися учеными, изобретателями. Царь-реформатор прекрасно понимал роль науки в развитии цивилизации. Но как перенести научные знания в Россию, как дать мощный импульс научной мысли в отсталой стране? Первое, что он сделал, — пригласил на русскую службу европейских научных светил. Петр не скупился на расходы. Обеспечивал их хорошими окладами, предоставлял удобное жилье, давал различные льготы. Так в России появились швейцарский математик и механик Даниил Бернулли (1700—1782), французский астроном и картограф Жозеф Делиль (1688—1768) и некоторые другие. Во-вторых, царь помогал продвигаться в науке талантливым русским самородкам. Многие из них при его поддержке проходили обучение в европейских странах. В-третьих, он всячески способствовал развитию научно-технических знаний, а также тех областей науки, которые имели большой практический интерес для становления русской промышленности, освоения природных ресурсов. По всей стране рассылались геологические экспедиции, которые обнаруживали месторо-

ждения каменного угля, железной и медной руды, серебра, серы. Впервые в петровское время стали разрабатываться нефтяные месторождения.

Открытие новых земель, присоединение Сибири привели к подлинному буму новых экспедиций на восток. Русские люди появились на Камчатке и Курилах. Цель этих экспедиций заключалась не только в разведывании и освоении новых богатых пушниной и полезными ископаемыми земель, но и научное изучение пространств России и близлежащих стран, составление географических карт. Была послана специальная экспедиция на Чукотский полуостров, перед которой царь поставил цель разведать «сошлась ли Америка с Азией». За три недели до смерти Петр составил инструкцию для датского капитана Витуса Беринга, состоящего на русской службе. Он направлялся в свою первую Камчатскую экспедицию ради поиска пути через Ледовитый океан в Китай и Индию. Уже после смерти Петра Беринг достиг берегов Аляски, открыл пролив между Азией и Америкой, названный его именем.

Другая экспедиция пробыла в Индии через среднеазиатские ханства Хиву и Бухару. Казачьим атаманам поручалось обследовать и описать земли по Аму-Дарье, в районе озера Иссык-Куль. Постоянными стали экспедиции на Северный Кавказ.

В результате к началу 20-х гг. появились карты отдельных частей России. Так, С. Ремизов создал «Большой чертеж Сибири». Позднее Делиль приступил к созданию карты всей Российской империи.

Общий подъем экономики и просвещения в стране привел к сдвигам в области технических новшеств. В механике появились изобретения Андрея Константиновича Нартова, создавшего серию оригинальных токарных и винторезных станков. Новыми, более экономичными и эффективными способами стали ковать и обрабатывать оружейные стволы. Зародилась русская оптика. Русские умельцы стали мастерить микроскопы, подзорные трубы, которые прежде покупались за границей.

Потребность в строительстве каналов вызвала к жизни творчество гидростроителя Ивана Сердюкова, чьи разработки позволили реконструировать старые водные пути и создать новые, увеличить их пропускную возможность.

По инициативе Петра были открыты астрономическая обсерватория, Ботанический сад, начат сбор древних рукописей, появились новые исторические труды. Сам Петр в свободные часы работал как автор над «Историей Свейской (т. е. Шведской) войны». Но времени не хватало, и его труд остался неоконченным.

Потрясенный музеями Европы, Петр задался целью создать нечто подобное и в России. Так, в 1714 г. в Петербурге открылась Кунсткамера — первый естественно-научный музей в стране. Для него было выстроено специальное здание на берегу Невы, которое до сих пор является одним из украшений города.

Все эти достижения в области науки, появление в России иностранных ученых, рост собственных научных кадров привели к тому, что Петр замышлял создать Российскую академию наук. Он считал, что развитие в стране фундаментальной науки станет мощным рычагом ее восхождения на более высокий цивилизационный уровень. Петр решал эту проблему

с присущей ему решительностью и размахом. Академию он брал на государственное обеспечение и давал ей всяческую государственную поддержку. Но и требовал от ученых упорного и масштабного труда на благо Отечества. Проект Академии наук Петр утвердил в 1724 г. Сама же Академия открылась в 1725 г., уже после смерти ее создателя.

Литература и искусство. Эпоха Петра I не могла не наложить отпечаток на литературу и искусство.

В традиционные народные литературные жанры — былины, исторические песни, сказки властно вторгается «петровская» тема. В них присутствует сам царь, его свершения и победы, тяготы, раздумья. Там же присутствуют и его враги — шведы и Мазепа, и те из его соратников, кто предал, обманул его, вроде казнокрада сибирского губернатора князя Гагарина.

Заметно увеличилось в первой четверти XVIII в. количество книг светского содержания, переводов европейской литературы. Типографии стали выпускать книги не только на потребу знатных людей, но и с расчетом на горожанина и даже грамотного крестьянина.

Новым явлением в литературе стала публицистика — произведения, созданные петровскими сподвижниками и прославлявшие деяния царя-реформатора. Такими были, например, творения Феофана Прокоповича, вице-президента Синода, видного церковного деятеля и писателя. В своих трудах «Слово о власти и чести царской», «Правда воли монаршей» он прославляет Петра I, его преобразования России, его право на передачу престола в своей семье по собственному усмотрению, а не обязательно старшему сыну, ставшему к этому времени в оппозицию к отцу.

Первая четверть XVIII в. России отмечена новыми явлениями в области искусства.

В Москве вновь возрожден театр. Представления шли в деревянном здании, сооруженном прямо на Красной площади. Ставили пьесы немецких, французских, испанских авторов, но, естественно, на русском языке. Появились и свои первые пьесы на исторические темы. Свои самодеятельные театры организовывали ученики различных средних и высших учебных заведений.

Произошли существенные сдвиги и в живописи. И главное из них — развитие наряду с традиционной иконописью светской реалистической живописи. В первую очередь это относится к портретной живописи.

Появились первые русские художники-реалисты. Увидя их талант, Петр посылал некоторых из них на выучку за границу. Виднейшим портретистом своего времени был Иван Никитич Никитин, создавший галерею портретов знаменитых людей той эпохи. Его кисти принадлежит и картина «Петр I на смертном ложе». Другим известным русским художником-портретистом стал Андрей Матвеевич Матвеев. Оба они прошли выучку в Голландии.

В музыке также произошли изменения. Наряду с традиционными церковными хоровыми произведениями, народными песнями зазвучала военнo-строевая музыка. Полки во время парадов, триумфов маршировали под русские и иностранные марши.

Обыватели с восторгом взирали на эти военно-музыкальные зрелища.

§ 6. Противники Петра

Преобразования России, предпринятые Петром I, вызвали огромное напряжение народных сил, многие жертвы на полях сражений, в создании промышленности, в строительстве городов и крепостей, каналов, плотин, дорог. Самые большие тяготы выпали на долю самых неприметных исполнителей воли российского самодержца — крестьянства и посадских людей, основных поставщиков солдат для армии, основной рабочей силы и основных плательщиков налогов. Это приводило к тяжелым последствиям в жизни народа. По данным российских ученых, с конца 70-х гг. XVII в. по 1710 г. податное население сократилось более чем на 150 тыс. человек. В 15-миллионной России это была ощутимая потеря.

В первой четверти XVIII в. налоговое бремя на податные сословия увеличилось в три раза. Большую роль в этом сыграла введенная правительством подушная подать для государственных крестьян вместо прежнего налога с дворов. Каждая «душа», т. е. каждый крестьянин мужского пола, обязан платить денежный подушный налог в пользу государства. Основная масса помещичьих крестьян помимо денежного оброка должна была выполнять на помещика барщинные работы, предоставлять оброки натурой.

Петр щедро раздавал государственных крестьян своим сподвижникам. Всего за годы его правления было роздано около 175 тыс. душ мужского пола, а ведь за этими людьми стояли и семьи. Он щедро награждал землями с крестьянами Меншикова, Шереметева, Головкина, Апраксина и др. Лишь А. Д. Меншиков до конца царствования стал владельцем около 100 тыс. душ.

Ответом на давление со стороны властей стало повальное бегство крестьян из сел и деревень, с верфей и уральских заводов, со строительных площадок Петербурга и Таганрога. С конца второго десятилетия до середины 20-х гг. XVIII в. в бегах по всей России числилось около 200 тыс. человек. В ответ выпускались грозные указы царя о поиске беглецов и их жестоких наказаниях — штрафах, конфискации имущества, битье батогами, клеймении, ссылке на каторжные работы.

Податное население городов, а это в основном низы посада, в эпоху царя-реформатора также испытывало повышенные тяготы.

Это были не только прежние налоги, перешедшие еще с XVII в., но и новые — драгунские, корабельные, рекрутские деньги — в самих названиях звучит эпоха войны, создания армии и флота. К тому же существовали разного рода «запросные сборы». К тому же посадское население обязано было, как и крестьянство, выполнять определенные повинности и службы на государство, на армию.

В ином положении находились привилегированные неподатные сословия — дворянство, духовенство, купечество — опора и надежда государства. Понятно, что их численность, особенно дворянства, при Петре I резко возросла, в том числе за счет выходцев из других сословий и ратных людей. И все же и дворянство, и церковь не избежали общего нажима со стороны государства. Петр жестко требовал службу с дворян, строго карал их за нерадивость и уклонение от своих обязанностей. Табель о рангах являлась здесь сильнейшим рычагом как продвижения людей по службе, их поощрения, так и наказания, замедления и даже приостановки дальней-

шей гражданской и военной карьеры. Он насильно отправлял дворянских детей на учебу и за границу. Купцов принуждал вкладывать деньги в промышленность, церковь облагал разными сборами. Часть дворян и представителей церкви насильно переселял на службу в Петербург. Все они были по сути слугами царя, называли себя его рабами. Они смотрели на государство, которому без остатка посвящал себя царь, как подневольные люди.

Выдвигая и поощряя людей, Петр в то же время всячески подавлял их инициативу. Все его начинания, указы проникнуты его личной инициативой, настроением, волей. Многие из них жестко регламентировались самим царем, в них Петр разъяснял, как вводить то или иное начинание, как контролировать ту или иную реформу; подробно расшифровывал и меры наказания за их невыполнение. Петр творил, внедрял, указывал всем и вся — дворянам, крестьянам, купцам и военным, бургомистрам и губернаторам, судьям и сенаторам, прокурорам и духовным лицам. «Неволя» жесткой петлей была накинута на шею всему населению страны; это была специфика реформ в стране, основывающейся на абсолютизме и крепостничестве.

В конце концов Петр I превратился в «отца народа», в «отца нации», работал не покладая рук ради блага государства, но то был жестокий и деспотичный отец, нередко общение с ним кончалось опалой, а то и казнями. Его указы пестрят угрозами, среди которых — батоги, заковывание в кандалы, клеймение, каторга, отрубание пальцев, рук, голов, обрезание ушей и вырезание языков, колесование, сажание на кол, виселица и т. д. А ведь провинившиеся относились не только к низам общества, но и к дворянам и предпринимателям. Репрессии были главным рычагом реформатора-деспота.

Неудивительно, что один за другим с арены его соратники, а те, кто оставался рядом, не раз были наказаны и даже биты, и в основном за воровство, взятки, коррупцию, различного рода злоупотребления.

Эта линия на постоянное давление, репрессии, угрозы при продвижении реформ была связана не только с характером царя, но и с его глубокими убеждениями, с его оценкой русского народа. Так, когда за границей один из крупных ученых заметил Петру, что «крутые превращения непрочны», царь ответил: «Для народа, столь твердого и непреклонного, как российский, одни крутые перемены действительны». Он говорил: «...Хотя это добро и надобно, а новое дело, то наши люди не сделают». Деспотизм, жесткая регламентация жизни в его правлении объяли страну снизу доверху и каждого с малолетства до седых волос.

Создание абсолютистской крепостнической сильной европейской державы — главный результат всех преобразований Петра I. Все сословия стали одинаково подданными государя. В этом смысле они были равны. Каждое из них выполняло свою функцию в общегосударственной системе. Россия превратилась в «регулярное» государство, как, например, Франция при Людовике XIV и другие абсолютистские режимы в Европе.

Под крышей общей государственной службы и общей ответственности перед монархом сложилась жесткая система насилия над личностью человека, какой тогда уже не знали абсолютистские государства Европы. Это

была грустная особенность России, вызванная ее общим историческим развитием и внешнеполитическими невзгодами.

Но в истории ничто не бывает однолинейным. Каждый процесс сопровождается различными побочными последствиями. Так было и с российским абсолютизмом. Появление общероссийского сильного правительственного центра во главе с монархом, мощной бюрократии, создание крупных сословий и ликвидация различного рода категорий в рядах дворянства, посадского люда, крестьянства привели к преодолению былой разобщенности страны, изолированности различных ее частей. Все более определенно проявлялись общие черты большой страны: складывался единый язык, появлялась общность взглядов, вкусов людей в рамках как отдельных крупных сословий, так и народа в целом независимо от положения человека в обществе. Росло национальное и государственное самосознание населения, все ощущали себя членами единой огромной общности — Российской империи. Именно в эпоху складывания российского абсолютизма и создания империи появляется русская нация с единым языком, территорией, экономикой и культурой, особенностями характера людей. Одновременно в России, в многонациональной стране, формируется российская государственная общность людей, объединяющая разные народы, что проявлялось прежде всего в противостоянии России всему остальному миру. Это была особенность России, которую не знали большинство европейских стран. Это другая сторона российского абсолютизма.

Народные восстания. В 1705 г., находясь с войсками в Литве, Петр получил известие о том, что в низовьях Волги, в Астрахани, началось мощное восстание городских низов. Город захвачен стрельцами, горожанами, воевода убит, повстанцы всюду рассылают грамоты с просьбами о помощи.

Царь был вне себя, и его можно было понять: в то время как идет тяжелая война со шведами, а Россия борется за выход к Балтийскому морю, у него в тылу происходит бунт, грозящий разрушить все основы государства, уничтожить плоды его военных и реформаторских усилий! Царь тут же посылает депешу своему лучшему полководцу фельдмаршалу Б. П. Шереметеву и приказывает ему с конными и пешими полками двинуться на Волгу.

Так в ход Северной войны вмешались новые и совершенно неожиданные события, которые круто изменили всю ситуацию в стране. И сразу стало очевидно, что социальный взрыв в Астрахани был неслучаен.

В России повсюду, особенно среди крестьян, посадских людей росло недовольство. Народ не выдерживал военных тягот, налогов, рекрутских мобилизаций, многочисленных повинностей, наступления крепостнических порядков. Особенно людей оскорбляли и унижали новые требования к внешнему виду и одежде. Крестьяне и посадский люд не хотели брить бороды и шить себе короткую одежду взамен привычной старой. Все чаще и чаще пассивное сопротивление (бегство, уклонение от платежей, от рекрутской повинности, отказ от бритья) перерастало во вспышки открытого сопротивления, неповиновения властям.

Все это ярко проявилось в событиях астраханского бунта.

В июне 1705 г. в городе и близлежащих слободах сложилась напряженная обстановка. Народ был доведен до отчаяния самоуправством воеводы Ржевского. Он отличался грубостью, насилием, издевательством. Заставлял

присланных сюда стрельцов работать на своих огородах, рубить для своего хозяйства дрова, заготавливать сено. К тому же он вводил самовольно разные поборы — «с дыма», с бань, за точение топоров и ножей. За отказ от уплаты били, сажали в тюрьму, в колодки.

Но более всего астраханцев возмущало то, что воевода использовал введение новой одежды и запрещение носить бороды без уплаты пошлин для личного обогащения.

Людей хватали на улицах, обрезали им платье, брили бороду и усы, порой выдирали волосы с мясом, хочешь жить по старине — откупайся от воеводы и воеводских людей. Зачастую стрельцы и горожане упирались, говорили «хотя умру, а пошлины платить не буду и бороды брить не буду».

К тому же в те дни по Астрахани прошел слух, что государь умер, а в России правит другой, «подменный» царь. Потом пошел новый слух, что всех девушек будут насильно отдавать замуж за иностранцев. Тут же в городе срочно начали играть свадьбы — их число достигло ста. Все происходящее еще больше подогревало толпу. Разгоряченные вином и ненавистью стрельцы и часть посадских людей ночью ударили в набат. Астрахань восстала.

Мятежники, разметав воеводскую охрану, вломились в Кремль. Воевода спрятался в курятнике. Стрельцы вытащили его оттуда и закололи копьем. Тут же были убиты стрелецкий полковник, воеводские и чиновные люди. Погибли сотни людей.

К восстанию примкнули тысячи астраханцев, кроме стрельцов, солдат и горожан — работные люди, крестьяне окрестных сел, бурлаки — вся беднота, «голь перекатная», как говорили в народе.

Повстанцы организовали в городе собственное управление. Делами руководил круг, т. е. собрание всех горожан. На круге были выбраны атаман, старшины, руководители войска. Астраханцы, таким образом, воссоздали в городе тип казачьего управления. Не забыли здесь и времена Степана Разина. Ведь всего тридцать пять лет назад в Астрахани бушевала повстанческая стихия, и Разин держал свои пламенные антиправительственные речи.

Все имущество богатых людей, как и разницы, повстанцы разделили между собой.

Напрасно митрополит, выйдя к восставшим с крестом, увещевал их уняться и бить челом великому государю — восстание только ширилось. К Астрахани примкнули соседние небольшие города. Повстанцы послали грамоты с просьбой о помощи к терским и донским казакам. Терские казаки поддержали их и тоже восстали, но помощи не оказали. Грамота, отправленная на Дон, попала в руки казачьей верхушки — атамана и старшины, которые были верны царю. Те отказали в помощи и информировали об этом власти.

Не удалось астраханцам овладеть и крупными близлежащими городами, в частности Царицыном. В результате восстание сразу же оказалось изолированным, отрезанным от внешнего мира.

А к Нижнему Поволжью уже спешили войска Шереметева. Узнав об этом и испугавшись, часть астраханцев под воздействием уговоров митрополита послала ходоков к царю. Они повинились перед ним, просили о прощении. Петр в ответ отправил грамоту с увещеванием и обещал свою

милость. Но карательные войска он не отозвал и тем проявил свою ненависть к повстанцам и коварство. Появление грамот царя в Астрахани привело к расколу в лагере восставших. Одни решили покаяться и сдаться, другие же, напротив, ожесточились, заперлись в Астраханской крепости, которая тремя линиями ограждала город, и решили лучше умереть, но не поступиться только что обретенной свободой.

При подходе полков Шереметева к Астрахани повстанцы ударили по ним из пушек и организовали вылазку. Но силы были неравны. Против астраханских стрельцов и бедняков действовала новая петровская регулярная армия во главе с победителем шведов. После короткой бомбардировки войска прорвали первые линии укреплений и атаковали Кремль. Последовал короткий и яростный штурм, и все было кончено 13 марта 1706 г. Шереметев вступил в Астраханский кремль. Повстанцы лежали вдоль улиц, демонстрируя свою покорность.

Начался сыск. Сотни людей, в том числе все руководители восстания, были схвачены и отправлены в Москву. Там 300 из них были казнены. Десятки других погибли при допросах и пытках. На расправы со стороны повстанцев власти ответили столь же жестоко: ненависть в ответ на ненависть.

Однако недовольство народа существующими порядками на этом не завершилось. Оно катилось по стране из края в край. Вскоре новая вспышка бунта произошла в землях башкир, которые жили в Приуралье, по Средней Волге и Каме. Здесь не вводилась новая одежда и не брили бород, но, как и в других местах, злодействовали местные чиновники, прибыльщики. В связи с продолжающейся войной у башкир стали забирать лошадей для конницы, самих их понуждали к участию в войне. По башкирским селам специальные команды искали бежавших сюда рекрутов.

Раздражало местное население и все увеличивавшийся поток русских переселенцев, строительство православных храмов. Башкиры, как известно, мусульмане, они еще не забыли времена, когда были свободны от России, а их религия оставалась единственной в крае. Симпатии многих из них, особенно представителей верхов башкирского общества — ханов и мусульманского духовенства — неизменно склонялись в сторону центра тогдашнего мусульманского мира — Турции. При насилиях русских властей над местным населением сразу же обострялись национальные и религиозные противоречия.

В 1707 г. в башкирских землях началось мощное восстание, в котором приняли участие и простой народ, и ханы, и представители местного духовенства. Многие чиновники, сборщики налогов были перебиты, запылали русские села и деревни, произошли нападения на православные храмы. Грамоты с просьбой о помощи восставшие послали к каракалпакам, казакам, а также к донским казакам, где назревало возмущение действиями сыскных военных отрядов.

Петр I немедленно двинул в Башкирию отряд в 900 человек, но он был окружен повстанцами и частично перебит. Лишь половине его удалось уйти восвояси. Вскоре под властью восставших оказался весь башкирский край, их отряды действовали уже в 30 км от Казани.

Для подавления очага народного возмущения от правительства потребовались новые усилия. В край были посланы «переговорщики». Царь обе-

шал милость и прощение тем, кто отстанет от бунта. Но руководители восстания не пошли на мировую. Они не верили царским заверениям. И были правы. В Башкирию подтягивались уже новые войска. Их цель заключалась в том, чтобы помешать повстанцам соединиться с казаками и соседями — каракалпаками и казахами.

В нескольких сражениях башкирские отряды потерпели поражения. Руководители-ханы были либо убиты, либо захвачены в плен, либо бежали сначала на юг, а потом в Турцию. Вскоре задавленные и запуганные расправами башкиры принесли «свои вины». Но долго еще в отдельных местах края полыхали очаги бунта.

А в это время на Дону разгорелся пожар очередного мятежа. На сей раз восстали бедняцкие казачьи городки и станицы.

В верховья Дона, как и во времена Разина, постоянно прибывали беглые крестьяне из центральных уездов России, работные люди с заводов и верфей. Укрывались здесь и беглые рекруты, и дезертиры из пехотных и драгунских полков.

Верные царю войсковой атаман, старшина, зажиточное казачество, состоявшие на царском жалованье, настороженно относились к многочисленной и постоянно пополнявшейся в верховых городках неуправляемой гольтыбе. Но и выдавать беглых людей не спешили. Это было бы нарушением местных свобод и сложившейся исстари традиции — «с Дона выдачи нет».

Однако Петр I с его взглядами на Россию как на единую страну, полностью подчинявшуюся власти монарха, не мог смириться с существованием полуавтономной территории — Донской области — со своими правами и порядками. К тому же на Дону обретались люди, укрывшиеся от государственной службы, налогов и повинностей. Царь приходил в бешенство. Одновременно помещики засыпали правительство челобитными, в которых требовали ускорить сыск беглых людей.

Все это подтолкнуло правительство к решительным мерам: Петр приказал уничтожить верховые донские городки и усилить в этих местах сыск беглых. На Дон отправились новые воинские команды.

Особенно лютовал сыскной отряд князя Юрия Долгорукова. Его действия вызвали возмущение не только бедноты верховых городков, но и казацкой старшины в Черкасске — столице Дона. Атаман Лукьян Максимов направил по донским землям тайную грамоту с призывом к сопротивлению отряду Долгорукова. Это нашло отклик у казаков. Во главе восставших встал уроженец одной из станиц на Северском Донце казак Кондратий Булавин. Отряд Булавина напал на команду Долгорукова и полностью истребил ее. Убит был и сам Долгоруков. Это произошло в октябре 1707 г.

Первый успех вдохновил население верховых городков. Со всех сторон к Булавину сбегались люди — казаки, беглые крестьяне, бурлаки. Опыненный победой Булавин вынашивает грандиозные планы — поднять против царской власти терских и запорожских казаков, вновь возбудить к неповиновению астраханцев. Он объявил своей целью сначала захват Азова и Таганрога, где предполагал освободить всех ссыльных, каторжных, подневольных людей, а в случае удачи — поход на Воронеж и далее на Москву.

Но у повстанцев не было определенного плана переустройства жизни. Их вела вперед ненависть к тем, кого они считали своими угнетателями. Они жили лишь сегодняшним днем. Восставшие звали к расправам над боярами, царскими чиновниками, воеводами, сборщиками налогов, и в первую очередь над карателями и прибыльщиками. Острую ненависть проявили повстанцы к иностранцам — «немцам», считая их во многом повинными в своих бедах. Они обещали отменить все налоги и поделить имущество богатых людей. В одной из своих «прелестных грамот» Булавин призывал к себе всех, «кто хочет с ним погулять, по чисту полю красно [красиво] походить, сладко попить да поесть, на добрых конях поездить». Наивными мечтами бедных, обозленных и убогих людей, отчаянием, стремлением хоть какое-то время прожить в довольстве и на свободе веет от этих призывов Булавина и его товарищей.

Петр I, получив известие о восстании Булавина, крайне озабочился. Особенно его обеспокоило намерение повстанцев нанести удар на Азов и Таганрог, приобретение которых было буквально выстрадано Россией.

В Черкасск, к атаману и старшине, пошли царские грамоты с требованием унять бунтовщиков и восстановить порядок.

Как и в Астрахани, царские грамоты отрезвили зажиточных казаков, раскололи Донское войско. Казаки, верные царю, не дожидаясь подхода правительственных войск, выступили против Булавина и в первом же бою разбили его разношерстные отряды. Пленных частью повесили за ноги на деревьях и расстреляли, частью наказали — резали им носы, били плетью.

Казалось, что восстание подавлено. Но Булавин бежал в Запорожскую сечь, набрал там желающих побороться с Москвой, а таких набралось полторы тысячи человек, и появился в верховьях Дона. И снова к нему стали стекаться со всех сторон люди. Вскоре его войско достигло 5 тыс. человек.

Повторная попытка черкасского атамана совместно с правительственным отрядом, подошедшим из Азова, разбить Булавина закончилась катастрофой. Во время переговоров с атаманом булавинцы напали на правительственный отряд и истребили его, верховые казаки из лагеря атамана перешли на сторону повстанцев. Путь на Черкасск был открыт.

Шел апрель 1708 г. В эти весенние солнечные дни новая победа окрылила гольтыбу. Теперь уже все верховые городки поддерживали Булавина. Восстание перекинулось на соседние русские уезды.

Булавин, имея за плечами широкую народную поддержку, двинулся на Черкасск. Город сдался ему без боя. Атаман и старшины были повстанцами арестованы и вскоре убиты. Перед этим Булавин лично избивал их плетью, требуя рассказать, где хранятся казна и «пожитки». Казачий круг выбрал атаманом всего войска Донского Булавина.

Именно в это время Петр снял с фронта несколько драгунских и пеших полков и двинул их на Дон. Их возглавил брат убитого князя Долгорукова — Василий Владимирович. Кроме приказа царя, его вело в поход желание отомстить за брата. Петр наказывал князю Василию Долгорукову: восставшие городки жечь, «а людей рубить, а заводчиков на колеса и колья... ибо сия сарынь (чернь, сволочь), кроме жесточи, не может унята быть».

Уже в первом бою полки Долгорукова разгромили ватаги повстанцев и двинулись по верховым городкам. Булавин же, раздробив свои силы, от-

правился штурмовать Азов. Некоторые его отряды появились на Волге и овладели рядом городов.

Защитники Азова проявили мужество и решительность: гарнизон вышел навстречу повстанцам. По ним же ударила артиллерия с крепостной стены. Огневой удар нанесли и стоявшие на рейде военные корабли. В панике повстанцы откатились обратно к Черкасску. Но там обстановка уже изменилась. Сподвижники Булавина обвинили его в неумелых действиях. К ним присоединились и оставшиеся в Черкасске представители старой верхушки. В июле 1708 г. в городе возник заговор. Подстрекасмые заговорщиками, казаки бросились на подворье Булавина. Атаман, окруженный телохранителями, отбивался до последнего. Когда же заговорщики ворвались в дом, Булавин застрелился.

Вскоре после переворота новые руководители Войска Донского уже встречали Долгорукова. К его ногам были положены знамена, сами казаки легли ничком на землю в знак покорности. Затем они целовали крест и дали клятву служить государю. Но долго еще бунтовала Донская земля, а каратели, как и приказал Петр, жгли верховые городки, расправлялись с повстанцами. Часть из них ушла во владения Турции.

Именно после этих крупных народных восстаний Петр I и провел реформу местного управления.

Оппозиция верхов. Против политики Петра I поднимались не только низы России. С каждым годом Петровских реформ усиливалась и оппозиция в верхах общества. Значительная часть сподвижников Петра в глубине души не соглашалась с крутой ломкой российских традиций, с совершенно безоглядным подражанием Западу.

Их больше привлекал осторожный путь царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича, которые призывали во всем придерживаться сбалансированной политики, «идти путем средним». Они выступали также против неограниченного самодержавия и полагали, что России следует использовать опыт некоторых европейских стран, где абсолютистская власть была поставлена под контроль аристократии и выборных органов,

Кто же представлял явную и скрытую оппозицию Петру? Во-первых, Русская православная церковь. Уже во время расправы со стрельцами в 1698 г. патриарх явился к царю с иконой и просил его прекратить зверские расправы. Царь прогнал церковного иерарха со словами: «Я не меньше тебя чту Бога и Его Пречистую Матерь, но мой долг — казнить злодеев, умышлявших против общего дела».

Во-вторых, политику царя осуждали те широко мыслящие представители знати, которые, как и Петр, побывали за границей, познакомились с жизнью Европы, но вынесли оттуда не только военный, культурный и экономический опыт, но и знание иных, чем в России, политических порядков. Складыванию оппозиционных взглядов способствовали и контакты с иностранцами, чтение западной литературы. Среди тех, кто был убежден в ошибочности принятого Петром курса российской внутренней политики оказались видные деятели: главный интендант Адмиралтейства А. В. Кикин, в прошлом — один из самых преданных сподвижников царя киевский генерал-губернатор, позднее сенатор князь Дмитрий Михайло-

вич Голицын; сенатор Михаил Самарин; брат адмирала астраханский губернатор Петр Матвеевич Апраксин; победитель Булавина князь Василий Долгоруков, десятки других представителей знати, военных кругов, чиновничьего мира.

Наконец, третьим ядром оппозиции стал двор наследника престола, царевича Алексея Петровича.

Царевич Алексей рано был оторван от матери, но остался привязан к ней и ее родне на всю жизнь. Это сразу же отделило его от отца. Петр как всякий амбициозный деспот стремился повторить себя в сыне, но характер Алексея, его привязанность к традициям, его отрицательное отношение к преобразованиям отца вовсе не укладывались в ту схему, которую готовил ему отец. Твердый в своих решениях и симпатиях царевич оставался равнодушным к великим делам отца. Ему было мило неторопливое старомосковское отечество; не Петербург, а Москва, не море, а старорусский центр, не крутая ломка всего и вся, а традиция. Он был хорошо образован, свободно владел несколькими европейскими языками, ряд лет провел за границей. Если тамошняя жизнь заставила Петра решительно ломать все стариннорусское, то Алексей вынес из этого совсем другой, противоположный опыт. Он тоже с восхищением принимал европейскую цивилизацию, но вовсе не одобрял расправы, казни, насилия ради достижения европейских ценностей в России.

Петр стремился втянуть сына в переустройство страны, давал ему ответственные поручения. Алексей выполнял их нехотя, из-под палки. Петр переживал, сердился, выговаривал, грозил сыну. Все безуспешно. Алексей упорно стоял на своем. Здесь коса нашла на камень.

Очень скоро царевич почувствовал, что он не одинок. К нему тянулись многие противники Петра, видели в нем свою надежду и опору, тем более что царь все чаще болел. Ему шло уже к пятидесяти годам.

Расхождение между отцом и сыном усилила насильственная женитьба Алексея на одной из немецких принцесс. Алексей противился этому браку, но Петр строил свои династические расчеты, и двадцатилетний царевич покорился. Через несколько лет принцесса умерла, оставив Алексею сына Петра Алексеевича, названного в честь деда.

Особенно резко разлад между отцом и сыном усилился после того, как в доме Петра появилась сначала любовница, потом, с 1711 г., жена — пленная литовская «портомоя» (т. е. солдатская прачка), красивая, смелая и, как оказалось впоследствии, амбициозная и расчетливая Марта Скавронская, ставшая в России царицей, а затем императрицей Екатериной Алексеевной. Она оказалась с годами необходимой царю. Делила с ним зачастую все тяготы походной жизни. Петр безгранично доверял ей. Когда же Екатерина, кроме дочерей, родила ему сына Петра Петровича, то положение наследника, сына отвергнутой первой жены и постоянного «супротивника» Алексея, сильно пошатнулось.

Постепенно три антипетровские силы стали объединяться, и Алексей по существу встал во главе заговора против царя.

В 1717 г., воспользовавшись отъездом Петра I в Европу, Алексей, вместо того чтобы ехать к нему по вызову в Копенгаген, бежал в Австрию.

Это был дерзкий, решительный, продуманный шаг, подсказанный ему друзьями из окружения Петра. Они же помогли царевичу организовать побег.

Алексей появился инкогнито в Вене при императорском дворе, потом его переправили во владения Габсбургов в Неаполь. Из Неаполя Алексей обратился с письмом к Сенату и церковным иерархам. Он объяснял свой поступок и обличал политику Петра.

Цель заговора против Петра заключалась в том, чтобы либо свергнуть царя с престола и заменить его умеренным правителем в лице наследника, либо ждать, пока слабеющий Петр сам отойдет в мир иной, и затем явить России укрывшегося от царского давления и постоянного гнева царевича.

На Алексея сделали ставку и европейские противники петровской России — Австрия и Англия. В ту пору до окончания войны со Швецией было еще далеко. Был жив еще Карл XII. Поэтому действия Алексея становились особенно опасны для Петра и его сторонников, которым в случае победы оппозиции грозила неминуемая гибель.

Петр был ошеломлен. Он послал своих лучших дипломатов в Австрию и Англию, чтобы урегулировать конфликт. От Австрии Петр потребовал выдачи царевича, но получил отказ. Однако венский двор, уверенный в антипетровской позиции Алексея, разрешил вступить с ним в переговоры представителям Петра. В Неаполь выехал опытный и хитрый Петр Андреевич Толстой в сопровождении гвардейского офицера.

В ходе длительных переговоров Алексей заколебался. Толстой передал ему, что в случае возвращения царь обещал сыну прощение и сохранение жизни. Толстой сумел заманить Алексея на корабль. Там переговоры должны были продолжаться. Но как только царевич спустился в каюту, фрегат снялся с якоря.

Уже на границе Алексей был арестован и вскоре предстал перед следствием. На его первом допросе в Москве присутствовал сам Петр. Алексей выдал часть своих сторонников. Тут же он по требованию Петра отрекся от претензий на трон и принес присягу маленькому царевичу Петру Петровичу.

В Москве и Петербурге начались аресты и новые допросы.

Следствие приняло большие масштабы. В застенках Москвы, а потом Петербурга сторонники Алексея выдавали все новые подробности антиправительственных действий. Вырисовывался настоящий антигосударственный заговор с целью устранения царя.

Первые казни заговорщиков были проведены в Москве. На плаху взошел Кикин, которого колесовали. За ним последовали некоторые другие знатные лица.

В июне 1718 г. Алексея перевезли из Москвы в Петербург и поместили в Петропавловскую крепость. К этому времени выяснилось, что во время московского следствия Алексей многое скрыл. Царь добивался от него все новых признаний, требовал назвать имена всех участников заговора, особенно его интересовала роль в этом деле первой жены и ее родственников. На первом же допросе в крепости с применением пыток — дыбы и плетей — присутствовал царь в окружении своих сподвижников — Меншикова, Толстого, Апраксина и др. Под пытками Алексей дал новые сведения. Допросы и истязания продолжались десять дней. Затем суд огласил приго-

вор: смертная казнь. Царь этот приговор не опротестовал и тем самым нарушил клятву, данную сыну перед его возвращением на родину.

Однако казнь не состоялась. Не выдержав истязаний, царевич скончался в своей камере. По другим сведениям накануне казни по приказу Петра он был задушен, с тем чтобы не позорить династию ужасной расправой.

Судьба жестоко отомстила царю... На следующий год скончался четырехлетний наследник — маленький Петр. Царь был безутешен.

Несколько дней он не показывался на людях и отказывался принимать пищу. Через три года, в 1722 г., он издал указ о престолонаследии, в котором оговорил право самодержца самому назначать наследника. Это было не случайно — ведь подрастал сын царевича Алексея Петр Алексеевич. Монарх был еще жив, но борьба за царский трон уже началась.

§ 7. Последние годы жизни Петра I

Преобразование России в великую державу, провозглашение ее империей повлекло за собой ряд новых внешнеполитических шагов России. У великой державы проснулся великий аппетит.

Попытка утвердиться на юго-западном направлении, на подступах к Балканскому полуострову, была пресечена в 1711 г. Турцией. Но у России все больше разгорается интерес к юго-восточному направлению, к Каспийскому побережью, к овладению путями в богатые восточные страны, в Индию, Китай. К важному ключу на этих путях — Кавказскому перешейку.

Этот район привлекал внимание не только России, но и Персии и Турции. Именно соперничество с этими державами развернулось здесь вскоре после заключения Ништадского мира.

Страны Юго-Востока испокон веков являлись вожаками для русского купечества. Кроме того, продвижение в этом направлении определялось военно-стратегическими причинами. Турция к этому времени овладела частью Закавказья, подчинила себе часть Грузии и Армении. Но аппетиты султана простирались и дальше. Он стремился выйти на Северный Кавказ, к берегам Каспийского моря, завоевать все кавказские народы, угрожать России с юга, поднять против нее мусульман, вошедших в состав Империи, а также подчинить своему влиянию некоторые кочевые народы, в частности калмыков, которые контролировали земли между Волгой и Яиком.

Положение осложнялось еще и тем, что в это время Персия переживала тяжелый политический кризис. Центральная власть здесь ослабела. Распад Персии мог привести к ее захвату Турцией, что грозило созданием на Юге России мощного мусульманского пояса.

Все это привело Россию к необходимости начать войну с Персией, чтобы оторвать от нее жизненно важные в торговом и стратегическом отношении районы, не дожидаясь, пока они будут захвачены турецким султаном.

Летом 1722 г. на юг двинулись гвардейские полки и конница во главе с пятидесятилетним царем.

По Волге в Каспийское море направилась волжская флотилия во главе с генерал-адмиралом Ф. М. Апраксиным.

Всего в поход выступило около 50 тыс. человек, не считая татарской и калмыцкой конницы.

Отплыв из Астрахани в изматывающую июльскую жару, русские высадились на берег Каспия недалеко от Дербента. Петр вступил на берег первый: его на доске перенесли туда четыре дюжих гребца, так как из-за мелководья шлюпка не могла подойти вплотную к берегу.

Первые же стычки с окрестными князьями закончились их поражением. Дербент открыл свои ворота царю.

После этого Петр возвратился в Астрахань, а русские полки продолжали свое победное шествие. Они овладели городами по реке Куре. На южном берегу Каспия десант захватил крупный город Решт. Потом настала очередь Баку. Одновременно турки овладели всей Грузией и стали угрожать персидским границам. Наконец, Персия запросила мира.

В сентябре 1723 г. в Петербурге был заключен мирный договор, по которому между Россией и Персией восстанавливались дружеские отношения, а Россия обязывалась защищать целостность и безопасность Персии. Выполняя его условия, русские войска участвовали в отражении наступления афганцев. Персия уступала России свои провинции Дагестан, Ширван, Гилян, Мазендаран, Астрабад с городами Баку и Дербент. Россия начала овладевать юго-западным и южным побережьем Каспийского моря. Турция согласилась признать эти завоевания в ответ на согласие России признать ее завоевания в Закавказье.

Так на своих юго-восточных рубежах Россия включилась в большую имперскую политику.

Персидский поход стал последним крупным военным мероприятием Петра. Вернувшись в Петербург, царь с каждым днем чувствовал себя все хуже.

К концу первой четверти XVIII в. это был уже глубоко больной человек. Во многом его здоровье было надломлено личными невзгодами — разговором царевича Алексея, смертью маленького наследника Петра.

Петр давно уже страдал от урологического заболевания, лечился, ездил на минеральные воды. Но болезнь с каждым месяцем обострялась. Все большее время Петр проводил в постели, но когда ему становилось легче, он вновь оказывался все таким же деятельным, активным, требовательным — ехал в Сенат, посещал верфи и стройки, работал над новыми указами, грозил ленивым и непослушным.

Его очень заботила судьба трона. После гибели Алексея и смерти Петра у него не осталось наследников по мужской линии. Дочери оказались не готовы к управлению государством. Старшая Анна была сосватана за герцога Голштинского и готовилась уехать из России. Младшая Елизавета была еще слишком молода. Ни той ни другой он не мог доверить судьбы страны.

В начале 1724 г. Петр провел грандиозную церемонию коронации своей супруги Екатерины Алексеевны. Этим царь как бы определял свой выбор преемницы на основании только что принятого закона о престолонаследии, хотя нигде об этом официально не заявлял, так как не помышлял о близкой кончине. Екатерина была в течение долгих лет его надежным

другом. Она разделяла все его радости и тревоги. Она была постоянно в курсе всех его дел и начинаний.

Тем более неожиданной для Петра оказалась связь Екатерины с придворным — красавцем Вильямом Монсом, братом его прежней возлюбленной — Анны. Об этом царь узнал через полгода после коронационных торжеств. Монс был допрошен и казнен. Петр не преминул провезти жену в карете мимо того места, где торчала на колу голова Монса. Ни один мускул не дрогнул на лице императрицы.

После этого отношения между супругами резко обострились. Однако времени что-то изменить у Петра уже не было. Вскоре после этого царь слег окончательно, но даже в постели продолжал свою кипучую деятельность. Петр пишет инструкцию Берингу по поводу камчатской экспедиции, работает над указом о создании Российской академии наук. В конце января болезнь обострилась. Петр страдал от страшных болей. Его крик разносился на всю округу. В соседней комнате в страшной тревоге находились Екатерина, Меншиков, другие столпы государства. Их интересовал вопрос, кому же царь передаст престол. Однако Петр так и не отдал последнего распоряжения. В ночь на 28 января царь скончался. До сих пор его последние мгновения покрыты тайной. Около постели умирающего Петра находились уже враждебная ему жена, многократно битый его дубинкой и попавший в опалу Меншиков. Что они могли предпринять — неизвестно. Существует версия и о том, что царь будто написал слабеющей рукой: «Отдайте все...» Кому? Это осталось неизвестно. А может быть, его последнее распоряжение было уничтожено?

Личность Петра. Петр I поражал своей личностью современников. Поражает он и нас, потомков. До сих пор приходится удивляться богатству и одаренности его натуры, противоречивости и в то же время цельности и ясности этого человека и правителя.

Это был двухметровый гигант со стройной фигурой, порывистыми движениями, правильными и резкими чертами лица, большими выразительными глазами и темными курчавыми волосами, не любящими парика.

Получив в детстве и юности плохое и несистематическое образование, он жадно учился всю жизнь. Учился всему, что считал полезным и нужным для него как для человека и как правителя огромной и отсталой страны. Образовывая и меняя Россию, Петр постепенно менялся и сам. В конце концов он стал одним из самых образованных и умелых людей своего времени.

Он стал поистине первым российским энциклопедистом, который овладел многими науками и ремеслами: законодворец, полководец и флотоводец, дипломат, писатель, историк, географ и картограф, плотник, токар. Этот список можно было бы продолжать без конца.

Петр свободно себя чувствовал в беседах с известными учеными Ньютоном и Лейбницем, с французским королем и голландскими бургомистрами, на артиллерийском стрельбище и на судостроительной верфи. Но он также легко, со знанием дела общался с мастерами и матросами, солдатами и торговцами.

На первый план в своей жизни он выносил дело, конкретный результат, конкретные достижения. Поэтому чем больше он добивался как госу-

дарь, тем меньше заботился о внешних, формальных сторонах жизни: не терпел пышных церемоний, сопровождающей свиты, официальных парских нарядов. Человеку, глубоко занятому делом, творчеством, не нужны были внешние знаки отличия, славословия и лесть. Всего этого Петр не терпел. Бывалый кафтан, скромная шляпа, поношенные ботфорты, порой заштопанные императрицей чулки — в таком виде привыкли видеть Петра и представители знати, и матросы, солдаты, купцы, ремесленники. Равнодушен он был к изысканной пище. Ел быстро, всегда второпях.

Цена полезное время, Петр не выносил, когда его отвлекали от дел по пустякам. Он говорил: «Доступ до меня свободен, лишь бы не отягощали меня только бездельством и не отнимали бы времени напрасно, которого всякий час мне дорог». Свой рабочий день он начинал в 3—4 часа утра, затем успевал присутствовать в Сенате и коллегиях, поработать в Адмиралтействе, постоять дома за токарным станком, объехать петербургские стройки, а вечером сходить в гости и встретиться с нужными людьми.

Но при этом Петр считал, что если Бог дал ему безграничную власть в стране (а он глубоко верил в Бога, хотя и равнодушно относился к церковным службам и церковникам), то именно он, царь, знает, что нужно народу и государству, а его указы содержат лишь безусловное добро и обязательны для исполнения подданными. Все же противники его воли, плохие исполнители его указов, как он говорил, — «злодеи мои и Отечества».

Человек от природы незлой и даже склонный к добрым поступкам, очень простой в быту, довольствовавшийся самыми скромными покаями, во всем, что касалось долга и служения государству, был нетерпим и жесток к людям. Здесь для него не существовало таких понятий, как человеческие слабости, личные склонности. Человеческая индивидуальность для него как бы отсутствовала. На людей, включая своих ближайших помощников, он смотрел как на орудие достижения собственных целей, как на винтики огромной государственной машины. Поэтому простой в обращении, доступный для людей разных сословий, он мгновенно превращался в абсолютного монарха, в деспота, в жестокого тирана, едва речь заходила об интересах государства, об исполнении указов и предначертаний царя.

Не случайно к концу своей жизни Петр оказался в полном одиночестве. И даже те, кто собрался у его постели в ночь на 28 января 1725 г., уже не были ни его почитателями, ни его союзниками.

ГЛАВА 4. ЭПОХА ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ

§ 1. Россия при преемниках Петра I

Петр I оставил тяжелое наследие России. Нескончаемая война ввергла страну в разорение. Из народного хозяйства на армейскую службу отвлекались сотни тысяч молодых здоровых мужчин, которые могли бы принять участие в развитии земледелия, ремесел, торговли. В тяжелейшем положении оказались финансовая система страны, не выдерживающая огромных военных расходов, форсированного развития промышленности, строительства Петербурга и прочих экстренных расходов. Уже не помогали ни фискалы, ни прибыльщики. Росли недоимки по налогам. Армию бросили на выбивание этих недоимок с населения. Солдаты роптали. Тяжко доставалась России борьба за выход к Балтийскому и Каспийскому морям.

К тому же в последние годы жизни царя разразились неурожаи и, как следствие этого, голод. Крестьянство, посадские люди все больше выражали недовольство политикой петровского правительства. В довершение всего осенью 1724 г. Петербург испытал сильнейшее наводнение, стоившее стране также немалых финансовых потерь. Бегство крепостных людей из сел и деревень, а также с заводов приобретало поистине массовый характер. Дворяне требовали от правительства ужесточения сыска беглых.

Дворянство тоже стало проявлять недовольство существующим положением вещей. Обязанные выполнять пожизненную службу в армии, на флоте, в государственном аппарате, дворяне на долгое время отрывались от своих владений, перепоручали их управителям. Имения приходили в расстройство, и дворяне все чаще обращались к правительству с просьбой если уж не ослабить службу, то хотя бы предоставлять им длительные отпуска для поправки своих хозяйственных дел. В челобитной царю один из них жаловался, что он уже семь лет не бывал в своем имении, которое полностью разорилось.

После смерти Петра I подняло голову духовенство, среди которого все чаще слышались разговоры о том, что государство устроило фактический грабеж церковных богатств. Ожила и старая знать — Голицыны, Шереметевы, Долгоруковы и другие представители старой аристократии, которые так и не смирились с тем, что новая знать оттеснила многих из них от трона, от влияния в стране. С ними объединились и Лопухины, родственники постриженной в монахини первой царицы. Позиция этой группы становилась с каждым днем сильнее, потому что единственным законным наследником престола оставался внук Петра I и сын царевича Алексея Петр Алексеевич. Но самым, пожалуй, тяжелым и непредсказуемым петровским наследием стало создание в стране системы неограниченной власти правителя, системы абсолютистского государства.

Понятно, что и сподвижники Петра, и гвардия, и дворянство в целом поддерживали Петра и стали огромной силой. Ведь именно они — исполнители монаршей воли, проводники его политики, его мощной вооруженной силы. Беспрекословно послушные самодержцу, они несли в себе мощь

его абсолютной власти. Петр породил силу, с которой мог справляться только он. Но эта сила со временем, кроме него, стала признавать только себя. Абсолютизм породил вседозволенность для фаворитов, гвардии, дворянства.

Все это и выявилось в первые же минуты после смерти царя.

Его тело еще не успело остыть, как в соседней комнате был совершен первый в XVIII в. дворцовый переворот. Смысл его заключался в том, что гвардия, опираясь на силу штыков, совершила свой выбор правителя и поддержала «птенцов гнезда Петрова», как называл А. С. Пушкин ближайших сподвижников царя, и в первую очередь Меншикова. Именно они решили судьбу трона. Верные им гвардейские полки окружили Зимний дворец, где жил в зимнее время и умер царь. Гвардейские офицеры вошли в комнату, где заседали вельможи. Тем самым сразу же заблокировав доступ сюда сторонникам Петра Алексеевича, представителям старой знати, которые вынашивали план заключить Екатерину и ее дочерей в монастырь и привести вместе с Петром II к управлению страной старую аристократию. В ту же ночь гвардейцы, несмотря на сопротивление некоторых вельмож, провозгласили правительницей России императрицу Екатерину Алексеевну, которая вошла в русскую историю под именем Екатерины I. Так бывшая прачка стала государыней могущественной империи в Европе. Вместе с ней к власти пришла когорта сподвижников Петра во главе с Меншиковым, который всегда был любимцем Екатерины. К тому времени в его руках уже была сосредоточена огромная власть: президент военной коллегии, генерал-губернатор Петербурга, генерал-фельдмаршал, вице-адмирал, подполковник Преображенского полка — армия, флот, основные рычаги управления страной находились в его распоряжении. «Полудержавный властелин», как называл его А. С. Пушкин, при новой власти стал властелином полным. Все его преступления и растраты были прощены.

События 1725 г. открыли в России череду дворцовых переворотов. Закончилась петровская эпоха фанатичного служения Отечеству. Теперь на первый план все чаще выходили личные интересы, борьба самолюбий, личные амбиции правителей и их фаворитов. В этой «закрытой системе» в основном шла борьба за власть, за место под солнцем. Верхи общества также устали от постоянного напряжения и окрика Петра.

Для поддержки императрицы образован новый высший орган управления страной — Верховный тайный совет. Туда вошли семь вельмож, соратников покойного царя, во главе с Меншиковым. Теперь без ведома и одобрения Совета не мог быть принят ни один указ в стране. Ему подчинялась деятельность коллегий. Власть петровского Сената померкла.

Сразу же Меншикову и другим «верховникам», как их стали называть в правящих кругах, пришлось столкнуться с тяжелейшими проблемами. Надо было что-то делать с усталой от постоянного напряжения, разоренной страной.

Законы истории показывают, что после ухода из жизни сильных и деспотичных государственных фигур, круто ломавших жизнь своих стран, повсюду наступало своеобразное «похмелье». Люди стремились расслабиться, снять то страшное напряжение и давление, которое они испытывали

в течение долгих лет. В противном случае страна могла встать на край катастрофы — восстаний, внутриполитической борьбы, распада. Так уже было после смерти Ивана Грозного, когда страна оказалась ввергнутой в Смуту.

Формально преобразования Петра I продолжались. Екатерина закончила снаряжение экспедиции Беринга, и тот вскоре отплыл к берегам Камчатки, был подписан указ о создании Академии наук. Но соратники покойного монарха все чаще пересматривали его политику. Была сокращена подушная подать с крестьянства. Отныне запрещалось использовать армейские части для выбивания недоимок с обедневших налогоплательщиков. Новая власть облегчила дворянам их служебные обязанности. Начал обсуждаться вопрос о сокращении расходов на армию и флот. Происходит реформирование местного управления: сокращаются дублирующие друг друга органы власти, ликвидируются Главный и городские магистраты. Власть на местах снова передается воеводам — уездным, провинциальным, губернским. Над ними стоит губернатор. Это действительно приводило к экономии средств и упрощало управление. Но возврат к всевластию воевод осложнял государственный контроль. Местное население, особенно торгово-промышленные слои, попадали вновь под произвол возродившихся местных «царьков».

Все чаще и чаще звучит скрытая критика различных петровских преобразований. Страна постепенно начинает приходить в себя после напряжения предшествующего царствования.

Меняется и сам стиль жизни двора. Тело царя только-только похоронили, а в Петербурге началось веселье, Екатерина с головой окунулась в развлечения. Балы следовали за балами. Пышные и долгие застолья сменялись танцами, фейерверками, прогулками по ночному Петербургу. Екатерина, как говорится, прожигала жизнь. Все чаще ее организм не выдерживал такого бешеного ритма. Она слабела на глазах.

Мальчик на троне. Падение Меншикова. Екатерина I ненадолго пережила своего супруга. В 1727 г. императрица умерла. Перед кончиной согласно закону о престолонаследии она назвала своего преемника. Им стал единственный оставшийся в живых Романов по мужской линии — одиннадцатилетний Петр Алексеевич, который взошел на престол под именем Петра II.

Однако в завещании говорилось, что полноправным правителем Петр II может стать лишь по вступлении в совершеннолетие, т. е. с 16 лет. А пока он будет находиться под контролем коллективного регента — Верховного тайного совета.

Этому решению не противился Меншиков, надеявшийся породниться с царем, выдав за него свою дочь. Юного монарха поддержала и старая знать, в частности князья Голицыны и Долгоруковы.

В первые месяцы правления царя-мальчика влияние Меншикова достигло своего пика. Ближайший соратник Петра I, по существу, стал единоличным регентом государства. Он перевез царя в свой дворец, установил над ним жесткую опеку. Вскоре стали осуществляться все планы светлейшего князя. Произошло обручение его дочери с Петром II, ее имя стали упоминать в церквах наряду с именами царственных особ. Меншиков по-

лучил титул генералиссимуса, к которому давно стремился. Указом царя ему также присвоено звание полного адмирала: Меншиков почти бесконтрольно начинает пользоваться своим положением, увеличивая и без того баснословные богатства. Непомерное тщеславие и корыстолюбие все сильнее проявляются в его натуре, что множит ряды его недоброжелателей.

Меншиков попытался обезопасить себя от противников, заседавших вместе с ним в Верховном тайном совете, а также от других влиятельных лиц.

Первыми жертвами Меншикова стали его верные союзники, тем самым он ослабил свои позиции и насторожил других. Постепенно против него начинает спланиваться вся придворная знать.

Власть кружит голову. Постепенно Меншиков потерял чувство меры и чувство опасности. Это выявилося прежде всего в том, что воспитателем к мальчику Петру II он назначил своего, как ему казалось, верного соратника барона Андрея Ивановича Остермана (1686—1747).

Приехав в Россию на службу из германских земель в начале века молодым переводчиком, Остерман за счет своих способностей, ловкости, связей дослужился до должности вице-канцлера Российской империи. В его руках находились все дипломатические дела. Здесь ему не было равных.

Однако Остерман сразу же вошел в контакты с противниками Меншикова, начал предавать своего благодетеля. Он стал постепенно внушать Петру мысль, что Меншиков узурпирует его власть, ограничивает его свободу.

Одновременно на Петра II оказывал сильное влияние его друг, юный князь Иван Долгорукий. Он услаждал юного царя охотой, застольями, карточными играми, разного рода развлечениями. За спиной Ивана стоял весь клан честолюбивых и хищных князей Долгоруких.

К 13—14 годам Петр II был уже рослым, молодым красавцем, который увлекался женщинами. Про него говорили, что он обладал жестоким сердцем и посредственным умом. Современники отмечали также его огромное властолюбие.

Меншикову все труднее стало удерживать юного монарха под своим контролем.

Вначале Петр II объявил, что он больше не нуждается в помощниках и будет как самодержец руководить страной. Потом он покинул дом Меншикова и переехал в царский дворец в Петергофе.

Наконец Петр II объявил о своем намерении жениться на сестре Ивана Долгорукого Екатерине. Здание, которое так долго и с таким трудом строил Меншиков, вмиг разлетелось, как карточный домик. По настоянию Петра II двор переехал в Москву. Рядом с царем появилась его бабка, монахиня Елена, ссыльная первая жена Петра I Евдокия Лопухина. Теперь все чаще преобразования Петра I подвергаются не только критике, но и осмеянию. Старомосковская знать все теснее спланивалась вокруг юного царя.

Все решила тяжелая болезнь Меншикова. Когда он поправился, то обнаружил, что власть вовсе ушла у него из рук. Царь и члены Верховного тайного совета стали избегать встреч с ним. У Меншикова была возможность все повернуть по-другому. Для этого стоило ему как президенту Во-

енной коллегии появиться в Петербурге и поднять по тревоге свои верные гвардейские полки. Но надломленный болезнью и неудачами, он не сделал этого.

8 сентября 1727 г. Меншиков получил приказ царя оставаться под домашним арестом. Началось падение долголетнего фаворита.

Оно было стремительным и глубоким. В доме светлейшего князя был произведен обыск. Он был лишен всех чинов и званий. У него даже отняли все его российские и иностранные ордена, в том числе полученные за победы в Прибалтике, под Лесной, под Полтавой, в Польше и Померании. Имущество Меншикова было конфисковано. Ему предписали вначале выехать в одно из его многочисленных владений. А позднее определили вместе с семьей ссылку в Сибирь, в село Березово.

Россия все дальше уходила от свершений и планов грозного преобразователя. Петр II объявил о прекращении кораблестроения на Балтике. Новое правительство, во главе которого стояли Долгорукие и Остерман, предприняло некоторые дальнейшие шаги по оздоровлению подорванной экономики России.

Россия стремилась не втягиваться в военные конфликты. Мирный период в жизни страны постепенно привел к возрождению народного хозяйства, оживлению промышленности и торговли.

При Петре II был ликвидирован Преображенский приказ, орган политического сыска и преследования противников Петра I. Правительство объявило необходимость усиления борьбы с разбоями, грабежами. Резкой критике подвергались проволочки с судебными разбирательствами. Но дальше призывов и пожеланий дело не шло.

Новое правительство не сделало ни малейшего движения в сторону гражданского общества, в сторону личных свобод населения, ослабления крепостного права, ограничения самодержавия, внесения хотя бы каких-то начал выборности власти. В этом смысле ближайшие преемники Петра I — и Екатерина и Петр II шли полностью по стопам первого императора России.

В то же время царь и правительство больше развлекались, нежели работали, Россия, которая за последние десятилетия привыкла к сильной руке, практически оказалась без хозяина. Недаром один из иностранных наблюдателей писал о состоянии страны: «Огромное судно, брошенное на произвол судьбы, несется, и никто не думает о будущем».

А в Москве полным ходом шли приготовления к свадьбе царя. В старую столицу съезжались представители знати. Однако случилось неожиданное: за несколько дней до свадьбы юный император простудился и слег в постель. Его организм, надорванный излишествами, не выдержал испытания, и через несколько дней Петр II скончался. Ему было 14 лет.

Перед его смертью Долгорукие попытались объявить наследницей престола обрученную невесту — Екатерину Долгорукую. Было даже заготовлено подложное завешание на этот счет Петра II, чью подпись искусно подделал Иван Долгорукий. Но гвардия не поддержала этих сумасбродных проектов. Однако они указывали, до какого разложения и аморальности дошли руководители страны в послепетровское время.

«Верховники» берут власть. Сразу же после смерти Петра II в соседней комнате собрались члены Верховного тайного совета. Этим вельможам, большинство из которых в это время уже принадлежало к старым аристократическим фамилиям, надлежало определить будущего правителя России. В их число входили канцлер и вице-канцлер, два фельдмаршала, другие видные сановники.

Заседание вел старший по возрасту князь Дмитрий Михайлович Голицын, который привлекался к следствию по делу царевича Алексея, но был Петром I прощен.

Поскольку прямого наследства по мужской линии у династии Романовых не оставалось, речь встала о наследовании по женской линии. Среди возможных кандидатур сразу же были отклонены дочери Петра I Анна (а значит, и ее сын Петр) и Елизавета, поскольку их мать императрица Екатерина I, была «подлого» происхождения. Русская родовитая аристократия этого не забыла и не могла простить Петру I его выбора. Теперь сила была на их стороне, и они диктовали стране свою волю. Оставались дочери сводного брата Петра Ивана Алексеевича. Верховники остановили свой выбор на 37-летней вдовствующей герцогине Курляндской Анне Иоанновне (1693—1740).

При этом верховники поставили вопрос о «воле» для российской элиты. Тем самым они сформулировали, по существу, программу политического переустройства России, ее перехода от самодержавной формы правления к олигархической, когда бы власть оказалась в руках Верховного тайного совета, верхушки российской аристократии. Для России это был бы шаг вперед по пути цивилизационного развития, постепенного освобождения от самодержавных пут, которые в это время уже начинали тормозить развитие страны.

Момент был выбран самый подходящий, на престол могла вступить слабая, не имеющая, кроме верховников, своих сторонников правительница. Казалось, сама судьба шла навстречу интересам России.

На другой день они объявили о своем решении сенаторам и генералитету, но утаили о намерении ограничить самодержавную власть. Тут же они приступили к выработке кондиций, т. е. условий (от латинского *condition* — условие) приглашения на российский престол Анны Иоанновны.

Во-первых, они требовали, чтобы новая правительница не вступала в супружество и не назначала себе преемника. А это означало, что в России прекращала свое существование наследственная монархия и осуществлялся переход к выборной монархии. Во-вторых, правительница должна была в ключевых вопросах жизни страны не принимать решения без ведома и согласия Верховного тайного совета. Это означало подлинное ограничение самодержавной власти. Оно не только теряло наследственные функции, но и значительный объем своих полномочий.

Что же собой представляли эти ключевые вопросы, где правительница была не вправе единолично принимать решения?

Императрица не могла впредь объявлять войну и заключать мир, отягощать подданных новыми налогами, представлять к воинским званиям выше звания полковника. Отныне гвардия и другие армейские части пере-

ходили в ведение Верховного тайного совета. Без суда правительница не могла отнимать у дворян имения и имущество, что так любил делать Петр I, и по своей воле предоставлять им вотчины и земли, населенные крестьянами. Анну Иоанновну также обязывали не возвышать в придворные чины дворян без ведома Совета. Очень важным условием стало требование представить бюджет страны (доходы и расходы) под контроль верховников.

В заключение кондиций стояла грозная фраза: «А буде чего по сему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны Российской».

На следующий день в Кремлевском дворце верховники официально объявили российской элите о кончине императора и об избрании новой правительницы. На вопрос, согласны ли они с этим, собравшиеся единогласно поддержали предложение. Так верховники обставили свое решение поддержкой «общества». О кондициях снова не было сказано ни слова. План верховников был прост: представить Анне Иоанновне кондиции как решение широкого собрания представителей российского «общества», как волю «народа», а затем самому «обществу» представить кондиции, уже подписанные императрицей. Если бы этот план удался, царская власть в России, как и в Англии, Швеции, Голландии, превращалась бы в формальный, традиционный институт. Реальная власть переходила в руки аристократии. Россия пошла бы по пути ряда западных стран без революций и потрясений.

Не случайно во главе верховников стоял умный, просвещенный, хорошо знающий политические порядки в Швеции и Англии Д. М. Голицын.

Однако в России не все было так просто. Самодержавие глубоко вошло в сознание страны. Сторонниками самодержавной власти были большинство среднего и мелкого дворянства, гвардия, бюрократия, значительная часть еще живых и сильных сподвижников Петра I.

Секрета сохранить не удалось. В тот час, когда представители верховников выехали из Москвы в Митаву с кондициями на руках, туда же поскакали курьеры противников Верховного тайного совета. И когда Анна Иоанновна брала кондиции, она уже знала о том, что они не отражают волю «общества», а являются лишь мнением узкой группы аристократов.

С легкой душой она подписала кондиции и стала собираться в Москву. А там, после получения подписанного Анной Иоанновной документа, верховники собрали совещание высших чинов государства (Сенат, Синод, генералитет, президенты коллегий). И зачитали кондиции, выдав их за инициативу самой Анны Иоанновны. В ответ — «дивное было всех молчание», как писал об этом современник. Присутствующие были ошеломлены. В этот момент счастливый от переполнявших его чувств Д. М. Голицын поблагодарил Анну Иоанновну за «благодетельство» и сказал: «Отсель счастливая и цветущая Россия будет». Для умиротворения дворян верховники обещали отменить закон о единонаследии и открыть военное училище, окончив которое дворянские дети сразу же имели право быть зачисленными в армию офицерами, а не солдатами, как того требовал Петр I.

Казалось, что очередной дворцовый переворот, организованный на сей раз Верховным тайным советом, удался и Россия вступила действительно на новый путь развития.

Переворот самодержавной партии. Однако Россия не была готова к такому повороту событий, которые ей уготовила кучка просвещенных аристократов. Оказалось, что проект верховников взбудоражил все дворянское сословие. Москва бурлила. Дворяне, съехавшиеся на предполагавшуюся свадьбу Петра II, активно участвовали в разворачивающихся событиях. Они собирались группами, выдвигали свои встречные проекты переустройства страны. Одновременно в дворянских кругах чувствовалось влияние западных порядков и традиций, в частности политического устройства Швеции, где абсолютизм был ликвидирован и страной руководил парламент, а монарх оставался формальной фигурой. Через распахнутое Петром I окно в Европу дул свежий ветер новых политических идей. Так российские антисамодержавные традиции сомкнулись с политическими веяниями Запада.

В дворянских проектах, выдвинутых на этих собраниях, выражалось согласие на ограничение самодержавной власти. Но прогрессивные дворяне шли дальше: они предлагали либо уничтожить, либо значительно расширить состав Верховного тайного совета, возвысить роль Сената, сделать его выборным органом, а также дать возможность «обществу» выбирать и другие руководящие учреждения страны, и в частности президентов коллегий. Одновременно дворяне требовали себе льгот — отмены закона о единонаследии, ограничения срока службы. В некоторых проектах речь даже шла о формировании «высшего правительства» и «нижнего правительства», т. е. парламента, об учреждении контроля над органами политического сыска, о создании выборного дворянского учредительного собрания, которое и должно определить будущее государственного устройства России. Таким образом, просматривались некоторые демократические начала. Страна практически оказалась на грани мирной революции. Проекты дворян собирали сотни подписей, ибо они шли дальше верховников, хотели вольностей не для узкой группы аристократов, а для целого сословия. Однако об отмене крепостного права в этих проектах не было ни слова. До этого российская общественная мысль еще не доросла.

Верховники растерялись. Они пытались лавировать, но во что бы то ни стало сохранить захваченную ими власть, найти компромисс между условиями и дворянскими проектами, благо и те и другие были против самодержавия.

А в это время в политической жизни России нарастала новая грозная сила — в дворянской среде все более утверждается «самодержавная партия». Ее основной пружиной, как и прежде, являлись гвардейские полки, правительственная бюрократия, часть дворянства, ненавидевшая зарвавшихся вельмож. В этой среде стал вырабатываться свой проект государственного устройства России. Он содержал требования уничтожения Верховного тайного совета, ликвидации кондиций, восстановления в России неограниченного самодержавия, возрождения власти Сената такой, какая она была при Петре I. Для этой группы петровский абсолютизм оставался идеальным образцом управления Россией.

Обо всем этом Анна Иоанновна имела полную информацию.

В Москве, в Кремлевском дворце, во время переговоров Анны Иоанновны с верховниками и дворянами, одни из которых стояли за соблюдение кондиций, а другие — за дальнейшее расширение дворянских вольностей, в соседнем зале появились гвардейские офицеры. Они заявили, что «переломают кости» всем, кто будет посягать на самодержавную власть императрицы. Повторилась ситуация, которая возникла в ночь смерти Петра I и возведения на престол Екатерины I. Анна Иоанновна вышла к разбушевавшимся гвардейцам. Тут же появилась новая челобитная, где говорилось, что дворяне просят «всемилоостивейше» Анну «принять самодержавство» и уничтожить кондиции.

Далее следовали 166 подписей и стояли слова «В.и.в. [Вашего императорского величества] всенижайшие рабы».

Анна Иоанновна потребовала принести кондиции и на глазах зала разорвала их.

Так закончилась первая серьезная попытка ограничить самодержавие в России. Гвардия совершила очередной государственный переворот. «Рабы» хотели иметь самодержавную правительницу, чтобы самим управлять страной и своими «рабами», т. е. крепостными крестьянами.

Правление Анны Иоанновны. С появлением на троне Анны Иоанновны продолжилось наступившее после смерти Петра I «безвременье», т. е. невыразительный, унылый период, когда у власти появились люди, которые думали в первую очередь о своей собственной судьбе и были глубоко равнодушны к судьбам России. Анна Иоанновна стала ярким олицетворением этого периода в жизни страны.

Полуобразованная, глубоко провинциальная женщина взойшла на трон великой державы при противодействии значительной части знати и широких кругов дворянства.

Прежде всего она постаралась окружить себя преданными и близкими ей людьми. Из Курляндии немедленно был вызван ее обер-камергер Эрнст Иоганн Бирон, ее фаворит, в которого она была влюблена всю жизнь. Он не занял в России какого-то поста, но с тех пор постоянно находился рядом с царицей и направлял фактически все ее действия. Человек представительный и красивый, неглупый, достаточно образованный (он даже учился некоторое время в Кенигсбергском университете), Бирон не стремился быть на виду, держался в тени. Но через верных людей, приехавших из Курляндии, которые заняли в России при поддержке царицы крупные посты, а также через русских сторонников царицы и своих личных выдвиженцев, он практически держал в руках все нити управления. При этом вся его политика была направлена на сохранение того порядка вещей, который сложился после восшествия на престол Анны Иоанновны. Коренные интересы России Бирону как иностранцу были чужды. Российские проблемы не тревожили его сердце. Под стать ему были и другие иностранцы, пришедшие к власти вместе с Анной Иоанновной.

Во главе правительства стоял А. И. Остерман, во главе армии — фельдмаршал Бурхард Кристоф Миних, приглашенный на службу в Россию еще Петром I. Боясь российских дворян, Анна Иоанновна поставила выходцев из немецких земель во главе гвардейских полков. А для своей личной воен-

ной опоры создала еще один гвардейский полк — Измайловский — по названию села, где она прожила значительную часть жизни.

Анна Иоанновна довольно быстро рассчиталась со своими врагами. Верховный тайный совет был уничтожен. Вместо него появился Кабинет, состоящий из трех человек. Ведущая роль в нем принадлежала беспринципному и хитрому А. И. Остерману. Был воссоздан петровский Сенат в расширенном составе. Уничтоженная после смерти Петра I Тайная канцелярия, как орган политического сыска и политических преследований противников, вновь появилась на свет. Место ее пребывания определили в Петропавловской крепости, куда и свозили впоследствии на допросы и пытки всех подозреваемых. Во главе Тайной канцелярии встал человек, верный новой императрице.

Поначалу обласкавшая и Д. М. Голицына и Долгоруких (нельзя же было начинать царствование с расправ), Анна Иоанновна по настоянию Бирона и Остермана постепенно оттеснила своих недоброжелателей. Д. М. Голицын потерял все свои посты, а впоследствии по сфабрикованному обвинению предстал перед судом, был приговорен к смертной казни. Императрица помиловала его и заменила казнь пожизненным заключением в Шлиссельбургскую крепость, куда и отправили семидесятилетнего, тяжело страдавшего подагрой и еле передвигающегося с помощью костылей вельможу. Там он и умер.

Долгоруких поначалу разослали по своим имениям, а потом почти всех под караулом отправили в Березово, где еще недавно томился сосланный по их проискам Меншиков. Позднее друг Петра II Иван Долгорукий был доставлен оттуда в Тайную канцелярию и после допросов и жестоких пыток казнен.

Для упрочения своего положения среди дворянства Анна Иоанновна вынуждена была провести ряд мероприятий. Наконец-то дворяне получили долгожданное право на ограничение срока службы. Он был установлен в 25 лет, после чего они могли выходить в отставку. Это — первый шаг освобождения дворянства от тяжелой «петровской неволи». Вторым шагом стала отмена закона о единонаследии имений. Теперь их можно было дробить между сыновьями. Одновременно вотчины окончательно были уравнены с поместьями и должны были именоваться «имение — вотчина». Третий шаг — создание кадетского корпуса, откуда дворянские дети сразу же выходили в армию офицерами и не должны были, как при Петре, тянуть солдатскую ляжку.

Все это несколько успокоило дворянское сословие и примирило его с властью.

Новое правительство пошло навстречу и промышленникам: старые порядки обеспечения предприятий крепостным трудом подтверждены. Более того, Анна Иоанновна разрешила предпринимателям покупать к своим заводам крестьян и без земли. Сфера крепостного труда в экономике тем самым расширилась.

Некоторые изменения были проведены в сфере местного управления. Отовсюду поступали сообщения, что «многие воеводы как посадским и уездным [крестьянам] людям чинят великие обиды и разорения... берут

взятки». По указу царицы отныне воеводы должны были сменяться каждые два года и при этом отчитываться перед Сенатом о доходах и расходах. Если их управление будет признано добросовестным, то они могут быть на воеводстве еще один срок. Если же контролеры обнаружат злоупотребления, то за этим следуют отставка и судебное разбирательство.

Правительством делались вялые попытки организовать борьбу с казнокрадством и взятками, судебной волокитой.

Время Анны Иоанновны иногда называют бироновщиной. Это означает, что многие сферы управления страной были проникнуты влиянием императорского фаворита. Анна Иоанновна и Бирон на все ключевые посты в стране расставляли преданных им людей. Такими людьми зачастую становились выходцы из немецких земель, в частности из Курляндии. Но определенное число сторонников Бирона представляли и русские вельможи, и дворяне. Поэтому нельзя связывать бироновщину только с засильем лиц немецкого происхождения. Скорее это был тесно связанный друг с другом клан, люди там были преданы своему лидеру на личной основе. В основе же личной преданности находились, как правило, материальные интересы: ключевые посты в правительстве, в армии, в местном управлении, которые обеспечивали высокие доходы, возможность использовать свое служебное положение в целях обогащения (получение взяток, расхищение государственной казны).

Но это вовсе не значит, что люди Бирона захватили все основные должности в государстве. Фавориту противостояли другие сильные государственные фигуры, в том числе и из немцев. Так, скрытое соперничество существовало между Бироном и Остерманом, между Бироном и фельдмаршалом Минихом. Немцы шли против немцев. В то же время, чтобы противостоять тому же Остерману, Бирон добился от Анны Иоанновны включения в состав Кабинета своего сторонника, известного сподвижника Петра I, дипломата и бывшего астраханского и казанского губернатора Артемия Петровича Волынского, который на первых порах истово служил царскому фавориту.

В понятие «бироновщина» входит и создание в России сильного политического сыска, мощной репрессивной организации в лице Тайной канцелярии и целой системы доносчиков и соглядатаев по всей стране. Тайная канцелярия сосредоточилась на преследовании людей, которые хотя бы на словах выступали против императрицы и ее фаворита. Стоило кому-то сказать по поводу Анны Иоанновны «непотребное слово» или хотя бы намек обмолвиться относительно засилья Бирона или немцев в России, как тут же рядом вырастала фигура тайного сыщика. Следовал донос в Тайную канцелярию, излишне говорливого человека ждали следствие, пытки, а потом кнут, вырывание языка, ссылка в Сибирь, а то и смертная казнь.

Наиболее громким и беспощадным делом Тайной канцелярии стал процесс над А. П. Волынским и его сторонниками.

Прекрасный администратор Волынский вошел в силу при дворе: одно время именно он докладывал как кабинет-министр все дела, проекты новых указов Анне Иоанновне, оттеснил даже Остермана и насторожил тем самым своего покровителя Бирона. Оба влиятельных немца объединились

против Волынского и потребовали у императрицы его головы. Особенно неистовствовал Бирон, узнавший, что Волынский со своими сторонниками обсуждает вопрос о засилии немцев в России. Поначалу Анна Иоанновна не хотела выдавать Волынского на расправу, но Бирон настоял на своем. Волынский был арестован. Главные показания против него дал под пытками его собственный слуга. Он сообщил, что его господин говорил: «Государыня у нас дура, и как докладываешь, резолюции от нее никакой не добьешься, а ныне герцог [Бирон] что хочет, то и делает».

Этого оказалось достаточно для расправы. А. П. Волынский был казнен, его сторонники также сурово наказаны.

Начиная со второй половины 30-х гг. Анна Иоанновна все меньше занимается государственными делами. Теперь она зачастую выходила из себя, когда ей докучали бумагами. Зато ее тяга к развлечениям, страсть к роскоши расцвели пышным цветом. Балы, маскарады, торжественные обеды и ужины по любому поводу, иллюминации и фейерверки сменяли друг друга. А в перерывах между развлечениями императрица либо проводила время со своим фаворитом, либо в своих палатах играла в карты, слушала сказительниц и просто умелых рассказчиц, до которых была охоча. Часто она брала ружье и стреляла прямо из окон своей комнаты по птицам, сидящим на ветках. Надо отдать ей должное: стрелком Анна Иоанновна была превосходным.

Когда ей пошел пятый десяток, Анна Иоанновна превратилась в расплывшуюся, ленивую, подозрительную и жестокую особу.

Между тем страна погружалась в пучину разорения. Казна расхищалась и истощалась. На содержание двора, оплату всех развлечений и чудачеств уходило денег в пять-шесть раз больше, чем при Петре I. Государственным служащим и армии временами переставали платить деньги.

Народ, придавленный налогами, нишал еще более. Но это никого не заботило. Более того, в середине 30-х гг., стремясь поддержать положение великой державы и удовлетворить амбиции Анны Иоанновны, ее фаворита и ближайшего окружения, Россия ввязалась в войны с Польшей и Турцией, которые еще больше подорвали финансовое положение страны.

Война с Польшей разгорелась после смерти короля Августа II, русского ставленника на польском троне, когда Франция, Швеция и Турция попытались посадить на польский престол Станислава Лещинского. Он издавна был известен своей ненавистью к России. Теперь его сторонники стремились помешать утвердиться в Польше сыну покойного короля Августу III. Вскоре русский корпус при поддержке Австрии вторгся в Польшу. Поводом стала ни больше ни меньше «защита польской конституции».

Русские захватили Варшаву и двинулись на Гданьск. Август III получил польскую корону, а слабеющая Польша осталась в политической зависимости от Российской империи.

И тут же русские части стали готовиться к походу на юг. Началась война с Турцией. Причина ее заключалась в обострившейся борьбе двух держав из-за Закавказья и южного берега Каспийского моря, захваченного Петром I у Персии. Кроме того, Россия давно уже вынашивала планы возвращения Азова, выхода к черноморским берегам и на Балканы. Прутская

катастрофа 1711 г. развеяла эти мечты. Но российские политики не забывали об этом. И теперь, кажется, наступил удобный момент.

Южный берег Каспия Россия не могла удержать из-за дальности расстояния, непривычного климата, в котором болели и гибли русские солдаты, враждебности местного населения. В середине 30-х гг. эти территории были возвращены дружественной Персии, а вскоре туда вторглись турецкие войска. Такого усиления Турции на своих южных границах Россия не могла потерпеть.

Военную кампанию против Турции возглавил фельдмаршал Миних. Посредственный военачальник, но честолюбивый и амбициозный человек, он вознамерился не только победить Турцию, но и отнять у нее Крым.

Пять лет тянулась эта война. Русские войска одновременно атаковали Азов и наносили удары по Крыму. В тяжелейших знойных переходах Миних повторил военные походы В. В. Голицына — те же огромные потери, то же безводье, болезни солдат. Но результат был другой, потому что было другое время, другая армия.

В ходе военных кампаний русские войска овладели Азовом, преодолели Перекопский перешеек и ворвались в Крым. Была захвачена и сожжена дотла ханская столица Бахчисарай. В последующих военных операциях русские овладели сильной крепостью Очаков в устье Днепра, а затем вышли на Прут и там одержали ряд побед.

Ошеломленная Турция запросила мира. Но и у России более не было сил продолжать войну. Результаты мирного договора оказались скромными. Россия обязалась вернуть все захваченные крепости, но все-таки сохранила за собой Азов. И это стало началом долголетней и тяжелой борьбы с Турцией за овладение берегами Черного моря и Крымом.

Дворцовые перевороты 40-х гг. На рубеже 30—40-х гг. XVIII в. Россия находилась в состоянии глубокого экономического, политического и морального кризиса. Финансы страны не выдерживали расточительства двора, дорогостоящих и малорезультативных войн. Ситуация обострялась в связи с созданием в стране обстановки страха, подозрительности, доносов и репрессий. Люди не доверяли друг другу. Императрица вообще прекратила заниматься делами управления. Немецкое засилье ощущалось все явственнее. Все это возмущало значительную часть русской знати, не связанной с Бироном и его сторонниками. Негодовали гвардейские офицеры, которым надоело подчиняться иностранным командирам.

Положение осложнилось в связи с тяжелым заболеванием Анны Иоанновны. Встал вопрос о наследовании престола. В связи с тем, что потомства у императрицы не было, пришлось вновь выбирать наследников на стороне. Анна Иоанновна остановилась на двухмесячном сыне своей племянницы. Эта племянница — Анна Леопольдовна была дочерью ее сестры и одного из немецких князей. Она вышла замуж за принца брауншвейгского Антона Ульриха. У этой четы, которая уже долгое время обреталась в России и жила на попечении Анны Иоанновны, родился сын Иван Антонович (1740—1764). Вот его-то и определила императрица в свои преемники. Сделано это было неслучайно. Во-первых, Анна Иоанновна передавала престол своим ближайшим родственникам по линии царя Ивана, а не Пет-

ра, хотя имелись наследники и по петровской линии — его дочь Елизавета (1709—1761) и 12-летний сын другой дочери Петра I Анны Петровны, который также носил имя своего деда — Петр. Во-вторых, Бирон стремился сохранить власть в России и стать регентом при грудном младенце. Именно он настаивал на кандидатуре Ивана Антоновича. Тот мог стать полноправным правителем, согласно завещанию Анны Иоанновны, лишь с 17 лет. А до этого времени за него должны были страной управлять другие.

Но, определившись с наследником, больная Анна Иоанновна никак не могла назначить регента. Бирон и близкие к нему люди настаивали на кандидатуре фаворита. Но при дворе были свои люди у Антона-Ульриха и Анны Леопольдовны. Они, как родители, также претендовали на то, чтобы участвовать в регентстве. Императрица колебалась. Завещание она держала под подушкой и умирать не собиралась. И только тогда, когда врач объявил ей, что ее часы сочтены, она вписала в завещание имя Бирона.

Так к власти в России пришел иностранец, не имеющий никакого отношения ни к династии, ни к России. Его выступление из тени на яркий свет политической сцены России вызвало возмущение, во-первых, «брауншвейгского семейства» — отца и матери императора-младенца. Во-вторых, против возвышения Бирона выступили другие влиятельные немцы, и в первую очередь Остерман и Миних. В-третьих, такое решение вопроса с престолонаследием возмутило русскую знать и гвардию. Теперь казалось, что засилью немцев в России не будет конца. Таким образом, против Бирона объединились все. Сам же он после смерти Анны Иоанновны (1740 г.) лихорадочно стремился укрепить свою власть: снизил подушную подать, чтобы заручиться благорасположением простого народа, издал указ о борьбе с роскошью при дворе, вернул из ссылки некоторых русских вельмож. Но все это не примирило его с обществом.

Вскоре созрел заговор. Его инициатором стал снова хитроумный Остерман, а исполнителем фельдмаршал Миних. Последний получил согласие Анны Леопольдовны стать регентшей при своем сыне. Тем самым участь Бирона была решена. Его регентство продолжалось лишь три недели.

В одну из ночей к Летнему дворцу, в котором жил Бирон со своей семьей, подошли 80 гвардейцев во главе с адъютантом Миниха. Они проникли в дом, обезоружили охрану, которая и не сопротивлялась, и подошли к спальне Бирона.

В эту ночь регент позабыл закрыть дверь на задвижку и отряд заговорщиков проник в комнату. Командир отряда окликнул спящего Бирона. Тот проснулся, сразу же все понял и поначалу стал звать на помощь и попытался спрятаться под широченную кровать. Но его выволокли оттуда. Бирон сопротивлялся, однако ему скрутили руки военным шарфом, в рот заткнули кляп, затем завернули в одеяло и бросили в карету. Скоро некогда все-сильного временщика доставили сначала в Александро-Невский монастырь, а оттуда уже утром отправили в Шлиссельбургскую крепость, где томилось немало жертв царского фаворита.

Анна Леопольдовна объявила себя правительницей. Бироновщина в России кончилась. Однако подлинное господство немцев в управлении

страной лишь укрепилось: теперь Анна Леопольдовна, герцог Антон-Ульрих, Миних, Остерман стали подлинным политическим ядром России. Между тем среди победителей начались свары. После переворота Миних посчитал себя обойденным. Постепенно Остерман все больше настраивал «брауншвейгское семейство» против Миниха. Наконец тот не выдержал подсиживаний и подал прошение об отставке. Оно было немедленно принято. Миних оказался под домашним арестом. Немцы победили немцев.

Победителем в этой борьбе оказался «вечный» Остерман, который одного за другим устранил с политической арены всех своих соперников. В его руках сходились теперь все нити управления страной, ее внешняя и внутренняя политика.

Победа группы «брауншвейгцев» и Остермана стала пиком владычества выходцев из немецких земель в России. Но они так и не сумели удержать плоды этой победы в своих руках. Во-первых, это были слабые государственные деятели. Анна Леопольдовна являлась хорошенькой ленивой особой, которая не хотела вникать в государственные дела. Ее муж Антон-Ульрих взял под начало все военные дела в стране, не обладая ни военными, ни организационными талантами. Выяснилось, что Остерман тяжело болен. Другие немцы, возглавившие коллегии, различные ведомства, мало что понимали в русских делах, порой не могли даже говорить по-русски и в основном использовали свои должности для личного обогащения.

А между тем все глубже намечался раскол между немецкой руководящей верхушкой и русским обществом. Русские вельможи лишь с большим трудом могли пробиться с государственными и своими личными нуждами на прием к правительнице. Это их возмущало. В гвардии шло брожение. Это делало позиции немецких временщиков зыбкими, непрочными. А в колыбели мирно спал в это время шестимесячный император Иван VI Антонович, не подозревавший, что за его младенческой спиной в стране накаляются политические страсти.

В конце ноября 1741 г., в глухую морозную ночь в расположение гренадерской роты Преображенского полка на легких санках подъехала Елизавета Петровна, цесаревна, как ее величали. Елизавета обратилась к уже ждавшим ее гренадерам: «Хотите следовать за мной, готовы ли умереть со мной, если понадобится?» Гренадеры дружно ответили: «Рады положить души наши за ваше величество и Отечество наше».

Так начался очередной дворцовый переворот 1741 г., приведший к власти младшую дочь Петра I Елизавету.

К этому своему решительному шагу Елизавета шла долгие годы.

Постепенно двор привык к тому, что Елизавета вовсе не претендует на власть. Успокоился даже сверхподозрительный Бирон. Однако Елизавета ждала своего часа. В глубине души она никогда не теряла надежды захватить трон.

И вот, кажется, ее время наконец наступило. Арест Бирона, приход к власти непопулярных в стране, а главное, среди гвардии «брауншвейгцев», Анны Леопольдовны и ее мужа, а также стоявшего за их спиной Остермана, беззастенчивое засилье немцев в управлении Российским государством, расшатало устойчивость власти.

Это время пробудило русское национальное самосознание, откровенное неприятие иностранного давления в России, обращение, как и в другие тяжелые времена, к русским национальным и государственным ценностям. Имя Петра I вновь засияло в ореоле славы и величия России, а вместе с этим с каждым днем росла популярность его «дщери» Елизаветы, не связанной с немецкими кланами и державшейся в стороне от дворцовых интриг.

К этому времени Елизавете Петровне исполнилось тридцать два года. Это была высокая, статная, красивая женщина с каштановыми волосами и прекрасными голубыми глазами. Она получила достаточное образование. Свободно говорила по-французски и немецки, отличалась изысканными светскими манерами, прекрасно танцевала, ездила верхом. В близком кругу она с удовольствием пела русские песни. Сохранились сведения о том, что она сочиняла стихи. Не связанная придворным этикетом, она была за просто вхожа к своим друзьям — гвардейским офицерам. Следуя традициям Петра I, Елизавета часто соглашалась быть крестной детей в гвардейских семьях, и многие гвардейцы шуточно именовали ее своей кумой. Свободная, независимая, красивая, она не скрывала своих сердечных увлечений, была весьма влюбчива. Среди ее избранников красавцы-гренадеры стояли на первом месте.

Этот облик ветреной, легкомысленной женщины также успокаивал ее противников, считавших, что Елизавета слишком увлечена личными делами. Однако они недооценивали того, что отношения цесаревны с гвардией, особенно с солдатами Преображенского полка, становились все ближе и ближе. Не учитывали они и скрытности Елизаветы, ее волевой, сильной натуры, ее потаенного неугасимого желания занять трон.

В готовящемся перевороте активное участие приняли и внешние силы. Французский посол и сам, и через своего друга француза — личного врача Елизаветы понуждал цесаревну к захвату престола. За спиной посла стояла не только Франция, но и Швеция, которые выступали против «немецкой партии» в России, поддерживавшей в европейской политике Австрию — противницу Франции. Шведы к тому же надеялись, что, поддержав Елизавету, они возвратят благодаря ей свои владения в Прибалтике. Посол обещал цесаревне значительную денежную поддержку на оплату полков и дал часть денег. Шведы открыли военные действия против «российско-немецкого» правительства в пользу истинной наследницы Петра.

Из казарм Преображенского полка на тех же санях, обмирая от страха, Елизавета в сопровождении всего восемнадцати гвардейцев двинулась на Зимний дворец. По пути, однако, к ней присоединялись все новые и новые группы гвардейцев. Скоро их число перевалило за 300. Отдельные отряды направились к домам Миниха, Остермана и других влиятельных немцев.

Гренадеры без помех проникли в Зимний дворец, так как там в карауле стояли солдаты Семеновского полка, с которыми они договорились накануне. «Брауншвейгская чета» была ночью застигнута врасплох. Ни правительница, ни ее супруг не сопротивлялись. Их вместе с младенцем — императором Иваном Антоновичем, которому было 1 год и 3 месяца, разместили в казематах Петропавловской крепости. Одновременно арестовали

Миниха и Остермана. Причем гвардейцы сорвали на них свою злобу: их избили, а затем также заключили в крепость.

Этой же ночью во дворец стали съезжаться представители знати с поздравлениями. Дворец засиял огнями.

На следующий день утром выстроенные на площади перед дворцом полки столичного гарнизона и гвардия присягнули новой императрице.

§ 2. Правление Елизаветы Петровны и стабилизация страны

Елизавета Петровна пришла к власти под лозунгами ликвидации немецкого засилья, создания русского правительства, возрождения в стране петровских традиций, обращения к русским национальным ценностям. Эти лозунги, как показали два десятилетия правления императрицы, касались лишь поверхностных сторон русской жизни. Положительно они действительно затронули лишь жизнь русской элиты, гвардии, дворянства. Но ведь в России в это время жили на огромных пространствах более 18 млн человек, принадлежащих к разным национальностям, разным вероисповеданиям. Их интересы вовсе не принимались во внимание при очередном дворцовом перевороте, как и при предыдущих захватах власти придворными кликами.

Свое царствование Елизавета Петровна начала, как и другие правители, вступавшие на трон в последние годы, с небольшого сокращения подушной подати. Это была очень ограниченная дань народным страданиям. Но вместе с тем при принятии присяги новой императрице крепостные крестьяне не допускались к важному государственному акту. За них присягу давали их господа. Так сразу четко была определена внутриполитическая ориентация нового правительства: крепостничество по-прежнему оставалось незыблемой основой российской жизни. Правда, Елизавета Петровна несколько ограничила применение крепостного труда в промышленности, так как его невыгодность все больше давала себя знать. Было ограничено право купцов на покупку крестьян к своим мануфактурам, предписывалось также сократить число «приписных» к заводам крестьян. Здесь жизнь диктовала некоторые перемены. И все же власть дворян над крестьянами не сократилась, а лишь возросла. В этом смысле Елизавета была истинной дочерью своего отца.

Новая власть тотчас же стала себя устраивать. Елизавета объявила о ликвидации старого Кабинета и учреждении нового императорского Совета. В его состав вошли как ее ближайшие сторонники, так и представители старой власти, поддержавшие новую императрицу. В новом правительственном Совете лидером стал опытный сановник, бывший соперник Остермана Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (1693—1766), вернувшийся из ссылки незадолго перед переворотом. Засияли старые русские фамилии — Трубецкой, Нарышкин, Черкасский, Куракин.

Все, кто устремился вслед за Елизаветой к Зимнему дворцу, а в основном это рядовые солдаты-преображенцы, недворяне, представители разных сословий, в том числе и крестьян, были возведены в дворянское звание и получили по 29 душ крепостных крестьян.

Одновременно начались расправы с представителями старой власти.

Идя на Зимний дворец, Елизавета поклялась, что она никого в свое царствование не будет наказывать смертной казнью. Слово свое императрица сдержала. Однако участь поверженных «немцев» была тяжелой. Поначалу Остермана, Миниха и еще нескольких человек после короткого следствия приговорили к смерти. Остермана даже возвели на эшафот, положили его голову на плаху и тут объявили о всемилостивейшем императорском прощении. Некогда всесильного вельможу отправили в тот же Березов, куда ранее он спровадил Меншикова и Долгоруких. Там он и умер. В ссылке оказались и другие приговоренные.

Что касается «брауншвейгской семьи», то поначалу было решено выслать их за границу и даже направили в Ригу для последующей отправки в Германию. Однако сторонники Елизаветы посчитали, что Иван Антонович, повзрослев, может выставить свои претензии на русский трон. Его имя могли бы также использовать и иностранные державы. Поэтому в Риге «семейство» арестовали и после некоторых пересылок отправили на север в Холмогоры, что близ Архангельска, где они и прожили свой век. Поначалу вместе с ними находился и малолетний свергнутый император. Однако позднее его перевели в Шлиссельбургскую крепость. Здесь он был в полной изоляции. Охранники даже не знали его имени. Они получили приказ убить узника при попытке к бегству.

Обратилась новая императрица и к возрождению и укреплению некоторых учреждений, созданных при Петре I. Так, сенат снова стал Правительствующим, т. е. главным после императрицы органом власти в стране. Он был пополнен русскими вельможами. Елизавета Петровна восстановила некоторые петровские коллегии, упраздненные прежде, а также Главный магистрат — одно из первых управленческих детищ Петра I. Террор в отношении русской знати и дворянства прекратился. Но Тайная канцелярия продолжала действовать. Через ее застенки во время правления Елизаветы Петровны прошло около 80 тыс. чел. Особенно свирепствовали тайные сыщики и доносчики против тех людей, кто допускал критические оценки в адрес императрицы или вспоминал о свергнутом императоре Иване Антоновиче. В общем добродушная и даже добрая Елизавета была беспощадна, жестока и мстительна в отношении своих личных врагов и тех, кто допускал против нее какие-либо выпады.

Армия и флот вновь оказались в центре внимания правительства. Елизавета поощряла строительство новых кораблей на Балтике и восстановила количественный состав русской армии, каким он был при Петре I. Продолжалось и укрепление правительственного аппарата. Новое правительство частично сократило его состав, но и усилило принцип единоначалия. Восстановило в прежнем объеме прокурорский надзор, усилило роль прокуроров, власть которых сознательно ослабляли Бирон и его сторонники, не желавшие над собой контроля со стороны государственных органов.

Время Елизаветы Петровны стало благоприятным для русского дворянства. Новая власть предоставила дворянам новые привилегии. Так, был сокращен срок государственной службы в армии, флоте, в системе управления. Дворяне получили право ссылать своих провинившихся крестьян в Сибирь; при этом они засчитывались в качестве отданных государству

рекрутов. Теперь дворяне могли также продавать своих крепостных крестьян другим лицам для отдачи их в рекруты.

Среди других дворянских привилегий и льгот появилась передача казенных заводов (в частности, уральской металлургии) дворянам, между тем как Петр передавал их лишь купцам. Была введена монополия для дворян на винокурение, что давало им колоссальные барыши. Вместе с тем правительство начало сокращать казенные торговые и промышленные монополии, справедливо считая, что свобода и конкуренция в этой области частных предпринимателей и торговцев лучше всего будет содействовать развитию экономики страны.

Сказанное выше позволило и современникам и историкам охарактеризовать время Елизаветы Петровны как спокойное, но консервативное, как период определенной разрядки, отдыха страны от насилий и ужасов бирюновщины, хотя самодержавная власть в России по-прежнему оставалась незыблемой, все мощные рычаги ее защиты и управления сохранялись.

Внутренняя политика. Благодаря усилиям елизаветинских сподвижников, некоторые из которых, вроде П. И. Шувалова, являлись людьми весьма просвещенными, были проведены некоторые назревшие меры в области экономики страны. Важным делом стала отмена внутренних таможен, которые непреодолимыми барьерами стояли на пути торговли. Таможни являлись местом взяток, поборов, злоупотреблений. Отныне дворяне, купцы, предприниматели, крестьяне свободно, без каких бы то ни было платежей могли перевозить свои товары по стране. Это сразу же ощутило сказало на развитии промышленности и торговли. Кроме того, был ликвидирован внутренний аппарат таможен, где процветали коррупция, взяточничество. Потерю денежных поступлений правительство компенсировало за счет повышения обложения иностранных товаров. Был разработан новый таможенный протекционистский тариф, защищавший отечественных промышленников. Здесь Елизавета также пошла по пути отца.

По инициативе правительства в России появились первые коммерческие банки. Но они были не частными, как на Западе, а государственными. Денежное обращение в стране власть держала под своим жестким контролем. Стабильное состояние Российского государства к середине XVIII в., определенные разумные реформы в области экономики привели к развитию промышленности, торговли. В стране возникли десятки новых металлургических заводов, а также суконных, парусно-полотняных, бумажных, текстильных мануфактур. Они строились не только в центре — в Петербурге и Москве, но и в Калуге, Воронеже, Ярославле, Серпухове, в городах Сибири. Некоторые бывшие села, где раньше практиковалось ремесленное производство тканей на дому, теперь обрели крупные производства и сразу перешли в статус городов — Иваново, Кинешма, Павлово. На новых предприятиях все чаще применяется труд вольнонаемных рабочих, хотя в уральской металлургии, на предприятиях заводчиков Демидовых по-прежнему преобладает труд подневольных рабочих.

Постепенно более заметное место в создании заводов, мануфактур приобретает купеческий капитал. Большинство новых предприятий построено купцами. В 40—70-е гг. их появилось около 80, вдвое больше, чем

за первую половину века. Это означало, что в стране шел процесс формирования собственной национальной буржуазии, третьего сословия. Однако вольнонаемных рабочих для них не хватало. Поэтому расширялось применение посессионных и приписных крестьян. Крепостнический труд по-прежнему являлся основой развивающегося крупного производства в России. Это уникальное для тогдашней Европы состояние экономики, которое рано или поздно должно было завести ее в тупик.

Активно развивалась в этот период внешняя торговля. Главными поставщиками сельскохозяйственной продукции за рубеж оставались дворяне. В этом смысле дворянство играло положительную экономическую роль. Но и здесь крепостной труд крестьян лежал в основе полезных для страны торговых связей.

Внутренняя торговля в основном продвигалась вперед усилиями купцов и все увеличивающейся активностью крестьянства. Здесь все шире пробивает себе дорогу принцип свободной конкуренции, который поддерживало правительство Елизаветы Петровны.

Жесткую, чисто петровскую политику проводила Елизавета Петровна в области религиозной политики, национальных отношений. Все лютеранские храмы были превращены в православные церкви, начались суровые репрессии против раскольников, вновь взялись за «бородачей», которых стали облагать налогами за ношение бород. Дважды Елизавета своими указами объявляла к высылке из империи всех евреев, за исключением тех, кто принял христианство. Усилился контроль за повседневной жизнью подданных и не только при помощи Тайной канцелярии, но и благодаря учреждению в церковных округах специальных духовных «консисторий», цель которых заключалась в том, чтобы бороться с ересями, инакомыслием.

Одной из важнейших забот Елизаветы Петровны стал выбор преемника на троне. Ее выбор пал на племянника ее сестры Анны Петровны — Карла Петра Ульриха, принца Голштинского (1728—1762). Он был единственным продолжателем рода Петра I.

В 1742 г. 14-летний Карл Петр прибыл в Россию. К этому времени он был сиротой. Бледный, болезненный, нервный мальчик, он был плохо образован, не получил надлежащего воспитания. По странному капризу истории Карл Петр приходился не только внуком Петра I, но и по голштинской линии правнуком шведского короля Карла XII. Поэтому его вначале готовили к тому, чтобы он занял шведский трон: Карл Петр учил шведский язык, воспитывался в лютеранской вере. И вдруг в 14 лет такой неожиданный поворот. Теперь он стал учить русский и воспринимать совсем другую религию — православие. Его приглашение в Россию стало роковой ошибкой императрицы. Наследник русского престола до конца своих дней считал — и это было справедливо — Голштинию своей родиной, а лютеранство — своей родной религией. Все немецкое ему было мило. Россия стала для него чужой страной, которую ему следовало любить «по долгу службы». Не случайно его кумиром с детства был прусский король Фридрих II, а образцом армии — прусская армия и прусские военные порядки, которым он поклонялся фанатично.

В Голштинии, после смерти отца, он попал в руки воспитателю-деспоту, который пытался вбить ему знания силой, издевался над своим учеником, унижал и бил его. В России другой воспитатель, напротив, потакал его капризам, старался не обременять его учебой. В результате юноша рос скрытным, вспыльчивым, неуравновешенным. Вместе с тем он обладал живым воображением, чувством справедливости, был искренен в своих решениях, имел превосходный слух и увлекался игрой на скрипке.

Вторая серьезная ошибка, которую совершила императрица, заключалась в том, что этому легко ранимому, впечатлительному человеку она сама подобрала невесту, не считаясь с его склонностями и желаниями. В 17 лет Елизавета Петровна женила Петра Федоровича на 16-летней Софье Фредерике Августе (1729—1796) — принцессе из захудалого немецкого Анхальт-Цербстского княжества. В России она приняла православие и стала Екатериной Алексеевной, будущей императрицей Екатериной II. Елизавета Петровна полагала, что взять в Петербург принцессу из обедневшего рода будет полезно, так как для нее Россия станет пределом мечтаний, и она будет податлива и послушна. Но императрица ошиблась. В Петербург приехала миниатюрная, тоненькая блондинка с голубыми глазами и железным характером. С детства она готовила себя к великой миссии. Она ждала, что кто-то из великих владетельных особ обратит на нее внимание и она взойдет вместе с мужем на великий трон великой страны. В свои 16 лет Екатерина Алексеевна была вполне сложившимся человеком, знала, чего хочет. А желала она понравиться императрице, русской элите, гвардии, православному духовенству. Она хотела быть в России своей. Поэтому Екатерина упорно учила русский язык, постигала нравы и обычаи чужой для нее страны, истово молилась в православной церкви и соблюдала тщательно все религиозные предписания и ритуалы.

Екатерина, готовя себя к высокой миссии, настойчиво занималась самообразованием, и пока ее супруг развлекался во дворце ребяческими забавами и играми, читала серьезную литературу, делала выписки.

Скоро их брак стал формальностью. Во дворце затягивался тугой узел отчуждения, а позднее — подозрительности и ненависти между супругами, который должен был рано или поздно разрешиться взрывом в их отношениях.

Внешняя политика в 40—50-е гг. XVIII в. Первым испытанием для нового правительства в международной сфере стала начавшаяся война со Швецией.

Шведы, помогая Елизавете свалить «брауншвейгское семейство», использовали это лишь как предлог для реванша за поражение в Северной войне. Недаром накануне переворота они требовали, чтобы Елизавета Петровна подписала обязательство вознаградить их за поддержку территориальными уступками. Но благоразумная цесаревна отказалась сделать это.

Таким образом, Россия после дворцового переворота 1741 г. оказалась в состоянии войны со Швецией. «Дщерь Петрова» действовала вполне в духе своего отца. Она двинула на север армию во главе с фельдмаршалом Ласси, которая нанесла шведским войскам ряд поражений в Финляндии.

Швеция в 1743 г. запросила мира и отказалась от каких бы то ни было территориальных притязаний к России.

Это был первый большой внешнеполитический успех новой правительницы. Другой пришел несколько позже в связи с участием России в большой европейской политической игре, куда ее втянули великие державы.

В середине 50-х гг. на политической арене Европы заблистал военный талант прусского короля Фридриха II, провозглашенного Великим. Он создал сильную по тем временам армию и нацелился сначала на захват близлежащих немецких княжеств и создание Великой Пруссии, а затем — на овладение восточноевропейскими территориями.

Вместе с восшествием на престол в Пруссии такого яркого и, безусловно, одаренного политика и полководца в немецких землях вновь воцарился агрессивный наступательный дух. Агрессивность Пруссии привела к появлению в Европе антипрусской коалиции, куда вошли Франция, Австрия, Швеция. После некоторых размышлений российское правительство решило примкнуть к этому союзу, полагая, что агрессия Пруссии рано или поздно будет угрожать российским интересам в Восточной Европе — в Польше, Прибалтике.

В то же время, вступая в эту коалицию, Россия брала на себя основную тяжесть противоборства с противником. Именно русская армия должна была добывать победу для коалиции. Кровью русских солдат оплачивалась борьба с Пруссией за европейскую гегемонию.

Такая политика держав стала и на этот раз, и в дальнейшем для России белой, в которую ее вовлекали не раз и не два ее амбициозные правители, желавшие играть в Европе первую скрипку.

В 1756 г. Россия вступила в так называемую Семилетнюю войну с Пруссией. Русские войска вошли в Восточную Пруссию. Командовал армией фельдмаршал Апраксин. Именно ему, первому из русских военачальников, пришлось вступить в сражение с прославленными прусскими войсками. В 1757 г. у деревни Гросс-Егерсдорф русская армия одержала убедительную победу над армией одного из фельдмаршалов Фридриха II. В решающий момент боя Апраксин двинул в пекло сражения резервный корпус молодого генерала Петра Александровича Румянцева (1725—1796).

Его стремительный удар во фланг прусской армии решил исход боя. Пруссаки бежали. В этом бою П. А. Румянцев ярко проявил свои полководческие дарования, стал известным военачальником.

Дорога на главный город Восточной Пруссии Кенигсберг была открыта. Но Апраксин, вместо того чтобы развить успех, увел войска на зимние квартиры. Инициатива оказалась упущенной. Фридрих II получил передышку. Своё решение фельдмаршал объяснил нехваткой продовольствия и болезнями среди солдат. Но дело было в другом — Елизавета тяжело заболела. Все ожидали ее кончины и воцарения Петра Федоровича, поклонника Фридриха II. Апраксин повел себя как истинный царедворец, не желая раздражать будущего монарха. Но Елизавета выздоровела, и Апраксин пошел под суд. После ряда упорных сражений, не давших перевеса ни одной из сторон, Елизавета назначила на пост командующего 61-летнего боевого

генерала Петра Семеновича Салтыкова (1698—1772), который имел богатый опыт войн с Польшей и Турцией, успешно действовал в первый период Семилетней войны, участвовал во взятии Кенигсберга.

1759 г. стал временем громких побед русской армии над войсками Фридриха II.

П. С. Салтыков захватывает один из крупнейших германских городов Франкфурт-на-Одере, под угрозой оказалась столица Пруссии Берлин. В августе 1759 г. прусские и русские войска при поддержке союзников-австрийцев сошлись в генеральном сражении около деревни Кунерсдорф. Фридрих II привел сюда почти 50-тысячную армию. Поначалу он потеснил союзников в центре. Сюда же Фридрих II бросил свою главную ударную силу — конницу, но русские солдаты выстояли. Салтыков перегруппировал войска, совершил ряд смелых маневров.

На левом фланге русские части создали перевес сил и сами предприняли ответный контрудар. Затем Салтыков дал приказ к общему наступлению, которое завершилось штыковой атакой. Пруссаки не выдержали и побежали. Фридрих II едва не попал в плен. На поле боя он потерял свою шляпу. В письме к своему министру после бегства король писал: «Я несчастлив, что еще жив...» Салтыков получил звание генерал-фельдмаршала.

Теперь была открыта дорога на Берлин. Но австрийцы начинают мешать русскому успеху. Пруссия была ослаблена, и теперь Австрии и Франции было невыгодно усиление России в центре Европы. Они стремятся увести русскую армию на спасение Силезии, на поддержку Саксонии.

Интриги австрийцев привели к тому, что вспыльчивый, раздосадованный и заболевший Салтыков подал в отставку. Семилетняя война продолжалась уже без своего героя. И все же оставшиеся в Восточной Пруссии войска продолжали наступление. Передовой отряд генерала Захара Григорьевича Чернышева подошел к Берлину. Не дожидаясь штурма, городские власти сдали город Чернышеву и вручили ему на подушечке ключи от прусской столицы. Так впервые русские войска овладели Берлином.

Однако авангард, взявший Берлин, далеко оторвался от своих основных сил и баз, и через три дня русские ушли из города. Но сам факт падения столицы Фридриха II потряс тогдашнюю Европу.

На следующий год русские войска, несмотря на проволочки со стороны австрийцев, отвлечение основных русских сил с главного театра военных действий, наращивали свои успехи. Корпус Румянцева вышел к берегам Балтики. Вновь появилась возможность захвата приморских городов Пруссии и ее столицы. Пруссия оказалась на грани катастрофы. Фридрих II собирался отречься от престола. Однако его спасла смерть Елизаветы Петровны в конце 1761 г. Петр Федорович, ставший императором Петром III, немедленно заключил с прусским королем перемирие, а потом и мир в 1762 г. Россия вернула Пруссии все захваченные у нее территории. Бывшие враги стали союзниками. Героизм и жертвы русских солдат оказались напрасными.

Вместе с тем сама Семилетняя война была совершенно чужда интересам России, и ее скоропалительное окончание Петром III говорило не только о симпатиях нового российского монарха к прусскому королю, но

и о его здравом смысле. Россия больше не хотела губить своих солдат во имя интересов других держав — в первую очередь Австрии, которая преследовала в этой войне свои узкокорыстные, а порой и антирусские интересы.

Независимо от результатов Семилетней войны, она укрепила международный авторитет России, показала ее возросшую военную мощь, возвысила воинскую славу русского солдата.

В ходе этой войны засияли новые российские военные таланты, были возрождены и развиты принципы военного искусства петровского времени — штыковой удар, быстрый маневр, применение рассыпного строя против малоповоротливых колонн противника.

Наступление крепостничества и народные возмущения. Дворцовые перевороты, интриги вокруг трона, возвышения и падения фаворитов, сражение русских солдат на полях Европы — все это было лишь частью истории страны в середине XVIII в. Другая часть этой истории — жизнь народа, огромной, почти двадцатимиллионной армии крестьян, рабочих людей, городских обывателей, ремесленников, мелких торговцев. А еще одна часть — судьбы многих народов России, живших на Севере, в Поволжье, Приуралье, на просторах Сибири.

Создание «великой державы» России, как и в других странах мира, неизменно требовало «великих жертв» от народа.

Хотя и верхи общества, дворянство зачастую приносили на алтарь Отечества свои жизни в борьбе за величие страны, укрепление ее суверенитета, безопасности, за ее расширение. Однако в обществе, расколотом на «высоких» и «низших», именно на долю низших слоев населения приходились все основные финансовые тяготы, поставка на войну «пушечного мяса», т. е. основной солдатской массы, напряженный подневольный труд на заводах и мануфактурах. И если по мере возрастания в жизни страны роли дворянства это сословие постоянно получало от правительства все новые и новые привилегии, то совсем в ином положении были низы общества.

В 40—50-е гг. XVIII в. страну терзал тяжелый финансовый кризис. Кричащая роскошь двора, верхов, необходимость поддерживать на высоком уровне мощь одной из самых многочисленных армий в Европе, оплата продукции военных предприятий — все требовало новых и новых расходов, которые тяжелым бременем ложились на податные сословия.

Усилился нажим на крестьян не только со стороны государства, но и со стороны помещиков. Сокращение срока их службы, возможность оставить одного из сыновей на хозяйстве, право на выход в отставку после выслуги в 25 лет привели к тому, что помещики все больше времени стали уделять своим хозяйствам, все больше продуктов поставлять на рынок. А правительство с каждым годом усиливало власть дворян над их «крещеной собственностью» — крепостными крестьянами.

Все чаще в стране стала множиться практика продажи крестьян без земли. Помещики, ведущие собственное земледельческое хозяйство, принимали наступление на крестьянские общинные земли, стали захватывать лучшие из них, расширять собственную запашку. Соответственно возрастает барщина: в некоторых земледельческих районах она достигает до 5—6 дней в неделю. Крестьянам почти не остается времени для обработки соб-

ственных участков. Такая политика помещиков по отношению к крестьянству подрывает силы основного работника, налогоплательщика, что отражается на общей жизни страны.

Именно к этому периоду относится появление совершенно изуверских случаев обращения с крепостными крестьянами, таких, как дело помещицы Салтыковой, знаменитой Салтычихи. Она в течение десяти лет замучила до смерти на своем подворье в Москве более 100 человек. Барыню-садистку судили и заключили в тюрьму, но сама система, при которой один человек мог мучить и беззащитно эксплуатировать другого, сохранялась в неизменности.

В России, в противоположность Западной Европе, начинает завязываться такой узел противоречий между «низами» и «верхами» общества, который можно было разрубить только силой, потому что дворянство свято оберегало свое право на крестьянский труд и личность крестьян, и дворянское правительство шло им навстречу, хотя среди просвещенной части общества, в том числе и среди приближенных императрицы, все чаще раздаются голоса в пользу ограничения этого произвола, облегчения участи «поселян», изменения законодательства в их пользу. Но все предложения такого рода остались без движения, слишком велик был страх самодержавной власти перед дворянством. В ответ на усиливающийся гнет все более массовыми становятся побегі крестьян, рабочих людей, солдат, людей, мобилизованных на строительство городов, мануфактур, верфей. Власть в свою очередь принимала зверские меры, наказания ужесточались. И все же сотни тысяч людей, порой целыми деревнями, уходили на Дон, на Яик, на Урал, в башкирские земли, на Украину, в Сибирь — туда, где не было помещиков, где дышать было посвободней.

Побеги и жалобы являлись «мирными» средствами протеста простых людей против насилия со стороны властей и помещиков.

Но наиболее отчаянные и смелые люди прибегали к более решительным мерам защиты своих прав и своей личности. Все более массовым явлением стал отказ от уплаты налогов, оброков, выполнения барщины. Начались волнения крестьян и рабочих людей, их вооруженная борьба против воинских команд, собирающих недоимки, сопротивление помещикам и их управляющим, расправы над наиболее ненавистными господами. Порой крестьяне уходили в окрестные леса и организовывали разбойничьи отряды, которые не только нападали на воинские отряды и помещичьи усадьбы, но и буквально терроризировали близлежащую округу, грабя всех — и правых и виноватых.

Что же требовали крестьяне? Они отказывались признавать себя собственностью владельцев, требовали перевода в разряд государственных или дворцовых крестьян, где порядка было больше и произвол насилия и поборов являлся не таким откровенным, как в помещичьих и монастырских хозяйствах. Наиболее решительно настроенные крестьяне требовали «воли», полного освобождения от своих господ.

Иным стало и настроение уральских, тульских, московских и других рабочих людей на тамошних предприятиях. Кончилось время, когда они безропотно работали за гроши целыми сутками, жили в нечеловеческих ус-

ловиях. Ветер века постепенно доходил и до этих забытых Богом людей. Они собирались большими группами, прекращали работу, останавливали свои предприятия, требовали улучшения условий труда, протестовали против указа властей о превращении их в «вечноотданные» заводов, т. е. в крепостных.

В конце 40-х гг. на Московской суконной мануфактуре бросили работу 800 человек. Это было уже серьезное выступление большой группы рабочих людей. Власти жестоко подавили сопротивление. Зачинщики были схвачены и брошены в тюрьму, остальным достались плети. Так же жестоко подавляли возмущения рабочих людей на уральских заводах, на Казанской суконной мануфактуре. Теперь наряду с борьбой за свои права крепостного крестьянства в России зародилось и движение протеста рабочих людей.

Борьба в национальных районах. Непокойно становилось и в национальных районах Российской империи. Те из них, что давно уже вошли в состав России (Поволжье, Башкирия, Урал), испытывали на себе давление государства, попытки помещиков захватить местные плодородные земли. Особенно раздражало местное население стремление к их насильственной христианизации, активное вмешательство в их экономическую и духовную жизнь православного духовенства, монастырей. В Поволжье в начале 40-х гг. вспыхнуло мощное восстание мордвы, к ним присоединились русские дворцовые и крепостные крестьяне. Число восставших достигло 6 тыс. человек. Восстание охватило ряд уездов и было жестоко подавлено правительственными отрядами. Предводители повстанцев сожгли на костре. Плетями, кнутом, вырыванием ноздрей, клеймением каленым железом ответили власти на протестные выступления помещичьих крестьян в Псковском уезде.

Но особенно крупное восстание всколыхнуло всю Башкирию. Здесь еще не забыли о противоборстве с петровскими карательными отрядами в начале XVIII в. В середине же века в этом крае началось строительство укреплений линии, включающей ряд новых крепостей, в том числе крепости Оренбург. По мысли правительства, опираясь на эту линию, можно было организовать оборону от вторжений кочевников, защитить казахские жузы (племенные союзы), принятые по их просьбе в российское подданство в связи с натиском воинственного соседнего Джунгарского ханства.

Кроме того, правительство рассчитывало, что появление здесь новых опорных пунктов России будет содействовать расширению торговли со странами Средней Азии и Дальнего Востока. В край были введены дополнительные войска. Всем переселенцам-купцам, ремесленникам предоставлялись налоговые льготы. Бурными темпами развивалось в Башкирии горное дело, разрабатывались медные и серебряные рудники, росли казенные заводы. Для обеспечения населения выращенным здесь же хлебом правительство начало активно переселять сюда русских крестьян, также предоставлять им льготы.

Все эти меры, с одной стороны, способствовали развитию края, прогрессу хозяйства, совершенствованию местного земледелия, появлению здесь городов и развитию городской культуры, переходу башкир на оседлый образ жизни. Но с другой стороны, происходило это все на башкир-

ских землях и во многом за счет местного населения. Вместо прежнего легкого ясака появилась подушная подать, которая стала неуклонно расти. Под строительство заводов и крепостей у башкир были отторгнуты миллионы десятин земли. Правительство разрешило продажу башкирских общинных земель. Их стали расхватывать как русские помещики, так и башкирская верхушка, служилые башкиры. Они закабаляют местное население. Башкир обязали вместе с русскими нести охранную службу по укрепленной линии. Здесь, как и в Поволжье, стала проводиться насильственная христианизация, что встречало сопротивление местных жителей. Постепенно обстановка в крае накалилась до предела и в конце 30-х — начале 40-х гг. народ восстал. Власти пытались подавить восстание в самом начале. При этом они опирались на башкирскую верхушку, которая поддерживала русскую администрацию. Вместе с карателями «верные башкиры», как говорят документы, расстреливали повстанцев, кололи их штыками и копьями. Пойманных вождей восстания, среди которых были и местные тарханы (феодалы), подвергали устрашающим публичным казням. Но это лишь распаляло народ. Бунтовщиков поддерживали все новые районы Башкирии. На подавление восстания были брошены дополнительные войска. Они огнем и мечом расправлялись с взбунтовавшимся народом. Людей сажали на кол, подвешивали за ребра, рубили им головы. За время восстания от рук карателей пали свыше 16 тыс. башкир. В ответ повстанцы начали уничтожать захваченных в плен карателей, а также местных русских дворян, чиновников вместе с их семьями. Жестокость порождает ответную жестокость. Восстание подавили, но властям пришлось сделать уступку: подушная подать была ликвидирована и снова введен обычный ясак. Вышел запрет на захват башкирских общинных земель.

Башкиры силой оружия, многими человеческими жертвами отстояли некоторые свои права. Но заводы на башкирских землях продолжали строиться; под них отводились новые земли, усилился и процесс колонизации края. Сюда продолжали приезжать дворяне, переселялись русские крестьяне. Власти вместо отмененной подушной подати установили косвенные налоги, в частности заставили покупать башкир соль по повышенной цене. Продолжалось преследование мусульманства, вышел запрет на строительство мечетей. Оказалось, что правительство ничему не научилось в ходе первого восстания.

Поэтому закономерным ответом на эти меры стало новое восстание башкир в 1755 г. Его лидером стал мулла по прозвищу Батырша. Он звал башкир на священную войну с неверными. Но этот лозунг не вдохновил большую часть местного населения, которое страдало в основном от социального угнетения, захвата земель. Большинству башкир был чужд религиозный фанатизм.

Власти ввели в непокорный край 40-тысячное войско. В борьбе против повстанцев, как и прежде, участвовали и верные России башкирские старейшины и их отряды. Начались массовые репрессии. Страшась их, население бежало из родных мест куда глаза глядят — к казахам, на реку Яик, в другие отдаленные места. Батыршу пленили и казнили. Восстание сошло на нет.

И все же в Петербурге понимали, что одним насилием свободолубивый край не успокоить. Вышел указ Елизаветы Петровны, обещавший прощение тем, кто принесет повинную. Освобождались от наказания и башкиры, добровольно вернувшиеся из дальних мест. Население было избавлено от наиболее тяжелых повинностей. Правительство отказалось от насильственной христианизации края. Разрешено было строить мечети.

Последние годы Елизаветы Петровны. Личность царицы. Если в первые годы императрица деятельно участвовала в управлении страной, то на заднем плане ее мало что интересовало в государственной жизни России. Елизавета Петровна все реже присутствовала на заседаниях Сената. Особенно ее инертность стала заметней после того, как она учредила постоянно действующую при своей особе так называемую Конференцию, т. е. совещательный орган. Туда вошли видные близкие к ней вельможи. Этот орган стал чем-то подобным Верховному тайному совету при Екатерине I.

Поначалу Елизавета Петровна дважды в неделю участвовала в работе Конференции, а потом появлялась там все реже и реже. Постепенно этот орган подчинил себе все центральные учреждения страны — Сенат, Коллегии. По существу, Елизавета передоверила своим фаворитам и близким лицам дело управления страной. Иногда она на целые месяцы отключалась от государственных дел. Один за другим следовали маскарады, балы, катания по Неве.

Она страстно любила всякие праздники, обожала блистать среди придворных в маскарадных костюмах, особенно в мужских нарядах, которые выгодно подчеркивали ее уже располневшую, но все еще стройную и величественную фигуру. По ее требованию из Парижа ей прислали описание всех наиболее пышных церемоний и празднеств. Петербургский двор не хотел уступать версальскому. В этом смысле Россия тоже хотела быть великой державой. Такое «соревнование» стоило казне огромных средств, но Елизавета Петровна в своей тяге к удовольствиям и дорогим нарядам была неустержима. После смерти царицы в ее гардеробе было обнаружено 15 тыс. платьев. Это было и понятно, потому что дважды в одном наряде императрица на людях почти не появлялась.

Императрица вела беспорядочный образ жизни. Поздно вставала, много и с удовольствием ела и пила. Потом устраивала длительные и строгие посты. Ужинала она за полночь, отходила ко сну уже под утро, а новый день начинала, когда солнце уже шло к зениту. Такая жизнь изматывала ее организм. Она стала часто болеть, порой неделями не вставала с постели и даже доклады по наиболее важным делам выслушивала и подписывала указы лежа.

Вместе с тем Елизавета Петровна вполне могла позволить себе некоторые послабления в «службе» на пользу Отечества, потому что эту работу делали за нее хорошо подобранные помощники.

В отличие от своих предшественниц наверх при ней поднимались люди не только способные, но и преданные России. Среди них было немало честных и бескорыстных деятелей, что стало новым явлением в истории страны. Эти люди прекрасно понимали, что за внешней веселостью и даже легкомыслием и ветреностью императрицы таится самостоятельный и жест-

кий характер. До последних лет ее жизни никто из ее фаворитов не мог похвалиться тем, что управлял ею, подчинил ее своему влиянию.

Дела она передоверяла тем своим сподвижникам, в которых была абсолютно уверена. И не случайно, что во времена правления Елизаветы Петровны произошла известная стабилизация жизни страны, на первый план выдвинулись талантливые русские кадры, укрепились позиции российского дворянства, были подтверждены и развиты крепостнические порядки, введенные еще Петром I, достигнуты определенные успехи во внешней политике: опрокинуты попытки Швеции пересмотреть условия Ништадского мира, поколеблена мощь Прусской державы.

При ней были предприняты серьезные меры в области экономики, культуры (об этом ниже), обороны страны (постройка крепостей оборонительных линий на востоке), дальнейшего продвижения в Среднюю Азию.

§ 3. Петр III и новая попытка европеизации страны

В 1761 г. Елизаветы Петровны не стало. На престол согласно ее завещанию вступил ее преемник — внук Петра I, Петр Федорович. Началось короткое правление Петра III.

За долгие годы, что он и его супруга Екатерина Алексеевна, будущая императрица Екатерина II, провели при русском дворе, многое изменилось в жизни этой семьи, из любимого племянника Петр Федорович со временем превратился в человека, который постоянно находился у Елизаветы Петровны на подозрении. Ей претила его приверженность Голштинии, Фридриху II, лютеранству, неуважение к русским обычаям, традициям, насмешки над русским духовенством. Со временем она перестала доверять и его жене Екатерине, которая в своем стремлении всем понравиться, своими крепкими связями с русскими вельможами, с руководством армией, с гвардией вызвала в проницательной императрице чувство опасности. Это чувство крепло в связи с тем, что брак Петра III и Екатерины стал число формальным. У каждого из них была своя личная жизнь. Потомства при таких отношениях быть не могло, а Елизавета мечтала о продолжении династии Романовых. Наконец, через девять лет жизни в браке Екатерина Алексеевна родила сына Павла.

И Елизавета, разочарованная в своем племяннике, вынашивает план передачи престола внуку помимо его отца. Она отнимает мальчика у семьи и сама начинает заниматься его воспитанием.

Однако на этот шаг императрица так и не решилась. Видимо, что-то ее еще привлекало во взбалмошном, но неглупом Петре Федоровиче.

Правление Петра III подтвердило ее колебания. За те несколько месяцев, что пребывал у власти, он совершил, с точки зрения верхов русского общества, немало трагических ошибок, которые привели его к гибели.

Во-первых, он начал свое правление с вызывающих действий: вернул из ссылки всех опальных немцев — Миниха, Бирона и др. Ни один из русских государственных деятелей, попавших при Елизавете Петровне в опалу, не был прощен. Это сразу же всколыхнуло русское общество. Люди еще не забыли о бироновщине. Во-вторых, Петр III немедленно прекратил войну с Фридрихом II и без всяких условий вернул ему все захваченные терри-

тории. У русской верхушки, привыкшей к тому, что всякая война должна заканчиваться территориальными захватами, это вызвало ярость. В-третьих, не доверяя русской охране, он окружил себя голштинцами. Гвардейцев он называл янычарами, презирал их за леность и развращенность. Грозил распустить гвардию. И был во многом прав, так как избалованные в ходе дворцовых переворотов правителями и правительницами гвардейцы чувствовали себя хозяевами положения и постепенно стали отвыкать от тяжелой армейской службы.

Петр III, обладающий живым острым умом, веселый, капризный, любитель музыки и живописи, но одновременно любитель выпить, заядлый курильщик, приводил своими манерами, своим откровенным преклонением перед всем немецким в негодование традиционное русское общество.

Вместе с тем Петр III осуществил несколько важных государственных реформ, продвинувших вперед российскую цивилизацию. Эти реформы ставят его в ряд незаурядных государственных деятелей России.

Он подготовил указ об уничтожении Тайной канцелярии и готов был нанести удар по одной из самых страшных средневековых разыскных систем в Европе, в казематах которой по пустячным доносам погибали десятки тысяч людей. При Петре III был обнародован указ о лишении промышленников права покупать крепостных крестьян к мануфактурам. Тем самым провозглашалось некоторое ограничение крепостного труда в стране. Петр III ввел запрет на притеснение раскольников и провозгласил в России принцип веротерпимости, что, конечно, не могло понравиться православному духовенству. Кроме того, правительство Петра III подготовило проект о секуляризации (т. е. о передаче в руки государству) церковного землевладения. Это означало, что кончалось время церковников на льготных условиях пользоваться собственными владениями. По существу, Петр III продолжил линию Петра I на подчинение церкви власти, государству. Он мечтал содействовать развитию городского сословия в западном духе, привлечь в Россию западных предпринимателей и вообще поставить жизнь в стране «на немецкой ноге».

Если вдуматься, то мы отметим, что он был ближе всех к Петру I, к его политике и его прозападным симпатиям. Ведь Петр I тоже мечтал построить жизнь России по западным цивилизационным меркам и корил ее за отсталость и невежество. Но время изменилось. Что произошло Петру I, то теперь русская элита, другие влиятельные слои, и в первую очередь гвардия, не могли простить правителю слабому, восторженному, не имеющему прочной основы в русском обществе. Его положение не улучшилось даже после самой главной реформы — издания Манифеста о вольности дворянской, Манифеста, который освободил дворян от обязательной 25-летней службы. Правительство мотивировало это тем, что при Петре I необходимо было «принуждать дворян служить и учиться». Это имело огромное положительное значение для судеб страны. Дворянство проявило патриотическое рвение и усердие на службе государству, и теперь в принуждении уже не было смысла. Таким образом, и этот акт Петр III связывал непосредственно с политикой своего деда и ее благодатными результатами для России. Дворянство ликovalo. Теперь значительная его часть занялась своими

хозяйствами, что не могло не повлиять положительно на общее развитие экономики страны.

Важно отметить, что Манифест привел к освобождению части российской администрации от обязательной службы. Впереди — путь к дальнейшему освобождению населения от всеобщей неволи, которому теперь уже всячески стало противиться само «вольное» дворянство, вцепившееся в своих крепостных крестьян.

Петр III постоянно имел мощную и все усиливавшуюся оппозицию в лице значительной части русской элиты, гвардии, духовенства и в первую очередь в лице своей жены Екатерины Алексеевны. Эта немецкая принцесса все более определенно предъявляла претензии на русский трон. Она хорошо использовала промахи императора.

Екатерина терпеливо и настойчиво плела паутину заговора против мужа. Повсюду рекламировала свою русскость, преданность интересам России. Это была ее умелая линия в противовес голштинской линии Петра III. Поэтому все действительно полезные России начинания Петра III выдавались за инициативу его помощников.

Уже много лет спустя она признается в своих записках, что приехала в Россию с девизом: «Царствовать или умереть».

Отношения между супругами становились все напряженнее. Пошли слухи, что Петр III планирует развестись с Екатериной, заточить ее в монастырь и жениться на своей фаворитке. Екатерина решила действовать.

Постепенно при дворе образовалась «партия Екатерины», которая осуждала все, что делал Петр III, широко оповещала двор, элиту, гвардию о его неблагоприятном поведении, о его связях с немцами. Лидером этой «партии» стал воспитатель наследника Павла Петровича, образованнейший вельможа Никита Иванович Панин. В «партию Екатерины» входили командир Измайловского полка, начальник полиции, обер-прокурор, офицеры гвардейских полков. Большую роль среди заговорщиков играл 27-летний красавец офицер Преображенского полка Григорий Григорьевич Орлов — фаворит Екатерины Алексеевны и его четверо братьев — смелые, решительные, люто ненавидевшие императора, и вахмистр конной гвардии 22-летний гигант и тоже красавец Григорий Александрович Потемкин, будущий выдающийся деятель екатерининского правительства.

Переворот был ускорен в связи с планами Петра III отправить гвардию на войну против Дании, чтобы отнять у нее территорию Шлезвиг и присоединить ее к милой его сердцу Голштинии. Заговорщики решили действовать немедленно.

В шесть часов утра 28 июня 1762 г. пружина заговора разжалась. Один из братьев Орловых — Алексей явился во дворец в Петергофе, где обитала в это время Екатерина. Сонной соискательнице престола он сказал: «Пора вставать! Все готово для вашего провозглашения». Через несколько минут карета с Екатериной уже мчалась в Петербург. На ее запятках стоял гвардейский офицер, Орлов восседал на козлах рядом с кучером. На подъезде к городу экипаж ждал Григорий Орлов. Вскоре Екатерина появилась перед казармами Измайловского полка. Гвардейцы тут же присягнули новой императрице. С восторгом ее встретили семеновцы и преображенцы. Затем

в Зимнем дворце Екатерина, приняв титул самодержавной императрицы, начала принимать присягу съезжавшихся членов Сената и Синода, государственных чиновников.

Петр III в это время безмятежно пребывал в своем дворце в Ораниенбауме. Он ничего не подозревал. Днем он появился в Петергофе и не застал там Екатерины. Заподозрив неладное, он послал в Петербург командиров Семеновского и Преображенского полков, но те не вернулись и присягнули Екатерине. Петр III понял все, сразу упал духом, потом попытался вызвать для обороны своих голштинцев. Но было ясно, что они беспомощны против гвардейских полков. Попытка императора бежать в Кронштадт была неудачной: когда корабли с Петром III и его окружением подошли к крепости, их встретили нацеленные на них орудия. Гарнизон Кронштадта уже присягнул Екатерине. Пришлось возвращаться назад.

Екатерина двинула на Петергоф гвардейские полки, и сама, в мундире Преображенского полка, возглавила их. Петр III запросил пощады. Он отказался от своих прав на трон и попросил отпустить его в Голштинию. Однако Екатерина вовсе не собиралась коллекционировать свергнутых императоров: в Шлиссельбурге еще был жив Иван Антонович. Вызревало решение устранить Петра III физически. Как это случилось в действительности, осталось навек сокрытым для истории. Но известно, что император был арестован и препровожден под охраной гвардейских офицеров в загородный дворец, в местечко Ропшу. Там пленник провел всего семь дней, а потом во время застольной ссоры, как об этом писал Алексей Орлов Екатерине II, он был убит. Есть сведения о том, что гвардейцы задушили Петра III ремнем.

Так был совершен последний в XVIII в. дворцовый переворот. Гвардия снова поставила на престол своего человека.

Началось царствование Екатерины II, которую современники провозгласили Великой.

ГЛАВА 5. РОССИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

§ 1. Первые годы правления Екатерины II

В первые годы правления не было предпосылок того, что взошедшая на русский престол честолюбивая немка станет великой русской царицей. Поначалу казалось, что она продержится на троне недолго. Действительно, против нее сразу же объединились могущественные силы. И на то были причины: в отличие от предшествующих цариц, захватывавших власть в результате переворотов, Екатерина II была нелегитимна, т. е. ее власть являлась по существу незаконной: она никак не была связана с династией Романовых. Кроме того, имелся законный наследник престола — Павел Петрович. Часть российской элиты считала, что царица должна отдать власть сыну.

Против Екатерины II выступало и духовенство, которое не могло примириться с секуляризацией церковной собственности, которую после не-которой заминки осуществило новое правительство, продолжая здесь политику Петра III.

Сильное отрицательное впечатление на общество произвело и известие о смерти Петра III. Молва тут же связала это, и не без основания, с именем императрицы.

Таким образом, Екатерине II сразу же пришлось платить за свое неодо-лимое честолюбие, за преступление на пути к престолу.

Учитывая все это, новая правительница приняла энергичные меры.

Во-первых, она всячески постаралась отмежеваться от убийства мужа. В России началась мощная пропагандистская кампания против покойного императора с перечислением его истинных и мнимых грехов.

Во-вторых, она немедленно попыталась обезопасить себя от Ивана Анто-новича, так как среди некоторых гвардейцев возникли настроения в пользу шлиссельбургского арестанта. В Шлиссельбургскую крепость был отдан приказ усилить охрану узника и уничтожить его при малейшей попытке ос-вобождения. И такой момент наступил в 1764 г. Поручик Смоленского полка, который охранял в те годы Шлиссельбургскую крепость, Мирович, следуя традициям дворцовых переворотов, попытался спасти Ивана Анто-новича, который провел уже 24 года в крепости и превратился в болезнен-ного, психически неполноценного, надломленного молодого человека.

Одногодок Ивана Антоновича Мирович со своими сторонниками су-мел захватить крепость, но когда он отворил дверь каземата, Иван Антоно-вич был мертв: стражники выполнили приказ царицы. Переворот не удал-ся. Мирович был схвачен и казнен. Но теперь последний легитимный пра-витель, кроме десятилетнего сына, был устранен.

В-третьих, Екатерина II попыталась стабилизировать обстановку шед-рой раздачей наград и чинов. Одним из ее методов привлечения на свою сторону знати, гвардии стало широкое предоставление дворянам государ-ственных земель, населенных крестьянами. Сотни тысяч «крестьянских душ» превратились в крепостных.

В-четвертых, она подчинила все армейские части своим сторонникам, отменила нововведения в армии Петра III, копировавшие прусские воинские порядки и раздражавшие солдат и офицеров. Она утвердила заготовленный Петром III указ о ликвидации Тайной канцелярии.

В-пятых, Екатерина, поначалу чувствуя себя неуверенно, делала вид, что соглашается с некоторыми просвещенными вельможами в пользу частичного ограничения самодержавной власти. Но как только Екатерина убедилась, что власть прочно удерживается в ее руках, — сразу же разорвала указ о создании ограничившего ее власть императорского совета. Вельможи, в первую очередь Панин, вынуждены были склонить головы.

Уже в это время Екатерина II стала формироваться, с одной стороны, как самодержавная царица, не желавшая делить свою власть ни с кем, а с другой стороны — как разумная и просвещенная правительница, которая понимала, что старыми методами управлять страной нельзя. Особенно очевидно это было в сравнении с бурным развитием буржуазных отношений на Западе.

В Европе наступала эпоха Просвещения с его верой в благодатную роль разума, науки для процветания человечества, с критикой старофеодальных и церковных устоев. Вся надежда возлагалась на образованных просвещенных монархов, смысл деятельности которых должен заключаться в благе их подданных.

Люди зачитывались трудами просветителей — Монтескье, Дидро, Руссо, Вольтера с их критикой сословного строя, проповедью свободы личности. В трудах Монтескье провозглашался принцип разделения власти на исполнительную, законодательную, судебную — как орудия сдерживания тирании власти.

Все шире распространялось понятие правового государства и гражданского общества, где право человека на жизнь, частную собственность, личные свободы (свобода слова, безопасность жилища, свобода передвижения и т. д.) защищены законами и где все граждане — от монарха до простолюдина — должны быть равны перед этими законами.

Екатерина II являлась вполне человеком своего времени. В отличие от своих предшественниц она прекрасно понимала неотвратимость наступающих перемен. Но став самодержавной правительницей и будучи человеком крайне властолюбивым и честолюбивым, она была больше всего озабочена сохранением своей неограниченной власти.

В сочинениях западных просветителей Екатерина черпала обоснование идей просвещенного абсолютизма. Именно она — интеллигентная, образованная, широко мыслящая самодержавная правительница, по ее мнению, способна идти в ногу со временем и постепенно перевести страну на современные цивилизационные рельсы. Это означало, что России нужны новые современные законы, обязательные для всего населения страны, для всех сословий, управление страной должно быть разумным и гибким. Коррупцию и казнокрадство необходимо искоренить. А главное, Екатерина II сознавала, что система крепостного права, принудительного труда в промышленности пагубны для страны и являются одной из причин ее отстало-

сти. В этом смысле она — первый русский правитель, который поставил перед обществом вопрос об ограничении крепостной воли.

Все это также должна была учитывать Екатерина II, взяв власть.

Поэтому все ее правление стало глубоко противоречивой борьбой между идеалами просвещенного абсолютизма, разумными подходами к жизни страны и суровой российской реальной жизнью, изменить которую для императрицы было не по силам. К тому же это могло стать и смертельно опасным. Когда Петр III пошел против течения и лишь слегка затронул интересы элиты, дворянства гвардии, церкви — он погиб.

Поэтому первые шаги Екатерины II стали типичными шагами дворянской царицы. Уже при вступлении на престол она в своем Манифесте провозгласила: «Намерены мы помещиков при их имениях и владениях нерушимо сохранять, а крестьян в должном повиновении содержать». Затем последовали раздачи земель с «крестьянскими душами». Проведенное при новой власти «генеральное межевание» земель закрепило за помещиками те земельные владения, которые они самовольно захватили в течение последних лет.

Правительство Екатерины в первые же месяцы своей деятельности продолжило наступление на права крестьян, предпринятые еще при Елизавете. При новом правлении крестьян за жалобу на помещика можно было сослать в Сибирь. А позднее помещики получили право «отдавать их в каторжные работы». Если при Елизавете, скажем, Салтычиху за истязания крестьян посадили в тюрьму, то теперь дворяне-салтысты отделялись церковным покаянием. Крепостным крестьянам запретили принимать монашество. Их разрешили продавать без земли оптом и в розницу. Страшные рынки крепостных невольников утвердились в России именно со времени Екатерины II.

Она же распространила крепостнический режим на территорию принадлежавшей России Левобережной Украины, так называемой Малороссии. На следующий год после захвата власти (1763 г.) Екатерина II издала указ о разрешении украинским крестьянам менять место жительства лишь по письменному разрешению хозяина. Тем же, кто прожил на одном месте более 10 лет, вообще запрещались всякие переходы. Крепостное право наконец дошло и до Украины. Здесь также установились суровые меры сыска беглых крестьян.

Одновременно Екатерина II, очень озабоченная своим положением узурпаторши трона, всеми мерами старалась создать на Западе впечатление гуманной и просвещенной государыни. Она вступила в переписку с Вольтером, Дидро и другими выдающимися умами Европы, к голосу которых прислушивались и короли, и пресса. Она восхищалась их трудами, объявляла себя их последовательницей. Так, она утверждала: «Вольтер — мой учитель». На деле же в первые месяцы царствования все это было похоже на хорошо рассчитанный обман, потому что в России императрица не сделала ничего для смягчения крепостнического абсолютистского режима и даже, напротив, всячески его укрепляла и расширяла.

Поворот к либерализму. К середине 60-х гг. XVII в. самодержавная власть Екатерины II укрепилась. Причем во многом за счет крепостниче-

ских мер, которые она провела в жизнь как подачку дворянству. Теперь Екатерина II предприняла некоторые либеральные меры, которые находились вполне в духе просвещенного абсолютизма и показывали, что ее представления о цивилизационном развитии России находились в противоречии с мнением большинства представителей русской верхушки и широких кругов дворянства. Это были робкие попытки, но они появились. И не случайно. Становилось все яснее, что и контакты с европейскими просветителями Екатерины II не только дань моде и необходимая для нее реклама, но и духовная потребность, склонность ума и натуры.

Во-первых, она сразу же поставила вопрос о судьбах русского крестьянства, т. е. прикоснулась к тому, о чем даже не думали до нее другие правители России. Так, учредив в 1765 г. Вольное экономическое общество, призванное заниматься проектами развития российской экономики, она посоветовала ее президенту, своему любимцу Г. Г. Орлову, объявить конкурс на лучшую работу по теме: «Следует ли наделять крестьян собственностью?» Тем самым, опасаясь ставить вопрос в лоб, она подходила к нему изподволь.

Побывав в 1764 г. в Прибалтике, Екатерина приказала лифляндскому губернатору обсудить вопрос об отношениях крестьян и помещиков в местном ландтаге. Она требовала положить конец тирании помещиков в отношении крестьян, а позднее предприняла попытку ограничить продажу крестьян без земли, запретить торговлю ими с аукциона. Это говорило о том, что постепенно, осторожно, чтобы не восстановить против себя дворянское сословие, императрица постоянно возвращалась к крестьянскому вопросу, создавая в стране определенное общественное мнение, помогала продвинуться в этом направлении своим преемникам. И в дальнейшем она не отказывалась от попыток ограничить наиболее тяжелые формы крепостного права и принудительного труда. Так, один из ее указов вдвое повышал оплату работы приписных крестьян.

Личность Екатерины II. К этому времени Екатерина II окончательно сформировалась как человек и правительница. В 1765 г. ей исполнилось 36 лет.

Это была хорошо образованная, начитанная женщина, которая следила за основными европейскими культурными, общественными течениями, за достижениями в области литературы и искусства. Она имела яркий литературный и публицистический талант, была автором пьес и памфлетов, постоянно вела дневник, занималась созданием исторических произведений на основе изучения русского летописания. Уже на склоне лет Екатерина II сочинила для своих внуков, будущего императора Александра I и его брата, «Азбуку», в которой наставляла воспитателей юных великих князей как вырастить образованных, хорошо воспитанных, богатых духовно, крепких физически молодых людей. Ее советы и гуманны, и строги, а наблюдения исполнены ума и добродетели.

Став императрицей, она явилась перед Россией энергичной молодой правительницей. Екатерина обладала огромной работоспособностью, железной волей, мужеством и оптимизмом. Она верила, что сумеет преодолеть все трудности и препятствия, и этой верой заражала своих сподвижников.

ков. К тому же она обладала выдающимся политическим чутьем, яркими способностями к административной, управленческой работе. Умела внимательно выслушать собеседника, тактично поспорить с ним. Она никогда не демонстрировала подданным свое коронованное превосходство, но стремилась убедить их логикой, фактами. Если это не удавалось, то готова была согласиться с мнением оппонента. Она никогда не выходила из себя, не повышала голос и не оскорбляла окружающих. Напротив, старалась привлечь к себе человека, хотя в этом при ее положении вовсе, кажется, не было необходимости. Ее мягкая улыбка, спокойный тон, доброжелательность открывали ей многие сердца, делали человека ее прочным союзником.

Со временем сложилось так, что видные государственные деятели, полководцы и флотоводцы, деятели науки и культуры склонялись перед ней головы не только потому, что она была императрицей, но и потому, что являлась выдающейся личностью, во многом стоящей выше них в смысле интеллекта, образования, воли и энергии. Она, проникая в сокровенные мысли собеседников, использовала их сильные черты характера, таланты, играла на их слабостях. Она умела выбирать сподвижников, не боялась людей ярких, талантливых. Не случайно рядом с ней были такие выдающиеся личности нашего отечества, как Никита Панин, Григорий Потемкин, Петр Румянцев, Александр Суворов, Федор Ушаков, Екатерина Дашкова, Гавриил Державин и многие другие.

За время правления Екатерины II не было политических процессов, громких опал, ссылок, падений фаворитов. Если человек не устраивал императрицу, она переводила его на другую должность. И все. Привлекала к себе людей умных, ярких. Откровенно говорила: «Мне дураков не надобно».

Характерной ее чертой как правительницы была терпимость. Она никогда не требовала от людей того, что они не могли дать. Умела мириться с их недостатками. Людей же талантливых, работоспособных нередко убеждала и даже просила совершить то или иное дело. Как правило, такая манера вознаграждала ее полностью: она добивалась результата.

Любопытно, что фаворитами Екатерины II было немало выдающихся личностей. Но среди них — ни одного иностранца.

Со времен Петра I во главе России впервые оказалась правительница, которая работала как государственный руководитель с утра до вечера. Она вникала во все дела, сама работала над указами. Ежедневно встречалась со своими помощниками, губернаторами, военными, руководителями коллегий, учеными, литераторами. Ее рабочий день начинался рано утром, а кончался к вечеру. При этом Екатерина II не была столь фанатичной в работе, как Петр I. Она не работала рывками и до потери сознания, загоняя, как Петр I, и себя, и других. Умела отдыхать и развлекаться. При ней правилом стали балы, маскарады, другие увеселения. Но все это имело пристойный характер. Исчезла кричащая, глупая роскошь. Из дворца пропали шуты, карлики, приживалки, другие привычные для средневековых монарших покоев обитатели.

Екатерина II в практику русских монархов, членов семьи Романовых ввела регулярные поездки по стране. В путешествиях по России она покрыла тысячи верст, не понаслышке, а воочию видя жизнь страны, ее населения, зная ее многонациональные обычаи и природу.

Со времени Екатерины II на русском троне неизменно, независимо от характеров, склонностей, привычек, уже появились люди высокого образования, высокого чувства долга перед родиной, большой личной работоспособности. Екатерина II окончательно сформировала для России модель правителя, просуществовавшую до краха русской монархии в 1917 г.

Вместе с тем и современники, и потомки отмечали и другие черты характера Екатерины II, которые, кстати, помогали ей свыше 30 лет находиться на русском троне.

Она являлась человеком жестоким, скрытным и эгоистичным. Ее ровная манера и приветливая улыбка скрывала натуру безжалостную и бескомпромиссную там, где это касалось ее личных интересов. Она была лживой и двуедушной, использовала свои немалые актерские способности для одурачивания прямотдушных людей, для того чтобы добиться цели. Но важно отметить, что эгоизм и честолюбие правительницы были неотделимы от ее стремления сделать Россию сильной, просвещенной, цивилизованной страной, видеть ее такой, какой она этого хотела с ее идеалами просвещенной самодержавной царицы.

Уложенная комиссия и ее крах. В 1767 г. Екатерина II, как и ее предшественники, предприняла очередную попытку создать новое Уложение, новый свод законов. Он должен был заменить старое Уложение 1649 г., учесть новые указы и Манифесты, отразить изменившуюся жизнь страны.

В отличие от прежних правителей Екатерина II поставила этот вопрос на практическую почву. Для разработки нового Уложения она решила созвать депутатов от разных сословий и разных мест России. Сам этот факт имел для самодержавной России огромное значение.

Вскоре в Москву, где открылось собрание, съехалось более 500 депутатов. Больше всего в так называемой Уложенной комиссии было представителей городов, на втором месте стояло дворянство.

Своих выборных представителей прислали государственные крестьяне, поволжские народы России, татары и башкиры. Кроме того, там были депутаты от Сената, Синода, Коллегий. Лишь бесправное крепостное крестьянство и духовенство, которому по мысли организаторов Комиссии не пристало заниматься «мирскими делами», были исключены из состава этого собрания.

Императрица собственноручно написала Наказ для депутатов, которым они были обязаны руководствоваться в своей работе. Для того времени это был замечательный документ. Екатерина показала в нем, что она не даром изучала сочинения французских просветителей. Наказ преимущественно основан на трудах Монтескье. Понятия «добро» и «честность» вынесены в нем на первый план. Там говорилось о необходимости видеть «граждан России», «охраняемых законами», и провозглашалось равенство всех перед этими законами. Как гром среди ясного неба для русского дворянства прозвучали слова императрицы о необходимости «богатым удру-

чать меньшее их стяжание имеющих» (т. е. богатым щадить бедных). Больше того, в Наказе Екатерина II давала рекомендации помещикам так облагать податями и повинностями крестьян, чтобы это не наносило ущерба их хозяйствам и не вело к разорению государства в целом. Она вновь возвращалась к крестьянскому вопросу.

Екатерина писала о том, что «вольность есть право все то делать, что законы дозволяют». «Россия, — торжественно возвещала она, — есть европейская держава». Тем самым Екатерина признавала, что Россия должна следовать образцам европейского общественного развития.

Конечно, императрица не затрагивала основ самодержавия и крепостного права. Не случайно в Наказе присутствовали слова: «Государь есть самодержавный». Неоднократно и в дальнейшем Екатерина II защищала самодержавие. Она считала, что в такой огромной стране, как Россия, возможна лишь сильная, централизованная власть, способная защитить страну и оградить ее от развала. Но сам факт созыва депутатов, постановка новых для России цивилизационных вопросов, исходившая от верховной правительницы страны, показывает, что само общество в России стало меняться. И к переменам побуждала сама императрица.

Именно теперь Екатерина II запретила в документах, идущих на ее имя как от государственных чиновников, так и от частных лиц, подписываться, как прежде, «раб» и «холоп». На первый взгляд то был незначительный факт. Но он показывал, что «век Просвещения» оказывал воздействие и на наше Отечество.

Екатерина понимала, что Наказ содержал «крамольные» для России мысли. Потому сей документ предназначался лишь для депутатов и высших чинов империи. Обнародовать его императрица не решилась, это могло быть для нее опасно.

В ходе работы Комиссии сразу же выявились непримиримые противоречия между сословиями. Депутаты приехали в Москву с наказами своих выборщиков. Дворянство требовало ужесточить сыск беглых крестьян и жаловалось на торговую конкуренцию со стороны купцов и предпринимателей. Депутаты городов, отражавшие интересы поднимающегося к жизни третьего сословия, наоборот, рассматривали сферу торговли как исключительное право городских слоев, и в первую очередь купечества. Крестьяне жаловались на переход в частные руки и расхищение государственных земель, на нехватку земель для собственного хозяйствования. Об этом же говорилось в наказах депутатов от народов России.

Во время работы Комиссии и обсуждения наказов в некоторых выступлениях прозвучало требование ликвидации крепостного права в стране, что вызвало резкую отповедь дворянских депутатов. Страсти накалялись. Особенно когда Комиссия перешла к обсуждению самих статей будущего свода законов. Работа затягивалась. Озабоченная Екатерина стала демонстрировать свое безразличие к работе Комиссии. Скоро заседания были переведены в Петербург. Туда последовали не все депутаты. Представители от учреждений стали редко бывать на ее заседаниях, занимались своей текущей работой. Комиссия медленно умирала, и Екатерина II не собиралась ее оживлять. В связи с начавшейся войной с Турцией ее работа временно бы-

да приостановлена. Но в дальнейшем Комиссия так и не собралась. Не увенчалась успехом первая робкая попытка просвещенной государыни с помощью выбранного органа обновить российские законы, так как выяснилось, что, с одной стороны, слишком сильны были противоречия в обществе, а с другой — в Комиссии зазвучали слова, стали высказываться идеи, грозившие опасностью и дворянским привилегиям, и самодержавному строю. Они грозили взорвать всю существующую систему. Императрица отступила.

§ 2. Расцвет дворянской империи

Среди новшеств, введенных Екатериной II, следует назвать и либерализацию в области издания книг и журналов, ослабление цензуры, дозволение большей свободы слова. Для безгласного ранее самодержавного государства это пусть небольшой, но все-таки цивилизационный шаг вперед. В конце 60-х — начале 70-х гг. появилось немало новых изданий. Некоторые из них организовала сама императрица. Они были вполне благонамеренными; публицистика, сатира и юмор в них не затрагивали устоев жизни в России, хотя порой недостатки и даже пороки русской жизни высмеивались весьма язвительно.

Другие журнальные издания стали учреждаться первыми российскими просветителями, интеллигентами. В них развертывалась острая критика крепостничества, ставился вопрос и об отсталости политического самодержавного строя России. Много говорилось намеками. Их люди схватывали на лету. Таким просветителем и первым независимым издателем стал Николай Иванович Новиков со своим журналом «Трутенъ». Кто был трутнем в стране? Тот, кто пользовался плодами труда других, а сам не работал, утверждалось на страницах журнала. Со временем в «Трутне» появились нападки и на саму Екатерину II, говорилось о ее неограниченном самолюбии, эгоизме. Такого просвещенная государыня стерпеть уже не могла. «Трутенъ» был закрыт. Но Новиков открыл другой журнал, где продолжал свои обличения. Власти закрыли и этот журнал.

Однако эти издания пробудили, разворошили общественное мнение. Новые взгляды широко расходились по стране.

Предпринимая попытки либерализации политической жизни, Екатерина II одновременно усиливала центральную власть. Она вновь возвысила роль генерал-прокурора, таким образом более действенным стал контроль над чиновниками. Восстановила она в прежних правах Сенат и некоторые другие петровские учреждения.

Важным шагом в деле централизации управления стала ликвидация в 1763 г. гетманства Левобережной Украины. Постепенно автономная со времен Богдана Хмельницкого Украина во всех отношениях превратилась в одну из губерний Российской империи — Малороссию. Во главе ее встал генерал-губернатор. Им был назначен выдающийся полководец и энергичный государственный деятель П. А. Румянцев.

Усиливавшаяся централизация власти сочеталась со все нарастающей либерализацией в области экономики.

Правительство Екатерины прекрасно понимало, что в стране необходимы экономические свободы, что сословные привилегии, монополии наносят вред, предоставляют выгоды узкому слою лиц и подрывают прогресс страны в целом. Опять же здесь перед Екатериной II был пример Западной Европы, где передовые страны, освоившие принципы свободной рыночной экономики, систему конкуренции, свободного предпринимательства, быстрыми шагами шли вперед, преобразовывали жизнь своих граждан. В этом смысле Екатерина II стала продолжательницей разумных мер, которые предпринял при Елизавете Петровне Петр Иванович Шувалов. Императрица объявила свободу на производство ситца — одной из самых популярных и модных в то время тканей — по всей стране. Был разрешен свободный, для всякого, кто желает, вывоз хлеба за границу. Затем появились указы о полной свободе ремесленного производства в городах России и о возможности открывать ткацкие предприятия, ставить станки тем, кто этого захочет.

В 70-е гг. правительство Екатерины II продолжило эту политику. Теперь любой человек в России, если у него имелись средства, мог свободно открыть предприятие в любой отрасли промышленности. Мелкие промыслы освободила от всяких сборов. Получила поддержку местная легкая промышленность. Благоприятные условия были созданы для «мануфактур на дому» в сельской местности. Правительство делало все для того, чтобы заинтересовать людей в развитии производства, в насыщении рынка необходимыми товарами, увеличении выпуска продукции на экспорт.

Очень важно, что правительство разрешило включаться в этот промышленный, промысловый, торговый поток широким слоям крестьянства, городским ремесленникам. Таким образом, поддерживая одной рукой крепостнические путы и не затрагивая здесь интересы дворянства, Екатерина II другой рукой открывала двери для свободных рыночных отношений. Это подрывало старые феодальные привилегии и рано или поздно должно было поставить под вопрос существование крепостничества, потому что право дворянства на подневольный труд тормозило развитие промышленности, основанной на свободном вольнонаемном труде и рыночных отношениях.

Эти две взаимно дополнявшие друг друга линии — централизация управления, превращение империи в единое и неразделимое целое и дальнейшие свободы в области экономической деятельности — Екатерина продолжала и далее. Она считала, что сильная власть в огромной стране при разумном и просвещенном правителе лучше всего будет содействовать прогрессу России.

К началу 70-х гг. XVIII в. правительству Екатерины II удалось сделать жизнь в стране стабильной и спокойной. Осторожные, постепенные, но постоянно улучшающие жизнь разных сословий России меры стали себя оправдывать. Определенные выгоды от новых реформ имели дворяне, городские слои, предприниматели и купечество. И даже крестьянство после откровенно крепостнической политики начала 60-х гг., раздачи государственных земель в частные руки почувствовало некоторые облегчения, особенно в области торгово-промышленной деятельности.

При этом, конечно, екатерининское правительство опиралось прежде всего на дворянство — на дворянскую элиту, вельмож, на широкие круги дворянства, на армейскую верхушку и офицерство, состоящее в основном из дворян. Они были основой трона, могущества и силы страны. И даже в области экономики дворянство с его огромными земельными владениями, крупным снабжением рынка сельскохозяйственными продуктами, сильными позициями в промышленности, в частности в винокурении, имело для страны большое значение.

В течение многих лет в нашей стране принято говорить, притом с осуждением, что Екатерина II — дворянская императрица. А какой она должна была быть в то время. Это естественно и закономерно. Именно дворянство принесло силу, мощь, славу России во второй половине XVIII в. Но она первой из правителей России поняла, что наступают новые времена, особенно в области экономики, и необходимо постепенно менять монопольное положение дворянства в стране. Однако делала это Екатерина II медленно, с большой оглядкой, во многом опасаясь и за трон, и за свою жизнь.

Именно медлительность, боязнь при решении некоторых коренных вопросов жизни страны, в первую очередь крестьянского вопроса, острых проблем входящих в состав России национальностей, привели к тому, что народ, доведенный до отчаяния, попытался сам решить свою судьбу.

И главное заключалось не только в том, что его положение стало хуже. Напротив, правительство делало многое для облегчения положения людей, стремилось ограничить жестокость господ в отношении крепостных крестьян, регулировать их отношения и в сельской местности, и на заводах. Дело было в другом. Жизнь быстро менялась. Развивались рыночные отношения. Теперь и у посадских людей, и у крестьян появились новые возможности заработка, улучшения материального положения. Шире становились контакты между людьми. Появилась новая информация о том, как живут в мире люди. Простой народ видел, как развиваются города: на базарах, в лавках становится больше нужных товаров, как все большее число людей улучшает условия своего труда и быта. Но старые законы, старые традиции не давали возможности всем идти в ногу со временем. Правительство здесь отставало от жизни. Вот с этим-то и не мог в первую очередь примириться народ. Это проявилось в мощном народном восстании, предводителем которого стал донской казак Емельян Иванович Пугачев. Не случайно оно охватило страну именно в первой половине 70-х гг. XVIII в., когда казалось, в России во всех отношениях стал ощущаться поворот к лучшему.

Восстание Пугачева. Грозные всполохи народного недовольства ощущались уже давно. Это были крестьянские бунты в различных уездах России, жестокие расправы с помещиками и чиновниками. Глухо бурлило недовольство на заводах и мануфактурах, особенно среди посессионных и приписных крестьян уральских заводов, которые в развивающихся рыночных условиях остро чувствовали свою неполноценность, бесправность, невозможность добиться улучшения отношений рабочего и заводчика.

Задавленные карательными отрядами, затихли на время недовольные башкиры, татары, мордва, черемисы и другие народы Поволжья и Приуралья.

Мощным очагом недовольства политикой властей в 60-е гг. стал казачий Яик.

Со строительством Оренбурга и военной оборонительной полосы правительство начало стеснять казачьи вольности, подчинять казаков генерал-губернатору Оренбургского края, привлекать их к службе в войсках империи. Введение здесь монополии государства на ловлю рыбы и добычу соли больно ударило по материальным интересам яицких казаков. По жалобам казаков в край прибывают комиссии. Но положение не улучшается. Казаки, привыкшие к вольностям и свободам, не могли смириться с наступлением в их родных местах всевластия военных, чиновников и откупщиков, которые брали у государства на откуп рыбную ловлю и соледобычу.

В начале 70-х гг. здесь появилась еще одна комиссия в сопровождении военного отряда, которая подвергла суровым наказаниям недовольных казаков. Часть их была арестована. Начались допросы. Попытка казаков освободить своих товарищей кончилась расстрелом. В ответ яицкое казачье войско в 1772 г. подняло восстание. Присланный сюда отряд был уничтожен во главе с командиром. Начались расправы над казачьей верхушкой, вошедшей в сговор с властями, чиновниками.

Правительство привело на Яик новые войсковые соединения. Они и задавили сопротивление казаков. Многих из них сослали в Сибирь, били кнутом. Казачий круг ликвидировали.

Общую неспокойную обстановку в среде народных масс дополняли постоянно распространявшиеся слухи о чудесном спасении императора Петра III и о том, что он вот-вот придет и даст народу избавление от неволи, от помещиков и чиновников. Самозванцев ловили, били плетью, ссылали на каторжные работы. Но слухи не утихали. Народ ждал избавителя. И он явился в лице Пугачева.

В начале 70-х гг. Пугачеву было тридцать с небольшим лет. Это был уже опытный, бывалый человек. Он в составе казачьего отряда храбро сражался в Семилетней войне, потом участвовал в русско-турецкой войне. Из армии ушел по болезни, а затем уже не вернулся с состав своей части. Началась вольная жизнь, скитание по России. Он побывал у терских и яицких казаков, в Поволжье. Его, как дезертира, ловили и сажали в тюрьму. Несколько раз он бежал из заключения.

В пору своих скитаний Пугачев окунулся в гущу народной жизни, почувствовал тяжкое положение крепостных крестьян, работных людей. На Яике он воочию видел противостояние местного рядового казачества и властей, карателей, преданных властям старшин.

Пугачев был прекрасно осведомлен о слухах по поводу спасения Петра III и якобы его появления в народе. Человек неграмотный, но рискованный, смелый, склонный к авантюрным действиям, Пугачев решил выдать себя за покойного императора. С этой мыслью он и появился вторично среди яицких казаков весной 1773 г.

На дальнем хуторе на реке Яик он «открылся» казакам, объявив себя императором Петром III, утверждал, что счастливо избежал заговора со стороны своей жены Екатерины. Конечно, пришедшие на встречу с ним казаки тут же признали в нем беглого донского казака. Но, поразмыслив, решили, что с Пугачевым они смогут поднять яицкое казачество на большой бунт, увлечь за собой всех обиженных и гонимых, добиться своих вольнолюбивых целей. Так зародилось мощное народное восстание.

Сначала его ядром стали недовольные яицкие казаки, которые хотели отплатить властям за все и вернуть свои вольности. Прослышав о народном царе, они со всех сторон двинулись к Пугачеву. С отрядом в несколько десятков человек он поднялся вверх по реке Яик, попытался взять сходку здешний центр — Яицкий городок, но тот устоял, и тогда Пугачев направился в сторону Оренбурга — главного города здешнего края.

Уже там, на Яике, Пугачев выпустил свой первый «царский Манифест», написанный одним из грамотных казаков. В «Манифесте» Пугачев «жаловал» казакам земли, воды, денежное жалованье, всякое довольствие. Это привлекло к нему новые толпы повстанцев. На пути к Оренбургу его отряд вырос до 2,5 тыс. человек. Со всех сторон шли яицкие казаки. Сюда же стекались бежавшие от хозяев крепостные крестьяне, а также недовольные башкиры, калмыки, казаки, татары, представители народов Поволжья.

Высланные против Пугачева небольшие правительственные отряды переходили на сторону самозванца. Солдаты связывали своих офицеров и выдавали их повстанцам. Стоявшие на его пути небольшие городки и крепости сдавались без боя.

Когда Пугачев подошел к Оренбургу, то в его распоряжении была уже настоящая повстанческая армия. Ядром ее по-прежнему оставались казаки с их предводителями Иваном Чикой-Зарубиным, Андреем Овчинниковым и др., но среди повстанцев появились и русские крестьяне. Позднее в пугачевскую армию влились отряды горнозаводских рабочих во главе с их представителями Хлопушей (Соколовым) Афанасием и Иваном Белобородовым. Вновь восстал Башкирский край. На помощь Пугачеву подошла башкирская конница во главе с юным вождем Салаватом Юлаевым, появились под Оренбургом отряды татар, марийцев, калмыков. Войско Пугачева стало многонациональным.

Первые попытки овладеть Оренбургом не удалось. Пугачевцы приступили к осаде города. Высланные на выручку крепости правительственные части во главе с генералами один за другим были разбиты. Решающим моментом этих сражений стал переход солдат правительственных войск под знамена повстанцев.

Пугачев и его сподвижники хорошо выбрали время восстания, так как в разгаре была русско-турецкая война. Основная часть русских войск с наиболее талантливыми военачальниками находилась на турецком фронте: Россия прорывалась к черноморским берегам. Однако восставшим ни-зам не было дела до большой российской политики. Они видели перед собой собственные жизненные интересы, которые вступили в противоречие с всеобщим стремлением России выйти к морям, разорвать международную экономическую изоляцию.

Под Оренбургом в период многомесячной осады повстанцы предприняли ряд мер по организации своей власти на захваченной территории и упорядочению своего войска.

Пугачев старался поставить дело по типу петербургского управления и петербургского двора. Но все это была пародия на столичные порядки, потому что действующими лицами были казаки, крестьяне, рабочие. Осенью 1773 г. была создана повстанческая Военная коллегия. Она стала единственным и универсальным органом восстания. Коллегия являлась военным штабом, заведовала снабжением и вооружением армии, была высшей распорядительной и судебной властью. Управлял ею лично самозванец. При нем состояли «придворные» — «князья» и «графы» — его соратники по борьбе, казаки и разных чинов люди. Большинство из них — неграмотные.

Здесь же на крыльце дома Пугачев часто вершил свой суд над захваченными в плен офицерами, начальниками сдавшихся крепостей, чиновниками, помещиками. Повстанцы установили на подвластных им землях жестокий террор. Своим противникам из высших слоев населения они не давали пощады. Как правило, разговор был короткий — либо виселица, либо «в воду». Но своих сторонников самозванец всячески «ласкал», награждал. Военная коллегия присваивала отличившимся в боях воинские звания, представляла их к наградам: это могли быть введенные повстанцами ордена и медали, денежные суммы, дорогие предметы быта и одежда, захваченные в бою или конфискованные у господ.

Пугачевцы прекрасно понимали важность письменной и устной пропаганды в защиту своих действий и своих планов. В рамках Военной коллегии действовала специальная канцелярия, где трудились перешедшие на сторону Пугачева грамотные и смывленные люди: духовные лица, офицеры. Со слов повстанческих вождей они писали указы, манифесты, «прелестные» агитационные грамоты. Официальные документы имели подписи и печати.

Пугачевские указы, манифесты и грамоты были короткими, но яркими агитационными документами. Они призывали всех «черных» людей к правам над дворянами и чиновниками, обещали народу «землю» и «волю», провозглашали равенство людей всех национальностей и вер — и православных, и мусульман, и язычников. В них говорилось об освобождении от налогов и рекрутской повинности.

В этих документах простые люди видели свои чаяния и мечты. Они уравнивали их в правах со всеми остальными, делали их людьми в полном смысле этого слова, а не «презренными рабами», лицами второго сорта. За это самоутверждение «чернь» была готова идти на бой и на смерть. В этом заключалась огромная сила движения.

Свою разношерстную армию Пугачев также пытался организовать по образцу регулярной. Она делилась на полки. Но одновременно ее боевыми единицами, как и в казачьих войсках, являлись сотни и десятки. Они создавались по национальному и социальному признаку. Были полки, состоящие из казаков, работных людей, крестьян. Отдельно формировались башкирские и татарские отряды. Каждый имел командиров из своей среды.

Позднее, когда повстанцы овладели уральскими заводами и рабочие стали поставлять им пушки, в армии Пугачева появилась артиллерия.

Управление в захваченных городках, крепостях, селах было организовано по типу казачьего круга. Там всеми делами заправляли выборные местными низами атаманы и старшины. Все они подчинялись пугачевской Военной коллегии.

Вместе с тем повстанческая армия, несмотря на все усилия ее вождей, так и не стала регулярной армией. Это были плохо организованные, слабо дисциплинированные отряды. Вооружение повстанцев являлось весьма примитивным — лук со стрелами, дубина, колья, рогатины, косы, вилы. Ружья были либо трофейные, либо те, что оказывались в руках у перешедших на сторону восставших. Конечно, лучше других были вооружены казаки — профессиональные воины — они имели ружья, сабли, пики.

Повстанцы основной упор в своих действиях и в своих программах делали на разрушение существующих порядков, ликвидацию крепостного права, всевластия чиновников, ненавистных налогов и насилий. Что они предлагали взамен? По существу, тот же строй, только с переменой лиц. Место «злой царицы» Екатерины должен был занять «добрый император» «Петр Федорович», на место «злых вельмож» должны встать народные «князья», «графы», «фельдмаршалы».

Пугачевцы не выступали против частной собственности, они не затрагивали частной торговли. Повстанцы не собирались создавать какое-то другое общество. Они знали только общество, разделенное на господ и подневольных людей. Их методы управления и расправы были вполне под стать их разрушительным настроениям. Порядки, которые они устанавливали, отличались жестокостью по отношению к тем, кто не принадлежал к «черни». Тысячи казненных, разоренных людей всех сословий, издевательства и насилия сопутствовали продвижению победоносных повстанческих полков. Они сеяли страх и панику. В результате остальная часть общества в негодовании и ненависти спланивалась вокруг официальных властей и правительственных войск, которые одни могли дать защиту и спасение от разбушевавшейся народной стихии.

Опыт пугачевского управления и его порядков показал, что неграмотные и полуграмотные люди, ослепленные к тому же ненавистью к своим врагам, не способны создать жизнеспособную модель иного строя, чем тот, в котором они родились, жили и боролись.

Восстание охватывало все новые территории. Пугачев послал своих сподвижников поднимать против властей все новые и новые районы: Южный и Средний Урал, Западную Сибирь, Башкирию, Поволжье. Большинство рабочих людей уральских заводов организовали повстанческие отряды и направили под Оренбург к народному вождю пушки вместе с боеприпасами. На Среднем Урале отрядами командовал уральский рабочий, хорошо знавший артиллерийское дело, — Иван Белобородов. Под угрозой захвата оказалась столица Урала — Екатеринбург. Башкирские отряды во главе с Салаватом Юлаевым и направленные в Башкирию отряды Пугачева осадили Уфу. На Волге повстанцы овладели рядом городов и крепостей, в том числе Самарой.

К зиме 1773 г. царица и ее правительство осознали всю глубину опасности. В район восстания посылаются серьезные воинские соединения. Их возглавляет генерал-аншеф Александр Иванович Бибииков. Позднее Россия в спешном порядке заключает мир с Турцией, и правительство направляет против повстанцев дополнительные войска во главе с боевыми и уже прославившимися генералами, в числе которых был и генерал-поручик Александр Васильевич Суворов. За голову Пугачева назначается высокая награда в 10 тыс. рублей.

Уже к весне 1774 г. меры, предпринятые правительством, дали результат. В нескольких сражениях регулярные войска берут верх над повстанцами. От них освобождают Поволжье, Белобородов терпит поражение под Екатеринбургом. В решающем сражении у крепости Татишевой основные силы Пугачева во главе с самим самозванцем были разгромлены наголову войсками Бибиикова. Бой продолжался несколько часов.

Пугачев потерял только убитыми более тысячи человек. Многие попали в плен. Другие разбежались. С Пугачевым осталось повстанческое ядро — около 500 казаков. Собрав оставшиеся силы, Пугачев снимает осаду Оренбурга, но его вновь настигают правительственные войска и вновь побеждают.

Армия Пугачева перестает существовать. Одновременно полковник Михельсон громит под Уфой отряды Чики-Зарубина и освобождает от осады Уфу. Другие части вызывают столицу яицкого казачества Яицкий городок. Многие сподвижники Пугачева попадают в плен, среди них — Чика-Зарубин.

С отрядом оставшимся с ним казаков Пугачев появляется на Урале. Здесь он объединяет свои силы с конницей Салавата Юлаева.

Уральские заводы и башкирские селения с восторгом встречают народного царя. Его войско снова пополняется людьми. Он захватывает несколько заводов и селений, восстанавливает артиллерию. Но правительственные войска следуют за Пугачевым по пятам. Все стычки с ними заканчиваются поражениями повстанцев. Михельсон не дает Пугачеву где-либо остановиться, закрепиться, отдышаться. Он выживает его с Южного Урала и из Башкирии. Пугачев вновь теряет людей и артиллерию.

Теперь Пугачев стремится выйти на Волгу, в Казанский край, в районы помещичьего землевладения, рассчитывая на помощь местного крестьянства. Появление Пугачева на Волге вновь подняло волну повстанческого движения. Теперь его главной силой стало поволжское крепостное крестьянство, народы Поволжья. Его войско вырастает до 20 тыс. человек. Но качество его уже не то. Кое-как вооруженные крестьяне, никогда и нигде не воевавшие, были ненадежной опорой. С ним все меньше остается профессиональных воинов-казаков, разгромлены и потеряны для него отряды уральских рабочих. В плен попал Белобородов и другие вожаки уральских отрядов.

При появлении Пугачева на Волге начались повсеместные восстания крепостного крестьянства. В эти дни манифесты Пугачева меняют свой тон. Они адресуются в основном крепостным крестьянам, зовут их на борьбу с помещиками. Крестьянство с восторгом откликается на эти призывы.

Неспособные противостоять регулярным войскам крестьяне обрушиваются на местных помещиков, начинают полыхать дворянские усадьбы. Крестьяне жестоко расправляются со своими господами и членами их семей, делят между собой их имущество, убивают чиновников. По данным историков, только в Поволжье крестьяне казнили до 3 тыс. местных дворян. В поволжских землях рушится десятилетиями устоявшаяся жизнь. Хаос, разрушение, пожарища сопровождают расправы.

В знак солидарности с поволжскими дворянами Екатерина II объявила себя «казанской помещицей», показав, что власть в борьбе с восстанием не отступит и пойдет до конца.

К Волге подтягиваются все новые войска. А в это время Пугачеву сдаются без боя многие поволжские города. Дворяне в страхе ожидают похода Пугачева на Москву, его появления в центре помещичьего землевладения России. Однако он поворачивает на юг.

В июле 1774 г. Пугачев врывается в Казань. Местное дворянство и гарнизон запираются в Казанском кремле. Но на выручку городу уже подходят полки Михельсона. В ожесточенном сражении за Казань, которое длится несколько дней, царские войска вновь берут верх.

Пугачев отошел от столицы края и продолжил свой бег к югу. Поволжские города продолжают открывать ему ворота. Его стремительное движение почти не встречает сопротивления: взяты Саранск, Саратов, Камышин, пала Пенза. Повсюду пугачевцы и местное население устраивают расправы над дворянами и администрацией, делят имущество, организуют местное казачье управление. Но Пугачев не задерживается в этих городах. Михельсон идет за ним следом. Наконец он вновь настигает Пугачева под Царицыном. Здесь на берегу Волги под Черным Яром в конце августа 1774 г. царские войска наголову разбивают казачко-крестьянскую рать. Огнем из пушек и ружей они буквально сметают с лица земли в ярости бросавшихся на них почти безоружных повстанцев.

Пугачевцы потеряли здесь тысячи человек убитыми и взятыми в плен. В который раз повстанческая армия перестала существовать. На четырех лодках самозванец переплыл Волгу и ушел на ее левую луговую сторону всего с тридцатью казаками. Это было все, что у него осталось после полутора лет побед и поражений.

Пугачев стремился найти убежище в завожских степях, в местных камышовых плавнях. Он хотел отсидеться там, набраться сил, а потом вновь разжечь пламя восстания.

А в это время в ставку Михельсона прибыл Суворов. Все войска в этих местах переходили в его подчинение. Суворов тоже переправился на левый берег Волги и углубился в степь в поисках повстанцев.

Пугачев метался по степи, как затравленный зверь. Кольцо окружения сужалось. На его поиски шли отряды из Яицкого городка, из Башкирии, была мобилизована и калмыцкая конница.

На время Пугачев со своими сторонниками укрылся у раскольников на реке Малый Узень. Здесь у казачьей верхушки созрел заговор против своего вождя. Его выдачей властям они хотели искупить вину и спасти жизнь.

Это случилось 8 сентября 1774 г. Пугачев, тяжело задумавшись, сидел в своей горнице, когда заговорщики вошли к нему. Его оружие — сабля, пистолет — висело на стене поодаль. Пугачев спросил, чего они хотят. Тут же старшины начали выговаривать ему, что положение их отчаянное и что он завел их невесть куда. Сами же незаметно передвигались по горнице, стремясь отрезать Пугачева от оружия. А потом бросились на него. Началась борьба. Обладая могучей силой, Пугачев вырвался от заговорщиков и бросился к реке, где располагалась остальная часть отряда. Но его догнали, повалили и доставили в дом. Связанного Пугачева повезли в Яицкий городок. На пути во время обеда, когда ему развязали руки, он вновь попытался бежать от врагов: успел схватить саблю и пистолет, ранил выстрелом одного из заговорщиков и выскочил из дома. Но его вновь догнали. Теперь уже его везли крепко связанным.

После первых допросов конвойный отряд во главе с Суворовым повез Пугачева в Симбирск.

После допросов в Симбирске Пугачева и его сподвижников доставили в Москву. Там следствие продолжалось. Попыток при этом не применяли.

10 января 1775 г. Пугачев и его соратники были казнены на Болотной площади в Москве. Перед казнью Пугачев обратился к собравшейся толпе со словами «Прости, народ православный».

А по российским весям и градам, по Поволжью, Приуралью, Башкирии жестокой поступью шли армейские части, присланные на подавление всех очагов восстания. Каратели методически восстанавливали порядок в каждом городе, в каждом селе, в каждой деревне. Виселица, кнут, кандалы обрушились на Россию.

Укрепление дворянского государства. Мощное народное восстание под руководством Пугачева имело для России ряд важных последствий.

Во-первых, оно показало несовершенство системы местного управления России. Страна, разделенная на огромные губернии, по существу, слабо контролировалась центром.

Во-вторых, восстание сплотило высшие сословия России, в первую очередь дворянство с властью. Свое спасение от подобных будущих потрясений дворянство видело в усилении центральной власти, самодержавного государства.

В-третьих, возмущение народных масс продемонстрировало, сколь опасны в то время для России были либеральные помыслы просвещенной императрицы и некоторых ее сподвижников относительно смягчения системы крепостного права. Уже яростные споры в Уложенной комиссии показали, что сама постановка вопроса об отмене крепостного права в России — это игра с огнем.

Стремление «низов» общества путем насилия решить свои насущные проблемы, по существу, затормозило осторожное, с оглядкой, противоречивое цивилизационное движение России, которое предпринимали «верхи» общества во главе с императрицей. Теперь главную свою задачу власть видела в том, чтобы установить в стране порядок и не допустить впредь социального хаоса и распада государства.

В-четвертых, восстание принесло России неисчислимый материальный урон: в руинах и пожарищах лежали сотни селений, были сожжены и разрушены многие дворянские усадьбы, в сражениях погибли тысячи молодых, полных жизни и энергии людей, тысячи погибли во взаимных расправах.

В-пятых, неистовая ненависть и взаимное истребление противниками друг друга затормозило созревание гражданского общества в России, развитие гуманистических ценностей. Оно посеяло семена новой злобы, недоверия и насилия. На зле нельзя было взрастить добро.

В-шестых, восстание показало «низам» их силу и вдохнуло в них надежду на то, что хоть на время, но освобождение от насилий и нужды может быть достигнуто. Оно пробудило у людей чувство гордости и уважения к себе.

Реформа местного управления. В 1775 г. Екатерина II провела реформу местного управления. Ее смысл заключался в том, чтобы взять под строгий контроль все районы страны, использовать ресурсы как самого государства, так и местного дворянства. Одновременно эта реформа втягивала дворянство в систему управления Россией, пробуждая его инициативу, самостоятельность.

Теперь вся Россия вместо прежних 23 губерний, которые существовали к этому времени, делилась на 50 губерний, в каждой из которых насчитывалось по 300 тыс. человек. Они включали и национальные районы страны. Их обитатели входили в состав губерний наравне с остальными жителями.

Губернии делились на уезды. В их составе было по 30 тыс. человек. Основной фигурой являлся губернатор — глава губернского правления. Несколько крупных губерний объединялись в наместничества или генерал-губернаторства, во главе которых вставали генерал-губернаторы.

Губернское правление сосредоточивало функции распорядительные, контроль за выполнением распоряжений правительства, отдачу под суд нарушителей законов. А главное — в руках губернатора находились полиция и приданные ему войска. Всеми хозяйственными делами ведала Казенная палата. Приказ общественного призрения помогал полиции поддерживать порядок. Одновременно он ведал народным образованием, здравоохранением, благотворительностью, богадельнями, сиротскими домами. Довершало новое губернское управление учреждение судебной системы. Высшей судебной инстанцией теперь являлись две палаты — по гражданским и уголовным делам. Им подчинялись и были подотчетны специальный суд для дворян и суд для купцов и мещан. Свой суд был у государственных крестьян. Ввели должность губернского прокурора, которому подчинялись прокуроры, приданные всем судам.

Таким образом, впервые в России появилась стройная и единообразная для всей империи судебная система, выстроенная по образцу западных стран. Однако она была сословной, что на Западе стало уже прошедшим днем.

Новая система управления вводилась и в уездах. Там всеми делами руководил «низший земский суд» во главе с выборным капитан-исправником. Этот орган соединял в себе распорядительную и судебную власть. И капитан-исправник, и судебные заседатели выбирались только из дво-

рян. Непосредственно судебными делами, как и в губерниях, занимались местные сословные суды, где заседали выборные люди из сословий.

Выборы кандидатов на уездные и губернские должности, которые занимали лишь дворяне, проводились на уездных и губернских дворянских собраниях. Ими руководили уездный и губернский предводители дворянства. На своих губернских и уездных должностях дворяне получали государственное жалованье. Они были подотчетны губернаторам, назначаемым императрицей. Тем самым дворянство оказалось прочно встроено в систему местного управления и являлось надежной опорой центральной власти. Теперь власть и губернское и уездное общество представляли собой единое и неразрывное целое.

В этом же году Екатерина II осуществила городскую реформу, цель которой состояла в упорядочении и усилении городского управления.

Если в губерниях и уездах власть опиралась на дворянство, то в городах — на дворян, купечество и зажиточных горожан. Отныне городами руководили городские магистраты во главе с городничими. Состав магистрата выбирался местным купечеством и мешанством. А городничий назначался Сенатом из числа дворян.

Из числа городских жителей избирались и судебные органы — «совестный суд», который подчинялся губернатору. Как видим, и в городах была введена система, которая соединяла в себе зачатки местного самоуправления в сочетании с сильным государственным контролем. Опираясь на преданное самодержавию общество на местах, Екатерина II не выпускала из рук жесткого контроля как над губерниями и уездами, так и над городами.

Усиливая систему управления в стране, делая ее более гибкой и современной, власть позаботилась о сокращении вольности казачьих областей, откуда постоянно исходила угроза стабильности государству. Донское казачество основательно урезали в правах. Яицкие казаки потеряли даже те права, которые они имели до восстания. И на Дону, и на Яике была введена система губернских учреждений. А в 1775 г. Екатерина II ликвидировала Запорожскую Сечь.

В 80-е гг. вышел еще один законодательный акт, который указывал на то, что правительство в своем стремлении к тотальному контролю за населением добралось до каждой улицы, каждого городского дома. По новому закону в городах вводились полицейские управы. Устанавливался такой порядок, когда дворы городских жителей образовывали части, кварталы. За них отвечали частные приставы и квартальные приставы. Новый закон содержал наставления о том, как обязаны вести себя горожане.

Российская империя после реформы местного управления и наступления на казачество окончательно превратилась в унитарное государство, т. е. в единое и нераздельное целое.

Жалованные грамоты дворянству и городам. Через 10 лет после этих нововведений Екатерина II завершила организацию своего государства четким определением прав и обязанностей двух ведущих сословий в стране — дворянского и городского.

Жалованная грамота дворянству содержала все права и привилегии, которые оно получило от власти за годы последних царствований.

Дворяне были освобождены от обязательной государственной службы, от уплаты податей и выполнения каких-либо повинностей. К ним запрещено было применять телесные наказания. В случае совершения дворянином тяжкого преступления и понесения им наказания его имение не конфисковывалось, а оставлялось семье. Наконец, самое главное, в грамоте подтверждалось монопольное право дворян на владение землей, населенной крестьянами. Однако Екатерина II, чувствуя влечение времени, уклонилась от четкого определения права дворян на обладание «крепостными душами». Грамота подтверждала возможность дворян заниматься торговлей, строить заводы, владеть городской собственностью.

Утверждалось и дворянское самоуправление (правда, под контролем царской администрации — губернаторов и генерал-губернаторов) в губерниях и уездах, губернские и уездные дворянские собрания (созывались один раз в три года) занимались устройством жизни дворян, выбирали должностных губернских и уездных чиновников, своих предводителей.

Жалованная грамота городам создавала стройную корпорацию городских жителей. Им давалось право городского самоуправления (но также под контролем администрации — генерал-губернаторов, губернаторов, городских, приставов).

Власти стремились создать в городах «средний слой людей» — благонамеренных, лояльных власти. Вместе с администрацией они контролировали бы жизнь в городах.

Городские жители делились согласно собственности и доходам на шесть разрядов. Лишь верхушка города имела право участия в городских собраниях, выбиравших городского голову и других должностных лиц. Городскую же думу избирали жители всех разрядов. Дума ведала городским хозяйством, выбирала представителей в специальный орган, куда входило по одному представителю от каждого из шести разрядов. Тем самым каждый из них представлял там интересы своего социального слоя. Существовали в городах и прежние органы государственной власти, определенные по реформе местного управления. В их-то руках и была реальная власть в городах. Однако новая система городского самоуправления как бы подпирала администрацию снизу, создавала ей прочную народную опору.

В обеих грамотах объявлялось, что члены дворянского и городских сословий получают защиту закона. Без следствия и суда человека теперь нельзя было бросить в тюрьму, наказать, лишить собственности.

§ 3. Внешняя политика России во второй половине XVIII в.

России второй половины XVIII в. в наследство достались все те же проблемы во внешней политике, которые прежде пыталось решить Русское централизованное государство. Были три основные проблемы: первая — борьба с Польско-Литовским государством за древние русские земли; вторая — обеспечение выхода к Балтийскому морю; третья — овладение плодородными землями юга, выход к Черному морю и далее к проливам Босфору и Дарданеллам, на рынки Южной Европы, что имело огромное значение для экономического развития страны. Сюда же входила задача

сокрушения давнишнего врага России — Крымского ханства — вассала Турции.

Петру I удалось решить лишь одну проблему — обеспечить за Россией выход к Балтийскому побережью, сокрушить извечного, как и Польша, врага России — Швецию.

Однако во второй половине XVIII в. настал черед подступить к решению важнейших для России проблем западного и южного направлений внешней политики. Тем более что соотношение сил на обоих направлениях решительно изменилось.

Польша все более слабела. Ее раздирали внутренние смуты. Со времен Петра I Россия уверенно сажала на польский трон своих ставленников. Но древние русские земли по-прежнему оставались в руках Речи Посполитой.

Не та была и Турция. Прошло время, когда Россия, в том числе и Петр I, терпели постоянные неудачи в борьбе с могучей Османской империей. Турция, вступив в полосу внутренних раздоров и остановившись в своем экономическом развитии, больше не представляла собой грозной военной силы. Конница Крымского ханства также была войском вчерашнего дня.

Но турецкая армия была сильна своей численностью, фанатичностью мусульманских частей, неистовством янычаров. За плечами Турции стояли противники России — Франция и Швеция.

Россия, напротив, с каждым годом наращивала свою военную мощь, которая опиралась на стабильное развитие экономики, на массовую народную армию, мощное вооружение, постоянно накапливаемый военный опыт, на появление в Российской армии блестящей плеяды выдающихся полководцев, ставших продолжателями военных традиций петровского времени. Все это подтвердила Семилетняя война.

Первая русско-турецкая война. «Турки будут биты», — так писала Екатерина II Вольтеру в одном из писем, когда получила известие о том, что в 1768 г. Турция объявила войну России.

А все началось с Польши.

В 1763 г. после смерти польского короля Августа III на польский трон, несмотря на противодействие Франции, Саксонии, Австрии, Испании, был избран ставленник России Станислав Понятовский, близкий друг Екатерины II. Россию поддержала Пруссия. Избрание Понятовского означало усиление русского влияния в Польше. Следующим шагом стало уравнение в правах в этой стране диссидентов — так называли в Польше представителей других религий (православных, протестантов) — с католиками. Решение сейма на сей счет было принято под нажимом нового короля. Но часть польских магнатов и шляхты воспротивилась и организовала в г. Бар конфедерацию, т. е. войсковые соединения с целью опрокинуть решения короля и сейма. Россия ввела на территорию Польши войска.

Это было откровенным вмешательством в судьбу другого государства, однако Россия уже жила по законам силы. В ту пору на европейском континенте иной политики не существовало.

Мятежники потерпели от русских войск ряд поражений и откатились на юг. Оттуда они обратились за помощью к европейским державам. В их

поддержку выступила Франция. Французский посол в Стамбуле убедил Турцию, что присутствие русских войск вблизи турецких границ грозит Османской империи опасностью. Султан потребовал от России вывода войск и прекращения поддержки диссидентов. Россия отказалась, Турция объявила ей войну. Вот тогда-то и появилось письмо Екатерины II Вольтеру.

Конфликт из-за Польши лишь обострил вражду между Турцией и Россией. Интересы двух держав сталкивались не только в Восточной Европе. Шла напряженная борьба за влияние в Молдавии, за обладание территориями на Северном Кавказе, в Дагестане. Камнем преткновения стало стремление Грузии и Армении искать защиты у единоверной России от турецкой и иранской агрессии. Теперь все эти противоречия должны были решаться силой оружия.

Война началась в 1768 г. на суше и на море. Первыми открыли военные действия турки. Их вассал крымский хан с семидесятитысячной конницей вторгся в южные области России. Это был последний набег крымцев на русские земли. Татары захватили огромную добычу, около 2 тыс. пленных, и вернулись с триумфом домой. Казалось, что война пойдет по уже знакомому и неблагоприятному для России сценарию. Но времена изменились. На юг уже двинулись две армии: одна — под руководством П. А. Румянцева — шла на Дунай. Другая — к Азовскому морю. Особый корпус был направлен на Кавказ. Россия перешла в наступление по всем направлениям.

К тому же Екатерина II приняла смелое решение: послать к берегам Турции вокруг всей Европы Балтийский флот, для того чтобы нанести удар туркам с юга.

Уже в 1769 г. русские войска овладели крепостью Хотин на Дунае, заняли Яссы, Бухарест. Молдавия оказалась в руках России. На Кавказе русские войска овладели Кабардой, которая присягнула на верность России. В это же время Россия приняла в свое подданство и осетин по их просьбе. Успешно действовали русские войска и на Азовском фронте.

1770 г. стал годом побед. П. А. Румянцев в серии сражений нанес туркам несколько поражений. На месте впадения реки Ларги в Прут Румянцев разгромил 80-тысячную турецкую армию, атаковав численно превосходящего неприятеля внезапно, ночью. Русские колонны ворвались в лагерь турок и татар с разных сторон по сигналу ракет. С тыла противнику нанесли удар казаки. Артиллерия действовала в боевых порядках наступавших войск: била по неприятелю с короткой дистанции. Все это оказалось неожиданным для турецких военачальников. Русские потеряли всего 29 человек убитыми и 61 ранеными: блестящая победа была добыта малой кровью. Все решило полководческое искусство.

П. А. Румянцев за победу на Ларге первым в России получил только что учрежденный орден Святого Георгия I степени.

Подтянув свежие войска во главе с великим визирем, турки на реке Кагул собрали мощный армейский кулак — 150 тыс. войск, из них около 100 тыс. являлись кавалерийскими частями. Армия имела 150 орудий. Под командованием Румянцева находилось 27 тыс. давно воюющих, усталых солдат. К тому же в тылу у него оказалась крымская конница. Но он распо-

лагал 118 орудиями, что представляло в руках опытных артиллеристов грозную силу.

Турки разбили свой лагерь в местности с горными хребтами, изрезанной лощинами, через которые могла пройти конница. Здесь трудно было развернуться, но и трудно было атаковать, тем более что турки построили дополнительные рвы и окопы, но не успели защитить фланги. Это и использовал Румянцев. Основную часть своих сил командующий направил на левый, наименее защищенный фланг турецкой армии. Русские полки обрушились на противника в 2 часа ночи. Они наступали расчлененными силами — каре по 2—6 тыс. человек. Постоянно маневрировали. Создавали перевес в численности на направлении главного удара.

В решающий момент, когда бешеная атака янычаров привела в замешательство наступавшие русские каре, Румянцев сам повел солдат в штыковую атаку. Одновременно по турецким флангам ударили другие полки. Турки, терпя громадный урон, атакуемые с фронта, флангов, тыла подвижными русскими отрядами, в боевых порядках которых передвигалась и артиллерия, не выдержали и побежали. В руки русских попала вся артиллерия противника, много пленных. Остатки турецкой армии бежали к Дунаю. Там они стали погружаться на суда, но подошедший русский корпус потопил часть судов артиллерийским огнем. Когда же русские изготовились к атаке, турецкие войска начали поспешно сдаваться. Огромный обоз, остатки артиллерии, боеприпасы, продовольствие достались русским.

П. А. Румянцев за эту победу получил звание генерала-фельдмаршала. Ему было присвоено почетное имя Задунайский. В бою против их огромных, в том числе конных масс, он отбросил устаревшие линейные малоподвижные построения и применил тактику расчлененных подвижных каре в сочетании с рассыпным строем и маневренной артиллерией. Тем самым Румянцев сказал новое слово в военном искусстве. Война на суше была выиграна, хотя турки собирали новые силы.

Но оставалось еще море.

Русский флот в составе двух эскадр после долгого плаванья появился в мае 1770 г. в Эгейском море. Общее руководство флотом было поручено Алексею Григорьевичу Орлову. Непосредственное командование осуществлял адмирал Григорий Андреевич Спиридов. Здесь, сначала в Хиосском проливе 24 июля, а затем в Чесменской бухте состоялись кровопролитные морские сражения. Турки превосходили русских по числу и мощи боевых кораблей. А. Орлов приказал сразу же атаковать турецкий флагманский корабль, зная, что турки теряются при потере командующего. Так и было сделано. Первым шел русский флагман «Евстафий». На его борту и находился Спиридов. На русский флагман обрушился огонь нескольких турецких судов.

Приблизившись к турецкому флагману, русский корабль открыл огонь. Русские артиллеристы превзошли турок в меткости и скорострельности. Когда «Евстафий», расстреливая турецкий корабль в упор, сблизился с ним, русские моряки пошли на abordаж. К этому времени Спиридов перешел для руководства боем на другой корабль. Турецкий же адмирал выбросился за борт. Там турецкие шлюпки подобрали его. Вскоре флагман

противника оказался в пламени. Искры с его падающих мачт попали на пороховой погреб русского корабля, и он взорвался. И тут же прозвучал другой взрыв — взлетел на воздух и затонул турецкий флагман.

После этого турки смешались и быстро укрылись в Чесменской бухте. Здесь их 26 июня вновь атаковал русский флот. В закрытой бухте громоздким турецким судам трудно было маневрировать. Турки явно уступали в быстроте и морской выучке русским морякам. Все решила смелая атака русских брандеров — шлюпочных судов с моряками-зажигальщиками. Они смело подплывали к вражеским судам и поджигали их. 15 линейных кораблей, 6 фрегатов, до полусотни мелких судов было уничтожено. Турция лишилась своего средиземноморского флота.

На следующий год русские войска заняли Крым. Кажется, судьба войны была решена. Турки запросили мира. Начались переговоры. Но в дело вмешалась политика. Не только Франция, Англия, но теперь и Австрия с Пруссией делали все для того, чтобы ослабить русские позиции на подступах к Балканам.

Весной 1773 г. турецкая армия перешла Дунай с целью возвратить потерянные области и крепости. Но Румянцев тут же двинулся в контрнаступление. Три группы русских войск форсировали Дунай. Головными силами командовал сам Румянцев. Другими корпусами — генералы Потемкин и Суворов. Оба действовали успешно. Суворов дважды разбил турецкие войска. Особенно впечатляющей была победа у Козлуджи, когда с восемью тысячами он стремительно атаковал 40-тысячную армию турок и обратил ее в бегство. Русские войска победоносно двинулись к югу, и тут турки вторично запросили мира.

Русские особенно не упорствовали и не отстаивали прежних своих требований — освобождения Молдавии и Валахии от власти Турции: в России полыхало Пугачевское восстание, и поэтому Екатерина II согласилась на достаточно скромные условия мира. Мир был заключен (21 июля 1774 г.) в местечке Кючук-Кайнарджи. По его условиям Крым становился независимым от Турции, хотя и признавал султана в качестве религиозного лидера крымских татар. К России отходили земли между Днепром и Бугом, Азов, Керчь и Еникале, крепость Кинбурн в устье Днепра, а также ряд областей на Северном Кавказе, в частности Кабарда. Отныне Россия получила право строить флот на Черном море, а русские торговые суда получили возможность беспрепятственно проходить через проливы Босфор и Дарданеллы в Средиземное море. Выход к Черному морю и в страны Южной Европы был обретен. В ходе первой русско-турецкой войны произошло еще одно важное внешнеполитическое событие. С конфликта из-за Польши началась эта война, решением польского вопроса она фактически и закончилась. В ход первых переговоров между Турцией и Россией вмешались Австрия и Пруссия. Им было невыгодно усиление России на Балканах, в Причерноморье, в Восточной Европе. Прусский король Фридрих II начал торговлю с Петербургом. Он обещал поддержать русские требования к Турции, но в обмен на согласие России разделить с ним часть Польши. Со своими требованиями к России выступила и Австрия. Екатерина II согласилась. Именно Фридрих II явился инициатором раздела Польши.

В 1773 г. произошел первый раздел Польши между Пруссией, Австрией и Россией. При этом Пруссия и Австрия получили коренные польские земли: Пруссия — Поморье и часть так называемой Великой Польши, Австрия — Галицию. На долю России достались старинные русские земли в Восточной Белоруссии.

Освоение Новороссии и Крыма. Вторая русско-турецкая война. Вскоре события на юге пришли к своему логическому концу. В 1783 г. Россия объявила о присоединении к империи Крыма. Там сразу же началось строительство города-крепости Севастополя — военно-морской базы России на Черном море.

Одновременно Россия объявила о присоединении Тамани и Кубанского края, а вскоре, в том же 1783 г., под протекторат России переходит Восточная Грузия.

После этого на юге началось бурное освоение вновь присоединенных земель, названных Новороссией. Действительно, в этих необжитых краях первыми появились русские поселенцы. Ведущая роль в освоении новых земель и Крыма принадлежала Г. А. Потемкину. Вскоре после войны он стал фаворитом Екатерины II, графом, потом светлейшим князем, фактическим соправителем России. Потемкин отличался не только полководческим дарованием, но и блестящими административными способностями, неукротимой волей, масштабным государственным мышлением. Екатерина высоко ценила своего сподвижника. «Он был государственный человек, — говорила потрясенная его смертью (1791 г.) императрица. — Умел дать хороший совет, умея его и выполнить. У него был смелый ум, смелая душа, смелое сердце! Мне нечем его заменить. Теперь вся тяжесть правления лежит на мне». Прекрасного мнения о нем были и современники, в том числе А. В. Суворов, который писал о Потемкине: «Он честный человек, он добрый человек, он великий человек».

Человек широкой и необузданной натуры, мот и транжира, во многом безалаберный, он стал выдающимся деятелем России второй половины XVIII в.

Потемкин энергично содействовал переселению в Новороссию русских крестьян, жителей городов — ремесленников, мастеровых; строил крепости и размещал здесь военные гарнизоны. Именно по инициативе Потемкина началось в Новороссии строительство городов Херсона, Николаева, Екатеринослава. На побережье появились пристани, верфи. К заслугам Потемкина следует отнести и быстрое строительство Черноморского флота, сыгравшего большую роль в борьбе с Турцией, в обеспечении российского прорыва в Европу на южных рубежах. С его именем связано также переселение в край колонистов, выходцев из других стран — сербов, немцев, болгар, волохов, албанцев. Он запрещал выдавать беглых крестьян из этих мест. В особый восторг Екатерину II привела картина, когда в Крыму перед ее изумленным взором проплыла эскадра вновь построенных кораблей Черноморского флота. Г. А. Потемкин получил к своей фамилии почетное добавление Таврический (от Тавриды — древнегреческого названия Крыма).

Все эти усилия по освоению юга России, Крыма, строительство военного флота раздражали Турцию. К тому же ее настраивали против России буквально все крупные европейские державы, увидевшие в возвращении престижа России, ее военной мощи, угрозу своим интересам на европейском континенте. Особенно старались Франция, Англия, Швеция.

Весьма напряженными были отношения с Англией. А еще более обострились они после того, как Россия отказалась поддержать Англию в борьбе против Североамериканских штатов. Россия одной из первых признала независимость США, осудила английскую агрессию против молодой республики и выступила с Декларацией вооруженного нейтралитета, направленной против наглых действий Англии на морях.

В 1787 г. Турция потребовала от России вернуть Крым и признать верховную власть Османской империи над всей Грузией.

Со стороны России последовал жесткий отказ, и тут же турецкий десант атаковал крепость Кинбурн, находящуюся в устье Днепра. Началась вторая русско-турецкая война.

Турки под прикрытием флота планировали овладеть Крымом, захватить Кинбурн, укрепить на берегу Черного моря Очаков, сделав эту крепость опорным пунктом своих военных операций. Первую атаку турки предприняли на Кинбурн, который оборонял А. В. Суворов. Здесь высадилось около 5 тыс. турецких солдат. У Суворова едва насчитывалось 1,5 тыс. Но Суворов действовал в своей излюбленной манере. Он дал возможность противнику подойти вплотную к крепости, а затем внезапным ударом с фронта, флангов и казачьими частями с тыла перешел в контратаку. Турки дрались ожесточенно, несколько раз отбивали свои позиции и теснили русский отряд. Кроме того, их поддерживала корабельная артиллерия. Сам Суворов был дважды ранен, но продолжал руководить боем. Комбинированный штыковой удар довершил дело. Турки побежали к морю, бросались в воду, спасались от смерти и плена. Разгром десанта был полный. Так началась эта война.

На следующий год Потемкин штурмом взял Очаков. Затем овладел другими крепостями — Аккерманом и Бендерами. Война развивалась успешно для России. Однако в это время против России выступила Швеция, подстрекаемая европейскими державами. Воинственный шведский король стремился, используя отвлечение русских армий на юг, вернуть утраченные земли в Прибалтике. К тому же он требовал вернуть Турции Крым. Становилось ясно, что другие державы стремились сломить Россию, выбрав для этого удобный момент. Но несколько чувствительных поражений на суше и на море отрезвили шведов, и они поспешили в 1790 г. заключить с Россией мир, отказавшись от всех своих требований.

К этому времени русские войска под общим командованием Потемкина продолжали свои наступательные действия.

Основные операции против турок Потемкин доверил осуществить русскому военному гению А. В. Суворову. В войну вступил и Черноморский флот. Во главе его Потемкин назначил талантливого адмирала Федора Федоровича Ушакова.

В 1789 г. Суворов нанес туркам два чувствительных поражения. Одно — при местечке Фокшаны в Молдавии, а второе — неподалеку, на реке Рымник. Особенно примечательна была вторая победа.

Здесь турки сосредоточили основные силы в количестве 100 тыс. человек. У Суворова вместе с союзниками австрийцами оказалось 25 тыс. Турки расположились в четырех больших лагерях. Они знали, что у русских в этом районе мало сил и еще не подтянуты резервы. Поэтому лагеря были укреплены небрежно. Это и использовал Суворов.

11 сентября в ночь русские начали стремительное наступление поочередно на каждый из турецких форпостов, чтобы не дать туркам собрать силы воедино и использовать свой перевес в численности. Каждый удар он довершал штыковой атакой. Последний лагерь уже не оказал сопротивления и сдался на милость победителей. Толпы разгромленных турок во главе с главнокомандующим — визирем бежали к реке, тонули. Оставшиеся на берегу сдавались в плен. Из огромного войска спаслось только 15 тыс. человек. В руки русских попала вся турецкая артиллерия, обоз. Победители потеряли лишь 200 человек убитыми и 400 ранеными.

Такова была типичная для Суворова победа: неожиданность, быстрота, натиск, решительность, маневр — и в довершение штыковая атака. Императрица удостоила полководца титула графа Рымникского.

Эта победа, по существу, ликвидировала турецкую сухопутную армию. Но на левом берегу Дуная стояла мощная крепость Измаил, которая обеспечивала общее военное присутствие турок в крае. Пока держался Измаил, нельзя было говорить об окончательном успехе. Это была одна из лучших крепостей в Европе. Ее строили и укрепляли французские и немецкие инженеры. В крепости находился мощный гарнизон, на его восьмиметровом валу над глубоким 12-метровым рвом стояло 250 орудий. Русские войска уже несколько недель бились за Измаил, но все безрезультатно. Тогда Потемкин направил туда Суворова.

Суворов приехал в расположение русских войск в начале декабря 1790 г., провел рекогносцировку местности, сделал заключение: «Крепость без слабых мест». За десять дней он тщательно подготовился к штурму Измаила: организовал тренировки солдат, заставил сделать сорок штурмовых лестниц и около 50 тыс. фашин для забрасывания рва, расставил вокруг крепости батареи. Перед штурмом полководец объехал войска, побеседовал не только с высшими командирами, но и с офицерами и солдатами, объяснил боевые задачи. 2 декабря в 3 часа ночи русские колонны подошли к крепости. Стоял густой туман, который прикрывал движение русских сил. Штурм Суворов повел сразу с четырех сторон. Началась ожесточенная схватка за крепостные стены, ворота. Наступавшим полкам удалось овладеть валом, захватить пушки. С южной стороны шестую колонну вел на штурм стен генерал-майор Михаил Илларионович Кутузов, войска которого одними из первых ворвались в крепость.

Шесть с лишним часов продолжался бой. Потеряв артиллерию и отступив от стен внутрь города, турки отчаянно сражались за каждую улицу, каждый каменный дом. Но их сопротивление было сломлено. Крепость оказалась в руках русских.

На следующий год ряд поражений туркам нанес Кутузов. Успешно развивались операции и на море. Молодой Черноморский флот под командованием Ушакова одержал победы над турками в сражениях близ устья Дуная, затем близ Керченского пролива, а далее перенес свои действия к западным берегам Черного моря. Там, у мыса Калиакрия, Ушаков наголову разгромил турецкую эскадру.

Турция запросила мира. Он был подписан в конце 1791 г. в Яссах. По этому миру Россия получала земли между Бугом и Днестром. Турция окончательно признала Крым и Восточную Грузию за Россией. Г. А. Потемкин два месяца не дожидаясь этого исторического события: он умер по дороге из Ясс в Николаев прямо в степи, на просторах милой ему Новороссии.

Теперь Россия окончательно утвердилась на Черноморских берегах. Крым стал территорией России. Международный престиж страны исключительно вырос. Но имелась и другая сторона: теперь европейские державы все чаще относились к усиливающейся России с подозрением и ненавистью.

Война с Турцией утвердила и новые достижения русского военного искусства: линейная тактика европейских армий под натиском талантов Румянцева и Суворова отходила в прошлое. На смену ей в русской армии пришла тактика быстрого маневра расчлененными частями, сочетания удара колонн и рассыпного строя, использования артиллерии в боевых порядках, стремительного натиска пехоты, который венчался штыковым ударом.

2-й и 3-й разделы Польши. Вскоре после блестящей победы над Турцией Россия выполнила еще одну из своих исторических задач — вернула старорусские земли, отняв их у Польши.

Очередные разделы Польши были ускорены и событиями на другом конце Европы — свершилась Великая французская революция, сразу же изменившая всю политическую ситуацию на континенте. Теперь многие решения великих держав, в том числе и России, воспринимались сквозь призму событий во Франции.

Поначалу среди русских либеральных кругов да и при дворе известия о развитии революционных событий во Франции вызвали воодушевление.

Однако с первых же дней революции престарелая Екатерина II заняла иную позицию. Разрушение силой существовавших в Европе государственных систем было, по ее мнению, прежде всего преступлением перед народами. «Да посрамит Небо всех тех, кто берется управлять народами, не имея в виду истинного блага государства», — писала она. Екатерина II видела в революции лишь стремление к разрушению, а истинной свободы при этом не было и нет. Опасения Екатерины II и других умеренных политиков вскоре подтвердились. От светлых революционных гуманистических страниц своей истории Франция перешла к якобинской диктатуре, кровавому террору, к преследованию не только аристократии, но и интеллигенции, которая была истинным мозгом рвущейся к новой цивилизации французской нации. Король и королева были казнены. Революционные фанатики объявили войну всей Европе, а вся коронованная и благонамеренная Европа объявила войну Франции.

Русская императрица провела ряд антифранцузских мер: русским подданным было приказано покинуть Францию, на французские издания установлена строжайшая цензура, суровые меры обрушились на русских любителей либеральных вольностей. После казни короля все французские подданные, признавшие республику, должны были покинуть Россию.

Среди мер, направленных против революционных настроений в стране, стоят расправы с Н. И. Новиковым и Александром Николаевичем Радищевым. Выступления Новикова против самодержавной власти в России, персонально против Екатерины II, против крепостничества закончились для него печально. Либерал, писатель, журналист оказался в Шлиссельбургской крепости.

Тяжелая судьба постигла и другого яркого мыслителя и общественного деятеля А. Н. Радищева. В 1790 г. он выпустил в свет свою книгу «Путешествие из Петербурга в Москву». Описывая путь из одной русской столицы в другую, Радищев живописал ужасы крепостного состояния людей, злоупотребления властей. Но Радищев бичует не только монархию. Он выступает против всех форм тирании, в том числе и тех, которые существуют в так называемых демократических обществах.

Когда Екатерина прочитала книгу Радищева, то заметила, что он «бунтовщик хуже Пугачева». Радищев был арестован и приговорен к смертной казни. Императрица заменила смерть 10-летней ссылкой в Сибирь.

Россия вместе с Англией и Австрией стала решающей силой в противодействии революционной Франции. Был разработан план интервенции. Согласилась участвовать в борьбе против Франции и Пруссия, но при условии очередного раздела Польши. Так польский вопрос оказался напрямую связан с общеевропейской политикой.

Состояние самой Польши вызывало у Екатерины II большую озабоченность. В начале 90-х гг. польский сейм принял ряд решений для укрепления польской государственности: монархия была объявлена наследственной, право «либерум вето» — запрещено, военные силы страны умножились, а проход русских войск по территории Польши запрещен. Против этих решений выступила часть прорусски настроенных магнатов и шляхты. Они обратились с просьбой к России ввести в Польшу войска. Пруссия согласилась с этим.

Так в 1793 г. совершился второй раздел Польши между Пруссией и Россией. Пруссия снова получила часть коренных польских земель с прибрежными городами Гданьск и Торунь. К России отошли вся Белоруссия и Правобережная Украина, которая была вожделенна для России с середины XVII в.

Россия входит в состав Тройственного союза (Англия, Австрия, Россия) для борьбы с Францией. В Европу готовится 60-тысячный экспедиционный корпус. А в это время в Польше (1794 г.) вспыхивает мощное народное восстание во главе с Тадеушем Костюшко, в котором принимают участие и аристократия, и шляхта, и население городов, и крестьянство. Его цель состояла в воссоздании единого и сильного Польского государства. При этом «низы» польского общества выступили с антифеодальных пози-

ций, против крепостного права, за вольности и свободы. Это сразу же внесло в ряды восставших раскол: шляхте было не по пути с крестьянством.

Екатерина II рассматривала события в Польше как часть общеевропейской смуты. Решение России однозначно: ввести в Польшу войска. Во главе русского корпуса императрица назначила А. В. Суворова. Суворов выступил прямо на Варшаву, не останавливаясь и сметая по пути отряды повстанцев. Прежде чем взять Варшаву, Суворову предстояло овладеть Прагой — укрепленным предместьем Варшавы на правом берегу Вислы. Полководец действовал, как и при захвате Измаила: тщательная рекогносцировка, подготовка и атака штурмующими колоннами с разных сторон. Штурм закончился взятием Праги. Тут же прекратила сопротивление Варшава. Условия сдачи были мягкими: повстанцы отдают оружие и артиллерию, их войска распускаются по домам, для жителей города сохраняются личная свобода и имущество.

Польша была усмирена. Блистательный успех Суворова императрица отметила присвоением ему звания фельдмаршала. Костюшко был ранен и оказался в плену. Его заключили в Петропавловскую крепость.

Вслед за этим Австрия, Пруссия и Россия в 1795 г. произвели третий раздел Польши. Польша как государство перестала существовать, Австрия и Пруссия поделили собственно польские земли с Краковом и Варшавой. К России отошли Западная Белоруссия, Литва, Курляндия и часть Волыни. Отныне все земли, которые когда-то принадлежали Руси, вновь воссоединились, теперь уже в составе Российской империи.

§ 4. Экономика и население России во второй половине XVIII в.

Рост территории и населения. Плюсы и минусы. Вторая половина XVIII в. принесла существенные изменения в жизнь России.

Во-первых, значительно увеличилась ее территория, что сильно повлияло на развитие экономики, рост населения страны. Но здесь были свои положительные и отрицательные стороны.

Действительно, при Петре I Россия присоединила юго-восточную часть Балтийского побережья с портами Ригой, Ревелем и вновь построенным Петербургом. Вместе с этими территориями в состав России вошли, с одной стороны, бедные и малолюдные районы Карелии, устье Невы. В их освоение необходимо было вкладывать огромные средства и переселять сюда людей.

С другой стороны, к России присоединились высокоразвитые в экономическом и культурном отношении земли, населенные остзейским (от немецких слов *Ost* — восток и *See* — море), в основном немецким населением — дворянством, купечеством, городскими жителями и местным крестьянством. Открытие Петром I «окна в Европу» означало не только усиление экономических, политических, культурных контактов России с западными странами, но и включение в состав России значительной части населения, которое столетиями жило в условиях европейской цивилизации в рамках протестантской религии. Оттуда в XVIII в. в Россию пришло немало военных, администраторов, промышленников, торговцев, деятелей науки и культуры.

При Екатерине II это «окно» открылось еще шире. В ходе трех разделов Польши в состав России вошли белорусские, украинские, литовские земли, которые также в течение веков пребывали в лоне восточноевропейской цивилизации, а их жители принесли России свои особенности экономики, хозяйствования, культуры, быта. Этим жителям были миллионы. Мощную экономическую силу представляли украинские и белорусские магнаты и шляхта, городские торгово-промышленные слои.

Но одновременно границы России широко раздвинулись за счет присоединения Черноморского побережья, Новороссии, Крыма. Здесь возникли новые города-порты Николаев, Херсон, Одесса, Севастополь. В отличие от прибалтийских земель Таврический край был поначалу пустынем. Однако к концу века он стал бурно осваиваться. Здесь поселились десятки тысяч новопришедших людей, колонистов. Народ это был, как правило, молодой, энергичный. Люди стремились построить на новых землях новую жизнь и во многом, при помощи правительства, преуспели в этом. Большие земельные массивы плодородных южных земель оказались в руках русского дворянства, которое стало здесь активно развивать пашенное зерновое хозяйство с последующим экспортом хлеба через вновь обретенные черноморские порты России. На эту колонизацию и освоение края, на строительство новых городов, портов уходили также огромные средства. Новый край стал «отрабатывать» эти затраты лишь позднее. Так что его включение в экономическое развитие России проходило постепенно и длительно, что оказывало влияние на общие темпы этого развития.

Наконец, в состав России в течение XVIII в. вошли новые территории на западном побережье Каспийского моря, Северном Кавказе (Кубанский край, Кабарда), в Закавказье (Восточная Грузия), к России присоединилась и часть Казахстана.

Эти территории были неравнозначны в своем экономическом, культурном, политическом развитии. Если Грузия отличалась древней культурой, глубокими историческими традициями, развитой государственностью, то другие кавказские и среднеазиатские приобретения России, важные с точки зрения стратегической, являлись отсталыми регионами, порой с кочевым населением. Такие включения затрудняли общее цивилизационное развитие страны. Ее силы, средства, люди уходили на освоение новых территорий, их оборону от внешних врагов.

В итоге всех территориальных приобретений Россия превратилась в самое большое государство мира. Но вместе с этими масштабами к империи пришли и трудности, сложности, связанные с обороной колоссальной протяженности границ, с освоением территорий, отличавшихся глубокими различиями, перепадами в своем цивилизационном развитии.

Во-вторых, расширение границ империи привело и к росту ее населения. Если к началу 20-х гг. XVIII в. в России проживало 15,5 млн человек, то к середине 90-х гг. уже 37,2 млн человек. Особенно резкий скачок в приросте населения произошел в 70-е — середине 90-х гг. — после разделов Польши и присоединения южных территорий. В целом такой прирост, конечно, положительно влиял на развитие экономики: чем больше трудоспо-

собного населения, тем выше становился хозяйственный потенциал страны. Но и здесь все было не так просто и ясно.

Оказалось, что население России весьма неравномерно распределялось по ее территории. Густо населены были центральные, прибалтийские и западные губернии. Чем далее территория уходила на север, восток и юго-восток, тем становилось населения меньше. Слабо заселено были Приуралье, низовье Волги, степные пространства Оренбургского края. И совсем мало людей жило на просторах Сибири. Понятно, что слабо населенные места заметно отставали в своем развитии от центральных районов страны.

Каков же был социальный состав российского населения во второй половине XVIII в.? В основном это крестьяне, а Россия оставалась аграрной страной. В середине 20-х гг. XVIII в. 97% российского населения жило в сельской местности. К середине 90-х гг. эта цифра мало изменилась. 95,9% по-прежнему жило в селах. Значительная часть крестьянского населения было крепостным — 53,1%. Всего же крепостные крестьяне составляли 49% всего населения страны. Для конца XVIII в., когда лишь в некоторых странах Европы сохранялось крепостничество (в Пруссии, например), это было чудовищным.

Другие факторы развития экономики. Плюсы и минусы. Мощным фактором развития российской экономики стало энергичное вмешательство государства в этот процесс. Яркий пример тому дал Петр I. Именно при нем, при активной поддержке государства стали развиваться металлургия, кораблестроение, полотняные, суконные мануфактуры, оружейные заводы и др.

Со времен Елизаветы Петровны, но особенно энергично при Екатерине II, роль государства в развитии российской экономики вновь значительно усилилась. Этому способствовали отмена таможенных перегородок в стране, выход серии указов о свободном развитии предпринимательской деятельности, отмена монополий на производство различных товаров, внедрение в жизнь системы свободной конкуренции, свойственной буржуазным отношениям. К тому же правительство в течение всего века вводило запретительные таможенные тарифы на те иностранные товары, которые с успехом производились в России.

Все принимаемые государством меры привели к тому, что во второй половине XVIII в. российская промышленность, торговля, финансы сделали серьезный шаг вперед.

Однако в это время существовало в стране и немало тормозящих факторов, которые замедляли развитие российского хозяйства. В первую очередь — наличие и расширение крепостничества. Миллионы крестьян не имели возможности уйти от своего хозяина, были прикованы к своим земельным участкам, придавлены барщиной, оброком, различными повинностями. А значит, эти миллионы не могли улучшить своего положения за счет ухода на свободные заработки в города в качестве наемных рабочих на заводах и мануфактурах или делали это с большим трудом и под строгим контролем своих хозяев и государства. Не имея рынка свободной рабочей

силы в стране, заводчики по-прежнему использовали на предприятиях труд подневольных «приписных» и «посессионных» крестьян.

Восстание Пугачева стало также одним из значительных факторов, который затормозил развитие российской промышленности.

Тысячи рабочих людей шестидесяти с лишним заводов примкнули к восстанию. Но около тридцати заводов пытались не пустить повстанцев на свои предприятия. Часть рабочих была насильно мобилизована пугачевцами в свою армию и бежала из повстанческих отрядов при первой возможности. Но и в том и в другом случае производство на многих уральских и башкирских предприятиях оказалось парализованным. Более двух десятков заводов были сожжены или разрушены до основания, несколько десятков остановлено и разграблено. Заводовладельцы понесли колоссальные убытки. Пострадали многие мастеровые люди. Их имущество разграбили, дома сожгли. При этом погибло или пропало без вести более 2 тыс. человек. Те же, кто ушел в отряды Пугачева, либо были убиты в боях с правительственными войсками, либо оказались в плену, подверглись жестокому наказанию.

Все это стало подлинной катастрофой для молодой российской металлургической уральской промышленности, катастрофой для рабочих кадров, ее технического состава.

Промышленность. Несмотря на все противоречия и сложности века, российская промышленность упорно шла вперед.

К концу XVIII в. в стране насчитывалось уже 1200 мануфактур. Это вдвое больше, чем в середине века.

Самые существенные сдвиги произошли в металлургии, в первую очередь уральской, которая являлась основой российской промышленности, а также в молодой, набирающей силы текстильной промышленности.

Если ко времени восшествия на престол Екатерины II в металлургии и металлообработке насчитывалось 182 крупных предприятия, то в конце века их уже около 200. Кажется, рост небольшой, но ведь нужно учитывать, что речь идет лишь о крупных предприятиях. Все новые заводы являлись более крупными, чем прежние. С большим количеством рабочих, с использованием современных механизмов и технических приемов. Наряду с уральскими заводами развивалась липецкая металлургия. Зато прежние металлургические центры — Карельский край, тульские заводы — переживали упадок, и некоторые предприятия вообще прекратили свое существование, не выдержав конкуренции с мощными новыми заводами. Общее число предприятий в этой отрасли промышленности увеличилось за вторую половину XVIII в. более чем в три раза и составляло в конце века около 2100. На крупных предприятиях работало по 2—5 тыс. рабочих.

К этому времени в России производилось 160 тыс. тонн чугуна — больше, чем в какой-либо другой стране мира. Первокласное русское железо вывозилось на продажу за границу. На европейских рынках оно потеснило шведский металл, ему прежде не было равных. Но успехи объяснялись тем, что русская металлургическая и металлообрабатывающая промышленность основывалась на крепостном труде. Здесь насчитывалось свыше 100 тыс. крепостных рабочих и более 300 тыс. «приписных» крестьян. Вольнонаемных же работников — всего 15 тыс. человек.

В текстильной промышленности, напротив, складывалась совсем другая картина. Здесь наблюдался большой рост количества крупных предприятий — с 231 в 60-е гг. до 1082 к концу века. Но эти предприятия основывались преимущественно на вольнонаемном труде.

Существовали и строились заново предприятия в других отраслях промышленности — стекольные, канатные, пороховые, судостроительные, винокуренные.

Вольнонаемный труд применялся на мелких предприятиях, которые открывались людьми разных сословий, в том числе разбогатевшими государственными и даже крепостными крестьянами. Это были уходившие в отход на заработки по разрешению своих хозяев и местных властей крестьяне, которым удавалось в новой сфере нажить капиталы. Они, как и купцы, не имели возможности применять на своих предприятиях крепостной труд, как, скажем, дворяне на винокуренных заводах. Поэтому предприятия так называемых новых промышленников, которые поднялись к жизни после указов, поощрявших свободное предпринимательство, с самого начала работали как буржуазные. В России за ними было будущее.

Постепенно вольнонаемный труд проникал в судостроение, в горную промышленность. Всего к концу века в России насчитывалось во всех отраслях промышленности, а также на транспорте около полумиллиона вольнонаемных рабочих. Это говорило о том, что в области промышленности буржуазные отношения прокладывали себе дорогу.

Сельское хозяйство. Россия в течение всего XVIII в. продолжала оставаться аграрной страной.

При Екатерине II пик крепостничества достиг своей наивысшей точки. Серией указов крепостное крестьянство было низведено до тяжелейшего и бесправного положения. Крестьян продавали оптом и в розницу, с земель и без земли, разлучали при этом семьи, обменивали крестьян на породистых лошадей и собак, проигрывали их в карты. Таким варварским отношением к половине российского населения дворянство при активной поддержке власти утверждало в России жестокие, античеловеческие нравы.

Дворянство в условиях развития рыночных отношений, торговли в стране, а также выхода России к Балтийскому и Черному морям получило широкую возможность вывоза продукции своих хозяйств, в первую очередь зерна, как на внутренний рынок, так и за границу, в Европу. Деньги, прибыль вышли на первый план в хозяйствовании дворянства. Получить их можно было лишь за счет усиления эксплуатации крестьянства.

Во второй половине XVIII в. все четче определяют свой сельскохозяйственный профиль отдельные районы страны. В южных районах, в черноземной полосе, на вновь присоединенных землях Новороссии дворянство основной упор делает на развитие собственного земледельческого хозяйства и продажи зерна на внутреннем и внешнем рынке. А это означало, что здесь прежде всего ценился даровой, барщинный труд крестьян.

В нечерноземной полосе, на севере, северо-западе, напротив, вести пашенное хозяйство было невыгодно. Бедные почвы требовали приложения больших трудовых усилий, а урожаи оставались скудными. Поэтому здесь дворянство все чаще обращается к переводу своих крестьян на денежный

оброк. Но как мог крепостной крестьянин добыть эти деньги? Путь был только один: уход на заработки в города, на водный транспорт, в другие места, где требовались рабочие руки. И вот тысячи крестьян, выправив разрешение у своего господина, получив паспорт у местных властей, уходили на долгие сроки в поисках работы. Такое же отходничество развивалось в среде государственных, дворцовых крестьян. Это была общая практика.

Вот в этой-то среде отходников и появлялись наиболее удачливые, энергичные, сметливые, а главное, профессионально хорошо подготовленные люди, которые, заработав деньги и уплатив оброк, сами пускались в предпринимательскую деятельность, устремлялись в торговлю. Они накапливали средства, строили предприятия, нанимали таких же отходников в качестве рабочих. Именно в XVIII в. рождались целые династии таких разбогатевших крестьян.

И все же все это говорило скорее не о свободах, а о трудностях российского сельского хозяйства. Основную часть населения сковало обручами крепостное право; движение населения, его миграция в стране были затруднены. Труд крестьян оставался подневольным, низкопроизводительным. Но он был даровой, и дворян это вполне удовлетворяло.

Разделение сельскохозяйственных районов страны на плодородный черноземный юг и на нечерноземный, малоплодородный север имело и другие последствия. Южные районы снабжали север продуктами зернового и скотоводческого хозяйства, а север поставлял в чисто сельскохозяйственные районы продукцию промышленности, своих ремесел и промыслов, которую производили те крестьяне, которые давно уже находились на оброке. Именно эта категория крестьян нечерноземных губерний — Нижегородской, Ярославской, Новгородской и др. — еще в XVII в. заложила основы для складывания сел, где крестьяне становились ремесленниками. В XVIII в. ремесленные села окрепли, стали крупными промышленными центрами. Например, текстильный центр село Иваново, центр металлообработки село Павлово, где изготавливали известные на всю Россию замки, ножи, вилки; села, специализировавшиеся на изделиях из дерева.

Нажим дворянства на крестьян в виде увеличения оброков, усиления барщины предоставлял дворянству дополнительную продукцию, дополнительные денежные доходы. Дворянство вывозило больше сельскохозяйственной продукции за границу, повышало свой уровень жизни. Появившиеся доходы дворяне тратили на устройство своих усадеб, покупку домов в обеих столицах, в губернских и уездных городах. Именно во второй половине XVIII в. в России сложился тип сельской дворянской усадьбы — богатой, ухоженной, окруженный парками и садами. Это благолепие держалось на существовавшей тогда системе хозяйственных отношений, сложившихся в российской сельской местности. Такое положение дворянства могло и дальше существовать лишь при наличии крепостного права. Поэтому дворянство, вопреки запросам времени, вопреки нравственным нормам, крепко держалось за существующий порядок вещей.

Между тем при всем кажущемся успешном развитии российское сельское хозяйство находилось в нелегком положении. В целом и помещичье, и крестьянское хозяйство оказывались отсталыми, малопродуктивными.

Здесь почти не применялась техника и господствовали дедовские способы обработки почвы. Агрономические новшества западных стран не были востребованы ни помещичьими хозяйствами на даровом труде (и так было хорошо!), ни тем более маломощными крестьянскими хозяйствами.

Мало помогала здесь и обширная колонизация российских земель. Конечно, освоение новых земель и государством, и дворянами, и крестьянами давало дополнительное количество продуктов пашенного земледелия и скотоводства. Но сельское хозяйство в этом случае развивалось лишь вширь. Ни у государства, ни у помещика не было заинтересованности в коренном улучшении обработки почв, применении техники, повышении урожайности за счет агротехнических приемов. Сельское хозяйство, которое развивается лишь за счет вовлечения в оборот все новых земель или беспощадного использования прежних участков, называется экстенсивным. Именно таким оставалось сельское хозяйство России в XVIII в.

Торговля. Торговля являлась неотъемлемой и важнейшей частью экономической жизни России, как и любой другой страны. Она была, с одной стороны, чутким барометром перемен, а с другой — сама в сильной степени влияла на экономическое развитие страны. Торговые связи являлись своеобразными кровеносными сосудами экономики.

Во второй половине XVIII в. российская торговля после отмены внутренних таможенных барьеров вздохнула полной грудью.

Развитию рыночных отношений помогала хозяйственная специализация отдельных районов страны: хлебный юг, промышленный центр, промысловый север, металлургический Урал, скотоводческие степные районы Нижнего Поволжья, Северного Кавказа. Обмен товарами между ними в XVIII в. продолжал активно расширяться.

Ведущими торговыми центрами стали Москва и Петербург, где сходились все нити торговли как внутрироссийской, так и внешней. Крупными российскими торговыми центрами стали города черноземного центра Пенза, Тамбов, Калуга, а также поволжские города Ярославль, Нижний Новгород, Казань, Саратов. Волжская торговая магистраль соединяла их с центром страны, с Приуральем, с северным речным бассейном.

В Сибири Тобольск, Томск, Иркутск стали не только важными административными, но и торговыми городами. Отсюда шли пути внутренней торговли на Урал и далее в Поволжье, и на восток, и юго-восток страны, а также в соседние страны, в первую очередь в Китай.

На полную мощь заработали возникшие еще в XVII в. ярмарки. В XVIII в. Макарьевская ярмарка под Нижним Новгородом, Курская, Ирбитская в Западной Сибири стали не только общероссийскими, но и международными, куда съезжались и купцы из других государств. Здесь можно было видеть торговцев из Китая, Индии, Армении, стран Ближнего Востока и Средней Азии.

Внешняя торговля неотделима от общего развития рыночных отношений в стране, специализации районов, роста городов. Петербург, Архангельск, прибалтийские порты — Рига, Ревель, Одесса, Николаев, Херсон на юге превратились уже не в «окна», а в настоящие «ворота» в европейский торговый мир. Тесными стали торговые отношения с Англией, Голланди-

ей, германскими землями. С каждым годом увеличивался вывоз товаров в Южную Европу, в том числе зерна и других сельскохозяйственных продуктов через черноморские порты.

При всем многообразии торговых связей, их бурном развитии в XVIII в. русская торговля испытывала и серьезные трудности.

Во-первых, это огромные расстояния от промышленных центров и сельскохозяйственных районов до морских берегов, до заново обретенных и построенных портов. Дальние перевозки удорожали стоимость продуктов экспорта.

Во-вторых, в России практически отсутствовали качественные дороги. Спасали реки. По ним с ранней весны до заморозков и ледостава под парусами, на веслах, при помощи бурлацкой тяги плыли суда и баржи с грузами. Зимой многие пути замирали: дороги заносило снегом, реки сковывались льдом. И все же торговля не прекращалась: в путь устремлялись санные обозы, которые порой пробивались к цели сквозь пургу и холод.

Финансы. За время, прошедшее со времен правления Петра, Россия стала намного богаче. Это увеличивавшееся богатство, во-первых, объяснялось и расширением российских территорий с возросшим населением, которое уплачивало налоги. Во-вторых, поступление денег в казну страны зависело и от увеличивающегося объема продукции вновь построенных казенных заводов. В-третьих, крепнущие торговые связи со странами Запада и Востока также давали дополнительные средства за счет таможенных сборов с иностранных торговцев.

Но значительно возросли и расходы России: с 20-х до 90-х гг. XVIII в. более чем в два раза. Величие и престиж империи дорого стоили стране. 46% всех расходов России в конце XVIII в. шли на содержание армии и флота. Войны, которые вела Россия с Турцией и Швецией, вторжение русских войск в Польшу требовали огромных денег. Так что если Россия многое приобретала, то многое при этом и теряла.

20% расходов шло на поддержание государственной экономики: строительство и функционирование казенных заводов, различных казенных заведений. 12% расходов уходило на оплату управления и суда. Реформы местного управления, появление новой армии чиновников тяжким бременем легли на плечи страны. Необходимо еще сказать, что 9% всех российских доходов направлялись на содержание императорского двора. К тому же еще требовались деньги на образование, здравоохранение, другие государственные нужды.

Средств катастрофически не хватало. Ко времени Екатерины II у России впервые в ее истории появился государственный долг (и внутренний, и внешний). Деньги брали займы у российских предпринимателей и торговцев, а также занимали за рубежом, в первую очередь у голландских банкиров. Естественно, приходилось выплачивать не только долг, но и проценты со взятых займы капиталов. Впервые же в России при Екатерине II правительство, чтобы покрыть дефицит бюджета, приступило к выпуску бумажных денег. Но они быстро обесценивались. Становилось все более очевидным, что императорская Россия жила не по средствам, из-за чего возникли большие трудности в экономической жизни страны, ухудшилась

жизнь простых людей, налогоплательщиков. Получалось так, что бедная, во многом отсталая по сравнению с передовыми странами Европы, аграрная, с неграмотным и нищим населением Россия к концу XVIII в. имела самую большую и сильную армию в тогдашней Европе, самую развитую и алчную бюрократию и один из самых роскошных дворцов в Европе.

Жизнь и хозяйство народов России в XVIII в. Раздел «экономика и население» был бы неполон, если бы мы не коснулись жизни и хозяйства многочисленных народов России. Они составляли неотъемлемую часть населения страны. Судьба России, судьба российского народа стала и их судьбой, а их жизнь стала во многом и жизнью Российской империи.

К концу XVIII в. в состав России входили десятки народов. Часть их по разным причинам, о которых говорилось выше, связала свою судьбу с Россией в прошлые века, и к концу XVIII в. эти народы являлись уже полноправными старожилами страны. Прежде всего это в Поволжье — мордва, мари (черемисы), чуваша; в Приуралье — коми, пермяки, зыряне. Позднее в состав России вошли казанские татары и башкиры, а в низовьях Волги — калмыки.

В Сибири подданными российской короны являлись ханты, манси, буряты, якуты, чукчи, тунгусы, коряки, нивхи, эвенки.

В течение XVIII в. после победы в Северной войне и завоевания Прибалтики жителями России стали корелы, латыши, прибалтийские немцы, эстонцы. Позднее о русском подданстве попросили казахи. В результате русско-турецких войн подданными России стали на Северном Кавказе кабардинцы, осетины, а в Закавказье — часть грузинского населения. Наконец, в ходе разделов Польши в лоно российской государственности вернулось все украинское, все белорусское население, часть жителей Прибалтики (Курляндия) и никогда не входившие в состав России литовцы.

Екатерина II пригласила на жительство в Россию немецких колонистов, чьи аккуратные чистенькие поселения с трудолюбивыми людьми — крестьянами, ремесленниками, торговцами — появились в той же Новороссии, а также на берегах Волги, в районе Саратова. Впоследствии здесь образовалась компактная масса немцев Поволжья.

Вместе с западноукраинскими, западнобелорусскими, литовскими землями в состав России вошли жившие там евреи, которые вместе с проживающими прежде евреями в западных губерниях страны образовали значительное еврейское население России.

Эти народы были на разных стадиях развития. Скажем, грузины, литовцы, татары имели свою долгую государственную историю. У них были развитые феодальные отношения, существовала знать, собственное дворянство. Прибалтийские провинции с жившим там населением в течение столетий входили в состав немецких, шведских, польских земель. Они существовали в рамках западной цивилизации. В этих землях находились развитые большие города, крупные европейские порты, продвинутые для того времени сельское хозяйство, торговля, образование. Здесь уже складывался буржуазный уклад, и местные землевладельцы все больше приходили к выводу о невыгодности крепостного труда.

Поволжские и приуральские народы давно уже были встроены в систему общероссийской жизни. В этих районах в основном развивалось сельское хозяйство, скотоводство (в особенности в Башкирии), процветали промыслы, мелкая промышленность, работавшая на изготовление обуви, одежды, бытовых товаров (краски, мыло, свечи и т. д.). Но выделялись и крупные города, важные торгово-промышленные центры — такие как Казань и Уфа. Часть башкирского и татарского населения работало на построенных в этих местах металлургических предприятиях.

Здесь крестьяне жили на положении государственных крестьян. Они не знали крепостнических отношений, были освобождены, в отличие от русских крестьян и городских жителей, от рекрутчины. Впрочем, как и другие нерусские народы империи. Многие из них платили ясак, который был менее обременителен, чем платежи и повинности русского крестьянства. Но и татары, и башкиры, и мордва, и мари, и чуваша страдали от наступления русских и местных землевладельцев и заводчиков на их земли. Власть чиновников, в основном русских дворян, оказывала на них жестокое давление. Поборы, вымогательства, насилия становились в национальных районах таким же обычным делом, как и в русских селениях, вызывали недовольство, протесты местного населения.

В жизнь народов Поволжья и Приуралья вмешалась Православная церковь. Поначалу православные миссионеры действовали среди местных язычников и мусульман крайне осторожно, использовали методы убеждения, личного примера. По мере утверждения русских властей Церковь усилила нажим на местное население. Частыми стали случаи насильственной христианизации. Особенно это болезненно воспринимало местное мусульманское население — татары и башкиры. Но и исповедовавшие свою древнюю языческую религию угро-финские народы Поволжья также оказывали сопротивление нажиму со стороны Православной церкви. Лишь после мощных социальных и национальных вспышек сопротивления правительство и Церковь изменили отношение к местным верованиям. Уже к концу XVIII в. Россия стала одной из самых веротерпимых стран мира. Здесь мирно уживались и господствовавшая религия — православие, и другие вероисповедания — мусульманство, буддизм, язычество.

Особым оставалось положение еврейского населения в западных губерниях России. Евреи испытывали различные притеснения и ограничения. Специальные правительственные указы регламентировали их жизнь. Иудаизм в России рассматривался как враждебная религия. Именно в это время образовывалась в России «черта оседлости» проживания евреев, за которую евреи не имели права переходить.

Карелы давно были связаны с Россией. Отношения с местными жителями устанавливались добрососедские, уважительные. Это не изменилось и после присоединения всей Карелии к России при Петре I. Местное и пришлое русское население постоянно и дружески взаимодействовали. Большое значение имело и то, что православная вера давно уже укоренилась в здешних местах: многие карелы становились христианами.

Русское правительство в своей политике в отношении Карелии проводило осторожную и деликатную линию, учитывая, что рядом была враж-

дебная Швеция. Россия нуждалась здесь в постоянной и дружественной поддержке населения — и получала ее во время очередных военных конфликтов со Швецией.

Карельский край был богат железными рудами. Поэтому в нем уже в начале XVIII в. появились первые в России металлургические предприятия. Строились верфи, оружейные заводы — сказывалось влияние промышленного и торгового Петербурга. Однако в течение XVIII в. местная металлургия потихоньку завяла, уступив первенствующее место мощным уральским заводам.

В землях Коми края, в Пермской земле, в лесной полосе Севера и Приуралья протекала традиционная для этих мест жизнь. Население в основном занималось охотой, рыболовством, сельскими промыслами. Но все шире развивалось под влиянием выходцев из России пашенное земледелие, огородничество, скотоводство, появилось промышленное строительство — в XVIII в. Коми край и Пермская земля стали местом крупной соледобычи. Зародилась здесь и железоделательная промышленность. Многие местные жители отправлялись в отход на местные промышленные предприятия. В некогда глухих таежных лесах выросли новые города. Правда, они были невелики, и населения в них насчитывалось немного, но города придавали северным землям новый облик, выводили их на общероссийский цивилизационный уровень.

Вошедшие в состав России народы Северного Кавказа жили в условиях развивающихся феодальных отношений. Характерным являлось выделение в их среде владетельных князей, феодальные распри, бедность простого населения. Лучшие земли и пастбища переходили в руки влиятельной верхушки. Не надо думать, что с вхождением в состав России судьбы этих народов окончательно определились. Напротив, их положение в мире было неустойчивым. Все зависело от соотношения сил в регионе между Россией, Турцией и Персией. Русское правительство не форсировало освоения здешних земель, не устанавливало здесь свою администрацию. И все же постепенно перевес сил оказывался на стороне России, особенно после перехода к ней Таманского полуострова и земель по реке Кубань. Вместе с давно уже жившими в этом краю терскими и гребенскими казаками, с переселением на Кубань казаков из Запорожской Сечи и Дона северокавказские земли все теснее входили в орбиту общероссийской жизни. Здесь появлялось все больше русских переселенцев.

Медленно и тяжело втягивалась в жизнь России Сибирь и ее многочисленные народы. Так происходило из-за огромных пространств, удаленности сибирских территорий от центра страны, изолированности, разобщенности и малочисленности местных народов, почти полного бездорожья. Зачастую реки оставались единственным средством связи в этом отдаленном таежном крае.

Как и прежде, местное население занималось своими извечно традиционными видами хозяйства — охотой, рыбной ловлей, на севере — оленеводством. Часть их находилась еще на стадии племенных отношений, другие, более развитые (ханты, манси, якуты, буряты), вступили в стадию феодальных отношений. Здесь уже появились местные князья, окружали их

знатные и богатые люди. Главной собственностью являлись земли, охотничьи и рыболовные угодья.

Сибирь была пушным краем. Дорогая пушнина — местный ясак — со временем стала одной из самых дорогих статей российского экспорта. Империя зарабатывала на пушнине немалые деньги.

Но со временем на сибирские просторы стала приходить новая жизнь. Длинные тракты с постоянными дворами, ямской почтой (в частности, Сибирский тракт от Москвы до Якутска и Охотска и Чуйский тракт в Южной Сибири) прорезали эти бескрайние просторы. Прежние острожки и крепости, такие как Тобольск, Иркутск, Томск, стали видными административными и торговыми центрами. В первое двадцатилетие XVIII в. возникли новые крепости — Омск, Семипалатинск, Усть-Каменогорск. Они способствовали распространению русских владений к югу, в сторону Западной Монголии.

Ко второй половине XVIII в. население Сибири — и пришлое (русское) и национальное (местное) — стало втягиваться все глубже в общерусские процессы. Во-первых, это привело к появлению в Сибири пашенного земледелия, в южных районах — садоводства и огородничества. Для этих мест все было вновь, но постепенно местные народы, не оставляя своих традиционных занятий, перенимали у русских поселенцев европейские хозяйственные навыки, учились обрабатывать почву, строить добротные и теплые деревянные дома с печным отоплением. Они втягивались в торговые отношения, везли продукты своего труда, охоты на местные рынки. Там в свою очередь закупали недостающие им промышленные товары, современные орудия труда и современное оружие — взамен каменных орудий труда и луков со стрелами.

Во-вторых, развивалась местная промышленность. То было горнорудное дело (золотые и серебряные рудники близ Нерчинска, горнорудные заводы на Алтае), железоделательные, медеплавильные заводы. Появились местные суконные, кожевенные, фарфоро-фаянсовые предприятия, солеваренные заводы. Вместе с русским населением местные жители приходили в качестве вольнонаемных рабочих на эти предприятия, приобретали новые для себя навыки, открывали совершенно иной мир, трудный, порой тяжелый, но неизбежный в связи с общим продвижением цивилизации по просторам Сибири.

В-третьих, в среде местных народов в XVIII в. постепенно стала проникать европейская культура. Пришла пора грамотности. Вместе с христианством появилась Библия с ее духовными философскими ценностями, гуманистическими устремлениями. Православные миссионеры вели среди местных народов бескорыстную подвижническую работу, смягчая, облагораживая их знакомство с неведомыми, а порой и чуждыми для них русскими порядками.

Наряду с названными особенностями развития национальных регионов России для всех них были свойственны некоторые общие черты.

XVIII в. стал временем дальнейшей ассимиляции (смешения) населения национальных районов страны с русским населением. Продолжается

проникновение русских в Прибалтику, Поволжье, Приуралье, на Северный Кавказ и, конечно, в обширный Сибирский регион.

Если в Прибалтике — районе, достаточно развитом, морском, торговом — в основном появляются русские торговцы, военные, моряки, чиновники, то в другие национальные районы устремляется колонизационный поток самого различного люда. Поволжье, Башкирию, Приуралье осваивает российское дворянство, происходит в этих краях и крестьянская колонизация. Увеличивается количество военных, чиновников, особенно после реформы местного управления при Екатерине II. На Северный Кавказ под защитой вновь построенных крепостей, пограничных линий идет переселение казачьего населения и свободных переселенцев, крестьян из центральных уездов страны. Здесь также появляется помещичье землевладение.

Иная картина складывается в Сибири. Помещики сюда ехали неохотно. Да и какая выгода в неосвоенных таежных местах. Зато с каждым десятилетием прибывает на сибирские просторы крестьянское население. Едут сюда промысловики, торговцы, скупщики пушнины, смелые, рискованные землепроходцы; и конечно — военные отряды, представители царской администрации, служители церкви. Процент русского населения повсюду увеличивается. Так, русское население Сибири к концу XVIII в. составило 81%. А это значило, что Сибирь становилась преимущественно русской. Подобные же процессы проходили в Поволжье, в Приуралье, на Северном Кавказе.

Происходит смешение народов между собой. Так, в башкирские земли переселяются не только русские, но и татары, представители других народов Поволжья. То же наблюдается и на Северном Кавказе, в Карелии, в Коми крае, в Сибири.

Все это приводит к новым явлениям в национальной среде. С одной стороны, происходит вторжение в жизнь местных народов чуждых им элементов. Появление русских помещиков, заводчиков, торговцев, чиновников, воинских отрядов несет с собой разграбление местных земель, насилие над местным населением, установление здесь имперских порядков. С другой — разрушается местный замкнутый, порой патриархальный племенной быт. Приход русских, и в первую очередь крестьян, знаменует пришествие другой, евразийской цивилизации. Степняки-кочевники переходят постепенно к более прогрессивному, оседлому образу жизни — как это было в Башкирии и Калмыкии. Идет продвижение пашенного земледелия, городской жизни на север, в Приуралье и Сибирь. Происходит бурный обмен трудовыми навыками, культурными традициями между самими народами. Никто не перенимает друг у друга плохое. Все заимствуют лишь хорошее, полезное, и это благотворно сказывается на общем цивилизационном развитии народов России.

К концу XVIII в. русское правительство в отношении национального населения России выработало достаточно гибкую политику, которая сочетала уважение национальных особенностей этих народов, полную свободу их вероисповедания, определенные налоговые льготы для местного населения по сравнению с русскими переселенцами, освобождение от ряда

обязательных в русском центре повинностей, освобождение от воинской обязанности, хотя башкирские, татарские и калмыцкие конные отряды, как и казацкие части, русские военачальники с удовольствием использовали в боях с неприятелями.

Подобная политика в сочетании с дружескими взаимоуважительными отношениями между русскими крестьянами и работными людьми и простыми людьми разных национальностей со временем привела к стабилизации положения в национальных районах и сделала их органической частью Российской империи.

§ 5. Культура России во второй половине XVIII в.

Особенности русской культуры. Новая экономика, новое управление, новая армия и флот нуждались в новых кадрах, в образованных, хорошо подготовленных, профессионально умелых людях — ученых, инженерах, мастерах, учителях всех уровней и рангов, врачах. Жизнь рождала потребность в неведомых ранее специальностях и специалистах, которых не знала прежняя Россия. Петр I и его реформы широко раздвинули горизонт российской жизни. Теперь, особенно во время правления Екатерины II, этот процесс еще более ускорился и расширился. Россия все дальше уходила от своей средневековой, во многом изолированной от остального мира культуры и превращалась во многих отношениях в просвещенное европейское государство. Продолжалось активное воздействие западной культуры на российскую жизнь.

Эпоха европейского Просвещения стала для России ее собственной эпохой. Недаром современники говорили, что за несколько десятилетий XVIII в. Россия с лихвой наверстала отставание прошлых столетий.

В российской жизни коренным образом изменились духовные запросы, интересы, сформировались новые нравственные гуманистические критерии жизни. Изменилось отношение к человеку, к человеческой личности и человеческой жизни. Одновременно под влиянием просветительской гуманистической философии иным становилось отношение к целям и задачам общества, к природной среде, к месту человека в системе общества и природы.

Но на Западе просветительские тенденции развивались на основе бурного расцвета буржуазных отношений, новых явлений в политической истории Европы, в частности начал парламентаризма, кризиса абсолютных монархий. Общечеловеческие ценности, значение личности, гуманистические, нравственные нормы все увереннее преодолевали обветшалые средневековые традиции. Поэтому европейская культура широко отражала эти новые явления, шла в ногу со временем. В России те же тенденции попадали совсем в другую среду: здесь царил феодализм; абсолютизм достиг своего пика, крепостничество, неполноправность людей, сословные привилегии и сословные ограничения являлись незыблемой основой человеческих отношений. Это приводило к острым противоречиям между еще мощным в России старым миром и новыми явлениями в культуре. И все же новое упорно пробивало себе дорогу.

В этот период Россия не отказалась, несмотря на порой бездумное заимствование западной культуры, особенно в период Петра I, от своих коренных культурных достижений. Все, что имело важное и полезное в русских культурных традициях, все, что могло помочь России строить новую современную культуру, сохранялось. Поэтому одной из особенностей развития российской культуры в это время стал синтез (т. е. взаимопроникновение) старой русской культуры XVII в. и новых культурных веяний уже иной эпохи.

Кроме того освобожденная от постоянного церковного давления российская культура во всех своих проявлениях становилась все более светской, т. е. освобожденной от влияния Церкви. Этот процесс, начавшийся еще в прошлые века, в XVIII в. пережил подлинный взлет.

В рамках единого унитарного государства культура второй половины XVIII в. все больше становится достоянием не только столичных центров, не только узкого слоя дворянской верхушки, но и провинции, широких слоев дворянства, городских слоев, проникает в помещичьи усадьбы, в дома городских обывателей и даже доходит до крестьянской среды. Просветительские тенденции, новые культурные явления смыкаются с народной жизнью, народными исканиями, народным творчеством. Наступающий век Просвещения в России пробудил в душах русских людей и других российских жителей животрепещущие общественные вопросы, выдвинул новые идеи, обращенные к судьбе родины, к судьбам народа. Русский человек стал ощущать себя частицей не только России, но и Европы, и даже всего мира. Это ломало прежнюю провинциальную замкнутость, расширяло кругозор людей. Культура содействовала пробуждению общественной жизни, формированию российского общества.

Культура, хотя еще и сословная и недоступная в равной мере всем слоям населения, тем не менее сближала людей как общество, как нацию. Она пробуждала становление национального самосознания и самоутверждения.

Лишь крепостное крестьянство являлось отверженным в этом новом наступавшем мире. Но век Просвещения в России в конце концов привел к тому, что на поверхности российской жизни к концу XVIII в. просвещенная часть российского общества, рождающаяся российская интеллигенция все громче и решительнее стала ставить вопрос о судьбах российского крепостного крестьянства. Это проявлялось в различных сферах культуры — в журналистике, книжном деле, театре, живописи. Просвещенная часть российского общества считала, что существование этого зла, этой античеловеческой, безнравственной практики — крепостничества — несовместимо с идеалами Просвещения, которым поклонялась все большая часть российского населения.

Одновременно появление новых культурных ценностей приобретало в условиях многонациональной России интернациональный характер. Культурные достижения распространялись от западных границ, от столичных центров по всей территории России и доходили, конечно, в разное время и в разной степени, и до Поволжья, и до Севера, и до Приуралья, и до сибирских просторов. Новые культурные ценности, просветительские

идеи накладывались на культурные традиции и достижения других народов России. Все это делало их сопричастными к судьбам всей страны, ставшей огромной евразийской державой, раздвигало их привычные горизонты и, несмотря на глубокие социальные и национальные противоречия, постепенно подводило к тому, что они начинали ощущать себя жителями колоссальной и многонациональной державы, делало их россиянами. Роль культуры в этих процессах была весьма значительна.

Кто же являлся в России носителем новых, просветительских научных и культурных традиций? В первую очередь, конечно, дворянство. Происходило это потому, что именно дворянское государство во главе с верховной властью во второй половине XVIII в. активно приобщало Россию к передовой европейской культуре, прежде всего через дворян, дворянских детей, закрытые дворянские учебные заведения.

Наряду с русским дворянством проводниками науки и культуры России стали выходцы из-за границы. В течение всего XVIII в. иностранцы оказывали сильнейшее влияние на становление российской цивилизации. Они участвовали в создании системы образования, стояли у истоков Академии наук, внесли огромный вклад в развитие русской архитектуры, скульптуры, живописи, театра, музыки. В большинстве своем это были талантливые и увлеченные своим делом люди, которые принесли немало пользы России, передавали русским людям свой опыт, свое мастерство. Затем, по мере формирования и возмужания русских национальных культурных кадров, доля и значение иностранцев в развитии русской культуры становилась меньше. Набирали силу и влияние русские, российские таланты.

Вместе с тем XVIII в. отмечен и тем, что все большее количество представителей разных сословий, наряду с дворянством и иностранцами, участвовали в создании новой русской светской культуры. Это выходцы из купеческих семей, дети духовных лиц. Среди блестящей плеяды деятелей русской науки и культуры встречаются талантливые выходцы из среды государственных и даже крепостных крестьян. Их появление на российском культурном небосклоне лишь подчеркивало неполноправность и приниженность этой категории людей, которые вместе с другими российскими талантами становились создателями культуры России XVIII в.

Образование и просвещение народа. Проходили десятилетия за десятилетием, менялись государи и государыни на российском троне, но рывок, предпринятый Петром I в первой четверти XVIII в., так и остался не поддержанным в такой же мере и с такой же энергией. Народ обучался медленно.

Опираясь на существование открытых при Петре I учебных заведений, правители России ни шатко ни валко продолжали его дело. В основном работа проявлялась об образовании и обучении дворянских детей. В 30-е гг. открылся Сухопутный шляхетский корпус. Другими закрытыми учебными заведениями стали Артиллерийский и Инженерный шляхетский корпуса.

Появилось немало частных дворянских пансионов в Москве, Петербурге, других городах: дети в таких пансионах и жили, и учились. Одновременно в моду вошло и обучение в домашних условиях. Столичное и про-

винциальное дворянство приглашало в свои городские дома и сельские усадьбы учителей-иностранцев, или гувернеров, как их стали называть — в основном немцев или французов. Были среди учителей и русские — знающие и грамотные люди.

Чему же учили гувернеры дворянских детей? Русские учителя — родному языку, арифметике, географии, Закону Божьему, т. е. овладению религиозными текстами. Иностранцы — прежде всего хорошим манерам, иностранным языкам, этикету, верховой езде, танцам, фехтованию. Эта система оказалась эффективной. Она сформировала немало высокообразованных, хорошо воспитанных людей, которые вполне могли конкурировать по своему культурному уровню с просвещенными западными людьми. Немало деятелей русской культуры, науки, искусства прошли через это домашнее обучение и воспитание, стали выдающимися деятелями.

Однако обучение в пансионатах и на дому нуждалось в шлифовке, в повышении подлинно профессионального и общегуманитарного уровня. Это могли дать лишь высшие учебные заведения гражданского типа. А их в стране фактически не было. Поэтому многие способные люди уезжали учиться в университеты Германии, Франции, Голландии. Порой правительство направляло за свой счет способных дворянских детей для обучения за границу.

В связи с отсутствием в России высших учебных заведений современного уровня вполне естественным шагом властей стало открытие в России сразу двух университетов. Один был основан при Петербургской академии наук, чтобы готовить кадры будущих русских ученых. Эта цель ограничивала приток в Университет тех, кто хотел получить университетское, т. е. универсальное, общее образование. К тому же поступлению в Университет предшествовало обучение в академической гимназии. Преподаватели там в основном были немецкие ученые, приглашенные в Академию наук. Поэтому занятия велись на немецком языке. А это трудно давалось неподготовленным. Тем более что дворяне неохотно отдавали сюда своих детей, а дети представителей «подлых сословий» не выдерживали здешних требований. И только в 50-е гг. ситуация несколько изменилась. Появление в Академии русских профессоров, и в первую очередь Михаила Васильевича Ломоносова, переход к преподаванию на русском языке, стали привлекать больше учеников. В академической гимназии было подготовлено для Университета двадцать с лишним студентов. Среди них появились дети разночинцев, солдат, низшего духовенства. И все-таки это была капля в море.

Зато с открытием в 1755 г. Московского университета положение значительно переменялось.

26 апреля 1755 г., в годовщину коронации Елизаветы Петровны, в здании бывшей Главной аптеки, близ Красной площади, торжественно открылся Московский университет. Поначалу здесь было три факультета: философский, юридический и медицинский. Но на философском факультете изучали математику, механику, физику, географию, филологию. На медицинском факультете значительное место отводилось изучению химии и биологии.

Московский университет стал первым и единственным в Европе XVIII в. университетом, в котором не было богословского факультета и не преподавались богословские науки. Это было неслыханно! Новое учебное заведение России базировалось целиком на светских принципах обучения.

Московский университет недаром носит имя великого русского ученого М. В. Ломоносова. Он был инициатором его создания, добился преподавания в нем на русском языке, что в пору всеобщего употребления в обучении латыни являлось также необычным. Как и мечтал М. В. Ломоносов, Университет стал первым публичным, т. е. общедоступным, учебным заведением. На лекции университетских профессоров могли приходиться все желающие, его библиотека также открылась для всех «любителей чтения».

Вскоре появились университетские журналы и газета. Они издавались в собственной университетской типографии. Но самое главное, М. В. Ломоносов, сам происходивший из простой крестьянской семьи, добился доступа в университет студентов без различия сословий. Тем более что значительная часть студентов и учеников университетской гимназии содержалась государством.

При Университете была создана гимназия. Она делилась на две части: одна — для детей дворян, другая — для детей разночинцев. Но и здесь 100 мест отводилось для учеников, содержащихся на казенный счет. Это делало ее достаточно демократичной.

Уже в первые десятилетия Московский университет выпустил более 300 студентов. В его гимназии в конце XVIII в. обучалось свыше 1000 учеников. Среди студентов Университета в первые годы его существования числились Г. А. Потемкин, Н. И. Новиков, писатель и просветитель Денис Иванович Фонвизин, архитекторы Василий Иванович Баженов, Иван Евгеньевич Старов и другие будущие светила Российского государства, науки, культуры.

Огромную роль в создании Университета сыграл друг и покровитель М. В. Ломоносова, фаворит Елизаветы Петровны И. И. Шувалов. Именно при его активной и заинтересованной поддержке М. В. Ломоносов осуществил свой проект организации Университета. И. И. Шувалов помог создать университетскую типографию, способствовал подбору профессоров. Поддержал видный вельможа и куратор Университета идею М. В. Ломоносова о его автономии.

Во второй половине XVIII в. Московский университет стал крупнейшим центром науки и просвещения в стране. При его поддержке была открыта гимназия в Казани, появились грамматики и азбуки на чувашском, грузинском и татарском языках. Наконец, Московский университет стал моделью для открытия других университетов России (уже в начале XIX в.).

Наряду с учебными заведениями для дворянства в стране расширялась сеть духовных учебных заведений. Дети православного духовенства обучались в 66 духовных школах и семинариях. Оттуда они выходили служителями религиозного культа: дьяконами, священниками.

Постепенно развивалась и сеть общеобразовательных школ для простого народа. В послепетровское время существовали общеобразовательные школы, где срок обучения был от трех до пяти лет. Там учились дети

государственных крестьян, ремесленников, мастеровых, солдат, матросов. Открывались и особые школы — для детей солдат. Но количество таких учебных заведений было крайне незначительно. Основная масса простого населения являлась либо неграмотной, не говоря уже о началах образования, либо училась считать, писать, читать у сельского духовенства, случайных людей в городах.

В 80-е гг. XVIII в. благодаря Екатерине II, мечтавшей распространить образование на средний класс, в России впервые была введена система народного образования. Сначала в Петербургской губернии, а позднее еще в 25 губерниях страны открылись двухклассные и четырехклассные народные училища. В первых учили чтению, письму, чистописанию, рисованию, Закону Божьему. Во вторых прибавлялось обучение грамматике, арифметике, геометрии, механике, физике, географии, истории, естествознанию и архитектуре. Ученики обучались также письмоводительскому делу. Эти училища выпускали грамотных людей. Они могли работать в конторах, на предприятиях, сами обучать неграмотных. Для подготовки учителей в Петербурге открылись колледж и семинария. До конца века они подготовили более 400 учителей.

Первый шаг народного образования в России был сделан. Но в сельской местности таких училищ не существовало. Огромная крестьянская масса была отрезана от образования.

Но Екатерина стремилась поставить систему образования на европейский уровень.

По душе ей пришлись идеи Ивана Ивановича Бецкого (1704—1795), который, основываясь на идеях французских просветителей, представил проекты о воспитании юношества в закрытых учебных заведениях интернатного типа, чтобы создать «новую породу людей», в том числе и недворянского происхождения, с целью сгладить классовые противоречия в интересах государства. Для этой цели предполагалось открыть серию закрытых учебных заведений — отдельно для дворян, отдельно для купечества, отдельно для прочих обывателей. Обучение там мыслилось на основе совершенных для цивилизованного мира принципов просвещения — путем убеждения, без наказаний и принуждения.

И. И. Бецкой написал уставы и регламенты ряда учебных заведений. Он отдавал предпочтение общему образованию перед специальным и ставил нравственное воспитание выше учебных успехов. Он призывал осуществлять взаимосвязь между умственным, физическим и нравственным воспитанием, считаться с индивидуальными особенностями ребенка и его возрастом.

Некоторые из закрытых учебных заведений основали в Петербурге, другие преобразовали на основании нового подхода. Под Петербургом был открыт Институт благородных девиц (Смольный институт). Отдельно в нем обучались девочки из мещанского сословия. Однако все это было каплей в море. К концу века даже среди дворянского сословия, особенно в провинции, большинство было не только необразованным, но и неграмотным. Ждать от этого сословия гуманного отношения к людям было напрасным делом.

К концу XVIII в. в России в общей сложности существовало 550 учебных заведений разного вида. Из них народных училищ насчитывалось 400. Во всех этих заведениях обучалось более 60 тыс. учащихся. Но для огромной страны с почти сорокамиллионным населением это было ничтожно мало. Количество учебных заведений в странах Европы исчислялось не сотнями, а тысячами, не считая университетов. Только 7% населения было грамотным.

Частью общей системы просвещения страны стали перемены в области издательского и книжного дела. Если при Петре I в свет вышло 600 названий книг, то за последнюю четверть XVIII в. — уже 7500. Правительство Екатерины II разрешило частные типографии, цензурные ограничения ослабли. И в результате — бурный рост выпуска книг, журналов, газет. В крупных городах появилась читающая публика. Изменилась общая атмосфера в стране: через книги, журналы, газеты создавалось общественное мнение, началась борьба точек зрения.

Свои журналы появились в Москве, Ярославле и даже в далеком Тобольске.

Наука. В центре российской науки оставалась, как и в прошлые годы, Академия наук с ее тремя отделениями: философским, физическим и историческим. С одной стороны, российская наука продолжала активно впитывать научные знания Европы, с другой — в муках и сложностях развивала собственный научный потенциал. Это хорошо отражено в деятельности Академии наук. Поначалу членами Академии являлись лишь приглашенные из-за границы ученые. Среди них были специалисты мирового класса. С течением времени положение изменилось. Во главе ее назначались видные вельможи, которые не вникали в научные вопросы, а всеми делами управляли руководители академической канцелярии, люди карьерные и имеющие слабое отношение к научным исследованиям. В течение долгих лет таким фактическим руководителем Академии был невежественный и недалекий немец Шумахер. При нем Академию покинули многие иностранные ученые, в том числе и немецкого происхождения. Настоящему дарованию трудно было пробиться в условиях постоянных склок, групповщины, фаворитизма. Лишь после воцарения Елизаветы Петровны и окончания немецкого засилья во многих сферах общественной жизни, положение в Академии стало налаживаться. Двинулись вперед научные исследования, появились среди ученых русские кадры. Ведущая роль в Академии в 40—50-е гг. XVIII в. принадлежала Михаилу Васильевичу Ломоносову.

Зимой 1730 г. за санным обозом из далеких Холмогор, что расположены неподалеку от Архангельска, в Москву пришел девятнадцатилетний сын поморского крестьянина Михаил Ломоносов. Обуреваемый жаждой знаний, он поставил себе целью поступить в Славяно-греко-латинскую академию. Там с сомнением посмотрели на великовозрастного ученика, но после собеседования приняли. Поначалу Ломоносову было даже неловко сидеть за одним столом с юными учениками. Но его способности и упорство оказались таковы, что он в ускоренном порядке прошел начальный курс обучения, оставляя более юных позади. Вместе с лучшими выпускниками крестьянский сын был направлен в Университет Петербургской академии

наук. Его заметили и оценили некоторые влиятельные сподвижники Петра I. И вот его как одареннейшего студента направляют на казенный счет для обучения горному делу и металлургии в университеты Германии.

Пять лет провел он за границей и вернулся оттуда в Академию хорошо и всесторонне подготовленным специалистом. Вначале Ломоносов являлся помощником профессора физики. Но его многогранный талант, универсальность знаний вели начинающего ученого в глубь других, смежных наук. Он увлекся химическими исследованиями, достиг здесь поразительных результатов и стал профессором химии и полноправным академиком, первым русским академиком.

Для русской науки Ломоносов стал целой эпохой. Кажется, не было отрасли знаний, в которую он бы ни проник и где бы он ни оставил свой замечательный след. Он создал первую в истории России химическую лабораторию. Ученые считают Ломоносова основоположником науки химии в России. Именно в ходе серии химических опытов он пришел к крупному открытию — сформулировал закон сохранения материи и движения. Он впервые стал внедрять физические методы в химические исследования, положил начало физической химии и прочитал в Университете первый курс физической химии. Ему принадлежит разработка атомно-молекулярной теории строения вещества. Он является автором закона сохранения веса веществ. Объяснил он и явление нагревания тел: не мифический теплоход, как это считалось прежде, а движение частиц тела вызывает этот процесс. Астрономы считают Ломоносова отцом своей науки. Действительно, российская астрономия начала свою жизнь с обсерватории, которую организовал Ломоносов. Именно ему принадлежит честь открытия атмосферы на планете Венера. Именно он сформулировал важное положение об однородности материи Вселенной. Немало сделал Ломоносов в области геологии, минералогии, горного дела, географии. Он обосновал великую значимость для России Северного морского пути, по которому и по сей день идут корабли в северо-восточные порты страны.

М. В. Ломоносов никогда не был кабинетным ученым. Живой, горячий, он достигал поразительных результатов во многих прикладных науках, совершил ряд открытий, имевших практическое значение для хозяйства страны, для каждого человека. Так, ему принадлежит идея громоотводов, оберегающих людей от атмосферного электричества, от молнии. Он стал основоположником отечественной научной метеорологии. Сегодняшний прогноз погоды восходит к научным наблюдениям великого ученого. Он изобрел «трубу» ночного видения. Но ему не поверили, а потому не приняли ее в производство. Много трудился он в области разработок новых сортов фарфора, стекла, красок, создания мозаики, из которой выполнял великолепные картины.

Он был гением не только в области естественных наук, но и выдающимся гуманитарием. М. В. Ломоносов внес большой вклад в формирование русского литературного языка и стал автором «Российской грамматики».

Его поэтические сочинения, в частности оды в честь Елизаветы Петровны, побед русского оружия стали образцом для многих литераторов

XVIII в. Наконец, М. В. Ломоносов проявил себя как яркий историк. Его «Древняя российская история» представляет собой сочинение, наполненное гордостью за историю славянского мира. В ней он дает отпор норманистам по поводу принадлежности варягов к скандинавскому племени и доказывает, что варяги — это наши братья южнобалтийские славяне. До сих пор это положение великого русского ученого вызывает ненависть норманистов.

XVIII в. дал приращение научных знаний во многих областях благодаря усилиям других замечательных ученых.

Шагнули вперед не только геология, горнорудные исследования, но и математика, естествознание, биология, картография, история. Так, впервые появился «Атлас Российской империи». К середине века известный государственный деятель и историк Василий Никитич Татищев создал свою «Историю Российскую». При ее написании автор использовал большое число различных источников, которые впоследствии были утрачены. Поэтому сама эта «История» является живым историческим источником.

Позднее свои труды по русской истории создали князь Михаил Михайлович Щербатов, военный деятель Иван Никитич Болтин. Появляется система в исторических знаниях. Идут поиски новых документов. Ученые обнаруживают древнейшие списки русских летописей, открывают «Слово о полку Игореве».

Философская наука активно разрабатывается в стенах Московского университета, а также на Украине в Киевско-Могилянской академии.

Зарождается и русская агрономическая наука, которой способствовало созданное при Екатерине II Вольное экономическое общество.

Шагнула вперед в России и техническая мысль. Именно во второй половине XVIII в. Иван Иванович Ползунов изобретает на алтайских заводах свою первую в мире паровую машину, механик Академии наук Иван Петрович Кулибин создает новые механизмы, удивительные часы, предлагает проект одноарочного моста через Неву длиной почти 300 метров.

Часть этих изобретений внедрялась в жизнь, но для многих время еще не наступило, так как общий уровень российской промышленности, где основой был даровой ручной труд, делал эти изобретения невыгодными.

Важной частью научной деятельности стали исследовательские экспедиции. Страна раскинулась, от края до края полная богатейших лесов, полноводных рек, горных хребтов, с обширным морским побережьем Ледовитого и Тихого океанов. Огромные пространства таили неисчислимые богатства. Обладание этими землями обещало замечательные перспективы. Поэтому не случайно, начиная с правления Петра I и кончая «веком Екатерины», необозримые пространства Российской империи стали объектом пристального внимания правительства, администраторов, ученых-мореходов, геологов, картографов, землепроходцев. Если XVII в. был веком великих русских открытий на Востоке, то XVIII в. стал временем их исследования и освоения вновь открытых и присоединенных земель. Интересовало все: пути сообщения, климат, недра, морские течения, географические очертания евразийского материка, его население.

Петербургская академия наук оказалась центром и инициатором этих исследований.

Еще при Петре I снаряжается первая Камчатская экспедиция под руководством Витуса Беринга. Но первая попытка не удалась: арктические льды помешали плаванию. С 1733 по 1741 г. Беринг и его помощник Алексей Ильич Чириков направились в новую экспедицию.

В ходе экспедиции Беринг обнаружил пролив, отделяющий Америку от Азии. Он был назван его именем — Берингов пролив. Экспедиция открыла для мира Северо-Западную Америку. Члены экспедиции исследовали и описали берега Камчатки, Курильские и Алеутские острова, Северную Японию.

С этого времени начинается освоение русскими людьми американского континента. Пальма первенства принадлежит здесь купцу и землепроходцу Григорию Ивановичу Шелихову (1747—1795). На Аляске появляется русская фактория. Основывается русско-американская компания.

Другие экспедиции направляются в Южную Сибирь, Нижнее Поволжье, в Приуралье и на Урал, в Башкирию, на Северный Кавказ, в Крым, к озеру Байкал. Специальная исследовательская экспедиция отплывает на Аляску. Материалы этих экспедиций широко публиковались в России и за рубежом.

В последней четверти XVIII в. появляются новый атлас России, карты всей Российской империи.

Литература и искусство. Литература второй половины XVIII в. становится все более светской, выходит из-под влияния церкви. Этому способствовало появление при Петре I нового гражданского шрифта. В это время формируется русский литературный язык, освобожденный от старой церковной речи. Церковно-славянский язык остается лишь в религиозных текстах и в богослужении. Большое влияние на реформу языка оказали сначала М. В. Ломоносов со своей «Российской грамматикой», а позднее писатель и историк Н. М. Карамзин, чей литературный язык стал уже языком будущего. В конце 80-х — начале 90-х гг. в России впервые вышел 6-томный словарь русского языка.

Все это стало превосходной основой для расцвета новой литературы.

И на Западе и в России ведущим становится классицизм с его обращением к античному наследию, к прекрасной облагороженной природе, к героическим и нравственным идеалам. В России эти идеи дополнились высоким пафосом гражданственности, новой национальной государственности, воспеванием просвещенного монархизма, российских военных подвигов.

На первое место здесь выдвигается талантливый литератор Антиох Дмитриевич Кантемир, молдавский князь, перешедший на службу к Петру I. Он создает прозаические и поэтические произведения, осуществляет переводы древней и современной европейской классики. Большой популярностью пользуются его сатирические пьесы. Они обличают невежество, суеверие, дворянскую спесь. В ряду произведений классицизма стоят оды М. В. Ломоносова и сына священника Василия Кирилловича Тредиаковского, трагедии, комедии, публицистические статьи Александра Петрови-

ча Сумарокова, отца русской драмы, директора Петербургского театра. В произведениях Сумарокова утверждается высокая миссия российского дворянства. Он защищает привилегии и значение дворян в обществе, но резко критикует падение дворянских нравов, бюрократизм, взяточничество. Большой популярностью пользовались героические трагедии из русской средневековой жизни Якова Борисовича Княжнина.

Русская литература развивается быстро. И не успел расцвести классицизм, как на смену ему идет новый стиль — сентиментализм, также пришедший с Запада, с его интересом к внутреннему миру, переживаниям не выдающегося героя, а простого горожанина, крестьянина. Ярким представителем этого направления стал писатель Николай Михайлович Карамзин, чья повесть «Бедная Лиза» о любовных переживаниях скромной девушки, закончившихся трагедией, зачитывалась вся грамотная Россия. Его «Письма русского путешественника», которые он выпустил в свет после поездки по Европе, вызвали восторг читающей публики, от царского дворца до далекой провинции. В этой книге он сравнивает исторические пути России и Европы, защищает и пропагандирует общечеловеческие, гуманистические ценности.

XVIII в. еще не кончается, а в русскую литературу властно вторгаются начала реализма, под знаком которого проходит уже весь XIX в.

Реалистические мотивы видны уже в классических, поэтических произведениях Гавриила Романовича Державина, в пьесах Дениса Ивановича Фонвизина. Его комедия «Недоросль» выводит на сцену ту часть дворянства, которая не хотела никаких новшеств, никакого прогресса и видела свою цель в том, чтобы прочно держаться за крепостничество и свои привилегии. Классическими стали слова одного из героев пьесы — недоросля Митрофанушки: «Не хочу учиться, а хочу жениться», а также убеждение его матери госпожи Простаковой в том, что география не нужна, потому что извозчик и так довезет, куда надобно.

Неотъемлемой частью российской литературы, как и прежде, являлось народное творчество. В фольклоре второй половины XVIII в. отражаются события и народные герои тех лет: Емельян Пугачев и Салават Юлаев, герои прошлых славных событий, например Богдан Хмельницкий и Максим Кривонос в украинских и белорусских народных произведениях. Знаменитый «Плач холопов», созданный в народной среде, говорил о ненависти простых людей к крепостному праву.

Сегодня, проходя по многим крупным городам России, мы с удивлением узнаем, что замечательные архитектурные памятники — подлинное их украшение — были созданы в XVIII в. Чего стоят Петербург, Царское Село, Павловск, Петергоф, ставшие архитектурной гордостью России и мировыми архитектурными шедеврами! Такого взлета российской архитектуры, который дал XVIII в., возможно, Россия больше не знала.

Открытость остальному миру привела к объединению усилий замечательных иностранных архитекторов, работавших в России и для России, и блистательных русских талантов, чьи произведения становились в ряд мировых архитектурных шедевров.

С именем Варфоломея Растрелли, сына итальянского скульптора, служившего еще Петру I, связано появление в России стиля барокко. В этом стиле он создал знаменитый Зимний дворец, не менее известный Екатерининский дворец в Царском Селе, комплекс зданий Смольного монастыря, Строгановский дворец и другие здания столицы.

Следом за барокко в Россию пришел классицизм с его строгими пропорциями, стройными колоннадами, монументальностью, гармоничностью. Ярким выразителем этого стиля стал придворный архитектор Екатерины II, шотландец Чарлз Камерон. Он — автор ансамбля дворца и парковых сооружений в Павловске под Петербургом, «Камероновой галереи» в Царском Селе, других сооружений.

Оставил заметный след в столичной архитектуре знаменитый итальянский архитектор Джакомо Кваренги. Это он создал Эрмитаж, Смольный институт, здание Биржи на Петербургской стрелке, великолепные дворцы в Петергофе (Большой дворец) и Царском Селе (Александровский дворец, который Екатерина II построила для своего любимого внука Александра I ко дню его свадьбы).

Одновременно мужал талант русских зодчих, также творивших в классическом стиле.

Все, кто бывал в Москве, видели напротив Кремля на возгорке возвышающийся монументальный и воздушный дом Пашкова (нынешняя Государственная библиотека). Это — творение замечательного русского архитектора Василия Ивановича Баженова, происходившего из церковной семьи. Он был учеником архитектора Дмитрия Васильевича Ухтомского, прошел курс в Московском университете, закончил Академию художеств, учился в Риме и Париже. Ему принадлежит проект Большого Кремлевского дворца, по его проекту построен Михайловский замок в Петербурге, последняя резиденция императора Павла I, возведен императорский дворец в с. Царицыно под Москвой, другие постройки. В. И. Баженов был избран профессором Римской академии и действительным членом Болонской и Флорентийской академий.

Богатое архитектурное наследие оставил сын канцеляриста Матвей Федорович Казаков. Его главные работы — старое здание Московского университета на Манежной площади в Москве, здание Голицынской больницы (ныне I-я Градская больница), дом Благородного собрания в Москве (ныне Колонный зал Дома союзов), иные сооружения в Москве, Твери и других городах.

Гордостью русской архитектуры XVIII в. стал и архитектор Иван Евгеньевич Старов. Его лучшими творениями стали Таврический дворец Г. А. Потемкина и Троицкий собор Александро-Невской лавры в Петербурге.

Но архитектура XVIII в. — это не только столичные дворцы и соборы. В последние десятилетия века в России развернулось мощное усадебное строительство. В глубине страны создавались прекрасные парковые ансамбли с видневшимися в глубине белыми колоннадами домов. Порой их проектировали известные архитекторы — те же Кваренги, Камерон, Старов.

Продолжает развиваться и деревянное зодчество. Ярким образцом его стал Шереметевский дворец в Останкине, построенный русскими мастерами П. И. Аргуновым, Г. Е. Дикушиным, А. Ф. Мироновым.

Переживала расцвет и русская живопись: происходит творческий поворот от условностей иконописи к реалистическим полотнам. В XVIII в. получила значительное развитие портретная живопись. Солдатский сын Алексей Петрович Антропов, крепостной художник Шереметьевых Иван Петрович Аргунов, крепостной крестьянин Федор Степанович Рокотов, выходец с Украины Дмитрий Григорьевич Левицкий, Владимир Лукич Боровиковский создали блестящую галерею портретов русских монархов, вельмож, государственных деятелей, полководцев. Появляется историческая живопись на классические и древнерусские темы, а также жанровая живопись.

Частью общего развития русского искусства стали скульптура и музыка. Именно во второй половине XVIII в. в России осуществляется переход от прикладной, орнаментальной скульптуры к монументальной и портретной скульптуре. Примером первой является знаменитый «Медный всадник» — памятник Петру I, его соорудил в 1775 г. по указанию Екатерины II французский скульптор Этьенн Морис Фальконе, а также памятник Минину и Пожарскому в Москве, автор которого — скульптор Иван Петрович Мартос.

Примером другого направления стали работы русского скульптора Федота Ивановича Шубина. Он происходил, как и Ломоносов, из поморских крестьян, был другом великого ученого. Ф. И. Шубин, опираясь на поддержку Ломоносова, окончил Академию художеств в Петербурге, учился в Париже, Италии. Его резцу принадлежат бюсты Екатерины II, Павла I, Ломоносова, Румянцева, Суворова, Потемкина. Со временем Г. А. Потемкин стал его покровителем.

В ряду замечательных деятелей культуры второй половины XVIII в. стоит и удивительная фигура основателя русского театра Федора Григорьевича Волкова. Сын ярославского купца Ф. Г. Волков стал первым русским актером и начинателем национального театра в Ярославле. Затем он переехал в Петербург и основал первый профессиональный театр в российской столице. Это было прекрасное и грустное начало — Ф. Г. Волков умер в возрасте 34 лет.

Вскоре открываются театры и в других городах страны — в Казани, Тамбове, Воронеже, Нижнем Новгороде, Тобольске. Постепенно помещичьи усадебные театры, где играли, пели, танцевали крепостные актеры, уступают место профессиональному театральному искусству. Россия становится театральной страной.

В музыкальном искусстве пока еще господствовали заезжие оперные, балетные труппы, но уже пришло время утверждения и самобытных российских талантов. Музыку для народных инструментов пишет знаменитый скрипач и композитор Иван Евстафьевич Хандошкин, чьи произведения исполняются и до сих пор, и украинский композитор, создатель изумительных церковных хоралов Дмитрий Степанович Бортнянский.

§ 6. Российский быт

Городская жизнь. Конечно, наиболее разительные изменения жизни произошли в Петербурге, Москве и некоторых других крупных городах страны. Что означало понятие «крупный город»? Таковыми считались города, где населения насчитывалось по 25—30 тыс. человек. Это были, кроме столиц, Рига, Астрахань, Ярославль, Нижний Новгород. В других городах жило по несколько тысяч жителей — от 3 до 8 (33 города), по 10 тыс. (21 город), от 12 до 30 тыс. (12 городов). В половине российских городов, в так называемых малых городах, жило не более чем по 500 человек.

Основными занятиями горожан были торговля, промышленность, ремесло. В крупных городах жило наибольшее число дворян, чиновников, военных. К концу XVIII в. в городах все больше появляется крестьян-отходников, а также людей «разных чинов», т. е. разночинцев — мелких служащих, работников в сфере услуг — трактирщиков, парикмахеров, почтальонов и др.

Петербург сразу же строился как «регулярный» город. Старые же русские города, напротив, строились стихийно, веками, по принципу крепостей с окружающими город валами, воротами, с ведущими к ним радиальными улицами.

Так, кстати, строилась и Москва с ее Кремлем, стенами Китай-города, Белого города, Земляного вала и улицами, которые шли к крепостным воротам от Кремля. Петербург же создавался «по линиям» — прямые проспекты, улицы, проложенные в шахматном порядке. На этих улицах было предписано строить лишь каменные дома по заранее утвержденным проектам. Здесь в XVIII в. прокладывались мостовые из брусчатки. Берега Невы оделись гранитными набережными. Сделано это было по указанию Екатерины II. Ей же принадлежала и мысль возведения знаменитой решетки Летнего сада. В «регулярном» же порядке прокладывались каналы, строились мосты, украсившие город, разбивались парки и сады. На Дворцовой набережной, Невском проспекте, вдоль каналов и речек, впадавших в Неву, вельможи во второй половине XVIII в. строили роскошные дворцы. Вот уже два с лишним века они украшают Северную столицу: дворцы Голицыных, Шереметевых, Строгановых и др. Вместе с новыми зданиями Адмиралтейства, ансамблем Петропавловской крепости, правительственными зданиями, Зимним дворцом, Эрмитажем они создают несравненный облик Петербурга как символа новой, уже европейской России.

Дворцы отличались богатством и изысканностью. Вельможи старались сделать их похожими на императорские. Здесь были большие залы, парадные гостиные, удобные и комфортабельные, обставленные европейской мебелью комнаты для жилья. Изразцовые печи зимой излучали по всему помещению ровное сухое тепло, а свечи в висящих в центре комнат люстрах, по стенам — в канделябрах прекрасно освещали комнаты, коридоры, переходы.

В парадных помещениях, обшитых дорогими тканями, висели картины иностранных мастеров, в простенках поражали своим изяществом

итальянские зеркала. В жилых помещениях использовался новый отделочный материал — обои.

К концу XVIII в. стало модным содержать аристократические салоны. Здесь слышалась французская речь, кипели споры о политике, литературе. В таких салонах начинали блистать российские литературные знаменитости, государственные деятели вешали свои истины, высокопоставленные чиновники в спорах оттачивали взгляды, чиновный люд поменьше искал выгодных знакомств.

Рядом теснились дома богатых купцов, чиновников. Они были попроще, но их обитатели также использовали современные архитектурные приемы, новые строительные и отделочные технологии, создавали удачные, просторные, комфортабельные жилища.

Менялась и Москва. Хотя здесь не было такого богатства и блеска, как в Петербурге, но московская знать не хотела отставать от запросов времени. В Москве также выравнивались улицы, прекратилась хаотичная застройка города, но за взятку богатый человек мог построить дом там, где ему заблагорассудится.

В Москве в отличие от Петербурга богатые дворяне и купцы строили, как правило, двух-трехэтажные дома усадебного типа. Такой дом был отделен от улицы садом, газонами, дорожками. Сам он стоял в глубине пространства, огороженный от улицы чугунной или железной решеткой, а на улицу выходили лишь крылья флигеля. Таких усадебных домов XVIII в. до сих пор в Москве сохранилось немало. А рядом с ними стояли дома других богатых людей — каменные одно-, двухэтажные, с колоннами изящные здания. Там размещалось до 7—8 комнат — гостиные, диванная, спальня, кабинет, детская, столовая, зал для танцев. Здесь тоже стояли вошедшие тогда в моду мебельные гарнитуры, софы и диваны. Ушли в прошлое лавки и грубо сколоченные столы. Появились стулья, кресла, изящные столы на изогнутых ножках, полки для книг. Стены были оклеены обоями.

По вечерам города стали освещаться фонарями, в которых горело конопляное масло. По центру городов прокладывались, как в Петербурге, брусчатые, а чаще деревянные мостовые. В Петербурге и Москве появились в конце XVIII в. первые водопроводы. Но это лишь для избранных. Все остальное население обеих столиц, а также других больших и малых городов страны пользовалось колодцами и близлежащими водоемами.

Городские власти стали больше внимания уделять личной гигиене горожан, здравоохранению. Во многих городах появились общественные бани. В Москве в конце XVIII в. их насчитывалось до 70. Но богатые горожане, как правило, располагали собственными банями.

В XVIII в. впервые в России открылись городские больницы. Медицинский персонал готовился в госпитальных школах и медико-хирургических училищах. К концу века в стране была создана единая система медицинских учреждений для населения. В каждом губернском городе должен был состоять на службе один доктор, а в уездных городах — один лекарь. Кое-где появились аптеки. Но их было ничтожно мало для обширной и многомиллионной страны.

Подобным же образом меняли свой облик и губернские города. Там тоже центр застраивался дворянскими и купеческими каменными особняками. Некоторые богатые купеческие дома, как в столицах, так и в провинциях, представляли собой настоящие усадьбы. В них находились магазины, принадлежащие владельцам домов. Такие особняки соперничали с богатыми дворянскими постройками. А подальше от центра появлялись дома зажиточных обывателей — одноэтажные или двухэтажные каменные здания. В моду у людей победнее входили дома с каменным первым этажом и деревянным верхним. Как правило, такие дома принадлежали средним торговцам, мелким дворянам, чиновникам.

И все же эти новшества были на поверхности. Стоило отступить несколько шагов в сторону от центра этих городов, и человека окружала совсем другая жизнь. Начинались унылые, грязные, неосвещенные и немощенные улицы с одноэтажными деревянными домиками, глядящими на прохожих подслеповатыми окнами. Даже в столичных и губернских городах по таким улицам бродили козы, свиньи, гуси. По утрам пастухи собирали стадо и выводили его в поле. Многие жители даже крупных городов занимались земледелием, в первую очередь огородничеством, держали скот, что давало дополнительные возможности для существования. Особенно это касалось мелких торговцев, бедных ремесленников, рабочих людей на мануфактурах.

Малые российские города были ближе к большим селам. Кроме двух-трех каменных зданий остальные дома оставались деревянными.

На городских окраинах находились рабочие бараки, где жили приехавшие рабочие люди местных мануфактур, разных мастеровой люд. Это были тесные, грязные, душные помещения с нарами вместо кроватей. В таком бараке в общем помещении порой жило несколько десятков человек. Здесь же обитали и семьи. Лишь позднее их стали выделять перегородками.

Под стать городским жилищам, образу жизни людей разных сословий находились их одежда и питание.

Одежда. Как известно, перемены в одежде пришли в Россию при Петре I. В течение всего XVIII в. западноевропейская мода, принятая дворянством и другими состоятельными слоями России, кроме духовенства и крестьянства, неукоснительно утверждалась в стране. Тон задавали, конечно, двор, придворные дамы и кавалеры, вельможи, их семьи.

С каждым годом возрастала роскошь и пышность модного платья. Богатые дворяне выписывали наряды из Парижа и Лондона, покупали у торговцев модной одеждой, заказывали у модных портных, в иностранных пошивочных мастерских. Крепостные мастера шили одежду для своих господ — небогатых дворян. Мужчины носили кафтаны, камзолы, короткие панталоны, длинные чулки и башмаки с пряжками. Головы украшались, как и на Западе, париками. Их обсыпали пудрой, мукой или толченым мелом. Но к концу века парики, как неудобные и непрактичные головные украшения, повсюду исчезли.

В это же время появились галстуки и фраки, жилеты всех цветов.

В качестве верхней одежды появились плащи, пальто, короткие куртки, в моду входили шинели. Трости и лорнеты дополняли облик знатного дворянина.

Женщины носили юбки в виде колокола, который ставился на специальный каркас из тростника или китового уса. Позднее появилась более легкая и эластичная основа — фижмы из конского волоса или мягкой проволоки. Вошли в моду и кринолины — еще более гибкие каркасы, придававшие юбкам округлую форму. К концу века эта мода, пришедшая также с Запада, меняется. Появляются гладкие, открытые легкие платья, стянутые под грудью. Такой наряд был совсем не впору для русского холодного климата, женщины мерзли, простужались, но терпели.

XVIII в. и для женщин стал временем париков, а позднее высоких причесок, которые сооружали при помощи подушечек и валиков. Чего только не взгромождали себе на голову модницы! Вплоть до макетов парусных судов и корзин с цветами! Дополняли женский наряд непременный веер, разного рода медальоны, легкие шарфы, косынки. Туфли, сшитые из тончайшей кожи, шелка, украшались богатыми пряжками с драгоценными камнями. Как и прежде, в ходу была косметика. В конце XVIII в. в России появились духи.

Верхняя женская одежда состояла из разнообразных пелерин, ротонд, теплых коротких шуб, мантилий на теплой подкладке, полупальто; дополняли верхнюю одежду непременные шляпы и перчатки, которые во время визитов не снимали.

Купечество, другие горожане носили одежду, естественно, проще: кафтаны, поддевки, рубахи, сапоги, шубы или полушубки. И совсем бедной была она у простолюдинов, рабочих — сермяжные грубошерстные кафтаны, порты, лапти и онучи, редко — сапоги, холщовые рубахи, суконные шапки. Зимой использовались нагольные полушубки. Основная часть российских горожан носила именно такую скромную, неприязательную одежду, которая должна была прикрыть тело, защитить от холода.

Еда. Питание у различных городских сословий также было очень разным.

Вельможи ели на дорогах немецких и французских фарфоровых сервизах. А наиболее богатые использовали посуду из золота и серебра.

Во второй половине XVIII в. в богатых дворянских, купеческих, чиновничьих домах в моду вошла французская кухня. Из-за границы выписывали иностранных поваров.

Перестали есть руками, за столом стали использовать салфетки. В обиход вошли ножи и вилки. Мясо больше не подавали на стол кусками. Его резали, мельчили, готовили в виде котлеты. В моду вошли салаты, гарниры. Российский словарь пополнился такими французскими словами, как суп, бульон, пюре, соус, фарш, паштет, рулет и др. Традиционным стало употребление чая и кофе.

Но русская кухня не исчезла. По-прежнему желанными были блюда из мяса, птицы, дичи, блины, пироги.

Иной была еда у простых горожан. Здесь тоже произошли значительные перемены. За столом больше не ели из общей миски. В домах также по-

явились вилка и нож. Но о французской кухне здесь не помышляли. На столе рядового горожанина обычной пищей были щи, каша. В зажиточных домах — блюда из говядины, пироги с мясом и яйцами, студень. Жареная птица. А в постные дни — рыбные блюда: уха, жареная рыба. Постепенно в обиход входит картофель.

Совсем другая еда была на столе простого люда. Это мучные, крупяные и овощные блюда. Самым распространенным напитком являлся квас.

Во второй половине XVIII в. в крупных городах зародились учреждения общественного питания западного типа: «ресторации», кофейни, кондитерские. Там порой собирались городские жители, близкие по своим интересам, общались, обменивались новостями. Для людей попроще существовали трактиры, пришедшие в XVIII в. из прежних времен.

Сельский быт. Но это вовсе не означало, что новшества захватывали всю страну. Как раз наоборот. Они лишь подчеркивали общую застойность, традиционность, бедность российской жизни.

Вне городской цивилизации оставалась огромная область российской жизни — село, деревня, сельское население. Здесь, как и в городах, ощущались большие перепады в условиях жизни, особенностях быта.

После указа о вольности дворянской и Жалованной грамоты дворянству, освобождавших дворян от обязательной государственной и военной службы, значительная часть дворян поселилась в своих поместьях, занялась хозяйством, стала устраивать свою сельскую жизнь.

Можно ли считать эту часть дворянства сельским населением? Несомненно. Они постоянно жили в деревне. Лишь наиболее богатые из них, имеющие дома в столицах, в губернских центрах, перебирались на зиму в города, вывозили туда свои семьи, привозили на балы своих дочерей-невест. Остальная же часть сельского дворянства постоянно жила в своих усадьбах.

Конечно же, между сельским дворянством, как и между городским, существовали большие различия. Одно дело — богатый помещик, владелец десятков тысяч крепостных душ. Эти богачи имели роскошные поместья с великолепными усадебными домами, построенными по проектам знаменитых архитекторов. Другое дело — мелкопоместный дворянин, обладающий полутора десятками крепостных. А между ними находились самые разнообразные категории, чье богатство, уровень жизни и уровень быта определялись количеством крепостных крестьян, размером земельных владений и предпринимательской деятельностью. И все же основная часть дворянства — это средней руки помещик, владелец сельской усадьбы. Такие дворяне не были отделены от крестьянской жизни непреодолимой стеной. Они постоянно общались с крестьянами по делам хозяйства, в их усадьбах жили дворовые люди, прислуга из тех же крестьян. Господа и слуги годами находились бок о бок, соприкасались с истоками одной и той же народной культуры, традициями, обычаями, поверьями, лечились у одних и тех же знахарей, пили те же настои и парились в бане теми же березовыми вениками. К тому же значительная часть, вроде фонвизинской Простаковой, была неграмотной или малограмотной. Сельские усадьбы таких

дворян составляли неотъемлемую принадлежность российской сельской жизни.

Как жили такие дворяне?

В центре усадьбы располагался господский дом в два-три этажа, а чаще — одноэтажный. Его вход был обращен в парк. Парк являлся гордостью хозяина. На его устройство он тратил большие деньги. До сих пор в России можно видеть остатки прекрасных сельских парков XVIII — первой половины XIX вв.

Около господского дома находились хозяйственные постройки, кладовые, конюшня, псарни, где держали собак для охраны и охоты, людские помещения для слуг, баня. В богатых усадьбах строили театры, где играли крепостные актеры, оранжерею. В каждой такой усадьбе непременно имелась церковь. В доме располагались зал, гостиная, где принимали гостей (отсюда и название). Были здесь, как и в городских особняках, диванная, кабинет, библиотека, будуар — дамская комната, столовая, буфетная — комната для хранения посуды, скатертей, салфеток. На втором этаже находились спальни.

Оборудование комнат, обивка стен, освещение комнат также напоминали городские особняки. Такая усадьба приносила городскую культуру в сельский быт.

Со временем некоторые из таких усадеб, принадлежавшие образованным и просвещенным дворянам, как, например, семейству историка Н. М. Карамзина, становились заметными культурными центрами. Здесь собирался культурный цвет округа, звучала музыка, обсуждались политические новости, просматривались последние журналы.

В большинстве же средних усадеб текла совсем другая, малоинтеллектуальная жизнь. Утром господа пили кофе со сливками, молились, потом занимались хозяйством: встречались с дворецким, ключником, деревенским старостой, обсуждали вопросы сева, сенокоса, уборки урожая, подсчитывали доходы и расходы, определяли барщинные работы, нормы оброчных денег с крестьян.

Потом чай, обедня в церкви и завтрак. На стол ставили закуски и неизменный самовар, который пришел в Россию из Австрии в конце XVIII в. За завтраком уже принимали гостей — соседей по уезду, местного священника. Потом господа гуляли до обеда, занимались всякой всячиной. За обедом — а это было во второй половине дня — собиралась вся семья. Здесь зачастую присутствовали гости. Потом наступал послеобеденный сон. По вечерам сидели в гостиной, играли в карты, в бильярд, вели долгие беседы. Ужина как такового не было. Все ограничивалось вечерним чаепитием. Ложились спать рано. Слуги обходили усадьбу, для охраны спускали с цепи собак. Дом затихал.

Охота, банные дни, поездки в гости или уездные города разнообразили монотонную деревенскую жизнь. Более состоятельные дворяне с первым снегом переезжали в город. Большинство же коротали зиму в деревне. Именно в такой однообразной, затхлой среде, где дворянские семьи жили на всем готовом, являлись полными господами над своими крепостными крестьянами, особенно дворовыми людьми, и рождались те безобразные

случаи унижения человеческой личности и издевательства над людьми, которые стали неотъемлемой чертой российского крепостничества.

Подавляющее большинство российского населения — крестьянство — последние новшества быта обходили стороной. Лишь небольшая часть крестьян выбивалась «в люди». Они строили в селах хорошие, чистые, с печами-голландками избы, пользовались новыми предметами быта (посуда, мебель), покупали добротную одежду и обувь, разнообразили стол. Однако миллионы крестьян — и свободных, и крепостных — жили по старинке. Они подчинялись законам стародавней сельской общины. С утра до вечера работали либо на господской земле, либо на своих десятинах, уходили с котомками в отход на заработки. Их избы, как и в старину, топились по-черному, окна в них закрывались слюдяными оконцами, а зачастую просто задвигались в холодное время суток досками. Лишь во второй половине века в крестьянских домах Центральной России появились деревянные полы, потолки, печи начали топить по-белому, дым выходил на волю через дымовую трубу. Но вдоль стен стояли по-прежнему лавки, семья собиралась вокруг общего стола и хлебала пищу из общей миски деревянными ложками поочередно по сигналу отца. По-прежнему в красном углу висела икона. Спали в таком доме на лавках или на полатах. Зимой в избу помещали молодняк скота, и тогда здесь становилось совсем тесно.

Традиционным питанием крестьян средней полосы России, а также тех народов, которые уже давно связали свою судьбу с Россией и ее хозяйством, были щи, каши (гречневая, овсяная, просыная), хлеб, осенью и зимой, когда забивался скот, на столе появлялось и мясо. Свое хозяйство давало яйца, молоко и молочные продукты. В праздники на крестьянском столе появлялись жареное мясо и птица, пироги, блины. Домашние брага, пиво, медовуха разнообразили стол. Крестьяне много работали. Поэтому их питание было хотя и простым, незамысловатым, но достаточно калорийным. Помогали и дары природы — ягоды, грибы. Многие охотились на зверя и птицу, ловили рыбу. Часты были неурожаи, голодовки, крестьянские села и деревни порой выгорали из-за неосторожного обращения с печным отоплением, с лучинами, которыми по-прежнему освещались дома. В случае пожаров и неурожаев помещики обязаны были помогать своим крестьянам. Давали им ссуды, предоставляли скот, помогали в стройке. За это крестьяне либо отработывали свой долг, либо возвращали его.

По праздникам пьяный угар охватывал села и деревни. В эти дни крестьяне забывались, расслаблялись от тяжелого повседневного труда. Много несчастий, увечий, пьяных драк происходило в эти дни в русских селах.

Одевались крестьяне, как и в старину, в холщовые рубахи и порты, зипуны, на ногах носили лапти и онучи, зимой пользовались кто победнее — сермягами, кто побогаче — овчинными полушубками, а также шапками, рукавицами.

Если в городах появились какие-то начала здравоохранения, приступили к работе доктора, лекари, открылись больницы, то на селе ничего этого не было. Лечились травами, настоями, слушались советов знахарей

и знахарок. Частые эпидемии уносили немало крестьянских жизней. Высока была детская смертность, особенно малолетних детей.

Особый разговор о быте многочисленных народов России. У каждого из них сохранялись свои обычаи, традиции в жилищах, одежде, еде. Но общие для всей России перемены властно вторгались в жизнь и поволжских, и сибирских, и северных народов.

Россия стояла на пороге новых перемен и свершений.

§ 7. Тревожное окончание века

Личность Павла I. Осенью 1796 г. у 67-летней Екатерины II случился легкий приступ, предвестник инсульта. Здоровье престарелой императрицы пошатнулось. К этому времени многое для России уже было позади. Постарели и умерли «екатерининские орлы». Армия и гвардия наслаждались своими славой и победами. Дисциплина в гвардейских полках ослабла. Порой офицер сопровождал свою часть на развод караула сидя в карете. В казармах процветали кутежи, карточные игры. Дворянство, облагодетельствованное «матушкой Екатериной», также пожинало плоды своих вольностей и свобод. Чиновничество потихоньку разлагалось, все меньше работало, все больше злоупотребляло своим положением: взяточничество, казалось, достигло предела. Молодые фавориты Екатерины, и среди них последний из ее любимцев князь Платон Zubov, бессовестно разворовывали страну, беззащитно устраивали свои личные дела.

Наследник престола 42-летний Павел Петрович (1754—1801) смотрел на все это с нескрываемой ненавистью и презрением. Между ним и матерью давно уже пролегла вражда. Павел считал Екатерину убийцей отца и узурпатором престола. Екатерина смотрела на сына как на соперника, боялась и ненавидела его.

Павел по натуре был любознательным, живым, щедрым, веселым, остроумным человеком. Он высоко ставил нравственные принципы, добродетель и честь. Но одновременно в его характере проявлялись вспыльчивость, своенравие, упрямство. Он был хорошо образован, его воспитателем являлся просвещенный вельможа Н. И. Панин. Молодым человеком Павел много путешествовал по Европе. Идеалы французских просветителей увлекали его. Он сочувствовал польским повстанцам 1793 г. и с уважением высказывался о повстанческом вожде Костюшко. Павел наслаждался комедиями Фонвизина, поклонялся мыслям о самоценности человека, о свободе как первом и главном человеческом сокровище.

Но время шло. Пылкий, деятельный молодой человек, отодвинутый матерью от всех государственных дел, оскорбляемый ее фаворитами, постепенно терял свои прекрасные черты. Напротив, отрицательные свойства его характера выступали все более выпукло. Он становился нервным, нетерпимым, подозрительным. Его обуревали обиды. В душе зрели планы расправы со своими недоброжелателями, в случае если когда-нибудь ему достанется трон.

В своей резиденции в Гатчине под Петербургом он организовал обособленную от большого двора жизнь. Здесь был свой уклад. Своя небольшая дисциплинированная армия, которая копировала прусские порядки

с их четкостью, внешней стороной службы, парадами, построениями. Там он наслаждался порядком в беспорядочной российской империи, был хозяином, сам набирал кадры, возвышал и назначал офицеров, требовал от них неукоснительной службы, рвения, честности. Екатерина не вмешивалась в эту его гатчинскую жизнь.

Трагедией для Павла стали отношения с сыновьями. Екатерина рано отняла у него старшего Александра и второго — Константина, взяла их под свою опеку и на воспитание. Она стремилась настроить их против отца. И мальчики, а потом юноши разрывались между бабкой и отцом. Постепенно между будущим наследником престола Александром Павловичем и Павлом возникало непонимание, отчужденность, а позднее — подозрительность и ненависть. Эти чувства обострились в связи с тем, что Екатерина II вынашивала планы сделать наследником своей власти не сына, а внука. Оба они знали об этих планах своевольной Екатерины, что еще более осложняло отношения между отцом и сыном.

Между реформами и сумасбродством. Едва Павел получил известие о том, что Екатерина II без сознания, он тут же вместе со своими гатчинскими офицерами явился во дворец. Все бумаги Екатерины были опечатаны. Возможно, среди них оказалось и завещание императрицы в пользу внука. Повсюду распоряжались гатчинцы. Ближайшие помощники Екатерины были отставлены от дел, последнего фаворита Платона Зубова, по существу, изолировали. Рядом с отцом находился подавленный и испуганный Александр Павлович.

Все указывало на то, что крутых перемен России не избежать. И действительно, сразу же после смерти матери Павел I предпринял ряд реформ во внутренней жизни страны.

Новый император начал свое правление упоенный иллюзиями, что он сможет искоренить зло екатерининских времен, навести порядок в разлагающейся стране, заставить служить обленившееся, циничное дворянство отечеству, подтянуть дисциплину в армии, поднять на государственный пьедестал честь и добродетель. Цели были прекрасные. Но осуществлять их стал нетерпеливый, нервный, нетерпимый человек, который хотел добиться всего сразу и быстро.

Прежде всего Павел I даровал прощение тем видным общественным деятелям, которые оказались при Екатерине за решеткой. Возвращен был из ссылки Радищев, выпущен на свободу Новиков. Новый император осудил разделы Польши, оказал знаки уважения плененным польским повстанцам. Костюшко разрешили уехать из России. Казалось, что Павел I возвращается к своим свободолюбивым идеалам юности. Но это оказалось не вполне так. То был больше протест против политики матери, хотя прежние идеалы в нем не померкли. Вскоре новые заключенные пошли по этапу в Сибирь. Под домашний арест попали видные чиновники, бывшие фавориты. Повсюду ключевые позиции занимали гатчинцы. Цензуру ужесточили, частные типографии запретили, стало преследоваться все французское как следствие революционной скверны — и не только книги и журналы, но и моды. Специальным указом Павел запретил ношение круглых французских шляп, жабо, жилетов, фраков, башмаков с пряжками. Были

разрешены лишь треуголки, немецкие камзолы и ботфорты. В ход пошло все прусское — надежное, проверенное. На балах запрещалось танцевать вальс. Все военные обязаны были появляться даже на вечерах и в салонах в мундирах.

Павел I объявил, что в стране не должно быть никаких «врожденных привилегий» и потребовал от всех дворян безупречного служения отечеству.

В этих требованиях было немало правильного, но выглядели они как деспотический нажим на общество. Своими действиями Павел I, по существу, отменил многие пункты Жалованной грамоты дворянству. Он даже разрешил применять к дворянам телесные наказания.

Он заставил чиновников по часам ходить на работу и установил, что рабочий день в учреждениях начинался в 6 часов утра, а в 10 часов вечера город должен отходить ко сну. Сам он подавал пример и ранним утром уже работал в своем кабинете. Гвардейских офицеров император принудил вернуться к своим прямым обязанностям — исполнять службу, проводить учения с солдатами. В пример им он ставил свою «гатчинскую армию», чем безмерно оскорблял гвардейцев. За нерадивость и расхлябанность, грубое и дурное обращение с солдатами он самолично срывал эполеты с офицеров и даже генералов и отправлял их в Сибирь. Особенно Павел I преследовал воровство и казнокрадство в армии. Его ближайший помощник граф Алексей Андреевич Аракчеев безжалостно осуществлял в армии эту линию монарха, невзирая на чины и звания. Каждый солдат при Павле I был хорошо обмундирован, хотя на него и надели неудобный прусский мундир, хорошо накормлен, жил в чистой и опрятной казарме. Уже после смерти Павла I солдаты добром вспоминали его время.

Павел I не раз говорил о пагубности для России крепостного права, и его политика показывала, что впервые в истории страны монарх пошел на некоторые ограничения этого народного бедствия. Но действовал он здесь осторожно. Понимал, что резкие шаги могут взорвать империю. Поначалу он отменил объявленный Екатериной II очередной рекрутский набор, снял недоимки по подушной подати, разрешил крестьянам подавать жалобы на своих господ. Крестьяне, в том числе и крепостные, получили право присягать новому императору. В 1797 г. вышел указ о запрещении продавать дворовых людей и крепостных крестьян без земли, а на следующий год вышел запрет продавать без земли и крестьян на Украине.

5 апреля 1797 г. Павлом I подписан Манифест, запрещавший помещикам принуждать крестьян к работе в праздничные дни и установивший, что лишь три дня в неделю помещик может использовать крестьян на барщинных работах. По существу, все эти меры означали одно: начало государственной политики по раскрепощению крестьян в России.

Это вызвало резкое недовольство среди дворян, которые сразу же стали саботировать Манифест и продолжали гнать крестьян на барщину свыше трех дней в неделю.

Но одновременно, продолжая старую линию, Павел I раздаривал своим фаворитам новые сотни тысяч крестьянских душ, позволил заводчикам из купцов покупать крестьян для своих предприятий.

Внешняя политика Павла I. Столь же импульсивной, непоследовательной оказалась и внешняя политика Павла I.

Перемена власти в России совпала с крупными изменениями на европейском континенте. Революционная волна во Франции пошла на убыль. К власти пробилась крупная французская буржуазия. Якобинцы были разгромлены. Но ореол победоносной революционной страны, сокрушавшей отсталые феодальные монархии в Европе, остался. Однако теперь новые правящие круги во Франции уже меньше всего думали о революционных переменах в Европе. Их больше заботили завоевание новых земель, утверждение влияния французской буржуазии на континенте.

Во главе французской армии встал молодой талантливый генерал Наполеон Бонапарт. Под его водительством французские войска шли от одной победы к другой.

Против французской агрессии формируется мощная коалиция в составе Англии, основной экономической соперницы Франции на континенте, Австрии, Турции. Павел I, возмущенный тем, что французы поправили не только монархические порядки в своей стране, но и нарушили границы многих европейских государств, принял решение вступить в антифранцузский союз и направить в Европу русские войска, а в Средиземное море — русский флот. По просьбе Австрии во главе армии был поставлен А. В. Суворов, которому шел уже 70-й год. К этому времени престарелый полководец жил в своем имении под негласным надзором полиции. Дело в том, что его дочь была замужем за одним из братьев Зубовых. Суворов тем самым приходился родственником бывшему фавориту Екатерины Платону Зубову. Павел не доверял Суворову, боялся его популярности в армии. Но делать было нечего: Европа надеялась на знаменитого полководца, и Павел уступил. На прощальной аудиенции он кратко сказал Суворову: «Веди войну по-своему, как умешь». Во главе флота Павел I поставил Ф. Ф. Ушакова. Ни тот, ни другой в своей боевой карьере не проиграли ни одного сражения.

В 1798 г. Суворов прибыл в Вену, затем — в Северную Италию, в Верону, и принял командование объединенными русско-австрийскими войсками. Тут же, реформируя армию, он повел ее в наступление.

На реке Адд произошло первое столкновение суворовской армии с французами. Во главе авангарда шел неустрашимый и пылкий генерал Петр Иванович Багратион. В двухдневном сражении французы были разбиты. Суворов захватил Милан. Французское правительство срочно прислало в Италию подкрепление и назначило нового командующего здешними силами генерала Моро. Но и ему не удалось остановить Суворова. Он взял Турин, другие крупные города. Значительная часть Северной Италии оказалась очищенной от французов. Однако австрийцы начали мешать Суворову: их главная цель заключалась только в том, чтобы вернуть себе власть в Северной Италии, подавить здесь движение итальянских революционеров, которые, опираясь на французские войска, стремились освободиться от австрийского гнета. А затем уже австрийцы хотели убрать русские войска из этого района.

Французы подтягивали сюда все новые силы. С юга спешил на помощь Моро прославленный генерал Макдональд. Но Суворов не дал им соединиться, выступил навстречу Макдональду, стремительным маршем прошел за сутки 50 км и обрушился на французов. В жесточайшей битве при Тидоне они вновь были разгромлены и отступили к реке Треббия. Там Макдональд собрал главные силы. Однако двухдневный бой закончился и здесь блестящей победой союзных войск. Французский полководец увел оставшуюся часть своей армии с поля боя. Моро так и не пришел на выручку, так как его блокировал другой суворовский корпус. Из Парижа в Италию прислали молодого талантливого генерала Жубера. В начале августа 1799 г. он дал Суворову генеральное сражение около г. Нови. 15 часов длился бой. Генерал Жубер был убит. Победа была достигнута сочетанием быстрых фланговых ударов и обходного маневра. В этом сражении отличились Багратион, Михаил Андреевич Милорадович и другие русские командиры — ученики Суворова, будущие герои Отечественной войны 1812 г.

Теперь вся Северная Италия была очищена от французов. И тут обеспокоенные австрийцы предлагают Суворову осуществить переход в Швейцарию, где объединенные русско-австрийские войска громил знаменитый французский генерал Массена.

Начался знаменитый швейцарский поход Суворова. Сбивая авангарды неприятеля, русская армия прошла сквозь Альпы, овладела перевалом Сен-Готард. На пути находился Чертов мост — узкий пролет над непроходимой пропастью. Французы разрушили его и взяли под прицел это место. Казалось, путь закрыт. Но Суворов послал в обход французских позиций по непроходимым горным кручам отряд Багратиона, а когда тот обрушился на французов с тыла, повел русскую армию в лобовую атаку. По связанным бревнам русские перешли ущелье. Французы бежали.

Преодолев Альпы, русская армия вышла в Муттенскую долину, где их ждала многочисленная и свежая французская армия. В двух ожесточенных сражениях измотанная, обескровленная русская армия взяла вверх. В последнем сражении с Массеной Суворов инсценировал отступление русских передовых полков, заманив французов в ловушку, а потом скомандовал: «Вперед, братцы!» Массена панически бежал.

Австрийцы бросили армию Суворова на произвол судьбы, срывали снабжение русских продовольствием. Возмущенный их корыстными и предательскими действиями, Павел I наконец отозвал Суворова и русские войска на родину. Закончился беспримерный, героический поход, принесший славу русскому оружию. Суворов так и остался непобежденным.

За блестящие успехи русской армии в Италии и Швейцарии великий полководец получил титул князя Итальянского и звание генералиссимуса. Однако Павел встретил его сдержанно и отменил его торжественный въезд в столицу. В 1800 г. прославленный полководец умер в своем имении Кончанское.

Одновременно на помощь Турции в Средиземное море Павел I направил русский флот под командованием Ушакова. Осенью 1798 г. объединенная русско-турецкая эскадра, пройдя Дарданеллы, появляется око-

ло Ионических островов, протянувшихся вдоль западного берега Балканского полуострова и захваченных французами. Центром этих островов являлся остров Корфу.

Переговоры с французами не дали результата. И тогда Ушаков начал свои боевые операции: под прикрытием корабельной артиллерии он уже в первом бою предпринял высадку морского десанта и штурм укреплений противника. Французы оказались не готовы к этой тактике и стали сдавать острова один за другим.

Но Корфу представлял собой совсем иную крепость. Скалистые берега, уступы гор были защищены крепостными сооружениями. Там располагалась сильная артиллерия. В скалах французские инженеры высекли казематы, соединенные ходами. Три форта защищали крепость с низовой стороны. На Корфу находилось более 600 орудий и большой гарнизон. К тому же неподалеку стоял французский флот. Все это должен был учитывать Ушаков.

Поначалу русский флотоводец блокировал остров с моря и огнем артиллерии отогнал французские боевые корабли. Затем на берег высадился десант. Русские устроили здесь пункты базирования и начали наращивать свои силы. Появились здесь и снятые с кораблей орудия.

Три месяца продолжалась осада Корфу. Но вначале он решил овладеть соседним островом Видо — «ключом к Корфу». Артиллерийский удар с моря и решительные действия десанта сделали свое дело. Французы стали одну за другой сдавать свои позиции. Скоро Видо был в руках Ушакова. Теперь все свои силы он обрушил на Корфу. Передовые отряды русских моряков уже завязали бой на подступах к крепости, когда из французского стана появились парламентареры. Корфу сдавался. Все Ионические острова оказались освобождены от захватчиков. Это был первый случай в мировой истории, когда флот осуществил столь крупную операцию по овладению береговыми городами. Греческое население восторженно встречало русских моряков. Ф. Ф. Ушаков осуществил на островах крупные политические перемены. Там было образовано республиканское устройство, появилось собрание представителей местного населения, разработана конституция. По существу, абсолютистская Россия способствовала появлению первого в Новое время конституционного республиканского греческого государства.

Вслед за этим Ушаков направился к берегам Италии, где сражался Суворов. Русский десант быстро освободил от французов все прибрежные города. Пал Неаполь. Русские моряки вступили в Рим.

Но эти блестящие успехи оказались на руку лишь Австрии. Интриги союзников — Австрии и Англии — привели к тому, что Павел I вывел Россию из антифранцузской коалиции. Он с восторгом наблюдал, как Бонапарт наводит милый его сердцу порядок во взбудораженной Франции.

Переворот 1801 г. В последние месяцы XVIII в. ситуация в Петербурге чрезвычайно обострилась. Павел I, чувствуя скрытое сопротивление знати, повсюду искал врагов, заговорщиков. Он без конца менял своих ближайших помощников. Яростные вспышки его гнева, порой по пустячным по-

водам, испытывали на себе многие из его сподвижников. В результате он все чаще и чаще оказывался одиноким, непонятым.

Постепенно оппозиционные Павлу I силы ищут контакты друг с другом, устанавливают связи, формируется тайное общественное мнение. К тому же явное недовольство среди влиятельных кругов в России вызвал резкий поворот во внешней политике страны. Павел I начинает сближение с Францией и осуществляет подготовку войны с Англией. Основным удар своей бывшей вероломной союзнице Павел I решает нанести в Индии. Туда из Оренбурга направляется русский корпус. Эта весть вызвала переполох в Лондоне. Там уже привыкли к победам русского оружия, и возможность потерять Индию, свою богатейшую колонию, ужаснула британский кабинет. В Петербург, к английскому послу в России пошли тайные инструкции с приказом помочь всем враждебным Павлу I силам. Английский посол постепенно, благодаря своим личным связям среди петербургской элиты, становится в центр заговора против императора. В другой такой центр превращается ближайшее окружение наследника престола — Александра Павловича.

На рубеже XVIII—XIX вв. Александру исполнилось 23 года. Это был высокий, стройный красивый молодой человек с белокурыми волосами и прекрасными голубыми глазами. Его отличали прекрасное воспитание и блестящее образование. Он свободно владел тремя европейскими языками и впоследствии в Берлине, Париже и Лондоне обходился без переводчика. Екатерина II воспитала любимого внука в гуманистическом просветительском духе. К тому же его наставником стал швейцарец Фредерик Сезар де Лагарп, республиканец по своим настроениям, последователь французских просветителей. Он привил своему ученику уважение к свободе личности, терпимость к человеческим слабостям и ошибкам, уверил его, что конституционный строй — благо для страны, а крепостное право — зло.

Одновременно Александр воспитывался как будущий абсолютный монарх огромной империи, чье мнение никем и нигде не может быть оспорено. Он рос среди дворцовых интриг, борьбы отца и матери, что сделало его скрытным, осторожным.

С каждым месяцем отношения между Павлом I и наследником обострялись. Павел не доверял уже никому в своей семье. Он даже предполагал сослать жену в Холмогоры, а сыновей Александра и Константина заточить в крепость.

Одновременно вокруг братьев Зубовых спланируется часть гвардейского офицерства. В заговор вовлекается генерал-губернатор Петербурга граф Пален, другие вельможи.

Вечером 11 марта 1801 г. в квартире полковника Преображенского полка собрались заговорщики. Было решено ночью захватить Михайловский замок, новую резиденцию Павла I, и заставить его отречься от престола в пользу сына.

В назначенный час, после полуночи, батальоны Семеновского и Преображенского полков двинулись на Михайловский замок. Часовой остановил группу военных, предводительствуемых последним фаворитом Екатерины II князем Платоном Зубовым, генералом Леонтием Леонтьевичем

Беннигсеном и адъютантом Павлом Аргамаковым. На вопрос, куда и зачем направляются в столь поздний час высокопоставленные особы, Беннигсен ответил ему: «Замолчи, несчастный, ты видишь, куда мы идем». Напуганный часовой пропустил заговорщиков. Теперь надо было миновать комнату камердинера. Увидев вооруженных военных, камердинер исчез. Лишь один из караульных гусар попытался сопротивляться, закричал: «Измена!» — и тут же получил сабельный удар по голове. Но его крик предупредил императора, и когда заговорщики ворвались в спальню, то не нашли там Павла. И лишь в результате тщательного обыска они обнаружили трепещущего императора за панелью одной из ширм.

Граф Николай Zubov, брат Платона, объявил Павлу, что он арестован по приказу императора Александра, Павлу зачитали акт отречения, и, когда он начал обличать заговорщиков в неблагодарности, они бросились на него с кулаками. Николай Zubov переломил императору правую руку. Ему плевали в лицо, таскали за волосы по полу, избивали. Затем Аргамаков снял свой шарф и набросил на шею Павла. Скоро все было кончено. Совершился последний дворцовый переворот в России.

Началась эпоха правления Александра I.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	
РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ — ОРГАНИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	3
Раздел I. ДРЕВНЯЯ РУСЬ	
Глава 1. ПРЕДЫСТОРИЯ НАРОДОВ РОССИИ	9
§ 1. Появление человека на территории Восточной Европы	9
§ 2. Неандертальцы. Современные люди	11
§ 3. Послеледниковый период	13
§ 4. Неолитическая революция	14
§ 5. Производящее хозяйство	15
§ 6. Конец былого равенства людей	17
§ 7. Индоевропейцы и первый «раздел Европы»	18
§ 8. Расселение индоевропейцев	20
Глава 2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛАВЯН. ИХ СОСЕДИ И ВРАГИ	22
§ 1. Место славян среди индоевропейцев	22
§ 2. Первые нашествия	23
§ 3. Греческие колонии и скифы	23
§ 4. Появление восточного славянства и новые враги	24
§ 5. Другие народы на территории России в глубокой древности	25
§ 6. Великое переселение народов и Восточная Европа	26
§ 7. Анты и первое восточнославянское государство	27
§ 8. Славянский вождь Кий. Основание Киева	29
§ 9. Борьба с аварами и хазарами. Болгары	30
Глава 3. ДРЕВНЯЯ РУСЬ	32
§ 1. Восточнославянские племена VIII—IX вв.	32
§ 2. Появление государства у восточных славян	38
§ 3. Первые русские князья	44
§ 4. Правление Святослава	50
§ 5. Русь во времена Владимира Святославича	54
Глава 4. ЭПОХА ЯРОСЛАВА МУДРОГО	62
§ 1. Основные черты русской истории к началу XI в.	62
§ 2. Вторая междоусобица на Руси. Борис и Глеб — князья-мученики	67
§ 3. Борьба Ярослава с Мстиславом Тмутараканским и новое объединение Руси	71
§ 4. Расцвет Руси при Ярославе Мудром	73
§ 5. Церковь и религия при Ярославе. Митрополит Иларион. Печерские святители	77
§ 6. Государственная власть. Становление раннефеодальных отношений. Города. Торговля. Армия	82
§ 7. От языческих мятежей к социальному протесту	91

Глава 5. РУСЬ НА ПЕРЕПУТЬЕ	95
§ 1. Междоусобица на Руси в 70-е гг. XI в.	95
§ 2. Мятеж Олега Гориславича и новая распря	98
§ 3. Начало военной деятельности Владимира Мономаха	99
§ 4. Трагедия 1096—1097 гг.	103
§ 5. Крестовый поход в степь 1111 г.	107
§ 6. Восстание 1113 г. и эпоха Владимира Мономаха	110
Глава 6. ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАСПАД РУСИ	115
§ 1. Смерть Мстислава Великого и начало очередной смуты	115
§ 2. Начало политической раздробленности Руси	116
Глава 7. ОБРАЗОВАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РУСИ КНЯЖЕСТВ-ГОСУДАРСТВ	120
§ 1. Киевское княжество	120
§ 2. Черниговское и Северское княжества	122
§ 3. Галицко-Волынское княжество	124
§ 4. «Господин Великий Новгород»	127
§ 5. Владимиро-Суздальское княжество	130
Глава 8. КУЛЬТУРА РУСИ X — НАЧАЛА XIII в.	137
Глава 9. НАЧАЛО МОНГОЛО-ТАТАРСКОГО ВТОРЖЕНИЯ НА РУСЬ	152
§ 1. Рождение монгольской державы	152
§ 2. Завоевания монголов	154
Раздел II. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРИОД	
Глава 1. ОРДЫНСКОЕ ВЛАДЫЧЕСТВО	158
§ 1. Батыево нашествие на Русь. Оборона Рязани.	158
§ 2. Завоевание остальной Руси	159
Глава 2. БОРЬБА РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ.	163
§ 1. Татаро-монгольское иго	163
§ 2. Натиск врагов на северо-западе. Первые схватки с крестоносцами и литовцами	165
§ 3. Александр Невский	166
§ 4. Ледовое побоище	168
§ 5. Возрождение Руси. Русь и Золотая Орда при Александре Невском	170
§ 6. Великие «малые дела»	174
§ 7. Возвышение новых русских центров.	179
Глава 8. ВОЗВЫШЕНИЕ МОСКВЫ	183
§ 1. Схватка Твери и Москвы за первенство	183
§ 2. Возвышение Москвы. Иван Калита	185
§ 3. Вильно или Москва?	187
§ 4. Начало борьбы с Ордой. Куликовская битва	190
Глава 4. МОСКВА БЕРЕТ ВЕРХ	199
§ 1. В борьбе за единство и независимость	199
§ 2. Роль православной церкви в объединении Руси	202
§ 3. Феодалная война середины XIV в.	203

Глава 5. ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА	209
§ 1. Иван III — государь всея Руси	209
§ 2. Освобождение от ордынского ига	212
§ 3. Централизация государственной власти. Формирование государства по евразийской модели	213
§ 4. Выход Руси на международную арену	217
§ 5. Формирование многонационального государства	219
§ 6. Хозяйство и люди	221
§ 7. Государство и церковь	224
§ 8. Культура и быт XIV—XV вв.	226
Глава 6. РОССИЯ В XVI в.	236
§ 1. Правление Василия III	236
§ 2. Борьба боярских группировок за власть	238
§ 3. Реформы Избранной рады	242
§ 4. Внешняя политика Ивана IV. Превращение России в евразийскую державу	246
§ 5. Опричнина. От централизации к феодальной диктатуре	253
§ 6. Присоединение Сибири	258
§ 7. Кризис власти. Конец династии Рюриковичей	261
§ 8. Новые явления в русской культуре в XVI в.	263
§ 9. Борис Годунов — первый выбранный монарх России	266
Глава 7. РОССИЯ В ПЕРИОД СМУТЫ	274
§ 1. Великий голод и начало Смуты	274
§ 2. Триумф и трагедия Лжедмитрия	277
§ 3. Кризис государства и общества в России	281
§ 4. Спасители Отечества и путь к абсолютной монархии	290
Глава 8. РОССИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.	300
§ 1. Умиротворение страны и возрождение самодержавия	300
§ 2. Налаживание мирной жизни	303
§ 3. От обороны к наступлению	310
Раздел III. РОССИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ	
Глава 1. НОВЫЕ ЧЕРТЫ СТАРОЙ РОССИИ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII в.	316
§ 1. Начало правления Алексея Михайловича	316
§ 2. Рост социального напряжения в стране	316
§ 3. Уложение 1649 г.	318
§ 4. Развитие хозяйства	321
§ 5. Внешняя политика правительства второго Романова	325
§ 6. Присоединение Украины к России	327
§ 7. Внутреннее положение России в последние годы правления Алексея Михайловича	332
§ 8. Реформа церкви и раскол	340
§ 9. Усиление царской власти	343
Глава 2. РОССИЯ НАКАНУНЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ	349
§ 1. Правление Федора Алексеевича	349
§ 2. Регентство царевны Софьи и приход к власти Петра I	354

§ 3. Неславянские народы России в XVII в.	362
§ 4. Окончательное присоединение Сибири.	365
§ 5. Культура и быт России в XVII в.	368
Глава 3. ЭПОХА ПЕТРА I	378
§ 1. Первые годы правления	378
§ 2. Начало Северной войны	387
§ 3. Превращение России в великую державу	391
§ 4. Реформы Петра I	400
§ 5. Реформы в области культуры, науки, образования	414
§ 6. Противники Петра	421
§ 7. Последние годы жизни Петра I	431
Глава 4. ЭПОХА ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ	435
§ 1. Россия при пресмниках Петра I.	435
§ 2. Правление Елизаветы Петровны и стабилизация страны.	451
§ 3. Петр III и новая попытка европеизации страны	463
Глава 5. РОССИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.	467
§ 1. Первые годы правления Екатерины II.	467
§ 2. Расцвет дворянской империи	474
§ 3. Внешняя политика России во второй половине XVIII в.	486
§ 4. Экономика и население России во второй половине XVIII в.	496
§ 5. Культура России во второй половине XVIII в.	509
§ 6. Российский быт	522
§ 7. Тревожное окончание века	529

ИСТОРИЯ РОССИИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

УЧЕБНИК

ТОМ I

Том первый учебника написан с учетом современного научного подхода к изучению истории России и последних исследований исторической науки. Раскрыты вопросы социально-экономического и государственно-политического развития страны, освещены основные проблемы отечественной истории, разработана авторская концепция их изучения и разрешения. Материал изложен ярким, выразительным литературным языком, с учетом хронологии и научной интерпретации, что во многом объясняет его доступность для широкого круга читателей. Учебник соответствует государственным образовательным стандартам высшего профессионального образования Российской Федерации.

Для абитуриентов, студентов, преподавателей, а также всех интересующихся отечественной историей.

• ПРОСПЕКТ •

Издательство «ПРОСПЕКТ»
111020, Москва, ул. Боровая, д. 7, стр. 4
(495) 967-1572
e-mail: mail@prospekt.org
www.prospekt.org